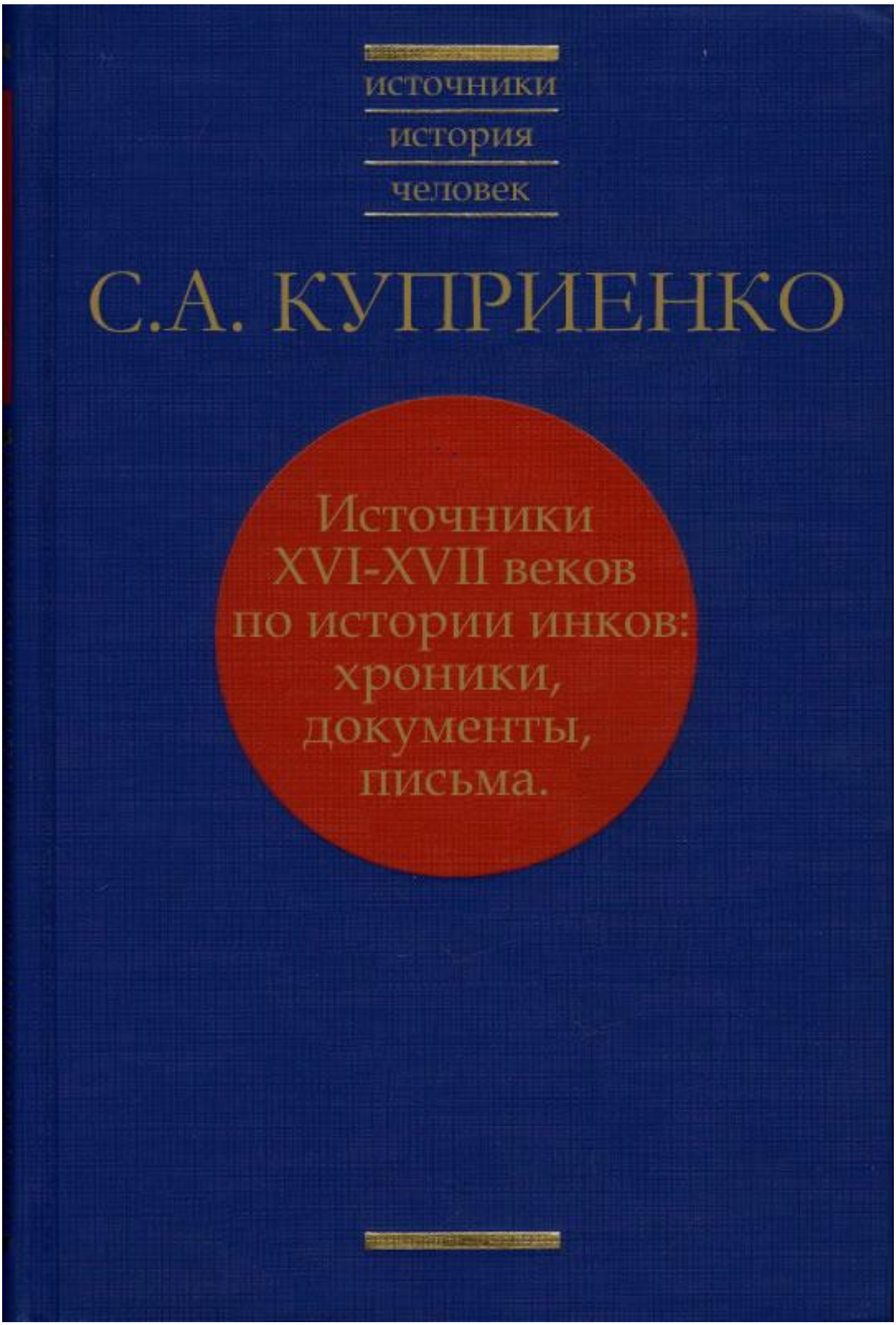

источники
история
человек
С.А. КУПРИЕНКО
Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма.

УДК 94(399.7)(093) **ISBN 978-617-7085-03-3**

С. А. Купрієнко

Джерела XVI–XVII століть з історії інків: хроніки, документи, листи

(російською мовою)

С. А. Куприенко

Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма

© С. А. Купрієнко, редагування, переклад, передмова, коментарі, 2009–2013
© О. Дьяконов, редагування, коментарі, 2010
© В. М. Талах, редагування, коментарі, 2013
© Видавець Купрієнко С. А., 2013

КИЇВ
ВИДАВЕЦЬ КУПРІЄНКО С. А.
2013

УДК 94(399.7)(093)
ББК Т3(7)212
ГРНТИ 03.09.25

Самостійне детерміноване мережне електронне
Наукове видання

Редактор та упорядник
С. А. Купрієнко

Переклад з іспанської та англійської мови
С. А. Купрієнко

Куприенко С. А.
Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / ред. и пер. Сергей Анатольевич Куприенко. — К. : Видавець Купрієнко С.А., 2013. — 418 с.

ISBN 978-617-7085-03-3

Детектив величиною с континент. Именно так можно охарактеризовать эпоху завоевания Нового света европейцами, и прочесть этот «детектив» помогут документы, включенные в данное издание украинским историком и переводчиком С. А. Куприенко.

В книгу вошли впервые публикуемые на русском языке источники XVI-XVII веков по истории инков, в которых отражены все стороны жизни индейцев, даны описания различных индейских обществ, входивших состав могущественной империи инков, а также их обычаев, нравов, традиций, военного дела. Одновременно из книги можно почерпнуть сведения о политической, социально-экономической и культурной истории империи инков.

Источники поданы в книге в хронологическом порядке: это позволит понять логику конкисты, степень проникновения европейцев в индейский мир и обратного влияния «индейского» на представителей Старого Света.

В качестве приложений используюся «Родословная инков по Сарьменто де Гамбоа», «Схема исторического (нарративного) кипу согласно сведениям хрониста Антонио де ла Каланчи», «Юпана инков: вычисление священного числа 5 в песне Сумак Ньюста», «Схематическая реконструкция вычисления священного числа 64 в песне Пачамама с помощью капак-кипу и юпаны инков (на основе книги "Exsul Immeritus Blas Valera Populo Suo")», «Список вице-королей Перу в XVI-XVII веках», «Испанско-русский словарь средневековой лексики, извлечённой из испанских хроник Нового Света (Америки) XV, XVI, XVII веков».

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей исторических факультетов высших учебных заведений, а также всех тех, кто интересуется историей центральноандского района Южной Америки (Аргентина, Боливия, Перу, Чили, Эквадор), эпохой Великих географических открытий, завоеванием Нового Света и доколумбовыми цивилизациями, в частности инками и другими менее известными народами.

УДК 94(399.7)(093)
ББК Т3(7)212

Копіювання, розповсюдження та продаж даної книги або її частин без офіційного письмового дозволу автора перекладу та видавця заборонені.

Копирование, распространение и продажа данной книги или ее частей без официального письменного разрешения авторов, переводчиков и издательства запрещены.

ISBN 978-617-7085-03-3

© С. А. Купрієнко, редагування, переклад, передмова, коментарі, 2009–2013
© О. Дьяконов, редагування, коментарі, 2010
© В. М. Талах, редагування, коментарі, 2013
© Видавець Купрієнко С. А., 2013

Содержание

К читателю 8

Хуан де Саманос. Доклад о первых открытиях Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, 1526. 11

Официальный текст "Требования", переданного Франсиско Писарро для осуществления Завоевания Перу (8 марта 1533).....18

Письма Маркиза дона Франсиско Писарро (1533–1538). Отрывки. 25

Завоевание Перу, называемого Новая Кастилия, каковая земля по Божией воле была чудесным образом завоевана благодаря счастливейшей удаче Императора и Короля, господина нашего, и благоразумию и мужеству почтеннейшего и самого доблестного благородного мужа капитана Франсис(к)о Писарро, губернатора и аделантадо сей Новой Кастилии и его брата Эрнандо Писарро и их отважных капитанов и верных и храбрых товарищей, с ними находившихся (Севилья, 1534). 27

Грамота Франсиско Писарро об энкомьенде для Диего Мальдонадо, |Куско|, 15 апреля 1539. 46

Сообщение кипукамайоков ([1542], 11 марта 1608). 52

Европейские единицы измерения расстояния XVI века (по Петеру Апиану. «Космография», 1548). 91

Фернандо де Сантильян. Выдержки из его «Доклада о начале, проихождении, политике и управлении Инков» (1555). 92

Дамиан де ла Бандера. Доклад о происхождении и правлении, имевшемся у Ингов (Гуаманга, 1557).....98

Завещание Инки Сайри Тупака, второго правителя Вилькабамбы. (Куско, 25 октября 1558 года) 114

Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате. Заблуждения и суеверные обряды индейцев, извлечённые из трактата и расследования, сделанного лиценциатом Поло (1559). 120

Доклад о религии и обрядах Перу, составленный первыми священниками Августинцами, направившимися туда для обращения местных жителей в христианство [1560]. 146

Документы, связанные с Диего де Кастро Титу Куси Юпанки, являвшимся предпоследним правителем Инков (1565–1570 гг.).....195

Титу Куси Юпанки и сопротивление инков в Вилькабамбе (1565–1570 года). 195
Письмо-воспоминание Инки Титу Куси Юпанки к лиценциату Хуану де Матьенсо, июнь 1565 года. 197
Свидетельство Инки Титу Куси Юпанки, 8 июля 1567 года. 200
Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате. «Инструкция по борьбе с церемониями и обрядами, применяемыми индейцами со времён их безбожия» (1567). 204
Гарси Диес де Сан-Мигель. Отрывки из его «Доклада» (1567). 218
Kuny в свидетельском показании главного касика дона Мартина Куси, 24 февраля 1567 года. . 219
Заявление дона Франсиско, столетнего касика из общины Анансайа в Илаве, март 1567 года. 221
Заявление индейцев из Хули на обвинения предварительного следствия, 21 апреля 1567 года. 222
Доклад об открытии королевства Перу, составленный Диего де Трухильо, вышедшим вместе с губернатором доном Франсиско Писарро и другими капитанами, начиная с того момента, как они прибыли в Панаму в 1530 году, и в котором также сообщается обо всех их походах и происшествиях вплоть до 15 апреля 1571 года. 230
Доклад Хуана Поло де Ондегардо (1572). 253
Кристобаль де Молина. Доклад о Сказаниях и Обрядах Инков. (1575) 270
Фернандо Мурильо де ла Серда. Письмо о знаках, использовавшихся Индейцами до завоевания. (1589?) 315
Письмо анонимного иезуита отцу Хуану Себастьяну, Главе Провинциального Ордена (Куско, ок. 1599). 317
Франсиско де Авила. «Боги и люди Варочири» (1608). Отрывки. 324
Документы, связанные с Франсиско де Авила, «искоренителем язычества» (1608 г.) 346
Заявление общины Суниканча (Сьерра-де-Лима) в пользу падре Франсиско де Авила, 21 февраля 1608 года 346
Свидетельство бывшего местного жреца Эрнандо Павкара из Сан-Педро-де-Мама (Сьерра-де-Лима), 1608 или 1609 год. 350
Анналы императорского городка Потоси (1771). Отрывки. 352
Библиография 353
Приложение 1 355
Приложение 2 359
Приложение 3 360
Приложение 4 361

Приложение 5.....362

Приложение 6.....364

Список иллюстраций

Рисунок 1. Пример конструкции Ваки на горе Тантальук в провинции Кахамарка, обнаруженной и разрытой в 1765 году. 146
Рисунок 2. Провинция Гуамачуко. 1789. 147
Рисунок 3. Город Гуамачуко. 1789. 148
Рисунок 4. Крепость Инков «Малька Гуамачуко» (план). 149
Рисунок 5. Гальпон. 149
Рисунок 6. Гальпон. 150
Рисунок 7. Список 43 испанских слов, переведённых на 8 языков побережья, сьерры и монтаньи в епископстве Трухильо, Перу ("Кодекс Трухильо, 1789"). Язык Гуамачуко называется в этом списке «кульи». 152
Рисунок 8. Скульптуры из Вамачуко. 153
Рисунок 9. География и археология Вамачуко. 154
Рисунок 10. Карта расположения вак Вамачуко, связанных с топографическими объектами. 155
Рисунок 11. Мотив Инка и две собаки. 157
Рисунок 12. Герб Инки Гарсиласо де ла Веги. 181

К читателю

Предлагаемая вашему вниманию книга является первой попыткой собрать воедино различные по форме, тематике, жанру и содержанию источники, позволяющие окунуться в изучение не только истории инков, а и всей центральноандской области Южной Америки, где на протяжении 5000 лет зарождались и умирали многочисленные индейские культуры и государства.

Безусловно, человек, незнакомый с доколумбовой историей Америки, сочтет данную книгой забавной, интересной и не более. Однако, пытливый ум настоящего историка подскажет ему, что перед ним дверь в таинственный мир прошлого. Величественные храмы Караля и Эль-Параисо в Перу были созданы тогда же, когда зарождалась египетская цивилизация Раннего Царства и расцветали шумерские города в Месопотамии. Все это было за 3000 лет до н.э. И в Старом Свете и в Новом все огромные постройки (храмовые комплексы, пирамиды) были созданы не на пустом месте, ведь они были результатом длительного периода становления обществ, способных воплотить в жизнь такие грандиозные проекты. Именно поэтому такая тонкая дверь, открывающая нам историю инков (имперский период инков составляет всего около одной сотни лет), дает возможность проникнуть еще дальше в глубь веков. Только изучив историю инков, перед нами появятся инструменты, взламывающие замки со многих сундуков времени: можно научится «читать» сцены, нарисованные на керамике культуры мочика; понимать, что значат линии и узоры на лицах людей, изображенных на керамике культуры наска; расшифровывать знаки на тканях культуры Паракаса; дешифровать знаки токапу на рубахах сановных инков. И это только часть того, что еще предстоит обнаружить под покровами инкской истории. Южноамериканские культуры прошлого все еще ждут своих Шампольонов, Вентрисов и Кнорозовых. В целом, Южная Америка — регион мало изученный и он, бесспорно, принесет немало открытий в XXI веке.

Конечно, можно говорить о том, что перед нами не история самих индейцев, т.е. не написанная ими собственноручно, а лишь искаженно записанная либо европейскими конкистадорами, чиновниками и миссионерами, либо потомками индейцев спустя годы, десятилетия и даже столетия. Да, следует признать, что перед нами в подавляющем большинстве случаев индейская устная традиция, записанная европейскими терминами и понятиями. Тем не менее, есть редкие вкрапления местных «документов», созданных с помощью так называемой узелково-веревочной «письменности» — кипу. Именно на кипу порой ссылаются европейские и индейские авторы, чтобы подтвердить ряд своих мыслей о временах далеких и не очень.

И все же, устная традиция тоже может быть критически рассмотрена, изучена и понята. Только для этого от ученого потребуется применение особых методов. Набор таких методов будет различным для разных целей исследования: для изучения социально-экономического устройства — один,

для изучения политической жизни — другой, для изучения культуры — третий. Поэтому каждый сможет почерпнуть свое.

История инков интересна сама по себе уже хотя бы потому, что она изменила ход всей истории Европы и Азии. Инки создали самое крупное государство в Америке до прихода европейцев. А изменили они будущее мира своими технологиями (часто очень древними и неоднократно усовершенствовавшимися) и различными достижениями. Так, сельскохозяйственные культуры (томат, картофель, киноа, кукуруза, подсолнечник, красный перец и многие другие) теперь выращиваются по всему миру и без них сложно было бы прокормить миллиарды людей. Серебро и золото, добываемое в течении столетий в недрах горного массива Анд, после завоевания европейцами империи инков стали перевозить в таких количествах, что это существенно изменило экономику Европы и Ближнего Востока XVI-XVII веков. Поток денег, отчеканенных из перуанского серебра, устремлялся через Османскую империю в Индию, создавая баснословные богатства индийских царей. Тем не менее, многие технологии были утрачены: европейцы не смогли осилить сложность узелковой письменности кипу и вычислений на абаке — юпане; европейцы не смогли понять инженерную мысль индейцев, и потому многие каналы, акведуки, колодцы разрушились со временем; инки производили искусственное выращивание рыбы, и европейцы тоже не смогли оценить по достоинству эту технологию.

Показательно, что именно в Перу или благодаря Перу многие испанские чиновники осуществили свои открытия в области экономической мысли: формулирование теории паритета покупательной способности денег (Доминго де Сото, Педро де ла Гаска, Мартин де Аспилькуэта Наварро, Томас де Меркадо, Доминго де Баньес); открытие количественной теории денег (Мартин де Аспилькуэта Наварро, Педро де ла Гаска); открытие механизмов рыночной конкуренции между покупателями (Луис де Молина) и между продавцами (Херонимо Кастильо де Бовадилья); формулирование доктрины спроса на деньги и включение в предложение денег банкнот, чеков и векселей наравне с монетами (Луис де Молина); разработка теории свободного рынка (Хуан де Матьенсо, Хуан де Луго); выведение ценности денег из их предельной полезности (Хуан де Луго, Франсиско Гарсиа).

Ряд церковных деятелей (Бернабе Кобо, Хуан де Луго) сыграли значительную роль в истории хинина — «иезуитской коры», которая стала применяться для борьбы с малярией.

И подобным примерам несть числа.

В заключение скажу, что поскольку предполагается, что данный сборник (в который вошли мои переводы, сделанные в период с 2009 по 2013 гг.) в будущем послужит в качестве хрестоматии для нормативного курса «История цивилизаций Доколумбовой Америки» (или другого, но похожего по сути), то было принято решение не ограничиваться рамками Украины, используя перевод источников на украинский язык, а дать возможность и русскоязычным читателям (студентам, аспирантам, преподавателям исторических факультетов) изучать доколумбовые культуры. Также

филологам может быть интересен приводимый в приложении испанско-русский словарь, в который вошла лексика из хроник и документов XVI–XVII вв.

В текстах индейские и испанские имена, географические названия при первом упоминании, как правило, дублируются языком оригинала в квадратных скобках [ ], а также на языке оригинала в квадратных скобках [ ] приводятся фразы, перевод которых вызывает сомнения или разночтения; также для некоторых текстов старинных изданий используются квадрантные скобки коричневого цвета полужирным шрифтом **[193]** для обозначения номеров страниц оригинала, иногда страницы рукописи записаны в круглых скобках (2r), редакторские правки и дополнения приведены между вертикальными символами | |, примечания и комментарии поданы внизу страницы в виде сносок. В некоторых документах принято решение не изменять написание индейских имен, в некоторых — сделаны примечания о том, как написано слово в оригинале, но само слово изменено; для индейских слов, в которых начало слова или слога начинается на букву «я» используется слог «йа».

Чтобы облегчить критическую работу исследователя или учащегося, к текстам, где это было возможным, добавлены краткие биографические справки об авторе.

Сергей Куприенко.
Киев, 2013.

Хуан де Саманос. Доклад о первых открытиях Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, 1526.

[Перевод с испанского издания:
Colleccion de documentos ineditos para la historia de España. — Tomo V, Madrid, Imprenta de la viuda de Calero, 1844. p. 193–201.]

ТЕКСТ:

[193]

ДОКЛАД о первых открытиях Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, извлечённый из старинной рукописи №CXX, находящейся в Императорской Библиотеке Вены.

В прошлом 1525 году, когда Губернатором Тьерра-Фирме[1] был Педро Ариас Авилы[2] [Pedro Arias de Avila], в определённой части Тьерра-Фирме под названием Кастильо дель Оро[3], в городе Панама, основанном на берегу другого, Южного моря [mar del Sur], вышеупомянутому Губернатору предложили свои услуги капитаны Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, а именно совершить за свой счет некое открытие в восточной части, то есть к востоку от вышеупомянутого города: и вот, что они сделали и обнаружили:

Вышеупомянутые капитаны, имея сведения о провинции, называющейся Перу, расположенной на том же берегу что и Тьерра-Фирме со стороны Южного моря к востоку от того |места|, где находится город Панама, отправились в году |15|25[4] на двух кораблях |водоизмещением в| сорок и семьдесят бочонков[5] и на маленьком бриге, и до ста пятидесяти[6] человек-земляков [compañeros de la tierra], и со своими кормчими [maestros] и матросами, которые, проходя вдоль берега до прибытия в вышеупомянутую провинцию, обнаружили несколько маленьких поселений возле моря, и с некоторыми из них они заключили мир и проследовали дальше.

Они получили сведения в тех селениях, что, если проникнуть вглубь края, за образующимся горным хребтом было много

[1] Земли возле Панамского перешейка.
[2] Педрариас Давила или Педро Ариас де Авила (исп. *Pedrarias Dávila*, около 1440 года, Сеговия, Кастилия — 6 марта 1531 года, Леон) — испанский конкистадор, который управлял первыми европейскими колониями в Америке. Отплыл из Испании в 1514 году с 19 судами и 1500 солдатами. 12 лет был губернатором в Панаме, ещё 4 года — в Никарагуа. В 1519 году основал город Панама. В 1524 году отрядил Писарро на завоевание Перу. Казнил своего соперника Нуньеса де Бальбоа. Его зять Эрнандо де Сото первым исследовал Луизиану и Техас.
[3] Должно быть «Castilla del Oro» — Золотая Кастилия.
[4] У Хереса — 14 ноября 1524 года, эту же дату даёт Антонио де Эррера, у Сьесы де Леона и Гарсиласо де ла Вега — 1525 год.
[5] Старинная величина измерения тоннажа суден, равная 5/6 тонны.
[6] У Хереса 160 человек.

золота, и что земля была очень ровной и засушливой, вся, по большей части, **[194]** |состоящая из| лугов, и не очень гористая, и что в ней в определённое время года было настолько жарко, что индейцы не могли ходить, не обув на ноги какую-то древесную кору, изготовленную наподобие башмаков, потому что босые ноги обгорали, а также |не одев| на головы шляп из листьев деревьев. Двигаясь вдоль берега дальше[7], оставив эти маленькие поселения, скажу, что они обнаружили то, что берег был всё более неприветливым, и вернулись назад к месту |предыдущей стоянки в| том знойном краю, чтобы начать торговлю с индейцами: |но| все ранее оставленные ими на берегу селения были сожжены, а индейцы покинули их и ушли вглубь края. Кажется, что в тех селениях индейцы промышляют только рыбной ловлей и заготовкой соли для снабжения других |индейцев| из внутренних районов. Капитаны со |своими| людьми попытались войти в одно селение, о котором им стало известно, что оно большое и хорошее, и набросились на него: они обнаружили его полностью огороженным ветвями; в сражении было ранено несколько христиан и выбили глаз капитану Диего де Альмагро. Их оружием были копья, и стрелы, и маканы, и камни. Наконец они проникли в селение, и ранили и убили нескольких индейцев. Они спрятали всё имущество, жен и детей; и капитаны, вылечив больных, вернулись к кораблю. Поскольку земля была очень неприветливой из-за болот, и очень лесистой по всему тому побережью вышеупомянутой провинции, составляющей |в длину| до восьмидесяти лиг, хотя берег ровный, с внутренним краем нет никакого сообщения в виде дорог, разве что по рекам и на каноэ, потому что всё остальное — это болота и густопоросшие горы и часто с колючими пальмами: а поскольку у капитанов не было суден, способных пройти по рекам, они не проникали |внутрь края|, разве что в трёх или четырёх местах, и не могли толком ничего разузнать [no podían ser sino vistos]; и они обнаружили, что индейцы покинули |свои места| и не могли ничего другого добыть, **[195]** кроме как обеспечить себя кое-каким продовольствием для плавания [algunos mantenimientos para en los navios]. Успешным было разве что то, что они раздобыли немного золота и личных вещиц индейцев: найдено несколько мотков из вытянутого в нить золота, весившего[8] более шестисот кастельяно, и очень чистое золото в тех деревушках, в которых, как я говорил, занимались рыбной ловлей, но у них ничего не взяли из-за соблюдения с ними мира, полагая, что их можно к привлечь к нему. Видя неприветливость этой земли и что не было ни людей, ни снаряжения, чтобы суметь пересечь земли, дабы пройти к крупным селениям, |ведь| как я выше сказал, в ней жарко и она богата, |потому| они проследовали дальше вдоль берега, по большей части тянущегося в направлении север-юг, и они столкнулись с большой нуждой в неблагоприятное время года, потому что во многих местах возникало много мысов[9] |в море|, и некоторые острова они нашли обезлюдевшими: недалеко от берега они собирались подойти к

[7] Об этой местности подробно написал в 1553 году Педро Сьеса де Леон «Хроника Перу», Глава III.
[8] В рукописи вместо «pesaba» — весил, стоит «pasaba» — проходил.
[9] Т.е. отмелей

большой реке, которой дали название Сан Хуан[10], и встретили там несколько поселений; и заприметив их |испанцев|, прежде чем будут атакованы, индейцы удалились со всем имуществом, а некоторые селения сожгли. Капитаны расположились в одном селении, индейцы же пришли напасть на них и причинили им достаточно неудобств; но в конце концов индейцы убежали, и они |испанцы| расположившись |там| и попытались заключить с ними мир; но вышло не так[11].

И когда капитаны увидели, сколь неподходящей была та земля для заселения и для того, чтобы извлечь из неё выгоду, и что их люди устали, они решили отправить одного своего очень исправного лоцмана, по имени Бартоломео Руис[12], отправившегося с одним кораблём и неким числом людей дальше вдоль берега, приказав ему, чтобы он следовал возле него два месяца[13] всё то время, пока сможет плыть. **[196]** Он отплыл, хотя с большим трудом, и нашёл очень хороший залив, которому дал название Сан-Матео, и там увидел три больших поселения у моря, и несколько индейцев вышли к нему, пришедшие явились в золоте[14] [arecidos de oro], и три знатных человека [tres principales], одевшие диадемы, и они сказали лоцману, чтобы он ушел с ними: он дал им человека, по имени... де Боканегра[15] [... de Bocanegra], и он пробыл там два дня и видел их, ходящих в золоте, и они дали ему немного золота для |пере|плавки[16]. Там не было различия в нрав|ах| индейцев, как то было в Панаме.

Когда христианин вернулся на корабль в сопровождении индейцев, которые принесли его, и многих других, они продолжили следование вдоль берега и, плывя оттуда, увидели, что шла очень ровная земля и много поселений, в которые они заходили на мелководье, |чтобы избежать| нескольких крупных гор и скалистого побережья, и обнаружили, что находились на 3 с ½ градусах к северу от Экватора [la línea equinoccial]. Оттуда, поскольку у них истекал срок, они повернули обратно: в этой равнинной земле, очень заселённой, провели несколько вылазок[17] [dieron algunas calas], чтобы вступить во владение и обеспечить себя водой; они захватили судно, на котором шло до двадцати человек, с него выпрыгнуло в воду одиннадцать из них, и, захватив других, лоцман оставил с собой троих[18] из них, а других высадил на берег, чтобы те ушли; и с этими троими, оставшимися в качестве толмачей, он хорошо обращался и привел их с собой.

Это захваченное судно[19], скажу, было, похоже, вместимостью до тридцати бочонков[20]. У него был киль и он был сделан плоским из толстых

[10] Устье находится на 3˚58’ с.ш. и 77˚23’ з.д. В нескольких милях к северу от порта Буэнавентура.
[11] В оригинале вместо «pero no a fecho», стоит «pero no hubieron suceso» — т.е. «они не добились успеха».
[12] Житель Могера в Андалусии, Испания.
[13] У Хереса: «шестьдесят дней».
[14] Перевод по контексту. Значение слова «arecidos» не ясно, возможно описка или опечатка, и должно быть “parecidos”.
[15] В рукописи отсутствует имя.
[16] Видимо, речь идет о самородном золоте.
[17] Переведено по контексту.
[18] Херес сообщает о шести захваченных.
[19] Об этом же бальсовом плоте написал секретарь Франсико де Херес в 1534 году.
[20] Т.е. в два с лишним раза меньше самого крупного корабля в экспедиции Писарро.

стволов наподобие мачт, обвязанных верёвками из того, что называют энеген [eneguen][21], похожего на коноплю[22], а верхняя |часть[23] была изготовлена| из более тонких стеблей, обвязанных теми же верёвками, где располагались они сами и товар на сухом **[197]** месте, потому что нижняя часть погружалась в воду. На нём были мачты и реи из превосходного дерева и хлопковые паруса такого же рода, что и у наших кораблей, и очень хорошая оснастка |такелаж| из вышеназванного *энегена*, который, скажу, похож на нашу коноплю, и несколько камней [potales][24], используемых в качестве якорей наподобие точильного камня у цирюльника [por anclas a manera de muela de barbero].

И они перевозили много серебряных и золотых вещиц по «арио» [por el ario][25] с собой, чтобы осуществить обмен с теми, с кем они собирались торговать, в их число входили короны и диадемы, пояса и рукавицы [ponietes][26], и доспехи, как для ног [armaduras como de piernas][27], |так| и нагрудники, и щипцы [tenazuelas], и погремушки[28], и счётные нитки и связки [sartas y mazos de cuentas], и «красное серебро»[29] [rosecleres], и зеркала, оправленные в то серебро, и чаши, и другие сосуды для питья; и перевозили много шерстяных и хлопковых накидок, и рубах, и «альхулы» [aljulas][30], и «алькасеры» [alcaceres][31], и «аларемы», и много других одежд, большая часть из всего этого отделана узорами, очень богатых на красный и карминный[32], синий и желтый цвета, и все другие цвета, нанесённые различными способами, и |с| изображениями птиц и животных, и рыб, и деревьев; и перевозили они несколько маленьких гирек для взвешивания золота, похожих на безмен, и много других вещей. На некоторых связках бусинок [sartas de cuentas] имелось несколько маленьких изумрудных и халцедониевых [cacadonias][33] камешков, и другие камни и вещицы из стекла

---

[21] Т.е. «henequen» — Хенекен, или Генекен, или Агава фуркреевидная (лат. *Agave fourcroydes* Lem.) — вид травянистых растений из рода Агава семейства Агавовые; происходит из Мексики. В настоящее время это растение культивируется в основном в Восточной Мексике и на Кубе ради грубого белого волокна, получаемого из листьев. Волокно используется для изготовления бумаги, верёвок и мешков; по качеству оно несколько уступает сизалю. На плантациях каждое растение используется в течение 18 лет, при этом с него ежегодно срезается несколько листьев. Учитывая неправильное написание этого слова, встречающегося только Хуана де Самано, можно предположить, что Бартоломео Руис видел его на Юкатане, Веркарусе или Тамаулипасе.

[22] Вариант: «похожего на бечевку».

[23] Т.е. палуба или фальшборт — обшивка борта выше верхней палубы.

[24] Potales-Potala = Камень, привязываемый к одному концу для спуска на воду шлюпки; от слова *pouta.*

[25] Непонятное слово. Возможно, «avio», но смысл всё равно неясен.

[26] Это слово встречается только у Самано. В английском переводе это слово обозначено как «рукавицы».

[27] Наголенники (?).

[28] Или трещотки.

[29] Светлая красная серебряная руда. Просвечивающий рубиновым или красным цветом природный минерал тригональной сингонии (твёрдость 2,5; плотность 5,57 — 5,64), на свету покрывается налётом и темнеет. Чистое красное серебро или «прустит» — Ag_3AsS_3 (серебро-мышьяк-сера), темное красное серебро или «пираргирит» — Ag_3SbS_3 (серебро-сурьма-сера). Последний встречается крайне редко, потому речь идёт о прустите.

[30] Туники в мавританском стиле.

[31] Похоже, разновидность одежды.

[32] Малиновый цвет. Иногда: ярко-красный цвет.

[33] Так написано в оригинале. Должно быть, «calcedonias» — халцедон. Халцедон — полупрозрачный минерал, скрытокристаллическая тонковолокнистая разновидность кварца. Полупрозрачен или просвечивает в краях, цвет самый разный, чаще от белого до медово-жёлтого. Образует сферолиты, сферолитовые корки, псевдосталактиты или сплошные массивные образования. Твёрдость 6,5—7. Имеет много разновидностей, окрашенных в различные цвета: красноватый (сердолик или карнеол), красновато-коричневый (сардер), зеленоватый (хризопраз), голубоватый (сапфирин), непрозрачный тёмно-зелёный с ярко-красными пятнами или полосами (гелиотроп) и другие. Используется в изготовлении ювелирных изделий как поделочный камень. Название получил по древнегреческому городу Халкидон (в Малой Азии).

и древесной смолы [anime][34]. Всё это они везли обменивать на морские раковины, из которых они делают разноцветные зёрна для четок [cuentas coloradas], похожих на коралловые ожерелья, а также белые, их перевозят почти переполненными кораблями.

И когда этот лоцман вернулся к реке Сан Хуан, где, скажу, остались капитаны, с доброй вестью о хорошей и равнинной земле, ими обнаруженной, вышеупомянутые капитаны с кораблями и людьми отплыли **[198]** затем по направлению к заливу Сан-Матео, где, скажу, христианин вошел в селения с индейцами, и оттуда они высадились к ним и атаковали те селения, но поскольку не было места, где разместить лошадей, которых вели через пролив, который они должны были пройти, и они ушли по берегу дальше, чтобы напасть на другое очень крупное поселение, находившееся в четырёх лигах оттуда, называющееся Такамес[35] [Tacamez]: капитаны с людьми — по суше, а кормчие с кораблями — по морю; к тем кораблям вышло четырнадцать больших каноэ со множеством индейцев, двое с золотым и серебряным вооружением, и на одном каноэ они везли какое-то знамя[36], а над ним некую статую[37], во многом |состоящую| из золота [y encima de él un bolto de un mucho deste de oro]; и они повернули к кораблям, чтобы предостеречь их, с тем, чтобы они не смогли причинить им вреда, и потом повернули к своему селению, а корабли не смогли их захватить, потому что те разместились на мелководье у берега; и капитаны и люди, пришедшие по суше, ничего этого не увидели, и потому вернулись к селению на своё спасение. Когда капитаны прибыли в селение, они встретили всех его жителей собравшимися вместе и построившими крепость в одном месте, разместив в надежном месте своих жен и детей, потому что, кажется, три дня прошло с тех пор, как им стало известно о них. И расположившись в другой части селения, они направили к ним нескольких вестников с послушными индейцами, которых взяли с собой, чтобы они пришли туда и заключили мир, и сказали, что придут на следующий день в определённое время, но не пришли; и они вновь послали к ним вестников, но ни вестники, ни они не вернулись: и когда капитаны увидели, какое множество индейцев |там| было, потому что **[199]** это было поселение из 1500 домов[38] и поблизости от него находились другие селения, из которых собиралось ещё больше людей, а их |испанцев| было не больше восьмидесяти[39] человек, кроме тех, что на кораблях, чтобы можно было с ними сразиться, им показалось, что |лучше| удалиться, и поэтому они незаметно вышли и сели на корабли, и вернулись к одному острову[40], находящемуся в 25 лигах[41] позади, договорившись, что капитан Франсиско Писарро останется там с кораблями и людьми, а капитан Альмагро пойдет на корабле в Панаму за сотней человек подмоги, и

[34] Возможно, значение у этого слова иное.
[35] Соверменный Атакамес в Эквадоре.
[36] В рукописи ошибочно: «ó en estandarte» — т.е. «или в знамени».
[37] В оригинале: «bolto», вместо «bulto».
[38] Херес пишет о 10000 воинов в нём размещенном.
[39] У Хереса 90 испанцев.
[40] Остров Петуха в заливе Тумако.
[41] Лига = 5,55 км.

несколькими лошадьми, и снаряжением, чтобы |потом| вернуться и напасть на то селение; и прибыв в Панаму он не нашел ни людей, ни необходимой помощи; он купил корабль, стоявший в Номбре-де-Дьос[42] и отправил его на остров Эспаньола[43], чтобы оттуда ему привели людей. А чтобы за это время капитан Писарро и находившиеся с ним люди не пали от голода или другой опасности, к нему отправили два корабля с продовольствием, один, чтобы капитан с имевшимися людьми вышел с лоцманом на дальнейшее разведывание по возможности всего того |побережья|, что было открыто вначале, и вернулись к определённому сроку, а другой корабль увёз бы ослабевших людей и других, пожелавших бы восстановить силы в Панаме, пока не наберётся достаточно людей, чтобы идти на помощь.

Те три индейца, которые, скажу, были захвачены на корабле, привезённые к капитанам, очень хорошо выучили наш язык: кажется, что они были из некой земли и селения под названием Калангане [Calangane][44]: эти люди в том краю лучшего нрава и поведения, чем индейцы, потому что они лучшего внешнего вида, и цвета, и весьма сведущие, и у них один язык, похожий на арабский, и у них, кажется, в подчинении находятся индейцы, скажу, из Такамеса и из бухты Сан-Матео, и из Нанкабес, и из Товирисими, и Сонилопе, и Папагайос, и Толона, и Кисимос, и Коаке, и Тонкохес, **[200]** и Арампахаос, и Пинтагуа, и Караслобес, и Амарехос, Камес, Амотопсе, Докоа [y de Nancabez y de Tovirisimí y Conilope y Papagayos, y Tolona y Quisimos y Coaque y Tonconjes y Arampajaos, y Pintagua y Caraslobez y Amarejos, Cames, Amotopse, Docoa][45], все селения той равнинной земли, обнаруженной вдоль побережья; и обо всём другом |относительно того| берега: в том селении Калангоне [Calangone][46], где они живут, есть четыре селения, все объединены одним Господином, а это такие |селения|: вышеназванный Калангоне[47], и Туско, и Серакапес, и Каланго. Там много овец, и свиней, и котов, и собак, и другие животные, и гуси, и голуби, и там изготавливаются выше мною названные накидки из шерсти и хлопка, и рукоделия, и четки [cuentas], и золотые и серебряные вещицы, а люди |там| очень воспитанные, согласно тому, что об этом думают; у них много инструментов из меди и других металлов, с помощью которых они обрабатывают свои поместья, и добывают золото и извлекают всевозможные доходы из хозяйства; их селения очень хорошо распланированы их улицами[48]; у них много видов овощей, и среди них |царит| превосходный порядок и справедливость; женщины очень чистые и красиво наряжены, и все по большей части рукодельницы. Там есть один остров в море поблизости от селений, где у них есть молельный дом, сделанный в виде полевого шатра, накрытый весьма роскошными узорчатыми одеялами, где у них имеется образ женщины с ребёнком на

[42] На Атлантическом побережье Панамы.
[43] Остров Гаити.
[44] У Хереса селение называется «Cancebi».
[45] Несомненно, что эти названия искажены или автором доклада или переписчиками.
[46] Выше было Калангане.
[47] В рукописи «Calangome».
[48] У Хереса — распланированы, с улицами и площадями.

руках, по имени Мария Месеиа [María Meseia]: когда у кого-либо какая болезнь в какой-либо конечности, он делает ему |образу| конечность из серебра или золота, дарит её ему, и приносят в жертву перед образом несколько овец в определённые даты.

И другой доклад, отправленный В|ашему| В|ысочеству| Педро Ариасом де Авила об огненных[49] жерлах и озерах, обнаруженных на том же берегу Тьерра-Фирме **[201]** к западу в том же Южном море[50]; и также как это вышеописанное о Перу находится это в Золотой стороне [a la parte del Oro][51] от города Панама, это другое об озерах[52] — в западной стороне, |и| всё это на том же берегу[53], называется провинция — Никарагуа, и всё это в противоположной стороне от Тьерра-Фирме, по другую |сторону| Южного моря; и это явствует из отправленных Е|го| В|еличеству| докладов, и потому будет отправлено В|ашему| В|ысочеству| обо всём том, что случиться, потому что ваш посланец говорит, что В|ашему| В|ысочеству| об этом уже сообщили.

Хуан де Саманос[54].

[49] В оригинале «de huego» вместо «de fuego».
[50] Т.е. к северо-западу от Панамы в сторону Коста-Рики, Никарагуа.
[51] Похоже, должно быть a la parte Castilla del Oro.
[52] Собственно, озеро Никарагуа — второе по величине (площадь 8264 км²) в Латинской Америке.
[53] Т.е. тихоокеанском.
[54] Хуан де Саманос был секретарём Карла V. Исследователь Рауль Поррас Барренечеа считал, что автором (или соавтором) был Франсиско де Херес, секретарь Франсиско Писарро.

Официальный текст "Требования", переданного Франсиско Писарро для осуществления Завоевания Перу (8 марта 1533)

Франсиско Писарро Гонсалес (исп. Francisco Pizarro y González, ок. 1475—26 июня 1541) — испанский авантюрист, конкистадор, завоевавший империю инков и основавший город Лиму.

Биография

Происхождение

Писарро родился в городе Трухильо в Эстремадуре. Точная дата его рождения неизвестна, в качестве вариантов называют 1471, 1475, 1476 и 1478 г. Традиционно днем рождения конкистадора считается 16 марта. Сведений о ранних годах жизни также немного. Писарро не знал грамоты, из чего можно сделать вывод, что его воспитанием и обучением никто особенно не занимался, поскольку юность свою он провёл среди крестьян. Имел прозвище «El Ropero» — «сын кастеляншки», поскольку его мать имела прозвище «la Ropera» — «Кастеляншка».

Родители

Дедом и бабкой Франсиско были дон Эрнандо Алонсо Писарро и Исабель Родригес Агилар, у которых был сын Гонсало Писарро Родригес де Агилар (отец Франсиско) и ряд других. Гонсалес Писарро, имевший прозвища «Длинный», «Косой», «Римлянин», был капитаном терций в Италии. Отец никогда не признавал Франсиско своим сыном, даже незаконнорожденным. После рождения Франсиско его отец женился на своей кузине Франсиске де Варгас, от которой имел много детей. После смерти Франсиски, он имел «многочисленнейших внебрачных детей» от служанок Марии Алонсо (María Alonso) и Марии Бьедма (María Biedma). Отец умер в 1522 году, во время войны в Наварре. В своём завещании, составленном в Памплоне 14 сентября 1522 года он признал всех своих детей, как законных, так и внебрачных; всех, кроме одного — будущего маркиза дона Франсиско Писарро, не упомянув его в документе. Мать Франсиска Гонсалес и Матеос после смерти своего отца Хуана Матеоса поступила, как сирота, служанкой в монастырь Фрейлас-де-ла-Пуэрта-де-Кориа (el Monasterio de las Freilas de la Puerta de Coria), там она была совращена Гонсало Писарро, и от него забеременела, из-за чего её выгнали из монастыря и она вынуждена была жить в доме своей матери, и позже выйти замуж второй раз за Хуана Каско. В его доме и был рождён Франсиско Писарро.

Молодость

Юношей Франсиско отправился солдатом в Италию, где сражался в рядах Великого Капитана Гонсало Фернандеса де Кордоба-и-Агилар (Gonzalo Fernández de Córdoba y Aguilar, el Gran Capitán). Уволенный из войска, он вернулся в Эстрамадуру, чтобы сразу же завербоваться в свиту, отправлявшуюся в Индии его земляком монахом Николасом де Овандо (Nicolás de Ovando).

Отплытие в Америку

В 1502 г., когда в Испании много говорилось о существовании в Новом Свете сказочно богатых областей, Писарро под начальством Алонсо де Охеды отплыл в Южную Америку. «Губернатор Охеда основал поселение христиан в месте, называемом Ураба, где поставил своим капитаном и представителем Франсиско Писарро, ставшего потом губернатором и маркизом. В этом городе или городке Ураба многое испытал капитан Франсиско Писарро с индейцами Ураба, и голод, и болезни».

Открытие Перу

Первая экспедиция, 1524—1525

Согласно докладу Хуана де Самано, секретаря Карла V, впервые название Перу упоминается в 1525 году в связи с завершением первой Южной экспедиции Франсиско Писарро и Диего де Альмагро. Экспедиция вышла из Панамы 14 ноября 1524 года, но вынуждена была вернуться в 1525 году.

Вторая экспедиция, 1526

Вновь Писарро отплыл в 1526 году вместе с Альмагро и Бартоломе Руисом, посетив Тумбес, потом вернулся в Панаму.

Возвращение в Испанию, 1528

В 1528 году он вернулся в Испанию и летом 1529 года встретился и беседовал в Толедо с Эрнаном Кортесом.

Третья экспедиция, 1531

В начале 1531 г. Писарро отправился в свою третью экспедицию по завоеванию империи Инков. 8 марта 1533 г. дабы продолжить свои кампании в провинциях Перу он получил от Королей Испании «Требование (Requerimiento)», документ испанского средневекового права, официально разрешавший завоевание новых провинций.

Пленение Атауальпы

После пленения короля Инков Атауальпы, испанцам за его освобождение был предложен знаменитый «Выкуп Атауальпы», в виде изделий из золота и серебра (переплавленных затем в слитки), заполнивших комнату до отметки на высоте поднятой руки. Согласно доклада нотариуса Педро Санчо Губернатор Франсиско Писарро со своей прислугой и переводчиками получил при его разделе 18 июня 1533 года такое количество: золота — 57220 песо, серебра — 2350 марок. Как свидетельствовал 15 марта 1573 года солдат Уаскара Себастьян Яковилька, он как свидетель «видел, что после смерти Атабалипы дон маркиз Франсиско Писарро также убил и приказал убить большое количество индейцев и полководцев и родственников самого Инки и более 20 тысяч индейцев, находившихся с тем Атабылипой для ведения войны с его братом Васкаром».

Конкистадор Франсиско де Чавес в письме от 5 августа 1533 года утверждал, что Франсиско Писарро осуществил пленение Атауальпы, споив сначала его и его полководцев вином, отравленным моносульфидом мышьяка (реальгаром), что упростило задачу захвата в плен правителя, а самим испанцам не было оказано существенное сопротивление.

Судьба золота Перу

Король своей грамотой Торговому Дому Севильи от 21 января 1534 года приказал, чтобы из 100000 кастельяно золота и 5000 марок серебра (в виде сосудов, блюд и других предметов), привезённых Эрнандо Писарро в Испанию, отдать на чеканку монет, «кроме вещей удивительных и малого веса». Грамотой от 26 января король изменил свой намерение переплавить всё в монету до его дальнейших указаний.

Завоевание Перу

В результате своего завоевания он захватил столицу инков — Куско, а в 1535 г. основал Лиму.

Конфликт с Диего Альмагро и насильственная смерть

В 1538 г. между Писарро и его сподвижником Альмагро возник конфликт по поводу распределения полномочий. Писарро одержал верх над соперником в битве при Салинасе, после

чего казнил Альмагро. Однако затем группа недовольных во главе с сыном казненного Альмагро организовала против Писарро заговор, в результате которого он был убит 26 июня 1541 г.

План Дворца Франциско Писарро в Лиме

Воскресным утром Писарро принимал в своем дворце гостей, когда в дом ворвалось 20 человек с мечами, копьями, кинжалами и мушкетами. Гости разбежались, некоторые выпрыгивали прямо из окон. Писарро защищался в спальне мечом и кинжалом. Он дрался отчаянно, зарубил одного из нападавших, но силы были неравны, и вскоре он упал замертво от множества нанесенных ран.

Братья Писарро

Вместе с Франсиско Писарро завоевание Южной Америки осуществляли его родные братья:

* Гонсало Писарро — незаконнорожденный. В числе 417 лиц, приговоренных к смерти и конфискации имущества или изгнанию Лиценциатом Сианка за участие вместе с «тираном» Гонсало в восстании, числится его брат Блас де Сото.
* Хуан Писарро — незаконнорожденный.
* Эрнандо Писарро, 1503 г.р. — сводный брат, законнорожденный и старший сын у дона Гонсало. Ему принадлежит такой документ — «Письмо Эрнандо Писарро Королевской Аудиенции в Санто-Доминго, ноябрь 1533».
* Франсиско Мартин де Алькантара — сын его матери от другого отца — Хуана Каско.

В Индии с Франсиско отправились и другие родственники по отцовской линии:

* Хуан Писарро-и-Орельяна
* Мартин Писарро.

и двоюродный брат:

* Педро Писарро. Он написал о завоевании такую книгу — «Доклад об Открытии и Завоевании Королевств Перу, 1571». После смерти Франсиско проживал в Арекипе.

Существовал еще один родственник Писарро, внук дочери Франсиско Писарро, историк Писарро и Орельяна, Фернандо де, написавший в 1639 году книгу Varones illustres del Nuevo Mundo (Мадрид, 1639), об экспедиции на реку Амазонка и о жизни Писарро, его братьев и об Альмагро.

Жены и Дети

Франсиско Писарро имел любовную связь с ньюстой — принцессой — Инес Вайлас (в 1537 году отданной замуж за Франсиско де Ампуэро, являвшегося пажом конкистадора), от которой появились на свет два законнорожденных ребенка:

* Франсиска, 1534 — родилась в Хауха (Перу), являлась самой богатой наследницей Испании и Перу. В 1552 году выходит замуж за Эрнандо Писарро, когда ей было 18 лет, ему — 49. После смерти мужа в 1578 году они через три года выходит замуж за Педро Ариаса Портокарреро (Pedro Arias Portocarrero).
* Гонсало Писарро Юпанки, 1535, — умер ребёнком.

Также Франсиско Писарро взял в жены принцессу Кусиримай Окльо, после крещения называемой — госпожа Анхелина Юпанки, кузины Инки Атауальпа и дочь Ямке Юпанки (внук Инки Юпанки или Пачакутека) и Токто Ольо, жены и сестры этого Ямки; в то же время она была Пививарми (Pivihuarmi), то есть главной женой правителя Атавальпы. Она принадлежала к роду Капак Айлью в Верхнем Куско. После его смерти 23 июля 1533 года Маркиз Дон Франсиско

Писарро взял её себе в жены предположительно тринадцатилетней девушкой, и от неё у него было два ребенка:

* Франсиско, 1537 (когда он родился Анхелине Юпанки тогда около 17 лет), в городе Куско, и жил там в 1546 году, являясь товарищем по играм будущего историка Инка Гарсиласо де ла Вега (этот сын получил надел в Юкай и надел коки в Ависка, стоившее 12 или 13 тысяч песо), 11 марта 1550 года Король приказывает отправить его в Испанию. 15 марта 1551 года Франсиско и его сестра Франсиска, дочь Инес Вайлас, садятся на корабль, отплывающий в Испанию.; сын Франсиско живет в замке Ла Мота (Медина-дель-Кампо), где встречается со своим дядей Эрнандо Писарро, куда позже прибывает Инес, дочь Гонсало Писарро. С ней Франсиско заключает в 1556 году брачный контракт. В следующем 1557 году, в возрасте 20 лет, он умирает.
* Хуан (умер в 1543).

Интересные факты

Франсиско Писарро обнаружил в Тавантинсуйу подсолнечник, где местные жители почитали изображение подсолнечника как символа солнечного божества — Инти (другое название — Пунчао). Золотые статуи этого цветка, также как и семена, были доставлены в Европу.

[Перевод с испанского издания:
Luciano Pereña. La idea de justicia en la conquista de América, Madrid 1992, p. 237–239. — http://usuarios.advance.com.ar/pfernando/DocsIglLA/Requerimiento.htm]

Примечание переводчика.

Ещё король Фердинанд Католик почувствовал необходимость объяснить себе легитимность, на которой должна основываться конкиста.

Требование являлось первым официальным ответом Короны на юридический вопрос легитимности завоевания. Его составление было возложено на королевского чиновника, по всей вероятности, юриста и королевского советника Хуана Лопеса де Паласиос Рубиос, который в похожих обстоятельствах занимался юридической поддержкой королевских предприятий.

Идея, заложенная в *Требование*, выражает крайнюю форму папского влияния, воображающего, что вся власть человеческая, как минимум, подчинена власти Иисуса Христа, власти, которую Бог передал Святому Петру, а через него всем своим преемникам, Римским Понтификам.

ТЕКСТ:

Распоряжение, посылаемое маркизу Дону Франсиско Писарро, чтобы он мог продолжать завоевания провинций Перу.

Форма и порядок, каковым надлежит быть в требовании, каковое от имени Его Величества следует предъявить Карибским Индейцам, восставшим в провинции Перу, — следующие:

Со стороны Императора и Короля дона Карлоса, и доньи Хуаны, его матери, Королей Кастилии, Леона, Арагона, двух Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаена, Альгарвеса, Альхесира, Гибралтара, островов Канарских, |островов| Индий, островов и твердой земли моря Океана[55], Графов Барселонских, Владык Бискайи и Молина, Герцогов Афин и Неопатриа, Графов Руисельон и Сардинии, Маркизов Ористан и Госиано, Эрцгерцогов Австрии, Герцогов Бургундии и Браванте, Графов Фландрии и Тироля, и т.д., укротителей варварских народов.

Слугам своим мы сообщаем и уведомляем вас, наилучшим возможным способом, что Бог, наш Господь, единый и вечный, сотворил небо и землю, и мужчину и женщину, от коих мы и вы и все люди в мире произошли, и потомки их, и все те, кто придёт после нас. Но из-за возросшего населения, от сих произошедшего пять тысяч и более лет тому назад, с тех пор как был сотворён мир, необходимо было, дабы одни люди пошли по одну сторону, а другие по другую, и разделились на многие Королевства и провинции, каковые в одном едином не смогли выжить и сохраниться.

Изо всех этих людей Господь, Владыка наш, возложил сиё бремя на одного, Святым Петром прозванного, дабы изо всех людей в мире стал он владыкой и настоятелем, коему все подчинялись бы, и был главой всего рода человеческого, какого бы ни придерживались люди закона, секты или веры; и даровал он ему весь мир, аки Царствие его и вотчину, и поскольку повелел он поместить престол его в Риме, в месте наиболее подходящем, дабы властвовать над миром, судить и управлять над всеми народами, христианами, маврами, евреями, язычниками или любой другой секты или веры, какой бы они ни были. И назвали сего Папой, потому что означает оно изумительный, старший отец и наместник над всеми людьми.

Сему Святому Петру покорились они и восприняли за владыку, Короля и настоятеля мира те, кто жил в то время, и точно также считали они всех других, кои после него избирались на папство, и так продолжалось да сей поры, и продлиться до скончания века.

Один из прошлых Понтификов, который за этим наследовал в том сане и престоле, который, |как| я молвил, аки владыка мира передал в дар эти острова и материк моря Океана вышеупомянутым Королю и Королеве и их преемникам в этих Королевствах, со всем тем, что на нём[56] имеется, как сказано в особых писаниях[57], которые через него[58] перебрались, как уже сказано, что вы могли бы увидеть, ежели пожелаете. Поэтому Их Величества являются владыками этих островов и материка в силу помянутого выше дарения; а так как этих-то Королей и владык некоторых островов большинство и почти все те, кому о том ведомо, приняли Их Величества, и подчинились и служили им и служат, как подданным положено делать, и с

[55] Атлантический океан.
[56] На Американском материке.
[57] Автор здесь, несомненно, имеет в виду буллы *Inter Caetera* (1493) Александра VI, при помощи которых этот понтифик стремился "даровать" королям Испании земли Америки.
[58] Через Океан.

доброю волею и без всякого сопротивления, и без промедления, как им было поведано о вышеупомянутых, покорились и получили мужей верующих, которых Их Высочества посылали для того, чтобы проповедовали им и наставляли их в нашей Святой вере и все они по своей вольной воле, и с радостью, без награды и какого-либо условия, стали христианами, и они стали такими, и Их Величества приняли их радостно и благодушно, и потому приказали обращаться с ними, как с другими подданными и вассалами; и вы обязаны и изволите делать то же самое.

Поэтому, как мы только можем, мы просим вас и требуем, чтобы вы хорошо уразумели то, о чем мы вам поведали, и выбрали, дабы понять и обдумать сиё, необходимое время, и признали Церковь владычицей и настоятельницей всеобщего мира, а Верховного Понтифика, называемого Папа, |действующего| от её имени[59], и Императора и Королеву донью Хуану, наших Владык, |действующих| от его имени[60], как настоятелей и Королей этих островов и материка в силу вышеупомянутого дарения, и дали бы вы согласие и послужили тому, чтобы эти церковные отцы объявили вам и наставили вас в вышеупомянутом.

Ежели вы так сделаете, то верно поступите, и то, к чему вы расположены и обязаны, а Их Высочества и мы от их имени, примем вас со всей любовью и милосердием, и дадим свободу вашим женам и детям и поместья, и |освободим| от всякой повинности, дабы от них и от вас учинили вы свободно то, что вы захотите и считаете наилучшим, и мы не принудим вас к тому, чтобы вы становились христианами, только если вы, познав истину, возжелаете перейти в нашу святую католическую Веру, как то делали почти все жители других островов, и помимо этого Их Величества предоставят вам привилегии и освобождения |от податей|, и окажут вам много милостей.

А ежели вы того не сделаете или проявите злонамеренное промедление, я заверяю вас, что с Божьею помощью, мы деятельно выступим против вас, и поведём с вами войну всюду и всячески, как мы сможем, и подчиним вас и приведём в покорность Церкви и Их Величествам, и захватим ваших людей и ваших жен и детей и сделаем их рабами, и как таковых продадим их, и распорядимся ими, как Их Величества прикажут, и захватим ваше имущество, и причиним вам всякий ущерб и убытки, какие только сможем, как вассалам, не подчиняющимся, и не желающим принять своего сеньора и оказывающих ему сопротивление и противоречащие ему[61]; и мы заверяем, что убийства и убытки, каковые от сего воспоследуют, будут вменены в вину вам, а не Их Величествам, ни нам, ни этим рыцарям, с нами пришедшими; и том, что мы говорим и требуем, мы просим у присутствующего нотариуса,

[59] Т.е. Церкви.
[60] Т.е. Папы Римского.
[61] Принятие власти королей Испании влекло за собой ряд преимуществ и наград, и отказ от неё предвещал более чем разорение. К сожалению, по большей части индейцы ничего не понимали от прочтения подобного «Требования»; и в других случаях конкистадоры читали документ за несколько километров от деревни, которую намеревались захватить, чтобы не встретить никаких возражений и действовать против «восставших вассалов».

чтобы дал он сему письменное свидетельство[62], а у присутствующих мы просим, чтобы были они сему свидетелями.

Скреплено подписью Графа, Доктора Бельтран; лиценциата Каравахаля; лиценциата Берналя; лиценциата Меркадо де Пеньялоса.

Отправлено Маркизу дону Франсиско Писарро восьмого марта тысяча пятьсот тридцать третьего |года|, когда ему было послано распоряжение для того, чтобы можно было продолжать завоевание и заселение провинций Перу.

[62] Характерной чертой испанского духа той эпохи была приверженность строгому соблюдению законов, что приводило к необходимости оставления нотариального акта по любому важному поводу, пусть то происходило хоть в лесу, хоть перед битвой.

Письма Маркиза дона Франсиско Писарро (1533–1538). Отрывки.

[Перевод с испанского издания:
Gobernantes del Perú, cartas y papeles, siglo XVI, tomo 1, Madrid, 1921.]

ТЕКСТ:

Письмо Франсиско Писарро секретарю Самано [Samano][63], с просьбой о его ходатайстве относительно наград, о которых он просит Короля и особенно о том, чтобы
были расширены границы его губернаторства.

Новая Кастилия, 8 июня 1533.

Золотая Кастилия.

Почтенный сеньор

Из селения Сан Мигель [san miguel] пишу вашей милости, а поскольку в докладе, который я послал его величеству, ваша милость увидит всё то, что потом здесь случилось, |потому| в этом |письме| я не сообщаю вашей милости об этом; Эрнандо Писарро [hernando picarro] доставить его величеству золото и серебро, их ваша милость там увидит; а |чтобы| доложить о крае, он поведает вашей милости обо всём здешнем. Среди прочего он принесёт ходатайство и просьбу его величеству, чтобы он приказал пожаловать мне кое-какие милости; я прошу вашу милость, ведь всё должно быть использовано к Его услугам, что ваша милость вознаградит меня, поспособствовав тому, что касается меня и более того, в чём ваша милость должна оказать мне благодеяние, а именно, что его величество прикажет увеличить границы этого губернаторства дальше, и, по моему мнению, он поспособствует моим делам, как одному из его слуг, к тому же закончат с кораблем, стоящим здесь в ожидании отправления, пока не завершиться литьё |слитков|, которые отправятся вслед за этими, что сейчас идут, они доставят вашей милости всё то, что принесло доход канцелярии |Его Величества|, чтобы, будучи первым, ваша милость почла |это| добрым знаком, |о чём| я всегда забочусь, как должен я был извлекать выгоду из дел к Его услугам. Чтобы сеньору секретарю Франсиско де лос Кобос [francisco de los covos][64] доставили на этих кораблях немного золота по праву его

[63] Хуан де Самано [Juan de Sámano], секретарь Императора Карла V и Совета по делам Индий.
[64] Франсиско де лос Кобос и Молина (1477 — 10 мая 1547) — государственный секретарь Императора Карла I, командор Кастилии.

обязанностей, я дал казначею все, что он попросил, он послал его и написал вашей милости об этом.

Господь наш возвеличит особу, дом и состояние вашей милости, |сие да| сохранит и приумножит.

Из Кахамальки [cахamalca] этих Королевств Новой Кастилии [la nueva castilla], восьмого июня одна тысяча пятьсот тридцать третьего года.

К услугам вашей милости.

франсиско писарро [françisco piçarro] (Подпись)

Письмо Франсиско Писарро к Педро Мато, с предложением охраны его индейцев и имения на период путешествия, какое он собирался осуществить в Испанию, дабы повидаться со своей женой.

|*Город*| *Королей, 9 апреля 1538.*

Благородный Сеньор

Я получил ваше письмо, после того, как |оно| было просмотрено секретарем, |и| премного рад, что вы, сеньор, уезжаете к своей жене, поскольку ваша милость всецело заслуживает того, чтобы я мог с честью и пользой землю и ваших индейцев для вас содержать двадцать месяцев, но на большее время я не смогу, потому что такой установлен приказ, но не настолько уж велико ограничение, что не будет возможности уехать и вернуться обратно. Делу, возложенному на вашу милость, пусть поспособствует Бог, |и| что в ваше отсутствие за вашими делами приглянут, и то, что вы, сеньор, сказали, на счет того, что приглянете в Испании за моими делами, за то я вам благодарен; если вам, кстати, доведётся проделать это, сеньор, будьте как свой в моих делах.

Да сохранит Господь Наш, как того пожелает, благородную вашу особу.

Из города Королей |Лима|.
9 апреля.

Как накажет Сеньор

Франсиско Писарро (подпись)

Завоевание Перу, называемого Новая Кастилия, каковая земля по Божией воле была чудесным образом завоевана благодаря счастливейшей удаче Императора и Короля, господина нашего, и благоразумию и мужеству почтеннейшего и самого доблестного благородного мужа капитана Франсис(к)о Писарро, губернатора и аделантадо сей Новой Кастилии и его брата Эрнандо Писарро и их отважных капитанов и верных и храбрых товарищей, с ними находившихся (Севилья, 1534).

[Перевод осуществлен по книге:
Pogo, Alezander, eds. The Anonymous La Conquista del Peru (Seville, April 1534) and the Libro Vltimo del Svmmario delle Indie Occidentali (Venica, October 1534). — Boston, 1930. — p. 218–281.]

ТЕКСТ:

(2r) В году одна тысяча пятьсот тридцать первом, в месяце феврале на корабль в порту Панамы, находящемся в Тьерра-Фирме[65], сели мы, двести пятьдесят человек, |в том числе| восемьдесят всадников. Вел нас в качестве капитана превосходный и смелый кабальеро Франсиско Писарро. Плывя по Южному морю[66] пятнадцать дней, мы собирались высадиться в бухте, называемой ныне Сант-Матео, и, высадившись на берег, прошли сто лиг, завоевав несколько поселений[67], и пришли к одному селению под названием Коаке, где обнаружили немного золота.

В этой провинции заболели многие люди: поскольку земля нездоровая, |а также| потому что она находится ниже линии равноденствия[68]. Оттуда мы прошли к острову под названием Пугна[69] [la Pugna], там пробыли четыре или пять месяцев, где наших умерло восемь или десять |человек|. Оттуда мы ушли и направились к городу Тумбес [Tumbez], где пробыли два или три месяца. Оттуда пошли к селению под названием Тангарара [Tangarara], где построили селение, называемое нами Сант-Мигель. Там мы получили известие о великом владыке по имени Атабалипа [Atabalipa], который вел войну со своим старшим братом по имени Коско[70] [el Cozco], коего одолели некие полководцы Атабалипы; и он шел с большим войском за своими полководцами, в то самое время, когда прибыл сеньор губернатор Франсиско Писарро с шестьюдесятью всадниками и девяносто пешими, поскольку остальные остались в селении Сант-Мигель. Когда Атабалипа узнал, что шли христиане, он послал одного полководца[71] выследить, что мы за люди. Этот

[65] Испанская провинция на Панамском перешейке.
[66] Тихий океан.
[67] Путь к Коаке более детально описал Диего де Трухильо (1571).
[68] Т.е. экватора.
[69] Точнее, остров Пуна.
[70] Речь идет о Васкаре. Не совсем понятно, почему автор говорит о владыке Куско, не называя его настоящим именем.
[71] У этого полководца было в подчинении 2000 воинов.

полководец прибыл в наш лагерь[72], переодевшись [desfracado] в низкородного индейца[73]; и он не осмелился напасть на нас со всеми своими людьми, но, не мешкая, возвратился, чтобы составить доклад своему правителю, и он ему сказал, чтобы тот дал ему больше людей, и что он бы вернулся, дабы напасть на христиан. Касик[74] ему ответил (как он позже нам сказал), что он бы без помех захватил Христиан, если бы те прибыли туда, где находился он. Губернатор, зная, что этот касик продвигался с завоеваниями по той земле с большим числом людей, решил пойти на его поиски с немногочисленными, ведомыми за собой, людьми, а было нас, приблизительно, сто пятьдесят |человек|, в том числе шестьдесят всадников. Потому мы отправились на поиски этого касика, грозившего нам пойти на наши поиски; и губернатор захотел найти его |сам|: в одном селении, называющемся Пьюра, губернатор встретил капитана — своего брата, отправленного вперед с сорока пешими и конными, и от него он узнал, что все те |местные| касики угрожали ему Атабалипой. Там индейцы поведали губернатору, и сказали ему, что этот касик находился в селении под названием Кашамалька[75] [Caxamalca]; и что тот ждал его там со многими людьми. Расспрашивая о дороге, и о том, как она была заселена, ему сказали индейцы и одна индеанка, шедшая с нами, что на том пути было много незаселенных местностей, что была |там| очень холодная сьерра длиной в пять дневных переходов, на протяжении двух из которых не было воды. Сеньор губернатор отправился со своими людьми, |но| семь из них вернулось в селение из страха перед плохими дорогами и недостатка воды. Но губернатор и люди из его команды проявили огромное желание послужить Его Величеству, |потому| те не отказались от трудностей пути, и пошли в селение, находившееся в двух лигах оттуда, являвшееся[76] репартимьенто сеньора капитана Эрнандо Писарро, ушедшего четырьмя днями ранее вперед с целью усмирить того касика. Когда прибыл губернатор, он узнал, что в трехдневном пути оттуда находилось селение, называвшееся Кашас, где были размещены на постой многие индейские солдаты, собравшие много податей, с помощью которых Атабалипа снабжал свой лагерь. Эрнандо Писарро пожелал было пойти туда, но губернатор не захотел дать ему разрешения и отправил капитана Эрнандо де Сото, серьезно опасаясь за то малое число имевшихся у них людей, и он дал ему пятьдесят или шестьдесят человек, и сказал ему, что он будет ждать его в селении под название Каран[77] [Caran], и чтобы туда он пришел увидеться с ним или пошлет |к нему весть| в течение десяти дней. Сеньор капитан Эрнандо де Сото пустился в путь [se partió] с теми людьми в названное селение Кашас, и, приблизившись |к селению|, они узнали, что (2v) солдаты расположились там, на горе, ожидая

[72] Разместился лагерь в селении Кахас или Кашас.
[73] Полководец переоделся в тальанца.
[74] Слово «касик» происходит из языка арауако на Антильских островах. Этим словом испанцы называли все верхние уровни иерархии империи инков: Инку, токрикока, кураку.
[75] Позже называемая испанцами Кахамарка. Следует, однако, учитывать, что у инков было две Кашамальки в разных провинциях.
[76] Точнее, ставшее потом этим самым репартимьенто.
[77] Или Карран.

их, |и потому| остались там. Они прибыли в большое селение, и в некоторых очень высоких домах обнаружили много маиса и обуви, иные |дома| были наполнены шерстью, и более пятисот женщин только и делали, что одежды и вино из маиса[78] для солдат. В тех домах было много того вина. Это селение было сильно разрушено войной, с какой на него пошел Атабалипа: по горам было много повешенных индейцев, не пожелавших ему сдаться, поскольку поначалу все эти селения были под |властью| Коско, и они считали его владыкой, и платили ему подать. Капитан послал |вестника| к касику того селения, и тот сразу же прибыл, сильно сетуя на Атабалипу из-за того, что он разрушил и убил у них много людей, так что из десяти или двенадцати тысяч имевшихся у него индейцев, осталось у него не более трех тысяч, и что за те минувшие дни солдаты |Атабалипы| находились в том селении; но когда они узнали, что подходили христиане, то из страха перед ними, ушли. Сеньор капитан сказал им, чтобы они держались мира с христианами и были вассалами императора, и чтобы не боялись Атабалипы. Касик очень обрадовался, а затем открыл дом с теми |женщинами|, каковой был закрыт, и к которому Атабалипой был приставлен караул, и забрал оттуда четырех или пятерых женщин, и отдал их капитану, чтобы они служили христианам для приготовления пищи в пути; о золоте же он сказал, что у него его не было, потому что все его забрал Атабалипа; тем не менее, он дал четыре или пять кусков рудничного золота[79] [tejuelos de oro de minas]. Во время этих событий пришел полководец Атабалипы; касик очень испугался и встал на ноги, поскольку не осмелился сидеть в его присутствии, но сеньор Эрнандо де Сото заставил его есть возле себя. Этот полководец нес подарок для христиан от Атабалипы. Подарок состоял из уток с ободранными шкурами, что означало, что так должны были ободрать кожу и у христиан. А также он принес две, сделанные из глины, крепости, говоря, что впереди были другие, как эти. Капитан Эрнандо де Сото ушел оттуда, ведя с собой того полководца Атабалипы, и добрался туда, где находился сеньор губернатор, весьма обрадовавшийся, увидев того полководца Атабалипы, и подарил ему дорогую рубаху, и две стеклянных чаши[80], чтобы тот отнес их своему владыке, и сказал бы ему, что он был его другом, и что он бы очень обрадовался, если бы увидел его, и что если он вел с кем-либо войну, то помог бы ему. Полководец Атабалипы вернулся туда, где пребывал его владыка. Губернатор отправился оттуда через два дня, дабы увидеться с Атабалипой; и встретил по дороге много разрушенных селений и, |к тому же|, без касиков, поскольку все они находились со своим владыкой. Идя по той дороге, в основном обнесенной с двух сторон стенами и создававшими тень деревьями, каждые две лиги мы встречали постоялый двор[81]. Приблизившись

[78] Слово из языка арауако, Антильские острова.

[79] Речь идет не о слитках, а о низкопробном золоте, полученном путем добычи из рудников, и видимо, переплавленного в куски, но еще не очищенного от примесей. Скорей всего, такое золото подлежало перевозке к местам сосредоточения ювелиров в столицах провинций, какой, в частности, и был город Кашас.

[80] Писарро был на самом деле щедрее: он подарил венецианскую чашу, ботинки со шнуровкой, голландские рубашки, бусы и жемчужины.

[81] Речь идет о тампу — постоялых дворах инков, размещенных на инкских дорогах на расстоянии дневного перехода друг от друга.

к сьерре, Эрнандо Писарро и Эрнандо де Сото ушли вперед, и вплавь переправились через большую реку, поскольку нам сказали, что впереди в селении было большое богатство; ближе к ночи, прибыв в селение, мы обнаружили, что большая часть людей скрылась, и сообщили об этом губернатору. На другой день утром переправился через реку губернатор со всеми людьми. Перед тем, как прибыть в поселение, мы захватили двух индейцев, чтобы узнать новости о касике Атабалипе; капитан приказал привязать их к двум кольям, чтобы устрашить их. Один сказал, что не знает об Атабалипе, но другой |сообщил|, что уже несколько дней, как он оставил с Атабалипой касика-начальника того селения. От еще одного мы узнали, что в ожидании христиан Атабалипа находился на равнине Кашамалька со многими своими людьми, и что множество индейцев сторожило два труднодоступных перевала в сьерре, и что у них была знаменем рубаха, отправленная губернатором касику Атабалипе, и что он не знал ничего иного сверх сказанного, и что ни огнем[82], ни другими вещами |пытаемый| он никогда не сказал больше этого. Капитаны сообщили губернатору о выведанном у двух индейцев. Через два дня мы вышли из того селения, и губернатор оставил ту обнесенную стенами дорогу и отправился в путь по другой, не столь хорошей, и, добравшись до подножия сьерры, он сформировал арьергард, и оставил с ним капитана по имени Сальседо, поскольку он человек очень осторожный и проницательный на войне [es hombre de buen recaudo y ardid en la guerra]. А сам, препоручив себя Богу, отправился с другими капитанами и людьми налегке, и начал подъем в очень высокую сьерру. На ее склоне была укрепленная крепость. Губернатор поднялся в сьерру, в тот день он заночевал в селении в одной лиге от той крепости, где находился прочный дом из камня и извести, — там обычно располагался на постой правитель той земли. Арьергард же заночевал в крепости. На следующее утро он прошел другую очень высокую сьерру, располагавшуюся выше селения, |ведь| дорога вела через нее. Мы вышли до восхода солнца; и чтобы индейцы не захватили нас в пути, поскольку впереди была трудная дорога, он приказал, чтобы все они шли со своими людьми[83]. Пройдя перевал, сеньор губернатор весьма обрадовался, потому что мы думали, что индейцы перехватили его у нас, как сказал нам сожженный индеец. И там губернатор подождал свой арьергард, чтобы идти всем вместе, так как нам показалось, что мы поднялись на самую вершину холодной сьерры, и вскоре прибыл арьергард. Той ночью пришли два индейца с десятью или двенадцатью овцами по приказу Атабалипы и отдали их губернатору. |Губернатор| подарил им много вещей и отправил обратно. В той сьерре мы задержались на пять дней, и за день до приближения к лагерю Атабалипы, пришел от него вестник, и принес в подарок много вареных овец и маисового хлеба, и кувшины с чичей[84]. А поскольку губернатор послал индейца-путника — был этот индеец касиком селений, в которых христиане

[82] Позже в тексте приводится подробное описание пытки огнем.
[83] Скорей всего, речь идет об индейцах-союзниках.
[84] Слово чича предположительно происходит из языка народа куна, Панамский перешеек.

были размещены, и были они большими друзьями христиан, — то этот касик пошел в лагерь Атабалипы, но его стражники не позволили ему подойти туда: сперва спросили его, откуда шел вестник дьяволов, столько земли прошедших и ни кем не убитых? Касик им ответил, чтобы ему позволили пройти переговорить с Атабалипой, поскольку, когда какой-либо вестник шел к христианам, те оказывали ему большую честь, а они не позволяют ему пройти дальше. Той ночью он заночевал в том же месте, куда прибыл губернатор со своими людьми, и он сообщил губернатору, чтобы ничего из съестного, присланного Атабалипой, не ели; и было сделано так, что вся еда, присланная Атабалипой, была отдана индейцам, переносившим грузы. Прежде чем наступили сумерки, нам удалось издали увидеть очень большое селение, и мы встретили много пастухов и баранов, принадлежавших лагерю Атабалипы, и спустились ниже селения на одну лигу, к окруженному деревьями дому. Вокруг того дома, с каждой стороны, имелись белые навесы длиной более полулиги, там и располагался лагерь, где нас ожидал в поле Атабалипа. Затем мы прибыли в селение, и первым вошел сеньор Эрнандо Писарро со своими людьми, и |в тот момент| шел сильный град; в селении было очень мало людей, вероятно, четыреста или пятьсот индейцев, охранявших двери домов касика Атабалипы, где было полным-полно женщин, заготавливавших чичу для лагеря Атабалипы. Затем разместился на постой сеньор губернатор со своими людьми, изрядно опасаясь множества индейцев, находившихся в лагере. Каждый христианин говорил, что сделал бы больше, чем Роланд[85], потому что мы не ожидали иной помощи, кроме Божьей. Сеньор Эрнандо Писарро и сеньор Эрнандо де Сото попросили разрешения у сеньора губернатора о том, чтобы сходить с пятью или шестью всадниками и толмачом переговорить с касиком Атабалипой, и увидеть, как размещался его лагерь. Губернатор разрешил им идти[86], хотя и против своей воли. Они ушли в лагерь, располагавшийся в одной лиге оттуда. Все поле, где располагался касик, было с одной и с другой стороны окружено ротами копьеносцев[87], алебардщиков[88] и лучников; а другая рота индейцев была из лучников и пращников; и другие — с дубинками и булавами [con porras y mazas]. Шедшие христиане, прошли через их середину, но никто не изменился в лице [mudanza]. И они прибыли туда, где находился касик, и обнаружили его сидящим у двери своего дома со многими женщинами

[85] Роланд — знаменитейший из героев французских эпических сказаний цикла Карла Великого, маркграф Бретонской марки. Об историческом существовании этого лица свидетельствует лишь одно место в «Жизнеописании Карла Великого» (*«Vita Caroli Magni»*) Эйнхарда (быть может — вставка, заимствованная из эпоса), в котором повествуется, что в 778 г., когда Карл возвращался из похода в Испанию, на его арьергард в ущелье Пиренеев напали возмутившиеся баски и истребили его; при этом погибло несколько пэров, в том числе и Хруодланд, префект Бретонской марки (*Hruodlandus britannici limitis prefectus*). В эпосе Хруодланд — Роланд является не только образцом христианского рыцаря и лучшим витязем Карла, но и родным его племянником; размеры поражения расширены; баски обратились в традиционных врагов веры христианской — сарацин; их нападение в Ронсевальской долине, где воинам Карла, находившимся под предводительством Роланда, трудно было защищаться, объясняется изменой одного из вельмож Карла — Ганелона, личного врага Роланда. Падая в неравной борьбе, Роланд трубит в свой знаменитый рог; Карл Великий его услышал, повернул назад и отомстил сарацинам, а по возвращении в Ахен предал казни изменника Ганелона. К концу XI века Роланд стал символом образцового воина.

[86] На самом деле, сначала пошел Эрнандо де Сото, а потом спустя время Эрнандо Писарро.

[87] О копьях инков писал Бернабе Кобо: «Копья они делали длинными, из прочного дерева, с обожженным или медным острием» (Historia..., l. XIV, c. IX, t. II, p. 225).

[88] Данные воины были вооружены топорами.

вокруг него, так как ни один индеец не смел находиться возле (3v) него. И верхом на коне подошел к нему Эрнандо де Сото, но тот не сдвинулся с места, и приблизился настолько близко, что кисточка[89] касика, размещенная у него на лбу, обдувалась ноздрями коня, но касик не шевельнулся. Капитан Эрнандо де Сото снял кольцо с пальца и подарил его в знак мира и любви со стороны христиан. Он взял его, весьма мало выказав при этом почтения, затем подошел Эрнандо Писарро, |до этого| находившийся немного позади с целью поставить трех или четырех всадников возле ущелья [puerto], где был неудачный проход, и привез на крупе лошади толмача-индейца; и придвинулся к касику, совершенно не боясь его и всех его людей; и сказал ему, чтобы он поднял опущенную голову, и чтобы он заговорил с ним, потому что он был его другом и пришел увидеться с ним; и попросил его, чтобы утром пришел увидеться с губернатором, так как тот очень хотел с ним повидаться. Касик с опущенной головой ответил ему, чтобы утром тот сам пришел повидать его. Капитан ответил, что они пришли уставшими с дороги, пусть он прикажет дать им попить. Касик послал двух индеанок, и те принесли два больших золотых кубка для питья; и они, чтобы порадовать его, сделали вид, что выпили, но не пили, |после чего| попрощались с ним. Возле роты копьеносцев Эрнандо де Сото несколько раз яростно бросался на них вскачь на коне [arremeter el caballo], и те отступали на один шаг назад. После того, как христиане ушли оттуда, те хорошенько поплатились за то, что отступили, так как им, и их женам, и детям касик приказал отрубить головы[90], говоря, что они должны были идти вперед, а не назад, и что всем те, кто обернулся назад, нужно было приказать устроить такие же |наказания| [que a todos los que boluiessen a tras auia de mandar hazer otro tanto]. Капитаны вернулись к сеньору губернатору и рассказали ему обо всем произошедшем с касиком. И им показалось, что имевшихся у него людей приблизительно было сорок тысяч человек, готовых к бою; и это они сказали, чтобы ободрить людей, так как |на самом деле| тех было до восьмидесяти тысяч. И они рассказали то, что сказал им касик. Разместившись на покой, не отдохнув той ночью, все люди, молодые и пожилые, пешие и конные, все ходили со своим оружием, бодрствуя ту ночь. И старый добрый губернатор, ободрявший людей, — также. В тот день все сохраняли самообладание[91] [Aquel día todos eran señores]. А на следующий день, утром, только и делали, что посылали туда–сюда вестников в лагерь Атабалипы; и то |касик| говорил, что должен прийти со своим оружием, то говорил, что нужно приходить без него. Губернатор послал к нему |вестника| сказать, чтобы тот приходил, как пожелает, ведь мужчинам, по его мнению, хорошо являться с оружием. В полуденный час выступил Атабалипа из своего лагеря со столькими людьми, что все поля были заняты приходящими. И все индейцы несли в виде корон на головах большие золотые и серебряные медальоны; казалось, что все приходили со своим снаряжением. В сумерки они начали входить в селение,

[89] Маскапайча с льаутой — диадема высших сановников у инков.
[90] Убито было 300 человек.
[91] Дословно, «все были сеньорами», т.е. владели собой.

и там находился касик, недолгое время ожидающий своих людей, чтобы они пришли все вместе. Когда все прибыли, и было сделано распоряжение, он двинулся, чтобы пройти дальше, и прибыл на своем паланкине на середину площади, хотя и испытывал некоторое подозрение. Губернатор послал к нему человека с просьбой о том, чтобы он пришел туда, где сам находился, уверяя его, что он не претерпит никакого вреда и досады; потому что мог приходить без опасения, хотя такового касик ничуть и не проявлял. Касик вел перед собой одетых в одинаковую ливрею[92] четыреста человек[93], каковые шли, убирая перед ним все, встречаемые на пути следования касика в паланкине камни и соломинки, и те четыреста человек несли спрятанными под теми ливреями дубинки, и точно также камзолы из крепких доспехов[94], и пращи со своими специально для них сделанными по всем правилам искусства камнями[95] [y vnas hondas con sus piedras hechizas para ellas]. У губернатора его люди были расставлены в трех очень больших домах[96], имевших каждый по двести проходов и двадцать входов. В одном из этих домов находился сеньор капитан Эрнандо Писарро с четырнадцатью или пятнадцатью всадниками, в другом находился сеньор капитан Эрнандо де Сото с другими пятнадцатью или шестнадцатью всадниками, точно также в другом доме находился Беналькасар с другими столькими же, немного больше или (4r) меньше. В другом находился сеньор губернатор с двумя или тремя всадниками и с двадцатью или двадцатью пятью пешими, а все остальные люди охраняли входы[97], чтобы никто не вошел внутрь очень прочной крепости[98], находившейся посреди площади, в которой разместился Педро де Кандия[99], капитан Его Величества с восемью или девятью стрелками [escopetero][100] и четырьмя артиллерийскими орудиями, маленькими бресос[101] [brezos], охранявшим ту крепость, удерживаемую по приказу губернатора. Губернатор приказал ему, чтобы в случае, если до десяти индейцев поднимется на нее, то чтобы он им разрешил подняться, но не большему |числу индейцев|. Когда касик прибыл на ту площадь, он сказал: «Где эти христиане? Они что, все уже попрятались, что никого не видно?»[102]. При этом семь или восемь индейцев поднялись на ту крепость. И один полководец со знаменем на очень

[92] В красно-белую шахматку.
[93] У Диего де Трухильо — 600 человек.
[94] Плотные хлопковые, многослойные доспехи индейцев Перу, Мексики (здесь она называлась эскаупиль — боевая куртка, подбитая ватой) и Центральной Америки.
[95] Вариант: колдовские камни.
[96] Точнее, в крупных зданиях разместились всадники во главе с Эрнандо Писарро, Эрнандо де Сото и Себастьяном Беналькасаром.
[97] Входы улиц, прилегавших к площади.
[98] Согласно сведениям анонимного «Доклада о религии и обрядах Перу, составленный первыми священниками Августинцами, направившимися туда для обращения местных жителей в христианство [1560]», этой крепостью был на самом деле инкский храм Солнца: «После Атагуху, которого здесь больше почитали и ценили, было Солнце, его они считали Главным Богом, и ему устраивали большие празднества и у них были крупные храмы в Куско и во всех провинциях; и в доме поклонения [mochadero], в котором я побывал, в Кахамалька, испанцы расставили пушки и прочую артиллерию, когда пленили |А|Табалипу» (стр.40)
[99] Согласно Королевской грамоте, выданной в Толедо 4 июля 1526 года, грек Педро де Кандия объявлен был «нашим капитаном артиллерии» в провинции Тумбес. Эта должность давала ее обладателю 60000 мараведи годовой ренты, что, тем не менее, не мешало участвовать в дележах и разделах награбленного и завоеванного.
[100] Дословно «ружейники». То же, что и аркебузиры.
[101] Бресо — старинное артиллерийское оружие, величиной в половину кулеврины.
[102] Этот вопрос Атавальпа задал другому Инке, полководцу из Майшикавилки.

длинном копье подал сигнал, чтобы принесли оружие, поскольку копейщик, шедший позади, нес копья тех, кто шел впереди, таким образом, что показались они без оружия, а пришли с ним. И некий монах из ордена Святого Доминика с крестом + в руке, желая сказать ему о Божественном, пошел к нему переговорить, и сказал ему, что христиане были его друзьями, и что сеньор губернатор очень любил его, и чтобы он пришел на его постоялый двор повидаться с ним. Касик ответил, что он не пойдет дальше, пока ему не вернут христиане все то, что они взяли у него по всему краю, и что затем он сделает все то, что соизволит. Когда монах вел ту беседу с книгой в руках, он заговорил с ним о делах Господа, как они ему будут полезны, но он не захотел их принять, и когда тот попросил книгу, падре дал ему ее, думая, что он хотел ее поцеловать, и тот взял ее, и бросил ее поверх своих людей, и мальчик-толмач находившийся там, говоря ему о тех вещах, сразу же убежал, и взял книгу, и отдал ее падре, и падре тут же повернулся, выкрикивая и говоря: «Выходите, выходите христиане, и нападите на этих собак врагов, не желающих |познать| дел Господних, так как тот касик бросил на землю книгу нашего святого закона». И при этих |словах| подали сигнал артиллеристу, чтобы тот выстрелил из пушек в самую их середину, и тогда он выстрелил из двух, так как не смог выстрелить из большего количества. А поднимавшиеся на крепость индейцы не спустились там, где поднимались, ибо их заставили спрыгнуть с крепости вниз. Увидев это, всадники, находившиеся в трех домах, пустились вскачь все как один, и губернатор тоже вышел с имевшейся у него пехотой, и направился направо к паланкину, где находился тот владыка. И многие пешие, с ним шедшие, немного отдалились от него, видя, что было много индейцев противников. Но чтобы расквитаться за них, с малым числом людей, с ним оставшимися, губернатор добрался до его паланкина, хотя ему и не позволяли приблизиться, так как многие индейцы[103] с отрубленными руками подставляли свои плечи под паланкин своего владыки, хотя и не помогли им их усилия, ибо все они были убиты, а их владыка пленен губернатором. С теми немногими пешими, что он вел с собой, и со всадниками он вышел в поле, и многие из них нападали на убегавших индейцев, каковых было столько, что, убегая, они разрушили стену в шесть футов шириной и более пятнадцати — длиной, а высотой — в рост человека, и при этом многие пали от всадников, и всего за два часа того дня [que no serian mas de dia] все те люди были разбиты[104]. И воистину было то не нашими силами |сотворено|, ибо нас было мало, а по превеликой милости Господа. Полегли в тот день мертвыми в поле шесть или семь тысяч индейцев, не считая многих других, с отрубленными руками и |получивших| другие раны, и в ту ночь сновали всадники и пехота по всему селению, поскольку мы увидели пять или шесть тысяч индейцев на горе, что была выше селения; и мы выставили против них караул. Чтобы христиане собрались в лагере, приказал губернатор сделать один выстрел из пушки, и вскоре собрались всадники, сновавшие по полю, думая, что индейцы напали

[103] Это были индейцы народности кальавайа, служившие Инке лекарями и личными гвардейцами.
[104] Около 4 тысяч было убито.

на лагерь, и точно также пехота, когда прошло уже четыре или пять часов ночи. Губернатор был очень доволен победой, которой наш Господь бог наградил нас, и сказал касику, что поскольку он был столь опечален, что не должен и думать, (4v) что мы, христиане, не родились в его краю, а очень далеко от нее, и что по всем краям, где бы мы не проходили, были очень великие владыки, — всех их мы делали друзьями и вассалами императора, мирными или военными способами, и чтобы он не боялся того, что захвачен нами в плен. Он ответил, слегка язвительно [El respondio medio riendo], что он размышлял не об этом, а о том, что он сам хотел захватить в плен губернатора, и что для него все вышло наоборот, и что из-за этого он был так задумчив. Но он просил милости у сеньора губернатора, что ежели там находился кто-либо из его индейцев, то пусть прикажет ему прийти, поскольку хотел поговорить с ним. Тут же сеньор губернатор отдал приказ привести двух знатных индейцев из тех, что были захвачены в сражении. Касик спросил их, много ли было убито людей; они ответили ему, что все поля были ими заполнены. Затем он послал сказать оставшимся людям, чтобы они не убегали, а чтобы пришли к нему служить, поскольку он не был убит, а находился во власти христиан, и что ему казалось, что христиане были хорошими людьми; потому он приказывал им, чтобы они пришли ему служить. Губернатор спросил толмача, что было сказано; толмач объяснил все. |На что| губернатор сказал, что им следует еще кое-что добавить. Сделав крест +, он отдал касику крест, говоря ему, чтобы у всех его людей как вместе, так и отдельно друг от друга, были у каждого в руке кресты, как этот, и что христиане, всадники и пехота, выйдут утром в поле и убьют тех, кого встретят без этого знака — креста. И на следующий день утром слажено все вышли в поле, и обнаружили множество индейских рот; впереди у всех в руках были кресты, и при этом все они очень боялись. Было собрано много золота, имевшегося под некоторыми навесами, и щедро роздано по лагерям, равно как и много одежды. Все это собрали негры и индейцы из прислуги, так как другие[105] расположились в ряды, защищая самих себя. Было собрано пятьдесят тысяч песо золота[106]. В ту ночь и в тот день, когда касик уже проявил свою радость, он сказал губернатору, что ему хорошо ведомо то, что они искали. Губернатор сказал ему, что солдаты не ищут ничего, кроме золота для себя и своего сеньора императора. Касик сказал, что он дал бы им столько золота, что оно уместилось бы в находившейся там задней комнате, до имевшейся там белой черты, да так, что высокий человек не достал бы до нее на одну пядь[107] [un hombre alto no allegaba a ella con un palmo]; и имела комната приблизительно двадцать пять футов[108] в длину и пятнадцать — в ширину. Спросил у него губернатор: «сколько серебра он ему отдал бы?» Касик ответил, что |столько, сколько| «принесло бы десять тысяч индейцев, и что они бы сделали ограждение посреди площади, и что все это заполнили

[105] Имеются в виду священники, чиновники Его Величества и т.п.
[106] Песо — кастильская серебряная монета весом в одну унцию. Песо стоил 8 серебряных реалов.
[107] Пядь — четвертая часть вары, разделенная на 12 равных частей или пальцев, равнялась приблизительно 21 см.
[108] В Кастилии 1 фут — третья часть вары или 16 пальцев — равнялся 28 см. Исходя из чего, площадь комнаты составляла 7 м x 4,20 м = 29,40 м^2. Объем мог быть около 67,62 м^3, при высоте 2,30 м.

бы серебряными сосудами. Что все это он отдал бы ему, дабы тот отпустил его на свободу, каковая была у него прежде. Губернатор пообещал ему это, с условием, чтобы он не совершит предательского поступка, и спросил у него, за сколько дней он принесет то золото, о котором говорил? Он ответил, что за следующие сорок дней принесет его, но поскольку речь шла о большем количестве, то он пусть он отправится в провинцию под названием Чинча, и оттуда принесет серебро, как было приказано. В таких делах прошло двадцать дней, но никакое золото не прибывало, по их окончании принесли восемь больших золотых кувшинов с множеством сосудов и другими предметами. Там мы узнали, что этот касик захватил в плен другого владыку, по имени Куско, бывшего большим владыкой, чем он; этот был его братом по отцу, но не по матери. А сам Куско, находясь в плену, узнал о том, что христиане пленили его брата; и сказал: «если бы я увидел христиан, я был бы владыкой, потому что горю желанием увидеть их, и я знаю, что они идут, разыскивая меня, и что Атабалипа обещал им боио[109], |наполненный| золотом, имеющееся у меня, чтобы отдать им, но я бы отдал им четыре боио, и они бы меня не убили, так как думаю, что он должен меня убить». После того как Атабалипа узнал о том, что сказал его брат Куско, он очень испугался. Ведь если христиане узнают об этом, то тут же убьют его и провозгласят владыкой его брата Куско; и он приказал, чтобы его поскорее убили. И так его убили, чему не очень помог страх, какой губернатор нагнал на Атабалипу, когда узнал, что у тот был у его полководца, он сказал ему, чтобы тот его не убивал, а приказал, чтобы его привели туда, где они находились. Сам же Атабалипа рассчитывал стать владыкой, поскольку он завоевал землю; за некоторое время до того, в провинции под названием Гомачуко [Gomachuco], где погибло много людей, и был пленен его брат, поклявшийся выпить из головы самого Атабалипы; но Атабалипа пил из его собственной, потому что я это видел, как и все те, кто был вместе с сеньором Эрнандо Писарро; и он видел голову с кожей, и высохшую плоть и волосы, и стиснутые зубы, и там в ней есть серебряная трубочка, а над головой — обшитая золотом чаша, из которой пил Атабалипа, когда вспоминал о войнах, начатых его братом. И наливали чичу в ту чашу, и выходила она изо рта и через трубочку, откуда он пил. В эти дни принесли немного золота. И сеньор губернатор узнал, что существовала одна очень богатая мечеть[110] в том краю, и что в этой мечети было столько золота, и даже больше, чем то, что пообещал касик, потому что в ней молились все касики того края, а также Куско; так как туда приходили за ее[111] советами относительно того, что они должны делать; и много дней в году приходили к симину[112] [a vn cimin], сделанному из золота, и давали ему выпить |в виде раствора| несколько растертых изумрудов. Когда сеньор губернатор и все христиане узнали об

[109] Слово из языка арауако. Означает «дом». Использовалось еще в дневнике Колумба. В данном случае, означает «помещение» или «комната».
[110] Для испанских источников в Америке довольно традиционным было называть местные храмы мечетями.
[111] То есть, за советами мечети.
[112] Симин происходит от слова cemí или cimi — «идол предков»; это единственное в своем роде использование этого слова, относящееся к языку островных арауако.

этом, сеньор Эрнандо Писарро испросил милости у губернатора, своего брата, чтобы тот дал ему разрешение пойти в ту вышеназванную мечеть, поскольку он хотел увидеть того ложного бога, или скорее, дьявола, ведь у него было столько золота, и губернатор дал ему разрешение, и повели с собой нескольких ризничих[113] [sacristanes], с которыми дьявол мог преуспеть очень мало. Сеньор губернатор и все мы, с ним оставшиеся, пребывали каждый день в большом стеснении [viamos cada dia en mucho trabajo], поскольку тот предатель Атабалипа постоянно заставлял людей наступать на нас, и они приходили, но не осмеливались приблизиться. Сеньор Эрнандо Писарро прибыл в селение под названием Гуамачуко [Guamachuco], и там обнаружил золото, которое несли в качестве выкупа за касика, составлявшего |в сумме|, пожалуй, сто тысяч кастельяно. Оттуда Эрнандо Писарро написал губернатору, чтобы тот послал за тем золотом, дабы оно отправилось в большей безопасности; губернатор отправил трех всадников, чтобы они пришли с ним; и когда они прибыли, он вручил им золото, и отправился дальше по дороге к мечети; всадники ушли с золотом туда, где находился губернатор, и в пути с ними приключилось бедствие, поскольку товарищи, несшие золото, поссорились из-за каких-то украшений, так как недоставало золота, и один отрубил руку другому, так как не хотел, чтобы губернатору досталось все золото [y el uno cortó un brazo al otro, que no lo quisiera el Gobernador por todo el oro]. После того, как они находились в том поселении сорок дней без надежды на помощь, пришел Диего де Альмагро с достаточным числом людей нам на помощь, который, как нами уже было сказано, хотел поселиться в Пуэрто-Вьехо, но когда он узнал о хороших новостях, как верный слуга Императора, тотчас же пришел к нам на помощь. Касик сказал губернатору, что золото не могло прийти так быстро, ведь из-за того, что он находился в плену, индейцы не делали того, что он им приказывал. Потому пусть он отправит трех христиан к Куско, тогда они принесли бы много золота, если бы сняли украшения с определенных домов, облицованных золотом, и что они бы принесли много золота, находившегося в Шауше [Xauxa], и что они могли передвигаться в безопасности, так как вся земля была его. Препоручив Богу, губернатор отправил их. И они увели многих |индейцев|, несших их в гамаках[114], и те им очень хорошо служили. И прибыли они в селение под названием Шауша, где находился великий муж[115], полководец Атабалипы. Этот был тем, кто пленил Куско; и все золото было в его власти, и он дал христианам тридцать нош[116] золота. Они оказали ему мало почтения. И, проявляя к нему мало страха, они сказали ему, что золота было мало, и он приказал отдать им еще пять нош золота. Это отправили с имевшимся негром туда, где находился сеньор губернатор, а они проследовали дальше и добрались до селения Куско. Там они встретили

[113] Данную фразу следует понимать фигурально — «суровые сотоварищи, восхищенные смелостью Эрнандо Писарро, пошли вместе с ним». С Эрнандо Писарро пошло 17 человек.
[114] Слово из языка арауако.
[115] Полководец Чалькочима.
[116] Ноша — приблизительный вес, который мог, например, пронести один индеец. Например, в Мексике это был вес, равный двум арробам или 23 кг.

полководца (5v) Атабалипы по имени Кискис [Quizquiz], что на их языке означает «цирюльник». Этот оказал мало почтения христианам, хотя сильно дивился им, и был |среди наших один| христианин, пожелавший приблизиться к нему, чтобы напасть на него со шпагой, но он не осмелился из-за множества людей, имевшейся у того. Тот полководец сказал им, чтобы они не просили у него много золота, так как если они захотят отдать выкуп за касика, то он бы пошел раздобыть его [que si no quisiesen dar por rescate al Cacique, que él lo iría a sacar]. А затем он отправил их в боио Солнца, где они поклоняются. Эти боио были со стороны, откуда восходит солнце, облицованы золотом — большими пластинами; и насколько солнце давало тень, ниже на них имелось золото [cuanto más les venía dando la sombra del sol, tenían más bajo oro en ellos.][117]. Христиане пошли в боио, и без помощи индейцев (поскольку они не пожелали помогать им, так как это было боио солнца, сказав, что погибнут |из-за этого|) христиане принялись с помощью медных ломов снимать украшения с этих боио. И так они сняли с них украшения, согласно сказанному об этом ихними же устами, и кроме этого собрали по селению много золотых сосудов, и принесли их христианам, чтобы они отнесли это в качестве выкупа за своего владыку. Во всех тех домах в селении, сказывают, было столько золота, что это было изумительно. Они вошли в другой дом, где обнаружили золотой трон, на котором совершали свои жертвоприношения. Этот трон был настолько большим, что весил девятнадцать тысяч песо, и на нем могли улечься сразу два человека. В другом очень большом доме обнаружили много глиняных сосудов, покрытых золотыми листами, немало весившими. Они не захотели их разбивать, чтобы не сердить индейцев. В том доме пребывало много женщин, и были два индейца подобно забальзамированным, и рядом с ними располагалась живая женщина с золотой маской [máxcara] на лице, сдувающая опахалом пыль и мошек, и у них в руках были очень дорогие золотые жезлы. Женщина не разрешила им войти внутрь, иначе как сняв обувь; и сняв с себя обувь, они зашли посмотреть на те высушенные статуи, и сняли из них много дорогих предметов, но им не удалось достать их все, потому что касик Атабалипа просил их, чтобы они не забирали их, говоря, что тот был его отцом Кускуо[118], и поэтому они не осмелились снимать с него больше |предметов|. Они столь сильно нагрузились его золотом, что находившийся там полководец, предоставил им необходимое снаряжение. Христиане обнаружили в том селении столько серебра, что сказали губернатору, что там был большой дом, почти полный больших кувшинов, сосудов и ваз, и многих других предметов, и что намного больше бы они принесли, но дабы не оставаться там дольше, так как они были одни, и на расстоянии более двухсот пятидесяти лиг от других христиан, то закрыли дом и его двери, и, поставив печать его величества и губернатора Франсиско Писарро, и одновременно оставив охрану из индейцев, они поставили правителя в

[117] Очень неясное место. Возможно, речь идет о тени от карнизов в верхней части храмовых стен, и о том, что золотом облицовывались участки стен, на которые отбрасывали тень карнизы.
[118] Из сказанного ясно, что одна из мумий являлась телом Вайна Капака.

селении, как им было приказано, и пустились в свой обратный путь с золотом, и несли очень красивые вещицы, среди которых было очень большое блюдо из очень чистого золота, изготовленное из многочисленных предметов. Весила эта вещица более двенадцати тысяч песо. Эти и многие другие вещи принесли они. Оставим разговор о тех, что шли своей дорогой, расскажу же о сеньоре Эрнандо Писарро, шедшему дорогой к мечети. И прибыл он туда с большим трудом, поскольку решили не брать туда ни одной лошади из-за нехватки фуража и плохой дороги. Но сеньор Эрнандо Писарро приказал индейцам изготовить золотые и серебряные подковы и гвозди, и так они привели своих лошадей в селение, где находилась мечеть. Каковое селение больше, чем Рим. В той мечети проживал дьявол, говоривший с индейцами в очень темном [escuro] и грязном помещении, каков он и сам суть. Там он нашел мало золота, поскольку оно было спрятано у них, и они обнаружили очень большую яму, откуда его доставали, и месторасположение больших кувшинов, которые им принесли, таким образом, что никогда они не смогли бы это открыть. В самом доме несколько индеанок, присматривавших за ним, имевшегося у них золота отдали ему мало, из-за того, что его выбрасывали. Точно также много золота сняли для христиан с находившихся там мертвецов. И несколько касиков Чинчи дали ему золото. Таким образом, в целом ему дали сорок тысяч песо. Находясь там, ему прислал Чилиачима[119] (являвшийся полководцем, пленившим Кускуо) |вестника|, сообщившему, что у него много золота для того, чтобы принести в качестве выкупа за своего владыку Атабалипу. И что он бы отправился из того селения (6r) Шауша, где он находился, и что он соединился бы с капитаном Эрнандо Писарро, и что оба пошли бы увидеться с губернатором. Эрнандо Писарро отправился, думая, что правдивым было то, что говорили ему индейцы, но, пройдя четыре или пять дневных переходов, он узнал, что не пришел полководец, и потому решил с малым числом ведомых с собой людей вернуться в лагерь полководца, у коего было множество людей. И потому вернулся и сказал полководцу, чтобы он пошел на встречу с сеньором губернатором, и к своему касику Атабалипе. Тот ответил, что не желает выходить оттуда, поскольку так ему было приказано его владыкой Атабалипой. Эрнандо Писарро сказал ему, что если он не соизволит прийти, то он приведет его силой. И потому привел в боевой порядок своих немногочисленных людей, ведь он находился на большой площади. Там он рассчитывал, невзирая на большое число людей, расквитаться с ними, ведь шедшие с ним были добрыми мужами. Полководец индеец, когда увидел тех людей построенными в ряды, решил идти с сеньором Эрнандо Писарро. И потому он пришел туда, где находился сеньор губернатор.

Касик Атабалипа очень опечалился, когда увидел, что пришел его полководец, но поскольку он был весьма лукавым, то сделал вид, что был рад ему. Губернатор спросил его о золоте Куско, ведь тот полководец был тем, кто его пленил; он ответил, как ему сообщил Атабалипа, что у того

[119] Далее он будет назван Чаликочима.

совершенно нет золота, что все оно было отнесено. Все сказанное им было ложью. И отведя его, Эрнандо де Сото пригрозил ему, что если он говорил неправду, то сожжет его; тот ответил ему то же, что сказал раньше; и тут же воткнули кол, и привязали его к нему, и принесли много дров и соломы, говоря, что если он скажет неправду, то его сожгут. Он приказал позвать своего владыку, каковой пришел с губернатором, и |касик| заговорил со своим привязанным полководцем. Полководец сказал ему, что хотел бы сообщить христианам правду, поскольку если не скажет ее, то они сожгут его. Атабалипа сказал ему, чтобы он ничего не говорил, так как все, что они говорили, было лишь для того, чтобы напугать его, что они не осмелятся сжечь его. А так как они спросили у него еще раз о золоте, но он не захотел говорить, то они тут же разожгли под ним огонь; он сказал, чтобы убрали от него того касика, его владыку, стоявшего перед ним, поскольку тот глазами делал знаки, чтобы он не говорил правды, и потому того убрали оттуда; и тут же он сказал, что по приказу касика он три или четыре раза приходил с большой силой людей на христиан; и что христиане знали об этом; сам Атабалипа, его владыка, приказывал ему вернуться, боясь, что христиане их убьют; также они задали ему еще один вопрос о том, где находилось золото Старого Куско[120]. Он сказал, что в самом селении Куско находился полководец по имени Кискис, и что у этого полководца было все золото, поскольку никто не осмеливался подойти к нему, ведь, даже не взирая на то, что тот мертв, они исполняют его приказ так же строго, как если бы он был живым. И потому дают ему пить, и проливают то вино, которое там они должны были давать ему пить возле того места, где находится тело Старого Куско. Тот полководец индеец также сказал христианам, что в том селении внизу, где касик Атабалипа, его владыка, поставил свой лагерь, был очень большой навес, в котором у касика было много кувшинов и различных других золотых вещиц. Об этих и других вещах рассказал христианам тот полководец индеец, но я при этом не присутствовал. Затем того полководца индейца отвели в дом сеньора Эрнандо Писарро, и приставили к нему бдительную охрану, ведь было бы лучше, если бы она были приставлена, потому что большинство людей повиновалось приказаниям этого полководца, как самому касику Атабалипе, его владыке, ведь он был весьма отважным мужем на войне, и он сотворил очень много зла по всей той земле; и потому был тот полководец очень рассержен на касика Атабалипу, своего владыку, говоря, что из-за его тяжбы |с братом Васкаром| с ним плохо обращались; касик не присылал ему ни еду, ни других вещей из-за сильного гнева на него; |а все| из-за того, что было им рассказано |христианам|; но сеньор капитан, у которого он находился в доме, давал ему еду и даже приказывал, чтобы ему прислуживали и давали все необходимое; и хотя он был уже полуобожженным, многие |из| тех индейцев приходили к нему служить, ибо были его (6v) слугами. И этот полководец был жителем провинции под названием Гито[121] [Guito], в которой владыкой был сам

[120] Старый Куско — это правитель Вайна Капак, отец Атавальпы и Васкара.
[121] Правильнее, Кито.

Атабалипа. Эта земля очень ровная и богатая, ее люди очень отважны, с этими людьми Атабалипа завоевал землю Куско, и из нее вышел Старый Куско, когда начал подчинять себе все те земли. Касик Атабалипа сказал, что было много домов, считающихся [deputadas] золотыми и серебряными, и что золото из рудников было в незначительных |количествах|, потому что копи с возвышенностей[122] [las minas de collado], были на том конце Куско, и они были более богатыми, потому что золото из них добывали в виде больших крупиц, и золото не промывалось, а из реки его |сразу| добывали в крупицах.

Довольно говорить об этом, а расскажу-ка я о христианах, пришедших из Куско, каковые вошли в лагерь губернатора с более чем ста девяносто индейцами, груженными золотом. Они несли двадцать больших кувшинов и другие крупные вещицы. Было даже так, что одну вещицу несло двенадцать индейцев. Также несли другие извлеченные из домов предметы; серебряных |изделий| принесли мало, потому что так приказал губернатор, чтобы приносили не серебро, а только золото, ибо касик сетовал, что не хватало индейцев, чтобы принести золото. В прошедшие дни прибыло много золота, и губернатор послал двух людей к навесу, о котором говорил полководец. И принесли так много золота, что в одном большом доме во многих местах имелись кучи золота различной пробы, и мелкие вещицы |тоже|. И губернатор приказал переплавить все мелкое золото, среди которого были переплавлены несколько крупиц золота величиной с каштаны, а другие — и побольше, но иные — фунтового[123] веса и больше. Я говорю об этом, потому что стоял на часах у дома с золотом и видел, как их переплавляли. Было более девятисот кусков золота из рудников, некоторые были хорошей пробы [algunos eran de quilates], |поэтому| многие из них были переплавлены. И были изготовлены слитки, а другие были разделены среди людей. В этом доме было более двухсот крупных серебряных кувшинов, принесенных касиком; хотя губернатор об этом не приказывал, но там было много горшков и кувшинчиков и других очень красивых вещиц. И кажется мне, что виденное мною серебро весило где-то пятьдесят тысяч марок, на две тысячи больше или меньше. В этом доме было восемьдесят крупных и малых золотых кувшинов, и другие очень крупные предметы, и одна куча высотой выше человека из тех пластин; все они были очень тонкими и из очень хорошего золота. В этом доме с обеих сторон были кучи золота и серебра. Когда собрали и взвесили все то золото присутствующие чиновники Его Величества, губернатор назначил лиц, осуществлявших раздел на доли[124]. Эти лица были избраны путем голосования |всеми| людьми. И Его Величеству губернатор отправил подарок, состоящий приблизительно из ста тысяч песо в виде изделий, каковыми были пятнадцать больших кувшинов и

[122] Возможно, в данном случае автор допустил описку или неправильно понял сказанное индейцами и слово «collado» следует понимать как «colla», т.е. Кольясуйу — один из четырех регионов империи инков Тавантинсуйу, где действительно было много рудников, но серебряных. Собственно, регион Колья находился как раз на противоположном конце империи.

[123] Либра или фунт состоял из 16 унций и равнялся 460,5 г.

[124] Пропорциональный раздел военной добычи между всеми участниками.

четыре горшка, вмещавших по две арробы[125] воды, и много других мелких, но очень дорогих вещиц. И правда, что после отправления сеньора капитана, пришло намного больше того, что осталось. Он уехал, и сеньор губернатор произвел раздел на доли, и выпало на каждого пешего по четыре тысячи восемьсот песо золота, а всадникам — вдвое больше, не считая нескольких сделанных преимуществ |родственникам и приближенным Франсиско Писарро|. Сеньор губернатор дал людям, пришедшим с Диего де Альмагро, из золота военной добычи, прежде чем оно было разделено, двадцать пять тысяч песо золота, потому что они испытывали некоторую нужду, а тем, что были из основанного |христианами| поселения, он дал две тысячи песо золота, разделенные по двести песо на каждого. Но всем тем, кто пришел с капитаном, он дал много золота, так что торговцам он отдавал по две и по три золотых чаши, чтобы была возможность всем выдать долю. Но многим из тех, кто его |собственными усилиями| захватил, он дал меньше того, что они заслуживали, и об этом я говорю, потому что так случилось со мной. Поэтому было много тех, кто просил разрешения у сеньора губернатора вернуться в Кастилию. Одни, чтобы представить доклад его величеству о |завоеванной| земле, другие, чтобы повидать своих родителей или жен. Он предоставил разрешение двадцати пяти сотоварищам, дабы те вернулись домой.

В эти дни, когда касик узнал, что хотели добыть золото из земли, приказал созвать многих людей из многих краев: одних, чтобы они пришли к христианам на погрузку кораблей, а других людей, чтобы они пришли в лагерь, дабы разведать, сможет ли он освободиться. И это была великая сила людей, |но| приходивших в большинстве своем по принуждению и из страха. Так как сеньор губернатор был об этом хорошо осведомлен, он заговорил с касиком, и сказал ему, что было дурным |намерением| то, что он заставлял приходить людей против них. За несколько дней до того в наш лагерь пришло два индейца, сыновья Старого Куско, братья Атабалипы по отцу, но не по матери; эти пришли весьма скрытно, боясь своего брата. Когда губернатор узнал, что они были сыновьями Старого Куско, он оказал им большое почтение, потому что по их облику было видно, что они сыновья большого владыки. Эти спали вместе с губернатором, ибо не осмеливались спать в другом месте из страха перед своим братом. Один из них был законным правителем той земли, оставшейся после смерти его брата. В эти дни пришли новости, что поблизости находились воины, и поэтому мы зорко стояли настороже, и однажды ночь пришли индейцы, убегавшие из одного близлежащего селения, говоря, что приходившие индейцы воины, уничтожили у них их маис, и те шли, чтобы напасть на христиан, и что поэтому они убегали. Когда об этом узнал сеньор губернатор, он держал совет со своими капитанами и с чиновниками Его Величества. И они решили тут же убить того великого касика Атабалипу, каковой того заслуживал. И потому, когда начало смеркаться, его вывели на площадь и привязали к колу

[125] Арроба — мера объема жидкостей — равнялась 16 литрам.

[le ataron a vn palo], и по приказу сеньора губернатора хотели сжечь его живьем. Но так как Бог желал обратить |касика в христианство|, он сказал, что хотел бы стать христианином, и потому его задушили той ночью. Как и во многие другие |до этой ночи| было так, что люди не спали и не отдыхали из страха перед индейцами и тем касиком. Той ночью губернатор выставил караул у мертвого касика, и на другой день утром его похоронили в имевшейся у нас там церкви, и многие индеанки хотели быть погребенными с ним живыми. Из-за погибели этого касика возрадовалась вся та земля, и не могли поверить, что он погиб. Тут же стала известной новость войскам |Инки|, и сразу же каждый ушел в свой край, ибо большинство было туда приведено силой.

Сеньор губернатор провозгласил владыкой той земли старшего сына[126] Старого Куско с условием, чтобы он и все его люди остались вассалами императора, и тот пообещал сделать так. Затем пришло превеликое множество людей по приказу касика служить по доброй воле. Также обрадовался смерти Атабалипы полководец Чаликочима, говоря, что из-за него он чуть было не был сожжен. И что он отдал бы все золото земли, какового было намного больше, чем то, что дал Атабалипа, потому что тот, кто был провозглашен владыкой, являлся законным владыкой той земли; в тот день он принес четыре ноши золота и некие чаши. Прежде чем Атабалипа погиб, он приказал принести |статую золотого| пастуха со |статуями| золотых овец, и другие очень дорогие вещицы. И все это прибывало в лагерь. И советовали сеньору губернатору, чтобы он не приказывал приносить то золото сразу, дабы те, кто уезжали в Кастилию, не получили бы доли. Из-за этого я не расстался с причитающейся мне долей, что и помогло мне получить ее. Эти предметы были очень крупными. Многие другие, и я, слышали от касика, чтобы не приказывали возвращать того золота назад[127], потому что он ожидал намного больше, чем ему должны были принести более двухсот индейцев, но губернатор сказал ему, что они должны будут идти в тех местах и соберут его |сами|, и это делалось для того, чтобы не досталось доли тем, кто уходил в Кастилию. Я скажу, что видел, как остался там после раздела золота один большой ящик, полный золотых сосудов и многих других вещиц. Все это не было разделено, а ведь в этом была доля тех, кто уходил в Кастилию, но находился в том названном сражении.

Кроме того скажу, что я видел, как там взвешивалась и оставалась пятина[128] Его Величества, не считая того, что досталось сеньору Франсиско

[126] Возможно, речь идет о Тупак Вальпе, которого сразу после смерти Атавальпы испанцы «поставили» марионеточным правителем. Однако, следует учесть, что инки в Куско сразу на совете назначили законного наследника — Манко Инку Юпанки, известного в историографии как Манко Капак II.

[127] Малопонятное место.

[128] Выкупы и награбленное конкистадорами подвергались разделу между участниками, но при этом обязательным условием было оставить для короля пятую часть — пятину. В «Капитуляции» Франсиско Писарро было установлено, что «золото и другие вещи, полученные в качестве выкупа или добыча, или другим способом, впредь должны нам выплачиваться в виде пятой части из всего этого». Королевская подать («quinto real» — пятая часть), как видно из доклада другого чиновника, составила не 20 %, а всего 8 %.

Писарро, |а именно| более ста восьмидесяти тысяч песо. Это то, что случилось у нас в этом краю, многие же другие дела покинули мою память. Обо всем превосходно совершенном славлю Бога, наделившего нас доблестью и силой, дабы осуществить это.

Знаю, что касик сказал, что есть много других индейцев из того края Кольао, и что там есть очень большая река, на которой имеется остров с особыми домами, и что среди них есть один полностью покрытый золотом, а солома сделана из золота, потому что индейцы принесли нам пригоршню такой. И что балки и все, что имеется в доме — золотое; и что пол вымощен золотыми крупицами, |годными| для переплавки; и что внутри в нем много золота для переплавки. И это я слышал, в присутствии губернатора, от касика и его индейцев, жителей того края. Еще касик сказал, что золото, добываемое из той реки, собирают не в подносах, а скорее его собирают в каналах,

---

Выкуп Атауальпы, правителя Инков. 18 июня 1533 г.

Получатель	Золото, песо	Серебро, марок	Стоимость (2000г.), млн. USD (по Alfonso Klauer)
Королевская пятина (налог)	100000	5000	542,1
Католическая церковь	2220	90	12,0
Франсиско Писарро	57220	2350	309,9
Эрнандо Писарро	31080	1267	168,3
Эрнандо де Сото	17440	724	94,5
Хуан де Соса (священник)	7770	311	42,1
Хуан Писарро	11100	407	60,1
Педро де Кандиа	9909	407	53,7
Гонсало Писарро	9909	385	53,7
Себастьян де Беналькасар	9909	407	53,7
Общее количество, полученное всадниками	610131	25799	3305,1
Пехота	360994	15062	1955,4
Для солдат из Пьюры	15000	0	80,9
Люди Альмагро	20000	0	107,9
Итого	**1262682**	**52209**	**6839,30**

1 песо = 4,5 г золота
1 марка = 1/15 песо

Показательно, что в списке получивших долю выкупа отсутствует имя монаха Висенте Вальверде, подавшего сигнал о нападении на Великого Инку Атавальпу (хотя его коллега Хуан де Соса указан персонально). Если принять во внимание, что золотой песо равен приблизительно 4,5 г золота, а каждая марка — 1/15 песо (данные: Федерико Анхель Энгель), то выкуп в физическом выражении составил 5993 кг золота, что было на тот момент в 14 раз больше ежегодного поступления золота в Испанию из Африки. Из этого можно судить, насколько велик был этот выкуп, и как дорого стоила жизнь правителя империи Инков. В связи с приведенными данными интересны сведения более позднего времени о примерном количестве годовой добычи драгоценных металлов у Инков. Согласно Педро Сьеса де Леона «Хроника Перу. Часть Вторая» в Главе XVIII: «*Так обстояло дело у инков с этим: им добывали столько золота и серебра во всем королевстве, что, похоже, за год, добывали более пятидесяти тысяч арроб серебра и более пятнадцати тысяч золота, и всегда добывали из этих металлов в качестве службы им. И эти металлы приносились в столицы провинций, и таким образом и порядком, что они добывали их как в одних (местах) и так и в других (местах), во всем королевстве*». Добыча здесь, похоже, и как собственно добыча на рудниках и как результат меновой торговли, и, конечно, военная добыча. Хотя Сьеса пытался тщательно исследовать многие вопросы у знати в Куско, цифры этой «добычи» выглядят неправдоподобно высокими. Ведь получается, что добывали от 575 до 625 тонн серебра в год и от 172 до 187 тонн золота в год (смотря по тому, сколько килограмм составляла арроба). За десять лет такой добычи металлов накопиться несколько тысяч тонн. Но и Сьеса вряд ли бы стал записывать сведения, если бы они казались ему неправдоподобными, поскольку в таких случаях он обязательно добавлял, что это, мол, сказки и басни и им не стоит верить. Но известно, что за 20 лет с 1541 по 1560 года испанцами было вывезено более 500 тонн золота и как утверждает Сьеса де Леон: «*…с 1548 по 1551 год пятая королевская часть (налог) оценивалась в сумму больше 3 миллионов дукатов* [1 золотой дукат весил 3,6 г = 11 королевским кастельяно = 375 мараведи; с 1552 и в XVII веке были уже серебряные дукаты|, *что стоило больше, чем полученный от Атавальпы выкуп, и в городе Куско не было найдено столько, когда его обнаружили*», так что инками было добыто, действительно, немалое количество этого металла. Потому вполне справедливо возникли слухи и предположения, что часть сокровищ не досталась испанцам и была сокрыта инками и либо затоплена в озерах, либо вывезена в район Амазонки, в мифический город Пайтити. Золото инками изготовлялось в специально созданном (при каждой столице провинции) литейном доме. Этот список дает возможность лучше понять, где концентрировались драгоценные металлы. И в этих поселениях находилось «*множество ювелиров, они только и занимались всё своё время, что обрабатывали дорогие предметы из золота и большие сосуды из серебра*». Также в этих городах существовали храмы Солнца, откуда и собирали индейцы выкуп за Атавальпу, поскольку часто эти храмы были отделаны золотыми пластинами как снаружи, так и изнутри. В храмах также находились различные идолы и статуи, сделанные из золота или серебра.

отведенных от той реки, омывающей вырытую ими землю. И убирают воду из того канала, когда она промыта, и собирают золото и находят крупицы, а их много; и это я слышал много раз, потому что все индейцы края Кольао, у которых об этом спрашивали, говорили, что это было-таки правдой. И обо всем этом я засвидетельствовал и удостоверил в качестве непосредственного свидетеля [testigo de vista], как присутствовавший при всех этих делах вместе с превосходным и смелым кабальеро Франсиско Писарро, губернатором и капитан-генералом[129] в той земле от имени Его Величества, коему Бог всегда будет содействовать в процветании. Аминь.

(8v) Этот труд был отпечатан в благороднейшем и преданнейшем городе Севилье, в доме Бартоломе Переса, в месяце апреле, в году одна тысяча пятьсот тридцать четвертом.

[129] В Испании чин *капитан-генерал* впервые появляется в середине XV века и применяется как в армии, так и на флоте. Был высшим в испанской военной иерархии на протяжении XVII — начала XVIII столетий.

Грамота Франсиско Писарро об энкомьенде для Диего Мальдонадо, |Куско|, 15 апреля 1539.

[Оригинал хранится в Главном Архиве по делам Индий: Archivo General de Indias, Seccion: Patronato 93, n11r2, стр. 186v-188v.]

[Информация о пожалованных группах воспроизведена в форме списка, чтобы облегчить чтение]

ТЕКСТ:

|С краю| *Грамота Маркиза*

Маркиз Дон Франсиско Писарро, аделантадо, капитан-генерал и губернатор Его Величества в этих королевствах Новая Кастилия, называемой Пиру, и т.д.

Относительно того, что вы, Диего Мальдонадо, житель города Куско — один из первых завоевателей этих королевств, и прошли со мной завоёвывая и заселяя их, и что вы служили Его Величеству умиротворяя и завоевывая индейцев с помощью своего оружия и |со своими| лошадьми, и за свой счет перенесли большие трудности и опасности, а также, являясь жителем в этом вышеупомянутом городе, вы ревностно служили Его Величеству, а затем вы оказались в окружении в этом городе и |были свидетелем| учиненного индейцами восстания (187r) и вы служили во всем, пока край не вернулся в прежнее состояние, на службу Его Величества, действуя так, как должен действовать любой дворянин, и дабы хорошо вы за свои услуги были вознаграждены, от имени Его Величества я сдаю вам на хранение, согласно тому, что вы до сей поры имели и чем обладали, до тех пор, пока не будет осуществлено общее распределение [rrepartimiento general] земель.

|Андауайлас| главный касик из Андагуайлас со всеми своими касиками и знатью, что в Ананчанга и Оринчанга с кичуас Вилькапоро, а именно следующими:

Чукикондорлапа, правитель селения Лайогуачо;
и другой, по имени Бонбо, правитель селения Помагуачо;
и другой, по имени Кондорсука, правитель селения Гуаманилья;
и другой, по имени Асто, правитель селения Капасалья;
и другой, по имени Льяктаконас[130], правитель селения Онгоро;
и другой, по имени Гуаско, правитель селения Бамбамалька;

[130] Словарь Diego Gonsalez Holguin, 1608: Селения или все жители селения.

и другой, по имени Гуанчо, правитель селения Кевилья;
и другой, по имени Сулькагуаман, правитель селения Лакача;
и другой, по имени Томаинанпа, правитель селения Чуайапо;
и другой, по имени Его |вычеркнуто| Марасгуаман, правитель селения Какесамарка (это инка);
и другой, по имени Ороро, правитель Гуайакони (это чачапойа);
и другой, по имени Поковилька, правитель Пакоча;
и другой, по имени Йанас, правитель селения Гуатарай;
и другой, по имени Сутайа, правитель селения Оркомалька;
и другой, по имени Альяука, правитель селения Ислана;
и другой, по имени Коила и другой Маима, правитель селения Поколью (это кичуас);
и другой, по имени Гуманвилька, правитель селения Гуальгуайо;
и другой, по имени Тувианайпа, правитель селения Кочабамба;
и другой, по имени Алькаилья, правитель селения Чукибамба;
и другой, по имени Чочуман, правитель селения Гуарильяне (187v) (это кичуас);
и другой, по имени Асака, правитель селения Кокас (это юнги);
и другой, по имени Канчайа, правитель Сильюске;
и другой, по имени Шерсть, правитель Йанама;
и другой, по имени Инда, правитель Тороро (это кичуас);
и другой, по имени Навиасто, правитель селения Аймайба;
и другой, по имени Сука[131], правитель Чучумбе;
и другой, по имени Гуаманлапа, правитель селения Бамбамалька;
и другой, по имени Гуарака, правитель селения Кокпалья;
и другой, по имени Гуаско, правитель селения Кечука |вычеркнуто|;
и другой, по имени Кильичангас, правитель селения Льямай;
и другой, по имени Наупакондор, правитель селения Чукисгуайо;
и другой, по имени Гуачака, правитель селения Пупука;
и другой, по имени Магула, правитель Помачака;
и другой Куритомай и другой, по имени Томайкондор, правители Андаско;
и другой, по имени Льянгаре, правитель селения Кеноавилька;
и другой, по имени Кекеасто, правитель селения Ларакалья;
и другой, по имени Льякагуавейа, правитель селения Опабачо;
и другой, по имени Гуаскопачуа, правитель селения Тольпо;
и другой, по имени Чукильяпа, правитель селения Андакечуа;
и другой, по имени Ала, правитель селения Окочо;
и другой, по имени Кикималька, правитель селения Тикильо;
и другой, по имени Маки, правитель селения Магусикамалька;
и другой, по имени Кеки, правитель селения Лачи;
и другой, по имени Вилькасана, правитель селения Чиласени;
и другой, по имени Сулья, правитель селения Капакалья;

[131] Словарь Diego Gonsalez Holguin, 1608: Гребень борозды.

и другой, по имени Чокольо, правитель селения Кола;
и другой, по имени Ластас, правитель селения Айчика;
и другой, по имени Сука, правитель селения Чиара;
и другой, по имени Сука правитель |вычеркнуто| селения Гуачовилька, правитель селения Паракайя;
и другой, по имени (188r) Уско, правитель селения Чакана;
и другой, по имени Асто и другой Лапа, правители селения Лоройя;
и другой Чангагуаско, правитель селения Суйя;
и другой, по имени Курисика, правитель селения Йанапаско;
и другой, по имени Гуачарондоймагула, правитель селения Чунбиальянга;
и другой, по имени Чукикамаока, правитель селения Гуайана;
и другой, по имени Сибопаукар, правитель селения Омамарка (это орехоны);
и другой, по имени Кальбакури и другой, по имени Севинда, правители селения Билькабанба;
и другой, по имени Моигуа, правитель селения Алькаракай (это орехон);
и другой, по имени Тока, правитель селения Йатуби;
и другой, по имени Аокасиби, правитель селения Чуа (это орехон);
и другой, по имени Гуачака и его селение Аймарас (они являются митимайями аймара, по имени, Осо);
и другой, по имени Чаука, это йауйо, и другой, по имени тукуйрико, по имени Оркогуаранга (это орехон), правители селения Майомарка и Чавибамба.

|Сальяупарко| А также сдаю вам на хранение в провинция Чинчасуйо:

касик Кайо Юпанги, правитель селения Парко, и другой начальник вышеупомянутого селения Парко по имени Масосо;
и другой, по имени Майта Юпанги и другой Кальянкана, правители селения Патете;
и другой начальник, по имени Чукиланки, это гуанка, и другой, по имени Кувилика, это йауйо, правители селения Гуанкабамба;
и другой, по имени Гуаманкагва, правитель селения Кевинча;
и другой, по имени Гуарака, правитель селения Йанака (они чанги);
с мамаконами и индейцами юнгами из Сондора, что в Лиматамбо, со сто пятьюдесятью индейцами.

|Гуаскаркигуар и дуэньи| А также вам сдаётся на хранение (188v) в провинции Кольясуйо:

касик Паригуана, правитель селения Гуаман;
и другой начальник, по имени Паукар, правитель селения Васкаргигуар;
и другой, по имени Вичорамаче, правитель селения Пикой;
и другой, по имени Йанайанге, правитель селения Арас;
и другой начальник, по имени Окоча, правитель селения Киспе;

и другой, по имени Ароско, правитель селения Марпа;

и другой, по имени Паро, правитель селения Хойва;

с двумястами и шестьюдесятью индейцами с митимайями им подчиненными, которые заготовляют им еду, где бы они ни были.

|Гуаскаркигуар и дуеньи| А также вам сдаются на хранение в провинции Андасуйо сорок индейцев из половины селений Помачондаль:

и начальника зовут Тоалипа;

и другой, по имени Помамарка;

и другой начальник, по имени Сульканави, правитель |селения| Ойомайо;

с касиками, из тех, что ныне есть и будут в дальнейшем, потому что вторая половина сдана на хранение Педро де лос Риосу.

Все вышеупомянутые касики и селения и начальники, что ныне есть и будут в дальнейшем подчинены вышеупомянутым Андагуайлас, а также остальным касикам, перечисленным в этой грамоте, дабы они вам служили сообразно королевским распоряжениям при условии, что вы оставите на хранение касиков, их жен и детей и других индейцев себе в услужение, как приказывает Его Величество.

Составлено 15 апреля 1539 года.

Я, Доминго де Гамарра, секретарь Его Величества и его королевский нотариус извлёк эту вышеприведённую копию из дела, находящегося в моём ведении (189r), где как видно, были описаны и приведены записи кое-каких документов и грамот о пожаловании индейцев, которые маркиз Дон Франсиско Писарро, губернатор этих королевств Пиру, выдал и доверил в этих вышеупомянутых королевствах, и это |как раз то|, что я извлёк по распоряжения уполномоченных сеньоров и Совета Его Величества и по просьбе Диего Мальдонадо, мною упомянутого, чтобы увидеть, извлечь и сличить |мог| лиценциат Монсон, ревизор Его Величества в городе Королей 5 декабря 1561 года. Свидетели, присутствовавшие при осмотре, извлечении, исправлении и сличении: Хуан Руис де Гамарра и Мельчор Перас, нотариус, жители вышеупомянутого города Королей.

|Далее следует список поправок|

|*Селения, занесенные в список в долговом обязательстве 1539, на современной карте называются следующим образом:*

Селение в 1539 = современное Название

Alcaracay

Andaquchua

Andasco

Aychica

Аймара

Aymayba

Banbamalca = Pampamarca
Bilcabanba
Capacalla = Capacalla
Capaçalla
Caquesamarca
Chabibamba
Chacana
Chiara = Chiara
Chilaçeni
Chua
Chuayapo
Chuchunbe
Chunbihallanga
Chuquisguayo
Cocas = Cocas
Cochabanba = Jochapampa
Cola = Colpa
Gualguayo
Guamanilla
Guarillane
Guataray
Guayaconi
Guayana = Guayana
Loroya
Lacacha
Lachi
Laracalla
Layoguacho
Llamay = Lamaypampa
Magusycamalca
Mayomarca
Ococho
Omamarca
Ongoro
Opabacho
Orcomalca
Pacocha
Paracaya
Pocollo = Pucullo
Pomachaca
Pomaguacho
Pupuca
Queca
Quenoabilca
Quevilla

Sillusque
Suya
Tiquillo
Tolpo = Turpo
Tororo
Yanama
Yanapasco
Yatubi = Jatupata
Yslana = Isjana]

Сообщение кипукамайоков ([1542], 11 марта 1608).

Документ под заголовком "Сообщение о происхождении и правлении инков" ("Discurso sobre la Descendencia y Gobierno de los Incas") обнаружил в Национальной Библиотеке Мадрида известный испанский историк XIX в. Маркос Хименес де Ла-Эспада. Он же опубликовал его в 1892 году под названием "Памятник перуанской старины"("Una antigualla Peruana") в книге Rev. Cont., LXXXVI, с посвящением политику и оратору Эмилио Кастелару.

Затем было осуществлено ещё два издания документа. Одно — в 1921 году перуанским историком Орасио Уртеагой, во Второй серии "Собрания документов, относящихся к истории Перу" (Colección de Documentos Referentes a la Historia del Perú, том III). Затем другой перуанский историк, Хуан Хосе Вега, подготовил новую публикацию, вышедшую в свет в 1974 году в "Изданиях Университетской Библиотеки" под названием "Сообщение о Происхождении, Правлении и Завоевании Инков" ("Relación de la Descendencia, Gobierno y Conquista de los Incas").

В течение длительного времени рукопись числилась в каталоге Национальной Библиотеки Мадрида под номером J.133 (ранее она принадлежала Андресу Гонсалесу Барсия), но в настоящее время этот номер заменён на 2010. Сама рукопись включает 17 документов, относящихся к XVI и XVII векам. Среди них и находится хроника кипукамайоков, заканчивающаяся письмом, собственноручно написанным и отредактированным в Куско неким монахом Антонио, почерком, отличающимся от остального текста; оно подписано 11 мая 1608 года в некоем монастыре и адресовано ревизору Педро Ибаньесу. Можно предположить, что это был либо Антонио Баутиста Саласар, человек образованный, знаток классической культуры, основательно интересовавшийся историей Перу, либо известный хронист XVII века Антонио де Ла-Каланча (1584–1654).

Кем бы ни был "брат Антонио", на самом деле он в лучшем случае только объединил по меньшей мере три или четыре документа. Первый из них чрезвычайно интересен, ибо является ни чем иным, как записанным в 1542 г., всего через 9 лет после падения державы инков, протоколом опроса четырех официальных инкских историков — кипукамайоков, и, таким образом, самой ранней из известных индейских хроник Перу.

В его составлении (как указано в самом тексте, а также следует из стилевых особенностей памятника) в качестве переводчика и писца принял участие Хуан Диес де Бетансос-и-Араус (1516 или 1519–1576). Бетансос был знатоком языка кечуа, женатым на инкской принцессе "пививарми" Аньяс (после крещения — Анхелина), сестре Атавальпы и наложнице-вдове маркиза Франсиско Писарро; вице-короли поручали ему важные задания и очень высоко ценили его услуги. В 1550 г. вице-король Антонио де Мендоса приказал Бетансосу написать книгу, озаглавленную "Полный перечень и повествование об инках" ("Suma y narracion de los Incas"), как следует из посвящения книги этому вице-королю. Из этого же посвящения известно, что он составил другую книгу — "Христианское учение" ("Doctrina cristiana") на языке кечуа вместе с двумя Словарями: одним, состоящим из слов, вторым — из сообщений, молитв, диалогов и исповедей. Позже Бетансос участвовал в переговорах, начатых в 1557 году вице-королем Андресом Уртадо де Мендоса, маркизом де Каньете (занимал должность в 1556–1561), для приведения к покорности Сайри Тупака, первородного сына и наследника Манко Инки Юпанки (или Манко Капака II, правителя неоинкского государства в непроходимых горах Анд. Переговоры закончились выходом Сайри Тупака с гор к испанцам. После этого последовали трудные и неудачные переговоры о выходе из Вилькабамбы Куси Титу Юпанки, брата Сайри Тупака.

Второй из упомянутых испанцев — Франсиско де Вильякастин — являлся одним из первых конкистадоров и наиболее влиятельных жителей Куско. Он был женат на одной из четырёх законнорожденных дочерей Вайна Капака, хотя её имя осталось неизвестным. Известно, что на сестре жены Вильякастина донье Беатрис Вайльас Юпанки был женат Мансио Сьерра де Легисамо, и у них был сын.

Другой документ, использованный братом Антонио — некое свидетельство о завоевании Перу, скорее всего принадлежащее очевидцу и участнику событий. Можно предположить использование двух таких памятников — один из них описывает события от появления Писарро на материке и до битвы при Лиматамбо, второй — злосчастную судьбу отрядов, посылавшихся Писарро на помощь осажденным в Куско испанцам.

Наконец, в основу всей второй половины "Сообщения" положен некий документ о великом индейском восстании Инки Манко. При этом выпячивание заслуг, будто бы имевшихся перед испанцами у Паульу Тупака Инки, подчеркнутое противопоставление этого индейского царевича своему сводному брату "мятежнику" Инке Манко позволяет предположить, что документ был составлен в окружении потомков Паульу Тупака, скорее всего, его внука Дона Мельчора Карлоса Инки.

[Перевод с испанских изданий:
Una antigualla peruana. — Madrid: Tipografia de Manuel Gines Hernandez, 1892. — p. 1–47.,
Discurso sobre la Descendencia y Gobierno de los Incas // Juan de Betanzos. Suma y Narracion de los Incas. — Madrid: Ediciones Polifemo, 2004. — p. 359–390.]

ТЕКСТ:

Сообщение о происхождении и правлении Инков.

Во времена, когда этим королевством Перу управлял лиценциат Вака де Кастро [Vaca de Castro][132], с большим усердием старавшийся узнать о старине индейцев этого королевства и о происхождении их, Ингов [los Ingas], правителей, бывших в этих королевствах, и были ли они уроженцами этой земли или пришлыми из других краёв, для расследования этого вопроса он приказал собрать и явиться к себе всем Ингам, старым и много прожившим, из Куско[133] и со всей его округи, и когда разузнавал у них о задуманном, никто не сообщал определенно, а лишь весьма различно, каждый по своей прихоти, только и сообщая, что все Инги были потомками Манго Капака [Mango Capac], являвшегося первым Ингой [Inga], только |это| и сообщая, друг с другом не совпадая в известиях. Увидев себя в затруднительном положении по этому вопросу, они сказали, что у всех предыдущих Ингов были свои кипукамайо|ки|[134] [quipocamayos], как |относительно вопросов| происхождения и их начала, так и времён и дел, случившихся за время правления каждого их правителя; и они сообщили, что когда пришли Чалькочима [Challcochima] и Кискис [Quisquís], полководцы-тираны Атаовальпа Инги[135] [Ataovallpa Inga], погубившие край, то убили всех кипукамайоков[136], каких могли захватить в |свои| руки, и сожгли их кипос xlos quipos][137], говоря, что они должны были вновь начать |мир| от

[132] Лиценциат Кристобаль Вака де Кастро (1492?–1566) был правителем Перу с августа 1542 по май 1544 гг.
[133] Именно в Куско и был составлен этот доклад. Ниже в тексте этому имеется ряд подтверждений.
[134] Служащие, ведавшие составлением, хранением, учётом кипу. Во многом их деятельность можно было приравнять к деятельности одновременно и нотариусов, и писарей, и архивистов.
[135] В мадридском издании 1892 года это имя приведено как *Атао вальпа Инга*.
[136] В тексте оригинала использована форма кипукамайо, в переводя будет использована правильная и полная форма «кипукамайоки», поскольку её можно ставить во множественное число.
[137] В изд.1892 использовано слово quipu, в изд.2004 — quipo или мн.ч. quipos. В дальнейшем будет использоваться более правильный перевод «кипу». Кипу — узелковая система фиксирования и передачи информации у инков. Инка Гарсиласо де ла Вега пишет о нем: "Кипу означает "завязывать узел" или "узел"; |это слово| также понимают как "счет", потому что узлы содержали счет любым предметам. Индейцы изготовляли нити разного цвета: одни были только одного цвета, другие — двух цветов, другие трех, а другие — и большего числа, потому что цвет простой и цвет смешанный каждый имел свое особое значение… Узлы ставились согласно порядку — единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч и очень редко (почти никогда) обозначали сотни тысяч… Эти числа они считали по узлам на тех нитях, каждое

Тиксикапак Инги [Ticcicapac Inga], потому что так они называли Атаовальпа Ингу, и они сообщили |о| некоторых оставшихся, бродивших по горам |и| напуганных последними тиранами. Вака де Кастро вскоре послал за ними, и они привели к нему четырёх очень старых |индейцев|. Эти кипукамайоки были наподобие историков или счетоводов-учетчиков [contadores de la razón], и их было много, и у всех у них было соответствие между их кипу и |устными| отчетами; они ничем другим не занимались, кроме как вели тщательный учёт с помощью своих кипу, как относительно происхождения и начала Ингов, и о каждом в отдельности со дня рождения каждого из них, так и об остальных делах, случившихся за время каждого их правителя. Они были обязаны давать отчет обо всём, что бы им не приказали, и они были обязаны обучать своих детей и как следует их проверять и |воспитывать в| них правдивость [tenerlos bien examinados y verdaderos], разъясняя им значения каждой вещи. Этим |кипукамайокам| выделялась весьма полноценная доля из всего рода провизии на каждый месяц года, и им предоставлялись жены и слуги, и у них не должно было быть другого занятия, кроме как тщательно вести учёт с помощью своих кипу, и как следует их составляя в соответствии с правдивыми сообщениями. Те, кого привели к Вака де Кастро, попросили о сроке для того, чтобы подготовить свои кипу, и им дали |этот срок|, и каждый был отдельно от других |опрошен|, чтобы увидеть, согласовываются ли одни с другими в предоставленных каждым из них отчётах. Поручили это лицам большой любознательности; в качестве переводчика |был| Педро Эскаланте [Pedro Escalante][138], индеец, хорошо говоривший по-испански [en lengua castellana], служивший у Вака де Кастро переводчиком, при содействии Хуана де Бетансоса [Juan de Betanzos] и Франсиско де Вильякастина [Francisco de Villacastín], жителей этого города Куско, лиц, очень хорошо знавших всеобщий язык этого королевства, |и| записывавших то, что при помощи кипу объявлялось; и вот, что из этого следует.

По счету кипу, который вели эти счетоводы Ингов, это было от дня, когда рождался Инга, и времени, и лет, и возраста, когда они получали в обладание господство, и возраста, каковой он имел во время, в которое один из них получал его[139], и годы, которые он правил до своей кончины и смерти, и приходил другой наследник, с тем же отчетом, таким же подробным, как от первого Инги, каким был Манго Капак, и до последнего, каким был Гуаскар Инга[140] [Guascar Inga]; и этот |последний|, как явствовало из отчета, властвовал не более двух лет и четырёх месяцев[141], после чего его убили. Эти годы и месяцы, которые они предоставляли из отчета, были месяцами и годами лунными, считая каждым месяцем |срок| от одного новолуния [una

число было отделено от другого … Эти узлы, или кипу, находились в специальном ведении индейцев, которых называли кипу-камайу; это означает "тот, на кого возложена обязанность считать …". Существуют предположения, что с помощью кипу могла фиксироваться и передаваться и более сложная информация.

[138] По другим сведениям его звали Педро Галарте.

[139] Так написано в оригинале: т.е. в первом предложении идёт речь о множественном числе, а во втором об одном Инке. В изд.1892 есть нестыковка: «во владении» записано как «posicion».

[140] В изд.1892: Vascar Inga.

[141] Нигде дальше в тексте не говориться о сроках правления с точностью до количества месяцев!

conjunción de luna] до другого[142]; и из этих лунных месяцев они образовывали двенадцать в году, давая имена каждому месяцу. По этой причине вышло, что двенадцать Ингов правили четыреста семьдесят три года[143]: подразумевая только, что времена последнего, каковым был Гуаскар Инга (не упоминая Атаовальпа Ингу, и Манго Капака, которые правили во время мятежа от его начала), были испорченными, и лишь двенадцать Ингов правили законно, владея землёй до того года, когда пришли в неё христиане, и который стал их концом.

Эти счетоводы Ингов, сообщая о древностях, сказали, что до того, как правили Инги в этом королевстве, индейцы всего края жили во всеобщем беспорядке, потому что в каждом селении были свои кураки[144] [curacas], какие ими управляли, а индейцы были им очень покорны; и все они в основном жили без какого-либо стремления властвовать над чужаками. У них были обычные войны со своими соседями из-за незначительных вопросов; например, если кто-то приходил сеять на их землях или пасти свой скот, переходя межевые камни, или устраивая охоту на гуанако [guanacos] или викуний [vicuñas] на их землях; из-за вещей, почти незначительных, они убивали друг друга без какого-либо порядка. Они всегда жили в таком беспокойстве, и в месте, наиболее близком к каждому селению, в самом высоком подле него, у них имелась заградительная стена, служившая им крепостью, потому как и ныне всё ещё стоят уцелевшие стены |на| вершинах и на холмах [están los paredones altos y en los cerros]. Оружием, какое они обычно использовали и привыкли использовать во всём крае, были пращи с тонкими верёвками, метавшие камни; применяли маленькие копья с медными наконечниками и медные или из обработанного камня дубинки, с рукояткой в четыре пяди[145], |или| немного длиннее. Индейцы из жаркой и гористой местности использовали луки, дротики и маканы [macanas] из пальм; а тем, что причиняло наибольший ущерб, пользовались в землях суровой гористой местности, и это были валуны, сбрасываемые с высот, которые на своём пути |вниз| разбивались на многие куски.

У них было много гуак [guacas][146] и идолов, в которых они верили и которым поклонялись, и считали их творцами, и была у них большая вера и доверие к ним. Также у них для каждого идола были индейцы-колдуны, служившие жрецами, потому что эти совершали жертвоприношения, и церемонии, и обряды для идолов с баранами, и кроликами[147], и всякими съедобными вещами, и кокой [coca], потому что эта |кока| была главным и основным средством в жертвоприношениях, и колдовстве, и делах язычества, и без неё не совершались дела, и её сжигали в качестве жертвоприношения и дара индейцев; и их |жрецов| весьма почитали. Инга Юпанге [Inga Yupangue],

---

[142] Синодический или лунный месяц — период смены лунных фаз ($29^d12^h44^m03^s$ = 29.53059 сут; меняется от 29.25^d до 29.83^d вследствие эллиптичности лунной орбиты); служит основанием лунных календарей.

[143] В других источниках этот срок нигде не упоминается. Если эти 473 года состояли из лунных месяцев со средней продолжительностью ок. 29,53 дня, то выходило, что эти года были не равными солнечным годам

[144] Сармьенто де Гамбоа называл таких вождей — «синчи».

[145] Пядь (мера длины = 21 см).

[146] Вака — святилище, предмет почитания.

[147] Точнее с морскими свинками, мясо которых индейцы Анд считают лакомством.

которого по-другому называли Пачакути Инга [Pachacuti Inga][148], являвшийся девятым Ингой, — этот был тем, кто придумал жертвоприношения детей и девственниц, о чём будет рассказано дальше в нужном месте.

И, когда все индейцы этого королевства пребывали в этих описанных беспорядках, Манго Капак Инга [Mango Capac Inga] вышел из Капаритамбо [Caparitambo][149], что в пяти лигах от Куско, со своими выдумками. Вышеназванные кипукамайо|ки] весьма утвердительно рассказывали эту небылицу[150]: что Манго Капак, первый Инга, был сыном Солнца и вышел из окна какого-то дома и, |якобы|, порождённый лучом или сиянием Солнца, проходившим через щель окна или выемку в стене и скале, где был построен дом притворства[151] [la casa del fingimiento], и что оттуда, по повелению Солнца, своего отца, он вышел и пошел к вершинам одной гористой местности, находящейся в пределах видимости долины Куско, и повёл с собой одного из двух стариков, один из которых его воспитал, каковым оказывали большое почтение как жрецам. Также они принесли каменного идола в виде человеческой фигуры, и |привели с собой] десять или двенадцать индейцев со своими женами[152], хорошо обученных в притворствах вместе с Манго Капаком, как свою семью, с идолом названным дальше Гуанакауре[153] [Guanacaure]; потому гора и гористая местность, где они сделали привал, остались с именем идола, называемым Гуанакауре, потому что в нём они сделали место почитания и святилище, где он оставался в своём храме, и туда к нему приходили поклоняться Инги во время своих обрядов и совершать свои жертвоприношения, и вся земля индейцев[154], как к главной гуаке Ингов и посланнойа Солнцем, приходила со своими жертвоприношениями и дарами во время паломничества.

Два кипукамайока из четырёх, явившихся к Вака де Кастро, один по имени Кальапинья [Callapiña], а второй Супно [Supno], являлись жителями Пакаритамбо[155] [Pacaritambo]; эти сообщили, что их отцы и деды, будучи кипукамайоками, |а| были они из Ингов, рассказывали своим детям и внукам, наказывая держать это в тайне, |что| Манго Капак первый Инга, был сыном одного кураки, правителя Пакаритамбо, имени которого они не |смогли| дознаться, но поскольку они уроженцы того самого места, то смогли выяснить его происхождение. И когда ребёнок был |ещё| очень маленьким, воспитываясь только своим отцом, поскольку мать умерла, |и| таковую он не знал, то его отец говорил ему, что он не его сын, а |сын| Солнца, чтобы повеселиться с ним, как часто отцы веселятся с детьми, |ведь| обычно они дают им имена из развлечения, потому они называли его сыном Солнца.

---

[148] Пачакути Инка Йупанки (правил в 1438–1471 или 1440–1473 гг.), основатель инкского великодержавия.

[149] Описка вместо "Пакаритамбо".

[150] С этого места начинается рассказ самих кипукамайоков, поскольку в предыдущих абзацах ещё чётко было заметно «участие» испанцев.

[151] Не совсем понятная характеристика. Возможно, имеется в виду храм, поскольку католические священники считали служащих в них жрецов обманщиками.

[152] По Сармьенто де Гамбоа речь шла о десяти родах, впоследствии составившие отдельные общины города Куско.

[153] 1892: Guanacaore.

[154] Вернее, «и индейцы всей земли [со всего края]». Непонятно, почему Бетансос написал в такой последовательности.

[155] Из чего следует, что предыдущую историю рассказывали два других кипукамайока, о которых неизвестны ни их имена, ни их место жительства, но предположительно из Куско.

После смерти отца невежественные люди остались при этом мнении, что он сын Солнца.

Мальчик Манго Капак, десяти или двенадцати лет, с именем, данным ему отцом — Сын Солнца. Среди людей и семьи в доме его отца осталось два старика, которым оказывали большое почтение, потому что они были жрецами идолов[156], какие были у отца Манго Капака; эти жрецы с остальными людьми и семейством того дома, вполне обычно и по привычке называли его и говорили ему "Сын Солнца", и он поверил в то, что он таковой, поскольку не знал своей матери, и потому как слышал, что его отец говорил и называл его так вполне обыкновенно. Отсюда появилась эта небылица, когда |ему| уже было восемнадцать или двадцать лет, заставив неотёсанный люд поверить, что он сын Солнца; и для этого те старые жрецы с большим усердием провозглашали это среди невежественных людей, и самого Манго Капака заставили в это поверить, да настолько, что он считал это вещью совершенно определённой; и по повелению этих жрецов и идолов, и поскольку им доверяли, юноша Манго Капак стал сыном Солнца; и эти старые жрецы, дабы воодушевить его, говорили ему, будто находили в своих предсказаниях, что Манго и его потомки должны были стать владыками края, и при помощи и от усердия этих жрецов юноша воспрянул духом, и со своей стороны сделал всё возможное.

С этими обманами и вымыслами Манго Капак вышел из Пакаритамбо со стариками-жрецами и своей семьёй, неся с собой ваку и идола по имени Гуанакауре, и они вышли, чтобы сделать привал в высокогорной местности, видной из долины Куско, поэтому та гористая местность потом была названа по имени идола Гуанакауре, поскольку идол оставался там, пока не пришли христиане в это королевство, в доме и святилище, которые были у них сделаны для него, как для оракула, вместе с огромными сокровищами, найденными в нём христианами. Манго Капаку с людишками [la gentecilla], которых он вёл с собой из своей семьи, вскоре построили домик, где расположился он и идол в своем святилище. После того, как Манго Капаку построили дом, два жреца идола спустились в долину Куско к проживавшим в ней во множестве основанных поселений [en muchos pueblos poblados] индейцам, и объявили среди тех дикарей, что Солнце послало своего сына в человеческом облике в качестве всеобщего владыки земли, со своим явным повелением[157], чтобы все жители мира подчинились ему и считали его владыкой и его сыном; и что они пришли от имени Солнца и Гуанакауре, его второго лица, с посольством, как его служители и посланники, и что со своей стороны они их извещают, чтобы они без малейшего промедления пришли поклониться ему и признать как такового всеобщим владыкой земли, под страхом наказания, что, буде они сделают противное, Солнце нашлёт на них великий мор, когда они вымрут все до единого, потому что решено погубить

[156] По версии первых двух кипукамайоков не было точно известно, что они были жрецами и делалось только предположение, что это так. Кипукамайоки из Пакаритамбо совершенно однозначно утверждают, что они были жрецами каких-то идолов.

[157] В оригинале: «con su esposo manda toque», т.е. «со своим мужем он приказывает, чтобы он достиг».

мир и совершить великую кару над человеческим потомством, такую как во время потопа, и вновь заселить землю новыми людьми; и чтобы тотчас, безо всякого промедления они пришли к нему поклониться и признать как такового владыкой и его сыном Манго Капака, при этом чтобы каждый нёс свои дары и подарки. И что также Пунчао [Punchao], т.е. Солнце, послало Гуанакауре, своего слугу и друга, чтобы все поклонялись ему и считали его защитой человеческой жизни, а также для того, чтобы во всём был хороший исход дел и |хорошая| погода, при большом процветании и благополучии на земле. И Манго Капак, когда старики-обманщики находились с вышеназванными заявлениями в долине у её жителей, послал своих вестников с посольством ко всем жителям долины Куско, у которых было великое замешательство и безрассудство, и во время большой сумятицы они устроили своё собрание. На следующий день рано утром все вышли и пошли поклониться ему со своими дарами и подарками, каждый с тем, что у него было и |что| мог |принести|, и два старика, выдумавших небылицу, вместе с ними.

Манго Капак в то утро, когда долины Куско[158] должны были прийти поклониться ему [que los valles del Cusco habían de ir a le adorar], нарядился в нарядные одежды, принесённые из Пакаритамбо: рубаху украшенную раковинами[159] [almejas] и надел себе на грудь большой золотой медальон, и большую золотую пластину [medalla] на голову, которую они называют канипо [canipo][160], и серебряные браслеты на руки, и множество разноцветных перьев на голову и одежду, а лицо сплошь раскрасив [muy embijado] разными красками[161]; и к восходу солнца он расположился в направлении к отражению и сиянию солнца, к тому времени, когда индейцы из долины шли к нему, и с тем сиянием, какое от него отражалось с помощью медальонов и надетых на него вещей, индейцы, такие дикари, и вправду поверили в то, что он сын Солнца. И потому, когда они шли, они поклонялись ему как Богу; а идол Гуанакауре, который был при нём, также был наряжен в роскошные одежды и украшен золотым и серебряным шитьём, и множеством разноцветных перьев, и он находился под навесом из веток и деревьев, поставленных вместе, образуя святилище. Обманщик, уже знавший и разведавший имена прибывающих и подходящих к нему курак и знати, начал называть их по именам, отчего индейцы приходили в изумление. Там он их заставил поверить, что Солнце, его отец, послал его во благо и спасение их и всей земли, |а также, чтобы| предложить им мир и спокойствие, и что только ему они должны были выказывать повиновение и делать то, что бы он им ни приказал, а сделай они что-либо другое, то будут весьма сурово покараны, как Солнце, его отец, о том ему повелело. Затем он им приказал, чтобы они построили дом для Солнца, его отца, в месте, где ныне основан монастырь Святого Доминго[162], и другой для него |самого| поблизости возле

[158] Точнее «жители долин Куско».
[159] Возможно, описка. Должно быть «almejí» или «almejía», т.е. короткий мавританський плащ.
[160] Канипу — серебряная пластина, надеваемая на лоб, отличительный знак знатных людей.
[161] Дословно «раскрашено киноварью».
[162] На месте Кориканчи, главного храма города Куско и объединения Рурин-Куско.

первого. Индейцы долины немедленно приступили к работе. Он приказал им также, чтобы они со всей поспешностью дали знать и провозгласили по всей земле о том, что Солнце послало своего сына для покровительства и руководства всеми жителями в мире, в качестве владыки и главного вождя. И два старика-жреца Гуанакауре вскоре отправились по соседним селениями провозглашать о приходе сына Солнца и идола Гуанакауре, |и| произошло так, что вся округа |с расстояния в| десять лиг пришла проявив покорность Манго Капаку Инге, и к нему являлись со своими дарами и подарками, признавая его владыкой и сыном Солнца.

Манго Капак был первым и началом |всех| Ингов, который своими хитростями и стараниями заставил принять себя и возвыситься, не прибегая к притеснениям, |причиняемым| войной и оружием. Он был правителем десяти лиг в районе Куско[163]. Женой у него была Мама Вако [Mama Vaco], и у него от неё было двое детей мужского |пола|; старшего и наследника звали Чинче Рока Инга [Chinche Roca Inga], младший назывался Топа Авка Ильи [Topa Auca Ylli]. Потомки этого младшего — те, что из айлью [ayllo] Чимапанакас [Chimapanacas][164]. Следует знать, что в потомстве Ингов владение в наследство получали первородные и законнорождённые сыновья, и от законной жены, согласно их закону и древнему обычаю, и с законной женой они устраивали свои бракосочетания, и отмечали их своими обрядами, о чём будет рассказано дальше. Хотя у Ингов, у каждого из них было бесчисленное число детей, прижитых от сожительниц, они не получали наследства, а только в том случае, если он был рожден законно от законной жены, согласно их древнему закону и их обычаю, |но| если всё же такого законного сына не было, то в таком случае наследовать мог любой незаконнорожденный сын, названный Ингой. Женщине не было разрешено наследовать, когда отсутствовал мужчина.

Манго Капаку, первому Инге, наследовал его сын Чинче Рока, который придерживался того же лживого мнения своего отца, что он также стал сыном Солнца; и он был первым, кто начал завоёвывать и подчинять с помощью войны и оружия, и властвовал |в пределах| 30 лиг в окружности вокруг Куско[165]. Он не смог пройти через провинцию Андагуайльас [Andaguallas][166], ведь, поскольку это многолюдная провинция и все |в ней| подчинены одному правителю, они были неудобны для завоевания; и по

[163] Если учесть, что 1 лига равна 5,55 км, то площадь круга такой территории будет равна ок. 30 тыс. км^2.

[164] Айлью — род, родовая (а фактически — соседская) община в государстве инков. В данном случае речь идет о так называемых панаках [panaca] (букв. "братство"), то есть, группе потомков умершего инки, которая должна была заботиться о его мумии и наследовала его имущество. Территориальные границы айлью соответствовали гидрологическому делению (по каналам и рекам) согласно топографической радиальной системе линий-секе, на которых размещались святилища ваки и о которых заботились панаки/айлью.

[165] Т.е. уже на площади ок. 273000 км^2. А это уже почти половина Украины.

[166] Собственно, Антавайлья — область и селение к западу от Куско между современными Абанкаем и Аякучо, заселенная в доинкскую эпоху народностью чанка (chanca). Одной из главных вак объединения анан-чанка (верхние чанки) в с. Антавайлас была вака Усковилька. Инка Гарсиласо пишет о них: "Предки тех народов пришли из далеких земель и завоевали многие провинции…; потеснив и зажав индейцев кечва в их провинциях, захватив многие их земли, они покорили их и обложили данью"; "эти народы … были господами других провинций, которые они покорили оружием, и день за днем они продолжали завоевывать их, проявляя огромное высокомерие и тиранию ко вновь завоеванным …". До разгрома инками в 1438/1440 году — постоянный и опасный противник Куско.

направлению Кольао [Collao][167] он не смог пройти через перевал Вильканота [Vilcanota], так как его защищали каны [Canas] и канчи [Canches][168]. Женой у него была Мама Кока [Mama Coca], и от неё у него было двое сыновей: первенца звали Льоке Юпанге Инга [Lloque Yupangue Inga]; младший звался Манго Капак. От этого младшего происходят потомки из айлью Раорао Панака [Raorao Panaca]. Он правил до возраста более 70 лет.

Чинче Рока наследовал его сын Льоке Юпанге Инга. Этот не расширил |владений|, потому что в его время произошло много восстаний[169] тех |народов|, которых он получил в наследство, и владение его было на грани потери; он приложил немало усилий к тому, чтобы сохранить то, что его предки ему передали в наследство. Женой ему была Мама Кава [Mama Caba]. От неё у него было три сына: старшим сыном был Майта Капак Инга [Mayta Capac Inga]; вторым — Апо Конде Майта [Apo Conde Mayta]; третим — Апо Така [Apo Taca]. От этих младших происходят потомки из айлью Чигуа Ивин [Chigua Yuin]. Он правил |до| более пятидесяти лет.

Льоке Юпанге Инге наследовал Майта Капак Инга, который ничего не прибавил |к владениям|, потому что всегда воевал со своими же, восставшими против него ежедневно. И женой ему была Мама Таока Рай [Mama Taoca Ray]; от неё у него было двое детей мужского пола: старший и наследник звался Капак Юпанге Инга [Capac Yupangue Inga], младший — Апо Тарко Гуаман [Apo Tarco Guaman]. От этого младшего происходят потомки из айлью Ускамайтас [Uscamaitas]. Этот правил |до| пятидесяти лет.

Майта Капак Инге наследовал Капак Юпанге, его сын; этот подчинил и завоевал |земли| вплоть до Вилькас [Vilcas], и |народа] Сорас [los Soras], и Аймара [los Aymaraes], до провинции Кондесуйев [Condesuyos][170], и Паринакочи [Parinacocha][171] с окрестностями. К этому приходили повиноваться скорее из страха, чем добровольно. Со стороны Кольао к нему приходили Кольа [Collas] вплоть до Павкаркольа [Paucarcolla], не осмеливавшиеся сопротивляться ему из-за могущества Инги. Он приказал и постановил, чтобы вся земля поклонялась Солнцу, оказывая ему большое почтение, а в Куско он начал строить дома Солнца из тёсаного камня. Женой ему была Мама Чуки Ильпай [Mama Chuqui Yllpay], и от неё у него было четверо детей мужского пола: старшим и наследником был Инга Рока[172] [Inga Roca]; младшими — Апо Кальа Умпири [Apo Calla Humpiri], и Апо Сака Инга [Apo Saca Inga], и Чима Чавин [Chima Chabin]. От этих младших происходят те, что из айлью Апомайтас [Apomaitas]. Он правил |до| более 60 лет.

Капаку Юпанге наследовал Инга Рока. Этот управлял тем, что получил наследство, и сохранил его, ничего не расширив, и правил до глубокой

---

[167] Кольяо — здесь область к югу от озера Титикака.
[168] Каны и канчи жили в районе озера Титикака.
[169] В оригинале «rebullones» вместо «rebeliones».
[170] Контисуйу — юго-западная часть современного Перу.
[171] Паринакоча или Паривана Коча — область к югу от Куско, между Куско и Арекипой. Главными ваками провинции Паринакоча были Чучуранак, Сарасара и Тупак Инка Юпанки.
[172] У всех предыдущих слово «Инга» стояло в конце имени, а у этого — в начале.

старости, более чем восьмидесяти лет, в полном мире, и он приказал возвести дома Солнца из обработанного тёсаного камня, как начал некогда его отец Капак Юпанге; он приказал, чтобы в каждом селении был дом мамакон, женщин, посвящённых Солнцу, и приказал, чтобы для хранилищ были |отведены| огромные чакары [chácaras][173] для всех |видов| продовольствия, на случай войны или голодного года, и чтобы индейцы не бездельничали. А женой у него была Мама Микай [Mama Micay], и от неё у него было четверо сыновей. Старшим и наследником был Йаварвакак Инга [Yavarvacac Inga]; младшими были Майта Капак Инга [Mayta Capac Inga], Йуман Тарси[174] [Yuman Tarsi], и Викакирао Инга [Vicaquirao Inga], и Куско Урко Гуаранга [Cusco Urco Guaranga]. От этих младших происходят те, кто из айлью Викакирао [Vicaquirao]. Этот |Инга| был очень предан Солнцу, больше, чем все его предшественники.

Инге Рока наследовал Йаварвакак Инга, которого из-за болезни глаз называли Йаварвакак Инга[175], а его собственным именем было Майта Юпанге [Mayta Yupangue]. Этот был воинственным; он подчинил всю провинцию Кондесуйев [Condesuyos] до самого моря, и провинцию Чукуито [Chucuito] до Десагуадеро [el Desaguadero][176], и через Омасуйо [Omasuyo] до Гуанкане [Guancane]. И женой у него была Мама Чиккиа [Mama Chicquia], и от неё у него было шестеро сыновей: старшим сыном и первенцем был Виракоча Инга [Viracocha Inga], являвшийся именитым мужем, а младшими были Павкар Йальи [Paucar Yalli], и Павак Вальпа Майта [Pauac Vallpa Mayta], и Марка Йуто [Marca Yuto], и Топа Инга Павкар [Topa Inga Paucar], и Инга Рока [Inga Roca]. От потомков этих младших происходят те, кто из айлью Авкайльо Панака [Aucayllo Panaca]. Этот Инга правил |до| немногим более сорока лет.

Йаварвакаку Инге наследовал Виракоча Инга. Этот завоевал |земли| вплоть до Париа [Paria] всех |людей| Пакахес [los Pacajes] и Карангов [Carangas], и к нему приходили с миром часть |народа| Чаркас [los Charcas], и всё Умасуйо [Humasuyo] до самой Гуарины [Guarina][177], а внизу[178] он

---

[173] Чакара или чакра — засеянные участки, обрабатываемые поля. Примечательно, что не наоборот: не хранилища созданы для полей, а поля для хранилищ.

[174] Возможно, Ваман Тарси.

[175] Йавар Вакак буквально значит "Плачущий кровью". Впрочем, объяснение этого имени глазной болезнью кажется позднейшим эвгемеризмом. Возможно, "Йавар Вакак" — имя мифологического персонажа, описанного Пачакути-Йамки Салкамайва в мифе о Манко Капаке и его братьях: "Тогда они спустились в Колькапампу [Collcapampa] со своими братьями, и из селения Саньук [Sañuc] он [Манко Капак — В.Т.] увидел вдали человеческую фигуру. Один из его братьев пошел к нему, думая, что это какой-то индеец. Они говорят, что, когда он подошел к нему, он увидел кого-то, похожего на индейца, посмотревшего на него очень свирепо и жестоко налитыми кровью глазами. Тот, кто пришел посмотреть на него, был младшим из братьев, и когда он приблизился, фигура подняла голову и сказала: ‘Хорошо, что ты пошел искать меня; ты обнаружишь, что я посмотрю на тебя, и ты окажешься в моей власти’. Когда Манко Капак увидел, что его брат так долго не возвращается, одна из сестер была послана позвать его. Но она тоже осталась вдалеке, и оба оставались у ваки Саньука. Видя, что оба, один и другая, не возвращаются, Манко Капак пошел сам в великом гневе, и нашел их обоих при смерти. Он спросил их, почему они оставались вдалеке столько времени, и они ответили жалобами на камень, который был между ними. Тогда Манко Капак с большой яростью ударил камень или ваку, нанося ему удары своим сияющим жезлом в верхнюю часть. Тогда из середины камня раздались слова, как если бы он был живым, говоря, что если бы он не получил этого жезла, он тоже поступил бы с ним, как захотел. ‘Иди, — добавил он, — тебя ждет великая честь. Но эти, твои брат и сестра, согрешили, и потому правильно, чтобы они были там, где я’, — что означает адские местности".

[176] Река Десагуадеро — сток озера Титикака в озеро Поопо.

[177] Париа — современное озеро Поопо. Так же назывался провинциальный центр с 70 административными строениями вокруг авкайпаты (площади), а также с многочисленными хранилищами колька и постоялыми дворами. Народы пакахе

завоевал всё то, что ныне является районом Гуануко [Guanuco], и часть района Трухильо[179] со стороны нагорья по дороге из Кито [Quito].

Кипукамайо|ки|, являвшиеся сказителями Ингов, дополнили сообщение тем, как задолго до Ингов, на равнинах и на морском побережье, где сейчас основан город Трухильо, издавна называвшийся селением Чимо [Chimo], расположил своё жилище один великий правитель, которого называли Чимо Капак, являвшийся владыкой равнин и морского побережья от Кахас [Caxas] и Наски [la Nasca] до |местностей| дальше Пьюры [Piura][180], хотя некоторые утверждают, что владение Чимо Капака достигало Пуэрто-Вьехо [Puerto Viejo] и оттуда ему приносили в качестве дани изумруды и золотые и серебряные чакиры [chaquiras][181]. Этот Чимо Капак был полным владыкой побережья, нисколько не касаясь нагорья, и его признавали |как такового| и служили ему с большим уважением и любовью, и ему платили на всём побережье в качестве дани то, что у каждого было в его земле, как местным и древнейшим правителям, намного более |древним|, чем Инги, на более чем двадцать поколений[182] больше, поскольку отлично было видно, что они были очень великими правителями и древнейшими королями, по огромным сокровищам и богатствам, так как в их гробницах и ваках были найдены |богатства| из золота и серебра, и множество изумрудных камней, и превосходного качества бирюза. И дело в том, что так и не установлено, и нет упоминания о том, чтобы у этого Чимо Капака, и его предшественников и потомков была бы какая-либо война или завоевание, и восстания своих|, как то было у Ингов в их времена, скорей даже они властвовали в полном спокойствии и мире долгие годы. Люди равнин и побережья, которых называют юнгами[183] [yungas], были людьми очень слабыми; на большей части побережья правили и повелевали женщины, которых называли тальапонами [Tallaponas], а в других местах их называли капульанами [Capullanas]. Эти были очень уважаемыми, хотя существовали и высокочтимые кураки. Они уделяли внимание чакарам и другим возникавшим по необходимости занятиям, потому что в остальном они полагались на капульан или тальапон, и этот обычай соблюдали на всех равнинах побережья в качестве закона. И эти капульаны были женами курак, они были начальницами [las mandonas].

Во времена, когда восьмой Инга, называемый Виракоча Инга, спустившись |с гор в прибрежные равнины| и расширив своё королевство и владение, и дотянувшись своим владением до высот и гористых местностей неподалёку от Чимо, ныне же это город Трухильо, отправил своих послов к

и каранке жили в районе озера Поопо, область Умасуйу располагалась севернее озера Титикака. Чарки — народ, живший к юго-востоку от озера Поопо, в нынешней юго-западной Боливии и северо-западной Аргентине. Согласно Инке Гарсиласо их область имела протяженность 30 лиг (более 300 километров).

[178] Внизу — то есть, на севере.

[179] Т.е. в долинах морского побережья.

[180] Чиму или Чимор — крупное государство на северном побережье Перу, сложившееся около X в. н.э. Столица — Чан-Чан около современного города Трухильо.

[181] Ювелирные украшения, ожерелья.

[182] Букв. "жизней".

[183] Обобщенное название жителей долин побережья. На самом деле в каждой долине был свой этнос со своим языком и обычаями, иногда кардинально отличающимися от своих соседей.

Чимо Капаку, правителю равнин, который сразу же, увидев его посольство, |должен бы был| выйти к нему, дабы выказать ему свою покорность и признать его владыкой над всеми провинциями, находившимися у него в подчинении, со своими дарами и подарками, а сделай он противное этому, тот бы вторгся к нему, чтобы покорить его и вести с ним жестокую войну, как то ему повелело Солнце, его отец, и никого не оставить в живых. Чимо Капак, увидев посланников Виракочи Инги, пришёл в большое смущение и замешательство, видя столь дерзкую молву и славу, что, будучи сыном Солнца и при его покровительстве, тот завоёвывал и покорял всю землю, ведя жестокую войну.

Чимо Капак, поскольку он не был ни подготовлен, ни сведущ в войне, так как никогда такой не вёл, в смущении вскоре признал его владыкой, подчинившись ему; он отправил к нему своих послов с дарами и подарками, и послал к нему двадцать девственниц, и превосходные ожерелья из изумрудных и бирюзовых камней, и чакиры из раковин, и одежду, и имевшиеся в его краю вещи, ставь его вассалом, поскольку |тот якобы был| сыном Солнца[184].

Виракоча Инга, видя его покорность и условия, не лишил его власти, скорее даже оказал ему покровительство в этом; но в знак завладения и покорения, он послал затем наместников и воинов для сторожевого отряда, которые являлись митимаями [mitimaes][185], отдав им приказ о том, что они должны были делать и платить в качестве дани Инге. Из этих провинций также забрали индейцев, чтобы переселить их в другие края в качестве митимаев, как то было в обычае у Ингов. Чимо Капаку, оказывая ему милость, он отправил много подарков в виде вещей и женщин, приказывая своим наместникам, чтобы тому не чинилось никаких притеснений, а |было| так как раньше, чтобы ему служили все и даже лучше, и что он не желал большего, кроме того, чтобы его признавали всеобщим владыкой всей земли. И вследствие хорошего обращения Чимо Капак остался очень доволен и спокоен; хотя Инги-преемники занялись уменьшением владения |Чимо Капака| вплоть до того, что его лишил всего Инга Юпанге, сын-наследник Виракочи Инги, обвинив его в предательстве, отчего ныне не осталось воспоминания о них, потому что определённо, с того времени как правил Топа Инга [Topa Inga], нет и не было упоминания о них, и так некоторые оставшиеся были разделены и переселены в другие края в качестве митимаев[186].

---

[184] В общепринятой версии подчинение царства Чиму (Чимор) связывается с Пачакути Инкой Йупанки. Так, Пачакути-Йамки Салькамайва пишет: "Инка Пачакути получил большое количество золота серебра и umiña (изумрудов); и тогда он пришел на остров йунков [Yuncas], где было много жемчуга, называемого чуруп-мамам и еще больше изумрудов. Оттуда он прошел в страну Чиму, где был Чиму Капак, вождь йунков, который подчинился и сделал все, что тот от него потребовал". Инка Гарсиласо указывает, что завоевателем Чимора был Тупак Инка Йупанки, но войну относит к концу правления Пачакути Инки Йупанки, когда Тупак Инка Йупанки был царевичем-наследником.

[185] Митимаэс (митимаи, митмак, митмакуны) — принудительные переселенцы. По оценкам современных исследователей накануне прихода испанцев митмак составляли до 10 процентов населения Тавантинсуйу, а в некоторых районах — до четырех пятых.

[186] Жители равнин, достигнув высокого уровня цивилизации, являлись для Инков важным источником высококвалифицированной рабочей силы, в связи с чем их переселяли в другие места для создания различных государственных мануфактур.

Этот Виракоча Инга, о котором продолжается |рассказ| о его деяниях и завоеваниях, был бóльшим правителем, чем все его предшественники. Он был воинственным и именитым воином; он повелел и приказал |относительно| многих вещей, что и по сей день соблюдается[187]. Первое распоряжение было о том, чтобы язык кичуа [quichua] был всеобщим [general] во всём королевстве[188], от Куско вниз, поскольку он является более чётким и лёгким, чем любой другой, и потому что все языки родственны этому кичуа, как португальский или галисийский испанскому; и он приказал, чтобы дети курак со всего королевства проживали в Куско, дабы обучать их всеобщему языку, для того, чтобы знать и разуметь полезные дела, чтобы стать кураками и наместниками, и уметь руководить и управлять. А от канов и канчей вверх[189], до границы Чаркас и всего Кондесуйо, он дал им в качестве всеобщего языка аймара [aymara], поскольку он |там| очень распространён и лёгок. Он такжеприказал, чтобы у всех индейцев во всём королевстве, любого положения и знатности, какого бы они ни были, как у мужчин, так и у женщин каждого селения и в любом месте, был свой знак отличия и отметина в том, что каждый одевал, а также в виде головного убора — свой знак и отличие: одни, отличающиеся от других, чтобы каждого по знаку и отличию в одежде узнавали, откуда он родом, а если же будет надет отличительный наряд другого, то такого он приказывал карать самым суровым образом; это исполнялось и соблюдалось очень точно до сей поры[190].

Он также приказал, чтобы ни один индеец не осмеливался овладеть женщиной, за исключением |тех случаев|, когда это было сделано рукой кураки или наместника, поставленного Ингой, и это делалось для того, чтобы каждый индеец работал, дабы заслужить, чтобы ему дали жену и чакары. И он приказал, чтобы на королевских дорогах были заставы-топо [topos][191] на определенном растоянии, измерявшемся саженями, которые они называли чотас [chotas][192]. Также, он приказал, чтобы все королевские дороги были заселены часками [chasques][193], на каждой топо — по четыре часки, чтобы приказы и распоряжения Инги за короткий срок могли обойти землю. Он также повелел и приказал, чтобы кураки и знать со всей своей семьёй и подчинёнными ели на площади, дабы путники и бедняки и неспособные к труду получали от него съестного. Он также повелел, чтобы в каждом селении были большие общинные чакары для хранилищ, а |относительно| митимаев, которых заново переводили для поселения, он приказал, чтобы местные жители такой провинции строили им дома и два года помогали им

[187] Другие хронисты приписывают эту законотворческую деятельность его преемнику — Пачакути Инке.
[188] В оригинале «para que desprendiesen [aprendiesen] la lengua general».
[189] То есть, к югу.
[190] Ср. Акоста: "Было ненарушимым законом для каждого не изменять одежду и обычаи своей провинции, хотя бы он и переехал в другую; инка считал это крайне важным для хорошего правления".
[191] Обычно такие заставы называют „тамбо” (правильнее "тампу" — постоялый двор), а термин „топо” (правильнее "тупу") употребляют как меру длины — 1–1,5 лиги (то есть, 5,5–8,3 км), либо как меру площади. Однако, точных данных о размере тупу не существует, что заметно усложняет измерения инкских расстояний и площади.
[192] Чута каски [chuta cazqui] — индейская сажень.
[193] То есть, скороходы, бегуны.

на их чакарах, и им приказывали выделять долю из хранилищ Инги в течении двух лет в качестве помощи. Этот Виракоча Инга был выдающимся государственным деятелем [fue gran republicano], и привёл в порядок многие другие вещи, которые, чтобы избежать многословия, здесь не приводятся, хотя многие дела, совершённые этим Ингой, приписываются другим преемникам и потомкам этого |Инги|, не являясь такими[194].

Ко времени, когда христиане пришли в это королевство, индейцы, видя доблесть, власть и спесивость христианина, не нашли другого имени, более возвеличивающего, и более высокого, как установить для него то, чтобы назвать их виракочами [viracochas], потому что у этого имени виракочи нет другого значения, кроме как большой доблести, едва ли не называя их владыками, и это не то значение, которое некоторые дали ему — "грязь моря", выходящая из него. Этот Виракоча Инга был самым отважным и могущественным Ингой, как ни один из его предшественников и потомков, потому что с таким огромным могуществом, и владением столь расширившимися, и людьми, столь усмирёнными, его дети с меньшим трудом приумножали, |то, что имел| он. И женой у него была Мама Рондо Кайан [Mama Rondo Cayan], и от неё у него было трое сыновей: старшим и первенцем был Инга Юпанге [Inga Yupangue]; младшими — Инга Уркун [Inga Urcun] и Инга Майта [Inga Maita]; от этих младших происходят те, кто из айлью Суксупанкас [Sucsupanacas]. Он правил до немногим более 70 лет.

Юпанге был тем, которого называли Пачакути Инга [Pachacuti Inga], так как в переводе это означает Изменение Времён. Он был сыном и наследником Виракочи Инги. Он завоевал |земли| до границы Чаркас, до чича [los Chichas] и диагитов [Diaguitas][195], и все поселения хребта Анд [la Cordillera de Andes] и Карабайя [Carabaya][196], а внизу до границ Кито, и всё побережье Тарапаки [Tarapacá], так что для него не осталось на побережье ничего, что бы он не подчинил и не привёл под свою власть, и то, что он не смог оружием и войной, тех он привлекал к себе подарками и лестью, как было |с| провинция|ми| |народов| чунчо [los Chunchos], и мохо [Mojos], и андов [Andes][197], пока не поставил свои крепости возле реки Патите [Patite], и сторожевые отряды воинов в них. Он поставил селения в Айавире [Ayavire], Канье [Cañe], и долине Аполо [Apolo][198],провинции |людей| чунчос. Он приказал перестроить дороги и постоялые дворы [tambos] по всей земле, и приказал построить наново другие, и мощёные дороги на озёрах и болотах. Он изменил положение митимаев и вновь занялся вопросом изменения положения воинов в сторожевых отрядах, поставленных его

[194] Авторы "Сообщения" приводят ту же традицию, что и Инка Гарсиласо, согласно которой законоустановления инков связываются с Инкой Виракочей, а не с его сыном Пачакути Инкой Йупанки, как у большинства авторов.

[195] Чича и диагиты — племена, жившие в современных аргентинских провинциях Жужуй и Сальта. Чича считались умелыми военными, каменотесами, ткачами и ремеленниками. Именно их градостроительное искусство послужило основой "инкского" стиля в архитектуре. Они обеспечивали также защиту границ империи от чиригуанов. За это знать чича получила статус инков "по привилегии".

[196] Иначе Кальа-вайа — область на восточных склонах Анд, севернее озера Титикака.

[197] Чунчо, мохо (муса), анды (анти) — народы западной Амазонии, обитавшие в верховьях рек Рио-Гранде, Маморе, Бени и Мадре-де-Диос.

[198] Айавира (современное Айавири в Перу) и Канья — области северо-западнее озера Титикака. Аполо располагается в северо-восточной части боливийских Анд.

предшественниками, дабы защищать землю. Этот был очень строг и очень справедлив. Этот был первым, кто придумал приносить в жертву Солнцу живых существ, и детей, и женщин, и девственниц, и мальчиков восьми или десяти лет, и у них не должно было быть ни единого пятнышка или какой-либо отметины для |таких| жертвоприношений. Также он был первым, кто начал брать сестёр в сожительницы. Он изменил и сохранил всё то, что его отец Виракоча Инга оставил ему упорядоченным и переданным в большом порядке. Он правил до глубокой старости, более чем до восьмидесяти лет, и женой у него была Мама Анаварке[199] [Mama Aanabarque]. От неё у него было три сына: старшим и наследником был Топа Инга Юпанге [Topa Inga Yupangue]; младшими были Топа Юпанге и Амаро Топа Инга [Amaro Topa Inga]. От этих младших происходят |те, кто из| айлью, называющегося Иннакапанака [Innacapanaca].

Инге Юпанге наследовал Топа Инга Юпанге, завоевавший то, что является Чиле [Chile], и он лично ходил в завоевательный поход, и заселил его многими индейцами митимаями и воинами сторожевых отрядов из индейцев Перу. Оттуда он также разорил всю землю до границ Кито, соблюдая большой порядок и слаженность, как на равнинах, так и на нагорье. Во время, когда он занимался завоеванием Чиле, большая часть этого королевства восстала против него, |но| поскольку он развязал с ними жестокую войну, то умиротворил их и совершил правосудие над восставшими; с главарей восставших он приказал содрать кожу и обшить барабаны, чтобы осталась память о наказании, свершённом над такими наглецами. Он построил много селений по всей гористой местности, и возвёл крепость в Куско, и завершил в нём дома Солнца, и украсил стены дома Солнца накладными пластинами из золота и серебра, со множеством драгоценных камней, превосходных изумрудов, и бирюзы, и другими большими богатствами. И женой его была Мама Окльо [Mama Ocllo], его сестра, и он был первым из Ингов, который взял в законные жены свою сестру, потому что его предшественники никогда этого не делали; Инга Юпанге, его отец, брал их себе в сожительницы, но не в качестве законной жены, как это сделал Топа Инга Юпанге.

От неё у него было два сына: старшим и наследником был Инти Куси Вальпа [Inti Cusi Vallpa], которого обычно называли Гуайна Капак Инга [Guaina Capac Inga], а младшим был Авки Топа Инга [Auqui Topa Inga]. От этого младшего и двух незаконнорождённых сыновей происходят те, кто из Капакайлью [Capacayllo]. Этот Инга правил до глубокой старости, |возраста| более восьмидесяти лет.

Топа Инге Юпанге наследовал Инти Куси Вальпа, которого называли Гуайна Капак Инга, потрудившийся больше, чем все его предшественники, потому что после Топа Инги Юпанге, его умершего отца, против него восстали многие провинции, видя, что завоевавшие их дети Солнца лишили их имеющихся у них свобод, приведя их к обременительной зависимости, и

[199] По Сармьенто де Гамбоа: Mama Anahuarqui — Мама Анаварки, жительница Чоко. У Сьеса де Леона данных о жене Пачакути Инки не сохранилось, поскольку лист рукописи, на котором эти сведения должны были находиться, утрачен.

увидели, что они такие же смертные люди, как они сами. При таких и других соображениях они ежедневно поднимают и поднимали восстания; и Гуайна Капак Инга, всю прожитую жизнь немало и хорошо потрудился над тем, чтобы весь край пребывал в мире и покое, на нагорье, и не осталось у него такого уголка во всём крае, который бы он не посетил лично. Завершив осмотр, он отдал приказ идти в Кито и повел с собой индейцев в числе, достаточном для войны: чунчо, мохо, чича, чуйе[200] [Chuies], и очень хорошо обеспеченных стрелами, какие они обычно используют, и большое войско других людей. Они сразу же напали на Гуаякиль [Guayaquil] и остров Пуна [la Puna], и на всю ту область, и завоевали её и умиротворили; и, предусмотрительно оставив в ней людей в сторожевои отряде, он проследовал к Кито, и, ведя в ней жестокую войну, победил её и завоевал, чего никто из его предшественников не мог сделать. И он занимался управлением провинции Кито, и оттуда заботился обо всём, что касалось этого королевства до самого Чиле, как на нагорье, так и в равнинах и на побережье, с помощью множества наместников, имевшихся по всей земле. Следует знать, что до Ингов у индейцев по всей земле было бесчисленное множество идолов и гуак, в которых они верили и которым поклонялись как творцам и создателям, каковым оказывали большое почтение, как |и| жрецам, и эти |жрецы| вполне обыкновенно говорили с дьяволами; но, после того, как |начали| править Инги, язычников стало намного больше, чем их было раньше, потому что Инги заставили их поверить в Солнце и Луну, при соблюдении бесчисленных обрядов и ритуалов, с жертвоприношениями детей, девственниц и других бесчисленных вещей, что Бог, Господь Наш, своей святой милостью устранил своими святыми евангелиями, и это важно учитывать [que no es poco considerar].

Итак, когда Гуайна Капак Инга занимался усмирением и управлением Кито, в край прибыли первые христиане-первооткрыватели с маркизом доном Франсиско Писарро [Francisco Pissarro][201], их было тринадцать с острова Петуха [la isla del Gallo], с остальными, которые выбрались из него и вышли в порт Чирак [la Chirac], и прошли по селениям той области. Гуайна Капак Инга, узнав о том, что в край пришли христиане, и ему сообщили о них, тут же сказал, что должны произойти большие трудности в крае и большие перемены. И когда он находился при смерти от оспы, что случилось на следующий год, он сказал своему сыну Атаовальпе [Ataovallpa], находившемуся при нём, чтобы он хорошо обращался со своим братом Гуаскаром Ингой [Guascar Inga], и чтобы он ни о чём другом не думал, как о больших страданиях от чужеземных и новых людей в |их| крае; и помимо прочего, о чем с ним говорили, он настойчиво рассказывал, что невозможно

[200] В изд. 1892 года редакторы проставили возможный вариант названия племени — Xuries.

[201] В тексте фамилия Писсарро всегда пишется с двумя «с»; на то время так иногда передавался на письме звук «с», без удвоения согласного. Франсиско Писарро (род. между 1470 и 1475 — ум. 1541) — участник экспедиций А. Охеды в Новую Андалусию (1509), завоевания Панамы (1510), походов В. Нуньеса де Бальбоа (1513). В 1524 г. возглавил отряд, отправившийся на юг в поисках Эльдорадо, в 1527 г. проник на побережье Гуаякильского залива. В 1528 г. выехал в Испанию, где добился звания генерал-капитана и аделантадо Перу. В 1531 г. начал новую экспедицию в Перу. В 1536 г. пожалован титулом маркиза де Лос-Атавильос де Лима (Marqués de los Atabillos de Lima).

поверить ни во что другое, как в то, что это были виракочи, давая им столь возвышенное имя |и| делая их больше, чем людьми[202]. И свою жизнь он завершил в Кито, проправив до немногим более пятидесяти лет. И он оставил королевство разделённым на две части и между двумя сыновьями, |а| ими были: Атаовальпа, которому он оставил то, что относится к Кито, а Гуаскару — всё остальное, полученное от своих предков. У Инти Куси Вальпы, которого иначе называли Гуайна Капак Инга, женой было койа Райа Окльо [Raya Ocllo], являвшаяся и женой и сестрой, и от неё у него было не больше одного ребёнка мужского пола, им был Топа Куси Вальпа [Topa Cusi Vallpa], по-другому называвшийся Гуаскар Инга. И дело в том, что, хотя у Гуайна Капака Инги, как и у остальных Ингов, его предшественников, было много других детей, прижитых от сожительниц, здесь я рассказываю только о законнорожденных сыновьях, согласно их варварскому закону и обычаям, и никогда не упоминалось о женщинах-дочерях, так как они не становились наследницами. У Топа Куси Вальпы, по-другому именуемого Гуаскар Инга, женой была Чуки Випа Койа [Chuqui Huipa Coya], или Кока [Coca], она же была его сестрой, и у него от неё было только двое детей, которых полководцы Атаовальпа Инки, а это были Чалькочима [Challcochima] и Кискис [Quisquís], убили на глазах у отца, чтобы причинить ему ещё большую тягость, а потом и мать вслед за ними; потому ничего не осталось от Гуаскара Инги, и на нём прекратился род Ингов; хотя да, некоторые лица утверждают, что койа Донья Мария Куси Варкай [María Cusi Varcay] — дочь Гуаскара Инги, и это они хотели защищать, будто так оно и есть. На это скажу, что это была не она, а дочь Манго Инги, поднявшего восстание в провинции Вилькабамба [Vilcabamba] и, после того, как капитан Диего Мендес [Diego Méndez] его убил[203], там осталась девочка |в возрасте| менее двух лет; остальное — это обман.

После кончины и смерти Топа Куси Вальпы, сына-наследника Инги, бывшего от Гуайна Капака Инги, в Куско и во всём королевстве Перу, не осталось |наследника| из их рода |для воцарения| законным путём; потому как, хотя Манго Инга[204] и был сыном Гуайна Капака, прижитым от жены из того же рода, она была из сожительниц. Относительно вопроса законного права наследования таким же образом, Паульо Топак Инга был прижит от дочери правителя провинции Гуайльас [Guailas][205] по имени Аньяс Кольке [Añas Colque][206]. Ведь уже когда был убит Атаовальпа Инга маркизом доном Франсиско Писсарро, то прекратился род Ингов, правителей, которые были в

[202] Учитывая расшифровку значения слова «виракочи», данную выше, можно предположить, что Вайна Капак всего лишь сообщил своему сыну, что главными его врагами будут именно «новые люди», и что они могущественны, и вряд ли он подразумевал божественность испанцев. Видимо, его разведданные позволяли вполне трезво и объективно изучить испанцев, и дать им такую характеристику. Позднее испанцы неоднократно придерживались «официального» мнения, что «виракочи» — это боги в понимании индейцев, что противоречит сведениям самих кипукамайоков.

[203] В оригинале "убили ее".

[204] Инка Манко был убит в мае 1544 г. искавшими у него защиты сторонниками Д. де Альмагро во главе с капитаном Д. Мендесом.

[205] Правители Гуайлас сыграли ключевую роль в союзничестве с испанцами: в 1536 году при осаде инками Лимы на помощь Писарро пришла армия правительницы Гуайлас, дочь которой была женой или наложницей Франсиско Писарро. Именно благодаря этому осада была снята, а не по причине официальной версии хронистов — рейде испанской конницы в ряды инков, захвата и убийства Инки (эта версия была фальсификацией).

[206] Ниже она будет названа Анас Кольки.

этих королевствах. Прежде чем проследовать дальше, было бы неплохо рассказать о предоставлении внебрачным детям прав законных детей [la legitimación] и обычаях, бытовавших у Ингов издавна.

Порядок и обычай, бытовавший у Ингов, когда они брали в законные жены для первородных и законнорожденных детей, согласно их древнему закону, и ритуалы, и обряды, какие они обычно совершали во время своих свадеб, были следующими.

У Ингов и правителей, бывших из этих королевств, бытовал обычай брать в законные жёны дочь правителя и главной особы над многими, для чего девочек совсем ещё маленьких пристраивали и воспитывали среди мамакон и родственников Инги, и та, которая оказывалась самой подходящей и лучшей наружности, и чести, и наиболее отличавшейся госпожой, эту брали в качестве жены и правительницы над всеми, совершая установленные обряды, вплоть до десятого Инги по имени Топа Инга Юпанге, ставшего первым, кто взял в жёны свою сестру Мама Окльо, и прежде ни у кого не было привычки этого делать, хотя таковую и брали из того же рода, но не сестру.

Женщину, предназначенную в законные жены Инге, держали в строгом уединении в доме и на попечении у мамакон [mamaconas], пока у них не наступал возраст и не спускался к ней естественный закон женщин[207]. И после дня, когда он к ней нисходил, в первое новолуние [a la primera conjunción de la luna] её допускали к церемониям, когда её закрывали с несколькими мамаконами, ближайшей роднёй Инги, дабы они сопровождали её, пока не будет видна следующая новая луна, не позволяя ей видеть ни солнца, ни луны, ни живой души, кроме тех, кто составлял её окружение; за тридцать дней[208], которые такая ньюста[209] [ñusta] находилась на воспитании и взаперти, ей не позволяли ни есть, ни пробовать соль, ни перец, кроме небольшого количества плохо разваренного белого маиса, и не |позволяли| ничего пить, кроме холодной воды. И когда завершался тридцатидневный срок наподобие поста и покаяния, на следующий день, в последнюю четверть |ночи перед| рассветом[210], до наступления дня, её выводили оттуда, где она находилась, и вели к источнику Куриканча [Curicancha], т.е. к источнику сада, где сейчас находится монастырь Святого Доминго [Sto. Domingo] в этом городе Куско, в сопровождении самых главных Ингов и своей родни; и в той холодной воде источника ей омывали тело и одевали её в белое и алое одеяние и наряд, которое для этого случая они носят. И, приведённая к Инге, она оказывала ему своё почтение с превеликим смирением, а Инга принимал её с большой любовью, поднимая глаза, воздавая благодарность Солнцу вместе со своими жрецами; и, поднимаясь со своего места, Инга торжественно обувал её в очень красивые [pulidas] башмаки-охоте. И, обутая рукой Инги, Инга берёт в руку два маленьких золотых сосуда с чичей и,

[207] То есть, когда у нее происходила первая менструация.
[208] Точнее, 29,5 дней, но видимо, лунный месяц у инков состоял из 30 дней.
[209] Принцесса.
[210] Непонятно, почему в оригинале речь идёт о «четверти луны», если на 31 день уже появлялась новая луна. Возможно, речь идёт о времени суток, а именно какой-то части ночи, поскольку дальше говориться о последней четверти ночи — традиционной испанской единице измерения времени, и являвшейся переводом кечуанского понятия.

поднимая глаза к небу, выливает их на землю, принося один в жертву Солнцу, а второй — Гуанакауре, являвшемуся гуакой Ингов[211].

Инге и новой Койе [Coya] кладут в руки и на голову два пёрышка от пилько [pilco][212], После чего приводят две белых без единого пятнышка овечки, и один из жрецов берёт овечек и, разрезая их с одной стороны, извлекает у них сердце и приносит его в жертву Солнцу и Гуанакауре, гуаке Ингов. Затем они берут овечек и все перья, те, что были у каждого в руках, обсыпая ими овечек и сопровождая это многочисленными нравоучительными проповедями, какие он[213] говорит всему народу, и разводят костёр на куче из овечек и перьев во время жертвоприношения Солнцу и Гуанакауре ради блага, и жизни, |и| долгих лет Инги и Койи со счастливыми событиями. И с того момента и в дальнейшем ей дают новое имя, вместо того, что было у неё прежде, каковым было ньюста, предоставляя ей, как жене, и её сыновьям законные права. И сыновья, происходившие от этих законных жён, были наследниками и преемниками королевства у Ингов. Этих все |жители| королевства почитали как законного правителя.

Продолжаются дела, ранее случившиеся у последних Ингов, и каков был у них конец, и дела, произошедшие из-за них после того, как христиане пришли в |эту| землю, а именно[214].

Во время, когда с помощью часки была доставлена в Куско |весть| о смерти Гуайна Капака Инги, один сын, из тех, что остался после него, по имени Нинан Куиче [Ninan Cuiche], являвшийся сыном, прижитым от одной койи, его сестры и сожительницы[215], этот Инга, как старший по возрасту по сравнению с Гуаскаром Ингой, осмелился возжелать, чтобы его выбрали Ингой и владыкой, собравшись с некоторыми, а того со своей стороны поддержал Авки Топа Инга[216], младший законнорожденный брат (Гуайна Капака Инги), поставленный в Куско управителем. Зная о том, что задумывал Нинан Куиче, и о тех, кого с его стороны позвали к нему, со всею поспешностью и усердием он собрал всё общество самых главных Ингов из Куско, |и| они поставили на владение Гуаскара Ингу, как лицо, которому по праву переходила власть, изгнав и отправив в ссылку другого, и |учинив| жестокое наказание над советчиками и соучастниками.

Атаовальпа Инга отправил своих вестников и послов к Гуаскару Инге, известив его о том, как Гуайна Капак Инка, их отец, во время своей кончины и смерти оставил ему всё в Кито, каковое было его от дедов и предков по

---

[211] Писарь в этом месте почему-то переходит на описание обряда в настоящем времени, а сам текст, кажется, содержит пропуск каких-то деталей свадебного обряда.

[212] Колибри. В действительности, сама птица правильно называется Огненный мухоед, красный тиран (лат. Pyrocephalus rubinus) — птица из семейства Тирановые. Единственный вид в роде — Pyrocephalus Gould, 1839. Самцы имеют на груди и на голове ярко-красное или алое оперение и неольшой хохолок. Самки не имеют яркого окраса.

[213] Возможно, жрец.

[214] Эта вставка принадлежит, несомненно, Монаху Антонию и отличается от содержания официальных сообщений, приведённых в тексте.

[215] Точнее «сестры и любовницы его отца».

[216] Согласно Педро Сармьенто де Гамбоа этого царевича звали Вака Авки [Huaca Auqui], а Мартин де Муруа во "Всеобщей истории Перу" называет его Ванка Авки [Huanca Auqui].

материнской линии[217], и он просил его как о милости, чтобы он это почёл за благо, потому что он уже вступил во владение. Гуаскар Инга, увидев посольство, пришёл в большое негодование и приказал их убить, не оставив никого, кто вернулся бы с известием об этом[218].

Атаовальпа Инга, увидев ответ Гуаскара Инги и смерть своих послов, имея при себе старых полководцев, находившихся при Гуайна Капаке, его отце, принимая и советуясь с ними, собрал людей и послал большое войско в Куско с полководцами Гуайна Капака Инги, своего отца, и Чалькочимой как главнокомандующим, а Кискисом — его заместителем, как маэс|тр|о-де-кампо [maese de campo][219]. Остальными полководцами были Вальпахукра [Vallpajucra] и Оначиле [Onachile], продвигавшиеся, грабя и разоряя землю, пока не прибыли к границам Куско.

Гуаскар Инга, будучи неопытным юношей, не признал и не принял старых полководцев, искусных в военном деле ещё при его отце, когда они находились с ним, он следовал единственно своей воле; потому, после несколько сражений, был побеждён и пленён теми, что из Кито, и премного опозорен, и его привели в Куско в женском наряде. Полководцы-тираны, победоносно прибывшие в Куско, устроили массовую резню остальных Ингов, какие только попались им в руки, и прочих. Увидев гонение на Ингов, они ушли, убегая от тиранов, в горы и чащи Анд, преодолевая пустыни, и многие из самых главных бежали в Кольао, чтобы затеряться на озёрных островах, как это сделали Паульо Топа Инга [Paullo Topa Inga], сын Гуайна Капака Инги, и Манго Инга [Mango Inga], спрятавшийся в Андах де Гуальа [los Andes de Gualla][220], а другие — в других местах. Тираны, имевшие приказ Атаовальа Инги не оставить в живых никого из рода Ингов, совершив большую резню над ними и видя, что многие от нее бежали, прибегли к хитрости и уловке, поскольку подбросили новость, говоря, что Атаовальпа Инга послал приказать, чтобы все из рода Ингов служили ему добросовестно, как его родня, и им отдадут всё необходимое целиком и полностью. При этом они отпустили некоторых пленных, дав им всё необходимое, и ежедневно угощая при большом веселье, и выдавали им из хранилищ пропитание и одежду. На этот слух и молву явились многие из тех, кто скрылся, и они с уверенностью вернулись в свои дома; а после того, как их собрали, ежедневно угощая, они хитростью напали на них, оклеветав их, |что| те якобы хотели восстать против Тиксикапака, которого равным образом называли Атаовальпа Инга; и они устроили их резню, и убили более тысячи душ тех[221], кто вернулся домой, даже женщин и детей из рода Ингов. Полководцы, совершив указанные жестокости, послали в Кито весть Атаовальпа Инге о

[217] Мать Атавальпы, согласно Инке Гарсиласо, была дочерью последнего царя Кито (Шири), ее звали Токто Окльо Кука [Tocto Ocllo Cuca].
[218] Ниже сообщается, что Атавальпа всё-таки узнал об убийстве людей из его посольства.
[219] Aucacta yachachik apu — так должность называлась на кечуа.
[220] Возможный вариант: «у [племён] Андов из Гуальа».
[221] Цифра, конечно, из источников не может быть признана достоверной, но если допустить, что население всей Империи Инок было на тот момент приблизительно равное 10 млн. человек, то погибло 0,01% населения; при этом, собственно, для этнических инков эта цифра должна была быть катастрофической.

том, что было сделано в Куско, и о том, как они захватили в плен Гуаскара Ингу.

Атаовальпа Инга, узнав о том, что пленили Гуаскара Ингу, и о резне, и погибели остальных Ингов, вышел из Кито с большим войском, послав приказ, чтобы Гаускара Ингу привели к нему пленным, и чтобы Кискис и Йукра Вальпа[222] [Yucra Vallpa] остались в Куско управителями с воинами в сторожевлм отряде, пока Атаовальпа Инга пройдёт свой путь, направляясь в Куско. К тому времени и случаю христиане уже были в |этом| крае, и в Кахамарке [Caxamarca] у них произошла стычка с Маркизом доном Франсиско Писарро и остальными христианами, и там был пленён Атаовальпа Инга, как то очень хорошо известно, и в заключении он пообещал Маркизу огромное сокровище в виде выкупа, хотя и не смог |его собрать в том| количестве, какое он обещал[223]. Маркиз дон Франсиско Писарро, захватив в плен Атаовальпа Ингу, и |получив| важное известие о Куско и богатстве дома Солнца, послал двух кабальеро, особ благородных, какими были Эрнандо де Сото [Hernando de Soto] и Педро дель Барко [Pedro del Barco], отправившихся в Куско и увидевших землю и богатство дома Солнца, и другие необходимые вещи, за то время, когда Атаовальпа Инга находился в заложниках; этих же кабальерос несли на носилках часки. И эти были первыми христианами, вступившими в Куско[224]. Эти кабальерос, двигаясь в своем путешествии по прямой линии, как им было приказано, натолкнулись по пути на Чалькочиму с другими полководцами Атаовальпа Инги, которые вели пленённого Гуаскара Ингу, и они вели его, дурно с ним обращаясь и поместив под стражу в женском наряде. Кабальерос, как только встретили его, когда с ним так дурно обращались, тут же освободили его от оков, и задержались на два дня, общаясь с ним; и, поскольку они были вестниками и послами, не осмелились вернуться с ним, пока не закончат

[222] Ранее этот полководец назван Вальпа-хукра.

[223] Атавальпа был захвачен 16 ноября 1532 г. Вот свидетельство об этом участника событий Д. де Трухильо: "У губернатора был помост, где должен был бы сесть Атабалипа, с которым договорились с помощью добрых слов, чтобы его разместили посредине, и после того, как он приказал бы своим людям, чтобы они ушли на места своего постоя, поскольку губернатор боялся попасться им в руки, из-за стольких людей |у Атабалипы| и столь малого числа у нас. А у них было более сорока тысяч индейцев-воинов, и среди них много правителей. Когда Атабалипа вошел на площадь Кашамальки и не увидел ни одного христианина, он спросил Ингу, пришедшего с нами из Машикавильки [Maxicavilca] и Каррана: " Куда подевались эти бородачи?" Тот ему ответил: "Они спрятались". И сказал, чтобы он сошел с носилок, на которых прибыл, но тот не захотел этого сделать. И тогда вместе с толмачом вышел поговорить с ним брат Висенте де Вальверде [fr. Vicente de Valverde]. И он попытался дать ему понять цель, с которой мы пришли, и что по повелению Папы [mandado del Papa] правящим сыном, капитаном христианства был Наш Сеньор Император. И когда он говорил ему слова Святого Евангелия, Атабалипа сказал ему: "Кто это говорит?" И он ответил: "Бог это говорит". И Атабалипа сказал: "Как это говорит Бог?" И брат Висенте сказал ему: "Посмотри на них, здесь записано". И тогда он показал ему раскрытый молитвенник [un Breviario], и Атабалипа попросил его у него, и он швырнул его, как бросают диск, после того, как увидел его, говоря: "Эа, эа, никто не ускользнет". И индейцы подняли такой большой крик, говоря: "О, Инга!", что значит: "Да будет сделано так!". И воинственный крик навел много страху.

И тогда вернулся брат Висенте, и поднялся туда, где находился губернатор:-"Что делает Ваша милость? Ведь Атабалипа оказался Люцифером [Lucifer]". И тогда губернатор разделся, взял куртку с доспехами, и меч, и овальный кожаный щит, и шлем с забралом, и с теми 24 из нас, кто находился с ним, мы вышли на площадь, и пошли направо к паланкину Атабалипы, прокладывая дорогу сквозь толпу. И когда мы оказались возле него, уже стягивая с паланкина, выскочили всадники, с ремнями в колокольчиках, и напали на них; а так как индейцы убегали, то на улицах им перекрыли выход, преградив путь полотном на канатах, но его сравняли с землей. И там, и на площади попадало столько человек друг на друга, что многие задохнулись, и из восьми тысяч индейцев, умерших там, более половины [mas de las dos partes] погибло именно таким образом. Преследование индейцев продолжалось тем вечером более полулиги"

[224] Полученный в Кахамарке выкуп составил 1 262 682 песо золота и 52 209 марок серебра, то есть, в весовом выражении, 5 тонн 682 килограмма золота и 12 тонн 8 килограммов серебра.

путь; и среди многих бесед, какие состоялись у Гуаскара Инги и кабальерос при помощи толмача, которого они вели с собой, Инга спросил кабальеро о количестве золота и серебра, которое его брат Атаовальпа отдал Апо [Apo][225] христиан. На это они ответили, сообщив о количестве обещанного, хотя и не выполненного; Гуаскар Инга сказал им, что его брату невозможно было выполнить то, что он обещал, поскольку он не является и не являлся владыкой сокровищ и богатств в |этой| земле, и что он обещал бы площадь Куско, называя её Авкайпата [Aucaypata], и что он подарил бы её заполненную и набитую золотом и серебром, и что если бы не было достаточно сокровищ его предшественников, то он бы извлёк |их| из недр земли, бросив в неё |определённое| число индейцев. С этим кабальерос отправились в свой путь-дорогу, оставив приказ и поручение тем, кто вёл узника, |чтобы| они привели его к Апо христиан, да при этом обращаясь с ним очень хорошо, и чтобы служили Инге как владыке, каким тот и был.

И они посадили его в очень хорошие носилки, как они это имели обыкновение делать для Гуаскара Инги, скажу, |что и| для Гуайна Капак Инги, его отца.

Полководцы Атаовальпа Инги задержались с ним в пути и послали своих вестников в Кахамарку с сообщением для Атаовальпы, пленённого маркизом доном Франсиско Писарро; и когда вестники сообщили ему обо всём, что произошло у Гуаскара Инги с теми кабальерос, которые встретились им в пути, и о разговорах, и обещаниях, и договорённостях, имевших место у него с ними, Атаовальпа Инга пришёл в большое огорчение и сожалел о том весьма печально, и если бы ему дали возможность, он бы убежал.

Христиане, державшие его под стражей по приказу Маркиза, увидев Ингу в столь большой печали, и перемене, и унынии, сообщили об этом Маркизу и остальным капитанам, находившихся с ним. Маркиз, навестив его и увидев в такой крайности, спросил его, отчего с ним это |случилось|, почему он был столь печален? На это Атаовальпа Инга ответил: "Сеньор, я очень огорчён от одной дурной вести, мне сообщённой; что когда мои полководцы вели Гуаскара Ингу, моего брата, он умер от огорчения и угнетения, увидев себя в плену; отчего я и страдаю, потому что не осталось у меня другого блага в этой жизни"; и он говорил это, проливая слёзы и притворно всхлипывая. Маркиз, не замечая хитрости и коварства, дабы утешить его, сказал ему, чтобы он не огорчался, так как тот уже был мёртв, и этому уже нельзя было никак помочь, да к тому же он оставался всеобщим Владыкой всего королевства, ведь смерть была делом естественным для человека, и чтобы он позаботился о том, чтобы послать за золотом и серебром для выполнения своего обещания, а об остальном пусть он не беспокоится.

[225] Апо (досл. "господин") — военачальник, правитель. Очень интересное место, подсказывающее, как инки транспонировали свои чины и должности на испанцев. Получается, что в данном случае Франсиско Писарро рассматривался ими, видимо, как глава и наместник какой-то большой провинции или региона в составе другой империи (расположенного на севере от территории нынешней Колумбии). В словаре Диего Гонсалеса Ольгина слово «Апу» приравнивалось как испанскому «коррехидор», т.е. начальник округа, администратор, так и слову «сеньор, господин».

Атаовальпа Инга, увидев, как мало значила смерть Гуаскара Инги |для испанцев|, немедленно отправил |приказ|, чтобы его убили, а также всех взятых в плен Ингов. Жестокие полководцы Ингов, Чалькочима и остальные, увидев приказ и вестников на границах Гуануко, тут же привели его в исполнение. Они убили Гуаскара Ингу и Мама Рава Окльо, его мать, и всех остальных пленённых с ним Ингов, и многих жён-койа из рода Ингов, проявив к ним большую жестокость.

После того как умер Гуаскар Инга, оставшийся на земле Атаовальпа, хотя и пленённый маркизом доном Франсиско Писарро, вскоре отдал приказ, и постарался напасть и осуществить ночную вылазку против христиан, и люди у него были подготовлены для этого, хотя это относили на ложный перевод толмача. Бог, Наш Господь, не дозволил этого, так как из-за отданного для этого приказа было раскрыто предательство; также, была раскрыта уловка и коварство, какими он убил Гуаскара Ингу. Из-за всего этого и для большей безопасности края, он почёл за благо совершить правосудие с согласия и в присутствии капитанов, собравшихся для этого в совете [capitulación] тремя днями ранее, и, рассмотрев столь великий ущерб потери в королевстве и столь бесчеловечнейшие жестокости по отношению к ингам, которые любом случае обвинялсь в делах, какие им вменяли, и последнюю причину, и лукавство, к которому он прибегнул, чтобы убить, и приказ, отданный им против Гуаскара Инги, — почли за благо свершить правосудие над ним, и оно было исполнено[226]. Только аделантадо дон Диего де Альмагро [Diego de Almagro][227] имел мнение, чтобы его не убивали, а отослали его в Испанию к Его Величеству; и так он несколько дней был недоволен тем, что не соглашались с его мнением, ведь по этому вопросу он приводил совершенно очевидные доводы. Брат Висенте Вальверде [Vicente Valverde], склонялся к мнению и стороне аделантадо, потому что жестокости и злодеяния, совершенные по приказу Атаовальпа Инги, были совершены тем как королём-язычником, и пока он не будет наставлен в нашей святой католической вере, то нельзя допускать правосудия по поводу чего-либо из них, а только ради безопасности христиан, поскольку Атаовальпа человек коварный, хитрый, и опасный, и для их же безопасности, потому что до тех пор они её не находили, но только как варвары и язычники.

Маркиз дон Франсиско Писарро с остальными своими товарищами, увидев, что Инга не был уважаемым человеком в крае, и весь он находился во власти беспорядков, почёл за благо отдать правление и владение сыну Гуайна Капака Инги, пришедшему из Кито с Атаовальпа Ингой, хотя и очень молодому, по имени Топа Вальпа Инга[228]. Этот прожил очень мало после того, как ему отдали владение, потому что прошла молва, что Чалькочима

[226] Казнь Атавальпы состоялась 19 августа (по юлианскому стилю) 1533 г.

[227] Д. де Альмагро (ок. 1475–1538) — в 1514 г. прибыл в Панаму, в 1524–1525 и 1526 гг. организовал две экспедиции к западному побережью Южной Америки. В 1531 г последовал за Ф. Писарро в Перу, в начале 1533 г. их силы соединились в Кахамарке.

[228] Довольно интересное решение, так как Писарро ещё не был в столице Империи инков и не знал всех особенностей престолонаследования, и «почёл за благо отдать» какому-то незаконному сыну. В случае устранения Атавальпы, что произошло вскоре, Писарро мог предъявить противнику претензию на то, что законных оснований для наследования престола у инков больше не было. В таком случае смерть Атавальпы была просто необходима для Писарро.

убил его с помощью яда, который он дал ему в напитке из чичи [chicha], из зависти, дабы остаться единственным при власти и владении, и из-за тесных отношений [privación] с Маркизом, который отдал ему власть и владение, очень уважая его, и так он стал очень любезен и должен был отдать ему всю землю покорной и мирной, и превеликие сокровища и богатства, намного большие чем то, что было обещано Гуаскаром Ингой капитану Сото и Педро дель Барко, в то время, когда его вели пленным; а позже обнаружилось, что он только и думал о том, как плести интриги, потому что выяснилось, что, когда он шел с Маркизом, в то время, когда они шли в Куско, продолжая завоевание, все |сброшенные| глыбы[229] и стычки, какие индейцы устраивали христианам на тех дорогах, где они проходили, были по приказу и повелению Чалькочимы, вот почему Маркиз приказал заключить его в оковы и приставить стражу, чтобы сделать с ним то, о чём будет поведано дальше[230].

После кончины и смерти Топа Куси Вальпы, которого иначе называли Гуаскар Инга, сына-наследника, бывшего от Гуайна Капак Инги, ни в Куско, ни во всём королевстве не осталось законным порядком Инги из их рода, хотя Манго Инга и был сыном Гуайна Капака, прижитым от женщины из того же рода, она была из сожительниц, а не из законных; также был Паульо Топа Инга, хотя он был от дочери правителя Гуайльас, по имени Анас Кольки[231] [Anas Colqui]. Итак, когда Атаовальпа Инга был убит маркизом доном Франсиско Писарро, и иссяк род Ингов, вся же земля находилась во власти беспорядков, а тираны в ней — весьма влиятельные лица, в это самое время маркиз дон Франсиско Писарро вышел из Кахамарки для продолжения завоевания этого королевства, |и| из-за волнений в крае и из-за того, что не знали в ней правителя, христиане испытали немалые трудности, хотя он предпочёл взять с собой Чалькочиму[232], с его личным влиянием и властью, какие он получил от Атаовальпа Инги. Итак, прибыв в Лиматамбо [Limatambo], они обнаружили, что заперты и окружены повсюду индейцами, собравшимися там защищаться, чтобы христиане не прошли спуск Вилькаконга [Villcaconga], по приказу Кискиса и Йукра Вальпы, полководцев Атаовальпа Инги, оставленных в Куско управителями края. В конце концов, христиане победили их, хотя и с большими трудностями и с множеством погибших христиан и лошадей, и многими ранеными[233].

Паульо Топа Инга, бывший сыном Гуайна Капак Инги, правителя, какой был в этих королевствах, был человеком большой доблести, и миролюбивым, и сильным, и уважаемым по всей земле индейцев. В то время, когда тираны победоносно прибыли в край, собравшись с другими Ингами из того же рода

---

[229] Или столкновения.

[230] Номинальное правление Тупака Вальпы продолжалось три месяца. Вопреки написанному, дальше брат Антонио не приводит сведения своего источника о судьбе Чалькочимы. После пыток, которым его подвергли с целью добыть сведения о сокровищах, в середине ноября 1533 г. Чалькочима был заживо сожжен испанцами в присутствии Инки Манко.

[231] Раньше говорилось об Аньяс Кольке.

[232] Получается, Чалькочима приходился ближайшим родственником Атавальпе и был его наследником (или регентом).

[233] Один из тех случаев, когда не говориться о том, что с христианами были индейские войска и каково было их количество.

он ушел и скрылся на острове озера Кольао, возле Копакабаны [Copacabana], под названием Титикака [Titicaca]. А узнав, что христиане покровительствовали Ингам, и старались ради них, и |какое| хорошее обращение они сделали Манго Инге и наказание |тиранам|, выйдя с острова, Паульо Топа Инга отправился в Куско с другими Ингами, удалившимися вместе с ним; и дело в том, что где бы он не захотел быть, ему всячески прислуживали и почитали его все провинции Кольао и Чарка, до самых Чуйе и Чича, и они признавали его владыкой на всей земле Чарка и Кольао, как сына, который был у Гуайна Капак Инги, правителя этого королевства. Маркиз дон Франсиско Писарро с остальными христианами и капитанами получили известие, что во всей земле Кольао и провинциях Чаркас находился другой Инга, даже больший владыка, чем Манго Инга[234]; поскольку, когда узнали во всей земле Кольао и Чаркас о том, как умер Гуаскар Инга, вся земля до Чиле признала его таковым владыкой, так как он был сыном Гуайна Капак Инги, и как таковому ему служили во владении, как самому Гуайна Капаку, оказывая большое почтение[235]. В то время Паульо Топа отправился в Куско с пышной свитой индейцев со всей земли Кольао и Чаркас, со знаками большой важности своей особы и многими главными Ингами, шедшими толпой. Маркиз дон Франсиско Писарро и аделантадо дон Диего де Альмагро, видя добродетель и влияние столь великого владыки[236],

---

[234] Т.е. Паульу Тупак Инка в своём Кольао был могущественнее, чем Манко Инка II, по ряду причин: большие богатства рудных залежей, большие количества скота и т.д.

[235] Прим.изд.1892:

Церковный судья и бакалавр Луис де Моралес в докладе, поданном ко Двору в 1541 году, «о делах, важных для обеспечения Перу» говорит: «Очень досадно видеть многих сеньоров и сеньор, жителей Куско, они [мужчины-сеньоры]– не имеют, что съесть, а они [женщины-сеньоры] — без приданного на свадьбу; иные восстали из-за дурного обращения, ведь некоторые не только принуждают их служить энкомендерос, а и своим неграм. Из этих восставших, которым от имени его Величества было обещано отдать им земля для посева, т.п., имени [по смыслу должно быть так — В.Т.] пришли к миру недавно пятнадцать или шестнадцать, и вместо выполнения данного им слова, их казнят (кого вешают, кого сжигают) в долине Юкай, в пяти лигах от Куско; откуда остальные не осмеливаются выходит с миром. Пауло Топа Инга, брат Атабалибы и сын Гуайна Кава, столь хороший вассал Короля и друг христианам, как он показал во многих битвах против своего брата Манго Инги, восставшего, столь великая опора этого королевства, что если бы не было его, то погибли бы все испанцы, он много страдает за них. Им движут тысячи дел; этот, поскольку некоторые касики из любви и видя, что он находится в нужде, отдают ему некоторые вещи, и обрабатывают ему посевные поля, и приходят к нему совершить *моча* [поклонение]; тот другой, поскольку Пауло не собирается строить ему дворец; тот предлагает ему переговоры и сопровождение для определённых доходов, а так как у него нет хитростей испанцев, они легко его обманывают и ущемляют его интересы. Многие ему завидуют и кажется, всячески стараются сделать так, чтобы он восстал, дабы обокрасть его и захватить его чакары. Но он своим благоразумием и добротой терпит всё это, хотя сейчас он думал прийти с этим церковным судьёй, чтобы пожаловаться Его Величеству. От него он принял учение и весьма продвинулся в нём, и уже подступил к тому, чтобы принять крещение. Его наставлениями он оставил идолопоклонства Солнцу и вакам, а также поклонения статуям своих предков, которых он хранил. Он действительно огласил церковному судье, чтобы их похоронили: тела его отца Гуайна Кава, с другими дядями, двоюродными братьями, т.д., невзирая на слёзы своей матери и родни. Одна его сестра, по имени донья Беатрис, замужем за испанским идальго, жителем Куско; у них законнорожденные дети, и живут они бедно..." Эта донья Беатрис именно так, что была наложницей Мансио Сьерра де Легисамо, а затем женой Диего Фернандеса, портного. Законнорожденные дети, о которых говорит церковный судья, возможно были от первого мужа Мартина или Педро де Бустинсия; потому что за Диего Фернендеса она не выходила замуж до 1549 или 1550 года. Определённо, в бракосочетаниях, в которых принял участие Паульу Тупак, он должен был претерпеть забавный эпизод, если это тот рассказ, о котором поведал Гарсиласо де ла Вега во второй части своих *Комментариев*, книга шестая, глава III.

[236] Этот пышный приезд Инки Паульо, поразив воображение испанцев, послужил тому, что желание испанцев обогатиться только разгорелось с большей силой, Получив лояльного правителя, испанцы (Диего де Альмагро) предприняли поход на юг к Чили. Наверно, Паульо был на стороне Васкара Инки, и после того, как ему стало известно, что за смерть брата Атавальпе отомстили эти чужеземцы (испанцы), и при этом хорошо относились (поначалу) к инкам, то он и решил их увидеть и присоединиться к ним. Это вторая фатальная ошибка государственной безопасности Инков (первая — когда Атавальпа принял испанцев): в руках Паульо была половина Империи, и он ещё мог создать автономию (или наоборот — не мог, в виду отсутствия стратегических ресурсов из северной части Империи: рабочей силы (мастера и ремесленники), продовольствие (маис, киноа, океанская рыба), лес).

беспрестанно выказывали сожаление по поводу того, что отдали кисточку[237] и владение Манго Инге[238]. Паульо Топа Инге вся земля служила с большой любовью, и добровольно, и с уважением; также наместники, как и все остальные в королевстве выказывали ему почтение и почитали его как правителя.

Губернаторы дон Франсиско Писарро и аделантадо дон Диего де Альмагро согласовали решение о том, чтобы Аделантадо отправился открывать королевство Чиле[239], ведя с собой Паульо Топа Ингу для лучшего умиротворения той земли; и так он отправился с аделантадо, основательно умиротворяя край на благо христиан до прибытия в королевство Чиле, как по пути туда, так и обратно, и хотя с ним пошли другие Инги, а ими были Вильаома [Villaoma][240], и Аполарико [Apolarico], и другие, они вернулись, бежав по пути, чтобы соединиться с Манго Ингой, и благодаря походу Паульо Топа Инги с христианами, обеспечившему безопасность земли там, где они проходили, они шли мирно, и ему оказывали услуги, как личные, так и в виде продовольствия и других необходимых вещей, и не было индейца, который бы поднял глаза на испанцев, в то время как то |Перу, было| восставшим, мятежным, и велика |была| тревога во всём королевстве.

Аделантадо дон Диего де Альмагро, спустя двадцать два месяца после похода в Чиле, вернулся со всем своим войском[241] и Паульо Топа Инга с ним[242]. Они обнаружили, что вся земля охвачена всеобщим мятежом индейцев по всему королевству по приказу Манго Инги, и что взят в осаду город Куско, и умерли в нём многие христиане, и Хуан Писарро [Juan Pissarro], брат Маркиза, и капитан Франсиско Мехиа [Francisco Mejía], и многие другие[243]. Манго Инга, увидев, что пришли те, кто из Чиле, и Паульо Топа Инга с ними на благо христиан, снял осаду, удалившись в долину Юкай [Yucay] и Тамбо [Tambo], где пробыл более двух лет, чиня зло христианам.

Для большей ясности о кончине, постигшей двух последних Ингов, Паульо Топа и Манго Ингу, детей, какие были от Гуайна Капак Инги, необходимо рассказать о всеобщем восстании королевства против христиан и о том, что каждый из них сделал со своей стороны в то время, и кто был причиной таких бедствий и тягот в |этой| земле.

Всеобщее восстание всего королевства Пиру[244] и предпринятая Манго Ингой осада Куско произошли после того, как дон Диего де Альмагро отправился в Чиле при полном согласии с маркизом доном Франсиско Писарро; и когда он его отправил, то с ним были его четверо братьев и

---

[237] Знак королевской власти, идентичный короне, венцу.

[238] Манко Инка Йупанки (род. ок. 1514) встретился с Ф. Писарро в Вилькакунке на пути в Куско, предположительно 13 ноября 1533 г. В конце того же месяца он вместе с испанцами вступил в Куско, где был провозглашен верховным инкой.

[239] Соответствующее соглашение между Писарро и Альмагро было подписано в Куско 12 июня 1535 г.

[240] Вильаома — имя главного жреца Храма Солнца в Куско. По одним сведениям он бежал из войска Альмагро, получив послание от Инки Манко о восстании против испанцев, по другим — наоборот подстрекал Инку Манко к восстанию.

[241] В данном заметно замалчивается факт больших потерь среди индейцев, участвовавших в этом походе и умерших от холодов и тягостей пути. Ниже в тексте, всё-таки будет сообщено о потерях, но Диего де Альмагро, а тех, кто остался в Куско.

[242] Поход Альмагро в Чили и его возвращение к Куско заняли время с июня 1535 по март 1537 г.

[243] Речь идет о восстании Манко Инки Йупанки против испанцев, которое началось в мае 1536 г.

[244] Ранее приводилось как «Перу».

Эрнандо Писарро, только что прибывший из Испании, отвозившего Его Величеству часть сокровищ, выделенную ему в качестве доли при разделе добычи в Кахамарке[245]. Затем они принялись делить землю и разделили её между лицами, находившимися и остававшимися с ними в Куско, не обращая внимания на дона Диего де Альмагро, хотя считали несомненным, что Куско попадало в границы и пределы аделантадо дона Диего де Альмагро[246], начиная от границ Гуаманги. Маркиз, после раздела земель сразу же уехал, чтобы закончить заселение Города Королей[247], перенеся его из долины Хауха [Xauxa], где поначалу он был поставлен, и оставил в Куско заместителем-губернатором Эрнандо Писарро и Хуана Писарро, своих братьев, и других капитанов, и Гонсало Писарро [Gonzalo Pissarro] с ними.

Манго Инга, ранее являвшийся владыкой всей земли, увидел себя не имеющим владения, оставшись, как и остальные индейцы-бедняки без состояния и лишь с обещаниями, ему данными; ему также причинял большие притеснения Эрнандо Писарро, очень торопивший его, чтобы он вновь дал ему богатства, и золотые и серебряные сокровища, напоминая ему о той договорённости и том обещании, какое дал Гуаскар Инга двум кабальерос, встретившим его в пути в то время, когда его вели пленным.

Манго Инга ответил ему, говоря, что Гуаскар Инга как всеобщий владыка, каким он был над всей землёй, со своею властью мог это сделать, но что он не был владыкой чего бы то ни было [él no era Señor de nada], потому что Маркиз разделил землю между энкомендеро, |и| каждый энкомендеро знал своего кураку и репартимьенто; он же был владыкой только над четырьмя прислуживавшими ему индейцами, и при всём этом он сделал бы всё возможное с тем, чтобы собрать и найти это. К этому времени Паульо Топа Инга ушёл в Чиле с аделантадо доном Диего де Альмагро, умиротворяя земле, как было сказано ранее.

Манго Инга, подгоняемый Эрнандо Писарро, который обозначил ему один большой гальпон[248] для того, чтобы ему наполнили его серебром, и другой, среднего размера, — для золота, и хотя ежедневно приходили индейцы, нагруженные золотом и серебром, он не обращал на это внимания, высмеивая, |и| причинял ему большие притеснения, содержа под стражей[249]. Видя, сколь его подгоняют, из своей тюрьмы он отдал приказ о том, что ему было выгоднее, то есть повелеть индейцам, чтобы они были готовы к тому, что их позовут. Помимо притеснений Эрнандо Писарро немногим ранее он был очень унижен и оскорблён оставшимися в Куско пажами Маркиза, которые оскверняли [vituperaban][250] сосуды, из которых он пил, и задирали юбки у женщин из его прислуги на его же глазах, и хотя он жаловался на это, они не избавили |его| от этого; и это было то, от чего он больше всего

[245] Так называемая «королевская пятина». В действительности равнялась 1/8.
[246] В дальнейшем это привело к многочисленным конфликтам между альмагристами и писсаристами.
[247] Точнее, Город Волхвов— Лима.
[248] На Антильских островах так обозначали большие длинные здания без окон, крытые деревом или соломой.
[249] Инка Манко был заключен под стражу после неудачной попытки бегства из Куско в декабре 1535 г., но через два месяца был освобожден.
[250] Дословно «порицали, хулили», но видимо, это было не оскорбление словом, а делом.

огорчался из всех страданий, выпавших ему от начала его заключения под стражу. Он приказал, чтобы вся земля индейцев ознакомилась с повелениями [tuviese cuenta con los mandamientos], разослав |их| по всей земле, созывая и призывая в Куско людей пригодных и отобранных для войны. Он также приказал, чтобы все кураки, разделённые среди энкомендеро, сообщили о сокровищах и богатствах, и гуаках, и золотых и серебряных рудниках, какие каждый имел в своей земле, и принесли |весть об этом| в его земли, говоря правду. Манго Инга для тех, кто |были| в городе выделил индейцев из йанаконов [yanaconas][251] и красивых индеанок, обученных тому, чтобы они показали тем гуаки и сокровища за пределами города. На виду у христиан отовсюду приходили нагружённые богатствами; ночью они выходили за сообщениями |о сокровищах|, какие им делали, хотя губернаторы приказывали, чтобы под страхом смертной кары никто не осмеливался выходить из города без их разрешения, видя, что город оставляли без защиты; невзирая на приказ, они выходили ночью, создавая свои вооруженные отряды и товарищества сообщников, влекомые жаждой к обогащению. Манго Инга, видя, что его столь сильно притесняет и подгоняет Эрнандо Писарро, и, находясь под стражей, приказал принести тому золотую статую, являвшуюся фигурой Виракочи Инги, из низкокачественного золота; статуя была размером с рослого человека, выкованная молотом из кусочков[252], и он дал знать Эрнандо Писарро, будто у него имелись сведения о том, что в родовом святилище [en los Lares] имелись и находились все статуи и фигуры всех предыдущих Ингов, и множество столовой посуды из больших и малых золотых и серебряных кувшинов, и чтобы он дал ему разрешение, поскольку он хотел бы отправиться за этим, и чтобы ему дали пятнадцать или двадцать человек, чтобы они пошли с ним. Вскоре алчность ослепила Эрнандо Писарро, и он дал тому разрешение, чтобы тот пошел без сопровождения испанцев. И когда испанцы вышли из города уже названным порядком, он вышел из Куско за Ларами, хорошо сплетая козни своей измены ко дню новолуния[253], и приказывая, чтобы испанцев, находивших за пределами города, убили всех до единого, никого не оставив в живых; и поэтому они сделали так, что все находившиеся за городом, были убиты. А Манго Инга готовил там всех людей, отдав приказ, будто, несмотря на то, что он и вышел, всё же вскоре вернётся.

В это время Господь сделал так, что один йанакона инга у Перо Алонсо Карраско [Pero Alonso Carrasco], по имени Майо Римаче [Mayo Rimache], стал тем, кто раскрыл этот заговор за четыре дня до новолуния и назначенного ими срока, и сказал своему хозяину: "Сеньор, куда отправили Манго Ингу, и что сделал Апо? Знайте, что он непременно обманывает. Как ему позволили выйти…! Знайте же, что он поднял восстание, и что очень скоро вы увидите, как против нас восстала вся земля индейцев". Перо Алонсо

[251] Лично зависимые работники или слуги правителей различного ранга.
[252] Т.е. статуя была кованной из различных листов металла.
[253] Новолуние в апреле 1536 года приходилось на 19 число. По другим сведениям Манко Инка Йупанки бежал из Куско в канун Пасхи, приходившейся на 16 апреля 1536 г.

Карраско пошел с индейцем туда, где находились губернаторы, и спросил у Эрнандо Писарро о том, где находился Манго Инга, и Эрнандо Писарро сказал ему, что он ушел в Лары, чтобы принести наибольшее богатство, какое только видели в мире; и поднимаясь со стула, на котором он сидел, он привёл его в своё жилище и показал ему золотую статую, принесённую для него Манго Ингой. На это Перо Алонсо Карраско сказал ему, чтобы он разуверился, так как при нем утверждали, что тот восстал, он же возмутился и не хотел в это верить, пока не вошёл Хуан Писарро и, допрашивая индейца, они выведали всё основательно [pusieron remedio]. Он немедленно послал Перо Алонсо Карраско с тридцатью всадниками в долину Юкай посмотреть, что там было, и они не увидели ни одного индейца, пока не оказались посреди долины, и индейцы захватили высоты над ней, сбрасывая глыбы, |и| не давая им выйти из неё, и они не выдержали больше двух дней. Губернаторы, видя, что они запаздывают, послали на подкрепление ещё тридцать всадников, с помощью которых были выбиты индейцы, захватившие высоты над перевалом, |и| сообщили о том, что произошло и случилось губернаторам.

В ту ночь город находился настороже, с часовыми и дозорами, хорошо вооружёнными; а на следующий день в последнюю четверть ночи, перед наступлением дня, а было тогда третье мая[254], к утру Обретения Святого Креста[255] |15|36 года перед городом появились большие отряды индейцев с множеством копий и градом стрел, и метая пращи, так то казалось, будто лил каменный дождь[256]. Вышли христиане сразиться с ними; тем временем, пока одни сражались, другие старались подложить огонь к домам и сжечь город, и на улицах множество индейцев занималось выкапыванием больших ям, чтобы не могли пройти лошади, и строительством множества заграждений, закрывая и обнося стенами улицы. Христиане держали и владели только площадью и главной церковью, где они собирались, и большим двором, имевшимся в доме Эрнана Понсе де Леона [Hernán Ponce de León] с воротами, выходящими на площадь, потому что остальные дома города сгорели, а там, где не могли развести огонь руками, они делали это с помощью стрел и пращ[257]. Стена крепости вся была усеяна индейцами, откуда они спускались сразиться с копьями, дротиками и стрелами, и бросая неисчислимые камни с помощью пращ, и с молотами в руках. Города нельзя было разглядеть в те сорок дней, от огромных столбов дыма от охваченного огнём горящего города, так что очень много людей умирало от удушья дымом. Индейцы сражались в строгом порядке, чтобы не дать передохнуть

[254] Новолуние, если исходить из приводимых здесь сведений, пришлось как раз на 3 мая 1536 года.

[255] Речь идёт о праздновании в этот день христианского праздника в связи с найденным приблизительно в 325-327 годах на горе Голгофа в Иерусалиме Святой Еленой (мать императора Константина) якобы Настоящего Хреста, на котором распяли Иисуса Христа. Наиболее раннее упоминание об этом событии встречается у Руфина в книге «История Церкви», написанной около 400 года н.э., он же позаимствовал её, переведя на латынь, из «Церковной истории» Геласия Кесарийского, написавшего её несколькими годами ранее. Само сведение о таком Обретении Креста Еленой в науке считается легендарным.

[256] Тактика не очень удачная в городских условиях, поскольку не составляло труда укрываться от стрел и камней внутри зданий или за щитами.

[257] Это уже правильная тактика осады города.

христианам, потому что когда приходила сражаться одна община индейцев, другие расходились отдохнуть по своим айлью и общинам, как ночью, так днём, не останавливаясь ни на час, ни на мгновение, а только непрерывно сражаясь и выкапывая большие ямы на всех улицах, что|бы| христиане не перебрались в другое место для обороны. Находясь в таком удручающем положении, они образовали три отряда; как из всадников, так и пехоты, стреляли из аркебуз и арбалетов, а йанаконы и индейцы-союзники также помогали со своей стороны, метая свои пращи по их отрядам. Но самой главной битвой, выпавшей на долю христиан, был невероятный голод, ими испытываемый, от которого они гибли; потому что индейцы приложили немалые усилия, чтобы поджечь дома, где находилась провизия, а также хранилища. Ведя войну на всех направлениях, они держали христиан в осаде более тринадцати месяцев сроку. Поразительной была помощь Бога, в том, чтобы накормить их, потому что ни они, ни индейцы из их прислуги, ни лошади не знали о том, как продержаться восемь месяцев, так как уже не знали, как это сделать. В это столь затруднительное время с Божией помощью на сторону христиан перешли четыре Инги, из самых главных, какие были у Манго Инги, а ими были Кайо Топа [Cayo Topa], и дон Фелипе Кари Топа [Felipe Cari Topa], и Инга Паккак [Inga Paccac], и Вальпа Рока [Uallpa Roca], каждый из них с большим отрядом индейцев, весьма обрадовавших христиан, так как, после того, как они встретились, то, видя нужду и испытываемый ими голод, они отдали приказ собрать в городе большое количество съестного в помощь и для поддержания христиан и индейцев, находившихся у них в качестве подкрепления и подмоги, а было их более двух тысяч душ йанаконов, и каньяри [cañares], и чачапояс [chachapoyas][258], из тех, что пришли из Кито для грабежа [al saco del] Куско и оставались йанаконами у индейцев. К Манго Инге, на подмогу воинам, какие у него были в крепости, привели из Кондесуйу и Котабамбы[259] [Cotabambas] более тысячи голов скота, маис, и другое продовольствие, и они остановились в трёх лигах от Куско. Эти Инги, так как они были известными и главными полководцами Манго Инги, с теми людьми, каких они вели с собой, очень легко ночью привели эту подмогу в город от имени Инги, и победили тех, кто её привёл; отчего христиане продержались до прихода подкрепления от тех, кто вернулся из Чиле с аделантадо доном Диего де Альмагро, и обнаружил край восставшим, а Куско осаждённым. Паульо Топа Инга также вернулся из Чиле с аделантадо, всегда находясь при нём, очень преданно защищая землю.

Манго Инга, увидев подкрепление, пришедшее из Чиле, а также то, что капитан Алонсо де Альварадо [Alonso de Alvarado] находился в Абанкайе [Abancay], прибывший туда с четырьмя сотнями людей, будучи отправленным Маркизом с четырьмя сотнями людей в помощь Куско, сняв осаду, удалился в долину Юкай и Тамбо, где пробыл более двух лет, чиня

[258] Каньяри и чачапойя — народности, населявшие современный Эквадор. Индейцы из них, традиционно враждебные по отношению к Куско, появились там с полководцами Атавальпы.
[259] Котапампа — одна из областей проживания кечуа в объединенной провинции Контисуйу.

много зла земле, пока его не выбили оттуда, и он не удалился в Вилькабамбу с более чем семьюдесятью тысячами воинов, каких он вывел и увёл с собой[260]. И, прежде, чем войти |в Вилькабамбу|, Манго Инга отправил своих вестников к Аделантадо в то время, когда аделантадо дон Диего де Альмагро прибыл в Уркос [Urcos], что в пяти лигах от Куско[261]. Манго Инга отправил к нему своих вестников, прося его в качестве уступки о том, чтобы тот прибыл туда, где находился он, потому что он хотел бы увидеться с ним и искупить перед ним свою вину за восстание и за случившееся, |и| чтобы тот привёл с собой только двадцать человек, какие бы пошли с ним; апоэс [apoes], что значит главные люди[262]. Аделантадо, не доверяя ему, привёл с собой тридцать очень хорошо подготовленных людей[263] и Паульо Топа Ингу, оставив остальных своих людей в Уркосе с капитаном Педро де Лос-Риосом [Pedro de los Ríos]. Аделантадо находился в долине Юкай и Калька [Calca] более тридцати дней; но не смог его увидеть, так как привёл подготовленных людей, Инга не решился дожидаться его[264], а Паульо Топа Инга ходил, порицая и увещевая индейцев, последовавших за Манго Ингой, чтобы они, оставив его, вернулись в свои земли и дома, |и| помирились с христианами. Этими и другими порицаниями он добился того, что многие вернулись в свои дома[265].

После битвы у Лас-Салинас [las Salinas][266] и смерти аделантадо дона Диего де Альмагро, по приказу маркиза дона Франсиско Писарро его брат Гонсало Писарро пошёл в провинцию Вилькабамба, преследуя Манго Ингу[267], а Паульо Топа Инга шёл с ним |и| другими дружественными Ингами и множеством индейцев-союзников, и вышли пятьсот человек солдат, очень хорошо подготовленных, со множеством капитанов и знатного люда, чтобы покорить Манго Ингу, удалившегося с более чем 70 тысячами восставших с ним воинов; и христиане продолжили поход и немало потрудились в нём, и во многих стычках и столкновениях, ежедневно случавшихся у них с индейскими воинами. Случилось так, что, однажды христиан застало раннее утро, чтобы пройти по скользкому каменному склону, очень опасному и густо заросшему лесами и чащами, под названием Чукильуска [Chuquillusca], через который христиане проходили гуськом, друг за другом, продолжая свой путь и поход, с его высот, где воины-индейцы держали свою засаду, те сбросили на христиан большое количество огромных камней, захватив перевал, половину которого преодолели христиане. Христиане, шедшие в

[260] Инка Манко ушел из под Куско в крепость Ольянтайтамбо после того, как индейские отряды потерпели поражение под Лимой, а засевшим в Куско испанцам удалось овладеть господствовавшим над городом комплексом Саксайваман.
[261] Ок. 28 км.
[262] Не совсем понятная вставка: речь идёт либо об отправленных вестниках Инки, либо о 20 сопровождающих лицах Диего де Альмагро, каких хотел бы увидеть Инка. Скорее всего второй вариант.
[263] Т.е. наилучших воинов, а не знать, как хотел Инка.
[264] Т.е. покинул долину из-за того, что Альмагро пришёл с большим числом людей.
[265] После возвращения Паульу Тупака Инки из похода в Чили Манко Капак II постепенно терял свой авторитет и влияние.
[266] Соперничество между Д. де Альмагро, вернувшимся весной 1537 г. в Перу, и братьями Писарро к концу того же года вылилось в вооруженный конфликт. В битве при Лас-Салинас 6 апреля 1538 г. Альмагро был разгромлен писарристами, попал в плен и был казнен. Любопытно, что среди выдвинутых против него обвинений в числе основных фигурировало то, что он вступил в переговоры с мятежным инкой против христиан.
[267] Этот поход состоялся в начале 1539 г.

голове передового отряда, из-за большого шума падавших посредине глыб и скал бежали дальше вперёд, полагая, что все оставшиеся позади погибли, а те, что |шли| от середины назад до тылового отряда, бежали назад; как одни, так и другие бежали, пока не добрались до равнины, где покинули тех немногих, кто погибал. С теми, кто был позади, где шёл генерал, а им был Гонсало Писарро, шло большинство капитанов, и Паульо Топа Инга вместе с ними, и, увидев, что недоставало более половины христиан, они подумали, что те остались мёртвыми. Другие из другой половины решили то же самое, поскольку одни не знали о других, и не было видно тех, кто был посередине, |предполагая, что те| разбиты наголову. Гонсало Писарро и остальные капитаны, собравшись, решили отступать, видя многих индейцев-противников, а край таким суровым и непроходимым, и то, что одним махом у них не стало более половины людей. Когда Паульо Топа Инга узнал о решении христиан и капитанов, он сказал следующее: "Обуздайте себя, господа апоэс, не допускайте к себе такой мысли, даже не позволяйте себе, чтобы кто-либо совершил такой поступок, потому что, как только мы себя расположим к этому, мы сами себя погубим, и не будет тому спасения. До получения достоверных сведений о случившемся с остальными христианами, нашими недостающими товарищами, несвоевременно менять то место, где мы сейчас находимся, потому что невозможно, чтобы все были мертвы". На эти доводы ответил капитан Вильегас [Villegas] и другие, поддержавшие его мнение, говоря так: "Сеньоры, мы увидели воочию столь великую погибель христиан, наших братьев, и принять совет и мнение этого Инги |мысль| неудачная, потому что мы не знаем о его соглашениях и договорённостях с Манго Ингой, его братом, перед которым у него больше обязательств, чем перед нами; и будет более удачным оставить землю на середине |пройденного пути|, прежде чем произойдёт что-либо другое". На это Паульо Топа Инга ответил и сказал: "Я поражён, господа, что вы столь малого обо мне мнения, увидев то, что я сделал и делаю на благо христиан. Знайте же, что бы ни было с христианами, то будет и со мной, потому что, после того как христиане пришли в это королевство, я служил им, проявляя большую любовь и верность, всегда будучи против своих же, уразумев, что наиболее подходящая жизнь, это служить Богу; и для большей вашей безопасности, немедленно набросьте на меня цепь и оковы, и держите меня под стражей, пока мы не узнаем окончательно об остальных недостающих христианах, и когда вы почувствуете, что во мне кроется лицемерие, то отомстите и убейте меня сразу же, как предателя, потому что в этом деле и затруднительном положении мною столько же испытано, сколько и каждым из вас". Гонсало Писарро, |почёл| за благо принять мнение Паульо Топа Инги и приставил к нему стражников, но чтобы он этого не узнал, потому что его жизнь казалась ему очень важной, потому как в тот момент он был господином четырёх тысяч индейцев, которых вёл с собой в своей свите, а они оказывали большую помощь и поддержку, служа христианам по приказу и повелению Паульо Топа Инги, и шли, разведывая землю, и засады, и ловушки, устраивавшиеся врагами на каждом шагу, и служили они очень преданно.

Паульо Топа Инга вскоре послал индейцев для обнаружения остальных недостающих христиан, и вестники вернулись с ответом, что нашли только тридцать шесть погибших людей, раздавленных валунами. В ту ночь пришло двенадцать сильно раненых людей, прятавшихся в расщелинах голых камней и скал. В ту самую ночь, до наступления дня, прибыли другие вестники с той же новостью и письмом, написанным при помощи |сока| алой ямбозы[268] [jambo colorado], о том, как в одной равнин в горах и чащах укрепилось более двухсот недостающих людей. С наступлением дня они друг с другом соединились.

Эта служба Паульо Топа Инги имела большую важность и была большой услугой Его Величеству, потому что если бы они отступили, уйдя разделёнными и обращёнными в бегство, как того хотели капитаны и к каковому решению они склонялись, индейцы с большой лёгкостью всех бы их убили, устроив за ними такую погоню, что никто бы не остался в живых, и затем они вышли бы против Куско, а это было то, чего Манго Инга больше всего хотел, с множеством индейских воинов, находившихся с ним в этом походе. Манго Инга скрылся в глуюине земли андов, чтобы его не смогли найти; а Паульо Топа Инга к тому времени, когда он шёл обратно из этого похода, своими действиями и предупреждениями сделал так, что к нему и к христианам перешли почти все имевшиеся у Манго Инги воины, покинув его; они вернулись в свои горные местности и дома, и имения, так что с ним осталось не более трёх тысяч индейцев, с которыми он выходил грабить и тревожить это королевство каждые два года[269]; ведь Манго Инга, со столь малым числом оставшихся у него людей тревожил землю более тридцати лет, а с тем множеством, какого лишил его Паульо Топа Инга, и не сделай он этого, тот бы разрушил королевство, так как их было шестьдесят тысяч индейцев.

Паульо Топа Инга, прибыв в Куско, по возвращении из похода, вскоре попросил о крещении, весьма приверженный [muy convertido] нашей Святой Католической Вере и тому, чтобы стать христианином; и его крестил командор монах Хуан Перес Аррискадо [Juan Pérez Arriscado], из ордена и рыцарства Святого Хуана, который был клириком, пресвитером, священником и викарием [clérigo presbítero cura y vicario] Святой Церкви |города| Куско; и он был наречён дон Кристобаль Паульо Инга[270]; и он

---

[268] В изд.1892 года редактор назвал это дерево «bija» (орлянка, бикса) или «mantur» (Бикса Орельяна), т.е. , или Аннато (лат. *Bíxa orellána*) — кустарник или маленькое дерево, происходящее из тропических областей американского континента; вид рода Бикса семейства Биксовые. Оно также культивируется в Юго-Восточной Азии, куда было интродуцировано испанцами в семнадцатом веке. Растение стало известно благодаря красному пигменту, содержащемуся в семенах и широко используемому как пищевой краситель, альтернативный аналогичным синтетическим средствам. Краситель получается путём экстракции его из семян и используется в порошкообразной или пастообразной форме. Аннато — маленькое дерево с крупными глянцевыми листьями. Цветки маленькие розовые пятилепестковые, с множеством тычинок, цветут только один день. Плоды — ярко-красные сухие колючие коробочки с содержащимися внутри красными семенами. Испанские наименования achiote (из науатля), urucú (из гуарани) или onoto. В издании 2004 года это дерево ошибочно ассоциируется с деревом Ямбоза или Малайское яблоко, с ароматными и сладкими плодами, похожие на маленькие яблоки желтоватого цвета.

[269] По сообщению Титу Куси Йупанки, сына Инки Манко, эти нападения совершались из-за голода, охватившего область Вилькабамбы.

[270] По данным колониальных документов (письмо муниципалитета Куско королю от 23 апреля 1543 года; завещание К. Вака де Кастро) Васкар Паульу Тупак Инка был крещен весной 1543 г., его крестным отцом был губернатор Кристобаль Вака де Кастро. Характеристику положения Паульу Тупак Инки в начале 1540-х годов приводит церковный судья

приказал, чтобы крестилась его жена донья Каталина Токток Оксика[271] [Toctoc Oxica], из того же рода и потомков шестого Инги по имени Инга Рока из айлью Викакирао, с которой он женился на виду Святой Матери Церкви; от неё у него было двое законнорожденных сыновей, каковыми были дон Карлос Инкиль Топа [Carlos Inquill Topa] и дон Фелипе Инкиль Топа [Felipe Inquill Topa]. А также многие главные Инги попросили о крещении, перейдя в нашу Святую Католическую Веру, а таковыми были: дон Гарсия Кайо Топа [García Cayo Topa], и дон Фелипе Кари Топа [Felipe Cari Topa], дон Хуан Паккак [Juan Paccac], дон Хуан Сона [Juan Sona] и многие другие, также поженившиеся на виду Святой Матери Церкви, и бесчисленные индейцы, ежедневно приходившие в церковь, прося о крещении[272]. Поскольку дон Кристобаль Паульо положил начало и стал первым Ингой-христианином, он вскоре построил церковь возле своего дома в честь хранителя Святого Кристобаля, и разместил в ней шестерых отшельников, весьма угодных Богу, находившихся в этом ските более шести лет, принося много плодов, обратив индейцев |в католическую веру| хорошим наставлением и примером [con mucha doctrina y ejemplo]. После того как эти рабы |Божии| ушли из-за волнений в этом королевстве, дон Кристобаль Паульо Топа взял затем капеллана, клирика |и| пресвитера, по имени отец Поррас [el Padre Porras], с ежегодным жалованием в одну тысячу песо. Этот был капелланом того скита более десяти лет, пока не умер в капелланстве [murió en la capellanía][273].

И когда первые губернаторы этого королевства дон Франсиско Писарро и аделантадо дон Диего де Альмагро увидели великую отвагу и достоинства дона Кристобаля Паульо Инги, они дали и доверили ему при разделе Йаури [Yauri] и Атун Кана [Atún Cana] с другими селениями, по соседству с Куско и в Андах, с двенадцатью тысячами песо пожизненной ренты, как то, возможно, обнаружится [como se hallará] в старинных архивах этого королевства; хотя потом лиценциат Гаска [Gasca], президент, осуществивший всеобщий раздел, доверил ему вновь |долю в| осуществлённых разделах, дважды за его жизнь, как и остальным

бакалавр Луис де Моралес в поданном испанскому Двору в 1541 году "Докладе о делах, важных для обеспечения Перу": "Пауло Топа Инга, брат Атабалибы и сын Гуайна Кава, столь добрый вассал Короля и друг христианам, как он показал во многих битвах против своего восставшего брата Манго Инги, столь великая опора этого королевства, что если бы не было его, то погибли бы все испанцы, весьма страдает из-за них. Его впутывают в тысячу тяжб; один, поскольку некоторые касики из любви и, видя, что он находится в нужде, отдают ему некоторые вещи, и обрабатывают ему засеянные поля, и приходят к нему совершить *моча* [поклонение]; другой, поскольку Пауло не собирается строить ему дворец; еще один предлагает ему посредничество и помощь для |получения| определённых доходов, а так как у него нет хитрости испанцев, они легко его обманывают и ущемляют его интересы. Многие ему завидуют и, кажется, всячески стараются сделать так, чтобы он восстал, дабы обокрасть его и захватить его чакары. Но он своим благоразумием и добротой терпит всё это, хотя сейчас он задумал прийти с названным церковным судьёй, чтобы пожаловаться Его Величеству. От него он принял учение и весьма продвинулся в нём, и уже подошел к тому, чтобы принять крещение. Благодаря его наставлениям он оставил идолопоклонство Солнцу и вакам, а также поклонение статуям своих предков, которые он хранил. Он действительно огласил церковному судье, чтобы их похоронили: тела его отца Гуайна Кава, с другими дядями, двоюродными братьями и прочими, невзирая на слёзы своей матери и родни. Одна его сестра, по имени донья Беатрис, замужем за испанским идальго, жителем Куско; у них законнорожденные дети, и живут они бедно... " (из примечания к изданию 1892 г.).

[271] Вариант: Осика, Охика, Ошика.

[272] Большой успех испанцев в завоевании и ранней колонизации был вызван прежде всего внутренними проблемами Империи Инков. Именно испанцам удалось вначале остановить междоусобицу братьев Васкара и Атавальпы, и сплотить распадавшуюся Империю своим непрерывным участием в подавлении индейских восстаний. Многие индейцы должны были гордиться за такое их мужество и отвагу. Результатом этого и стало данное массовое крещение в Куско.

[273] Пасторская служба. Данное место в тексте не совсем понятное.

энкомендеро, как он сделал в этом королевстве, не обратив внимания, и не будучи извещённым о вечном даровании, каким он владел ранее[274]. И он завершил свои дни в городе Куско и умер в |15|51[275] году как весьма |прилежный| христианин, и он составил своё завещание, раздав много подаяния нуждающимся и госпиталям, и проявив большое милосердие к беднякам и сиротам.

Дон Кристобаль Паульо Топа Инга оставил двух законнорожденных сыновей, каковыми были дон Карлос Инкиль Топа Инга, являвшийся старшим сыном, а дон Фелипе Инкиль Топа — младшим. Дон Карлос был очень ученым и воспитанным, и был человеком глубоко верующим [hombre de mucha cristiandad] и милосердным[276]. Его дом был приютом и пристанищем для бедняков и сирот, и сколько у него было, он тратил на дела милосердия. Он был очень хорошим правоведом и всадником, и ловким |в обращении| с оружием, и прекрасным музыкантом, и сам по себе был очень мужественным [muy hombre de su persona]; женился же он на виду Святой Матери Церкви на донье Марией де Эскивель Амарилья [Maria de Esquivel Amarilla], очень знатной сеньоре, жительнице Трухильо в королевствах Испании, особе глубоко верующей. У них был только один сын — Мельчор Карлос Инга [Melchor Carlos Inga], находящийся в Испании[277].

Следует знать, что род Гуаскара Инги не оставил ни сына, ни дочери, ни какой-либо особы; потому что двоих имевшихся у него детей Чалькочима и Кискис убили на его глазах, вместе с Койей Чуки Випа [Coya Chuqui Huipa], его женой и сестрой, матерью дочерей, и их убили на её глазах.

У Манко Инги[278], после того, как он укрылся в провинции Вилькабамба, восстав против христиан, было в той земле четверо детей мужского пола, каковыми были дон Диего Сайре Топа [Diego Çaire Topa], и Тито Кусси Юпанке [Tito Cussi Yupanque][279], и Топа Амаро[280] [Topa Amaro], и дон Фелипе Вальпа Тито [Felipe Vallpa Tito][281].

Дон Фелипе умер в |Городе| Королей; дон Диего Сайре Топа вышел ради мира в пятьдесят седьмом году, в то время, когда в этом королевстве правил вице-король дон Уртадо де Мендоса [Hurtado de Mendoza], маркиз де Каньете [marqués de Cañete][282], да пребудет он у Бога, Господа нашего, он же ему оказал милость и доверил ему десять тысяч песо ренты на индейцев, и он стал христианином, и крестился и женился на виду у Святой Матери Церкви

---

[274] Речь идет о так называемом "великом репартимьенто" (распределении земель), которое королевский уполномоченный Педро де Ла-Гаска произвел 16 августа 1548 г. в Гуайнариме после окончательной победы над мятежниками-писарристами. Были распределены земли, дававшие в общей сложности годовой доход более 1 млн. песо.

[275] По сведениям П. Сьесы де Леона Паульу Тупак Инка умер в мае 1549 г. Его предполагаемая могила обнаружена в 2007 г. в приходской церкси Сан-Кристобаль в Куско.

[276] Дон Карлос Инкиль Тупак Инка умер в 1582 г. Инка Гарсиласо де Ла-Вега дважды вспоминает его как своего соученика (89:347,641).

[277] Мельчор Карлос Инка (1571–1610) отбыл в Испанию в 1602 г.

[278] Ранее это имя всегда писалось как Манго Инга.

[279] Являлся наследником престола после своего брата Сайри Тупака.

[280] Стал преемником своего брата Тупака Амару, и был последним Инкой. Казнён испанцами в Куско 24 сентября 1572 года.

[281] Сайри Тупак (1539?–1558 г.) был правителем так называемого "новоинкского царства" в 1544–1557 гг., Титу Куси Йупанки (1535–1570) — в 1557–1570, Тупак Амару (ок. 1540 — казнен 24 сентября 1572) — в 1570–1572 гг.

[282] Андрес Уртадо де Мендоса, маркиз де Ла-Каньете (ок.1500–1561), был вице-королем Перу в 1556–1561 гг.

на донье Марии Кусси Варкай [María Cussi Varcay], своей сестре, сам же умер спустя тридцать дней после свадьбы, и оставил одну дочь, а была это донья Беатрис [Beatriz], на которой женился Мартин Гарсия де Лойола [Martín García de Loyola].

В провинции Вилькабамба осталось три брата, сыновья Манго Инги, и Тито Кусси Юпанге при власти в той провинции; а после смерти Тито Кусси Юпанге[283], остался Топа Амаро Инга, которому его превосходительство сеньор вице-король дон Франсиско де Толедо [Francisco de Toledo] объявил войну и пленил его на ней, и в Куско свершилось правосудие над ним.

Осталось несколько дочерей Гуайна Капака, прижитых от женщин-сожительниц, которые, или кое-кто из них, женились на некоторых испанцах, чьих детей в городе Куско и в |Городе| Королей губернаторы этого королевства достаточно обеспечили пропитанием.

В это время прибыло бесчисленное число людей из Испании[284], после того, как увидели сокровища и большие богатства, прибывавшие в Испанию из кахамаркских долей [de las partes de Caxamarca]. За очень краткий срок вся земля наполнилась испанцами; хотя аделантадо дон Диего де Альмагро повёл в Чиле семьсот сорок человек, в Куско и его округе осталось более восьмисот, но когда Аделантадо прибыл из Чиле, он обнаружил не более двухсот восьми человек[285], кроме тех, что приходили ежедневно. Город Королей также был густонаселен испанцами, и каждый день заходили корабли в порт из Панамы [Panamá], Мексики [México], и Никарагуа [Nicaragua] с множеством людей, не считая тех, кого увёл капитан Беналькасар [Benalcázar], и находившихся в селениях Кито и других местах.

Маркиз дон Франсиско Писарро, увидев, что индейцы принялись осаждать его в Городе Королей, тут же понял, что город Куско и всё королевство Перу оказалось в большом затруднении, хотя в |Городе| Королей осада продлилась не более двух месяцев, после чего все индейцы удалились, ибо, поскольку они были горцами, они не отважились прождать дольше[286]. Затем Маркиз начал посылать подкрепления в Куско и отправил капитана Гаэте[287] [Gaete] с восьмьюдесятью отборными людьми, хорошо подготовленными солдатами на добрых конях и при оружии, а после этого, через тридцать дней, когда в порт прибыло два корабля, один — из Мексики, а второй — из Панамы, с людьми с островов и со множеством лошадей, как у тех, так и у других, капитана Могровехо [Mogrovejo], и также отправил сто двадцать человек, а через месяц после этого, увидев, что не было никаких новостей о происходящем в Куско и во всём королевстве, он отправил ещё

[283] 1571 год.
[284] Автор сообщения вновь переносит ход событий в прошлое на десятилетие(-ия) назад.
[285] Т.е. потери испанцев в Куско составили не менее 600 человек.
[286] Речь идет о событиях лета 1536 г. Лима выдержала осаду инкского полководца Куси Йупанки [Quzi Yupanqui] главным образом благодаря поддержке, оказанной Писарро союзными индейцами, в первую очередь, вайльас.
[287] Алонсо де Гаэте. В «Анналах Перу» Фернандо де Монтесиноса сказано: «Он ушел с сорока всадниками и сыном Вайна Капака, по имени Кусиримак [тот, что говорит весело], и былокружен и убит со всеми своими товарищами, кроме одного, сбежавшего на мулице».

сто двадцать с капитаном Тапиа [Tapia][288]. Индейцы провинции Хауха |и| дальше уже настолько были озлоблены на испанцев из первых поселенцев, |что| служили им, пока не усыпили их |бдительность| и не заманили в небольшое ущелье и долину у моста Ангойако [Angoyaco], что на пути между Анкос [Acos] и Пикой [Picoy], и там у них были приготовлено множество валунов на вершинах и каменные глыбы [guacabaras], которые они сбрасывали и днём, и ночью, пока не осталось в живых ни одного христианина. Каждого из этих трёх капитанов по отдельности убили в пути, так что никто из них не знал друг о друге, пока не оказывался в такой опасности и стеснении. Маркиз, видя, что ежедневно к нему приходили новые люди, подготовил капитана Лерма [Lerma] с ещё одной сотней человек, чтобы выступить на следующий день. К этому моменту прибыло двое спасшихся солдат, одним был капитан Диего де Акоста [Diego de Acosta], а вторым — Хуан Ортега дель Кастильо [Juan Ortega del Castillo], которых индейцы Хаухи держали в плену вместе с другими солдатами и лошадьми, отведя их в селение Хауха с другими солдатами и лошадьми, чтобы принести их в жертву своим гуакам и идолам, потому что каждое утро они приносили в жертву двоих солдат и лошадей, и для этого они их держали в плену, несмотря на причиненные им валунами и каменными глыбами сильные ранения.

И эти два солдата были последними, кто оставался для принесения в жертву на следующий день утром, и, оказавшись в этом тяжелом положении, когда их должны были лишить жизни, препоручив себя Нашему Господу и его блаженной Святой Марии, из помещения, в которое их заточили и где держали, через окно они увидели несколько лошадей в загоне, предназначенных для тех же жертвоприношений, а также увидели, что индейцы-стражники погружёны в глубокий сон и изрядно выпили.

Желая освободиться, они выпрыгнули через окно, и, войдя в загон и набросив свои недоуздки на лошадей, они вышли через ворота, расталкивая индейцев, их стороживших, каждый со своим копьём в руке, из тех, которые стражники оставили прислонёнными к стенам, и бросились в ту большую реку, рискуя жизнью; хотя у индейцев и поднялся большой переполох, но, поскольку была ночь, в темноте те не увидели, куда они уходили. С Божьей помощью лошади вынесли их вплавь, а так как все индейцы той провинции находились со стороны постоялых дворов и Королевской Дороги, а на реке у них не было ни моста, ни плотов, то они не смогли их преследовать, ибо из-за наступившей зимы вода в реке прибывала. Днём эти солдаты нашли какую-то тропу, по которой пошли в сторону побережья, и на одной чакаре в хижине они встретили двух индейцев, старика и юношу, то были отец и сын. Солдаты захватили их, и угрозами, и лестью, и обещаниями побудили, чтобы эти индейцы вывели их из Пачакама [Pachacama] и привели в Город Королей, и они принесли новость и известие о гибели христиан, которых Маркиз

[288] По другим данным сначала Писарро отправил в Куско Гонсало де Тапиа с 80 солдатами, затем — 50 человек под началом Диего Писарро, после него — Франсиско Альгровехо де Киньонеса и, наконец, последним — Алонсо де Гаэта с 40 всадниками. Все эти отряды были уничтожены индейцами.

отправил на помощь Куско. Эти два солдата шли пешком, потому что оставили лошадей в пути из-за непроходимости того края, где они шли.

Маркиз, узнав из новости, сообщенной ему о трёх капитанах и воинских отрядах, которые он отправил на помощь в Куско, что они мертвы, решил отправить капитана Алонсо Альварадо[289], того, что позже стал маршалом, с четырьмя сотнями хорошо подготовленных людей. У этих ушло восемь месяцев на то, чтобы добраться до реки Абанкай, через которую они не смогли переправиться несколько дней, как из-за силы зимнего потока, поскольку не было моста, так и из-за индейских воинов, пока аделантадо дон Диего де Альмагро не вывел их оттуда, как сообщалось ранее.

Умиротворение этого королевства после всеобщего восстания стоило бесчисленного индейского люда по причине великой гибели, проистекавшей от этого восстания. Во-первых, это было при осаде множеством индейцев в столкновениях и стычках от аркебуз и арбалетов, и от всадников, и бесчисленные индейцы остались мертвыми и лежащими на улицах, так что не было им счёта, не только в городе Куско и его предместьях, а и во всём королевстве Пиру; так как нужно было завоёвывать всю землю наново, её завоёвали ценой вновь пролитой крови, как христиан, так и индейцев; а в провинции Кондесуйо, остававшейся непокорённой более пяти лет, за эти самые пять лет капитаны со своими воинскими отрядами постоянно вели войну в этой названной провинции, к превеликой гибели бесчисленных солдат и индейцев, погибших на ней, пока не захватили в плен Вильаома Ингу [Villaoma Inga], по приказу которого вся та земля восстала ради Манго Инги.

Другое значительное зло, причиной которому послужило то всеобщее восстание индейцев этого королевства, |было то, что| из-за беспорядка и того, что индейцы ушли на войну, за три года не засеяли ни одного рода |растений| для пропитания, начиная от границ Кахамарки и выше, из предпочтения к войнам; а продовольствие, оставшееся в некоторых хранилищах Инги, посвящённых Солнцу и гуакам, во время этого вышеупомянутого восстания индейцы сожгли, а |также| селения и дома. И от таких тягот этих мятежей все имевшиеся индейские дети возрастом от шести до семи лет сплошь умерли от голода, так что не осталось ни одного, а также стариков и калек. Затем, за следующие четыре года не смогли завершить преобразование земли из-за массовой гибели, происходившей вследствие восстания Манго Инги, причиной которого во многом стали братья Маркиза, как то было с Эрнандо Писарро, и Хуаном Писарро, и пажи Маркиза, о чём сообщалось ранее. Паульо Топа Инга немало и хорошо потрудился над этим и на пользу христианам, и вместе с ними, поскольку благодаря своим действиям и заботам по оказанию поддержки он успокоил и умиротворил всю землю индейцев[290] и сделал так, чтобы они вернулись в свои дома и имения в полной безопасности со своими женами и детьми, совершенно спокойно, и

[289] Ранее приводилось как Алонсо де Альварадо.

[290] Примечательно, что основная заслуга в подавлении восстания Манко Инки II, по мнению составителя доклада, принадлежит вовсе не испанцам, а Паульу Тупаку Инке.

приказал, чтобы они все засеяли и привели в порядок свои селения, признавая себя вассалами нашего Короля-Господина, в подданстве у христиан, оставив войну и беспорядок, к которому Манго Инга их привёл, пока вся земля не стала покорной и мирной, как это, благодаря Богу, имеет место в настоящий момент.

+

Г|осподи|н мой, это и есть происхождение и начало Ингов, и, без сомнения, наиболее точное, так как то, что говорят о Тиагуанако [Tiaguanaco] — это известная басня, а что касается того, откуда пришли эти люди в эту землю, то достоверно об этом невозможно узнать; наиболее правдоподобно это то, что по земле приходят с различных сторон, как мы видим в историях Испании[291], как случилось в том Королевстве. И то, что эти люди более дикие, чем другие, не противоречит тому, что В|аша| М|илость| проницательно заметила вчера, ведь о португальцах и большей части Испании мы знаем, что они жили много лет во многих местах беспорядочно, поедая в горах жёлуди и травы, в хижинах и пещерах, крытых соломой и построенных из одних только ветвей деревьев, и ходили обнажёнными и жили куда менее культурно [politicam^{te} mente], чем эти индейцы, как это изумительно описывает Сакуто [Çacuto].

Целую руки Вашей Милости за то, что дали мне поработать над монархической историей Брито [Brito][292], которую я прочитал с большим удовольствием, ибо, по-моему мнению, из всего, что я читал написанного на греческом, латинском, романском[293] [romance] и итальянском языках, немногое сравнится с ней и ни одна её не превзойдёт. Ии|сус|-Бог В|ашей| М|илости| |да подарит| много лет |жизни|. Из этого монастыря, сего дня 11 марта 1608 года.

Монах Антонио[294] |подпись|.

Реви|зору|. Педро Ибаньесу, моему Г|осподи|ну (написано собственноручно).

Это копия.
М. Хименес де ла Эспада[295].

[291] В Испанию различные народы на протяжении её истории приходили и с Востока (финикийцы, римляне), и с Севера (вестготы), и с Юга (мавры, арабы).
[292] Возможно, речь идёт об испанском генерале португальского происхождения.
[293] Или испанском языке.
[294] Это слово есть в изд. 1892 года и нет в изд. 2004. Возможно, это был хронист Антонио де ла Каланча или знаток истории Антонио Баутиста Саласар.
[295] Эти две строки стоят только в изд.1892 года.

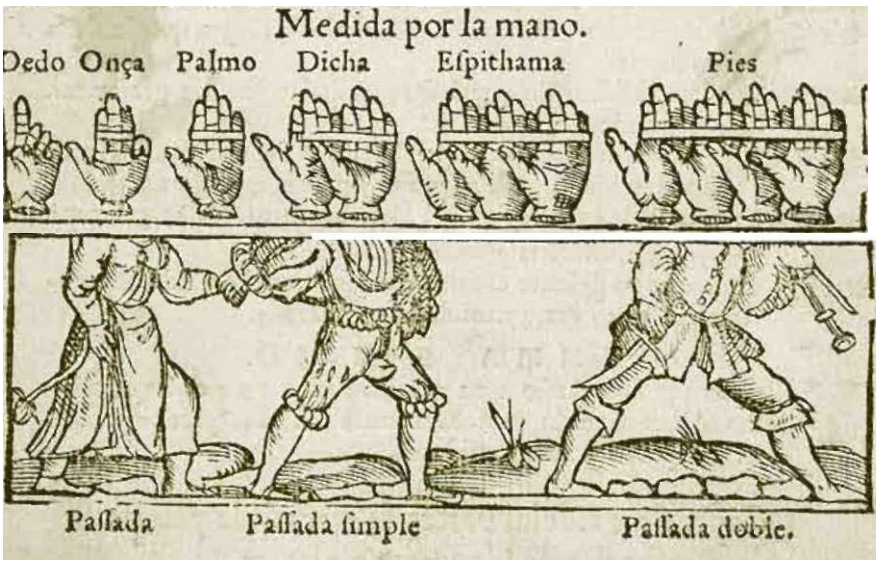
Европейские единицы измерения расстояния XVI века (по Петеру Апиану. «Космография», 1548).

[Перевод с испанского издания:
Apian, Peter. Libro de la cosmographia : el qual trata la descripción del mundo y sus partes por muy claro y lindo artificio. — [3], 68 [i.e. 136], [3] p., Anveres : [s.n.], 1548.]

ТЕКСТ:

|Единицы измерения расстояния были следующими:|

Зерно ячменя — минимальная единица измерения
Палец (dedo) — 4 зерна ячменя = чуть меньше 1,8 см
Унция (onza) — 3 пальца
Пядь (palmo) — 4 пальца
Дича (dicha) — 2 пяди
Эспитама (espithama) — 3 пяди = 3/4 римского фута (pes) = 21,75 см
Фут, стопа (pie) — 4 пяди
Полтора фута — 6 пядей
Локоть (codo) — 6 пядей = 417 мм
Шаг (pasada) — 2 фута
Простой шаг (pasada simple) — 2,5 фута
Двойной шаг (геометрический) — 5 футов
Пертика (pertica) — 10 футов = ок. 2,70 м
Стадий (estadio) — 125 шагов геометрических или 625 футов = 185 м
Лига (legua) — 1500 шагов = 5572,7 м
Итальянская (римская) миля (milla italiana) — 1000 шагов — 8 стадиев — ¼ лиги = 1475 м
Немецкая обычная миля — 4000 шагов — 32 стадия
Немецкая большая миля — 5000 шагов.



Фернандо де Сантильян. Выдержки из его «Доклада о начале, происхождении, политике и управлении Инков» (1555).

Сантильан, Фернандо де или Сантильан, Эрнандо де (исп. Santillan, Fernando de или исп. Hernando de Santillán) (около 1519 — 8 июня 1574, Лима, Перу) — испанский, юрист, чиновник и историк, епископ Чаркаса. Составил официальный Доклад об истории Инков, в частности об административной устройстве империи, а также системе податей. Автор известной «Подати Сантильяна» (es:Tasa de Santillán), внедрённой в 1558 году в Чили.

Биография

О его юности ничего неизвестно.

Оидором в Лиме был с 1548 года. В 1550 году был судьей Королевской Аудиенции в Лиме. В 1557 году едет в Чили вместе с новым губернатором Гарсиа Уртадо де Мендоса.

Подать Сантильана

Фернандо являлся автором известной «Подати Сантильана» (Tasa de Santillán), внедрённой в 1558 году в Чили — это были первые законы, регулировавшие отношения между испанцами и мапуче. Они были установлены из-за большого уменьшения населения от миграций и плохого обращения с индейцами.

Подать состояла в системе миты и заключалась в обязательстве касика группы индейцев посылать одного из шести индейцев на рудники и шахты, и каждого пятого на сельскохозяйственные работы. От работ освобождались женщины и лица не достигшие 18 лет и старшие 50 лет, и устанавливалось, что индейцев содержали энкомендеро, которые должны были лечить их от болезней, заботиться об обращении их в христианство, не обращаться с ними как со зверьми, и не принуждать их к работам по воскресеньям и праздникам. Утверждалось существование системы алькальдов на шахтах, обязанных присматривать за дисциплиной промывателей золота.

4 июня 1559 года он вынес постановление о добром правлении, замирении и защите Чили.

В 1561 году вновь оказывается в Лиме в качестве оидора. В 1563 году на королевский запрос об инкской системе податей он предоставил свой ответ.

Оидор и Президент Аудиенции в Кито

Он был оидором Королевской Аудиенции в Кито. Так, он написал королю в 1564 году письмо о своём прибытии в этот город и принятии служебных обязанностей. 11 октября 1564 года он принял на себя обязанности в Аудиенции. Президентом он был три года. Также им были вынесены приговоры:

* 1570 — один приговор в качестве Президента Кито.
* один приговор в качестве оидора Лимы.

В коллекции Саласара и Кастро под каталожным номером 630 (без даты и места составления) хранится его письмо, как Президента Аудиенции в Кито, впоследствии епископа Чаркас, своим законным дочерям с наставлением жить честно и по-христиански.

Епископство в Чаркасе

В 1578 году согласно королевской грамоте на посту епископа в Чаркас его сменил Алонсо Гранеро Рамирес де Авалос.

Смерть

По сведениям Антонио де Ульоа, государственного судьи Королевской палаты, смерть Фернандо де Сантиляна наступила 8 июня 1574 года в городе Лима на пути к своему епископскому месту в город Ла-Плата.

Личная жизнь

Жена

Его женой с 1555 года была Ана Вильегас.

Дети

Известны две его дочери:
* Менсиа
* Инес де Сантильан.

Произведения

Оригинал его Доклада хранится в Библиотеке Эскориала (Испания). Доклад касается системы управления империи Инков, а также системы их податей. Он описывает вред, нанесённый землям Перу испанскими неурядицами и гражданскими войнами.

* Relacion del orígen, descendencia, política y gobierno de los incas (1555).

[Перевод в извлечениях с испанского издания:
Fernando de Santillan. Relacion del orígen, descendencia, política y gobierno de los incas // Tres relaciones de antigüedades peruanas. — Madrid, 1879.]

ТЕКСТ:

Пункт 9: О главах 4 суйу.

П.14: О ревизорах.

П. 15: О другие ревизорах.

П. 16: О количестве скота на душу населения, и доли солнца, вак, касиков и инки.

П. 17: О распределении женщин и мужчин для браков.

П. 18: О передаче и наследовании власти инками: либо при жизни к любимому сыну, либо брата, если Инка умирал.

П.19 и П.20: главу пачаки выбирали после его смерти из самой пачаки. А именно очаманчая («боящийся согрешить»). И т.д. Либо это мог быть его брат.

П.21. Наследование имущества.

П.25. Отсутствие судебных издержек для спорящих сторон. Что очень расхваливали индейцы и осведомленные испанцы.

П.26. Поклонялись Солнцу — мужчины, Луне — женщины. Поклонялись также Земле, их матери, Дню, и звездам. Девы Солнца производили одежду из шерсти и хлопка, а также асуа для жертвоприношений.

П.27. Поклонение Земле. В основном поклонялись беременные женщины или те, что уже на сносях.

П.28. Поклонение вакам якобы недавнее и учреждено Тупаком Инкой. Легенда: что беременная им его мать услышала из живота, что Творец земли находиться у юнгов в долине Ирма (т.е. там, где Пачакамак). Повзрослев и узнав об этом, Тупак Инка пошел в эту долину. Пробыв там 40 дней в молитвах он услышал Пачакамака от, что тот является «Создателем всех вещей здесь внизу», а Солнце — это его брат, давший существование тому, что в верху (в Сьерре). Так как у камня Пачакамака была жена и дети, то он попросил у Инки, чтобы тот построил ему дом для них. Что он и приказал сделать Этим домом стала великая вака Пачакамака (т.е. пирамида).

Пачакамак — это «тот, кто дает существование земле». После этого название долины было изменено с Ирма на Пачакама. У Пачакамака было четверо сыновей, и он попросил Инку построить для них дома: одному — в долине Мала (8 лиг оттуда), второму — в Чинча (25 лиг), — третьему — в Андавайлас, возле Куско, а четвертого сына он хотел отдать Тупаку Инке, чтобы он за ним присматривал и давал бы ответы обо всем, чтобы он не спросил. Ваки могли сами порождать новые ваки, которым в свою очередь создавали дома и святилища.

П.29: мумии Инков имели своих слуг-йанакон, чакарас, скот и женщин.

П.34: в завоеванных провинциях перво-наперво назначались поля для Инки (маис, кока и перец), потом — для Солнца и индейцев-митимаев, которые их бы обрабатывали, и скот и те, кто за ним будет смотреть. В «своем доме в любой провинции» Инка назначал мамакон, и обеспечивал их всем необходимым из своих податей. Они производили одежду. Менее значимые девушки «аклья» обеспечивались тоже, и они производили также одежду.

П.36. Инка из любой провинции набирал себе йанаконов в любом количестве. Их отбирали из наилучших, и чаще — из сыновей курака. Они не подчинялись кураке и не учитывались им, а только наместнику Инки, который ими распоряжался либо для собственных услуг, либо посылал их в Куско. Других назначали в дома умерших правителей, для обслуживания такого дома и мумии. Точно также Инка отбирал некоторых в качестве митимаев. Все эти индейцы становились неподотчетными кураке, как в вопросе сбора дани, так и повинностей.

П.38: королевские дороги, часки, тамбос.

П.39: склады для войск и при них служащие (ремесленники) всех родов занятий.

П.40: выплата дани и обслуживание Инки. Все с.-х. продукты и ремесленные изделия какой-либо провинции подлежали выплате в виде дани Инке, но только тех, что там производились. Никто не платил подать больше, чем одним видом предметов.

П.41: дань несли либо в Куско, либо на склады провинции, куда укажет Инка. Общего правила не было, делалось только по желанию Инки.

П.42: Инке персонально служили на войне. Каждая провинция давала воинов, а также для других дел и услуг. Также индейцы не платили подать золотом или серебром, а лишь исполняли повинность по добыче на шахтах Инки. А если в провинции были золотых дел мастера, то они отдавали ему браслеты «чипана», когда 1 варанка давала 1 браслет. И на добычу золота уходил один индеец из «сотни» (пачака).

П.43: все подати и повинности потом же и складировались на складах и распределялись среди самих же жителей.

П.44: существовала иная подать и повинность — для братьев и сестер Инки, владевших домом и состоянием.

П.45: Для оптимизации сбора дани Инка соединял в пару две провинции, с целью, что если в одной будет недоимка, запаздывание с выплатой или

отсутствием чего-либо из подати, то вторая провинция восполняла. При этом в первой местный правитель наказывался.

П.46: за счет собранной дани Инка мог позволить часть раздавать бедным, из-за чего его прозвали «Гуачакойак» — любящий бедных.

П.48: индейцы помогали обрабатывать поля «чакара» кураки и делали для него одежду. И для кураки из каждой сотни-«пачаки» назначалось 2 индейца для обслуживания.

П.49: демографическое разделение общества на 12 групп, из которых плательщиком подати была только одна, т.е. атунруна, называемые в Новой Испании «масегуали»: мужчины от 25 до 50 лет. Также некоторые говорят, что вдовицы и жены атунруна, имевшие детей рабочего возраста тоже платили подать из имения, доставшегося им от мужей.

П. 50: Освобождены от этих податей были только кураки и братья и дети этих управителей, а также те, кого Инка сделал йанаконами, эти только служили Инке или лицу, к которому их приставили/отдали.

П.51: подать Инке платили один раз в год. Собираемые с полей Инки плоды: маис, картофель, перец, овощи и коку, относили в Куско в количествах ежегодно определяемых наместниками; все остальное сберегали в хранилищах и приставляли к ним охрану из митайос. Роскошную, изысканную одежду относили в Куско, остальную же складировали в хранилища, в нее одевались служащие Инки, но сама одежда стала их собственностью. Перья, золото и серебро, чипана и браслеты относились в Куско, не оставляя ничего кураке. Инка определял количества этих предметов сам при помощи весов, которые он давал какой-либо провинции, количества же были небольшие. Также была повинность — приводить танцоров в Куско для исполнения «таки». Во время войны платили подать многочисленным оружием.

П.52: плательщиками подати были пачаки и варанки. Женщины платили подать изготовленной одеждой, мужчины — предметами своей деятельности или ремесла. Внутри сотни или тысячи подать распределялась равномерно, потому выходило, что каждый индеец-плательщик подати за 1 год платил подать 1 единицей одежды (см.п.73), и другими предметами — также.

П.54: земли, поля чакары и имения в каждой провинции предназначенные для Инки и Солнца и для других мест, были собственностью жителей такой-то провинции. Инка лишь выступал покровителем (или верховным владыкой) таких земель или скота и т.п. До завоевания Инками такие земли принадлежали самим индейцам. После падения инков каждый вновь вернул себе свои собственные земли. Также и со стадами лам. Но это касалось провинций, которые по своей воле перешли под власть Инков. Разделение подати было подушным. Точно также нагрузка повинностей была распределена между всеми плательщиками подати равномерно.

П.57: курака заботился о лицах, не облагаемых податью, которые не могли работать: старики, дети и т.п. Этих курак, а не каждого отдельного индейца, энкомендеро обязывали выплачивать подать, от чего возникало чрезмерное принуждение рядовых индейцев.

П.60: Все склады и хранилища (особенно, с одеждой) были разграблены испанцами, и тем самым полностью они разрушили всю систему снабжения. Также было и со скотом.

П.72: наведен пример, что если при инках в одной из провинций было 30000 человек, то при испанцах стало меньше 2000. Также индейцы прятали от испанцев-энкомендеро находимое золото и серебро в виде ваз, чтобы те их еще большей податью не обложили.

П.73: Если одежда была изысканной и дорогой, то 1 варанка (1000 индейцев) отдавала подать в 100 одежд.

П.74: вся собранная подать использовалась и потреблялась внутри королевства, поскольку ни с кем оно не вело торговли (что разумеется неверно), так как имело у себя все необходимое.

П.82: индеец во времена инков не мог покинуть провинцию или кураку, даже путем женитьбы, так как жену ему выбирали местную. В случае, если жена была из другого селения, то она переходила жить в селение (пачаку ?) своего мужа. Кураки вели учет всем наличным жителям, а также временно отсутствующим.

П.83: инки давали йанаконам также и земли для них самих, чтобы их обрабатывать. Поскольку йанаконы были образцовыми работниками и людьми, то Инка часто из их числа формировал |институт| курак. При испанцах йанакон стало столько же сколько и атунруна.

П. 90: по неточным подсчетам индейцев-плательщиков подати было в 1560 году 350 тыс. (т.е. всего жителей было не меньше 1,4–1,75 млн. человек.). |В п.97 сказано, что ныне — меньше 1/3 от численности населения, существовавшего при инках, т.е. всего могло быть — 4,2 — 5,25 млн. человек|.

П.94: не плательщиками подати были происходившие по прямой линии из рода инков, и законнорожденные сыновья курака и отдельных правителей (сеньоров).

П.95: именно кураки 100 индейцев собирали с них подати. Также существовали ревизоры, которые проверяли правильность количества сбора кураками податей.

П.97: индейцы-воины предоставлялись Инке только по случаю войны, а не на постоянной основе. Во времена инков Инке предоставляли йанакон столько же сколько при испанцах одному энкомендеро. Ювелиров отправляли в Куско, где они изготовляли золотую и серебряную посуду, им предоставляли чакары, и они не совсем платили подати.

П.102: Инка в каждой провинции назначал чакары и обслугу для обработки в пользу культа Солнца (и отдельно — вакам), а также скот. Индейцы приносили в жертву скот и одежду специально для этого заготовленные по приказу Инки. Частные лица таких жертв из своего имущества не приносили.

П.108: при инках переноска грузов была 1 раз в год, чтобы было вызвано характером единоразовой выплаты подати индейцами. При испанцах переноска стала неупорядоченной и постоянной.

П.115: Инка создал в неприспособленных для жизни землях Анд чакары коки (очень немногочисленные), и поставил для их обработки митимаев, называемых |кука|камайос, собиравших коку для Инков и некоторых управителей в небольшом количестве, потому что она доставалась не всем индейцам. Но из-за ее высокой ценности при испанцах, она стала распространяться среди всех.

Дамиан де ла Бандера. Доклад о происхождении и правлении, имевшемся у Ингов (Гуаманга, 1557).

Дамиан де ла Бандера (исп. Damian de la Bandera; 1520 — после 1590) — испанский конкистадор, принявший участие в конкисте Перу, составил Доклад о происхождении и правлении, имевшемся у Ингов (1557) об истории инков.

Об авторе

Дамиан де ла Бандера родился в 1520 году. Его отцом был идальго Педро де ла Бандера, один из первых конкистадоров провинции Тьерра-Фирме (Панама). Сначала он находился на Санто-Доминго (о. Эспаньола), где наблюдал прибытие кораблей с индейцами-рабами из Кубагуа, но затем перебрался в Панаму, а оттуда в Перу. С капитаном Хуаном де Ольмосом служил в походе в Лас-Есмеральдас, потом перебрался в Лиму, где был солдатом у вице-короля Бласко Нуньеса Велы во время похода капитана Пабло де Менесеса. После пленения губернатора и прихода Гонсало Писарро он перебрался в Куско, но в этом городе Франсиско де Карвахаль обязал его служить ему против восставшего в Чаркасе Лопе де Мендосы. Уже во время похода он сговорился с Педро де Авенданьо, Франсиско Родригесом де Матаморос и другими сторонниками, и они тайно отправили Лопе де Мендосе сообщение о силах «Андского Дьявола», говоря также, что убьют его. Действительно, в ночь разгрома у Поконы Дамиан де ла Бандера вместе с Родригесом де Матаморос произвели по нему два выстрела из аркебуз, при этом только один выстрел попал в ягодицу. Но, боясь быть узнанными, они убежали. Позже бежавшие вернулись и все последователи Лопе де Мендосы заслужили прощение Карвахаля, по причине чего Дамиан де ла Бандера сдался в Миске и был передан Карвахалю в Котабамбе. По неизвестным причинам «Андский Дьявол» не покарал его как дезертира и потенциального убийцу. Позже он перешел к Диего де Сентено, сражаясь на стороне Короля в битве у селения Андауайлас, а также в битве при Хакихагуана во время похода капитана Херонимо де Алиага. После этого он показался в Чаркасе и в Потоси (с Антонио де Луханом, Луисом де Тапия, Диего де Порrасом и Диего де Асеведо). Он был одним из тех, кто пленил Эгаса де Гусмана. Во время пребывания в Лиме, когда восстал Франсиско Эрнандес Хирон, он служил при Аудиенсии в Сурко и Пачакамаке, и был назначен знаменосцем в походе капитана Антонио де Лухана. В этом же чине сражался в Пукара, отводя назад в Куско свое войско, по причине гибели капитана Лухана и ранения его заместителя Хуана Рамона. Вступив в ряды вице-короля маркиза де Каньете, он получил от него награду за заслуги в виде 2000 песо ежегодной ренты, и был назначен им коррехидором Уаманги. Там он начал процесс против недовольных солдат, собиравшихся на тайное сборище в городе, и в 1557 году, исполняя приказы вице-короля и принца дона Филиппа свой знаменитый «Генеральный Доклад о расположении и особенностях провинции Уаманга, называемой Сан-Хаун-де-ла-Фронтера, и о жизни и обычаях местных жителей» («Relación General de la disposición y calidad de la provincia de Huamanga, llamada San Juan de la Frontera, y de la vivienda y costumbres de los naturales della»). В 1559 году он был осужден на два года ссылки в Лиму из-за неправдивых заявлений, начав с подачи жалобы на Аудиенсию и ее оидоров. Похоже, что все это было связано с тем, что последние лишили его годовой ренты в 200 песо, и при этом Корона присудила индейцев, Антонио Вака де Кастро, сыну губернатора Кристобаля Вака де Кастро. Дамиан де ла Бандера поначалу выразил свой протест, а затем затеял тяжбу, выиграв спор с немалыми понесенными затратами и потеряв много времени. В это самое время прибыл вице-король граф де Ньева и комиссары, которые поначалу возместили ему, предоставив многих индейцев из Чакрас, принадлежавших Эрнандо Писарро, а затем добавили ему еще 1000 песо. Но в октябре 1561 года Дамиан де ла Бандера был обвинен в принадлежности к группе заговорщиков и подвергся аресту. Поскольку Дамиан де ла Бандера являлся большим знатоком в делах индейцев, то, когда вице-король Франсиско де Толедо решил получить более детальное сообщение о земле Перу, он поручил ему проинспектировать Потоси вместе с Алонсо де Карвахалем. После этого он жил в Куско, где стал знатным жителем. 16 октября 1558 года там он участвовал в качестве свидетеля на процессе, касавшемся конкистадора Хуана Хулио де Охеды. Он все еще здравствовал в 1590 году, потому что в том году он подписал в Куско еще одну бумагу. Но, по-видимому, он умер немного времени спустя.

[Перевод с испанского издания:
Bandera, Damian de la. Relacion del origen e gobierno que los Ingas tuvieron.... (1557) // Biblioteca Peruana. — Tomo 3. — Lima: Editores Tecnicos Asociados S.A.,1968. — p. 491–510.]

ТЕКСТ:

[491]

Доклад Дамиана де ла Бандера

1557

[493] Доклад о происхождении и правлении, имевшемся у Ингов, и о том, что было до того, как они подчинили себе индейцев этого королевства, и в какое время, и о других вещах, связанных с правлением, оглашенных сеньорами, служившими Инге Юпанки [inga Yupanqui], и Топаинге Юпанги [Topainga Yupangui], и Гуайнакапаку [Guainacapac], и Васкару Инге [Huascar lnga].

О происхождении Ингов.

Происхождение владык Ингов, завоевавших это королевство и повелевавших в нем, было из Кашатамбо[296] [Caxatambo], в семи лигах от Куско, каковое индейцы называют Пакаритамбо[297] [Pacaritambo], что обозначает «начало», и потому они говорят, что |те| оттуда происходят: что, по-видимому, так и есть, потому что языком, на котором говорят Инги, и каковым они кичатся, является язык кичуа [quichua], всеобщий и общепринятый, на котором говорят по всей земле, завоеванной Ингами. Так вот именно на нем говорят в Кашатамбо, откуда, сказывают, они ведут свое начало.

Владыками, как явствует из того, что говорят об этом, бывшими из этих Ингов, до того момента[298], когда пришли испанцы, являются следующие: Пачакути Юпанги, Виракочай Юпанги, Инга Юпанги, Топа Инга Юпанги, Гуайнакапак, Васкар Инга, Атаувальпа [Pachacuti Yupangui, Viracochay Yupangui, lnga Yupangui, Topa Inga Yupangui, Guainacapac, Huascar Inga, Atauvalpa]. Эти, видимо, должны быть теми, кто начал завоевание и подчинение этого королевства двести лет |назад|.

Первым Ингой, начавшим завоевание, был Капак Юпанги [Capac Yupa]. Это известно из-за того, что, подчиняя какую-либо провинцию или долину, ему строили дом и ему назначали чакара[299] [chacara] для обработки, и дарили ему жен в знак зависимости [vasallaj] и подчинения, и потому известны сегодня дома и поместья владык Ингов, существовавших до того, как испанцы пришли в эту землю.

[494] До того, как Инги завоевали это королевство, не было ни такого общественного порядка [pulicia], ни доброго правления, как стало после

---

[296] Правильнее, Кашатампу или Касатампу.

[297] Паккаритампу или Пакаритампу — одно из мест происхождения инков. Инки из Анан Куско вели свой род от группы во главе с Сапалья Инкой из Титикаки, а инки из Рурин Куско — от группы во главе с Манко Капаком и «Ванакаури» (места, где хранились мощи Манко Капака) из Пакаритампу. При этом Анан Куско — пришлый народ и завоеватели, а Рурин Куско — местные и завоеванные (María Concepción Bravo Guerreira. Redes Del poder dual a la diarquia en el Estado Inca // Revista Complutense de Historia de América. — № 18. — Edit. Complutense. — Madrid. — 1992. — pp. 53-54).

[298] Правильнее, Пачакути Юпанки, Виракоча Юпанки, Инка Юпанки, Тупак Инка Юпанки, Вайна Капак, Васкар Инка, Атавальпа или Атау Вальпа. Все это имена или прозвища ряда правителей Куско из династий как Анан Куско, так и Рурин Куско.

[299] Посевные поля.

покорения Ингами. Существовал курака[300], главный правитель долины, и были |у него| свои кураки и надсмотрщики, все подчиненные старшему; у них всегда были войны со своими соседями, и не было связи с соседями по причине постоянной вражды. Было обычаем, что тому, кто покорял подданных, должны были обрабатывать чакару маиса и коки, и перца, и заниматься ею [llevarsela]; и таким образом были многие ими завоеваны, такие как владыка долины Трухильо[301], называвшийся Чимо Капак [Chimo Capac], который властвовал над наибольшим из того, что принадлежит Ингам, и другой владыка, имевшийся у |народа| Чокорвос [Chocorbos], называвшийся Асто[302] Капак [Asto Capac], который подчинил себе много земель.

Поклонялись оные солнцу, и луне, и земле; |но| не поклонялись вакам[303] [huacas]; у каждого было столько жен, сколько тот хотел; у них были свои особые земли, и владыка был верховным судьей; у них существовали виселицы и многочисленные казни, и при выплате подати не было установлено ограничений [no habia cosa limitada], разве что все работали; и ценились хорошие крестьяне, и не было среди них порока более строго наказываемого и презираемого, чем бездельничанье и нежелание работать.

Таким образом, согласно тому, что все говорят, и каково оно на самом деле, первый Инга, начавший завоевания, назывался Капак Юпанги[304], и способ, с помощью которого он приступил |к этому и которого| всегда придерживался, следует заметить, был таким: что, прибывая в некую провинцию, он посылал своих вестников, говоря, что не претендует ни на что другое, как поступать с ними справедливо [los tener en razon] и защищать их от тех, кто бы причинил им вред, и что он был сыном Солнца, и что оно послало его, и он пришел к ним, чтобы подарить и сотворить милости; и потому, всем владыкам, выходивших к нему с миром, он творил милости, приказывая, чтобы в память о том послушании, какое они ему оказали, ему бы вся провинция сообща построила дом, а он дарил им золотые сосуды и одежду, ту, что из Куско; и таким образом, творя милости, достиг этот Инга, завоевывая, долины Писко[305], в местности юнгов [hasta el valle de Pisco por los yungas], |а| в сьерре — |народ| Луканас[306] [por la sierra hasta los Lucanas], откуда вернулся в Куско, поскольку в некоторых местах он столкнулся с сопротивлением.

[495] |Даже после его возвращения| во всем том, что он оставил покоренным и подчиненным, ему строили дома и назначали чакары для

---

[300] Представитель местной власти. Как правило, если речь идет о кураке долины или провинции, то это высшая должность местной элиты, ранее она была «королевской», поскольку кураки провинций до завоевания инками были «королями» со своими полноценными «королевствами».

[301] Испанский город, поставленный на месте столицы царства Чиму — Чан-Чана.

[302] Существовал, например, один из двух секторов в «Королевстве Ангара», называвшийся Асто.

[303] Святилища.

[304] О каком конкретно правителе идет речь из текста не ясно. При Пачакутеке Инке Юпанки был брат полководец с таким именем, действительно осуществивший немало завоевательных походов. Возможно, де ла Бандера приводит титул: «Владыка Прославленный».

[305] Главными ваками провинции Писком были — Кунту, Рункари и др. Во времена Вайна Капака губернатором в долинах Ика, Писко и Йумай был Инка Тупак, который позже доставил правителю Васкару прекрасную девицу Кумпильайа, дочь знатного индейца из долины Ика.

[306] Позже представители луканас служили носильщиками паланкина правителя инков.

выращивания маиса, коки и перца; а |выращенные| плоды приносили ему в Куско, и дарили ему женщин, согласно своему обычаю. Он умер в Куско, в каковом месте оставил владение и власть Топаинге Юпанги[307], сыну Капака Юпанги, который осмотрел все это королевство, и следует заметить, таким же образом, как и отец, |одаряя| добром, а где не было успеха, то |поступая со| строгостью и жестокостью [por bien, y do no aprovechaba, por rigor y crueldad]; и после того, как этот Инга умиротворил и завоевал королевство, он вернулся в Куско, где устроил собрание всех правителей края [hizo junta de todos los senores de la tierra], развлекаясь с ними, а затем, прежде чем правители ушли из Куско, принялся устанавливать порядок в управлении всем краем; и так оно и есть, глядя на правителей Ингов, находящихся там и служивших этому Инге.

Первое, что он сделал, состояло в разделении всего завоеванного на четыре королевства и владения, каковыми были: одно — Чинчайсуйо [Chinchaysuyo], начинающееся от Вилькаконга [Vilcaconga] и идущее по этим равнинам |побережья|[308] до Кито [Quito]; другое королевство начинается от Викоса до Чаркаса, и называется Кольасуйо; еще одно королевство называется Андесуйо, начинающееся от Ависка и идущее по противоположной стороне горного хребта, по правую руку от Куско до Кито |на север| и до Чаркаса |на юг|; другое королевство называется Кондесуйо, идущее к Арекипе. И потому |из| Куско, с |главной| площади ведут четыре главные улицы, и из каждой из них выходит королевская дорога, и все они, крест-накрест пересекаясь, расходятся в стороны: и та, что ведет в Лиму, называется Чинчайсуйо, и перед этой находится, та, что ведет в Чаркас и называется Кольасуйо, и другой крест, который она пересекает [y la otra cruz que atraviesa], та, что ведет в Арекипу, называющаяся Кондесуйо, а та, что находится перед этой, ведущая в Анды, называется Андесуйо.

Итак, разделив эти королевства и размежевав их границы, каковы они по сей день, и для управления каждым из этих королевств он назначил капака [un capac], что значит «владыка король», которому отдельно поручил управление тем королевством[309] и то, что для него необходимо, и потому поступали к нему все дела того королевства и провинции, и капак-губернатор советовался о делах с Ингой, и этими |капаками| были: капак Анча, Чуларико, Койоче, Гуалепайа[310] [capac Ancha, Chularico, Coyoche, Gualepaya], и помимо этих четырех капаков, у него был секретарь[311], которого, прежде, чем какое либо дело поступило бы к Инге, сначала извещали, а затем он говорил об этом Инге и капакам; потом то, что решал Инга с капаками, этот секретарь разъяснял Инге и предоставлял кипо[312] об этом [este secretario lo daba a

[307] Тупак Инка Юпанки, представитель Анан Куско, был провозглашен правителем в 1471 году. У него были собственные владения в долине Чинчеро. Построил ряд постоялых дворов и хранилищ в Вилькас. Он был отравлен, как установил Совет Двенадцати, своей женой Мама Чики Окльо, за что она была казнена.
[308] Данное место указывает на место составления данного Доклада.
[309] В подчинении у капака было номинально 100 тыс. человек.
[310] Речь идет о четырех капаках при инке Вайна Капаке: Апу Ачачик, Ларику, Йучи, Валькайя.
[311] Учакта камакта йачак, или Уча йачак, или Инка Апу — главный секретарь Инки, «заместитель Инки», «второе лицо Инки».
[312] Кипу — веревочно-узелковая «письменность» у инков.

entende delante del Inga y daba el quipo dello], и звался этот секретарь у Гуайнакапака — Авкитопаинга[313]; таким образом, эти четверо капаков и секретарь были в курсе всего правления четырех названных королевств, и чтобы иметь возможность быть более осведомленным [para poder tener mas cuenta], он разделил всю землю на гуамани[314] [guamani], что значит «провинция сорока тысяч индейцев», и в каждой такой провинции он ставил наместника [un governador], называвшегося кокрикок[315] [cocricoc]; и эти провинции он разделил на две части, одна, называющаяся Ганан[316] [Ganan], т.е. «наверху», а другая — Урин[317] [Hurin], что значит «внизу», каковые названия и по сей день продолжают |использоваться| среди индейцев[318]; а затем он разделил людей тем способом, что установил курак для каждой сотни индейцев, называя их кураки пачаки [curacas al de pachaca], что значит «сто», а над этими девятью, одного из десяти, являвшегося наиболее достойным мужем [que era mas hombre], он назначал куракой всех, и этот назывался курака гуаранги[319] [curaca de guaranga], что значит «господин тысячи»; этот имел в попечении этих девятерых господ, и они были ему подчинены, и этот приказывал во всей долине-провинции, чтобы каждый индеец слушался своего господина пачаки, а господин пачаки — господина гуаранги; и в помощь этим господам пачак он назначал другого, который в их отсутствие руководил той пачакой, и чтобы идти с податью и для других дел; таким образом, в каждой провинции курака пачаки подчинялся кураке гуаранги, а этот — наместнику, и наместники — капакам, а над всеми стоял Инга [y sobre todos, al lnga]. И для обработки чакарас и других дел в каждой провинции был поставленный Ингой кокрикок [cocricoc], что значит, «наблюдающий за всем»[320].

[496] И чтобы знать об имевшихся людях и кто должен был платить подать, а кто нет, он приказал посетить и сосчитать людей всего королевства, детей и взрослых, согласно 12 возрастам, каждый возраст отдельно, следующим образом:

Первый возраст он назвал пунукроко [punucroco], являющиеся стариками шестидесяти лет и выше, и относительно этих не велся учет в вопросах подати, разве что кураки подсчитывали их и давали им есть с поместий Инги, и они были наподобие советников в том, что касалось блага провинции; и относительно женщин было точно также.

[497] Второй возраст назывался чаупироко [chaupiroco], то есть возраст от пятидесяти до шестидесяти |лет|: они также были освобождены от подати,

---

[313] При Пачакутеке Инке Юпанки главным секретарем был Апу Кунти Майта, при Вайна Капаке — Авки Тупак Инка, при Васкаре — Тампу Майта. Главный секретарь имел и своих собственных секретарей в подчинении.

[314] Вамани — основная административная единица империи. Ее возглавлял наместник токрикук. Номинально вамани состояла из 40000 плательщиков подати.

[315] Правильнее, токрикок — «управитель поселений» или «тот, кому поручены люди и поселения». Подчинялся Инке и Имперскому Совету.

[316] Правильнее, Анан.

[317] Правильнее, Рурин.

[318] Деление местности, провинции или народа на два «объединения»: Верхнее и Нижнее, было довольно давней традицией в Андах.

[319] Правильнее, варанка.

[320] Это неправильное определение.

они только занимались поливкой и обработкой перца и коки, и других овощей.

Третий возраст назывался пурик [puric], т.е. от двадцати пяти до пятидесяти, и это был тот возраст, выполнявший всю работу, и эти шли на войну и обрабатывали чакрас [chaccras], и носили всю подать.

Четвертый возраст назывался мичугуайна [michuguaina], сто значит «уже почти юноша», возрастом от двадцати до двадцати пяти |лет|, и эти не платили подать, а только помогали своим отцам и братьям, и родственникам носить грузы и |обрабатывать| чакрас, и |выполнять| другие работы, имевшиеся у их родных.

Пятый возраст назывался кокапальак [cocapallac], являвшийся возрастом от двенадцати до двадцати |лет|, и эти помогали свои родителям и своим родственникам собирать коку и другие вещи.

Шестой возраст назывался пукльакгуамра [pucllacguamra], то есть «играющий мальчишка», от восьми до двенадцати лет.

Седьмой возраст назывался татантикси [tatanticci], что значит «уже имеющий сознание».

Восьмой возраст назывался мачапори [machapori], что значит «еще несведущий».

Девятый возраст назывался льокльагуамра [llocllaguamra], что |значит| «его еще развлекают».

Десятый возраст, гуамра [guamra], что |значит| «начинающий говорить».

Одиннадцатый возраст, гуамара [guamara], от одного года, что |значит| «делающий первые шажки» [que hace penillos].

[498] Двенадцатый возраст называется мошокпакарик [moxocpacaric], что значит новорожденный.

Эти возраста он поручал в ведение куракам пачак, таким образом, что вручал каждому одну сотню мужчин с их женами податного возраста, и остальные возраста, чтобы ими велся учет об их приросте, и учет умершим, поскольку ничего не было для Инги радостнее, чем знать о том, сколько душ в его королевстве проживало, и на сколько их стало больше, и |как| увеличились другие возраста, и если увеличивались, то возрастало число господ, таким образом, что не было во времена Инги кураки, у которого было бы сверх сотни индейцев плательщиков подати. Скорее было милостью, иногда им осуществляемой, но это бывало редко, что он дарил индейцев в качестве йанаконас[321] [en lugar de yanaconas], которые не входили в счет этих возрастов, вышеназванных здесь; плательщиками подати были только атунруны [hatunrunas], которых называют авкапори [aucapori], они и их жены, и этих курака подвергал учету и ставил своих чиновников из этой сотни индейцев, согласно плательщикам подати, которых ему предоставил |Инга?| [conforme a los tributarios que le ponia].

[321] Йанакуны — множественное число от «йана». Предположительно происходит от названия селения Йанайаку (йанайакукуны в упрощенной форме — йанакуны). Первоначально служили правителю Инке в его имениях, также они выполняли почетные работы, и, например, прислуживали, мумиям умерших правителей.

Инга совершил разделение среди женщин следующим образом: |он сделал| так, что из более знатных сеньор, назначил женщин для Солнца, каковые назывались индигуармен[322] [indioguarmen], для которых он приказал построить отдельный дом, где они проживали в большом уединении, со своими привратниками, и их обеспечивали всем необходимым, и то же самое для гуакас [las guacas], |но| в не больших количествах.

После Солнца же, он присудил себе всех наилучших дочерей господ [aplico para si todas las mas hijas de senores] из каждой долины и провинции, для которых приказывал построить дом и предоставить прислугу, и эти делали одежду для Инги по его фигуре, и они назывались мамаконас[323] [mamaconas], что, кажется, именем собственным [que paresce nombre propio].

Остальных женщин от десяти лет и старше он приказал собрать, и приказывал всегда из них выбирать наилучшую обличием, хотя бы они были дочерьми бедных индейцев, и размещать их в другом доме, который приказывал построить, каковых называли акра[324] [acra], что значит «избранные»; он предоставлял им прислугу, и они жили в полном заточении, изготавливали одежду для Инги, и эти находились там с целью выйти замуж; а из тех, кто предназначался для замужества, Инга дарил и делил среди своих слуг и среди тех, кто служил ему на войне, и другим, кому он хотел оказать какую-либо милость.

[499] И те, кто из этих |девиц| остались отвергнутыми, называвшиеся авасипас [havasipas], что значит «девицы бесчисленные», эти препоручались кураке, и он их заставлял работать и женил их в свое время без разрешения Инги, и то же самое делал с вдовами.

Еще Инга создал и присвоил себе йанаконас, которых образовал из лучших людей, поскольку все они были детьми господ, каковые были свободны от курак, и их учет вел наместник Инги, а жены этих назывались мамаконас; эти женщины изготавливали одежду для себя, а мужчины занимались обработкой чакрас Инги.

Помимо этих, он выделил всех людей по своему усмотрению для митимаев и поставил их, где пожелал, таким образом, что с этими людьми, назначенными для Инги, кураки и остальные господа не должны были видеться, а только с атунрунами, и с остальными людьми, которых эти |митимаи?| держали в большой покорности и заставляли работать для выполнения своей подати. А сыновья господ, став взрослыми, затем отводились на прием к Инге, равно как и дочери, и они служили ему в том, что он приказывал, а поскольку они служили ему, он повышал их в чинах и делал их инспекторами, и наместниками, и полководцами.

Господа всегда были там, где пребывал Инга, служа ему и внимая тому, что он им приказывал.

---

[322] Интиварми — дословно «женщина Солнца».

[323] Мамакуны — «девы Солнца», являвшиеся уже старухами. Такое название использовали хронисты, но в первых словарях кечуа и аймара такое слово не встречается.

[324] Акья — «избранная», хотя такое слово не встречалось в первых кечуа-испанских словарях.

Он приказал построить королевские дороги, с размещенными на них тамбос[325] [tambos] и заселенные людьми, и приказал, чтобы на них находились почтовые станции и часки[326] [chasquis].

Он приказал, чтобы существовали склады с провизией и одеждой для солдат, и во всех тамбо по его приказу, чтобы были мастера всех их ремесел [que hubiese oficiales de todos sus oficios].

Он разделил земли, которые должны были принадлежать каждому, как богатому индейцу, так и бедному.

[500] Он каждый год посылал своих инспекторов [visitadores] по всему краю, чтобы увидеть, как выполнялось то, что он приказывал, и, пусть даже шла война, он был осведомлен обо |всем| своем правлении.

Он соединял провинции и наделы [Combino las provincias e repartimientos] следующим образом: если в податях и постройке дорог или в другом деле была бы недостача, то другой надел, с которым он был связан, покрывал и выполнял его недостачи, и тот правитель наказывал правителя надела, в котором бы обнаружилась недостача.

Он установил правосудие, виселицу, вес и меру по всей земле, и разделил подати относительно того, сколько каждый должен был работать.

Он приказал |установить дни| постов, каковых должны были придерживаться, учредил жертвоприношения для Солнца, луны и земли, гуакам и звездам, поскольку всему этому они поклонялись.

Тот же порядок и правление, какие были при Инге Юпанги, сохранил Топаинга Юпанги, и даже сам Гуайнакапак, и те же самые законы и обычаи, как будет подробно объявлено, согласно тому, что сказывают, и пережиткам, сохранившимся от этого правления [a las reliquias que deste gobierno han quedado], ныне нами наблюдаемым.

Несомненно, видно, что Инги недавно завоевали всю эту землю, потому что сегодня известны дома и земли Ингов, как видно в Шауше, Вилькас [Xauxa, Vilcas] и других провинциях, каковые им отдавали в знак и в признание зависимости.

Нынче мы видим, что они присваивали себе прислугу на покоренных землях, и что причиной и поводом для этого было то, что, как сказывают и как оно есть на самом деле, что когда этих индейцев завоевал Инга, по всему краю они вели войну друг с другом и слушались того, кто был более могущественным, а когда они увидели напористость Инги Юпанги и добрые средства, и способ, и форму, с помощью которых он привлекал людей |на свою сторону|, то есть подарками, не выпрашивая и не разбойничая, а скорее даже тех, кто к нему выходил с приемом, он возвышал, и потому все приходили |к нему|. Когда этот Инга вернулся в Куско, местные жители соорудили ему тотчас дом и назначили ему земли для посева маиса, коки, перца и других овощей, и не по принуждению, а добровольно, и плоды, часть их, ему приносили в Куско, а часть размещали на складах Инги; при этом господа, собираясь навестить его, приводили к нему своих сыновей и

[325] Тампу — постоялый двор при королевских дорогах инков.
[326] Посыльные, вестники.

дочерей, дабы они ему служили, поскольку среди них было обычаем поступать так до появления ингов [como entre ellos era costumbre hacerse antes que hubiese ingas]. И Инга оказывал им милости и дарил золото, серебро, одежду, овец, женщин и другие вещи.

[501] Правление, существовавшее у Инги, кажется, было наиболее соответствующим способности, сущности и невозмутимости этих индейцев, и более полезное для них, чем то, что есть и было у испанцев, по разным причинам: первая, что был только один владыка, каковым являлся Инга, коему служила вся земля, а не десять тысяч как сейчас, и этот Инга разумел то, что он им приказывал, поскольку знал и понимал их обычаи, и то, что он им приказывал, было им в самый раз, а сейчас Король не ведает и не понимает их обычаев, и прибывающий |в Перу новый| вице-король — тоже, и то, что им приказывают, соответствует не их обычаям, а скорее — нашей алчности и жадности, и сообразно нашей желчи, ведь они столь невозмутимы.

Видно то, что прошлое правление — лучше и полезнее, потому что когда правил Инга, каждый день индейцев становилось больше, и были репартимьенто в сто и пятьдесят тысяч индейцев, как в Чинча[327], Гуарко, Пачакама[328] [Chincha, el Guarco, Pachacama], а сейчас в Чинча — пятьсот индейцев, и в Гуарко — пятьдесят, а в Пачакама — сто; но |были провинции и| с тридцатью тысячами индейцев, как в Шауше, Андауайлас[329], Котабамбе [Xauxa, Andahuaylas, Cotabambas], а сейчас в Шауше и Котабамбе[330] — шесть тысяч, и потому все пребывает испорченным и разрушенным. Раньше, когда они были язычниками, наказывались пороки, и не было воров и дурных женщин, а ныне все это испорчено, и не только не было задействовано средство |избавления от этого|, а скорее им было дано разрешение грешить и обучаться этому; тогда у них был закон, и они совершали свои жертвоприношения, поскольку законодатель был первым, кто выполнял закон, а ныне нет у них ни своего закона, ни нашего, и не служат они ни тому, кого считали своим богом, ни тому, кто является им сейчас, то есть нашему, ведь им уже проповедовалось Евангелие, |но| было это сделано с помощью дурных средств и на худом примере, таким образом, что край никогда не был столь заброшен и разрушен, как то имеет место нынче, и |уже| сорок лет, как индейцы стали лучшими христианами и у них лучше обычаи, нежели прежние, и от всеобщего разрушения этого края, к удовольствию Бога никогда сюда не пришедшего, спасением стал дон Франсиско де Толедо, дабы не было столько зла, существовавшего прежде, и о причине этого я расскажу, когда бы меня об этом не попросили.

[502] Когда я, Доминиканец, проповедовал индейцам Чинчи, после наставления индейцев, прибыл ко мне знатный индеец по имени Доминго

---

[327] В долине Чинча в 1530 году проживало около 30000 плательщиков подати или 150 тыс. жителей. Так что сведения Дамиана де ла Бандеры близки к истине.

[328] Долина Лурин имела столицу Ичма, переименованную инками (1460-1533) в Пачакамак, тоже имевшая, как и Чинча, около 30000 плательщиков подати.

[329] Это была провинция чанков.

[330] Котабамба (Кутапампа) находилась в Чинчайсуйу.

Родригес [Domingo Rodriguez], ныне здравствующий, и сказал мне: «Отче, для чего ты убиваешь стольких, проповедуя индейцам? Знай, что то, что ты проповедуешь индейцам, то мы считаем обманом». И потому я рассердился и спросил его о том, что было тому причиной. «Потому что испанцы и, в основном, коррехидоры не выполняют того, что вы проповедуете, и поэтому мы считаем это обманом». Я не знал, что ответить на это, лишь оплакал сие, видя, что так оно и есть.

И поскольку индейцы — люди, явно разоренные, и лишенные детей, имущества, и затравленные тиранией курак, и поскольку нет того, кто им бы помог, поддержал и защитил, то они непременно умирают и не усердствуют ни в чем, как они делали это во времена Инги.

И для доброго правления всем краем и его податями Инга поставил в каждом селении кокрикока, что значит «тот, кто все видит», являвшегося наместником [que era como gobernador]; и к этому приходили с всякими делами, касавшимися Инги, как например, если женщина Инги или солнца, или гуаки совершила какое-либо колдовство против Инги, или ею овладел кто-либо, или если сбежал какой-нибудь индеец, когда Инга шел на войну, |а также| если в тамбо не было должного обеспечения [no habia buen recaudo], |а также| если существовала недостача часки; все эти дела поступали к этому |чиновнику|, и он разбирался с ними, а в сложных случаях направлял дела к Инге.

Но за дела атунрунов наказывали господа гуаранг и пачак, и они сообщали об этом кокрикуку, и потому индейцы были весьма покорны и послушны.

Сейчас несчастные и разъединенные индейцы сильнее подчинены своим куракам, чем когда-либо, им больше докучают и их больше притесняют, и это отчетливо видно, потому что они тратят на службу своим куракам по полгода, причина же этого в том, что нет справедливости, и несчастные не осмеливаются ходатайствовать о ней из боязни не выделяться и потому что не пользуются благосклонностью [por temor de no salir con ellos y no tener favor], а поскольку нет правосудия над кураками, и нет того, кто руководил бы ими, творят они то, что вздумают. Поскольку коррехидоры, как и они, не могут воровать и обогащаться без благосклонности и помощи курак, то делалось это с ними заодно: и потому крадет коррехидор с одной стороны, а курака — с другой, — вот почему индейцы как никогда притесняемы; и для исправления этого дон Франсиско де Толедо установил размер подати и жалованье для курак, |отчего| утихомирились и те и другие [quedaronse con lo uno y con lo otro].

[503] Когда индеец овладевал женщиной Инги или Солнца, или гуак, он и она погибали без какой-либо пощады.

Бездельников также убивали; и погибал тот, кто убегал из одного селения в другое; тот, кто убегал с войны, также погибал; и тот, кто возражал и не слушался своего кураки, также погибал.

Каждый год Инга посылал своих ревизоров, чтобы узнать, были ли пороки наказаны; чтобы увидеть, как это совершали его кокрикуки и

наместники, и эти ревизоры исполняли это очень хорошо и весьма преданно, и без взяток, поскольку тот, кто что-либо получал и тот, кто что-то давал, очень строго наказывались Ингой.

По имени, дававшемуся ревизору, знали о том, кто шел: если он шел покарать какое-либо преступление, то назывался очайкакамайок [hochaycacamayoc], что значит «тот, кому вменяется в обязанность наказывать за преступления»; и убийства, ими чинимые, они устраивали пред всеми, и очень жестокие, так что одних умерщвляли [despenaban], а другим отрезали конечности, и совершали другие жестокие казни.

Приходил |еще один| ревизор, чтобы подсчитывать возраста и знать прирост |населения|; называли приходивших по этому |делу| — вунапачака[331] [vunapacacha], что значит «выравнивать |пачаки|»: этого он посылал, чтобы узнать как разделялись подати, и если было много людей, он выделял и добавлял пачаки [sacaba e daba pachacas].

Также шел судья, рассматривающий дела определенной категории [juez de comisión], и этот назывался тарипакок[332] [taripacoc], что значит «разъяснитель» [aclarador]; он создавал свое расследование [hacia su informacion] с помощью своих кипос, с полной ясностью, и было много тонкостей, в особенности, если это было дело, касавшееся Инги; но если они этот вопрос не могли расследовать, то советовались о нем с ваками и совершали жертвоприношения, чтобы им было разъяснено то дело.

[504] Существовал другой ревизор, называвшийся гуармикок[333] [guarmicoc], что значит «тот, кто дает женщин». Этот наносил визит мамаконам, женщинам Инги и Солнца, и он знал, какой была их жизнь, и то, чем они занимались; и если кто-либо овладел |насильно| ими, такого подвергали мучениям [trabajo habia]. У этих |женщин| не было ни брачного утешения, ни |возможности| сменить монашеское одеяние [ni de mudar el habito], ни |изменить| обет служить Солнцу. Затем он наносил визит акрам [las acras], что значит «избранные», и если были какие пороки, они карали их с большой строгостью, потому что затем их выбирали для замужества.

Свадьба и соглашение делались следующим образом: когда мужчины собирались на равнине, им должны были быть предоставлены эти женщины акрас, даруемых всегда слугам Инги и служившим ему йанаконам; эти, пусть даже они имели жен, только и произносили торжественно: «возьми ты эту, а эти две пойдут с тем», без учета воли отца и матери; и из этих акрас уводили туда, где находился Инга, чтобы он этими девицами оказал милости, кому пожелает: слугам и лицу, перед которым у него было обязательство. Это была одна из наибольших тираний, совершаемых Ингой по всему краю, когда он дарил |женщин| из равнин в сьерру и из сьерры в долины, и не

---

[331] Правильнее, рунайпачака.

[332] Тарипакука или Тарипасака («вестника») направляли для вынесения наказаний в некоторых особых случаях, и этот чиновник производил расследование всего того, что ему доносили, при помощи хитрости и лукавства, чтобы выведать истину, особенно в тяжелых случаях — преступлениях против Инки, его женщин или тех, которые принадлежали Солнцу.

[333] Возможно, речь идет об Апупанаке — судье или комиссаре, назначаемом Инкой (или верховным жрецом Вильяк Уму) в каждую провинцию. Он имел в подчинении 5 мамакун и 5000 аклья. Был подотчетен только Вильяк Уму.

учитывались им ни погодные условия, ни здоровье, и убивали ту, которая не хотела идти добровольно, потому что тот, кто прекословил приказам Инги, незамедлительно погибал. И таким образом осуществлялись устраиваемые Ингой свадьбы, и на место тех, кого он выбирал для предоставления мужьям, ставил сразу же других столько же; и все это он делал с большим насилием [con grandes extorsiones].

Эти акрас, выданные замуж Ингой, после смерти мужа получали затем свободу для того, чтобы выйти замуж вновь за того, за кого пожелают, и возвращались в свои края, и все это делали без разрешения Инги, который, выдав их замуж, уже больше не вел их учет. У женщин Инги не было этой свободы, а даже после смерти Инги они находились в его же доме, где и проживали, да так, что никто не лишал их собственных чакрас и обслуги, при этом они служили и ежедневно давали еду умершему Инге, как если бы тот был живым, и носили его в паланкине, и с ними шли многие знатные, как было с Топаинга Юпанги и Гуайнакапаком, коим служили все равно, что живым.

[505]

Правление Инги.

После того, как первый Инга по имени Манго Капак[334] завершил завоевание, он устроил кортесы в Куско и в них находились все касики и знатные владыки всего того, что было завоевано, и среди прочих вещей там им устроенных, было то, что он собрал великое множество из всего скота, обнаруженного по всему краю, и из него отдал определенную часть Солнцу, а другую — для определенных гуак и для мамакон, а из остального отдал всем касикам королевства, в особенности тем, кто находился с ним во время завоевания: одним — тысячу голов, другим — пятьсот, и двести, и сто, и пятьдесят, и двадцать, и десять, и пять, а каждому индейцу из четырех суйо, как они называют |свои края|, две овцы, одну самку и одного самца, чтобы кормились и одевались |от них|; а всех остальных, которых было огромное количество, он взял себе, и разделил их по всему королевству для того, чтобы их сторожили в тех краях и местах, где было лучше с пастбищами, и потому у них по всему краю были овцы, и при их сохранении, приросте и выращивании придерживались весьма детального и разумного учета [habian gran cuenta y razon].

Он приказал считать индейцев всего королевства и разделил их по десять тысяч и над каждыми десятью тысячами поставил главного касика: этот назывался уно [huno], что значит «десять тысяч»; у каждой тысячи из этих |десяти тысяч| был чиновником другой знатный, а десять таких подвергались учету старшим, и каждый из тех, что из тысячи вели учет других десяти, |стоявших над| каждой сотней индейцев, а каждый из сотни вел учет двух из пятидесяти, а эти из пятидесяти делили индейцев на десять и пять, вменяя в

[334] Манко Капак

обязанность каждые десять и каждые пять |индейцев| одному индейцу: и таким образом было очень простым управление.

Никто из этих касиков не мог убивать, хотя им было разрешено осуществлять наказания, и наказание состояло в нанесении ударов камнями по спине или сжатым кулаком, сообразно преступлению; а некоторые практиковали наказания плетью, поскольку этих касиков индейцы называли курака, что значит «старшие»; они только вели учет индейцев, предоставленных им в ведение, и приказывали обрабатывать чакрас Инги и собирать подати, и каждый был обязан представлять отчет, когда о таком просили, об индейцах, умерших и родившихся за один год.

[506] Главная причина, почему касики всего королевства начали тиранить местных жителей, заключалась в том, что во времена Инги у них было над индейцами намного меньше власти и полномочий, с приходом же испанцев и отсутствием правления Инги, они восстали против всех тех дел и преимуществ, что были у Инги, и, присвоив гражданское и уголовное судопроизводство, каких у них не было, каждый в своей навозной куче сделался тем, кем был Инга во всем королевстве [se alzaron con todas aquellas cosas y preeminencias que eran del lnga y con la juridicion cevil y criminal que no tenian, e cada uno en su muladar quedo hecho lo que era el lnga en todo el reino].

В те времена не было такого, чтобы какой-либо касик получал бы подать и жалование у селения, ведь на самом деле было так: ему обустраивали определенное количество посевных полей для его обеспечения и строили дом, если была необходимость, и давали ему согласно их очереди, называемой ими мита [dabanle por su rodeo, que ellos llaman mita], определенных индейцев и индеанок в качестве прислуги, чтобы они приносили ему дрова, воду и другие вещи, дабы обслужить его.

Инга платил таковым касикам, как Король платит своим коррехидорам, и платой, в виде милости, была одежда или какая-либо золотая или серебряная ваза, когда они наносили ему визит.

Над каждой провинцией стоял наместник, и этот был полководцем Инги, которого называли тукуйрико [tucuyrico], что значит «он все это видит», и тот, кто им был в этой провинции[335], имел свое присутственное место в Вилькас[336] [Vilcas], являющееся королевским тамбо, в одиннадцати лигах от этого города, следуя в сторону Куско. Этот правил пятьюдесятью лигами земли от Урамарка [Uramarca], что от того конца Вилькаса в шести лигах, до Акос [Acos], что возле долины Хауха; он был знаком со всяким и мог покарать и убить того, кто этого заслуживал; у него были поставлены в каждом главном селении подчиненные ему заместители; такого заместителя называли мичо[337] [micho], ведавший межевыми камнями на границах

[335] Т.е. автор имеет в виду провинцию, в которой он составлял данный доклад.

[336] Само слово вилькас означает «идол или святилище солнца», а также лекарственное растение с наркотическими свойствами.

[337] Мичок, мичик или мичу (аймара «тот, кто следит, шпионит») — заместитель наместника токрикука или судья. Его направляли к куракам-сотникам, занимавшихся сбором подати, чтобы выяснить, как подсчитывались и распределялись подати, и придерживались ли при этом установленного порядка. Хронист Кабельо Бальбоа наделяет мичика обязанностями следить и ведать о том, как случайные новости или происшествия воспринимались местными жителями, и ему вменялось доносить об этом правителю Инке, или, точнее, токрикоку.

|земельных владений|, чакрас, каналов и вод, и незначительными судебными делами, находящимися на рассмотрении [pendencias livianas], но когда поступало дело большего значения, то он извещал о нем наместника и посылал ему устное сообщение о том, что произошло, и |при этом все же| выносил решение на свое усмотрение [el proveia lo que le parescia].

[507] Каждые три года Инга посылал своих ревизоров в каждую провинцию, и его главным намерением было получить отчет у каждого касика с порученными ему индейцами, и о складах и податях Инги, и увидеть, существовал ли учет и правильность во всем, и восстановить справедливость, и предоставить женщин тем, кто был в необходимом возрасте.

Порядок заключения брака.

В каждом селении, когда знали, что идет |соответствующий чиновник|, по-своему размещали на площади всех холостых индейцев, от пятнадцати до двадцати лет, от двадцати пяти до тридцати, от тридцати до сорока лет, — каждый возраст — отдельно; и точно также одиноких женщин по своим возрастам; мужчины перед женщинами. И там сначала отдавали женщин касикам и знатным, у которых их не было, или у них была необходимость в большем |их числе|, а затем остальным индейцам соответственно их возрастам; и каждому — его ровесницу; и это было у них заключением брака столь незыблемым [tan guardado], что никто не осмеливался ни оставить ту, которую там ему дали в жены, ни водиться с другой [ni tener cuenta con otra], под страхом смертной казни, и женщины — соответственно. И только главным касикам тысячи и десяти тысяч индейцев было позволительно иметь больше одной жены, но это уже было с разрешения Инги.

Порядок передачи в наследство касикатов.

Все сыновья касиков и главных господ в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет шли служить Инге и ходили с ним, и если из них получались достойные и заботливые люди [de cuidado], им давали [dabanle] касикат своего отца, а если нет, то не давали; но если отец умирал и не оставлял такого сына, Инга отдавал должность ближайшему родственнику умершего, если он был достоин этого, а если нет, то тому, кто, как ему казалось, был таким.

Передача в наследство имущества.

Все касики и главные господа еще при жизни делали наследником сына, к которому наиболее благосклонно относились, и этому отдавали лучшее из своего имущества, а остальным делили на равные части то, что оставалось от имущества после его кончины и смерти.

[508] Если какой-либо индеец умирал, не оставив наследника, заместитель наместника под названием мичо, о котором выше упоминалось, шел в его дом и вносил в кипо, каковое являлось их письменностью, на нескольких веревках, завязывая узлы, все то, что тот оставил, в присутствии касика того селения, и извещал об этом наместника и тот отчуждал |имущество| [el disponia dello] на свое усмотрение.

Никто, под страхом смерти, не осмеливался лгать ни относительно этого, ни о чем-либо другом, когда его спрашивал наместник.

Имевшееся у них правосудие.

Всякое случившееся преступление, когда о нем узнавал наместник или заместитель, |приводило к тому, что| они заставляли явиться к себе преступника и всех индейцев, которые могли знать о таком преступлении, и приказывали сесть на круг, и становился посредине такой преступник. И там, лично присутствуя, каждый говорил то, что он видел из того, что сделано или сказано относительно вменяемого в вину, таким образом, что тот не мог ему возражать; и если обвиняемый отрицал, и свидетели не приводили достаточного доказательства, для подтверждения |вины|, наместник посылал разведать |дополнительно| у его касика, и если он обнаруживал, что индеец имел дурные склонности и вел скверную жизнь, то приказывал применить пытки, но если он сознавался, то его карали согласно преступлению, а если нет, то он приговаривался к смертной казни, |как было и в| тех случаях, когда совершалось любое другое преступление; и это было применительно в особо тяжелых случаях: при совершении убийства, или кражи, или насилия.

Считают также, что одна из главных причин, почему индейцы расхваливали правление Инги, равно как и испанцы, сумевшие разузнать об этом, заключается в том, что все эти и многие другие дела, у них происходившие, решали без создания |дополнительных| издержек, и не относя больше подати, отдававшейся Инге.

Подать, которую платили Инге во всем королевстве.

Во всех селениях ему создавали чакрас, согласно способности селения и числу индейцев, и то, что с них собиралось, запиралось в его складах и в нужное время относили это, чтобы разместить в тамбо при королевских дорогах на случай прохождения войска.

[509] Из этой еды у касиков было разрешение отдавать беднякам селения то, что было необходимо во времена нужды, и представляя ему отчет в виде кипо о полученном ими |со складов Инги|.

Эти чакрас, на которых засевали для Инги, являются теми, что ныне индейцы и испанцы называют Ингскими, но в действительности они ими не были, а принадлежали и принадлежат самим селениям, как собственные у такого-то селения со времен его основания, чтобы использовать для той же цели: засевать на них для |выплаты| подати, и ныне они делают это.

В каждой провинции делали одежду из шерсти, состригавшейся со скота, который содержали под охраной, и если жители такого-то селения не были хорошими мастерами |в этом вопросе|, то они относили шерсть к тем, кто умел этим заниматься, и хранили ее на складе до тех пор, пока им не будет приказано что-либо другое.

Все чакрас с кокой во всем королевстве были его |Инги| собственные [Todas las chaccras de coca de todo el reino eran suyas], и на них по его распоряжению были поставлены обрабатывавшие ее как ценную вещь индейцы; и в тех же самых долинах у них были чакрас с перцем, хлопком, каковые обрабатывали индейцы такой-то провинции, и то, что они собирали, то размещали на складе в тех местах, где им прикажут.

Там, где были золотые и серебряные рудники, индейцы ходили в них, добывая для Инги, и те, кто делал это, не давали другой подати и услуг, и точно также было во всех остальных вещах.

Где бы ни проходил Инга или его полководцы, там им предоставляли всю обслугу, необходимые боевое снаряжение и вооружение, потому что в каждой провинции все это было.

По всему краю у них были соляные копи, огороженные и охраняемые, и в них — разрабатывавшие их индейцы, и они складировали соль в хранилище.

|Численность| личной прислуги, ему служившей, была чрезмерной, но не встречается такого, чтобы взыскивали с индейцев как дань то, что они собирали на своих чакрас, либо из приплода их скота [pero no se halla que llevase a los indios tributo de lo que gogian en sus chacaras ni del esquilmo de sus ganados].

[510] После того, как испанцы покорили край, и индейцы были разделены по репартимьенто, наследовали касики во всех вышеуказанных вещах, какие обычно отдавали Инге, каждый на своем месте, и прежде всего в служении индейцев, и в сдаче их в наем как скота, и во взыскании с них вознаграждения, и дошло до таких пределов в этом городе с вынесенными по этому поводу порицаниями и решениями, что пришли индейцы жаловаться на это, и были они покараны.

Не обнаружено во время произведенной инспекции, чтобы после получения ими размеров подати, был какой-либо житель обложен сверх меры таковыми, и было бы плохое обращение с индейцами.

Составил сей названный общий доклад названный сеньор Коррехидор, так как произведена и завершена указанная инспекция после того, как был осуществлен всеобщий созыв всех касиков и знатных |людей| этой названной провинции, каковые через толмача Кристобаля, мулата, переводчика [por lengua de Cristobal, mulato, interprete], рассказали об этом и сознались, и потому |все это| было расследовано, и он подписал это от своего имени.

Сие было подписано в названном городе Гуаманга [Guamanga], двадцать шестого дня августа месяца одна тысяча пятьсот пятьдесят седьмого года. — Дамиан де ла Бандера [Damian de la Bandera]. — По приказу сеньора Коррехидора и ревизора. — Педро де Эскобар [Pedro de Escobar], государственный нотариус.

Завещание Инки Сайри Тупака, второго правителя Вилькабамбы. (Куско, 25 октября 1558 года)

[Перевод с испанского издания:
Guillermo Lohmann Villena. El testamento inédito del Inca Sayri Tupac // Historia y cultura. — Lima, Vol. 1 (1965), Nr. 1, p. 13–18.]

Вступление Гильермо Ломана Вильены.

Бесспорно, явно излишним будет говорить о том интересе, который вызывает нижеприведенный документ. Высокий сан составителя документа возвеличивает эту неизвестную вещицу, которую мы считаем своим долгом опубликовать[338]. Когда она была найдена, мы попытались выяснить особенности печального существования, которое влачил в Куско потомок инкского рода, предпочетший скорее прибегнуть к милости испанских вельмож, чем вести бродячую жизнь и укрываться в чащах Вилькабамбы.

Никто не перестаёт удивляться незначительности завещанного и скромности имущества, каким располагал составитель завещания. Если в материальном плане эта бедность как-то очевидна, то, пожалуй, более показательным является окончательное отречение от всего императорского превосходства, прямо-таки исходящее от документа. Ни в одном из его пунктов не проявляется и следа былой мощи, а само величие династии является растаявшим сном. Если бы это не выдавали имена, озаглавливающие документ, никто бы не заподозрил, что тот, кто составляет столь жалкий текст, является особой, заключавшей сделки на равных с представителями Императора Карла I. От высокомерия и гордого тщеславия Атабалипы в Кахамарке до этого бедного и скромного нотариального акта протянулась целая пропасть! Мне не следует снова повторяться, вновь показывая политическую и юридическую важность результата позиции Сайри Тупака, желавшего отказаться от пребывания в непроходимом укрытии Вилькабамбы и отречься от своего сана, уважая абсолютную власть испанских монархов, — вопрос с которым я столкнулся **[14]** в предыдущем исследовании[339]. Эти строки отсылают читателя к нему |исследованию|, и сейчас остаётся только переписать слово в слово документ, а содержание его таково:

---

[338] Используемая для публикации копия находится в связке документов следующих сразу за документами Прокурора Совета Индий вместе с Ариасом и Кристобалем Мальдонадо, касающихся так называемого брака первого |из них| с дочерью Сайри Тупака. Главный Архив Индий. Правосудие, 657, листы 361-365.

[339] "El señorío de los Marqueses de Santiago de Oropesa en el Perú", в журнале *Anuario de Historia del Derecho Español* (Madrid, 1949), XIX, стр. 347-458. То, что касается переговоров, начатых с Инкой ещё с эпохи де ла Гаски, см. стр. 347-355, и ссылки, которые сопровождают текст. Также об этом рассказывает во введении Кунео Вилда (Cúneo Vilda), в своей *Historia de las guerras de los últimos Incas peruanos* (Barcelona, 192(5), часть IV, Главы XXI и XXII, страницы 191-210.

ТЕКСТ:

«Во имя святой троицы, отца, сына и святого духа, трёх ипостасей и одного единственного истинного Бога, в коем содержится благо и благодать. Аминь. Пусть знают все те, кто это письмо с завещанием увидит, как я, дон Диего де Уртадо де Мендоса[340] инга Манго Капа Юпанки [don Diego Hurtado de Mendoza ynga Mango Capá Yupangui], житель этого великого города Куско, пребывая больным в кровати из-за болезни, какую Бог, Господь Наш, соизволил ниспослать на меня, и при здоровой памяти своей и рассудке, страшась смерти, что |есть| дело природное, веруя, как я верю в Святую Троицу, аки верный христианин, и принимая, как я принимаю и получаю в качестве заступницы и госпожи своей Святую Деву Марию, мать Бога и нашу госпожу, которую умоляю, дабы была она заступницей и посредницей за меня, грешника, и её благословенного Сына, нашего Господа, Иисуса Христа, чтобы он простил мне грехи, и принял, и пропустил мою грешную душу в свой святой рай, поскольку он *создал* его и искупил своей драгоценной кровью, и смертью, и страстию, и даровал мне милость, дабы в своей святой вере и без искушения и видения злого дьявола завершил я дни своей жизни, и чтобы я распорядился и составил моё завещание в своём святом служении, под каковой милостью и божественной помощью я составляю |документ| и сознаюсь этим настоящим письмом, что при толмаче Родриго Лопесе, присутствующем и поклявшимся объявлять мою волю, составляю в присутствии государственного нотариуса и свидетелей, которые будут внизу перечислены, это моё завещание и последнюю волю, в следующих формах и способах: …

Во-первых, завещаю Богу свою душу, им сотворённую и искуплённую его драгоценною кровью, а тело завещаю земле, из коей»| она была образована…

[15]

Также, завещаю, чтобы моё тело было похоронено в монастыре сеньора Святого Доминика [de señor Sancto Domingo] в этом городе, |там|, где моим душеприказчикам будет угодно[341].

Также, приказываю, чтобы были оплачены все мои долги, по каким я только должен, в соответствии с договорами и без них, удостоверившись в том, что они подлинные, и что тот, кто поклянётся[342], что я ему должен меньше десяти песо, то пусть ему заплатят из моего имущества, взяв с него клятву, и пусть это касается долгов, что я сейчас сделал, |уже| после того, как

[340] Обученный католической вере августинцем падре Хуаном де Виверо, и крещённый епископом Куско монахом Хуаном Солано, Сайри Тупак, принимая христианство, взял себе имя крестного отца — вице-короля Маркиза де Каньете, дона Диего Уртадо де Мендосы, брата кардинала Мендосы.

[341] Это был древний храм Солнца. См. статью падре Амбросио Моралеса "Documentos para la Historia del Cuzco. Tumbas de los Incas Sayri Túpac, Don Felipe Túpac Amaru... y de la Coya María Cusí Huareay...", в журнале Revista del Instituto Americano de Arte (Cuzco, Primer Semestre de 1944), стр. 13-21.

[342] Индейцы в Перу не понимали испанского представления о клятве. Возможно, здесь идёт речь об испанцах, которым Сайри Тупак был должен какие-либо деньги.

я пришёл к познанию нашего господа Бога, и мира, и дружбы, к королевской покорности…….

Также, приказываю, чтобы о моей душе были произнесены мессы и отпевания, как моим душеприказчикам будет угодно, и чтобы за неё[343] заплатили из моего имущества целиком и полностью, то, что для них отложено……..

Также, завещаю |относительно| вынужденных обещаний [a las mandas forcosas] и для выкупа пленных шесть песо всем им [a todas ellas][344]…….

Также, скажу, что оставляю своей законной дочерью донью Беатрис[345] [doña beatriz], дочь мою и доньи Марии[346] [doña María], моей жены…….

Также, говорю и заявляю, что названная Мария, моя жена, понесла от меня, и если Богу, Господу Нашему, будет угодно, чтобы она родила, моего сына или дочь, и в качестве такового |наследника| я оставляю и заявляю, и признаю……..

Также, говорю и заявляю, что я христианин и как таковой исповедываюсь Богу, Господу Нашему, и верую в него, и прошу его, дабы явил милосердие |своё| моей грешной душе, и приказываю, чтобы долги, которые причитаются с моего имущества, до того, как я познал Бога, Господа Нашего, пусть будут мне прощены и освобождены от уплаты, дабы за них не платили, потому что они прощены мне Его Величеством, и в этом вопросе, дабы освободить мою душу |от обязательств|, пусть мои душеприказчики сделают то, что им будет угодно……..

Также приказываю, чтобы из моего имущества передали |причитающиеся| донье Инес [doña Ynés], моей сестре, три тысячи песо из самого наилучшего, для её замужества и чтобы им было выдано затем……..

[16]

Также приказываю, чтобы отдали двенадцать крупных стельных коров[347], самок, Хуану Бальса [Juan Balsa], моему родственнику, сыну доньи Хуаны Маркачимбо[348] [doña Juana Marcachimbo], умершей, и чтобы им было отдано затем…….

Также завещаю, чтобы в месте и на участке, где меня похоронят в названной церкви и монастыре сеньора Святого Доминика, была построена часовня в форме и подобием, как мои душеприказчики пожелают, в соответствии с возможностью, какую позволяет моё имущество, и чтобы в ней каждое Воскресенье еженедельно читалась монахами названного

---

[343] В оригинале стоит «y quella se paguen» — «и чтобы за неё», хотя должно быть «quellas» — «за них»
[344] Т.е. по каждому обещанию.
[345] Донья Беатрис Клара Койя, впоследствии жена дона Мартина Гарсия де Лойолы, гебернатора Чили, умершего в бою у Куралавы 23 декабря 1598 года. Её завещание было опубликовано исследователем Элья Дунбар Темпле, озаглавленное "El testamento inédito de doña Beatriz Clara Coya de Loyola, hija del Inca Sayri Túpac", в журнале Fénix, Revista de la Biblioteca Nacional (Lima, 1950), 7, págs. 109-122.
[346] Его сестра, Мария Куси Варкай Койя (María Cusí Huarcay Coya), после принятия крещения наречённая Мария Манрике, именем жены вице-короля маркиза де Каньете.
[347] Беременных.
[348] Дочь Вайна Капака.

монастыря месса, произносимая о моей душе, и для этого пусть расходуется из моего имения и из податей моих индейцев до двух тысяч золотых песо, и я прошу и поручаю моим наследникам и душеприказчикам, чтобы они исполнили и оплатили вышесказанное, а также перечисленное в этом моём завещании, даже если для этого они истратят |всё| моё имущество. Также приказываю, чтобы из моего имущества отдали моей жене донье Марии три тысячи песо для средств к её существованию и поддержке, сверх того, что моя дочь или сын обязаны были бы отдать ей как дети мои и её, каковыми они являются, и чтобы она была их опекуншей и попечительницей названных моих детей…….

Также завещаю Хуану Сьерра де Легисамо [Juan Sierra de Leguicamo], жителю этого города, за работу, которая у него была со мной и за то, что он мне служил[349], тысячу песо, и приказываю, чтобы ему их заплатили из моего имущества……..

Также сознаюсь и заявляю, что я задолжал за дома, в которых я ныне живу, как будет явствовать из договора…….

Также сознаюсь, что я задолжал за дома, как будет явствовать из договора, из которого явствует |вариант: следует|, что я расплатился по нему…….

Также приказываю, чтобы выдали полководцам, которые вышли со мной, что зовутся Ансиаман, и Чаука, и Гуаски, и Павкар Юпанки, и Топа Юпанки, и Кури Павкар, и Вилькакондор, и Ангальоко, и Айокильо, и Гуаско, и Гуаски, и Сока, и Кальас, и Вилькапаривана, и Авкитопа Юпанки, и Чуклас, и Паривина [Ansyaman y Chauca y Guasqui y Páucar Yupangui y Topa Yupangui y Curi Páucar y Vilcacóndor y Angalloco y Ayoquillo y Guaseo y Guasqui y Soca y Callas y Vilcaparihuana y Auquitopa Yupanqui y Chuelas y Pariuina], и остальным знатным, каждому из них — одеяние из *кунбе*[350] [cunbe], накидку и рубаху, и чакары[351] [las chácaras] и земли, что я им подарил, дабы они ими владели и обладали, и |дабы они| находились в свите моей жены и детей, и делали все, что бы им ни приказали……..

Также называю и оставляю исполнителями своего завещания и душеприказчиками, исполнителями всего содержащегося в этом моём завещании, капитана Диего Мальдонадо[352] [Diego Maldonado] и капитана Алонсо де Иноxосу[353] [Alonso de Hinojosa], жителей этого **[17]** города, коих прошу и поручаю им, чтобы они приняли это, и я им передаю всю полноту власти, каковая предписывается правом, для того, чтобы распоряжаться моим имуществом и выдать наилучшее из него, дабы выполнить, и сберечь, и оплатить это моё завещание, и всё то, что в нём перечислено, и для этого пусть они продадут моё имущество, в соответствии с тем, как предписывает

[349] Он намекает на хлопоты, которые выказал Сьерра де Легисамо для того, чтобы Сайри Тупак покинул своё убежище в Вилькабамбе. Этот Хуан Сьерра де Легисамо был двоюродным братом составителя документа, поскольку являлся сыном Мансио Сьерра де Легисмо и Руста Донья Беатрис Манко Юпанки, сестры Манко Инки.
[350] Точнее, *кумпи* — роскошное одеяние знати, изготавливаемое из дорогих, изысканных тканей.
[351] Обрабатываемые посевные поля.
[352] Это был известный Диего Мальдонадо по прозвищу *Богач*.
[353] Капитан Инохоса был крёстным отцом во время крещения Инки.

закон, каковым и каждому из них, вместе и в целом я им передаю всю полноту власти, чтобы они пользовались и занимались вышеназванным поручением таким образом, который им покажется наилучшим, чтобы мне то подходило и |что| для спасения моей души |является| необходимым, и прошу их, чтобы они сделали, в случае оказываемого мною им доверия, и потому на это я даю разрешение этим письмом…….

Также, оставляю, называю и назначаю своими наследниками оставшегося моего имущества вышеназванную донью Беатрис, мою дочь, и сына или дочь, которые родятся у названной доньи Марии, моей жены, ныне беременной, чтобы они получили в наследство моё имущество и имение, в соответствии с тем, как это получают в наследство сыновья и дочери от подобных браков, и согласно обычаю и законам Его Величества, поскольку моя воля такова, чтобы это получили в наследство, исполнив заветы этого моего завещания, и наследовали всё моё имущество, мне так или иначе принадлежащее, и потому я это завещаю, и оставляю, называю и назначаю их своими детьми и единственными наследниками [universales herederos] ……..

Также, сознаюсь, что серебряные слитки, на которые у Антона Рамоса [Antón Rramos] есть грамоты и договоры, каковые он мне передал, то это правда, что я их получил от него, для дела у нас двоих имеющегося, и приказываю, чтобы оно было им выполнено и ему за это пусть будет заплачено то, что я должен…….

И всё вышесказанное, я желаю, чтобы соблюдалось и было выполнено в соответствии с моим завещанием и последней волей, и чтобы был признан недействительным любой приказ или завещание, какое бы я ни сделал |ранее| любым образом, так как желаю, чтобы оно |старое завещание| не имело законной силы, а |имело бы ее| только это, какое я составляю в присутствии государственного нотариуса и лиц, являющихся при этом свидетелями, в качестве же толмача — Родриго Лопес [Rodrigo López], слуга сеньора Оидора[354] [señor Oydor], и это пусть будет исполнено как мое завещание и последняя воля, и соблюдается наилучшим законным образом. Каковое было подписано и составлено в этом вышеназванном городе Куско 25 числа октября месяца 1558 года, в присутствии почтеннейшего сеньора Лиценциата Сааведры [el Licenciado Saauedra], из Совета Его Величества, и его Оидора в Королевской Аудиенсии, и местного судьи [*juez de residencia*][355], &.,и Мансио Сьерры [Mancio Sierra], и Диего Эрнандеса [Diego Hernández], жителей |города Куско|, и Эрнадо де Сепульведы [Hernando de Sepúlueda], и Хуанеса де Вильямонте [Juanes de Villamonte], и Антона Рамоса, и Хуана Бальсы, временно проживающих в этом названном городе, и поскольку составитель документа не умеет писать, то вместо него его подписал вышеназванный сеньор Оидор, и Родриго Лопес, толмач-переводчик[356],

[354] Т.е. речь идёт о слуге судьи.
[355] Особая судебная должность в так называемом «*juicio de residencia*».
[356] Такая тавтология идёт в оригинале «lengua ynterprete»!!! *Толмач* (устар.) — переводчик во время беседы, переговоров. *Переводчик* — специалист по переводам с одного языка на другой. (С И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1987). Можно перевести также как «толмач языка».

объявивший обо всём перечисленном в названном завещании, как о том заявил упомянутый составитель, и он поклялся, **[18]** что всё вышесказанное — правда, что поэтому его составил вышеназванный дон Диего Уртадо [Diego Hurtado], составитель документа, коего я, государственный нотариус, знаю. — Лиценциат Сааведра. — Родриго Лопес. — Оформлено в моём, Санчо де Оруэ [Sancho de Orue], нотариуса присутствии. И я, Санчо Ортис де Оруэ [Sancho Ortiz de Orue], нотариус государственный и из того же Муниципалитета [del Cabildo], что и вышеназванный составитель; при вышесказанном я, государственный нотариус и из Муниципалитета этого названного города Куско, присутствовал, и при мне было оформлено нотариально, и я поставил здесь свою подпись в свидетельство того, что это правда. Санчо де Оруэ, государственный нотариус и из Муниципалитета----------».

Было ли это последним волеизъявлением Инки Сайри Тупака? Он вполне мог составить новое завещание позже, ведь бывший монарх умер только в середине 1561 года, несмотря на слухи о том, что он был отравлен касиком |долины| Юкай, Франсиско Чильке, согласно мнению хрониста Гуамана Пома де Айала[357].

[357] См. Temple, "La descendencia de don Carlos Inca", в журнале Revista Histórica» (Lima, 1948), XVII, págs. 148-149.

Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате. Заблуждения и суеверные обряды индейцев, извлечённые из трактата и расследования, сделанного лиценциатом Поло (1559).

Хуан Поло де Ондегардо или Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате (исп. Juan Polo de Ondegardo y Zárate) (Вальядолид, Испания, около 1500 года — Ла Плата, Аргентина, 24 ноября 1575) — испанский колониальный чиновник, юрист и хронист в Перу, Боливии и Аргентине, автор исторических произведений об Империи Инков. Первый европеец, обнаруживший мумии Инков. Возглавлял испанскую колониальную администрацию в городе Куско — столице бывшей Империи Инков.

Биография

Семья Ондегардо и Сарате

Поло де Ондегардо был сыном Херонимы Диас де Сарате (Jerónima Díaz de Zárate), сестры историка и хрониста Агустина де Сарате, и Диего Лопеса де Леон де Ондегардо (Diego López de León de Ondegardo), «судебного пристава инквизиции Гранады», умершего до 1538 года. Диего Лопес вел род от миланского купца, осевшего в Вальядолиде в середине XV века, и сделавшего карьеру в королевской администрации. Диего Лопес был сыном Лопе Диаса де Сарате, секретаря Совета Святой Инквизиции. У родителей его также были такие дети:

* Алонсо де Ондегардо (архидиакон в Вальядолиде, каноник в Толедо, доктор и профессор в Вальядолиде)
* Лопе Диас де Сарате (также лиценциат и каноник в Осма)
* Диего де Сарате (умер в Америке)
* Херонима де Сарате (жена Диего де Аргаме-и-Варгас, рехидора в Толедо)
* Мария де Ондегардо (жительница Мадрида, замужем за Педро Диасом Венеро де Лейва, первого президента Аудиенции Новой Гранады и члена Королевского Совета Индий)
* Ана де Ондегардо (жительница Вальядолида и жена Бартоломе де Сантойо).

Поездка в Америку

Поло де Ондегардо отправился в Перу с флотом, перевозившим вице-короля Перу Бласко Нуньеса Вела, в 1543 году, уполномоченного Эрнандо Писарро привести в порядок его интересы на завоёванных территориях. Из порта Сан-Лукар-де-Баррамеда они вместе с Августином де Сарате отплыли 1 ноября. Не взирая на это он перешел на сторону Королевской Аудиенции в Лиме во время конфликта, имевшегося между ней и вице-королём, хотя потом он перешел на сторону мятежного Гонсало Писарро. При нём являлся судьёй Аудиенции.

Чета Ондегардо и Пеньялоса

Женат Поло де Ондегардо был на Хероними де Пеньялоса (Jerónima de Peñalosa), являвшейся внучкой знаменитого губернатора Педрариаса Давилы; их венчание состоялось в Лиме, а жили они в городе Ла Плата. От этого брака появились такие дети:

* Херонимо Ондегардо (Jerónimo Hondegardo).
* Поло де Ондегардо (Polo de Hondegardo).
* Родриго де Контрерас (Rodrigo de Contreras).
* Лопе Ондегардо (Lope Hondegardo), иезуитский священник.
* Хуан Баутиста Ондегардо (Juan Bautista Hondegardo) — умер молодым.

Многочисленные потомки этой четы осели в Лиме и Кончимбамба (Перу) и в Вальядолиде (Испания).

Участие в войнах и восстаниях

Арестованный в Куско Франсиско де Карвахалем (1546), он был переправлен в Лиму, где этому юристу удалось сбежать. Он объявился в Трухильо пред «умиротворителем» Педро де ла Гаска, отправленного императором Карлом V для борьбы против Гонсало Писарро, и принял участие в битве при Хакихавана (9 апреля 1548 года). Вскоре, он был назначен Гаской коррехидором и капитан-генералом Чаркаса для подавления мятежей, организовывая экспедиции в Тукуман и Ла Плату, составил правила эксплуатации серебряных шахт в Потоси, и добился получения энкомьенды в Кочабамбе. 22 апреля 1548

года Поло де Ондегардо был отправлен де ла Гаской в Чаркас в качестве следственного судьи. Из письма де ла Гаски от 26 ноября 1548 года известно, что Поло де Ондегардо написал ему письмо (доставленное 16 ноября) из селения Покона.

Сражался против мятежного Франсиско Эрнандеса Хирона в Чикинга и Пукара в 1554 году в качестве командира пехоты в рядах Альварадо, но Альварадо был разбит полностью. Позже назначен коррехидором (мэром) города Куско (1558—1561), как раз в те года когда этот город покинул известный историк Инка Гарсиласо де ла Вега.

Обнаружение мумий правителей Инков

В 1558 году архиепископ Лимы Херонимо де Лоайса и вице-король Андрес Уртадо де Мендоса запросили у него выяснить досконально об истории и ритуалах Инков, в результате этих исследований он обнаружил мумии инков в медных ящиках и ваки (места поклонений), отправив некоторые из них в Лиму, а также изучил верования и обычаи индейцев.

Им были найдены мумии следующих правителей Инков:

* Инка Юпанки
* Тупак Юпанки
* Вайна Капак, и его мать — Мама Окльо.
* Виракоча (прах), а также его жена Мама Руту.

Мумии были перенесены в Лиму к вице-королю маркизу де Каньете. Спустя несколько лет мумии были похоронены в госпитале Сан Андрес.

Подтверждение существования топографической системы у инков

Наиболее подробно Поло де Ондегардо описал топографическую систему секес в докладе «La relación de los adoratorios de los indios en los cuatro ceques» (1561).

Как он указывал в другом своём докладе «Relación de los fundamentos acerca del notable daño que resulta de no guardar a los indios sus fueros» (1571) в каждом селении империи Инков были свои линии «секе», которые помечали все наиболее важные места и ваки, и чтобы удостовериться в этом он попросил, чтобы индейцы разных селений нарисовали ему эти линии на бумаге, что они и сделали. Видимо, эти местные линии связывались с между собой и с центром государства — Куско.

Деятельность в качестве чиновника

Поло де Ондегардо советовал вице-королю Графу де Ньева по новой разделить энкомьенды.

Сопровождал вице-короля Франсиско де Толедо (назначенного на должность в 1569 году) в его инспекционной поездке по Перу, приняв смерть как раз во время одной из таких поездок 4 ноября 1575 года. Установленная система управления индейцами, в которой он помогал вице-королю, просуществовала потом 2 столетия.

Поло де Ондегардо составил завещания 18 марта 1575 года в Потоси.

Подписи

Сохранились подписи Поло де Ондегардо на различных документах:

* 1) в письме конкистадора Франсиско Чавеса (участника пленения короля инков Атауальпы) — в его «Сообщении Королю Испании», составленное 15 августа 1533 года в городе Кахамарка. Подпись такая: («Non D.[omino].D.[entur].Ex simus [Eversimus] — Joseph de Acosta»), также на этом письме сохранилась подпись Поло де Ондегардо («No es cosa» — в значение важно).

Произведения

Оставил несколько трактатов и рукописей, использованных в дальнейшем другими историками и хронистами:

* Tratado y averiguación sobre los errores y supersticiones de los indios (1559).
* Informe del Licenciado Polo de Ondegardo al Licenciado Briviesca de Muñatorres sobre la perpetuidad de las encomiendas en el Perú (1561).
* La relación de los adoratorios de los indios en los cuatro ceques. (1561)
* Ordenanzas de las minas de Guamanca.
* Instrucción sobre las ceremonias y ritos que usan los indios conforme al tiempo de su gentilidad (1567).
* Relación de los fundamentos acerca del notable daño que resulta de no guardar a los indios sus fueros (1571).
* Traslado de un cartapacio a manera de borrador que quedó en los papeles del Licenciado Polo de Ondegardo cerca del linaje de los Incas y como conquistaron.

* Copia de unos capitulos de una carta del Licenciado Polo, vecino de la ciudad de La Plata para el doctor Francisco Hernández de Liébana.

Некторые рукописи хранятся в архивах Симанкас и Эскориале.

Также ему приписывают авторство Relación de las cosas acaecidas en las alteraciones del Perú después que Blasco Núñez Vela entró en él, написанную между 1548 и 1550 годами, и которая была обстоятельно использована его родным дядей Агустином де Сарате, при стоставлении тем Historia del descubrimiento y conquista del Perú, опубликованную впервые в Антверпене в 1555 году.

[Перевод с испанского издания:
Revista histórica; órgano del Instituto Histórico del Perú, Volume 1. — Lima, 1906, pp. 207–230.]

Примечание переводчика.

Эта инструкция впервые была опубликована в “Confessionario para los Cvras de Indios. Con la instruction contra sus Ritos y Exhortacion para ayudar a bien morir. — Los Reyes, MDLXXXV” («Исповедальня для священников у индейцев. С инструкцией по борьбе с их обрядами и наставлением в том, как помочь хорошо умереть»), книге редчайшей, и о которой только и известно, что осталось два экземпляра: один в библиотеке, ранее находившегося в собственности у блистательного аргентинского историка, генерала дона Бартоломе Митре, в Беэнос-Айресе, и второй находится в собственности у уважаемого друга Доктора дона Хуана Франсиско Пассос Варела. Это была вторая книга, изданная в Лиме, и она должны была быть распродана очень быстро, ведь была несколько лет спустя переиздана в Севилье, в 1603 году. Но севильское переиздание в свою очередь стало более редким, чем лимское, поскольку о нём не было никаких сведений, пока выдающийся чилийский библиограф дон Хосе Торибио Медина не описал его в своей *Испано-Американской Библиотеке*, том II, стр. 32, о котором он говорит: «Книга, до сих пор совершенно неизвестная, не цитированная, и даже не описанная ни одним библиографом». Экземпляр, который видел Медина, принадлежал Сеньору Б. Ламасу, из Буэнос-Айреса. В Библиотеке Лимы есть очень хорошо сохранившийся экземпляр, и недавно продавец книг Хирсеманн, из Лейпцига, объявил к продаже в своих каталогах один экземпляр за 2000 марок, или же 100 перуанских либр. Для древней истории Перу эта *Инструкция* представляет большой интерес, да и сам поиск, осуществленным всеми, кто посвятил себя этому, побуждают Руководство Revista переиздать её, взяв её из севильского издания, хранящегося в Национальной Библиотеке.

Нижеприведённый текст по большей части касается религии, верований и обрядов индейцев Перу. Судя из названия, имеющегося в издании 1906 года, можно предположить, что это только некоторая часть, извлечение из трактата, описывавшего гораздо большее количество вопросов и не только религиозных. Этот текст тематически совпадает с некоторыми другими рукописями Поло де Ондегардо, написанными в различные годы, что может говорить как о постоянной заинтересованности автора в индейском вопросе, так и о некоторой стабильности существования ряда обычаев и обрядов у индейцев Перу на протяжении нескольких десятилетий после испанского

завоевания Империи Инков. Тотальное искоренение «язычества» будет проведено только в начале XVII века такими церковными деятелями как Франсиско де Авила, Пабло Хосе де Ариага и другими, после чего будет окончательно утрачена связующая нить с давней историей Перу: будут «забыты» наработанные веками и тысячелетиями технологии жителей Анд, «утрачены» инструменты и орудия производства, системы кодирования информации (кипу, токапу, келька) и многие другие культурные достижения. Одним из первых и активных участников этого «искоренения язычества» и был Хуан Поло де Ондегардо.

Сведения, собранные в этом докладе, во многом совпадают с теми, что приведены у Кристобаля де Молины в его «*Докладе о Сказаниях и Обрядах Инков*», но в несколько более сжатом виде (например, календарь инков), хотя и с более точными индейскими названиями.

Большой ценностью документа является перечень приведённых в тексте понятий из области астрономии инков, их медицины, структуры общества в области религии и мировоззрения жителей Анд.

Имена и названия мест оставлены такими, как они приведены в оригинале. Для удобства они, как и другие индейские слова, выделены *курсивом*.

ТЕКСТ:

Глава Первая. О ваках и идолах.

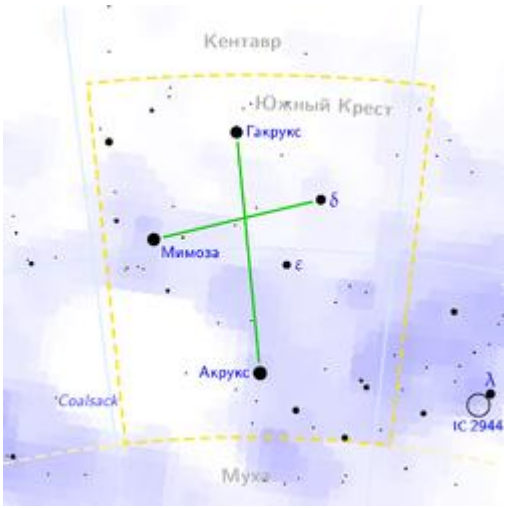
После *Виракочи* [Viracocha] (который у них считается Верховным Владыкой и ему поклонялись, оказывая большую честь) они также поклонялись Солнцу, звёздам, грому, и земле, которую называли *Пачамама*[358] [Pachamama], и другим различным вещам. Из звёзд обычно все поклонялись той, которую они называют *Колька* [Collca][359], а мы называем Плеяды [las cabrillas]. И остальные звёзды почитались, особенно, когда им

[358] Мать-земля. Плодотворное начало.
[359] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608), в дальнейшем DGH: Плеяды (созвездие). Collca cuyllur, или ccapac collcca cuyllur.

казалось, что они были необходимы для их защиты. Потому что различные звёзды они наделяли различными функциями. И потому Пастухи совершают преклонение и жертвоприношение одной звезде, которую они называют *Уркучильай* [Vrcuchillay], это, как они говорят, баран из многочисленных оттенков, в чьём ведении находится сохранение скота, и считается, что это то, что Астрологи называют Лира[360]. И они же поклоняются двум другим, проходящим возле неё, называющимся *Катучильай*[361] [Catuchillay] и *Уркучильай*[362]. Которых они изображают в виде овцы с барашком. Другие, живущие в гористых местностях, поклоняются иной звезде, называющейся *Чуки чинчай*[363] [Chuqui chinchay]; это, как они говорят, Тигр, в чьём ведении

[360] Возможно, это мнение ошибочно, если учесть, что под Ламой на небе жители Анд подразумевали не созвездие, а тёмные беззвёздные участки ночного неба. Созведие Лира.

[361] DGH: Созвездие Южный Крест. Catachillay orcochillay.



[362] Эта название Поло приводит повторно, но уже как составное слово, поскольку из словаря DGH известно, что: Catachillay, или vrcuchillay. — Крест. Т.е. Уркучильай и Катучильай уркучильай — это разные созвездия.

[363] DGH: Нерассеивающиеся кометы — Chuqui chinchay. Chhoque chinchay, или llama. Звезда, похожая на барана (ламу). Chuqui означает «копьё».

находятся Тигры, Медведи и Львы. Также они поклоняются другой звезде, называющейся *Анкочинчай*[364] [Ancochinchay], оберегающей других животных. Точно также они поклоняются другой |звезде|, под названием *Мачакуай*[365] [Machacuay], в ведении которой находятся Ужи и Змеи для того, чтобы они им не причиняли вреда; и особенно они верили, что у всех животных и птиц, обитающих на земле, на небе прибывало подобие, чьей заботой было их размножение и прирост. И так у них обстояло дело с различными звёздами, как с той, которую называют *Чакана*[366] [Chacana], и *Топаторка*[367] [Topatorca], *Мамана* [Mamana], и *Мирко*[368] [Mirco], *Микикирай* [Miquiquiray], и равным образом другие.

2. — Способ, каким они совершали молитву *Виракоче*, Солнцу, и звёздам был одним и тем же, а именно: раскрыть руки, и издать особый звук губами (как будто кто-то целует) и попросить то, что каждый хотел, и принести тому жертву. Хотя в словах и была разница, когда они говорили с великим *Тикси Виракоча* [Ticci Viracocha]. Потому что его в основном наделяли могуществом и властью над всем |сущим|, и другим *Вакам* [Huacas], как господам[369], или особым Богам, каждому — по-своему; и что они были посредниками для |общения| с *Тикси Виракоча*.

3. — После *Виракочи*, и Солнца, третьей *Вакой,* и наиболее почитаемой, был гром; его они называли тремя именами: *Чукилья* [Chuquilla], *Кату илья* [Catu illa], *Интиильапа* [Intiillapa], представляя его в виде мужчины,

---

[364] DGH: Рассеивающаяся комета — "Acochinchay".

[365] DGH: Qquempiycucun machacuhuay. Быть скрученным змеёй, или qquenpicayacun. Мачакуай, видимо, название змеи.

[366] DGH: Chacana. Лестница (деревянная). Chacca na. Три звезды, называемые Три Марии, т.е. созвездие Ориона.

[367] DGH: Tupa — королевский. Слово «торка» найти не удалось.

[368] DGH: Maman mircu. Несколько звёзд возле Южного Креста (см. mircu). Mirccuni. Поедать своего отца или мать, что из-за того, что оно является большим грехом, ему дали имя собственное. И на небе изображали звезду, противоположную этому греху, и которая влияет на тех, кто это делает, которую называют *Маман мирккук куйльур* [Maman mirccuc cuyllur], что значит "Звезда тех, кто есть своего отца или мать".

[369] Вариант: «владыкам».

пребывающего на Небе с пращей и палицей, и что в его руках [en su mano] находится заведование дождём, градом, громом, и всем остальным, что относится к воздушной стихии, где образуются грозовые тучи. Это — главная *Вака* для всех Индейцев, и ей жертвуют различные дары, а в *Куско* ей также, как и Солнцу, приносились в жертву дети. Когда какая-либо женщина рожает в поле в день, когда гремит гром, они говорят, что нарождающееся дитя является сыном грома; и что его нужно посвятить ему в услужение. И потому имеются многочисленные колдуны у этих |детей (?)|, которых называют детьми Грома.

Глава II. О душах и умерших.

В основном они верили, что души жили после этой жизни, и что добрым выпадал рай, а злым — страдание. Но о том, что тела должны были воскреснуть вместе с душами, о таком они никогда не знали. И потому они чрезвычайно заботились сберечь тела и сохранить их, и оказывать им почтение после смерти. И индейское простонародье полагало, что кушанья, напитки, и одежда, которые они клали к умершим, подкрепляли их, и освобождали их от страдания; хотя наимудрейшие среди *Ингов* [los Yngas] в это не верили.

2. — Также в основном полагали, что тем, кому Бог даровал успех в этой жизни, то те были его друзьями, и потому он даровал им рай в иной жизни. И отсюда происходило почитание правителей и людей могущественных, даже после смерти, и напротив — пренебрежение стариками, и больными, и бедными, считая их отвергнутыми Богом. Ныне относительно этого в целом среди Индейцев имеется большое невежество и заблуждение.

3. — Телам умерших потомки оказывали большое почтение, стараясь их сохранить. И для этого они клали к ним одежду и совершали жертвоприношения; особенно у правителей имелись многочисленные служители, разумевшие в своих жертвоприношениях и в оказании почтения. А у *Ингов*, каждый из них при жизни делал свою статую, которую называл *Вавки* [Huauqui], ей же устраивались большие празднества, и когда *Инга* умирал, ни одна вещь из его сокровищ, и одежды не предавалась по наследству, но всё отдавалось для жертвоприношений, и обслуживания, и обеспечения его служителей. В день смерти убивали женщин, которых любили, и слуг, и чиновников, чтобы они пошли за ними служить в иной жизни. Когда умер *Вайна Капак* [Huayna Capac], ради этого была убита тысяча человек. Убивали их после многочисленных песен и возлияний. Они бальзамировали тела этих умерших *Ингов*, и |тела| женщин, таким образом, что они сохранялись неповреждёнными двести лет и больше. Им они жертвовали многие вещи, особенно детей, и из своей крови они проводили линию от уха до уха на лице покойного. Этот суеверный обряд был запрещён после того, как были обнаружены эти тела, но |о сих пор| не запрещается среди Индейцев оказывать большое почтение телам их предков, и заботиться

об |обеспечении| их едой, и питьём, и одеяниями, и совершать для них различные жертвоприношения.

Глава III. О статуях *Ингов*.

У Индейцев в обычае называть особые статуи или камни своим именем, чтобы в жизни и смерти им оказывалось то же почтение, что и им самим. И у каждого *айлью* [ayllo], или рода, были свои Идолы или статуи их *Ингов*, которых они носили на войну и доставали на |время| шествий, дабы добиться |появления| воды и хорошей погоды, и им устраивали различные празднества и жертвоприношения. Этих Идолов было большое количество в *Куско*, и в его округе; считается, что суеверный обряд поклонения этим камням был полностью прекращён, или по большей части, после того, как они были обнаружены. Первой была |обнаружена статуя| *Инки Рока* [Ynca Roca], главы общины *Ингов* из *Анан Кос*ко [Hanan Cozco]. И по их порядку им наследовали *Йаварваки*[370] [Yahuarhuaqui], *Виракоча Инка* [Viracocha Ynca], *Пачакути Инка* [Pachacuti Ynca], *Топа Инка Юпанки* [Topa Ynca Yupanqui], *Вайна Капак*, *Васкар Инка* [Huascar Ynca]. Из общины *Урин Коско* [Vrin Cuzco] как о первом говориться о *Синчирока*[371] [Cinchiroca], за ним |следовали| *Капак Юпанки* [Capac Yupanqui], *Льуки Юпанки* [Lluqui Yupanqui], *Майтакапак* [Maytacapac], *Тарко ваман*[372] [Tarco huaman].

3. — Началом, как обозначают эти индейцы, говорят, был *Манко Капак* [Manco Capac], который после потопа, говорят, был прародителем и Отцом людей, и что этот вышел через одно окно в селении *Тамбо*[373] [Tambo]. И, сказывают, затем он был превращён в камень, которому они оказывают большое почтение. Как считается, этот суеверный обряд был полностью оставлен.

Глава IIII[374]. О предзнаменованиях.

В любом деле, имевшему какую-либо важность, к которому они хотели приступить, таким как построить дом, отправиться в путь, засеять, собрать урожай, закрыть то, что собрано |в хранилища|, жениться, проколоть уши со всею торжественностью, уйти на войну, вернуться в свои дома, и во всех остальных подобных делах у них считается обычаем принять сначала две предварительных меры. Первая, это — погадать |дословно: *бросить жребий*| и посмотреть на внутренние органы или потроха каких-нибудь животных; вторая, это — совершить какое-либо жертвоприношение и поднести дар святилищам; и тот, кто гадает, должен посмотреть на животное. Также

[370] Йавар Вакак.
[371] Синчи Рока.
[372] Персонаж совершенно неизвестный из других источников.
[373] Точнее, Паккаритампу. Дословно либо «Дом порождения» или «рожденный в племени Тампу».
[374] Так в оригинале.

сначала оказывается почтение *Виракоче*, Солнцу, *чуки илья*[375] [chuqui illa], и какой-нибудь особой *Ваке* [Huaca] их селения, или своей общины.

Глава V. Об исповеди и покаянии, какие они совершали за свои прегрешения.

У них бытовало мнение, что все болезни происходят от совершённых |ими| прегрешений. И в качестве лекарства они использовали жертвоприношения; и помимо этого они также устно исповедовались почти во всех провинциях, и у них для этого были назначены исповедники: старшие и младшие; и грехи оставлялись за старшим, и они принимали покаяния, и иногда строгие, особенно если совершивший грех был человеком бедным, и у него не было того, что отдать исповеднику. И эта же обязанность Исповедоваться также была у женщин. В провинциях *Кольясуйо* [Collasuyo] был и есть весьма повсеместным этот обычай прибегать к исповедникам колдунам, которых они называют (*Ичури* [Ychuri], см. *ичуири* [ichuiri]). У них бытует мнение, что большим грехом является сокрытие на исповеди какого-либо греха. А *Ичурис* [Ychuris], или исповедники, проверяют или с помощью гадания, или глядя на внутренности какого-либо животного, укрывают ли от них какой-нибудь грех, и наказывают того, нанося ему по спине определённое количество ударов особым камнем, пока тот не расскажет обо всём, и налагают на него покаяние, и совершают жертвоприношение. Эта исповедь используется также, когда больны их дети, или жёны, или муж, или их *касик*[376], или когда они пребывают в больших затруднениях. А когда болен *Инга*, то исповедуются все провинции, особенно |народы| *Кольа* [Collas].

2. — У исповедников было обязательство хранить тайну, но с определёнными ограничениями. Это были грехи, в основном считавшиеся явными. Во-первых, когда кто-либо убивал другого |человека| не на войне. Также |такими грехами считались|: овладение чужой женой; также давать зелья, или колдовские штучки, чтобы нанести вред. Также, воровать. И очень сильным грехом у них была небрежность в оказании почтения своим Вакам, и нарушении их празднеств, и говорить недоброе об *Инге*, и подчиняться ему. Не были явными грехи и деяния внутренние |душевные|. И согласно сообщению некоторых священников, после того как Христиане пришли в |эту| землю, они признаются своим *ичурис* или исповедникам также и относительно своих помыслов. *Инга* никому не исповедовался в своих грехах, а только Солнцу, чтобы оно рассказало о них *Виракоче*, и он бы простил его.

3. — После исповеди *Инга* совершал некое омовение, чтобы окончательно очиститься от своих прегрешений; и это |делалось| вот как: войдя в текущую реку, он говорил эти слова: «*я рассказал о своих грехах*

[375] DGH: Ylla. Большой или примечательный камень, наподобие яйца, или больше, который носят с собой из суеверия для того, чтобы быть богатыми и счастливыми.
[376] Слово из Карибского бассейна.

Солнцу, ты, река, прими их, неси их к морю, откуда они больше никогда не появятся». Эти Омовения также применяли остальные |люди|, исповедовавшиеся во время церемонии, подобной той, какая в обычае у мавров, которую они называют гуадо [guado], а Индейцы называют их |церемонии|[377] *опакуна* [opacuna]. А когда у какого-либо человека умирают дети, его считают большим грешником, говоря, что из-за его грехов случилось так, что раньше Отца умер сын. И таких, когда, после исповеди, они совершили омовения под названием *Опакуна* (как уже было сказано), приказывали пороть особой крапивой какому-нибудь уродливому Индейцу, горбуну или парализованному от рождения и т.п.

4. — Если колдуны или предсказатели своим гаданием или предсказаниями утверждали, что должен умереть какой-либо больной, то тот не боялся убить своего собственного сына, даже если у него не было другого. И тем самым он полагал, что получит здоровье, говоря, что принёс своего сына в нужном месте в качестве жертвы. И |даже| после появления Христиан в этой земле в некоторых местах встречалась эта жестокость.

Глава VI. О том, как приносились жертвы.

О том, как убивали какую-нибудь дичь, маленькую, или большую, как принято у Индейцев в соответствии с древним ритуалом, точно таким же какой имеется у мавров, |и| который они |мавры| называют алькибле [alquible]. А именно, взять дичь на правую руку и повернуть её глаза в направлении Солнца, говоря различные слова, сообразуясь с характером убиваемой дичи. Поскольку если она пятнистая, то слова обращаются к *Чуки ильа*, или грому, дабы не было недостатка в воде, а если белая, без единого пятнышка, то её приносят в жертву Солнцу, сопровождая |произнесением| нескольких слов. А если она покрыта шерстью, то — сопровождая другими словами, дабы она плодилась и росла на свете. И если это бурый *гуанако* [guanaco], то жертву адресовали *Виракоче*. И в Куско во время этой церемонии ежедневно солнцу забивалось по одному барашку без единого пятнышка, и сжигалось одеяние с одной разноцветной рубахой. И когда она сжигалась, они бросали особые корзинки с *кокой* [coca] в огонь, которые называли (*Вилька ронкон* [Villca roncon][378]), и для этого жертвоприношения у них были назначены люди и скот, который не был предназначен ни для чего другого.

Глава VII. О построении года и времён |года|.

Они делили год на двенадцать месяцев по лунам, а остальные дни, остававшиеся неиспользованными они расходовали с самими же лунами[379]. И

[377] Выше говорилось в оригинале об одной церемонии, а здесь уже о нескольких!
[378] DGH: Runcuni. Делать корзины из дерева коки.
[379] Т.е. в году 365 дней, тогда лунных 12 месяцев по 29 дней — это 348 дней или, если 29,53 дня, то — 354,36 дней. Получается, что от 17 до 11 дней распределялось по самим месяцам.

для каждой луны, или месяца, у них был поставлен свой межевой камень или столб в окрестностях *Куско*, где Солнце проходило в тот месяц[380]. И эти столбы были главными святилищами, которым приносили различные жертвы, и всё то, что осталось неиспользованным из жертвоприношений *Вакам*, приносилось в эти места, называвшиеся *Суканка* [Sucanca], тот |столб или место|, что является началом Зимы[381] — |это] *Пункуй суканка* [Puncuy[382] sucanca], а начало лета — *Чирао суканка* [Chirao[383] sucanca]. Год они называют *Вата* [Huata] на *Кичуа* [Quichua], а на |языке| *Аймара* [Aymara] |народов| *Кольа — Мара* [Mara][384]. Луну и месяц они называют *Кильа* [Quilla], а на *Аймара — Пакси* [Pacsi][385].

2. — В каждом месяце года были различные праздники и жертвоприношения, в соответствии с их порядком, как его установил *Пачакути Инка*. Он сделал так, что год начинался с Декабря, т.е. когда Солнце достигает крайней отсюда черты на своём пути к Южному Полюсу. До этого *Инги*, сказывают, что год начинался с Января.

Глава VIII. О праздниках в каждом месяце года.

Первым праздником и главным месяцем из всех был тот, который называли *Капакраймu*[386] [Capacraymi], устраивавшийся в первый месяц Года, каким был декабрь, называющийся *Раймu* [Raymi]. На этом празднике приносили в жертву огромное количество овечек и баранов, и они сжигались вместе с пахучими и обтёсанными дровами. И они приносили баранов, золото, и серебро, и расставляли три статуи солнца и три |статуи| грома; отца, и сына, и брата, как они говорили, имевшихся у солнца и грома. На этих праздниках мальчики посвящались в *Ингов*, и им надевали *гуарас*[387] [guaras], или набедренные повязки, и прокалывали им уши, и старики стегали их пращами, и обмазывали кровью всё лицо в знак того, что они должны были стать верными рыцарями *Инги*. Ни один чужеземец не мог находиться в этот месяц в *Куско*, а по окончании празднеств, входили все посторонние, и они

---

[380] Выходит, что таких *лунных* столбов должно было быть ровно 12. Но известны различные количества этих столбов: у Хосе де Акосты ровно 12, он их называет *Succanga*. У Антонио де ла Каланча — 8 с восточной стороны и 8 — с западной; т.е. 16 = 12 лунных + 4 дополнительных, отвечавших за года (или другие наблюдения или астрономические объекты).

[381] У Бернабе Кобо: измерения велись по размещенным на холмах и пригорках возле Куско столбам или камням: два на Восток от города, и два — на Запад. Через них выходило и садилось солнце, когда оно достигало Тропика Рака и Козерога. Два камня, по которым определялось начало зимы, назывались *Пукуй-Суканка*; два других, обозначавших начало лета, назывались *Чирав(?)-Суканка*.

[382] DGH: Puncu. Врата или портал.

[383] DGH: Chirau punchau. Ясный день, когда нет туч, солнечно и жарко. Chiraupacha, a chiraumitta. Время лета, сухое, без воды и холода. Chirau. Лето и солнечный день.

[384] В 1553 году в книге «*Хроника Перу*» Сьеса де Леона даётся первое описание календаря также и у народов Кольяо (южная часть империи Инков): «У них ведется счет времени, им известны некоторые движения как солнца, так луны, вот почему они ведут счет по выученному ими обычаю подсчитывать свои года, образующие десять месяцев |?|. От них я узнал, что год они называют „мари“, лунный месяц — „алеспакехе“, а день — „ауро“».

[385] Месяцев было двенадцать. Считались они по Лунам. Названия для луны и для месяца были одинаковыми: на кечуа — *Кильа* (кечуа *Killa*), на аймара — *Пакси* (Pacsi, или, точнее, Phakhsi). Все месяца имели равное количество дней.

[386] Кристобаль де Молина — так называется декабрь: «Декабрю они дали имя *Камай-кильа*». Камайкильа у Ондегардо — это январь. Все остальные месяцы до июня у Ондегардо и Молины смещены.

[387] Широкие штаны, набедренные повязки.

давали им особые маисовые булки с кровью жертвы |т.е. йавар-санку|[388], которую поедали в знак союза с *Ингой*. Они устраивали различные церемонии, о которых уже даже не упоминают, после того как они, как полагают, были полностью забыты |оставлены|. Только известно о том, что надевание *варас* [huaras], или набедренных повязок мальчикам, от двенадцати до пятнадцати лет, бытует и поныне, и очень распространено среди Индейцев, и на *Кичуа* они называют эту |церемонию| *Варачикуй* [Huarachicuy], а на *Аймара — Викарассинья* [Vicarassiña]. Также, хотя и не в том же порядке, и не в то же самое время, во многих местах в ходу обычай, особенно в *Потоси* [Potosi] и в окрестных землях, устраивать вышеупомянутый праздник, называемый *райми*, во время сева, а также вместо |христианского праздника| Тела Господнего, одеваясь, и кушая, и выпивая, и танцуя, и совершая различные жертвоприношения в на старинный лад.

2. — Праздник второго месяца называется *Камай* [Camay], во время которого совершают различные жертвоприношения и выбрасывают пепел вниз в один ручей; это месяц Январь.

3. — Третий месяц и его праздник они называют *Атун пукуй* [Hatun pucuy], во время которого приносят в жертву сотню баранов, как и в другие месяцы, и этот |месяц| соответствует Февралю.

4. — Четвёртый месяц и праздник назывался *Пача пукуй* [Pacha pucuy], во время которого приносилась в жертву сотня чёрных баранов; это — Март.

5. — Пятый месяц и праздник назывался *Ативакис* [Atuhuaquiz], когда в жертву приносилась сотня вороных с белыми отметинами баранов, т.е. пятнистых; этот соответствует Апрелю.

6. — Шестой месяц называется *Атун куску райморай*[389] [Hatun cuzqu raymoray], который соответствует Маю; также приносилась в жертву другая сотня баранов всей цветов. В эту Луну и месяц (т.е. когда *маис* [mayz] переносится с грядки в дом) совершалось празднество, ныне весьма распространённое среди Индейцев, которые называют |его| *Айморай* [Aymoray] (см. *Айморанья* [Aymoraña]). Это празднество отмечается шествием из *чакры* [chacra] в свой дом, произнося |при этом| особые песни, в которых они просят о том, чтобы *маис* долго хранился, и каждый в своём доме делает *ваку* из *маиса*, называя её *Мамасара*[390] [Mamaçara], собирая со своей *чакры* особую часть наиболее примечательного *маиса* в определённом количестве и укладывая его в маленьком амбаре, который они называют *Пируа* [Pirua][391], сопровождая это особыми ритуалами и бодрствую три ночи, и этот маис они раскладывают на наиболее роскошных покрывалах, имеющихся у каждого, и после того, как его накроют и украсят, они поклоняются этому *Пируа*, и оказывают ему большое почтение, и говорят, что это мать *маиса* с их *чакры*, и что в нём зарождается и сохраняется *маис*, и

[388] Лепешка, запеканка с кровью лам. Детально обряд с этой лепешкой описал Кристобаль де Молина

[389] DGH: Hatun cuzqui aymurayquilla. Месяц май. Ccusquiy — это время вспахивать поле под паром и давать первую вспашку. Chacmani — поднимать, вспахивать пар.

[390] Мать-кукуруза.

[391] DGH: Амбар из тростника или соломы, не обмазанный. Pirhua.

в этом месяце они совершают ему особое жертвоприношение; и колдуны спрашивают у него |амбара|, есть ли у него сила для предстоящего года, и если он отвечает, что нет, они относят его сжигать на ту самую *чакру* со всею торжественностью, на какую каждый способен. И они строят другой *пируа*, сопровождая это теми же ритуалами, говоря, что они обновили его, дабы не погибло маисовое зерно, и если он отвечает, что у него есть сила выдержать дольше, они оставляют его до следующего года. Этот суеверный обряд сохраняется до сего дня; и среди Индейцев очень распространено иметь эти *пируа* и устраивать праздник *Айморай*.

7. — Седьмой месяц, соответствующий Июню, называется *Авкай куски Интирайми*[392] [Aucay cuzqu Intiraymi], и во время него устраивается праздник *Интирайми*, когда приносилась в жертву сотня баранов гуанако, и они говорили, что это был праздник Солнца. В этом месяце изготовлялось большое количество статуй из обработанного дерева[393] из *Киссуар* [Quissuar], все одетые в роскошные одежды, и устраивался танец, называвшийся *Кайо* [Cayo]. На этом празднике разбрасывалось множество цветов по дороге, а Индейцы ходили раскрасившись киноварью; а господа — с несколькими золотыми приспособлениями [unas patenillas de oro] на подбородках, и |при этом| все пели. Следует обратить внимание, что этот праздник приходился почти на то же время, когда мы, Христиане, устраиваем торжество Тела Господня[394], и что в некоторых вещах имеется определённое внешнее сходство (такое как в танцах, представлениях, или песнях), и что по этой причине оно было и ныне есть у Индейцев, которые, кажется, отмечают наш праздник Тела Господня, |а на самом деле| с большим суеверием отмечают свой древний |праздник| *Интирайми*.

8. — Восьмой месяц называется *Чава варкис*[395] [Chahua huarquis], когда сжигалась другая сотня баранов вышеописанным способом, все пятнистого цвета *вискачи*[396] [viscacha], и этот месяц соответствует Июлю.

9. — Девятый месяц называется *Йапакис*[397] [Yapaquis][398]. Тогда сжигалась другая сотня коричневых баранов, и забивалась и сжигалась тысяча *куйев*

---

[392] По Хуану де Бетансосу: Huacai quos quiqilla — май. С мая по июнь отмечается праздник Yaguayracha aymoray. По Гуаману Пома: Haucai Cusqui Quilla, — июнь. По Кристобалю де Молина — это май

[393] В оригинале: «дров».

[394] Этот праздник стоит на границе пасхального цикла и летних праздников, обычно отмечается в июне. Основная идея Корпус-Кристи — напоминание о сущности католического догмата причастия (евхаристии — Eucaristia). Таким образом, этот праздник не связан ни с какими языческими дохристианскими традициями, он религиозный по содержанию, и городской — по социальной организации. В структуре праздника, с самого начала, выделялись торжественная процессия по улицам города и праздничная месса в соборе. В прошлые столетия, при богослужении разыгрывалось так называемое "auto sacramental" ("священное действо, представление") — спектакль на тему дня. В наши дни отголоском бывшего auto является участие в мессе мальчиков-певчих, а в процессиях — мальчиков-танцоров, так называемых сеисес (seises). Видимо, вначале было 6 детей-участников (отсюда и название: seis = шесть). Сейчас это число может меняться, гак, в самых знаменитых ансамблях, в Севилье — 10 сеисес, а в Толедо — 7.

[395] Кристобаль де Молина: «Месяц июнь назывался *Канай* [Canay], а по-другому — *Чаварвай* [Chahuarhuay]. Люди были полностью заняты орошением своих полей, и урегулированием вопросов распределения воды по каналам.»

[396] Горные вискачи (лат. *Lagidium*) являются родом семейства шиншилловых. Своим внешним видом они напоминают кроликов с длинным хвостом, как у белок. Благодаря близкому родству возможно скрещивание с шиншиллами. Длину тела горных вискачей достигает 40 см, а хвост — до 32 см, Вес до 1,6 кг. Обитают, как правило, на слабо заросших склонах Анд на высоте до 5000 м. В дикой природе горные вискачи живут всего 3 года, а в неволе, при должном уходе, до 19 лет. В 1553 году даётся их первое описание в книге «*Хроника Перу*» Сьеса де Леона.

[397] Или «Вапакис».

[cuyes], чтобы лёд, и воздух, и вода, и Солнце не причинили вреда *чакрам*; этот |месяц|, кажется, соответствует Августу.

10. — Десятый месяц называется *Койа райми*[399] [Coya raymi], когда сжигалась другая сотня покрытых шерстью белых баранов. В этом месяце (соответствующему Сентябрю) устраивался праздник, называемый *Citua* [Citua], следующим образом: все собирались прежде чем появлялась в первый день луна[400], и, глядя на неё, они громко кричали, держа в руках факелы, говоря: «*прочь отсюда зло*», ударяя ими друг о друга[401]. Эти называются *Панконкос*[402] [Panconcos]. И сделав это, совершалось всеобщее омовение в ручьях и источниках, каждый в своей *секе*[403] [ceque], или собственности[404] |?|, и пили непрерывно четыре дня. В этом месяце *мамаконы* [mamaconas] Солнца доставали огромное количество сдобы, приготовленной с кровью особых жертв; и каждому чужеземцу давали один кусок, а также они отправляли |сдобу| чужим *вакам* всего Королевства, и различным *Куракам* [Curacas] в знак союза и верности солнцу и *Инге*. Омовения и возлияния, и кое-что оставшееся от этого праздника, под названием *Citua*, всё ещё сохраняется в некоторых местах с несколько отличающимися церемониями, и |при соблюдении| большой тайны.

11. — Одиннадцатый месяц называется *Ома райми пучайкис*[405] [Homa Raymi puchayquis]. Во время которого приносилась в жертву сотня баранов; и если была нехватка воды, то чтобы пошел дождь, они клали полностью чёрного связанного барана на равнине |на ровном месте|, проливая большое количество *чичи* вокруг и не давали ему есть пока не пойдёт дождь. Этот обычай также встречается во многих местах, в то же самое время, т.е. в Октябре.

12. — Последний месяц называется *Айамарка*[406] [Ayamarca], во время которого приносили в жертву другую сотню баранов, и устраивался праздник, называвшийся *Райми кантарайкис* [Raymi cantarayquis]. В этом

---

[398] Кристобаль де Молина: «Они называли месяц Июль *Моронпасса тарпуйкилья* [Moronpassa tarpuiquilla], и на протяжении его они отмечали празднества, называвшиеся *явайра*, когда они просили Творца даровать им богатый урожай в том году, отчего был |тот| месяц предназначен для посева семян».

[399] Кристобаль де Молина: «Месяц Август назывался *Койа-райми*; и в нём они отмечали *Citua*. Для того, чтобы совершить ритуалы этого празднества, они выносили статуи ихних вак со всех мест земли, от Кито до Чили, и ставили их в домах, имевшихся в Куско, с целью, [21] о каковой мы сейчас поведаем. Причиной того, что праздник, называвшийся *Citua*, отмечался в этом месяце, было то, что начинались дожди, и с первыми дождями обычно наступала пора многочисленных заболеваний. Они молили Создателя, чтобы, на протяжении года, он соизволил защитить их от болезни, как в Куско, так и по всей земле, завоёванной Инками».

[400] Речь идёт о Новолунии.

[401] Наиболее подробно эту церемонию описывает Кристобаль де Молина.

[402] DGH: Pancuncu huma, или tanpa huma. Тот, кто не причёсывает, и не моет волосы.

[403] Топографические направляющие, линии; их обслуживали особые роды или общественные группы.

[404] Вариант: «в относящихся к нему».

[405] Кристобаль де Молина: «Они называли месяц Сентябрь *Ума-Райми* [Uma-Raymi], потому что индейцы из Ума, что в двух лигах от Куско, отмечали праздник *Варачильо* [Hurachillo]. Это было важное событие, [35] когда юношей признавали рыцарями, и когда им прокалывали уши, о чём мы упомянем в соответствующем месте. Женщины Куско, чьи сыновья должны были подвергнуться прокалыванию ушей, и совершить *варачику*, проводили своё время в пошиве одежд, в которые их сыновья должны были быть одетыми в праздничный день *варачику*. Некоторые родственники сходились помочь им в шитье, и в веселии и питье на несколько дней к ним домой: и тем месяц заканчивался».

[406] Кристобаль де Молина: «Они называли месяц Октябрь — *Айа Марка Райми* [Aya Marca Raymi], потому что индейцы из селения *Айамарка* [Ayamarca] совершали празднества *варачику*, а юноши того племени прокалывали свои уши, и признавались рыцарями, сопровождая следующими церемониями. В Куско, люди занимались приготовлением большого количества чичи для праздника *Капак-Райми* [*Ccapac Raymi*]. Это заготовка чичи называлась *канторай* [*cantoray*]».

месяце (соответствовавшем Ноябрю) готовилось всё необходимое для мальчиков, которые должны были стать орехонами в следующем месяце, и мальчики вместе со стариками устраивали смотр, совершая несколько прохождений по кругу. И этот праздник назывался *Итy райми* [Itu raymi]: он делается обычным, когда идёт сильный или слабый дождь, или |если господствует| чума.

Глава IX. О чрезвычайных праздниках.

У праздника *Итy* [Ytu] не было установленного времени, он устраивался только во времена большого затруднения. Ради него все люди постились два дня, во время которых они не приближались к своим женам, и не ели таких вещей, как соль, *ахи*, и не пили *чичу*; и все собирались на одной площади, где не было бы ни чужеземцев, ни животных. И для этого праздника у них были особые накидки и одеяния, и украшения, служившие только для него, и они очень долгое время ходили процессией, покрыв головы своими накидками, играя на своих барабанах и не говоря друг с другом. Это длилось один день и одну ночь; со следующего дня они ели, и пили, и плясали два дня и две ночи. Говоря, что их молитва была принята. И хотя сегодня он не совершается с соблюдением всей той церемонии, но вполне обычно устраивать другой подобный праздник, называющийся *Айма* [Ayma], с хранящимися у них для этого нарядами. И как было сказано, этот род процессии, или поворотов с барабанами, и последующий пост, и возлияние за ним следующее, у них применяется для крайне затруднительных положений.

2. — И хотя приносить в жертву дичь и другие вещи, которые они не могут скрыть от Испанцев, они оставили, по крайней мере, открыто, но они всё ещё сохраняют многие ритуалы, имеющие происхождение от этих праздников и древнего суеверия. Поэтому необходимо обратить на них внимание, особенно на то, что нынче этот праздник *Итy* они скрытно устраивают в танцах Тела Господня, совершая танцы *льамальама* [llamallama][407], и *вакон* [huacon][408], и другие, в соответствии со своей старинной церемонией, за чем следует глядеть в оба.

3. — Когда появлялся новый король *Инга* и ему давали кисточку (являвшуюся Королевским отличием), среди прочих неисчислимых ритуалов и празднеств, и совершаемых жертвоприношений, они жертвовали до двухсот детей от четырёх до десяти лет. Но поскольку это уже полностью оставлено, то нечего об это снова упоминать. Следует только обратить внимание на то, что было много других особых праздников, устраивавшихся в честь побед или других успешных дел; и в каждой провинции, помимо главных, были другие, свои собственные и особые |церемонии|.

Глава X. О колдовстве.

[407] DGH: Hayachuco llamallama saynatahuacon. Те, что устраивают игры, или танцы с переодеванием. Ymahaycca tuccucllapanta yachapayak. Актёры, или маскарадные костюмы, иди маски.
[408] DGH: Aranyani huaconyani. Устраивать танцы в маскарадных костюмах.

К услугам колдуна обычно прибегают лица недостойные уважения, а также бедняки. Потому что они говорили, что с одной стороны занятие колдунов низкое и презренное, но с другой стороны —не было ничего полезного в том, чтобы в государстве кто-либо был бездельником, потому было бы лучше, чтобы этим занимались люди низкого |положения|. Поэтому следует принять во внимание, что несмотря на всё это, они считали это необходимым; они приказали, чтобы этим занимались те, кто по своему возрасту и затруднительному положению не мог заниматься другими |делами|. И потому следует обратить внимание на то, что сегодня те, кто является колдунами, происходят из этого низкого и презренного положения, и что прибегать к этому их принуждает нужда; и если какой-либо богач и знатный человек к этому прибегает, то это будет такой, кому досталось это занятие по наследству, и он разбогател впоследствии. Они не совершали никакого колдовства и предсказания, пока ему не предшествовало большое или малое жертвоприношение, в соответствии с потребностью особы, или причины, по которой оно совершалось. Из этих жертвоприношений колдуны расходовали на себя часть, казавшуюся им достаточной. Поскольку большая часть этих жертвоприношений сейчас упразднена, тем не менее не упразднено занятие и приёмы [instrumentos] колдунов, и вместо жертв они приносят в награду серебро, одежды или еду. А так как бедняков и стариков и тому подобных много, потому много и колдунов. И нужно заметить, что помимо других существовавших способов для появления колдунов (как говорится в этой инструкции), такими становиться также благодаря ритуалам совершения поста, в котором колдун должен находиться один год сроку, или около того, делая так, чтобы он воздерживался от *ахи*[409] [axi], соли или других особых вещей, еды и действий, наставляя его, и совершая различные ритуалы, и сегодня ими становятся те, кого называют *Камаска* [Camasca], или *Сонкойок* [Soncoyoc][410], — не только старики, но и юноши, даже после принятого ими крещения; им присудили заниматься колдовством при тысяче совершаемых суеверных обрядов в большой тайне; и они по большей части занимаются лечением в местах тёмных или ночью, где их бы не увидели.

2. — У этих колдунов, так как их число велико, также много и отличий. Одни сведущи в составлении настоек из зелий и корней, чтобы убить того, кому они их дадут. И есть травы и корни, убивающие за долгое время, другие — за короткое, в соответствии с изготовленным составом и смесью. Те, кто делает подобные колдовские штучки — это почти всегда женщины, и для этих смесей они используют коренные |и другие| зубы, и фигурки овец, сделанные из разных вещей, волосы, ногти, живых и мёртвых жаб, разнообразные и разноцветные раковины, головы животных, |а также| маленьких высушенных животных, и огромное многообразие корней, и

[409] Перец.
[410] Дословно можно перевести, как «заведующий делами сердца, внутренностей, разума».

маленькие котелки, наполненные размолотыми травами[411], нутряные жиры, больших живых пауков, а котелки накрываются глиняной посудой. И когда кто-либо чувствует, что заболел, то он является к этим колдунам, чтобы они отвели от него вред, как они подозревают, нанесённый каким-то ими совершенным грехом, и различными гримасами и суеверными обрядами они это делают, и часто от того, что они дают больным, те умирают. Вот почему этих колдунов сильно боятся даже *касики* [caciques]. Есть другие колдуны и колдуньи, которые сведущи в дозволенных их законами колдовских штучках. Но нужно обратить внимание, что все колдовские штучки или их большая часть, использовавшихся в том, что разрешено, используют также это другое, то, что было запрещено, и считалось грехом. И отсюда та лёгкость, с какой они исповедуются в том, что было разрешено, а в этом другом — с большим трудом. Индейцы же не осмеливаются откровенничать об из страха, поскольку одни боятся быть заколдованными вновь, а другие от того, что они также заявили бы и о своих скверных |поступках|. Этот вид колдунов-отравителей *Инги* карали, убивая таких колдунов вместе со |всеми| их потомками.

3. — Среди Индейцев был другой род разрешённых определённым образом *Ингами* колдунов, которые являются чем-то вроде чародеев. Которые берут, какую хотят, фигурку и пролетают по воздуху за короткий срок большой путь, и видят то, что происходит, и говорят с дьяволом, который отвечает ему на особых камнях, или на других сильно почитаемых ими вещах. Эти служат для предсказаний и для того, чтобы рассказывать о том, что происходит в очень далёких местах, прежде чем то придёт или сможет прийти в виде новости, ведь даже после прихода Испанцев, случилось так, что на расстоянии более двухсот или трёхсот лиг[412] знали о беспорядках, крупных сражениях, и восстаниях, и погибших, как у Тиранов, так и у тех, кто был на стороне Короля, и об отдельных лицах, в тот же день и час, когда таковые дела совершались, или на следующий день, о чём естественным путём было невозможно о них узнать так быстро. Чтобы совершить это предсказание видений они собираются в закрытом изнутри доме и напиваются до потери рассудка, а затем, по окончании дня, говорят о том, о чём их спрашивают. Некоторые говорят и утверждают, что эти применяют определённые мази. Индейцы говорят, что обычно старухи занимаются этим делом, и старухи провинции, называющейся *Коайльо* [Coayllo], и из другого селения, называющегося *Манчай* [Manchay], и в провинции *Гуарочири* [Guarochiri], и в других не обозначаемых ими местах. Также они служат для объявления о том, где находятся утерянные или украденные вещи, и такого рода колдуны есть повсюду. К ним, что дело обычное, являются служащие у Испанцев *Анаконы*[413] [Anaconas] и служанки, когда они теряют какую-либо вещь своего хозяина, или желают узнать о

[411] В оригинале стоит слово «consaciones» с редакторским знаком вопроса |?|. По смыслу должно стоять слово «de confracciones yeruas», т.е. — размолотыми трав.
[412] 1100-1600 км
[413] Йанаконы — слуги.

каком-либо случившемся событии в прошлом или о предстоящих делах; так, когда они спускаются в города Испанцев по частным или общественным делам, то спрашивают, выпадет ли им удача или же они заболеют, или умрут, и вернуться ли они здоровыми, или добьются ли они того, к чему стремятся; а колдуны отвечают «да» или «нет», поговорив с дьяволом в тёмном месте, так чтобы был слышен их голос, но не видно, ни с кем они говорят, ни о чём они говорят, и совершают для этого тысячу ритуалов и жертвоприношений. И помимо того, что для этого они ссылаются на дьявола, и напиваются (как уже сказано), для этого особого дела они применяют одну траву [llerua], называемую *Вилька*[414] [Villca], подмешивая её сок в *чичу* [chicha], или принимают её иным путём. Следует обратить внимание, что хотя и говориться, что только старухи прибегают к этому занятию предвидения и для того, чтобы говорит о том, что происходит в других далёких местах и заявлять об утерянном и украденном, сегодня этим также занимаются не только старики Индейцы, но и юноши, и они просят, чтобы за это им приносили *коку* [coca], *куйа*[415] [cuy], волосы, жир, или одежду, или другие вещи, и они не желают, чтобы их видели за этим занятием. И в провинциях замечают, что не только в *Гуарочири*, но и в окрестности *Куско*, в |провинции народов| *Кольа*, у *Гуанков* [los Guancas], в равнинах[416], в краю *Гуануко* [Guanuco], и у *Чачапояс* [las Chachapoyas], и во многих других провинциях они есть.

Глава XI. О предсказателях и прорицателях.

Также среди Индейцев были и есть колдуны-предсказатели; занятие, считающееся весьма полезным и необходимым. И Индейцы ничего не делали и не предпринимали, пока не погадают. Отсюда проистекает то, что было так много этих колдунов, в основном являвшихся мужчинами (хотя иногда этим занимались и женщины), все они были из |провинции| *Кондесуйо* [Condesuyo]. Они прибегали к жребию |гаданию|, чтобы узнать об успехе какого-либо дела, которое они совершают или хотят совершить, и чтобы узнать, какое жертвоприношение будет приятно *Ваке*; и у них |при этом| смешивались идолопоклонства и тысячи колдовских штук. Те, кто в этом сведущ, являются людьми низкими и презренными, как и остальные колдуны, и *Касики* занимаются избранием таких предсказателей, у которых нет сил для других работ и которые сами люди бедные, и потому нет ни одного селения, где бы таких не было, и этому избранию предшествуют различные ритуалы, и обряды, и посты, какие им приказывают исполнять сами *касики* или колдуны по их уложению. Они же применяют этот род гадания с помощью различных приспособлений, особенно с помощью разноцветных камней, или черных камней, или маиса, или *мольо* [mollo], а их

[414] DGH: Villca. Дерево, плод которого, как и у люпина, является слабительным. Villca. Снадобье, сделанное из этого дерева. Villcani. Бросать снадобье.
[415] Морская свинка.
[416] Т.е. на равнинах тихоокеанского побережья.

преемники или наследники очень заботливо хранят эти вещи, чтобы использовать их в своё время, т.е. во время затруднений, или на старости. Сказывают, что гром, или какая-либо *Вака*, даёт эти камни таким колдунам. Другие говорят, что какой-то покойник приносит им их ночью во время сна. Другие |говорят|, что некоторые женщины во время бури беременеют от *Чуки ильа*, и по окончании девяти месяцев они разрождаются с болью, и что им было сказано во сне, что ими сделанные гадания |для других| — сбудутся. У Индейцев к ним большое доверие; и если кто-либо очень болен, и ему говорят, что он должен умереть (потому что так явствует из гадания), то приносят в жертву имеющегося у него ребёнка, говоря, что они обменивают жизнь того на свою. Также они используют для гадания несколько больших пауков, которых они держат закрытыми в котелках, и там они дают им еду, и когда кто-либо приходит узнать об успехе того, что он должен сделать, то сперва колдун совершает жертвоприношение, а затем снимает крышку с котелка, и если у паука какая-либо лапка прижата, то дело должно обернуться плохо, а если все вытянуты, то исход дела будет счастливым. Этот род колдунов очень распространён у *Чинчайсуйос* [Chinchaysuyos], и там они оказывают большое почтение пауку. В других местах — змеям, а в иных — другим животным, служащих для этого рода гаданий. Следует обратить внимание, что даже и ныне это не было оставлено, и хотя не все пользуются всеми этими вещами, чтобы увидеть предстоящие события, по большей части они прибегают к тем, которые в каждой провинции были придуманы, такие как связка маисовых початков, какой-нибудь разбитый черепок, слюна в руке, когда заставляют её течь по ладони или пальцам, и в соответствии с тем, как она потечёт, так они и предсказывают события, и разновидность цветных фасолин, называемых (*Гуайрос* [Guayros]), и другие различные вещи, какие и по сей день также используют для подобного гадания многие хитрые Индейцы, и их жены.

2. — Также есть другие предсказатели — для прорицания будущего, и для этого они жуют коку и сплёвывают её сок со слюной на ладонь, растягивая два самых больших пальца, и если она падает одинаково с обоих, то это |предвещает| доброе событие, а если по одному, то — плохое. И |этому| предшествует жертвоприношение, когда поклоняются солнцу. Также они спрашивали об этом у *Вак* и получали |на это| ответ.

3. — Гадания устраивались по всевозможным делам, таким как посев, сбор, хранение хлебов, поход, постройка, женитьба, или развод. А также для того, чтобы узнать, какие жертвоприношения понравятся грому, в чьём ведении находился дождь, мороз, град и т.п. Они совершали для этого небольшое жертвоприношение; и для того, чтобы гром объявил о том, какую жертву он желал |от них получить|, они гадали на морских раковинах; а если выходило, что |гром не объявлял об этом|, то они гадали по иному, как обычно делали, пока предсказатель не подтверждал |о том, что ответ от грома получен|, тогда жертва считалась принятой; а селение внося в виде подати то, что выпадало на их долю, вручало всё необходимое служителям жертвоприношения (отличающихся от предсказателей); они же, принимая

каждый свою долю и уходя все вместе, приносили это в жертву на самых верховьях *пуны*, произнося особые слова; и каждый, возвращаясь в селение, говорил то, что гром у него попросил, и почему он был рассержен, и была ли та жертва ему приятна или нет, или должны они были совершить ему больше жертвоприношений, и в соответствии с тем, как говорил колдун, они доверяли ему полностью, принимая всё то, что он говорил, сопровождая |церемонию| большими возлияниями и плясками, днём и ночью, и другими ритуалами и идолопоклонствами. Следует обратить внимание, что служители жертвоприношения, каковых много и они весьма часто встречаются, избирались следующим образом. Если какой-либо мужчина или женщина рождались в поле в то время, когда гремел гром, то такового уважали, называя его *Чуки ильа*, и когда он был стар, они приказывали ему заниматься этим, веря, что жертвоприношение совершенное рукой этого |человека| принималось более благосклонно. Также были некоторые, называвшиеся детьми грома, рожденные от женщин, как утверждали, зачавших от грома и |от него| родивших. И этих они назначали |заниматься этим|. Также двойню или тройню, родившихся из одного чрева, и, в конечном счете, всех тех, в кого природа влагала больше обычного (полагая, что тут не обошлось без таинства), таких они назначали |заниматься| этим, называя их *ваками*. И чтобы не случилось с ними особенного или на *чакре*[417], или с их особами, они приписывали этому |роду суеверий|. И если они находили |особый| камень, или раковину, или примечательную вещь, то почитали такую больше, чем если бы нашли другую |но совершенно обыкновенную|.

Глава XII. О служителях жертвоприношений.

Также существовали Индейцы предназначенные для совершения жертвоприношений источникам, родникам или ручьям, протекавшим через селение и *чакры*, и совершали они их по окончании сева, дабы те не переставали течь и поливали их *чакры*. Эти жертвоприношения предсказатели выбирали с помощью своих гаданий, после которых, из внесенного селением, собиралось то, что нужно было принести в жертву, и они вручали это тем, кто занимался теми жертвоприношениями. И приносили они их в начале зимы, т.е. когда во влажный сезон прибывает вода в источниках, и родниках, и реках, и они приписывали это своим жертвоприношениям; |но| они |раньше| не приносили жертв источникам и родникам в пустынных местностях. Сегодня всё ещё остается это почитание источников, родников, оросительных каналов, ручьёв или рек, протекающих через поселение или *чакры*. Также |сейчас уже| они оказывают почтение родникам и рекам пустынных местностей. Месту, где встречаются две реки, они оказывают особое почтение и уважение, и там они моются ради излечения, для начала обмазываясь маисовой мукой, или другими вещами, и

[417] Обрабатываемое поле.

сопровождая |это| различными ритуалами, и то же самое они делают в купальнях.

Глава XIII. О врачах и врачевании.

Также есть Индейцы, занимающиеся врачеванием болезней, как мужчины, так и женщины, которых называют (*Камаска* [Camasca] или *Сонкойок* [Soncoyoc]); и они не приступают к лечению, если тому не предшествовало жертвоприношение или гадание, и эти говорят, что во время сна им было дано врачебное дело, когда к ним явился некто, страдавший от своей болезни, и что тот дал им такую способность. И потому всегда, когда они врачуют, они совершают жертвоприношение этой особе, которая, как они говорят, явилась им во время сна и что она их научила тому, как лечить, и |тому, как обращаться с| инструментами[418].

2. — Также есть женщины — повивальные бабки, и они говорят, что во сне им было дано это занятие, когда им является тот, кто им дал |такую| способность и приёмы. И эти же сведущи в лечении беременных, чтобы помочь им родить ребёнка, а также убить его в теле матери с помощью имеющегося [que tien llevando][419] у них для этого мастерства. Есть другие, которые лечат переломы, и пока длится лечение, они приносят жертвы, возле места перелома или вывиха, и обычно прибегают к словам, жертвоприношениям, смеси мазей, и другим суеверным обрядам; если какая-либо индеанка рожает двойню из одного чрева, и она бедна, то прибегает в услугам повивальной бабки, совершая жертвоприношения, посты и ритуалы во время родов. Если у какой-либо |женщины| была поломана рука или нога, или другая часть тела, и она излечилась раньше, чем обычно выздоравливали другие больные, то она считалась лекарем в подобной болезни. И были другие, которые, симулируя такую болезнь, говорили, что выздоравливали очень быстро, и, |поскольку это| считалось чудом, к таким стекались больные, дабы излечиться. Здесь следует обратить внимание на то, что хотя бедные и нищие прибегали к этой услуге колдунов, предсказателей, жертвователей и т.п., богачи и люди могущественные (это были *Инги*, *Касики* и *Кураки*) знали и знают много об этих вещах, и они были теми, кто содержал их, наставлял и приказывал им, чтобы это совершалось, |имея привычку| осведомляться о каждом деле и о том, откуда оно взялось. Также хорошо бы обратить внимание на то, что в землях, богатых и изобильных на съестное или скот и серебро царило больше идолопоклонств и суеверных обрядов (как в этих краях Перу), но в бедных провинциях, таких как *Чиригуанов* [los Chirihuanaes], *Чанесес* [Chaneses], *Тукуманов* [Tucumanenses], *Ксуриес*[420] [Xuries], *Диагитов* [Diagitas] вплоть до реки Ла Плата [rio de la plata], и во многих других, бедных и нуждающихся, хотя некоторые и поклоняются солнцу или некоторым звёздам одними только словами и движениями тела, и

[418] Вариант: «и использовать свои приёмы»
[419] Так написано в оригинале; должно быть que tienen llevando.
[420] Вариант: Шуриес, Суриес, Хуриес.

оказывая им большое почтение, они не так старательно и заботливо придерживаются суеверной религии и не используют такое множество ритуалов и жертвоприношений, и того, что приносить в жертву из имеющегося у них, и наконец, это дело не всеобщее, потому что у большинства нет идолопоклонств, и всё их время уходит на собирание с большими трудностями того, что они едят, и то, что пьют, и на другие, какие будут необходимы, дела.

Глава XIII[421]. О жертвоприношениях и предметах, какие они приносили в жертву.

То, что они приносили в жертву *Вакам*, были, во-первых, дети до десяти и меньше лет, и это для дел большой важности, и не столь обычно; они их вешали и хоронили. Также, |приносили в жертву| изысканную одежду в честь ткачества; её изготавливали для определённых церемоний, и делали её также различным способом в соответствии с характером дела. Они сжигали её, соблюдая различные обряды. Также, |приносили в жертву| имеющийся у них скот, тщательно заботясь о возрасте, свойствах и цвете дичи, чтобы соответствовать поводу, по которому тот приносился в жертву. Дичь, если то были самки, никогда не приносилась ими в жертву, сохраняя |их| для размножения. Также, |они приносили в жертву] *куйев*, являющихся зверушками [unos animalejos], которых выращивали в домах, размером |они| побольше мышей, — эти служили для наблюдения за предзнаменованиями и |для того, каков будет| исход дел. Также для этой |цели им| служил имеющийся у них |вышеупомянутый| скот. Эти два рода животных они приносили в жертву. Они не использовали диких животных, потому что говорили, что для жертвоприношений |связанных со| здоровьем и благом, нужно было приносить в жертву только вещь, полученную и выращенную своим трудом. Следует обратить внимание на то, что сегодня очень распространён этот род жертвоприношений из *куйев*, как у Горцев, так и среди тех, кто |живёт| в Равнинах.

2. — Также приносили в жертву птиц *Пуны* [Puna], когда они должны были идти на войну, чтобы ослабить силу *вак* своих противников. Это жертвоприношение называлось *Куско виса* [Cuzco viça], или *Вальа виса* [Hualla viça], или *Сопа виса* [Sopa viça]. И совершали его следующим образом: брали разнообразных птиц *Пуны*, и собирали много колючего хвороста (называемого *Йанльи* [Yanlli]) на костёр, для которого они собирали птиц (и этот сбор они называли *Кисо* [Quiço]), и бросали их в костёр, вокруг которого ходили служители жертвоприношения с особыми круглыми и угловатыми камнями, где были нарисованы змеи, львы, жабы, Тигры, говоря («*Уссачум*» [Vssachum]), что значит «*пусть благополучно будет наша победа*», и другие слова, как они говорили, чтобы «*утратили силу* Ваки *наших противников*»; и они доставали своих очень тёмных баранов,

[421] Так в оригинале.

находившихся несколько дней в заточении без еды, называвшихся |*Урку* (Vrcu)][422] и, убивая их, они говорили, что поскольку сердца тех |баранов| были истощены, точно также будто бы истощены сердца их противников; и если в этих баранах они видели, что какая-то плоть, находящаяся за сердцем, не была истощена постами и предыдущим заточением, то считали это плохим предзнаменованием, и они вели особых черных собак, называемых *Апурукос*[423] [Apurucos], и убивали их, и бросали их на равнину |ровный участок поверхности|, и при особых ритуалах заставляли есть то мясо особую группу людей. Это жертвоприношение также совершали для того, чтобы *Инга* не пострадал от яда, и для этого они постились с самого утра и до того времени, пока не всходила звезда, и тогда наедались и пировали [zahorauan][424] по обычаю мавров. Это жертвоприношение было наиболее излюбленным в борьбе против богов противника. И хотя сегодня почти оставлено всё это, поскольку закончились войны, всё же следы остались, и немалые, среди отдельных ссор обычных Индейцев, или *Касиков*, или одних селений с другими, и неплохо быть хорошенько к этому подготовленным.

3. — Также они приносили в жертву или в дар морские раковины, называемые *Мольо*[425]. И жертвовали их источникам и родникам, говоря, что раковины были детьми моря, матери всех вод. У них |раковин| разные названия в зависимости от цвета, и потому они служат для различных целей; эти раковины использовали почти во всех видах жертвоприношений, и до сих пор сегодня они бросают несколько *мольо*, перемолотых с *чичей*, из суеверия. Это обработанное *мольо*, по-другому называемое (*Чакира* [Chaquira]), совершенно вредное, поскольку почти всегда служит для жертвоприношений и обрядов; а Испанцы считали его хорошим доходом, особенно в Трухильо и его окрестностях, и в других местах этих равнин, и сегодня не перестают продавать |это| в некоторых местах. Также они жертвовали разноцветные перья, особенно алые и жёлтые, принесённые из |провинций племён| *Андов* [los Andes], называемые *Павкар* [Paucar], пилько[426] паривана [pillco parihuana]. Также жертвовали золото и серебро, изготовляя различные фигурки, или сосуды. Также, маисовую муку, или |муку| из других семян [de otras legumbres], или тесто, или сдобу, приготовленную из этой муки. Также, *чичу*, и другие различные кушанья, *коку*, или корзинки для неё, жир, волосы, собственную кровь, или |кровь| животных и другие вещи, и наконец, всё, что они сеяли и выращивали, начиная от порождённых детей до самой последней вещи, выращиваемой ими, если им казалось, что это целесообразно принести в жертву. То, что касается детей, кажется, уже оставлено, по крайней мере,

[422] DGH: Vrcco. Самей у животных.

[423] Поло де Ондегардо допустил здесь ошибку, так как речь шла не о собаках, а о крупных представителях южноамериканских верблюдовых, предназначенных для воспроизведения потомства, т.е. племенных самцах. Апуруку дословно означает «дряхлый вожак». Этот же эпизод был позаимствован у Ондегардо другим хронистом — Хосе де Акоста.

[424] Слово из испанской провинции Ла Манча.

[425] Мульу.

[426] В словаре DGH нет такого слова. Это слово означает по-испански «колибри», но сама птица правильно называется Огненный мухоед, красный тиранн (лат. *Pyrocephalus rubinus*) — птица из семейства Тирановые. Единственный вид в роде — *Pyrocephalus* Gould, 1839. Самцы имеют на груди и на голове ярко-красное или алое оперение и небольшой хохолок. Самки не имеют яркого окраса.

среди уже известных Индейцев. В остальном всё ещё остаются заметные следы и последствия, в особенности в том, что касается *куйев*, *коки*, еды, *чичи*, перьев и баранов, и других подобных вещей. И поэтому важно проявить особую заботу и старание |в этом вопросе|.

4. — В том, что касается молодых и старых колдуний и колдунов, ныне даже более пагубно то новое, что |ими| было придумано, и в отношении этого нужно обратить внимание на то, что они подразделяются на два вида: одни, нескрывающие своего лица, и четко видно, что они колдуны, делающие то, что делалось издавна. И к этим являются только Индейцы, или |лица| бессовестные, или те, кто ещё не принял окончательно |католическую| веру и не знают Божественных деяний; но поскольку они только и делают, что совершают свои дела втайне от всего мира, поэтому они очень вредны. Есть и другие, которые, помимо того, что посещают места поселений Испанцев и Индейцев, прибегают к этому колдовскому занятию под видом Христианства. И когда они приходят к больному, то произносят свои благословения над больным, творят крестные знамения, говорят, что есть Бог, Иисус, или другие хорошие слова, приказывают, чтобы творилась молитва Богу, или Отцам |церкви|, или Апостолам и одновременно с этим, втайне, приносят жертвы и совершают другие ритуалы с *куйями*, *кокой*, жиром, и другими вещами, ощупывают живот, ноги, или другие части тела, и сосут то место, которое болит у больного, и говорят, что они выводят кровь, или червей, или камушки, и показывают их, говоря, что оттуда вышла болезнь; а дело в том, что они носят ту кровь или червей и т.п. в особых хлопковых тканях, или в другом предмете, кладут её в рот в то время, когда высасывают |кровь|, а затем показывают это больному, или его родне, и говорят, что болезнь уже вышла, и что больной выздоровеет, и для этого совершают тысячу других обманов. Старухи и девицы, прибегающие к этому, являются травниками, повивальными бабками, присматривают за роженицами, объявляют о том, что у них |рожениц| есть |во чреве|, и убивают плод, если о том по какой-либо причине просят сами беременные, а мужчины, прибегающие к такому |занятию|, также являются травниками; и одни и другие иногда (со всевозможным притворством) слушают |рассказы| о грехах больного, расспрашивая их |больных| самым изысканным образом, чтобы нельзя было понять, что они *Ичурис* [Ychuris] (т.е. бывшие |старые| исповедники), и во время выслушивания их или после этого (так как не всех |исповедник выслушивает|, а, по крайней мере, некоторую часть из тех, кто, как ему кажется, подходит для того, чтобы успокоить боль) они совершают свои ритуалы, говоря притворные слова, налагают свои покаяния, и двусмысленными словами дают им понять, чтобы они не отходили от своих старинных обычаев, поскольку они хороши для избавления от их болей. Наконец, под видом Христианства они совершают тысячу зол и творят больше вреда, чем те, кто открыто показывает, что они колдуны; потому что если позвать этих |нескрывающихся колдунов| раз или два, даже не три, то в конце концов Индейцы страшатся препоручить себя им, и выказывают большое отвращение к этому, но к притворным и скрытным |колдунам| —

|отвращения| не |выказывают|. Когда этих притворщиков зовут со стороны больного, их заставляют просит, говоря, что они не колдуны, а Христиане, и что при помощи колдовства нужно сделать так, чтобы они не ушли, если думают, что только нужно провести лечение и принять лекарства по образу Христиан. Поскольку дело обстоит так, что Индейцы, в соответствии со сказанным, убегают от колдунов, творящих свои злые дела открыто, но не убегают от этих; Индейцы скорее даже хорошо осведомлённые, и, похоже, боящиеся Бога, извлекают из них выгоду, полагая, что нет ничего низкого в том, что они делают, и, проявляя это невежество, они посылают за ними и лечатся у них, хотя непременно есть много и тех, кто зовёт их со страхом или подозрением. И у многих этих колдунов хорошая репутация, по меньшей мере, не как колдунов, и некоторые занимаются врачеванием открыто, поскольку у них нет надлежаще оформленного отказа |выданного| церковными судьями, или они не замечены в каком-либо возможном зле и им дозволено |этим заниматься|. И потому целесообразно, чтобы к этому было проявлено особое внимание и принимались постоянные меры.

Глава XV. О том, как Инга даровал свои ваки, подобно имеющимся в Куско, всем своим Королевствам.

Когда *Инга* вновь завоёвывал какую-либо Провинцию или селение, то для начала он приказывал, чтобы была захвачена главная *Вака* такой провинции или селения и перенесена в *Куско*, как для того, чтобы считать тех людей полностью покорёнными, |так| и для того, чтобы они не восстали против него, а также для того, чтобы они платили подати |в виде| вещей и людей для жертвоприношений и в качестве смотрителей *вак* и для других вещей. Он ставил эту *ваку* в храме солнца, называющемся *Куриканча* [Curicancha], где было много алтарей, и на них стояли статуи *Виракочи*, солнца, и грома, и других *вак*, или ставил такие *ваки* из провинций в различных других местах, или на дорогах, в соответствии со своим |обычаем|, или провинции, которая была |?|[427], и поскольку было так много людей, стекавшихся туда со всего края, то все обучались тому, чему их там научали.

2. — И том, что касается почитания источников, родников, рек, холмов, лощин, ущелий, перевалов, вершин гор, пересечения дорог, камней, скал, ложбин и небесной радуги, и в суеверии, касающегося пения совы, филина, и прочее совершалось и имелось в остальных частях королевства, и им оказывалось почтение подобно |тому, что было в| *Куско*. А так как у *Куско* и его округи было огромное количество идолов, *вак*, *вилькас* [villcas][428], святилищ, или созданных в различных краях мест поклонений, потому в каждой провинции также были особые *ваки* и святилища, и каждая другая наиболее примечательная вещь, которой поклонялись, равно как и телам умерших каждой семьи оказывалось почтение. Наконец, у каждого края и провинции было большое разнообразие мест поклонений, и если сейчас

[427] Видимо, пропущен предлог, и должно быть: «или |в той| провинции, откуда она была».
[428] Деревья, и лекарство из него.

разрушены Идолы, камни, и приспособления для жертвоприношения и многие другие вещи, служившие им для их обрядов, то всё же прочно стоят холмы, перевалы, источники, родники, реки, озёра, море, ущелья, скалы, *Апачитас*[429] [Apachitas], и другие подобные вещи, почитание которых всё ещё продолжается, и необходимо, чтобы была проявлена большая забота в искоренении из их сердец нечестивого почитания. *Ваки* и святилища в *Куско* и |находящиеся в| нескольких лигах от него составляют числом 340, имея различные названия; должны быть, имелось и много других. Из всего этого большая часть заброшена; всё же, до сих пор непременно встречаются некоторые следы |этого| и особенно там, где есть старики и старухи, и а ещё больше там, где есть знать и *Кураки*, предрасположенные к этим обрядам.

[429] Груды камней, святилища путников.

Доклад о религии и обрядах Перу, составленный первыми священниками Августинцами, направившимися туда для обращения местных жителей в христианство [1560].

[Перевод с испанского издания:
Collecion de documentos ineditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonizacion de las posesiones espanolas en America y Occeania, sacados, en su mayor parte, del Real Archivo de Indias. — Tomo III, Madrid, Imprenta de Manuel B. De Quiros, San Juan, 54, 1865. p. 5–58.]

Введение.

Второстепенные боги Анд.

Все хронисты, сообщавшие об андских верованиях, говорят о богах второстепенных: во-первых, это региональные или племенные, во-вторых, районные или клановые, и наконец, фамильные. Первых Кристобаль де Альборнос (1967: 20) называет *пакариски. Пакариски* могли быть мифическими первопредками и прародителями больших этнических групп, выступавшими в различных ипостасях. Среди них можно упомянуть таких богов, как: Париакака, Каруа, Ванка, Айсавилька, Чинчакоча или Йанараман (Pariacaca, Carhua Huanca, Aisawilka, Chinchacocha, Yanaraman). Эти божества, согласно Аны М. Марискотти «*не являются ни творцами, ни сотворёнными или principium sine principio, а потомками других богов*» (1973: 208). Таковым является Париакака, в традициях племени *чека*, где он считается сыном Виракочи; точно также, если мы посмотрим на традиции *юнгов*, собранных августинцами в 1551 году, то обнаружим, что Апо Катекиль — это сын Атагуху (Tello 1923: 55). Нечто похожее обнаруживается в локальных мифических историях.

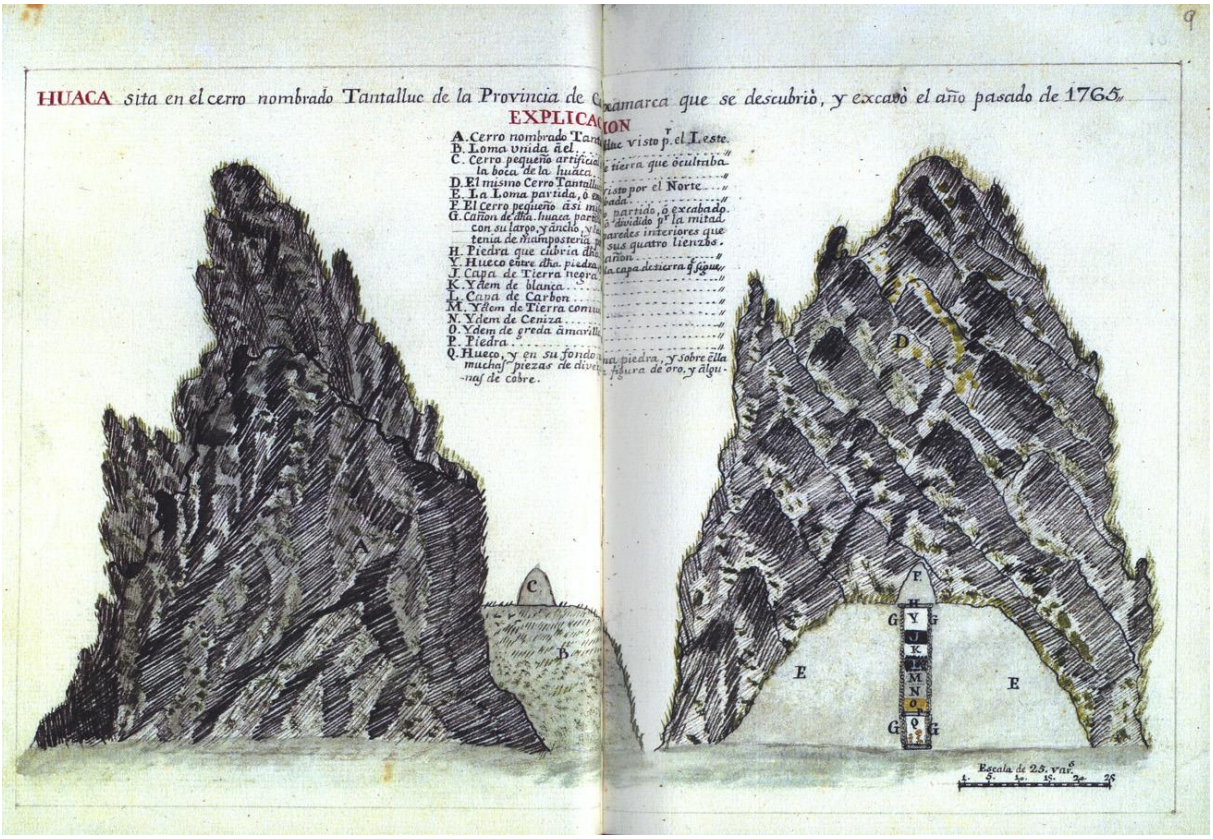


Рисунок 1. Пример конструкции Ваки на горе Тантальук в провинции Кахамарка, обнаруженной и разрытой в 1765 году.

Гуамачуко

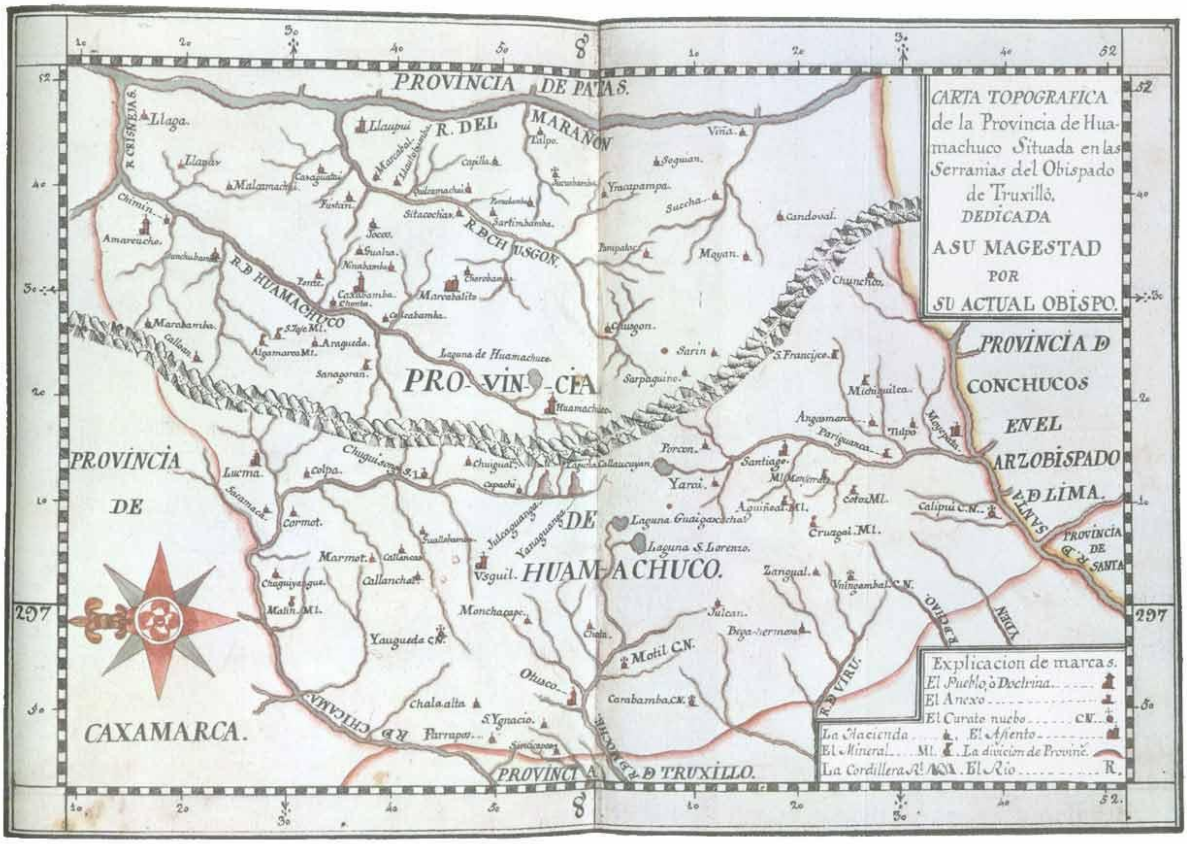


Рисунок 2. Провинция Гуамачуко. 1789.

Гуамачуко (или, если быть точнее, Вамачуко) хронисты часто упоминают и как город и как провинцию.

Сьеса де Леон сообщает, что «*За Кахамаркой почти в 11 лигах лежит другая крупная провинция, в старину густонаселенная, которую называют Гуамачуко*» и «*Провинция Гуамачуко похожа на Кахамарку; индейцы того же языка и одеяний, в верованиях и суевериях они друг с другом схожи, и следовательно в одеждах и «льяутах». В этой провинции Гуамачуко в старину были могущественные правители. Потому говорят, что их очень уважали Инки. Центром провинции является большое поле, где построены постоялые дворы или королевские дворцы, среди которых два имеют в ширину 22 шага, а в длину столько же, сколько и конный круг*[430]*, все сделанные из камня, убранство их из толстых и крупных балок, с размещенной наверху соломой, используемой ими очень ловко. Из-за прошедших ссор и войн много людей этой провинции уничтожено. Погода тут хорошая, скорее прохладная, чем теплая, изобильная на продовольствие и другие необходимые для существования людей вещи. До прихода испанцев в это королевство в этом районе были большие стада овец, а по вершинам и пустыням водились другие приученные и дикие стада, называемые гуанако и викуньи, на вид и повадками они как ручные и домашние. У Инков в этой провинции была королевская роща (как мне сообщили), где под страхом смерти было приказано, чтобы никто из местных жителей не ходил в неё убивать дикий скот, а его было очень много, а также водились львы, медведи, лисицы и олени. И когда Инка хотел устроить королевскую охоту, приказывали собрать 3 или 4 тысячи индейцев, или 10 тысяч, или 20 тысяч, тех, кто был предназначен служить этому, и они окружали огромную часть поля, таким образом, чтобы понемногу в строгом порядке идти на сближение, держась за руки.» А также «Эти индейцы Гуамачуко очень кротки, и они почти всегда очень дружелюбны к испанцам. В старину у них были свои верования и суеверия, поклонялись они некоторым камням, величиной с яйцо, и другим побольше различных цветов. Они были поставлены в их храмах или ваках, расположенных на вершинах и заснеженных горах. Когда их завоевали Инки, они стали поклоняться солнцу, пришли к общественному порядку, как в своем управлении, так и в обхождении друг с другом. Обычно во время жертвоприношений они проливали кровь овец и барашков, сдирая с них шкуру, но не перерезая им горло, а затем, с большой ловкостью вырывали сердце и внутренности, чтобы увидеть в них свои знаки и поколдовать, потому что каждый из них был прорицатель, и наблюдали они (как я узнал и*

[430] Т.е. длиной с конское ристалище — это строение являет собою классическое строение центральных Анд — «Гальпон» огромных размеров. Согласно археологическим раскопкам, Гальпоны в Гуамачуко существовали более тысячи лет.

понял) за движением комет, как язычники. Там где находились их оракулы, они видели дьявола, с которым, как известно, они вели свои беседы. Всё это уже повалено, их идолы разрушены, а на их месте поставлен крест, дабы отпугивать дьявола, врага нашего. Некоторые индейцы со своими женами и сыновьями обратились в христианство, и с каждым днем с проповедованием святого евангелия их становится больше, потому что в этих главных постоялых дворах нет недостатка в священников и братьях, наставляющих их. Из этой провинции Гуамачуко королевская дорога Инков выходит к Кончукос, и в Бомбоне вновь соединяется с другой такой же большой как и эта. Одна из которых, говорят, была построена по приказу Топы Инки Юпанки, а другая Вайна Капаком, его сыном»[431].

Мигель де Эстете (1947: 338) описывает Гуамачуко как крупны город в долине, окруженной горами, с красивым видом и хорошими жилищами. Гуамачуко размещалось вдоль главной дороги, идущей в направлении Север-Юг, а пересекающиеся дороги вели на запад в долину Моче и на восток к Реке Чусгон (Río Chusgón), притоку Мараньона. Некоторые постоялые дворы вдоль главной дороги упоминаются Гуаманом Помой (1980a: 1003).

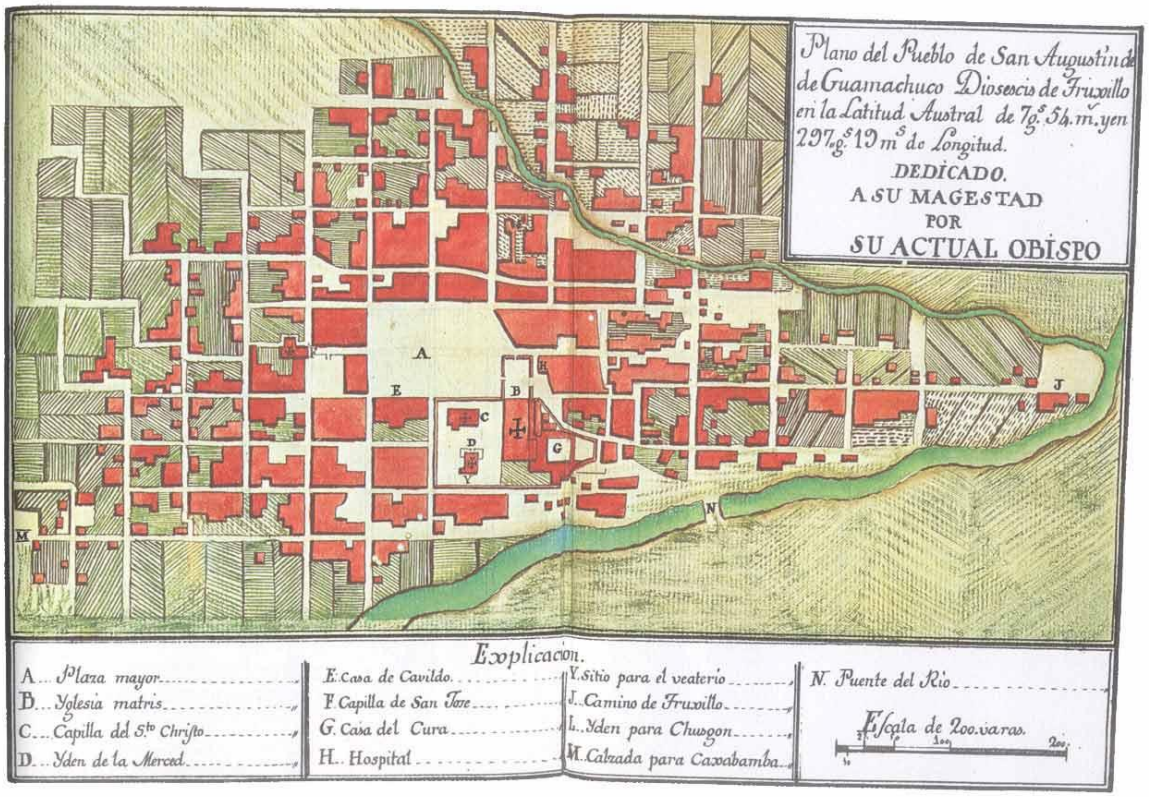


Рисунок 3. Город Гуамачуко. 1789.

Гарсиласо де ла Вега также приводит немного сведений о Гуамачуко, по большей части ошибочных:

«*это племя, действительно, было варварским и жестоким до крайности в своих обычаях… Они не селились по городам, а жили рассредоточено по окрестностям в редких лачугах, лишённые всякой общественной организации или порядка. Они жили как дикари*»[432].

Но Гарсиласо сообщает, что правитель Гуамачуко обрадовался, получив дары цивилизации Инков.

[431] Педро Сьеса де Леон. Хроника Перу. Часть Первая.
[432] Инка Гарсиласо де ла Вега. «История государства Инков». — Л.: Наука, 1974.

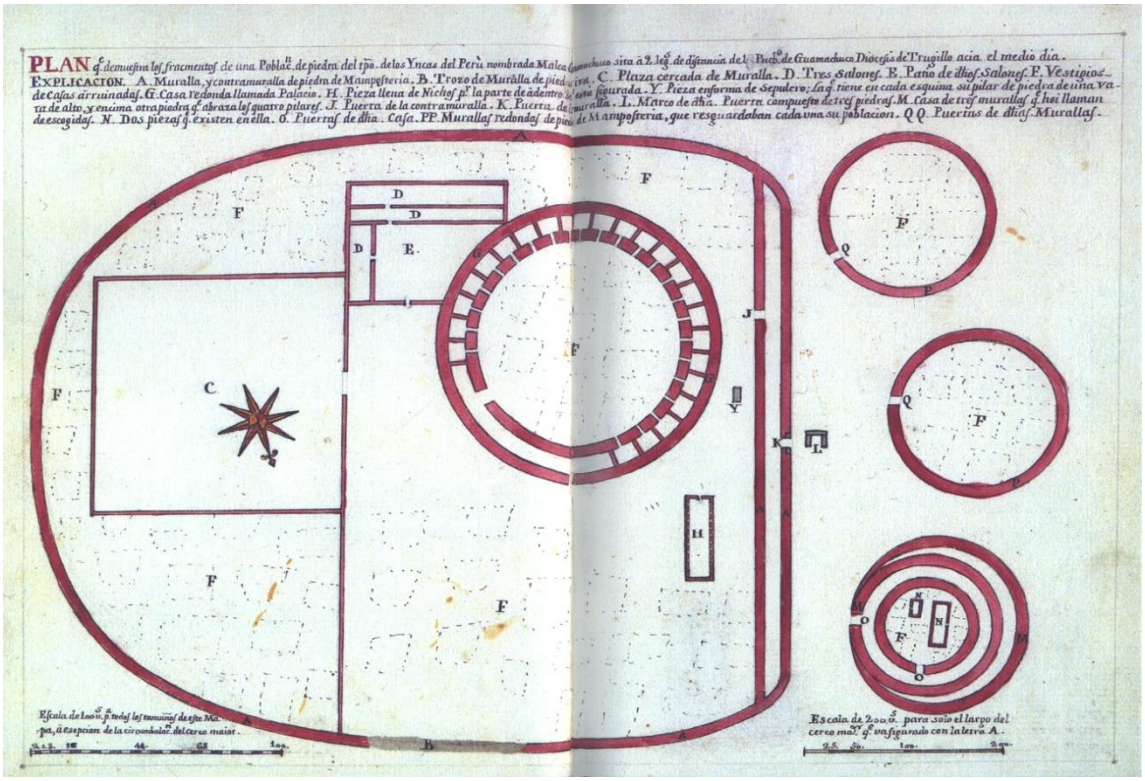


Рисунок 4. Крепость Инков «Малька Гуамачуко» (план).

Другие полезные документы приводят различную информацию. Многие их сведения помогают понять многие данные археологических находок. Хуан де Сан Педро (1992 [1560]) рассматривает количество разбросанных в беспорядке святынь по всей провинции и замечает, что в Гуамачуко был оракул, почитавшийся от Куско до Кито. Хуан де Бетансос приводит полное описание разрушения этого оракула Атавальпой. По большей части, Хуан де Сан Педро подчеркивает местную природу святынь и религиозных практик.

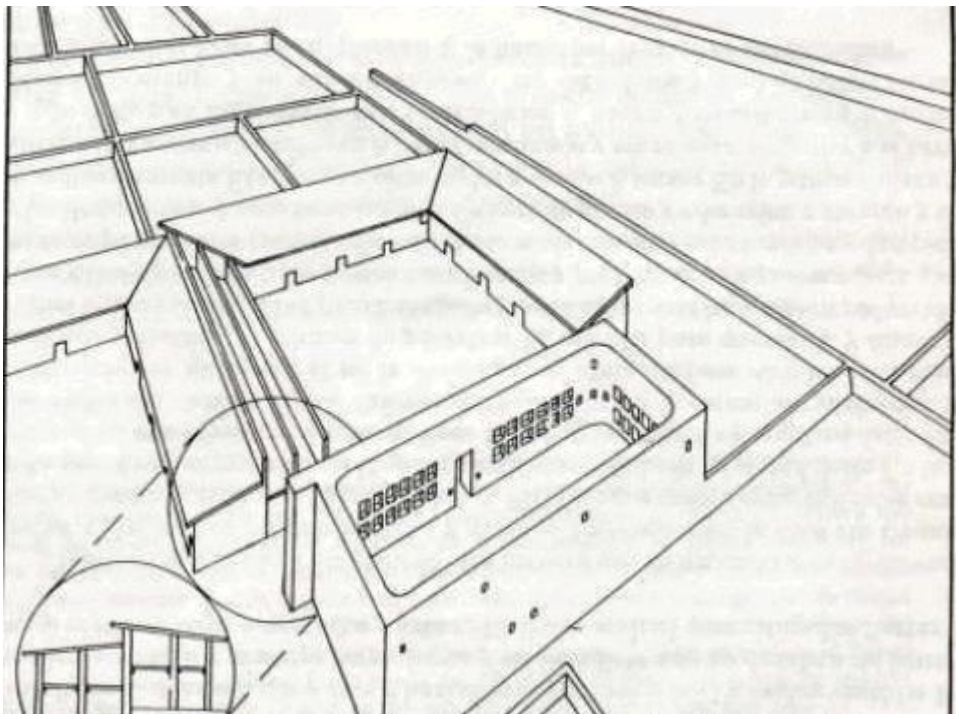


Рисунок 5. Гальпон.

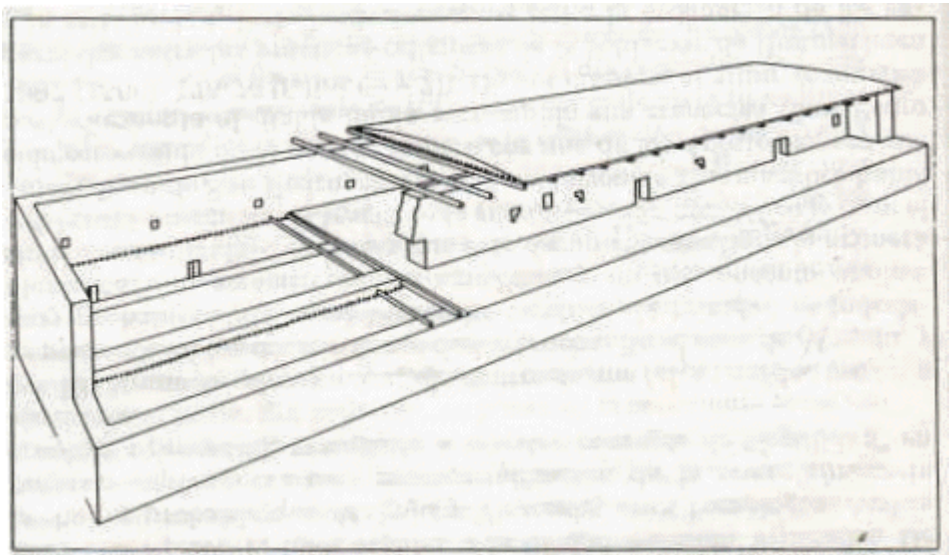


Рисунок 6. Гальпон.

Другой документ — это «*Приказ об обслуживании постоялых дворов в репартимьенто Гуамачуко*»; написан он Грегорио Гонсалесом ле Куэнка в 1567 году, опубликован у Ростворовски (1989). В документе приводятся названия семи городов, занимаемых горными митимаями, восемь городов, занимаемых митимаями-юнгами, двадцать пять городов, занимаемых местным населением, и девять постоялых дворов. Местное население было поделено на четыре разряда варанк[433] (huarangas), из которых две западные варанки были более крупными, а также более высокого класса, чем две восточных (это интересное место в отклонении от инкской идеи, когда варанки не были равными по размеру). Эспиноса (1974: 22, 35) считает, что третья по рангу варанка Льуичо была отделена от первой по рангу варанки Льампа Вайна Капаком, одиннадцатым королём Инкой (умер в 1527 году). Если это так, то можно предположить, что четвёртая по рангу Андамарка была отделена от второй по рангу Вакапонго в то же самое время. Две других варанки были сформированы горными митимаями и митимаями *юнгами*[434]. Наконец, хотя они и сформировали отдельную группу, *чаупи юнги*, жители долины Моче и, возможно, долины Виру и других соседних долин, они были лояльны кураке (местному правителю) Гуамачуко (Huamachuco)[435].

Религия жителей Вамачуко.

Содержание ряда мифов имеет некоторые параллели с мифами перуанского побережья и провинции Варочири в Сьерре, неподалёку от Лимы (боги, рождённые из яиц, уничтожение первоначального населения и т.п.: детальнее у Пабло де Ариага и Франсиско де Авила), но нет ничего общего с мифологией Инков и района Альтиплано.

Атагуху.

«*Начиная спрашивать жрецов, слышавших о боге, которому поклонялись, они говорили, что Атагуху, творец всех вещей, его они считали главной первопричиной, согласно своему закону, и, сказывают, что пребывал он на небе и что он там не движется |стоит на месте|, но оттуда он правит всеми вещами и создает их, и сказывают, что он сотворил небо и землю |(и это)|, ими он правит оттуда, и этот, когда увидел себя одного |[h]|, создал ещё двух (Они говорят создать или сотворить с помощью этого слова — «рурани», что значит создавать, делать) для того, чтобы их было трое, и у всех этих троих была одна воля, и одно подобие, и у этих не было жён и были они согласны во всех вещах. Дьявол, т.е. как шимиа [ximia] бога, сказал им это, и эта ложная троица. Эти двое, которых создал Атагуху, одного звали Сугад-авра, а второго — Укумгаврад. Эти сделали это и правили все вместе с Атагуху. Мы спрашивали их, как они узнали об этом, эти отвечали, что незапамятный образец (?) этой части их отцы узнали от своих отцов и предков, и потому оно переходило из уст в уста |d оригинале: из руки в руку|, пока наши «t.pos» отцов [de p.es] детям по наследству. |[для]| для почитания этой ложной троицы и поклонения ей у них*

[433] Инкская административная единица одной тысячи домохозяйств.
[434] О языке *юнгов* см.: Рис. 4с.
[435] Topic, John R. Topic, and T. L. A SUMMARY OF THE INCA OCCUPATION OF HUAMACHUCO. 1993 — (http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/1993%281%29.html).

были крупные дворы[436] *и у этих по одну сторону была очень высокая стена и внутри у них было несколько ям, где они вбивали несколько брёвен для совершения празднеств и посредине ставили брус и окружали его соломой и смазывали его*[437] *и тот, кто должен был приносить жертву, поднимался на брус, одетый в несколько белых нарядов, и они убивали койя*[438] *и приносили в жертву Атагуху кровь, и он поедал мясо, которое от него не должно было оставаться неиспользованным |ни грамма|, и оттуда ничего не должно было быть извлечено лишнего. На стенах было много крупных выступов, для хранения реликвий, овечьих или бараньих |т.е. лам|, которых они дарили. И этими дворами была усеяна земля, и мы многие разрушили. И в постоялых дворах и на дорогах много их со множеством крупных выступов [sic] и «munclios». В Перу их видно до сих пор и не знают о том, что это такое. Все они разрушены в Гуамачуко, а бревна снесены на землю, с которых проливает*[439] *главный жрец огромные количества асуа или чичи и ~ако~ако это немного перемешанной маисовой муки в горячей воде, и из этого они готовят привычную пищу, для всех вак и это, сказывают, есть Атагуху, и в этих дворах они совершали крупные праздники. В своих жертвоприношениях, длившихся пять дней, устраивали они большие такис*[440] *и песни, одетые как можно лучше, и большие попойки и во всём этом «t.po» они непременно напивались в стельку, так что одни падали, другие поднимались, и так отмечались их*[441] *злосчастные веселья. Также они поклонялись Атагуху иным образом, а именно: сжигая коку (это трава, которую индейцы очень ценят и говорят, что подержав её во рту, не глотая, они набираются большой силы и становятся синчями*[442]*, что на их языке значит храбрыми). С помощью этой травы они творят большие грехи и жертвоприношения, и определённое количество её встречается в ваках. Это трава, как и кумак. [cumaq.]*[443]*, имеет более широкий лист. Много её в Андах |в окрестностях| Куско и в Чаркас. Немного известно Господу, от скольких идолопоклонств и колдовства они бы избавились, если бы у них её не было, потому что, как я потом расскажу, наиболее изощрённая*[444] *и тайная манера идолопоклонства с её помощью — сжигать её, и говорят, что тот бым поднимается до небес к Атагуху и дарит ему аромат, и они это делают, чтобы помолиться о жизни для них самих и для их сыновей, и для их скота, и для остальных индейцев, и для того, чтобы они не умирали преждевременно. Также на этом празднике они убивают койев и проливают чичу и дарят* сако *и остальные вещи. Они также совершают другой способ поклонения и почтения Атагуху, а именно: обычно касик и вельможи |начальники| выходят пировать в пампу*[445] *или площадь, и там пьют, и прежде чем начать пить, поклонившись и оказав почтение Атагуху и Земле и это «de Raman»*[446] *в знак торжественной клятвы и благословения, совершаемых в честь своего Творца или, лучше сказать, дьяволу. И это нужно священникам и тем, кто находится в приходах, |чтобы| быть осведомлёнными, потому что думают, что они это делают из непорочности и потому вводят в заблуждение.*»[447].

Атагуху здесь описан как Бог-Отец, по аналогии с христианской теологией, как удалённое созидающее существо. Это описание похоже на божество у кечуа — Виракочу. Возможно, что Атагуху и Виракоча эквивалентны. Оба представляют значение: первичная созидающая энергия/материя, похожая на наше абстрактное понятие «*плодородие*».

Намерение поставить Атагуху внутрь ложной троицы также присуща описаниям Виракочи. В случае с Атагуху, и пожалуй, с Виракочей тоже, троица несомненно творение августинцев, и не является андским понятием. Гонсалес (1992: 26–28) указывает, что этот документ связан с теорией предварительной апостольской евангелизации: автор, Хуан де Сан Педро, верит, что население Вамачуко было обращено в христианство в давние времена одним из апостолов, но потом дьявол испортил их верования (San Pedro 1992 [1560J: 175–76 [folios 6v y 7J). Поэтому автор видит много параллелей между религиозными практиками населения Вамачуко и христианством, включая понятия организации жрецов (165 ff. [folios 4v y 5]) и исповеди, и покаяния (208–209 [folios 13 y 13v]). Идея веры в троицу — одна из параллелей, разработанных

---

[436] Т.е.строения обнесенные высокими стенами с нишами. Соответствуют строению «гальпон», длина которого была 60 м, ширина — 19м, высота — 9м. Во времена автора эти строения были полуразрушенными, и отсутствовала соломенная крыша, потому они и выглядели, как дворы. (см. рисунки).

[437] В оригинале: «её».

[438] Cuy в испанском (от кечуа *quwi*) — морская свинка. В Колумбии curí, происходящее от слова на языке муисков /βu'ʏɨ/.

У тупи-гуарани — *sabúia*.

[439] В оригинале во множественном числе.

[440] Т.е. песни с танцами.

[441] В рукописи — в единственном числе.

[442] Вождь, храбрец.

[443] К сожалению, в рукописи слово стоит в сокращенной форме.

[444] В оригинале артикль стоит во множественном числе.

[445] В оригинале «панпа».

[446] Неясное слово.

[447] San Pedro, Fray Juan de, 1992 [1560]. La persecución del demonio: crónica de los primeros Agustinos en el norte del Perú. (Manuscrito del Archivo de Indias). Estudios preliminares de: Luis Millones, John R. Topic y José L. González. Málaga-Mexico: Algazara-C.A.M.E.I.: 160-64[folios 3v-4].

в помощь теории предварительной евангелизации, но ясно, что автор не может поддержать её в деталях: он не может утверждать, что Сугад-кувра — похож на Христа, а Укунгаврад — наделён атрибутами Святого Духа. Этот недостаток в соответствии между христианскими верованиями и местными индейскими приписывается дьяволу, имитирующему Бога (шимиа=симиа=кривляка=имитатор), перекручивающего верования индейцев таким образом, что они будто бы похожи на христианские, но как бы фальшивые[448].

PLAN que contiene 43. vozes Castellanas traducidas ālas ōcho lenguas que hablan los Yndios de la Costa, Sierras, y Montañas del Obpdo. de Trugillo del Perù.

IV

Lengua Castellana	Lengua Quichua.	Lengua Yunga de las Provincias de Trugillo, y Saña.	Lengua de Sechura en la Provincia de Piura.	Lengua de Colan en la Provincia de Piura.	Lengua de Catacaos en la Provincia de Piura.	Lengua Culli de la Provincia de Guamachuco	Lengua de los Mitimaes de las Convertidas de Huatillas	Lengua de los Cholones de las mismas Conversiones.
Dios	Dios	Yas	Diōs	Tiōs	Thios	Yaia	Dioschu	Dios
Hombre	Ccari	Nosen	Sucda	Yatādlam	Aszat	Osù	Nium	Num
Muger	Huaami	Sonen	Cuctum	Pim	Pichim	Ahhi	Etlee	Yla
Alma	Alma	Chepec	Almacchi	Alma	Alma	Alma	Animachu	Nall
Cuerpo	Ucu	Cuerpo	Cuerpocchi	Cuerpo	Cuerpo	Cuerpu	Asuepzi	Acho=ques
coraçon	Sonco	Cheres	Chusiupurma	Nessiñim	Nicsiñichim	Chuchuill	Thuo-Suic	Aluñach
Carne	Aicha	Quencho	Colt	Carne	Ccol	Aycha	Amaa	Chep
Hueso	Tullu	Loti	Ruño	Dladlapirām	Lalapechen	Mosc̄ar	Chepee	Chel
Padre	Yaya	Esquic	Jachi	Mam	Paisri	Quinù	Cotc	Appa
Madre	Mama	Enquic	Niña	Niñ	Nichim	Mamù	Queec	Appan
Hijo	Churi	Ezquic	Nosñi	Hicum	Ycuchim	Usu ōōll	Eool	Apul
Hija	Vuauua	Ezquic	Nosñi	Hicum	Ycuchim capuc	Ahhi ōōll	Noo	Alñu
Hermano	Vauqur	Quezmen	Sicarñi	Puam	Puachim	Quimit	Moscaá	Azot
Hermana	Pana	Quezmen	Bapuenñ	Purum	Puruchim	Cani	Moscaá	Aquiñu
Comer	Micuñ	Penod	Ornuc	Aquā	Aguachim	Mùù	Lopquem	Amoc
Beber	Vpiai	Maned	Tutuc	Cùm	Conecuc	Cumù	Vvic	Nig
Reir	Acii	Callèd	Busuc	Chañar	Chañac	Canquiù	Collam	Chasam
Llorar	Huaccai	Tamicec	Nic	Nār	Naracñaquiuuin	Acasù	Atzacquem	Yo=yam
Morir	Huañui	Lirnid	Lactuc	Dlacati	Lacatu	Collapù	Calquesquim	Ñooli=cho
Gozo	Cusicui	Ollimquedquid	Otnuc	Chagasiñ	Guzo	Cuhi	Miisuovem	Allgilubactam
Dolor	Nanacui	Ronomcec	Punuc	Masic	Masic	Pillaih	Calac	Ysiam
Muerte	Huañui	Lemicec	Lactueno	Dlacati	Ynataclacatu	Cani	Huanc	Micol
Cielo	Hanac-pacha	Cucia	Cuchuc yor	Cutuc-nap	Cielo	Cielo	Puxam	Centa
Sol	Inti	Han	Yōro	Turinap	Nap	Sù	Ñim	Musac
Luna	Quilla	Si	Nangru	Nap	Nam	Mùñ	Cuiñā	Peel
Estrellas	Coillur	Chonyic	Chùpchup	Chupuchup	Estrellas	Chup	Cuichas	Que=nac
Fuego	Nina	Oō, ú, ol	Motor	Huÿur	Guanararac	Mù	Ucche	Vēt
Viento	Huaira	Couche	Fic	Cuiat nap	Vic	Llucá	Coctom	Mam
Pajaro	Pizcu	Ñaiñ	Yaibab	Yaiau	Yeya	Pichuñ	Cumeochi	Zuccill
Tierra	Allpa	Huis	Loct	Dlurūm	Durum	Pùs	Caloch	Lluspey
Animal	Llama	Col, ō Coō	Animblà	Animal	Animal	Animal	Animal	Animal
Arbol	Hacha	On	Nusuchu	Arbol	Chiquasam	Vrù	Mixs	Mees=ñoup
Tronco	Hachap-Chaquin	Pup	Fucù	Tucurām	Tuccicàs	Much-cusga	Sangoch	Sangoch
Rama	Cacila	Mēchen	Rama	Yabitiram	Yabique	Vrù sagars	Mixnul	Puchup
Flor	Siza	Flor	Florac	Flor	Alhiaca	Chuchù	Chuccham	Ñunap
Fruto	Mallquip-rurun	Fruto	Fruto	Fruto	Casecham	Huatohù	Llagna	Quenisu
Yerva	Yuyñ	Pey	Unnidcol	Aguacol	Taguacol	Paihaĕ	Quiac	Pullo
Agua	Yacu	Lā, o Gā	Turù	Yup	Yup	Con	Cachi	Quot
Mar	Mama-cocha	Ni	Roro	Amum	Amaun	Quida	Lapomcachi	Socotlol
Rio	Mayu	Nech	Tujut	Yup	Turuyup	Vram	Ceellutcachi	Quot=ysoquot
Olas	Pocchin	Olas	Caph	Llamas	Olas	Cànpulcasù	Omum	Yqizsimam
Lluvia	Para	Oō	Pirir	Nuō	Guayaquinum	Cau	Laamchus	Lusiac
Pez, ō Pescado	Challhua	Hiac	Jum	Llas	Llas	Challuà	Cazop	Asua

Рисунок 7. Список 43 испанских слов, переведённых на 8 языков побережья, сьерры и монтаньи в епископстве Трухильо, Перу ("Кодекс Трухильо, 1789"). Язык Гуамачуко называется в этом списке «кульи».

Катекиль.

Катекиль, как говорили индейцы, метал молнии и громы своей пращей (San Pedro 1992: 175), т.е. это бог похожий на Ильапу инков или его аналога в Центральной Сьерре — Либиака (следует заметить, что в Вамачуко не знали ни Ильапы, ни Либиака). Его храм был широко известен, но у хронистов не было единого мнения о его расположении. «*Хроника августинцев*» говорит, что он находился в месте Сан Хосе Поркон, расположенном в 4 лигах от селения Вамачуко, столицы провинции, и описывает святилище как группу из трёх скал — Апо Катекиль, Мама Катекиль (т.е. Кауптагуан) и Пикерао, с группой культовых сооружений, у их подножия, а намного ниже находилось селение, чьи жители совершали все необходимые службы для храма (San Pedro 1992: 176). Ариага полагал, что храм находился в провинции Кончукос, замечая в то же время, что прежде он находился в Вамачуко, но этот первоначальный храм был разрушен Инкой Васкаром (Arriaga 1968: 203). Каланча, следуя за Арриагой, настаивал, что Инка Вайна Капак выбросил Катекиля (Calancha 1638: 472). Хуан де Бетансос и Сармьенто де Гамбоа, как до них Сан Педро, писали, что тем, кто разрушил идола и храм, был Атавальпа (Betanzos 1996: 231–232; Topic 1992: 64–66). Наиболее вероятная версия именно августинцев, писавших ранее других. Атавальпа как раз тот человек, который мог разрушить ваку, столь почитаемую его братом или отцом, и он был в рассержен на Пачакамака,

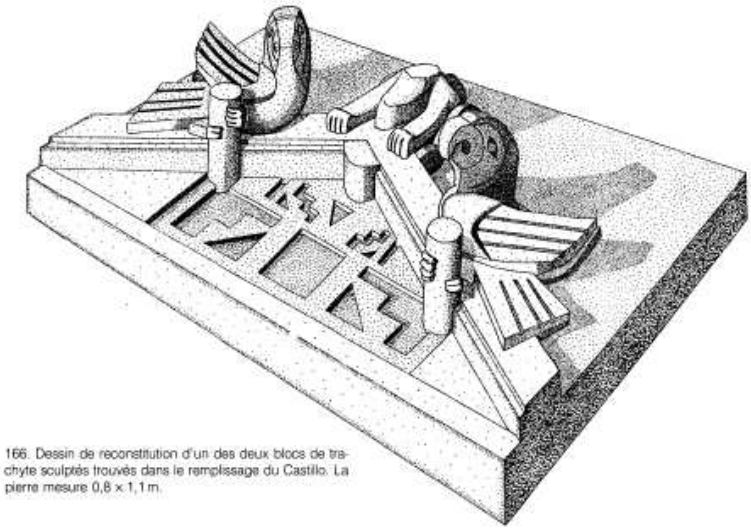
[448] Topic, John R. El Izamiento del gallardete en Huamachuco. 1994 (http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/index.html).

по причине ошибочного прогноза оракула (Torero 1980: 147). В тоже время Вайна Капак проявлял большое уважение к локальным вакам, но также известно, что он тоже разрушил несколько вак (Torero 1980: 154). Учитывая популярность Катекиля, можно предположить, что его храм находился не только в Вамачуко, но и в Кончукос.

Как написал автор «*Хроники*», Катекиль был главным персонажем в вамачукской мифологии, и его можно квалифицировать как динамическое начало пантеона, а Атагуху — удалённый творец, но его сила иногда могла быть опасной и разрушительной. Это близко к описаниям прибрежного бога Пачакамака, но сам хронист описал обряд поклонения Атагуху, когда на главных дворах, в ямы «*вбивали несколько брёвен… и посредине клали брус и обматывали его соломой… и убивали койя и приносили в жертву Атагуху кровь…*» Также, его почитали, «*сжигая коку*» (San Pedro 1992; 162–164; Topic 1992: 54). Символически этот ритуал свидетельствует о сельскохозяйственном культе Атагуху. Кроме того, у Увигуайчо и у Уристики, «слуг» Атагуху, молились о том, чтобы они попросили Атагуху, дабы не опадало зерно на маисовых полях (San Pedro 1992; 164).

О других богах.

Согласно Мильонеса, в Вамачуко не знали ни Инти, ни Кильа, ни Виракочи (Millones 1992: 118). Хотя, строго говоря, это не так, поскольку персонажи, очень похожие на них по своим функциям, там были (более подробно о горных богах см.: Rostworowski 1983: 27). Хронист указывает, что в Вамачуко почитали Луну (название использовано из языка кечуа — Кильа). Похоже, что речь идёт о учреждённом инками культе в провинции, но это сомнительно, так как в Вамачуко почитали Плеяды, звёзды вечерней и утренней зари — все эти культы были общими для андского региона, так же как бог молний и грома. Также в Вамачуко было две ваки, связанных с рождающимся солнцем — Аганьямок и Йаганьумак. Их можно квалифицировать, как местных представителей солнечного имперского культа, но их не кечуанские имена свидетельствуют о том, что некая разновидность солнечного культа существовала в Вамачуко ещё до инков, но всё же этот культ не был таким важным, как для других кечуа.



166. Dessin de reconstitution d'un des deux blocs de trachyte sculptés trouvés dans le remplissage du Castillo. La pierre mesure 0,8 × 1,1 m.

Рисунок 8. Скульптуры из Вамачуко.

Из других местных богов можно назвать Землю (это характерный культ всех Анд) — Сан Педро называет её Пачамама или Чукомама — богиню Гуагалмохон, покровительницу женского плодородия и «прародительницу» вамачукских индейцев; Йанагуанки[449] и Шулькагуака[450] (два заснеженных пика, «помощников» на войне, каким также был Атагуху); многие ваки, даровавшие воду, покровительствовали скоту, ткачам; дававшие соль, коку, маис, дожди, защищали от болезней; культ лисиц (хорошо известен в других краях, например, в Альтиплано, на северном побережье); культ гуачеконов (в других регионах их называли ванки [huancas]) — крупных камней, защитников селений, их полей и т.п.; и множество домашних вак (богатства, здоровья, хранителей домов). Из всего этого видно, что вамачукская религия имела

[449] Yanahuanca.
[450] Хулькавака — Julcahuaca.

сельскохозяйственный характер, направленный на сохранение ритма и чередования сельскохозяйственных работ (González 1992: 34)[451].

Топография основных вак Вамачуко.

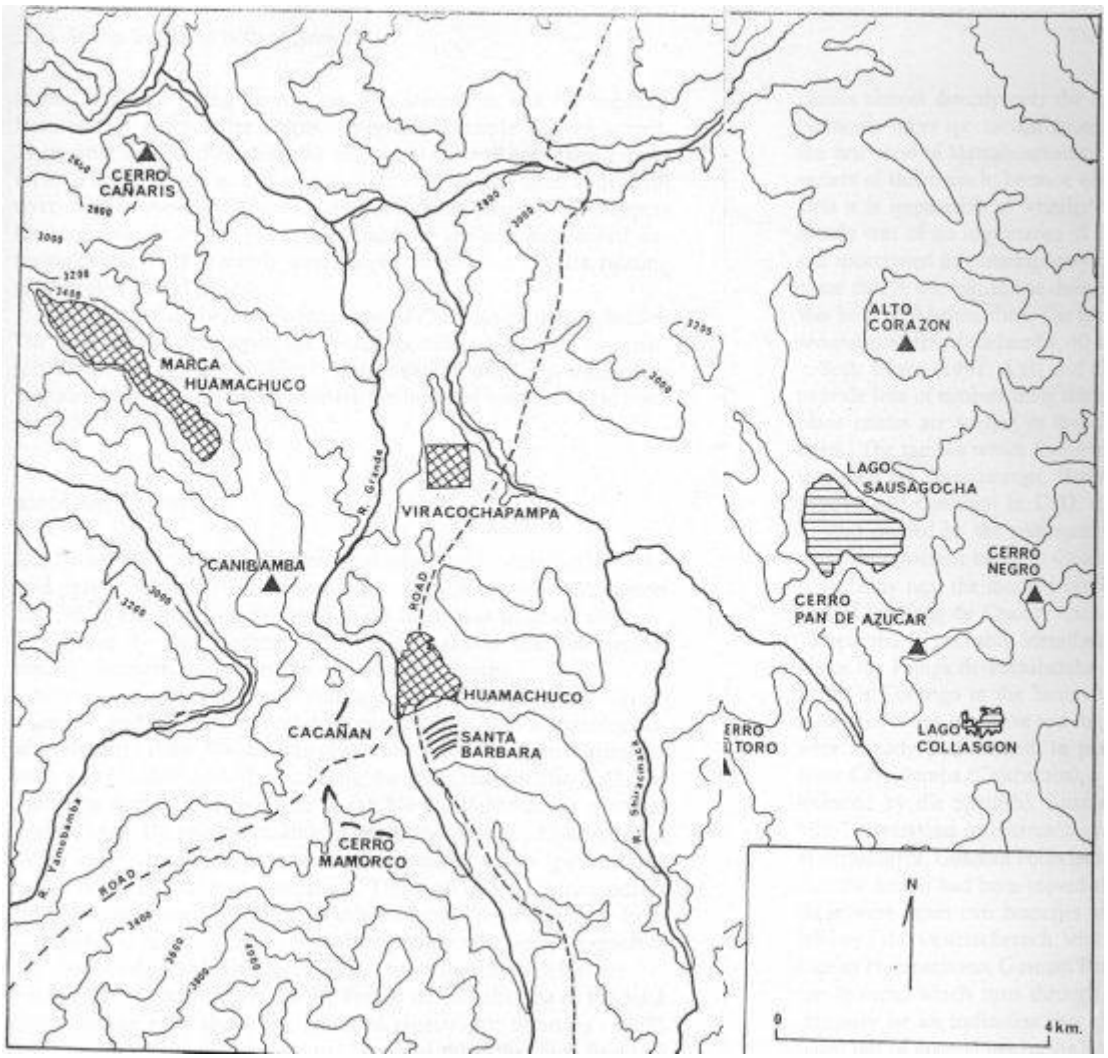
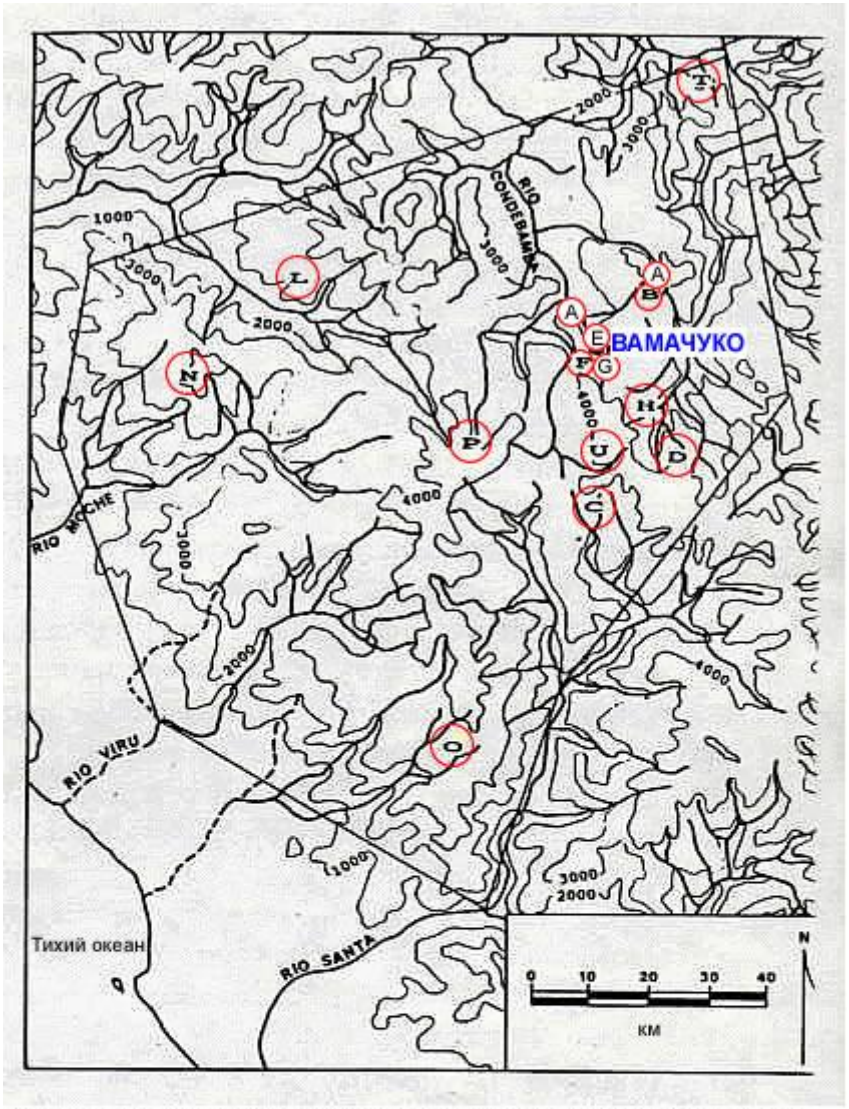


Рисунок 9. География и археология Вамачуко.

После перечисления девяти главных вак, доклад предоставляет нам описания разнообразия вак и религиозных практик. Здесь автор рукописи следует определённой логике; по меньшей мере, он перечисляет то, что можно назвать идолами, сначала как группу, затем занимается животными, потом — небесными телами, неотделимыми от религиозных практик и, наконец, частными идолами или фетишами. Только категория идолов — но не все входящие в неё — можно полагать, содержит некоторые пространственные связи с местностью. Августинцы привели список двадцати идолов или групп идолов и их можно идентифицировать в виде букв от A до U (см. также карту):

[451] Rakutz, Nikolay. La política religiosa de los incas: el ejemplo de la provincia de Huamachuco. — http://www.naya.org.ar/congreso2002/ponencias/nick_rakutz.htm



Карта, показывающая расположение Вак возле Вамачуко (Гуамачуко):

A – Льайхен (Llaygen)
B – Каури (Cauri)
C – Гуальио(Guallio)
D – Коакилька (Coaquilca)
E – Касипома (Casiapoma)
F – Гуамансири (Guamansiri)
G – Топа Льимильай (Topa Llimillay)
H – Мунигиндо (Muniguindo)
L – Гуачекоал (Guachecoal)
N – Усорпильао (Uzorpillao)
O – Акучуакке (Acuchuacque)
P – Янагуанка и Шулька Вака (Yanaguanca y Xulca Huaca)
Q – Майльа (Maylla)
T – Льага (Llaga)
U – Гуаканкоча (Guacancocha)

Рисунок 10. Карта расположения вак Вамачуко, связанных с топографическими объектами.

Перечисленные автором идолы собраны по некоему принципу, скорее всего по ассоциативному; они упорядочены не по концептуальным андским категориям, и не по порядку обнаружения и разрушения идолов, и не по географическому месторасположению.

Интересно всё же проследить соответствие вак современным топонимам, что позволит локализовать ваки:

A — Льайген (Llayguen)
B — Каури (Cauri)
C — Гуальио(Guallio)
D — Коакилька (Coaquilca)
E — Касипома (Casiapoma)
F — Гуамансири (Guamansiri)
G — Топа Льимильай (Topa Llimillay)
H — Мунигиндо (Muniguindo)
L — Гуачекоал (Guachecoal)
N — Усорпильао (Uzorpillao)
O — Акучуакке (Acuchuacque)
P — Йанагуанка и Шулька Вака (Yanaguanca y Xulca Huaca)
Q — Майльа (Maylla)
T — Льага (Llaga)
U — Гуаканкоча (Guacancocha)

A. Льайген (*Laiguen)*: Тоже что и Илайген, последняя из девяти главных вак. Возможно, что автор намеревался раздобыть больше сведений о главных ваках (см. пункты D и E) и, просто начинает с последней из сообщенных главных вак. Льайган — это современное название ущелья и озера.

B. Каури (*Cauri)*: Как и Илайген, Каври описана в рукописи как пещера. Топоним Каури — это пик поблизости от Илайгена. Возможно, по этой причине он следует в списке за ним.

C. Гуальио или Гуайлио (*Guallio или guaylio)*. Эта вака идентифицирована с холмом, носящим название Вайльо [Huayllo] (Horkheimer 1944). Эта вака была особенно важна для ткачей, и Инка разместил в этом районе группу ткачей и пастухов митимаев (Espinoza 1970). Гуайльио описана как пещера и потому, возможно, следует продолжение после Льайген и Каури; возможно, что здесь имеет место мысленная ассоциация автора между словами "guallio" и "huayra" (на кечуа — «ветер») по причине сильного ветра, исходящего из Каури.

D. Каогилька (*Caoguilca)*: Здесь автор возвращается к своему плану изложения главных вак. Согласно выше изложенной гипотетической связи (Llayguen=Lluicho, Caoquilca=Andamarca), представляется интересным, что автор вновь упоминает обе ваки следующих одна за другой. Сейчас пик и ущелье носят названия Каокилька (Caoquilca).

E. Касиапома (*Casiapoma)*: Несомненно, это второй вариант названия Касипома, одной из главных вак. Очевидно, она была расположена в городе Вамачуко, и была почитаема Вайна Капаком.

F. Куамансири (*Cuamansiri)*: Эта вака также располагалась в поселении Вамачуко; она пряталась в стене за церковью, но на линии с главным алтарём. Поскольку августинцы заняли инкские сооружения, *гуамансири* могло быть объектом поклонения для инкской элиты, в том же виде, что *касипома*. Куамансири также может быть одним из вариантов произношения *Гуамансури*, замечательного героя в мифе о сотворении, где он появляется в качестве отца Катекиля и может быть связан, иным образом, с гуаракаинком и гуанакатекилем (guaracaync и guanacatequil), двумя главными ваками, также связанными с мифом о сотворении.

G. Топа Льимильай (*Topa llimillay)*: Неизвестно то место, где была обнаружена эта вака, но возможно, что она также была в Вамачуко. Она была принесена в Вамачуко инкской элитой, митимаями, происходившими из Куско. Альборнос (Duviols 1967: 27) упоминает, что Льимильай был одной из наиболее важных вак «индейцев из Канко, в упомянутой долине (Xaquixaguana)». Несомненно, речь идёт частично о той ваке или об одном из её сыновей, принесённых в Вамачуко.

H. Минигиндо, Йамагуанка и Йамогунка (*Muniguindo, yamaguanca, yamoguanca)*: Автор доклада упоминает, что Топа Льимильай был одной из первых вак, обнаруженных августинцами. И добавляет, что в тоже время были обнаружены эти три ваки. Поэтому, явно, нам предлагается связующая линия этой группы идолов. В целом, понятно, что Мунигиндо не располагалась в том же месте, что и две других. И она была идентифицирована с пиком, имеющим сейчас это же название. Йамагуанка и Йамогунка упоминаются довольно путаным образом; предположительно речь идёт о тех же идолах, что упоминаются дальше, в пункте P. Всё же, легко можно обнаружить, что связь, образовавшуюся в сознании автора между этими тремя ваками, благодаря тому, что все они связаны с войной.

|В этом месте повествование автора, похоже, резко меняется при составлении списка. С утверждением «для каждой вещи, как в отдельности, так и в целом, у них был свой идол» начинается поверхностное, блуждающее и краткое перечисление обнаруженных и разрушенных вак. Возможно, не случайно, что этот поворот происходит почти в середине рукописи. Поскольку доклад служил скорее как вспомогательный справочник для августинцев в Перу, то он не претендовал, в роли первой инстанции, на собрание этнографических данных об андских религиозных практиках. В действительности, сообщение о ваках намеревалось показать только природу языческих практик в Перу, тяготы и трудности, встающие перед теми, что взял на себя бремя христианизации этих земель. Автор стремиться выполнить перечисление вак не вдаваясь во все подробности, но он всё же проявляет интерес, и временами это доходит до невинного восхищения от уже написанного.|

I. Киспегуанайай (*Quispeguanayay)*: Она описана как сын Катекиля, которому оказывали почтение в течение трёх лет. Это был, возможно, хрусталь (на кечуа "quispe" это хрусталь), свойство которого разбивать свет на составные цвета наводило на ассоциацию с чернилами и красками. Упоминается, что Киспегуанайай оказывали почтение, когда мастера-ткачи ("cumbicos") собирались ткать одежды для выплаты подати; потому эта вака может быть ассоциирована, косвенно, с Инкой (см. пункты J и K). Разумеется, что не существует никакой связи с географическим объектом, ведь речь шла об очень маленьком и легко переносимом объекте.

J. Шулька Манко (*Xulca manco)*: Эта вака представлена как медальон, показывающий мужчину с двумя собаками по бокам. Говорится, что он был капитаном Вайна Капака и что это имя (точнее, шулькаманко), в том же документе ранее, приписывается жрецу бога Атагуху. Описание медальона содержит распространённый мотив (от Кальехон-де-Вайлас по всей территории Вамачуко), высеченный на каменных плитах Среднего Раннего Периода и он может быть локализован на одной из стен археологического памятника этого периода.

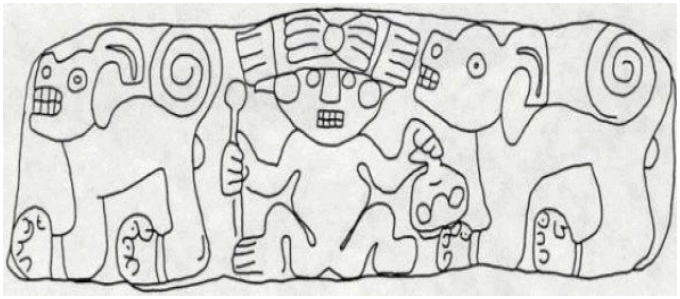


Рисунок 11. Мотив Инка и две собаки.

K. Магакти (*Magacti)*: Вновь происхождение этой ваки приписывается Вайна Капаку. Она описывается как два кувшина для воды, но обнаружены были только основания, предназначенные для этих кувшинов. Эта вака не была «локализована», но возможная идентификация с археологическим место на горе Амару, возможно, ещё нуждается в последующей проверке.

L. Куачекоал (Cuachecoal): Слово "culle", похоже, предназначено для типа вак, которые на кечуа называются ванка (huanca). Ванки были каменными монолитами, служившими хранителями каждой территории. Августинцы обнаружили и уничтожили их более трёхсот.

M. Тантакоро, Гуараскайде, Гуагальмохон и их десять детей (*Tantacoro, guarasqayde, guagalmojon)*: Речь идёт об очень важной группе вак. Тантакоро был оракулом и, возможно, фаллическим символом плодородия. Хотя форма ваки не описывается, связь с тем фактом, что индейцы могли расти, как растут люди и что они не могли вырасти больше чем «полторы пяди», а это как раз размер и высота ваки, то вспоминается описание Касипомы (см. пункт E). Название Тантакоро использовано ранее в рукописи для указания на сына Катекиля, но не ясно, одна ли это вак или две с тем же именем. Гуагальмохон была, очевидно, богиней, связанной с плодородием. Другие ваки этой группы отдельно не описаны. Неизвестно и размещение этой группы вак, но она могла располагаться возле горы Урпильао (см. пункт N). Могровехо (Mogrovejo 1920 [1593?]: 251) упоминает место под названием Гуалгалчуал [Gualgalchúal] в этом крае: если "chual" это вариант произношения «coal», как в Гуачекоал, тогда она может быть соотнесена с каменным монолитом, служащим в качестве рубежа или пограничного столба.

N. Усорпильао (*Uzorpillao)*: Предположительно, это та же вака, что и Ульпильо, одна из девяти основных вак. Находилась возле горы Урпильао.

O. Акучуакке (*Acuchuacque)*: Название этой ваки затёрто в рукописи, так что орфография и точное произношение не ясны. Наиболее близкий этому названию топоним, похоже, возвышенность, называемая Акке, где размещены протяженные руины (Savoy 1970: 41–42), архитектонически связанные с руинами Марка Вамачуко.

P. Йанагуанка и Шулькагуака (*Yanaguanca u xulcaguaca)*: Автор, возможно, называет Йанаванка и Шулькаванка две выделяющихся вулканических ущелья, расположенных вдоль континентального склона. Они более детальнее сверены ранее (см. пункт H).

Q. Майльар (*Mayllar)*: Похоже, эта вака находилась поблизости от Вамачуко, в месте, ныне называемом Мальан, на северном склоне плато Марка Вамачуко.

R. Павкар (*Paucar)*: По форме эта вака похожа на попугая. Предположительно, она напоминала о месте, где попугай, превращённый в божество, ушёл под землю на виду у людей. В этом месте они построили здание и воспроизвели превращенного попугая в идоле. Очевидно, потому что Павкар физически ассоциировался с местом, видимым из Вамачуко.

S. Кондор и его сын (Cóndor y su hijo): Тела этих полководцев Инков были сохранены в стогах маиса. Кондор (или его сын) умер в 1517 году, и его тело было обнаружено в 1560 году. Эти тела могли быть спрятаны в «*колька*», оформленного в виде кукурузного склада на горе Санта Барбара, откуда визуально виден Вамачуко.

T. Льага (*Llaga)*: Это было селение или идол с тем же названием, ориентировочно, поблизости нынешнего селения Льага, на левом берегу Мараньона (Martínez Compañón 1978 ¿1789?: Tomo l, Carta topográfica de la Provincia de Huamachuco...). В этом месте было много идолов, а также оленьих рогов. Эта вака, кажется, имела значение схожее с Помакама и Номадой.

U. Гуаканкоча (*Guacancocha)*: Это также было место с большим количеством вак; фактически, более сотни. Возможно, она находилась возле современного озера Вангагоча. В этом месте своей хроники, автор возвращается к рассказу одного из вариантов мифа о Змее (Амару), а затем нацеливает своё повествование на изучение лисиц, небесных тел и т.п.

ТЕКСТ:

Доклад о религии и обрядах Перу, составленный первыми священниками Августинцами, направившимися туда для обращение местных жителей в христианство [1560].

|*рукопись взята из LXXXVII тома Собрания дона Хуана Баутисты Муньоса*|

[5]

Иисусе:

Сия|тельне|йший С|еньо|р:

Самые главные дела, о которых мудрец спрашивает у тех, кто должен править, таковы: выслушивать и разуметь дела, audiens sapiens, sapientior erit

et gubernacula possidebit[452]: что так хорошо видно, глядя на В|аше| П|реподобие|; отчего я думаю и считаю несомненным, что сподобившись сего бремени, будешь избран Святым Духом, с таким же усердием я желаю и намериваюсь узнать о вещах, делах, обычаях и обо всем том, что в тех столь далеких землях |имеется|; полагаю, что сам Дух Святой озарит В|аше| П|реподобие|, поскольку каждый раз, как я слышу о той земле, меня поражает, что, будучи землями столь удаленными и столь различными по климату и погоде, столь различные в обычаях, и каждая со своим говором, как если бы и прошел их (вдоль и поперек), что в действительности я и сделал, истратив столько времени, обходя и проходя ту землю, так что не смог бы говорить о **[6]** делах столь досконально; и потому я считаю это даром Божьим, и большую надежду имею, что Господь своим милосердием уж одарит каким-нибудь порядком землю столь беспокойную: да не будет Господу недостатка в тех, кто бы управлял ею, и да не заслепит алчность разум. И, когда я увидел, что В|аше| П|реподобие|, помимо прочих желанных дел, заботилось о том, чтобы было чем заняться священникам Ордена Отца Нашего Святого Августина в королевствах Перу, то решил предоставить какой-нибудь отчет об этом, о том, что мне удалось разузнать, и чего не могли написать |другие|, поскольку находятся там, вдалеке; да возрадуется Господь, что, возвращаясь туда, я предоставлю более подробный доклад В|ашему| П|реподобию|. И прошу милосердия В.П. да восполнит мои ошибки, какие эта дерзость было от превеликого удовольствия, какое я должен видеть и разуметь усердие с каким В.П. ведет дела и потому все это я намереваюсь привести к разумному соответствию и представить на |Ваш| суд, следуя во всем за Господом.

В году 1550 от Р.Х., в январе месяце, Вел|икий| Император, Наш Господин, приказал Отцу монаху Франсиско Серрано, который тогда был Главой провинциального ордена |Провинциалом|[453], и у которого уже были монахи вышеназванного Ордена в Новой Испании, и также одобрили решение послать священников в провинции Перу, ведь там в них очень нуждались, и потому тот Отец Провинциал выбрал двенадцать священников, мужей весьма угодных Богу, и послал их в Севилью, чтобы они отплыли с тем флотом. А священниками были следующие монахи: Андрес де Саласар, Иеронимо Мелендес, Антонио Лосано, Хуан де Сант Педро, Диего Паломино, Андрес де Ортега, Педро де Сепеда, Бальтасар Мельгарехо, Хуан дель Канто, Хуан Чаморро, Франсиско де Фриас, Хуан Рамирес, которым, во время пребывания в Севилье, в ожидании отплытия, он написал письмо со следующей инструкцией:

[7]

«Достопочтенный Отче и отцы мои:

[452] Точнее, "Audiens sapiens sapientior erit et intellegens gubernacula possidebit", что в современной трактовке значит «Внимательный человек, не взирая на мудрость, будет мудрее и понятливее, если овладеет умением управлять собой».
[453] В дальнейшем будет использоваться эта форма, ввиду своей краткости.

Милость Святого Духа да будет вам всегда защитой и да ведет и сохранит вас на пути к спасению, чтобы достойно вы служили ему в деле, для которого он вас избрал. Я попросил Главу провинции Ордена в Мехико чтобы он соизволил взять на себя этот труд отправиться в Севилью, дабы он наставил вас в вашем путешествии, и он для меня сделал |такую| милость и вашим преподобиям это доброе дело посчитал за благо; поэтому во всем да поступаете вы так, как он накажет до вашего отправления.

Способ, какой у вас будет для того, чтобы поставить над собой старшего, |состоит в следующем|: собраться в день, когда Главе Провинции Ордена покажется удобным и когда произнесут мессу Святому Духу, и после того собраться в определенном месте двум избранным любознательным особам с Отцом Провинции Мехико, который будет там присутствовать, чтобы избрать согласно канона Приора, и его, избранного и назначенного таким образом, я конфирмую[454] как Вашего Прелата, in nomine Patris et Filii et Spiritu Sancti, Amen[455]. И сему избранному я приказываю в честь святого послушания, чтобы он принял затем этот |сан| и считался, как таковой, Прелатом, и повелевал во всём, что касается наших положений и образа жизни; и этот, как таковой, да будет всегда Приором и Прелатом всех ваших преподобий[456] в тех краях Перу, до тех пор пока не придут священники, которые должны прибыть из Мехико. А когда они приедут, собраться всем вместе в городе или селении, какое покажется вам наиболее подходящим, и, произнеся мессу Святому Духу и соблюдая порядок и согласованность, как требуют того наши положения, чтобы вы избрали одного из состава того собрания; и того выбранного назвали бы Главой провинции Ордена вышеизложенным способом, и его занятием будет то же, что исполняет и Провинциал в этой провинции Кастилия и этот ***[8]*** *способ будет соблюдаться отныне и в дальнейшем во все последующие трёхлетия. Собравшись в |тот же| день, когда в этих краях собираемся мы, и вы |тоже| выберите своего Прелата и Провинциала вышеизложенным способом, который пусть примет управление теми краями и пусть правит не колеблясь, и таковой да будет подчинен Провинциалам этих краёв.*

Хочу, отцы мои, предложить вам и заодно приказать, чтобы вы избегали вводить новшества, а заботились только о том, чтобы насаждать устав и образ жизни нашего ордена, потому что если вы пожелаете сделать что-либо другое, он ослабеет. И не пренебрегайте каким-либо усердием или набожностью, какие обычно водятся у некоторых; но блюдите свои законы да с должным тщанием, и всегда уважайте предстоящие времена, столь переменчивые, что вы воочию можете видеть: ведь когда апостолы начали проповедовать Евангелие, за недолгое время изменилось многое из того, что они учредили, и это при них-то, а потому пусть у вас будет то же, что и в этой провинции.

---

[454] Т.е. утвердит в должности.
[455] Во имя Отца и Сын и Святого Духа, Аминь.
[456] Во множественном числе в тексте всегда идут с прописной буквы.

Я хочу, мои дражайшие отцы, напоследок в письме этом посоветовать вам то, что посоветовал Иисус Христос, Господь наш, при смерти своим любимым ученикам: чтобы был мир и согласие, и чтобы его вы старались сохранить с наибольшим прилежанием и заботой: да пребудет всегда, мои любимые отцы, пред вашими очами дело столь угодное Богу, которому вы начнете служить, и чтобы дьявол, враг наш, вынужден был прилагать усилия, чтобы помешать вам; следите за тем, чтобы не оказать ему поддержки, сопротивляйтесь ему, и если кто-либо не воспротивится ему, vos qui spirituales estis instruite illum in spiritu lenitatis[457].

Еще одно, отцы мои, хочу вам предложить: чтобы бежали вы **[9]** *славы, а лишь проповедовали Евангелие: заботьтесь о дружелюбии ко всем; слушайтесь губернаторов и епископов, и милы будьте со всеми в общении, особами духовными и усердными и милосердными к жителям тех краёв. Молю Господа Нашего, да будет он вам защитой и да окажет вам благоволение, дабы всегда вы творили его святую волю, и чтобы я всегда слышал весьма добрые вести о ваших преподобиях; и просите его, чтобы он смилостивился надо мной, дабы я всегда служил ему и представил ему хороший отчет о том, что он мне поручил, чего я намереваюсь достичь вашими молитвами. И считайте несомненным, что во всем том, что я могу, я поддержу вас и сейчас и любое время; и прошу вас, будьте всегда готовы писать мне, дабы я знал, что у вас все в порядке; и приказываю вам, чтобы хранили вы это письмо для того, чтобы видели из него, что нужно блюсти и чему следовать.*

Из этого монастыря в Медина-дель-Кампо, 14 апреля 1550 года.

Младший брат ваших преподобий.
Монах Франсиско Серрано, Провинциал.»

В конце месяца, когда прибыло это письмо, а было то в мае, прибыл в Севилью Отец, Глава провинции ордена в Мехико, монах Педро де Сан Роман, они выбрали себе старшего, им стал отец монах Андрес де Саласар, муж апостольский и христианнейший, и сели на корабль. И в море они испытали большие трудности, поскольку тот флот |вынужден был| задержаться, и они плыли, недостаточно обеспеченные всем необходимым, как люди непривычные к морю и особы, больше обеспокоенные духовной |пищей|. Наконец, они прибыли в Панаму в июне того года, где пробыли три месяца, и сели на корабль в Южном море |Тихий океан|, и оттуда |одни| через два месяца прибыли в порт Пакасмайо |ныне: Пакасмайу|, а другие — в Пайту. И пешком они прошли, **[10]** испытывая невероятные трудности, по пустыням. В это время проходил по той дороге сиятельнейший Вице-король дон Антонио де Мендоса, с которым был достопочтенный отец монах Хуан

[457] Полная фраза: «Si preoccupatus fuerit homo in aliquo delicto, vos qui spirituales estis instruite huismodi in spiritu lenitatis, considerans teipsum ne et tu tempteris.», что значит: «Если кого настигнет какой-либо порок, ты, праведник, наставь такого в духе кротости (смирения), не забывая и о себе, дабы не быть соблазненному».

Эстасио, из того же Ордена, его исповедник, и шёл он также, чтобы помочь отцам-|священникам|. И так прибыли они все в Город Королей |Лиму|, под Великий пост, и там они задумали построить дом |церковь|, и потому им выделили земельный участок, а то |как раз| был сад, где они поставили монастырь Отца Нашего Святого Августина в Городе Королей. Все они прибыли здоровыми и никто не умер в дороге, и, заполучив место и дом, они созвали капитул в том Городе Королей 19 сентября 1551 года, и первым Главой Провинции Ордена был избран монах Хуан Эстасио. А затем они занялись вопросами, ради которых приехали; и отправились отец монах Педро де Сепеда и другой священник в провинцию Гуарочири |Варочири|, что в 18 лигах от города Королей, в край очень суровый и холодный, где они пробыли недолго, потому что в это время шел с войском тиран Франсиско Эрнандес Хирон в Пачачака. И как только монахи узнали об этом, они покинули репартимьенто, чтобы тиран не заставил их идти в свой лагерь, и они вернулись в Город Королей, откуда выступил отряд нашего владыки Короля до |самого| Сурко [Surco]. И Франсиско Эрнандес разместился в ваке Пачачака, и оттуда Орден послал отца монаха Педро де Сепеда и монаха Бальтасара де Мергарехо, чтобы они пришли в лагерь Его Величества для наставления и исповеди. Отец Мельгарехо[458] был наиболее известным наставником |в делах веры| из имевшихся в той земле, и он воодушевил тех, кто был в стане Короля **[11]** да так, что это дошло до слуха тирана, и он написал ему письмо, которое видел весь лагерь, в нём говорилось следующее:

«Сиятельнейший и Достопочтеннейший Сеньор

Узнал я, что ваше преподобие учиняет мне войну куда более серьёзную своею речью, чем все солдаты своим оружием, и меня ужасает, ваше преподобие, что не помятую о нашей дружбе, и не принимая во внимание моё доброе намерение, и то, что всё, на что я претендую — это служение Господу, ваше преподобие будто бы мне столь враждебно: я получу милость, чтобы загладить вину в |этом| вопросе, потому что иначе, Господь подарив мне победу, принудит меня, ваше преподобие, к тому, что я не погляжу на нашу дружбу и кто вы есть, ваше преподобие, чью сиятельнейшую и достопочтенную особу я бы охранял.

Из этого моего лагеря у Пачачака[459] целует руки вашего преподобия ваш слуга. — Франсиско Эрнандес Хирон.»

В это время вышеназванный Франсиско Эрнандес отступил со своим войском и направился к Тукара, где был полностью разбит, и потому священники вернулись к своей работе и направили двух других

[458] Ранее было Мергарехо (!). Скорее всего, должно быть Мельгарехо.
[459] Это название всегда написано как Пачакама в опубликованной копии, но редакторы предпочли иное прочтение слова, согласуясь с лучшими географическими словарями. (прим. в изд. 1865 года).

|священников| в провинцию[460] Гуамачуко[461], и были то отец монах Хуан де Сан Педро и монах Хуан дель Канто, в связи с получением известия, что в той провинции было огромное количество идолов, а также и идолопоклонства и вак, которыми индейцы называют |свои| молельни, |там|, где располагаются идолы, и |что там| много **[12]** колдунов |шаманов|[462], и которая была источником, откуда якобы сочились ваки. И там они основали другой дом |церковь| на той же *пампе* [pampa] или площади Гуамачуко, где стояли огромные сооружения Инки [del Inga], а ныне — находится монастырь, в том же строении, которое там называют *тамбо* [tambo]; там |тогда| расположился Орден, так оно и поныне. Они находились |там| более года, так что индейцы, упорные в своих тайнах, не пожелали раскрыть |сведения о| ваках и пороках [maldades], поскольку в таких случаях говорят *est incertum*[463], и таким образом дьявол их обманывает. И монахи внушали им любовь добрыми делами, для них творимыми, и ласковыми словами, и милостью Господа Нашего удалось им раскрыть зло и ваки; и отсюда они узнали обо всем крае, что весьма послужило Господу. И увидев, что было ими открыто, они послали двух других важных монахов, а именно отца монаха Антонио Лосано и монаха Хуана Рамиреса, разведавших все их тайны и происхождение их ложных богов, и многие суеверия и обманы. Здесь мы расскажем о самом главном, ведь обо всем поведать невозможно, а потому расскажем о происхождении найденных главных вак, и о том, как каждой такой служили, и об их молельнях и жрецах, и *мочас* [mochas], как они их называют, ведь по-индейски «*mochar*»[464] значит «*поклоняться*»; об этой провинции в частности и о заблуждениях, какие у этих индейцев имеются, поскольку в других провинциях — иные обычаи, — все это с божьей помощью, я думаю, посетив те провинции и королевства, записать и отправить В. П., потому что здесь невозможно даже поверить во всё. И да знает В.П., что здесь я расскажу лишь о том, что в этой и в других провинциях совершили священники Ордена братьев Нашего Отца Святого Августина, и то, что я |лично| видел и обнаружил во многих из них, и обо всем этом я расскажу в общем и в деталях. Но не **[13]** о том расскажу, как другие ордена, как например, Санто Доминго и Сант Франсиско, и они потрудились не |так| изрядно и извлекли не |так| много идолов, и в проповедовании Евангелия ими сделано не |так|, как мужами апостольскими; а расскажу здесь о том, что сделано отцами нашего ордена, согласно тому, что В.П. приказало мне, и чтобы увидели, как потрудились и трудятся они, что поистине, поразительно. И потому расскажу об этой провинции Гуамачуко, которая протянулась на 130 лиг в длину и более 80 — в ширину; с одной стороны она граничит с провинцией Кахамалька [Cахamalca], с

[460] *Эта провинция поручена капитану дону Хуану де Сандоваль де Гусман, много помогшему своим рвением и поддержкой, чтобы им дал|и| и ревностно блюл|и| учение и проповедование евангелия* (Примечание на полях рукописи).
[461] Гуамачуко означает «Шляпа сокола». Испанский город Гуамачуко основан в 1554 году августинцами. В окрестностях добывается золото, серебро и уголь (прим. в изд. 1865 года).
[462] Как напишет автор этого Доклада, слово колдун будет им использовано для обозначения особого рода жрецов, которые в современной этнологии мы скорее отождествляем с шаманами. Но всё же будет оставлена форма «колдун».
[463] Res *est* misera ubi jus *est* vagum et *incertum* — плохо дело, когда закон неясен и неопределен.
[464] Испанизированная неопределённая форма глагола.

другой — с Равнинами |побережья|, с Чикаме [Chicame] и Пакасмайо [Pacasmayo]; с другой — с Кончукос [los Conchucos]. Протяженность |территории| для посещения орденом — 200 лиг, и потому сначала я поведаю о том, что разведали отцы святого Августина; что понимали индейцы о Боге, как ему поклонялись и как почитали; во-вторых о том, как отдавали указания их жрецы и об исповедях; в-третьих, об идолах и ваках — о каждой в отдельности и о некоторых травниках |знахарях|, — все это или большая часть видено |мною| лично; как говорил я уже, невозможно описать все, а только некоторые наиболее примечательные вещи.

У нас в домах было несколько янаконов [yanaconas], толмачей, особенно |проявил себя| один, которого звали Маркос, его, похоже, Господь наш озарил, и он был добрым христианином, и этот тайно поведал нам о некоторых вещах и ваках, и из-за этого мы разведали остальное |об этом|. Индейцы приказали убить его с помощью своих тайных напитков, поскольку, когда они узнают, что кто-либо из индейцев раскрывает их секреты — то они потом |такого| убивают.

Начиная расспрашивать жрецов, что они думают о Боге, которому поклоняются, они отвечали, что |поклоняются| Атагуху, создателю **[14]** всех вещей, которого считали главной первопричиной [вариант: пределом мироздания|[465], согласно своему закону, и этот, говорят, что он находится на небе и не движется оттуда, и оттуда управляет всеми вещами и их создает [cria], и говорят, что он сотворил небо и землю и управляет ими оттуда; и этот, будучи один, создал еще двух (они говорят творить или создавать |используя| это слово — *рурам* [ruram], что значит «создавать»), чтобы |всего их стало| вышло трое[466]; и у всех этих троих была единая воля и облик |явь|, и у этих не было жен и они были согласны |между собой| во всех вещах. Дьявол, т.е. как *обезьяна* [xamua] Бога[467], сказал им об этом и об этой ложной Троице. Эти двое, созданных Атагуху, звались: один — Сагадсабра[468], а второй — Ваунграбрад[469]: они сделали это и управляли всем вместе с Атагуху. Мы спрашивали у них, как они узнали о них, они же говорили, что с незапамятных времен по эту часть |времени; т.е. до нынешнего момента| их отцы узнали об этом от своих отцов и предков, и так оно переходило из уст в уста |в тексте: из рук в руки| до нынешних времен, а потом сыновьям по наследству.

Для того чтобы поклоняться этой ложной Троице и почитать ее, у них существовали большие дворы[470], и в них с одной стороны была очень

---

[465] В оригинале "al caul tenian por principal fin". Прим. В. Талаха: Предположительно, fin в теологическом значении "цель" или "причина" (получается очень философски, почти по-Канту: Бог как абсолютно необходимая причина и цель бытия). Именно августинцы, кажется, в наибольшей степени занимались теологическими вопросами, потому и можно ожидать использования соответствующего жаргона. Второй вариант «предел мироздания» менее очевиден.

[466] Как сказано в Ведении, это псевдо-Троица, вряд ли имевшая место в мировоззрении индейцев Вамачуко, как единое целое.

[467] Примечание В.Талаха: в тексте ximia, т.е., jimia, "обезьяна"; идея, что дьявол есть "обезьяна", нелепый подражатель, передразниватель Бога — общее место католической, в частности, испанской теологии XVI-XVII вв., ту же самую идею, только по поводу обрезания, использует Когольюдо в своей «Истории Юкатана».

[468] Вариант, Сагад-Сама — Sagad-Zama.

[469] Вариант, Ваунгаусад — Vaungausad.

[470] Ранее, возможно, крытые соломой огромные строения — гальпоны (см. Введение к данному тексту).

высокая стена, а внутри было несколько ям, куда втыкались столбы, чтобы устроить празднества, и посредине они клали один брус и покрывали его соломой и обвязывали его, и тот, кто должен был приносить жертву, поднимался на брус, одетый в белые одеяния, и они убивали *койя*[471] [coy] — морскую свинку — и жертвовали кровь |богу| Атагуху, и тот поедал мясо; а другие убивали овец и проливали кровь на брус, а мясо поедалось так, чтобы от него ничего не должно было остаться, и чтобы оттуда не смогли забрать ничего для |своих| дел. В стенах было много ниш для хранения останков, остававшихся от овцы или барана, и этими дворами была испещрена земля и мы разрушили **[15]** многие, и в *тамбо*[472] и |на| дорогах у них есть много ниш и многие в Перу видят их до сих пор и не знают, что это такое. Все они были уничтожены в Гуамачуко, и разобраны брусья, под которые верховный жрец проливал реки [fiurez][473] *асуа*[474], и *чичи*, и *сако* [zaco]: сако представляет из себя немного кукурузной муки, размешенной в горячей воде, и из этого они делают обычное блюдо для всех вак, и это, говорят, ест Атагуху. И в этих дворах они совершали большие празднества во время своих жертвоприношений, длившихся пять дней, и устраивали они грандиозные *таки* и песни, наряжаясь во все самое лучшее, и |тогда| происходят большие попойки, и за все то время они не перестают пить: одни падают, другие поднимаются, и так у них отмечаются несчастные празднества.

Они также почитают Атагуху другим способом, а именно сжигая коку, т.е. зелье, которое индейцы очень ценят, и они говорят, что держа ее во рту не глотая, они сильно воодушевляются и становятся *синчами* [cinches], что на |их| языке значит «храбрецы»: с помощью этой травы они совершают великие пороки и жертвоприношения, и кое-какое количество ее находится в ваках: это зелье наподобие растения сумах[475] [zumaque], имеет более широкий лист, она встречается в Андах в районе Куско, и в Чаркос [los Charcos], в Покона [Pocona]. Ведомо Господу, сколько идолопоклонств и колдовства избежали бы они, если бы не было ее, поскольку, как я позже расскажу, наиболее изысканная и потаенная манера идолопоклонства |проводится| именно с её помощью, ведь они сжигают ее и говорят, что тот дым поднимается до самого неба к Атагуху и передает ему запах; и они это делают, чтобы испросить жизнь для себя и своих детей и для **[16]** своих стад и для остальных индейцев и для того, чтобы не умирать рано: они также на этом празднестве убивают морских свинок и проливают *чичу*, и дарят *сако* и другие вещи.

Они совершают и другой способ почитания и поклонения Атагуху, а именно: обычно Касик и начальники |старейшины; знать| выходят поесть в *пампу* [pampa], или на площадь, и там пьют; но прежде чем начать пить, они

[471] Варианты: cuy, cui, kuy. Происходит от cuwi. В издании 1865 года довольно странное примечание: Кой — животное, похожее на волка.
[472] Постоялый двор.
[473] Значение слова не ясно, переведено по контексту. В изд.1865 редакторы проставили восклицание *sic*.
[474] Брага.
[475] Сумах (лат. *Rhus*) — род, объединяющий около 250 видов кустарников и небольших деревьев семейства Сумаховые (лат. *Anacardiaceae*).

проливают немного *чичи* из *макте* [*macte*][476] или сосуда из которого пьют, почитая и поклоняясь Атагуху и земле, и они проливают это в знак приветствия или восхваления, совершаемого своему Создателю, или, лучше сказать, дьяволу; и быть осведомлёнными в этом нуждаются священнослужители, и те, кто пребывает в приходах, потому что они думают, что те это делают для очищения, и в этом-то заблуждаются.

Они также совершают жертвоприношение, и мы это видели: состоящее в том, что у этого Атагуху было два слуги, прислуживавших ему: один назывался Увигайчо [Uvigaicho], а второй — Вустики [Vustiqui], — этим оказывали почтение тем, что убивая морских свинок и дарили им *сако*, и одной из форма почитания было, в ту пору, когда маис сбрасывает цветки, говорить им: «Просите Атагуху, чтобы не опало зерно в маисе, и просите его, чтобы дал мне много маиса, и детей, и овец, и всех вещей, какие мне бы потребовались». И этих они считали заступниками селения, и этим поклонялись, как у нас Святым, и эти двое служили Атагуху; а когда он создал этих двоих, он создал еще одного, называвшегося Гуамансири [Guamansiri], о котором мы непременно расскажем в дальнейшем. Необходимо, чтобы во время наполнения кукурузы[477] зерном, священник особо постарался, потому что во время этого жертвоприношения совершались великие идолопоклонства.

Прежде чем мы начнем рассказывать о происхождении идолов, было бы неплохо, уразуметь то, как дьявол обманывал этих |людей| и как он устраивал так, чтобы жрецы или колдуны общались с ним, поскольку этих несчастных и варварских |людей|, показывая им кое-какие вещи и общаясь с ними, он **[17]** обманывал, и то, что он общался и до сих пор общается с ними, дело весьма ясное, и каждый день это видели отцы-|священники|, а индейцы говорят об этом |сами|; а поскольку эти люди столь непостоянны и маловыносливы[478], и не имеют удержу в своих желаниях, и не умеют сопротивляться тому, что дьявол им внушает, от того-то он легко их и ведет туда, куда пожелает. И это самая главная трудность в наставлении тех людей, ведь хоть они под сильным принуждением просят о крещении, дьявол легко возвращает их к своим старым обрядам; и потому весьма необходимо в том краю, что раз уж какой священник хорошо это делает и подаёт пример, то чтобы их не переводили оттуда, потому что он их уже знает; в случае когда приходит другой |человек| в приход, и хоть они уже крещеные, они все равно что не христиане и вновь крестятся, так как любят |все| новое и в них мало |настоящей| веры. Так что различными способами он |дьявол| делал их своими жрецами, и я расскажу здесь только о двух или трех способах, чтобы избежать многословия.

Первый способ и наиболее распространенный: у дьявола становились и становятся священнослужителями, и *алькамu* [alcos], и жрецами, когда он видит, что есть какой-нибудь индеец, способный для его дел и наиболее

[476] Должно быть, это тоже, что у других хронистов называется *мате* или *мати*– сосуд из тыквы-горлянки.
[477] Точнее, кукурузных початков.
[478] В оригинале: «de poco susten».

любопытный, он заботится о том, чтобы они вышли в поле за дровами или в свои поля и *чакары*[479]; и когда они доходят до какого-либо озера, каковых много в том краю, тогда дьявол старается обмануть их и подбрасывает пред ними в воду сосудики-мате или кувшинчики-тыквочки, довольно изящные, и он |индеец| собирается ухватить их, а тыквочки по наущению дьявола убегают и опускаются под воду, а иногда игриво плавают по воде, настолько увлекаясь этим, что становятся наполовину глупцами, и тогда дьявол пленяет его, завладевает им и ведет его к ваке, и **[18]** держит его там 5 дней, а иных — 10 |дней|, и там он их обучает делам, касающихся его промысла, представляющего из себя некое подобие врачевания[480] для индейцев, а после того как он выходит оттуда, он приказывает ему поститься пять дней, и после поста он уже становится способным к общению с ним в любое время, когда пожелает. Пост состоит в том, чтобы не есть *ахи* |перца|, тот что в нашей Испании называют «индейский перец», вещь очень важная для индейцев, и они почти ничего не едят без него, также как и без соли. Они не должны пить *асуа* или *чичу*, это их вино из перемолотого маиса, сваренного и процеженного, и это — основная пища индейцев, и этот напиток опьяняет их, как и вино. Они не должны спать со своими женами, и если кто-либо нарушает пост, то такой не является хорошим колдуном, и |в таких случаях| является им |дьявол| ночью и говорит: «*Почему ты не служишь мне?* (и это пока индеец спит), *ведь я обогащу тебя и дам тебе то, что пожелаешь*». И таким вот образом ему служат многие индейцы, и обучает он их многим другим вещам и обманам; здесь я расскажу об одном, которое видел, когда колдун сказал, что его обучил дьявол, а именно: он заставил кровь пролиться у другого индейца или индеанки, не используя ни иглы, ни какого-либо другого предмета, не нанеся никакой раны, и другие вещи он |дьявол| заставляет их совершать, и множество |есть| вещей, поразительных и влекущих бедных индейцев и вводящие их в заблуждение.

Главный среди жрецов индеец, называющийся *Шуламанго*[481] [Xulamango], был самым старшим среди всех [mayordomo de todos], являющейся «*lavo*»[482] |?|, и знают отцы, что он |дьявол| сделал его колдуном и своим жрецом следующим способом: ночью, пока тот спал, пришел к нему дьявол в образе орла (так было два или три раза), и тот хотел поймать орла накидкой три ночи |подряд|, но, преследуя того орла, он ходил весьма опечаленным и начал думать, что же то такое было, и думая об этом **[19]** он потерял сон, и не спал, и ходил почти как глупец или сумасшедший и исхудал [flaco] от великой печали; и когда дьявол увидел его таким, пришел к нему в виде индейца и сказал ему, что орлом, явившимся ему, был он, и что поскольку он сильно полюбил его и хотел сделать для него много хорошего и

[479] Наделы.
[480] Вариант: приходского священника.
[481] Или Суламанго.
[482] Прим. 1880: Возможно, *алько*. Прим. В.Талаха: Что касается lavo, то это, несомненно описка, там было написано что-то другое. Возможно, это было cavo, в старых испанских почерках строчное "c" иногда можно перепутать с "l", то есть cabo, "начальник, руководитель", как правило, с негативным оттенком: "главарь", т.е., "Главный среди жрецов индеец, называющийся Шуламанго [Xulamango], был самым старшим среди всех [mayordomo de todos], являвшимся |их| главарем [cavo]".

послужит ему, и что сделает его очень богатым и в превеликом изобилии даст ему то, что ему нужно; а индеец обрадовался обещаниям, и принял служение, и постился, и так стал главой зловещих жрецов [los negros sacerdotes].

Иным способом также стал колдуном или их *алько*, как они говорят, или жрецом, другой индеец по имени Шулькаваман[483] [Xulcaguaman]: он |занимался тем, что| стерег овец своего отца, но однажды пришел к нему дьявол в облике индейца, и сказал ему и попросил его, чтобы он убил одного тамошнего ягненка, и чтобы они его съели, и юноша сказал ему, |что будет так|, как ему будет угодно, и тогда дьявол, взял кровь и, очевидно, отведал её, а мясо оставил; на другой день он вновь явился и сказал ему, чтобы тот убил двух |ягнят| и он сделал точно также, и так продолжалось до тех пор, пока он не убил тридцать |ягнят|. А на другой день он сказал ему, чтобы тот украл одну овцу для той же цели и оставил мясо, которое съели львята, и лисицы, и другие животные, водящиеся в том краю, а кровь взял дьявол; а когда отец юноши заметил, что стадо заметно уменьшилось, он спросил его о том, как же так вышло, на что тот ему ответил, что их съели львы, и тогда мальчик, проникшись страхом, испугался своего отца и скрылся от него; затем дьявол проник в него и тот ходил туда-сюда, творя безумства и сходя с ума; когда его увидел другой колдун, то сказал ему, что тот, с кем он говорил, был дьяволом, и что он хотел его |сделать| своим жрецом и *алько*, и чтобы он постился привычными постами и чтобы он навестил, и поклонился, и почтил идола Катекиля, о котором мы расскажем дальше, и **[20]** и отныне он стал наставником [maestro]. Такими и другими способами дьявол вводит их в заблуждения, и мы вполне удостоверились в том, что они будто дети, ему легко обмануть их, завлечь вещичками, а иногда и напугать, и примечательно то, какой сильный страх они испытывают к дьяволу, которого они называют *Супай*, а также к вакам и к идолам.

Прежде чем мы расскажем по отдельности об извлеченных и разрушенных идолах, необходимо понять, что эти ваки, и идолы, и предметы, которые они почитают и поклоняются им, |одни| являются камнями, изваянными в виде индейцев, другие — из дерева, или предметами, какие не похожи на их взгляд на любые другие |т.е. особенные|. Как велико неведение их, раз дьявол держит их в своей власти, ведь что ему вздумается, то он и заставлял их почитать в качестве Бога! И привычным у них было, когда они хотели совершить поклонение или почитание, сделать подушку, хорошо отделанную, многоцветную и весьма искусную, а для вак, не являвшихся особо главными, они не делали таких узорочий |столь изысканными|, а делали корзинку из хорошо очищенных |белых?| прутьев, и оплетали ее шерстью, и была она снизу широкой, а в верху узкая, и была она 4 или 5 пядей в высоту, иногда больше, иногда меньше, и в узком месте они делали решётку [red], не выступавшую наружу, а остававшуюся внутри некоего углубления, чтобы ставить ваку, и эту корзинку наряжали, как человека, в

[483] Сулькаваман.

очень красивые и роскошные рубашки из *кумби* [cumbi][484], т. е. тканей, изготавливаемых ими из шерсти местных овец, со своими накидками и *льяутами*, являющимися весьма роскошными *украшениями из коз*[485], с золотым шитьем и кусочками золота и серебра и с разнообразными, изысканными перьями; они надевали на них свои камзолы |или полукафтаны|, наполненные *кокой*, и клали им *вараки* или пращи для метания |снарядов| **[21]**, а некоторые были наряжены в головные уборы из серебра или меди, и щиты, и многие другие вещи. И сюда приходил дьявол и размещался в той наряженной корзинке и там он говорил наедине с колдунами. Когда колдун должен был войти для общения в ваку, то место было у них хорошенько убрано слугами ваки, они накидывали разноцветную и большую, как платок, накидку, чтобы народ не видел колдуна в тот момент, когда он говорил с вакой, а когда он общался с ней, вака быстро отвечала, чтобы народ слышал это, и то, что он просил и хотел дать: некоторые говорят, что по большей части дьявол не отвечал, а колдун имитировал голос, но индейцы также утверждают, что дьявол-таки отвечал, и что то истинная правда. Услышав ответ и лживый оракул, часто и почти всегда лгавший, они устраивали большие празднества, убивали морских свинок и овец, а кровь даровали ваке; и потому почти вся одежда, извлеченная из вак, а ее много было сожжено |нами|, была вся запятнана и пропитана кровью. После принесения крови, по-своему готовили то мясо и все ели |его|; а колдун, чтобы принести жертву, должен уйти поститься: три дня не должен есть соль и перец, не спать со своей женой. После того, как они поели, колдун жертвовал ваке *асуа* или *чичу*, после чего они там устраивали крупные попойки и *таки*, т. е. песни в честь ваки, проливали много *чичи* или *асуа* и дарили ваке *сако*. Я уже говорил ранее, что такое *сако*; а для того, чтобы сделать *чичу* и *сако*, и чтобы сторожить и наряжать ваку, у них были свои слуги, и служанки, и управители, и пастухи, для стад ваки, и для других необходимых для жертвоприношения вещей. Колдуны одевались в рубахи из перьев с множеством золотых и серебряных пластинок и в большие короны из **[22]** расходящихся кругом крупных перьев, и в другие одеяния, о которых мы расскажем в дальнейшем.

Так как дьявол, творец лжи и небылиц, всегда, с самого начала намеревался обмануть пустыми словами всяких замеченных невежд, так и этих людей, дабы привести их ко лжи своей, измыслил он тысячи сказок, чтобы они поклонились тому, что он задумал, как сие будет хорошо видно из дальнейшего рассказа. Ранее мы упоминали о том, что когда Атагуху создал своих слуг Сугад-кабра и Усиос-габрада, а с ними заодно и Гуамансури; ведь сделал же вид дьявол, а индейцы тому исправно верили, что Атагуху послал с небес на землю этого Гуамансури [Guamansuri][486], и этот пришел в мир, в провинцию Гуамачуко, чтобы оттуда приступить к необходимому, и когда он прибыл, то обнаружил там |в мире| христиан, называющихся на языке

[484] Или «cumli», «cumla», но это неправильное использование слова.
[485] Должно быть, из шерсти лам, гуанако, викуний или альпак.
[486] Ранее был Гуамансири.

Гуамачуко «*гуачеминес*»[487] [guachemines], и он бедняком бродил среди них. А *гуачемины* заставили его работать и возделывать свои *чакары*; у этих же *гуачеминов* была сестра, звавшуюся Каутагуан [Cautaguan], ее основательно держали взаперти, чтобы никто ее не видел; и однажды ушли братья |куда-то| и тогда Гуамансури пошел к ней, и лестью, и обманом овладел ею, и она понесла. И когда братья *гуачемины* увидели ее беременной и узнали в чем дело, и что Гуамансури был насильником и оскорбителем, они схватили его, и сожгли, и растерли в пыль; и индейцы говорят, что пыль поднялась на небо и осталась там с Атагуху; и по этой причине тогда у индейцев стали неспособными к половой жизни [erecion][488] и они укрыли её в очень безопасном месте.

По истечении недолгого времени Каутагуан родила два яйца, но |сама| от родов умерла, и тогда они взяли яйца и бросили их в выгребную яму, и оттуда вышли, крича, два мальчика, и взяла их |к себе| одна госпожа и вырастила их; и один **[23]** называется великий Сепокатекиль [Cepocatequil], начало многих несчастий и идол наиболее почитаемый во всем Перу[489], внушающий большой страх, почитаемый и уважаемый от Кито до Куско, и индейцы очень его боятся; а второй брат назывался Пигерао[490] [Piguerao]. Этот Катекиль пошел туда, где умерла его мать и воскресил ее, и тогда мать дала ему две *вараки* или пращи, оставленные его отцом Гуамансури, чтобы она их отдала тем, кого породит, потому что ими нужно было убить *гуачеминов*. И затем она сказала, чтобы сильный юноша убил *гуачеминов*, а некоторых оставшихся сбросил с земли; и тогда он поднялся на небо и сказал |богу| Атагуху: «*Уже земля свободна, и гуачемины мертвы и сброшены с земли, теперь я прошу тебя о сотворении индейцев, которые её обживут и возделают*». Атагуху ответил, что раз он совершил это с таким насилием и убил *гуачеминов*, то пусть пойдёт к горе Ипуна [Ipuna], которую они называют зовущейся[491] Гуакаль |вариант: Guacat], над Санкта-Крус, там где сейчас основан городок ла Паррилья [la Parilla], между Трухильо и Лимой, (на той горе я был, потому что там было много даров в виде чичи, и одежды, и других предметов, которые ей приносили в жертву индейцы в память о своем Творце), и чтобы они пошли к той горе и вырыли с помощью золотых и серебряных мотыг и трубочек [taquillos], и оттуда бы он достал[492] индейцев и оттуда они бы размножились и увеличились в числе; и так было сделано и

---

[487] Топоним *гуачемины* обычно приводится как название ущелий, спускающимся к тьерра кальенте у чаупиюнгов. Здесь обнаруживаются определённые параллели с мифами о Париакаке в Варочири. Так, Париакака и его браться изгоняют юнгов (жителей нижних земель) с высокогорных земель к чаупиюнгам и в юнги (в значении «горячая земля»). Париакака размещает двух своих братьев в качестве стражников на границе. Эти «братья» были распознаны в окружающем пейзаже, возможно, как большие утёсы или скалистые образования и, в этом значении, были эквивалентны ущельям, связанным с изгнанием гуачеминов. См. также: SAN PEDRO, Fray J. de (1992) [1560]. La persecución del Demonio: crónica de los primeros Agustinos en el Norte del Perú. Transcripción de Eric E. Deeds. Introducción de Teresa Van Ronzelen, estudios preliminares por Luis Millones, John R. Topic y José Luis González. Algazara (Málaga) y C.A.M.E.I. (México). — (http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/1992a%2801%29.html).

[488] Это искаженное написание слова “ereccion” — эрекция.

[489] Кто подразумевается в виду, неясно, поскольку такое имя известно только в районе Вамачуко.

[490] Возможно, Пикерао.

[491] Этот повтор имеется в тексте.

[492] В предыдущем предложении глагол стоял во множественном числе в тексте.

потому оттуда пошло их начало. И по этой причине |так| велико то почитание, какое существует у них к Катекилю, и |так велик| страх, потому что они говорят, он тот, кто устраивает громы, и молнии, и вспышки, метаемые им из своей пращи. Они поклоняются ему и почитают его очень сильно, и сильно его страшатся[493], и прислуживают ему, и много приносят жертв его ваке; из страха, чтобы он не убил их, и много раз случалось: идет индеец один по высокогорной долине в Андах [xalca] и как раз гремит гром, **[24]** а так как они столь боязливые и малодушные, то такой умирает от страха, и они говорят, что Катекиль таких убивает. Отсюда |т.е. из этого доклада| В.П. увидит, что без сомнения, в той земле давно уже ведали о христианах и |там| проповедовалось Святое Евангелие, и это среди индейцев общеизвестно; и там, в Кольяо, есть каменная статуя в одном месте, не помню как оно называется, |но| очень хорошо известно, |она на вид|, как Апостол, и в свой короне и *axomax*[494] [axotas], как их там изображают. И индейцы говорят, что тот Виракоче[495] [Viracoche] хотел их сделать христианами, но они сбросили его с земли. Второе, что говорят индейцы, что раз уж индейцы убили *гуачеминов* и сбросили их, то христиане сейчас являются их врагами, и творят им столько зла, и грабят их, и захватывают их жен и земли; и потому они — наши враги, а дьявол — потому что *гуачемины* убили Гуамансури — жаждет зла христианам и устрашает их, и не пожелал бы, чтобы они приняли закон христиан, и несомненно — велика ненависть, какую они к нам питали.

После этого дьявол, изобретатель идолопоклонства, приказал, чтобы Катекилю поклонялись в Порконе [Porcon], в четырех лигах от Гуамачуко, и чтобы ему там служили, и чтили и почитали его, и оттуда он собирал бы всех индейцев, и дарили бы они ему то, что необходимо, как еду, так и овец и детей. И потому следует знать, что в этом Порконе, на вершине горы находятся три огромнейших скалы, и первую называют Апокатекиль [Apocatequil], вторую — Мамакатекиль [Mamacatequil], а третью — Пигерао [Piquerao], то есть это Катекиль и его брат Пигерао, и их мать Куатагуан. И в первой **[25]** дьявол устроил |так|, чтобы индейцы сделали из камня человеческую статую, наилучшим возможным образом, и поставили ее на первой скале и это был великий Апокатекиль, вака и идол наиболее почитаемый, и самый главный во всем крае. Внизу под ним, для его же обслуживания, располагалось селение: если во имя его выходили просить милостыню по той земле, из имевшегося страха перед ним, они давали столько, сколько имели от Кито до Куско, и как я уже сказал, всё селение только и предназначалось для обслуживания ваки, и в нем имелись крупные дома для обслуги; и она |вака| владела поместьями и было в ней 5 жрецов, два надсмотрщика |управителя| и много другого люду и слуг; она была именно там (во всё том крае), где говорил дьявол.

---

[493] Очередной повтор в тексте.
[494] Возможно ошибка, должно быть *axorcas* или *ajorcas* — браслеты на руках и ногах.
[495] Т.е. Виракоча.

Когда пришли в край христиане, во время раздора и войны между братьями Инки, Гуайнакапом [Guainacap][496], Атабалипой [Atabalipa] и Васкаром[497] [Huascar], поскольку Атабалипе сказали, что Катекиль дал ответ, будто Васкар должен был править, а не он, то он послал своего полководца туда, где находилась великая вака и идол его брата Васкара; и полководец, встретив в селении сопротивление, поднялся на скалу и нанес удар идолу Катекилю и свалил его вниз, и от удара разбилась голова, а тело разлетелось на куски, и тогда пришедшие с ним солдаты взяли голову и бросили ее в реку, а затем — несколько кусков, и украли много золота и серебра, принадлежавшего ваке, и говорят еще, что |часть| из этого |золота| они принесли затем в Кахамальку, чтобы передать христианам. Он также приказал принести большое количество дров и разложить их вокруг скалы, и окружить её, и разжечь костер, который, как говорят жители той земли, горел больше месяца, и я видел |то место| и до сих пор большое количество **[26]** углей и обгорелых камней; но селение и жрецы остались, и они всё ещё поклонялись скале и почитали её. Затем главный жрец узнал о том, что голова Катекиля находилась в той реке, и при большом стечении индейцев и приверженцев они пошли к реке и достали голову и три осколка тела, и с большим почтением перенесли их, и построили большой дом, и поставили их в нём, и поклонялись тому, |что нашли|, как и прежде, и приносили ему |Катекилю| много одежды. После того как они увидели, что христиан становилось больше, чтобы они его её |голову| не скинули или снесли, они оставили тот дом, и перенесли голову и осколки в очень высокую сьерру в находившуюся в скале пещеру, и там ей поклонялись; а дьявол же совершал много вреда |от этого|. Первое, что благодаря Господу было разведано, это было вот что: молельню в Порконе разрушили отцы монах Антонио Лосано и монах Хуан Рамирес, а затем, с превеликим трудом и усилиями, они обнаружили в сьерре голову и осколки Катекиля и принесли их в монастырь, возблагодарив Бога. Скот и одежда были отняты |у них| и разделены среди нищих, из нарядов сделали покрывала для алтаря и балдахины для церквей: обнаружили несколько рожков из металла и низкопробного серебра, и другие одеяния жрецов. Затем тайно, когда в тот монастырь прибыл отец-провинциал — а всё это охраняли для того, чтобы он это увидел и возблагодарил Господа, что столько зла оставлено, — раздробили то и выбросили пыль вниз в реку, чтобы не осталось и памяти о нём: они оставили место в Поркон и перенесли его |идола?| в другие края.

После того, как христиане вступили в |тот| край, одна индеанка шла, погруженная в мысли о делах Катекиля: явился ей один камушек и она взяла его и принесла к известному колдуну и сказала: «Я нашла этот камень»; и тогда шаман спросил камень: «Кто ты?» и камень **[27]** ответил, или, лучше сказать, дьявол в нём: «я Тантагуаганай [Tantatuaganai][498], сын Катекиля»; и шаман сказал: «Если ты сын Катекиля, отнесём мы тебя к твоему отцу»: и с

[496] Вайна Капкак.
[497] В оригинале ошибочно. Должно быть: между |сыновьями| Инки Гуайнакапом: братьями Атабалипой и Васкаром.
[498] *Tanta-Guaganay*.

тех пор они начали оказывать ему почести. Так они обнаружили и другой |камень|, называвшийся Эатасоро[499] [Eatazoro?], и раскрасили их обоих, и вот так ходили колдуны, находя камни, да |при этом такие|, чтобы на вид они были прекрасны, и говорили, что они были детьми Катекиля, и потому их количество увеличилось, а по малодушию и низости народа считалось, что было |побольше, чем| два, или три, или больше этих идолов; и эти идолы увеличились в числе. После прихода в этот край испанцев, отцы-|священники| обнаружили первых, а затем извлекли более трёхсот из мест и селений, и сожгли их, и уничтожили, и упразднили |занятия| колдунов.

В Гуамачуко, во времена Инки, короля той земли, было 9 главных вак или идолов, их почитал и им поклонялся Гуайнакап, а также Топа Инка [Topa Inca][500]; у них |т.е. идолов| свои наряды, и рожки, и овцы, и много вещей, подаренных Инкой. И каждой — свои слуги, и служанки, и жрецы; у них было много личных украшений; имена их таковы: Ульпильо, Помакама, Каокилька, Кингачуго, Номадой, Гуаракакайок, Гуанакатекиль, Касипома[501], Льайгуен[502]: всех этих раздобыли и уничтожили отцы-|священники|, с божьей помощью, и сожгли их, и изъяли.

В одной большой пещере, которая, если произвести замеры, и Отец монах Хуан Рамирес измерил её, имела 18 саженей глубины[503], и была намного больше, чем в ширину; нельзя было ни войти |туда|, ни измерить |её|, иначе как войти в неё по нескольким отличным ступеням, и в пустоте внизу было размещено много гробниц, и с одной стороны поставлен камень, то был идол, называвшийся Льайген, которому поклонялись и просили у него воду и другие вещи. **[28]** К этой пещере стекалось много людей со всех провинций попросить о необходимом, и была велика слепота их, и они верили, что это вака обеспечивала и даровала им воду и остальные вещи, и было изумительным делом усердие, какое прилагал дьявол, подстрекая индейцев, чтобы они шли поклоняться этому камню. И потому среди других предметов, о которых нам рассказали колдуны, когда кто-либо из них очень опечален, что у него усыхал маис, ему являлся дьявол в образе индейца и говорил ему, чтобы он шел к Льайген [Llaiguen], и после |этого| пойдет дождь, и чтобы он не печалился и принес в жертву *чичу* и другие вещи, обычно жертвуемые, и индеец принимал его совет и делал то, что дьявол ему сказал; но дождь не лил, и потому он оставался как бы обманутым, но от этого не отказывался от своего язычества. Отцы-|священники| приводили его в монастырь и ставили на путь истинный, и похоже он приходил в себя: случилось это месяца четыре |назад|. Эту пещеру замуровали с помощью множества камней и грязи отцы-священники, а идола Льайгена растерли в прах и сожгли, дабы они не могли снова вернуться к нему.

---

[499] Возможны и другие варианты: Фатасоро, Фатакоро, Эатакоро.
[500] Инка Тупак Юпанки.
[501] *Ulpillo, Pomacama*, *Caoquilca, Quingachuco, Nomadoi, Garacayoc, Huana-Catequil, Caripoma* y *Llaihuen*.
[502] Или Льайген.
[503] 1 сажень — мера глубины = 1,829 м).

На высочайшей и довольно закругленной[504] горе, на которую едва можно было подняться из-за ее большой высоты, а также потому, что там дуют ветры, вещь изумительная, находится другая пещера, из которой веял сильный ветер и вокруг нее располагались большие дворы |дома| для их жертвоприношений: внутри нее находился идол, называвшейся Каури [Cauri], и туда внутрь они бросали и проливали свои приношения; поднялись туда отцы-|священники| с большим трудом, и разобрали все строение, разбили идола, хотя из-за сильных ветров могли даже остаться там |навсегда|.

Среди высоких скал отцы обнаружили другую пещеру **[29]**, не очень глубокую, где находился другой идол или вака, называющегося Гуальйо [Guallio]: его почитали и ему поклонялись, когда пряли одежду Инки Гуайнакапака и других Инков, и приносили ей в жертву морских свинок, и обмазывали скалы кровью: к ней приходили поклониться даже из Кахамальки, и хотя мало имелось того, что они некогда пожертвовали |ваке|, потому что мы обнаружили только что пролитую кровь: велика была опасность войти в нее, но отец монах Хуан Рамирес и монах Алонсо Мальдонадо с большим трудом, и подвергая себя риску, вошли, ведь поскользнись немного, и они упали бы на глубину в 100 тысяч *эстадо*, и воистину, когда они поняли, что оказались внутри, вид опасности их удручил; но Божьею милостью они свалили оттуда идола и разрушили пещеру; они также жертвовали этому Гуальйо кости и *тортерос*[505] [torteros], и рога, и веретена, с помощью которых изготавливали одежду и *комби* [combi][506].

В одной высокогорной долине и пустынной земле находился один камень, в виде руки |кисти?|, и находился он в месте очень безлюдном: этого идола они называли Каскилька [Casquilca], у него был дом, построенный из *молье* [molle] — дерева очень крепкого, и другой побольше — для празднеств |или: веселий|: в этом доме было много копий для охраны *ваки*; этот камень и идол был покрашен киноварью [enbixado][507], а точнее красной краской, которую там очень ценят, |она| наподобие киновари: к этой ваке сходилось 7 или 8 селений испросить воды[508]. Мы обнаружили здесь сгорбленного колдуна, сказавшего, что вака поставила его здесь: мы уничтожили ее, и разрушили, и сожгли дома; а камень растерли |в пыль| и выбросили как и остальные, откуда им уже не появиться.

Среди других вак и идолов, одна из наиболее примечательных та, которую мы обнаружили в селении, называющемся **[30]** Касиапома [Casipoma], которую очень ценил Гуанакап[509] и носил ее на войну, и была она очень любима; в длину полторы пяди, очень грубо изготовлена и уродлива, была у нее бесстыдная «борозда» |гениталии или горло?|, и в ней отверстие, и

---

[504] В оригинале «sodondo» вместо «redondo».
[505] Прим. 1880: Возможно, *corderos* — барашков. Прим. В. Талаха: Tortero — это корзинка с лепешками или диск, похожий на лепешку (первое предпочтительнее).
[506] Изысканная одежда кумпи.
[507] Прим. В. Талаха: Должно быть, embijar — "красить киноварью". Изд. 1880: Также вариант, но сомнительный *enlajado* — выстлан плитами.
[508] Помолиться о появлении воды.
[509] Вайна Капак.

отделана снаружи смолой, и казалась она скорее человеческим телом, чем бревном или чем-то другим. Примечательно то, что говорят индейцы, считая это несомненным, что ей в горло |влагалище?| бросали тамошнюю овцу, и она ее пожирала, или лучше сказать, дьявол делал ее невидимой, а она ее как будто пожирала; ей также проливали много крови морских свинок. Также говорят и утверждают, что этот идол ходил и рычал, как лев и производил сильный гул: ее извлекли и принесли в монастырь в Гуамачуко, чтобы ее могли увидеть отцы, и там ее увидели отец монах Эрнандо де Кантос и монах Алонсо, и отец приор; монах Антонио Лосано взял её в руку и сбросил ее на землю, и она разбилась, как лепешка бурого навоза; среди ее обслуги мы обнаружили пятерых слуг и служанок; у нее |также| было много нарядов из той одежды, что ей подарил Инка, — всё это было роздано, как и остальное, церквям и нищим; они приносили ей то же, что и остальным вакам.

Отцы получили известие об одном идоле, называющемся Гуамансиай [Guamansiai], и вышли на |его| след, индейцы это совершенно отрицали, и даже лестью и угрозами от них ничего не добились; отцы вспомнили о произнесении мессы святого Духа и препоручении того Господу, дабы открыл он того идола и Его Величество посчитало благом избавление от того столь великого язычества, потому что этого идола также очень ценил Инка. После произнесения мессы пришел один индеец к отцам и сказал им, что он отдал бы идола, и рассказал бы, где тот находился: они сообщили ему, чтобы он отдал его и не боялся, и вышли за церковь, и он стоял там в стене, перед главным алтарем, чтобы можно было ему поклонятся из внутреннего помещения **[31]** церкви, а казалось, будто они поклонялись |нашему| Богу; вытянулась стена в том месте, где он стоял, до пяти пядей, и находился он в потаенной выемке; Инка подарил ему много одежд и других вещей, и была извлечена накидка для Святого Таинства, и очень роскошная; у него было много слуг и утвари; все то мы отняли милостью Господа.

У инков и королей той земли был обычай, что когда они завоевывали какую-либо провинцию, ведь в Перу имелось такое различие в погодных условиях и одни непохожи на другие, когда они завоевывали какую-либо, то смотрели, где была другая с такой же погодой, и он захватывал половину или большую часть тех, кого завоевали и переводили их в другую похожую провинцию, а из той провинции — в иную, завоеванную, и этих называли *митимаи*[510] [mitimaes]: ведь одной из провинций, наиболее схожей с той, что в Куско, по прохладе и погоде является Гуамачуко и потому из Куско он привел многих из рода Инков в Гуамачуко, живших в Куско, при завоевании им Гуамачуко. И потому тут много митимаев Инков *Орехонов*[511] |длинноухих|. Когда в давние времена эти пришли, они принесли идола или ваку, называвшуюся Топальимильяй [Topallimillay], маленькую и черную, казавшуюся покрытой лаком |?|: эту обнаружили почти одной из самых первых с превеликим трудом и горем для того, кто предоставил их; в ней

[510] Переселенцы-колонизаторы.
[511] Знать Инков из Куско.

было найдено много одежды и украшений и много крови: одежда была присуждена церквям и нищим, как |то было и| с остальными.

Также, в нынешнее время, нашли три ваки или идола: одна называлась Мунигиндо [Muniguindo], что на языке Гуамачуко значит «округлая»: с этой |вакой| советовались и она отвечала |в тех случаях|, когда нужно было идти на войну, и у этой просили ее злосчастной милости и помощи в борьбе с врагами. В другом месте была другая, называвшаяся **[32]** Йамгуанка [Yamguanca], и другая — Йамогуанка [Yamoguanca], они представляли из себя очень крупные скалы: у всех этих были свои слуги, одни для приготовления *чичи*, а другие для того, чтобы наряжать ее, и еще одни — для изготовления *сако*, и у них были добротно сделанные круглые щиты и шлемы; жертвовали им то же, что и остальным; они были разрушены и сожжены |нами|, и люди покинули то место.

Как будет видно из того, о чем мы расскажем дальше, для каждой вещи, как в отдельности, так и в общем, у них был свой идол: среди прочих у *Кумбиков* [los Cumbicos] была вака или идол, называющийся Киспегуанайай [Quispeguanayai]: этому поклонялись и его почитали ради красок, чтобы они вышли хорошими; и колдуны сказали, что было не больше трех лет, как они ее нашли, и обнаружил ее один колдун и приказал, чтобы селение поклонялось ей, как сыну Катекиля, и её считали таковой; каждый раз, когда у них была одежда для уплаты подати своему хозяину |управляющему?|, они устраивали большие празднества с той вакой. У нее было три жреца или колдуна, разговаривавшие с ней, и они совершали предписываемые вакой посты той целью, чтобы одежда вышла хорошей; мы обнаружили в этой ваке прекрасную одежду, дабы они предали |ей| хороший окрас; она |вака| была разобрана и разбита |нами|, как и остальные; и так ей приносили жертвы.

У Инки Гуайнакапа был любимый полководец, по имени Шулькаманго[512] [Xulcamango]: когда он умер, Инка приказал им |кому именно?|, чтобы они почитали его и просили его о том, что потребуется; он представлял из себя некий медальон или изображение на стене, неплохо сделанное, с двумя псами, один — по одну сторону, второй — по другую, раскрашенные |или пятнистые| и полководец посредине[513]: они были сильно залиты кровью жертв; они были уничтожены |нами| вместе со стеной.

Поразительно и примечательно, как дьявол ослепляет и куда уводит людей: Инка Гуайнакап, один из главных колдунов[514] **[33]** когда-либо живших на свете, главный жрец дьявола *Супая*, — ведь Инки имели такое превосходство, что, хотя он и был Королём, он был также и Главным жрецом, — так вот, этот |Инка| оставил на очень высокой горе, почти в трёх лигах от Гуамачуко два крупных сосуда с водой, называвшиеся *магакти* [magacti], чтобы в случае если у них будет недостача в воде, они бы помолились о ней у этих сосудов, и когда мы обнаружили их, там были только основания, смердевшие жутко, и не было никого, кто мог бы это

[512] Сулька Манко?
[513] См. Введение, где приведён рисунок этого изображения, довольно частого в том регионе.
[514] Интересное примечание автора!

стерпеть; и церемония, когда они молились о воде, состояла в том, что собирались вместе на совет или заседание (как мы его называем), самые вельможные и знатные |люди| провинции в то время, когда стояла засуха и не было дождя; они постановляли, что было бы лучше, если бы послали колдунов два дня поститься и побывать в той достаточно холодной и ветреной сьерре, где они испытывали большие трудности, как мы сами в том удостоверились, когда пошли |туда| с целью разбить |те| сосуды; мы не могли стерпеть, чтобы они там молились сосудам о воде. В этом году 1557-ом по приказу некоторых вельмож колдуны ушли |туда| и свершили |всё| это, но дождь так и не пошёл, и колдуны претерпели сильный голод и холод. Почти всё это увидели отцы, и кое-что об этом поведал глава колдунов, и они увидели там многие другие вещи, о которых я не рассказываю |здесь|, чтобы избежать многословия. Они |священники| упрекнули вельмож и касиков, чтобы ради своего доброго имени не упоминали |о том| и дали слово исправиться: сосуды были разбиты и со склона сброшены вниз; кое-какие осколки нашлись, |но| памяти о ваке не осталось.

Во всех селениях этой провинции дьявол внушал им, чтобы у них был общий хранитель всего селения, как говорят теологи, ангел, оберегающий каждое государство [respublica] или поселение отдельно, **[34]** как если бы, дьявол притворялся, будто бы он наблюдает за ним |селением?| и старается преобразиться в ангела света, хотя тут он преображался в камень; дело в том, что в каждом селении была вака или идол, представлявший из себя вбитый |в землю| камень, наподобие дорожных столбов, вбиваемых в заснеженных местах, чтобы указать дорогу. Потому в каждом селении был вонзённый в землю большой камень, который называли *Гуачекоаль* [Guachecoal], и его считали родником селения |т.е. откуда вышло селение, или его люди|, и в каждом селении непременно было такое; ему поклонялись и его почитали, чтобы он охранял их селение и *чакары* |засеянные поля|, являющиеся их имениями и посевными полями: этим приносили в дар *сако,* и морских свинок, и *чичу*, чтобы устроить праздник. Более трёхсот таких было снято |со своих мест; уничтожено| вышеупомянутыми отцами, и во многих местах вместо них они поставили кресты.

В другом крае был обнаружен другой идол, называющийся Тантасоро [Tantazoro], и с ним вместе было ещё трое, одного звали Каруильсорак[515], второго — Гуарасгайде [Guarasgaide], и ещё один был женщиной — Гуагальмохон [Guagalmojon]. У этой ваки или идола было с собой десять детей, тоже идолов: все эти ваки — а они были наряжены и отлично украшены — обнаружил Отец Рамирес[516]; он обнаружил их в пещере, находившейся в очень суровой сьерре, где он испытал большие трудности, пока не добрался до неё, и похоже, что Господь придал ему сил. Эта вака Тантасоро и идол располагались |здесь| со времён Инки, и в ней пребывал дьявол, и говорил много, и заставлял индейцев верить, что он рос, как растут

[515] Имя очень плохо читается!
[516] В оригинале эта фраза идёт словами в вперемешку, что лишний раз подчёркивает, что рукопись неоднократно редактировалась.

снопы[517] |или лица?| и не мог вырасти больше, чем на полторы пяди, а таким он был величиной и по высоте. Она была очень почитаема и уважаема во всей той земле, и наиболее обеспеченная, для её обслуживания у неё было сорок одна серебряная ваза и пять корон, четырнадцать в виде подков, которые ей клали на голову, на вид подковы для лошадей[518], а также их вставляли вместо бороды, и так одни — вниз, а другие — вверх, и **[35]** четырнадцать серебряных и медных рожков, и семь больших |тканых| навесов, два — очень красивых, являющихся ныне двумя балдахинами в главном алтаре монастыря. Всё это было предназначено для их празднеств, и девять овец для их жертвоприношений; из одежды для их наряда у неё было тридцать девять предметов, и пять — в виде серебряного шитья, большое количество различных видов искусно отделанных сосудов для питья, и очень красивые барабаны, и огромное количество разноцветных перьев, *чупас*, т.е. индейских сумок[519], их носят свесив с плеча, и *чумбес*, являющиеся чем-то вроде каёмок, которыми обкручиваются индеанки, и многие другие предметы. Большая изворотливость колдунов этой ваки и изобретательность[520], какую они применяют для того, чтобы она не была обнаружена; одному Богу было ведомо, что это им не помогло, ведь им вопреки были сожжены их ваки, и одежда, а остальное раздали нищим и церквам, и то же самое было сделано с вакой, находившейся там же, — Гуагальмохон, стоявшей в виде женской статуи[521], с непокрытым женским срамом, и дьявол заставил индейцев думать, что оттуда он породил индейцев и умножил их число. У этой были очень изысканные женские наряды и вместе с серебрянными *топос*, являющимися тем, с помощью чего прикрепляют одежды |т.е. зажимы, застёжки или фибулы|, и одна серебряная *винча*, это то, чем собирают волосы, и несколько резаков, которые индеанки обычно носят для её услуг: они устраивали ей большие празднества, но отцы-|священники| сожгли её, дабы больше не рождалось заблудших детей.

Одна сьерра находится в очень высокой пустынной местности и её называют Конакоча [Conacocha]: здесь был очень роскошный дом и два дома для обслуживания ваки и идола, называвшегося Осорпильао[522] [Osorpillao?]: в этих двух домах у них была посуда, **[36]** и вазы *ваки*, и рожки и барабаны, и одежды, как колдунов, так и паяцев и шутов, так как у всех касиков и наиболее |знатных| также были шуты и паяцы, и у некоторых вак во всём королевстве Перу тоже. Одежды являли собой: короткие очень широкие рубахи, неплохо изготовленные, их одевали на большие праздники, а также — это были длинные повязки, обвязывавшие головы; нагие, в чем мать родила, они устраивали свои злосчастные праздники: были также другие три дома, куда стекался приходивший на празднества народ. Эти шесть домов

[517] В оригинале «los haces». Возможно, речь идёт о фаллическом символе (см. Введение)
[518] Первое слово подкова в испанском оригинале идёт с ошибкой, и потому видно, кто-то пытался отредактировать текст, но старый не удалил.
[519] В оригинале непонятное слово «colsa».
[520] Учитывая странное расположение этого слова в тексте и его синонимию с первым словом — это результат незаконченного редактирования в рукописи.
[521] Здесь также в оригинале странное повторение и сочетание слов.
[522] Плохо читаются последние две буквы: может быть и Осорпилько и Осорпильак, и Осорпильок.

отцы сожгли вместе с ваками, и были уничтожены большие дворы-коррали, как и помосты, предназначенные для их жертвоприношений. И к этим помостам, разве что по случаю праздника или веселий Атагуху, являвшегося главный жертвоприношением, и к этому роскошному дому или демонической ваке не приближался никто, кроме жителей селения, поскольку все индейцы говорят, как о чём-то несомненном, что если другие отважатся приблизиться к ней, то потом она причинит им зуд, и почёсываясь, затем на них набросятся черви и многие умрут; и то же самое они говорят, что это случалось с теми, кто нарушал предписание, какое они им отдавали: они заставляли такого поклоняться и поститься в течение года, а если такие нарушали пост и осмеливались поклоняться ваке, то с таким случалось вышеописанное[523]; потому очень немногие дерзали приблизиться к ней, так как у них для поклонения и почитания была предназначена одна гора, очень высоко, в одной лиге от этого места, и туда все сходились. Эта вака погубила много людей, по этой-то причине обезлюдело большое селение, находившееся поблизости, это опустевшее и разрушенное селение видели вышеупомянутые отцы, и до сих пор отцы пребывают почти павшими духом, и так утверждают все в этой провинции. Их празднества такие же, как и у остальных, за исключением изобилующего здесь мяса, его не осмеливались забирать: несомненно **[37]** тот, кто видел обманы, ужасы и владычество, какое дьявол имеет над этими, такого не испугаешь |этим|.

Когда из одной утробы рождается двойня, будь то мужского или женского пола, или |двойня у| овцы, они всегда постились пять дней и не выходили из дома, пока не наступит шестой день, в честь ваки или идола, предназначенного для этого, называвшегося Акучусеакке [Acuchuceacque], а после шестого дня выходили поклониться лживой троице, а именно: Атагуху и остальным уже названным. На этом празднестве они приносили в жертву то же, что на остальных, и говорят, это для того, чтобы их дети были здоровыми[524] |хорошими|; а если это овцы, то чтобы они хорошо плодились; идол был сожжён |ними| и им разъяснили его ничтожность.

Когда же какая-либо провинция поднимала восстание против них, то у них был идол или вака, называвшаяся Йанагуанка [Yanaguanca], а с ней и другая, называвшаяся Шулькагуака [Xulcaguaca], а с ними — Атагуху: эти две были очень высокими горами, им поклонялись и их почитали, чтобы она придала им сил. У них же были и свои слуги, как у остальных, и они устраивали свои обычные празднества; |нашими усилиями| их оставили слуги и, чтобы они не вернулись их изрядно припугнули. Да будет так.

Местные жители этого края и селения, где находилась вака или идол под названием Майльар [Maillar][525], утверждают, что те, кто непочтительно к ней

---

[523] Видимо, речь идёт об истощении организма за время поста и отсутствии в пище витамина С, что вызывало цингу. Сравните аналогичное описание в русском «Сказании Авраама Палицына»: «И зубы тем исторгахуся, жилам сводимым внутрь и вне юду |наружу|, от язв кипящих… И согниваху телеса их от кала измету, и проядаше скверна даже до костей; и черви велицы гмизяху |копошились|» (Изборник. — М, 1980, стр.504). Учитывая, что индейцы придерживались строгого поста, они могли страдать цингой со всеми вытекающими последствиями.

[524] В оригинале «sean buenos».

[525] *Mailloxpara*.

приближался, тем она сжимала руки и ноги, и оставляла их парализованными, и по этой причине они не осмеливались приближаться к ней. И потому когда отцы пошли её сжечь, они не осмелились проявить страх перед ней; и потому для доказательства сего, скорее насильно, чем добровольно, подошли два индейца, и она была сожжена вопреки желанию индейцев, у дьявола не нашлось сил, чтобы причинить нам вред, какой он творил индейцам.

Нашли мы и другого идола, называющегося Павкар [Paucar]: этот был сделал из глины в виде попугая в честь дьявола, **[38]** потому что он превратился в попугая, и на виду у людей исчез под землёй. Там, в том месте, они построили здание и ваку, в виде попугая, чтобы напомнить о том, сотворённым дьяволом, чуде. Её очень чтили и жертвовали ей большие количества *чичи*: отцы разломали и снесли строение, и всё что там имелось, и слуги в том числе, покинули то место.

Был у этих индейцев великий полководец Инки, по имени Кондор, со своим сыном, который |т.е. полководец| был правителем Гуамачуко; когда он умер, ему было 43 года; скажу, кстати, что его тело было найдено и сожжено. Ему поклонялись индейцы и почитали его, и они устраивали большие празднества для этих тел, или лучше сказать дьяволу; им приносили крупные жертвы, сжигая *коку*, маис… |в оригинале — место испорчено| и другие вещи. Эти два тела они прятали в маисовых кучах |сушеных листьев|, так как они говорят, что там они сохраняются лучше: они были хорошо наряжены одеждой и другими предметами. В четвёртое воскресенье Великого поста |15|60 года их обнаружили отцы, и уничтожили их, спалив и бросив в реку, а их одежды были розданы нищим.

Ещё в одном селении, называющемся Льага[526] [Llaga], был найден идол, с таким же именем, и тут был полон двор идолов, а поскольку их было много, то их |количество даже| не сосчитали. Примечательно, что тут в одном маленьком помещении находилось несколько оленьих рогов, ужасавших своим неприятным видом, казавшихся скорее штукой колдовской, чем рогами: они называли их *викаос* [vicaos]; и индейцы говорят, всюду одинаково, что тот, кто приближался к ним, раздувался |телом|, и потому они ему поклонялись и построили то помещение. Отцы взяли их, и не **[39]** распухли, и сожгли их, и устроили их так, чтобы они больше не появились.

Была ещё одна вака, называющаяся Гуаканкоча [Guancocha]: здесь было более сотни идолов на всяких лад и их было более сотни[527]: все они разрушены с Божьей помощью.

[526] Или Льага.
[527] Явное повторение.

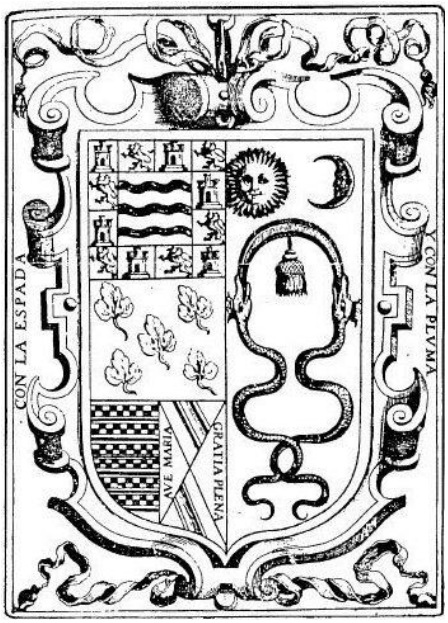


Рисунок 12. Герб Инки Гарсиласо де ла Веги.

Была обнаружена одна особенность, весьма распространённая во всех строениях, или в большинстве[528], Инки и Короля той земли, и всё ещё поныне их разрисовывают индейцы[529], а особенность эта такова: несколько очень больших змей, и они говорят, что у Инки было змеи в качестве герба[530], и я даже сам их видел во многих постоялых дворах, особенно в Куско и в Гуамачуко. Эти индейцы говорят, что в старину, во времена Чакочима[531] [Chacochima], являвшегося полководцем Инки, владевшего всем краем; когда он находился в Гуамачуко с большим войском, пришел дьявол-искуситель под видом змеи, а была она, со слов тех, кто её видел, толщиной с бедро, и были у неё волосы и голова, как у оленя, и была она такая длинная, что от головы не могли разглядеть её хвост, — и всё это на ровной поверхности. И эта змея называлась Ускойгуай [Uscoiguai], ей поклонялись индейцы, чтобы стать богатыми, потому что она носила |прикреплёнными| на хвосте золотые сундучки, после того как ей совершили поклонение и почтение, они устраивали большие веселья, говоря: «*Мы уже поклонились нашему Повелителю и Богу, и отныне будем богаты*». Иной раз он им явился, говоря, что хотел бы подняться на небо, что видели все те народы, какие там только имеются; он начал подниматься, производя вращения, по воздуху и так удалялся, пока они не потеряли его из виду[532], я спрашивал об этом многих, видели ли они это, они соглашались и говорили то же самое; и в память этого они устраивали большие празднества и игры, которые, будучи идолопоклонством, запретили отцы, приложив немалые усилия, и они препятствуют этому и тому, чтобы они не рисовали ни змей, ни ползучих гадов.

[528] Эти слова возможно вставные, т.к. нарушают связность словосочетания.
[529] Это тоже странная вставка.
[530] На многих гербах Инков колониальной эпохи действительно присутствуют две змеи. Встречаются они и на гербе Инки Гарсиласо де ла Вега.
[531] Похоже, речь идёт о Чалкучима, полководце Атавальпы (он упоминается у Сармьенто де Гамбоа и др.).
[532] Явление неясное.

[40] Чтобы увидеть до какой слепоты и как сильно их довёли их грех и дьявол, справедливо говорит Апостол, что за свои грехи Господь принудил их почитать животных и четвероногих, да непросто животных, а животных нечистых и низких; мы обнаружили несколько вак и идолов, являвшихся лисицами[533], называющихся *анья* [aña], что хоть и знают, что |те| поедают их маис, чтобы они его не ели, они почитают их и поклоняются им: когда они могут поймать какую-либо |особь|, то достают её внутренности и оставляют её высыхать на солнце, а после сушки надевают на неё накидку, как у вдовицы, и вешают ей головную повязку или *льяуто*, из тех, что эти обычно носят, и кладут ей в рот *сако*, чтобы она поела, и проливают чичу, и устраивают свои жертвоприношения. Мы видели лисицу, |сидящую| на своём троне с детенышем в лапах, и женщину, дававшую ей свою грудь, и мы сожгли её |т.е. ваку|; и её почитали и устраивали её празднество; |а всё для того|, чтобы было видно до какой низости и слепоты довёл дьявол этих бедных людей, и как необходимо |здесь христианское| учение и свет[534].

После Атагуху, которого здесь больше почитали и ценили, было Солнце, его они считали Главным Богом, и ему устраивали большие празднества и у них были крупные храмы в Куско и во всех провинциях; и в доме поклонения [mochadero], в котором я побывал, в Кахамалька, испанцы расставили пушки и прочую артиллерию, когда пленили |А|Табалипу. Большой главный дом Солнца был в Куско, где ныне находится монастырь владыки Святого Доминго: |там| имелись большие монастыри и дома девственниц, запертых в нём и посвящённых Солнцу, называвшиеся *мамаконы*; и Инка и Король той земли **[41]** назывался сыном Солнца, на том языке называющегося Пунчао[535], и к тому же в те дома мамакон никто, кроме Инки, не мог войти; и все слуги были кастратами и евнухами[536]; если какую-либо |девицу| находили испорченной или развратной, то она погибала по этой причине и почти весь её род в придачу. И потому в различных провинциях были крупные молельни|,| места поклонений и суеверий связанные с Солнцем и Луной, и поэтому я расскажу здесь о некоторых, чтобы обратить на них внимание; и те, кто заботился об индейцах и о своих новообращённых, знали их молельни, и суеверия, какие дьявол заставляет их совершать, особенно в этой провинции, и поэтому расскажем об остальных потом, как я уже сообщил. Ведь в этой провинции эти индейцы когда болеют и хворают, поскольку полагают, что Солнце может им подарить здоровье и жизнь, совершают жертвоприношения, как и остальным вакам и идолам; когда идут по дороге и устают, достают коку из *чуспы* и бросают её, подхватываемую ветром, говоря Солнцу: «*Даруй мне жизнь, и да не устану я*», и то же самое совершают Атагуху[537].

---

[533] Скорей всего речь идёт об опоссумах или о животном из рода Зорро.

[534] На полях рукописи дописано: «Следую этой бумаге, дополнение которой я обнаружил среди официальных документов и доброго правления Jeg/16; так что она находилась в трёх отрывках и других стольких же бумагах».

[535] Буквально, «|солнечный| день».

[536] Довольно странное утверждение, если учесть, что у Сьесы де Леона приводиться случай, что один из привратников этих мамакон в Куско завладел одной из мамакон.

[537] «Высшая суть» в Андах была известна под такими именами: Виракоча, Пачакамак, Кон, Ильатисивиракоча, Атагуху, Тепуака, и другие менее используемые.

Также когда они хотят поклониться Солнцу и почтить его, то раскрашивают себе киноварью нос вместе с жёлтой как сера краской *шамбо* [xambo], что значит связать |себя?| с тем жёлтым цветом, а лицо — алым; и это наносят в виде крапинок; это знак, что они хотят поклониться Солнцу, и это делают также, чтобы помолиться о жизни, и |когда| оказываются при смерти: всё это отцы уже запретили, поскольку они дали понять тем, что Солнце — творение меньшего значения, чем человек, и оно является слугой самого человека.

Был и другой способ поклонения Солнцу, ибо сказывали, что там, где оно родиться — на Востоке — находится два идола и ваки, и это им сказал дьявол, которых, он сказал[538], что назывались они Йаган-йамок[539] [Agan-yamoc], вторая — Йаган-йахикнак [Yagan-yahicnac], этой |ваке| устраивают уже названное празднество и для неё у них нет особо назначенного места, **[42]** как для других, а только там, где их застанет набожность, там они его и устраивают.

Во время всех лунных затмений, а луну они называют *кильа* [quilla], они постятся, следуя имеющейся набожности, не спят со своими жёнами, не едят ни соль, ни перец; |но| мясо-таки — да, и все остальные продукты, какие только могут, |всё это едят|: пьют, сколько могут, потому что от этого они не воздерживаются; тут они жертвуют предметы уже названные, и это они совершают, чтобы помолиться о необходимых для еды вещах.

Ужасное дело, то какой шум, вопли и рыдания они поднимают, когда происходит затмение Луны или Солнца, ведь в первый раз, когда я это увидел[540], то подумал, что рушился |целый| мир, и проливая слёзы и выкрикивая, они говорят Луне, которую, как я уже сказал, они называют *кильа*: «*Амама кильа, мать Луна, для чего ты умираешь, живи вновь*», и все люди выходят на эти крики: здесь не совершают жертвоприношений, но это суеверие, поскольку они полагают, что голосами заставляют ожить Луну.

Также они почитают и поклоняться ярким звёздам, восходящим в вечерних сумерках и на рассвете, и этих они называют на этом языке Гуамачуко *эшкиок* [exquioc][541], что значит «вещь сияющая»; и поклоняются им, когда они восходят, чтобы они даровали им жизнь, и устраивают большие празднества, как уже было сказано.

Также они почитают и поклоняются |созведию| Плеяд[542], которых они называют на этом языке *чучокок*[543] [chuchococ]: этих, они говорят, что

---

[538] Явное дублирование в тексте оригинала.

[539] В оригинале почему-то так: «и Аган-ямок», видимо опечатка редакторов или рукописная ошибка.

[540] Лунные затмения в Гуамачуко были: 7-8 октября 1558 г. (полутеневое), 2-3 апреля 1558 г. (частное), 23 марта 1559 г. (частное), 12 марта 1560 г. (частное). Но речь может идти и о более ранней дате, когда августинцы только появились в данной провинции.

[541] Другие варианты: Эскиок.

[542] Oncoy mita=июнь=повторное появление Плеяд=начало андского года. Похоже, эта важная церемония продолжала исполняется прикрываясь под фасадом разрешённого христианского праздника. Один индеец Париак говорит в 1656 году: «|...| ко времени праздника тела Христового, т.е. Онкой мита, когда восходят семь Плеяд, все индейцы селений поклонялись тем звёздам |принося в жертву| морских свинок, животный жир, коку и мулью и перья «hasto tocto», когда не шёл дождь и не портились посевы, все жители селений совершали те же жертвоприношения и то же самое, как я видел, они совершали, когда заболевали, и что это почитание и культ были для того, чтобы приумножилось население и чтобы оно не стало меньше |...|.» (AAL(HI), leg. 5, exp. 2, fol. 4v). Похоже, это тот же праздник, который в рассказах из Варочири называют Авкисна, проходит также в июне, ко дням праздника тела Христового. На эту дату десять или

почитают, потому что они ходят возле Атагуху[544], и они им жертвуют перец и остальные необходимые вещи, и совершают то же самое, что и для остальных вак.

Они также почитают землю и поклоняются ей, её они называют *пачамама* [pachamama] и *чукамама* [chucamama], потому что когда они рождаются от своих матерей, то падают на землю, и во всех Индиях затем матери с детьми идут к ручью или *йосора* [yosora?] обмыть и **[43]** искупать |их|; и поэтому они поклоняются ей, |а также для того|, чтобы она дала им сил, и маиса, и чтобы не уставать, и в случае, когда они обрабатывают её, чтобы не ломались их палки и сохи, и они совершают это, где бы им не взбрело в голову устроить принятые у них празднества.

Когда они дают имя ребёнку, нечто наподобие крещения, показанного им дьяволом, они поклоняются и почитают Атагуху, и делают несколько, так сказать, кашиц[545], и там кладут голову девочки или мальчика, и дают им имя, и это имя они считают крещением: здесь они поклоняются для того, чтобы мальчик или девочка не умерли, чтобы дитя не было лентяем в работе; |здесь| жертвуют вещи уже названные[546].

Когда ребёнок становится взрослым, ему дают другое имя, и надевают на него несколько кусков ткани, чтобы прикрыть его стыд, и тогда вновь поклоняются и воздают почести Атагуху, чтобы он дал юноше силу и |всякие| необходимые вещи; тогда он лично убивает морскую свинку, и жертвует кровь ваке, остальные же совершают однодневный праздник; а по окончании веселья, состоящего из распития |напитков| и исполнения одной или двух наиболее достойных песен, они делают наставление юноше, говоря ему, чтобы он не был ни лентяем, ни подлецом, а служил своему отцу да матери; и завершив назидание, они дают ему немного *сибуйи* [cibuya], нечто наподобие верёвки того края, потому что из *сибуйи*, т.е. как бы из льна, они её делают, с той целью, чтобы он приступил к работе и носил на спине дрова, и был умелым в работе, а после |этого| они устраивают большие возлияния; да увидит тот, кто пребывает в приходе, что не дозволено, дабы они назывались другим каким именем, кроме как тем, что было дано им при крещении, так как многие называют своего ребенка именем, которое ему дают здесь |т.е. согласно их обряду|, а не тем, что дано при истинном крещении Иисуса-Христа, Н|ашего| Г|оспода|.

Одна из трудностей, имеющихся у Отцов в той земле — искоренить способ совершения их свадеб, так как у них |в этом| один обычай, и до сих пор не нашлось того, **[44]** кто бы упразднил его, а состоит он в том, что

двадцать жрецов (вакаса) появляются в селениях и исполняют соответствующие танцы. Рассказы из Варочири говорят, что из-за важности этой церемонии никто не мог отсутствовать на ней. После конкисты, в этой же провинции, очевидно, праздник Авкисне был намеренно совмещён с каким-нибудь праздником в июне. (TAYLOR 1980: 79-81).

[543] Правильнее так: 1) Атунгуара — утренняя звезда; 2) Чучокойльюр — две звёзды; 3) Онкой — семь звёзд Плеяд. У всех у них не было ни жрецов, ни полей для их культа.

[544] Судя по раннее приведённым сведениям, Атагуху — как нечто неподвижное, может быть неподвижным относительно других звёзд, но сами звёзды, как бы, движутся за ним, т.е. за астрономическим объектом, как в данном случае и говорит автор.

[545] В редакции 19 века проставлено [sic!].

[546] В этом абзаце явно следы редактирования: имеются неуместные слова и их порядок нарушен.

прежде чем жениться со своей женой, они должны её одобрить и содержать при себе, что они называют «делать *пантанако*»[547] [pantanaco]: и сейчас часто, когда Отец-|священник| венчает их, они оставляют жён и говорят, что они её не одобрили, а если она |всё же| умела прислуживать и стряпать еду, то что они её |вовсе| не любят, что они не сделали *пантанако*, в своей жалкой жизни и язычестве. После этого, если юноша хотел жениться со своей девушкой, он просил о ней у её отца, а отец, если он хотел её отдать, говорит[548] ему обо всех недостатках девушки, и что у неё есть |из имущества|, и это, сказывают, они |отцы| совершают для того, чтобы зять не огорчался и не ссорился, если их дочь окажется плохой женой или лентяйкой, но если названный юноша хотел её |взять в жены| со |всеми| её недостатками, тогда юноша должен прийти в дом тестя, нагрузившись дровами, соломой и *чичей*, а затем тесть отдаёт ему свою дочь, говоря такие слова: «*Смотри, вот моя дочь, если она окажется плохой, не вини меня, потому что я тебе сказал правду*»; и это о девицах, о других же поведаем в дальнейшем, а это дело долгое.

Изумительно, что у этих индейцев была также исповедь вслух и они исповедовались, а было это обнаружено следующим образом: шел как-то падре по *хальке*[549] или заснеженному краю, и увидев, что посреди снега сидит индеец, он позвал своих йанаконов и слуг, и приказал им привести того индейца, и начал ему советовать, чтобы он рассказал о том, что он делал в той сьерре или *хальке*, как её называют на языке Перу, заснеженной и такой холодной, и он ответил, что некий идол или вака был где-то там, ведь было так, что ему нужно было оказать почтение или поклонится |ей|, и, стращая его всякими угрозами, священник сказал ему, чтобы он поведал о том, почему он там находился; а было это всё из-за наказания, наложенного на него *алько*, т.е. колдуном; и он |священник| спросил его, почему на него наложили то наказание, и тот ответил, что при исповеди, **[45]** и так сказал, кто был *алько* или жрец, и назвал его, а то был старик-индеец, и отсюда многое стало известно. А исповедь их заключалась в следующем: они произносили свои *очас*[550] [ochas], что на |их| языке значит «грехи», и они исповедовались |в случаях|, если украли что-то или поругались, и |в случаях| служили ли они хорошо своему начальнику или кураке, благоговели ли они перед *Супаем* и дьяволом, и вакой или идолом, и завершали |исповедь| тем, что им приказывал дьявол. Они также сообщили мне одну примечательную вещь: после того как дьявол увидел, как индейцы совершают то, что им приказывают Отцы-|священники|, и христианские |их| дела, он им приказывает, чтобы они, будучи христианами, не были такими по доброй воле, и не делали ничего того, что им прикажут Отцы относительно христианства, а |если и| ходят в церковь или приход, то лишь насильно; и потому мы это видим у некоторых |нерадивых священников|, исключительно

[547] Брак с ододрением или испытанием. Проверка.
[548] Так в тексте: глагол в настоящем времени изъявительного наклонения, хотя ранее использовано длительное прошедшее несовершенное.
[549] Высокогорная долина в Андах.
[550] Точнее, «учи».

с помощью насилия приводящих их к учению и мессе, и они |от этого| убегают; и потому мне поведали, что колдуны их также заставляют сознаваться в том, что они ходили на учение Отцов добровольно. Ведь после того, как они говорили, что не должны говорить и что они уже сообщили всё то, что нужно сказать, и |высказали уже| все свои грехи и *очас*, они |жрецы| берут одну морскую свинку [соу] и убивают её, и смотрят на её внутренности, и если она здорова, они говорили ему |т.е. исповедующемуся|: «*иди, сын Бога, уже отпущены твои грехи*»; но если внутренности были испорчены или имели какое повреждение или нагноение, они называли его сыном дьявола, злым и порочным, и что он недостаточно хорошо сознался в своих грехах, и на такого они налагали суровые наказания, от которых многие умирали, а по завершении наказания, они возвращались и обязаны были |делать| то, что им |жрецам| взбредёт в голову придумать, и что тот |грех| им прощался, и они вновь принимались за морскую свинку [соу], пока не обнаруживались подходящие внутренности. И это делалось больше в других краях, в Куско и Кольао, но не в Гуамачуко, и это весьма достоверное сведение.

[46] Среди прочих способов, имеющихся у них в вопросах клятвы, т.е. если один даёт свидетельство против другого, и тот, кто даёт свидетельство и клятву против невиновного |действует| таким образом: берёт немного земли и кладёт её на ноготь и дует, а затем |вследствие| дьявольских штучек невиновный падает; и когда нет у него того, кто оказал бы ему помощь, он остается там умирать, и даже затем умирает из-за силы дьявола и его обманов; а если ему благоволят, то тот, кто его свалил с ног, пять раз ходит вокруг упавшего и посыпает дом упавшего маисовой мукой, а затем омывает его |дом| водой, и тогда упавший поднимается, но не становится совершенно |таким, как был|, поскольку остаётся парализованным. Этот суд произошёл перед отцом-монахом Хуаном Рамиресом, и он воспрепятствовал этому, и увидев парализованного, и он похоронил таким образом одного мертвеца, и хотя это покажется невероятным, но их не испугаешь тем, как он |дьявол| затевает на этой земле интриги, и ложь, и обманы; только и приходится умолять Господа, чтобы он освободил нас от них, аминь, и придал нам сил, дабы уничтожить их обманы и подлости, в этом краю обиходные, отчего в таком неведении он держит этих бедных людей.

В этой провинции есть одно зелье, имеющее такое свойство, что съев его или выпив, потом в теле разводятся черви, и когда эти травники |знахари| хотели совершить зло кому-то, они старались тайком дать тому это зелье, чтобы он умер; а если хотели, чтобы он умер сразу, они дают много, а чтобы |он умирал| мало-помалу усыхая, |то| дают мало |?|: и потому, возможно, видят, что каждый год какой-нибудь курака или касик валится с ног, и они даже не позволяют ему прожить целый год; и они непременно устрашали монахов, но Господь их освободил; таким же образом они убили Марк|оса|, того йа*накона* и слугу, что открыл нам идолов и тайны.

Как дьявол внушал им убивать с помощью трав, так он и открыл тех, кто это делал, и особенно злых **[47]** колдунов, убивающих вельмож |или

начальников|, и дьявол показал их вот как: они берут животный жир и сжигают его, а когда |тот| загорится, различают внутри жира образ дьявола, и тогда колдун угрожает тому образу, говоря, чтобы он сказал ему правду, и затем образ произносит, и говорит: такой-то или такая-то дал зелье такому-то; и отсюда происходит то, что дети или родственники умершего убивают того, кто дал травы и бросают его в реку. Этот суд они хотели провести в присутствии Отцов, но те этого не позволили из-за столь большого вреда и колдовства от этого, пока им не пригрозили, что их казнят, если они это сделают.

Отец-монах Хуан Рамирес настаивал, чтобы они показали ему это зелье, и было ли какое противоядие |к нему|, они показали ему его и два вида противоядия; мы все их видели, и эти два зелья предназначались для принудительного вывода колдовских чар из тела, и сказывают, что они делали это вот как: брали две травы и подносили их к глазам и оказывали почтение и поклонение им, говоря: «*а, а, а, избавь меня |от| этих чар*», и даже говорят, что околдованный-таки не умирал. Не знаю, дело ли то дьявола, во что я больше верю, или же всё дело в свойствах трав; как я сказал, и те, и другие нам показали; и Отцы даже преисполнились страха, но слава Богу, до сих пор никто не умер от колдовства, хотя дело обычное, когда одни убивают других, и мы не можем воспрепятствовать этому.

У этих |знахарей| также было две травы, какие у них есть |и сейчас|, и с помощью их корней они изготавливают порошки, и бросают их в еду или напиток, и ими многих убивают; или |действуют| иначе: берут порошки и бросают их в какую-либо вещь, какую угодно, и, |например|, кидают их |порошки| под плодовое дерево, и все те, кто отведает с него плодов, умирают, **[48]** и Отец-монах Хуан Рамирес съел однажды с этого заколдованного дерева, говоря словами псалмослова: *si per aspidem et basiliscum ambuladas*[551], но ему это не причинило никакого вреда. Думаю, что поскольку у этих |людей| нет совершенной веры, дьявол имеет над ними большую власть: они заколдовывали дома и *чакары*, и посевные поля, и оросительные каналы, чтобы всё, что бы там не прошло — погибло; ходили |там| Отцы-|священники|, зная об этом, восемь дней, извлекая эти колдовские штуки, и достали их из более ста пятидесяти мест; да увидит Ваше Преподобие, куда их завёл дьявол и как он их любит, а старается же он |единственно| убивать их.

Эти *алько* или лживые жрецы, которых мы там, кстати, называем «колдунами», когда хотят спросить о чем-то дьявола или вызвать его, у некоторых из них |в таких случаях| было несколько барабанов, сильно обрызганных кровью морских свинок, а у других — несколько решеточек, заполненных бубенчиками, и одни брали их себе в руки, а другие клали на весьма изысканное древко, а ещё одни брали большие медные колокольчики; и когда они наигрывали на каком-либо из этих вышеназванных

[551] Явная ошибка. Должно быть: “Super aspidem et basiliscum calcabis conculabis eonem et draconem” — “На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона” Пс. 90:12, 13. Т.е. цитата у августинцев звучит так: «если по аспиду и василиску ходишь».

инструментов, вслед за тем приходил дьявол, и те колдуны или колдуньи спрашивали его о том, что им важно было узнать; если то касалось здоровья какого-либо больного, дьявол ему говорит: «*Выпадет ли больному из рук колокольчик [bello], он не умрёт, а если не выпадет, то умрёт*»; а если его молили о воде, он также давал свой ответ. И всё это говорится не в одном месте, а во многих, иногда спереди, иногда позади, а иной раз — сбоку: вот так колдун лишается здравого смысла, и видя его несущим вздор, дьявол легко его обманывает, и заставляет его говорить народу то, что он задумал; если это была вода, он говорил ему, чтобы весь народ шёл к такому-то или такому-то идолу или ваке, и чтобы они сделали такое-то или такое-то жертвоприношение, и что потом пойдёт дождь[552]: этими и другими такими же делами он водил их в неведении; мы предостерегли этих несчастных, и **[49]** они |сами| говорят, что злом является то, что они творят, и между тем, от всего этого они не хотят отрекаться.

У них были не только эти ваки и идолы, всеобщего и частного характера, для селений, |но| и многие другие, о которых не стану здесь говорить о |таких, что являли собою| подобие колдовских штук, чтобы избежать многословия, ведь не видно тому ни конца ни края, поскольку несомненно, если бы можно было дать полный отчёт, я уверен, что |насобирается| более трёх тысяч идолов, найденных с божьей помощью Отцами этого ордена Нашего Отца Святого Августина, и они извлекли, и сожгли, и обнаружили великие пороки и чародейства, и хитрости [captelas][553] дьявола в этой провинции Гуамачуко. И всё это можно проверить: где, и как, и каким образом они были раздобыты, и остальные вещи, о которых я здесь говорю — это всё для того, чтобы с их помощью понять индейцев и не могли бы обманывать их, так как определённо дьявол держит их в таком обмане, и у них в ходу столько хитростей, что Отцы, действующие среди них, должны быть хорошо осведомлёнными, и не только об этом и об этих общеизвестных идолах, но и в их собственных домах для каждой вещи у них есть свой отдельный идол, как у римлян были пенаты и лары, и тому подобные, и для лучшей осведомлённости о некоторых я привожу здесь подробные сведения.

Один идол или вака |у них есть и| для морских свинок и, как они говорят, их же создавший, его они называют *Пайгинок* [Paiguinoc], и слова, которые они ему говорят: «а, а, а по, соединены руки, приумножь моих койев, и пусть они у меня не умирают, ибо есть у них еда».

Другой |идол| есть в их доме у женщин, которого называют *Мама-асуа* [Mama-azua]; так, когда они делают свою чичу или напиток из маиса, как я говорил выше, и варят его долго [la cuecen mucho], и он створаживается или сгущается; они хорошенько приглядывают за ним пока он выкипит, и почитают его внутри дома, и говорят, что он им дарит напитки — *асуа* и *чичу*.

---

[552] Вполне возможно, жрецы, как специалисты своего дела, имея изрядный опыт, могли предсказывать погоду по ряду примет, и на этом держался их авторитет и их власть шаманов.

[553] Явно устаревшее слово даже на момент составления доклада.

[50] Также у них внутри в доме есть другой |идол|, которого они называют *Мама-учо* [Mama-ucho]; так вот, когда вырастает то два, то три стручка *ахи*, который, как я говорил, здесь называют индийским перцем, и эти стручки случайно вырастают вместе и сросшимися на одной ветке; её срезают и хранят внутри дома, и оказывают почтение *Мама-Учо*, чтобы она подарила им много *ахи* или *учо* [ucho], т.е. этого индийского перца, любителями которого они являются.

Также внутри их дома есть другая вака или идол, называемый *Ильа*[554] [Illa]: когда у них имелся какой-либо крупный олень, они смотрят в |его| брюхо, и если обнаруживают какой-нибудь камень или твёрдый навоз, то надёжно его хранят в нескольких мешках, и тот камень или навоз они почитают и приносят ему в жертву кровь морских свинок. Этих и вышеупомянутых было |нами| раздобыто и уничтожено множество, и извлечено из их собственных домов, давая им понять их полное невежество.

Дьявол их также недавно научил, после того как пришли в Перу испанцы, после знакомства с козами, вот чему: когда они их убивают, то находят во внутренностях нечто вроде маленького комочка из засохших трав, и его они хранят в своём доме, и поклоняются ему, и оказывают почтение, чтобы увеличились в числе козы; они называют его *Ильа-кабра*[555], и приносят ему в жертву кровь морской свинки и устраивают празднества как и |в случае| с другими |ваками|.

Также для увеличения овец у них есть ещё одна вака, называющаяся *Ильа-льяма*[556]: это камень, образующийся у овец в брюхе от поедания солёной или селитряной земли, потому что в этом краю большие количества залежей селитры, и эти |люди| всегда держат их вместе с вакой, называющейся *Карамаго* [Caramago]: они им поклоняются, и оказывают почтение, и обычно их очень много, и сколько найдётся, |столько| сжигается |нами|, и обнаруживают их каждый день: дело привычное — иметь их для этих больших празднеств.

[51] Также когда индейцы раньше ходили, да и сейчас ходят, на добычу золота для |выплаты| своей подати, как раз отыскав какую-нибудь большую и увесистую крупинку, кидают её в корзиночки, их они называют *Мамакори*[557] [Mamacori], и хранят их, и оказывают им почтение, и поклоняются им, чтобы при добыче золота они добыли его в большом количестве, и до сих пор они так делают; достаточно им говорили и внушали |мы|, и давали понять их невежество; Господь их просветит.

Они поклоняются огню, произнося такие слова: «*Тебя сотворил и создал Атагуху для согревания бедняков, согрей меня, чтобы я не умер от холода*». И говоря это, они жертвуют маис и муку, и это делается раз в год, чтобы не было холода: их порицали за это и давали понять их слепоту и невежество.

---

[554] DGH: Illa или Ttisa. — близнец мужского пола. В свою очередь Близнец-девочка — Ahua, или uispa. Но вероятнее всего, речь идёт об «illa» — «чудесный, магический объект». Как глагол означает «блестеть, сиять».
[555] Т.е. Близнец-коза или чудо-талисман-коза.
[556] Близнец-лама или чудо-талисман-лама.
[557] Мама-золото.

Также они берут скорлупу птичьих яиц, кроме куриных, и нанизывают, и подвешивают их, и выказывают им почтение, говоря, что то приумножит им морских свинок.

В пору усыхания маиса и опадения его цветков, в укромные места, куда их уносит ветер, идут колдуны и берут те маисовые листья и цветы, и несут их в свои дома, и там поклоняются им, и приносят в жертву морскую свинку, разбрызгивая на сами листья их кровь; |отцы| сожгли их в очень больших количествах и упрекали их |за это|.

Всё это и многое другое разведали в основном эти четверо Отцов: монахи Хуан де С|ант| Педро, Антонио Лосано, Хуан Рамирес, Хуан дель Канто; остальные находились в монастыре города Королей |Лима| и ходили в другие края, как мы сообщим в дальнейшем.

Начиная с |15|51 и по |15|55 года и ежедневно происходят |новые| открытия; однако продолжим нашу историю: уже в это в время Орден отправил Отца-монаха Педро де Сепеда в Кастилию за монахами для **[52]** расширения проповедования, потому что Отец-монах Хуан Эстасио, первый Глава Провинции, ушел за монахами и умер в замке Гарси-Муньоса, и поэтому на втором капитуле, состоявшегося 21 апреля 1554 года[558], был избран Главой Провинциального Ордена достопочтенный и очень набожный отец монах Андрес де Саласар, во времена которого был утверждён дом |приходская церковь| в Гуамачуко. И отец-монах Педро де Сепеда был отправлен, как я сказал, в Испанию за священниками, и на этом капитуле создали несколько актов и необходимых уставов; были приняты некоторые священники, и были они заняты работой в Гуамачуко, пока 15 мая 1557 года не был снова созван весь капитул в городе Королей, и был избран Главой Провинции отец-монах Хуан де Сант Педро, находившийся в то время в Гуамачуко и при |там| исполнении своих обязанностей. К ноябрю месяцу 1559 года прибыл отец-монах Педро де Сепеда с 11 священниками[559], привезёнными из Кастилии, а именно: отец-монах Хуан де Биберо, монах Диего Гутьерес, отец-монах Хуан Вадильо, отец-монах Андрес де Вилья-Реал, монахи Эрнандо Гарсиа, Диего де Каравахаль[560], Диего де Дуэньяс, Луис де Кордова, Луис Лопес, Диего де Вальверде и Диего Эрнандес; затем их разделили, о чём мы расскажем в дальнейшем. Сейчас я хочу сообщить кое о чём, поскольку справедливо, чтобы Ваше Преподобие об этом узнало, а именно о распоряжениях, привезённых отцом Сепеда и его сотоварищами из этой провинции Кастилия, и том, что Отцы из Перу учредили касательно посещения индейцев, ибо это дело весьма необходимое, чтобы оно соблюдалось, и чтобы Ваше Сиятельнейшее Преподобие о нём знало: ведь он принёс из Испанского капитула, состоявшегося 25 мая 1557 года в Вилья де Дуэньяс **[53]**, когда второй раз Главой Провинции был достопочтенный отец-

[558] В рукописи Цифра 4 в дате под сомнением.

[559] Традиция брать с собой 11 священников, что в сумме давало 12 человек, прослеживалась на протяжении всей истории Перу — это связано с аналогией с 12 первоапостолами.

[560] Так в оригинале. Должно быть «Карвахаль».

монах Франсиско Серрано, и когда сообщили дефиниторию[561] той провинции, отправленныё ими следующий приказ.

«Приказываем, чтобы, поскольку в тех краях Перу имеется нехватка приоров для избрания там Главы Провинции, приказываем и постановляем, чтобы, как только число домов |приходов; церквей| станет равным десяти, приоры, имевшиеся в Городе Королей вместе со священниками, собрались, где, такова наша воля, всегда бы проходил капитул; в тоже время, если не будет более десяти домов, с помощью этих приоров и их советников собраться на такие выборы, и тогда они назовут место, где наиболее целесообразно это совершить; и так, когда приоры соберутся в том городе, они соблюдают способ и образ, им даный, когда они в них |в провинции| переедут, и такой-то собор чтобы избрал Главу Провинции и названных приоров, возьмут власть |в свои руки| относительно своих подданных, какие наши уставы им дают.

Также: поскольку у нас есть сведения, что некоторые священники орденов, в те края переправившиеся, просят милости с сердобольным усердием, чтобы направить своим родителям или родственникам, из-за чего разгорелся скандал и скверный случай в этих королевствах; поэтому приказываем и постановляем, что ни один монах нашего Ордена не дерзнёт просить о таковой милости без особого разрешения in scriptis[562] Главы Провинции, кто бы он ни был, |строго| регулируя количество просьб; а после прошения, сам Глава Провинции с помощниками отправляют такое прошение, подписанное от имени той провинции, таким-то родителям или родственникам такого-то священника, давая им понять, что от самой провинции это было отправлено в помощь ему. И это соблюдается именно так, с целью, чтобы избежать ***[54]*** *таких скандалов, случающихся там; отправку монахами денег в эти края, сиё приказываем блюсти в качестве святого послушания. Сказано это на этом капитуле относительно сдержанных милостей и если, чего не желает Бог, тот, кто, не боясь Господа и бремени совести, нарушит это сознательно, этими самыми словами лишаем его голоса, действующего и бездействующего, пока такой-то не будет прощён Главой Провинции и советниками той провинции, и месяц пусть несёт наказание за тяжкий грех, согласно тому, как говорят наши уставы, и да будет он лишен той милости; повелеваем всем прелатам и священникам, кому это станет известно, чтобы они затем заявляли об этом Главе Провинции, чтобы произвести наказания для вышеназванных в таком преступлении.*

А также: разрешаем, чтобы, в виду нынешней нехватки в священниках, по прошествии трёх лет, Глава Провинции мог быть переизбран, и что советники последнего капитула могут быть переизбраны на те же должности советников, при этом, чтобы число избирателей впредь не превышало двенадцати; а любознательные люди, отправившиеся на выборы

[561] Совет помощников Ордена.
[562] Письменно.

|в| провинции, могут быть выбраны Главой Провинции, в виду вышеназванной нехватки, и что приоры могут быть переизбраны, поскольку у нас есть сведения, что так целесообразнее.

А также: поскольку у нам сообщили, что некоторые священники Орденов, перебравшиеся в те края, написали и пишут письма Императору, Нашему Владыке, и |должностным лицам| его Королевского Совета, и другим частным лицам относительно управления, и провизии, и происшествий, и о многих других вещах, обычно происходящих в тех королевствах, от чего происходило, и происходит много вреда и никакой пользы; поэтому повелеваем, в качестве святого послушания, чтобы ни один священник той провинции ***[55]*** *не написал ни одного письма ни вышеназванным лицам, ни любым другим; а если возникнет необходимость составить доклад Королю, Нашему Владыке, или лицам из Королевского Совета, относительно вышеперечисленного, то пусть тот сообщит об этом местному Главе Провинции, и если тому покажется целесообразным сообщить о чём-либо |таком|, тогда тот Глава напишет такое письмо, подписанное им и советниками; они отправят его туда, куда и кому им покажется целесообразнее решить в таком случае.*

Дано в нашем монастыре Дуэньяс, 25 мая 1557 года.»

В субботу перед Воскресной Пасхой 11 мая 1560 года собрался капитул в той провинции Перу, и приказали соблюдать эти акты и распоряжения из Испании во всём и повсюду, и их приняли, аки послушные чада той провинции; и на том капитуле отдали приказы и по другим соответствующим вопросам, из которых я приведу здесь некоторые:

«Дабы в селениях испанцев всячески заботились, чтобы наличествовал хорал и никто не был посажен за ним, а только снаружи по очень уважительной причине.

Чтобы в обителях среди индейцев произносились |мессы| все часы в церкви, и чтобы они произносили свой антифон[563] *после завершения |тех|, и чтобы были свои полчаса для раздумий, и были у них свои три дисциплины, как в обычае в нашей религии; и поев и поужинав, не прекращать чтение.*

А также: чтобы отцы, пребывающие среди индейцев, всячески заботились о своем визите |к ним|, и чтобы индейцы были наставляемы, и чтобы никто не умирал без крещения, и проверяли своих подданных относительно отправления таинств, обучая их для этого соответственно, и заботились над обучением языку, и чтобы все наставляли ***[56]*** *индейцев одинаково, чтобы были у них свой катехизис и проповеди, и символ веры, на |их| языке, как |то| было сделано в Гуамачуко.*

Чтобы ни один священник не играл ни в какие игры в Нашем Ордене, чтобы за развлечениями хорошенько приглядывали, потому что индейцы

[563] Антифон — богослужебное песнопение, исполняемое двумя хорами попеременно: вначале правым клиросом, затем левым. Такое попеременное исполнение называют антифонным пением.

наблюдают за нами в оба, и во всём подавали хороший пример пред Богом и пред людьми.

Чтобы ни в одном монастыре, викариате, церковном приходе, ни один священник не держал при себе служанку-индеанку; в дом |т.е. церковь| можно входить только мальчикам, прислуживающим в доме; и чтобы индеанки, используемые для стирки одежд или приготовления хлеба, были старухами и замужем, и жили далеко от дома, по меньшей мере, на расстоянии броска камнем; да чтобы в их дома не входили священники и не осмеливались добиваться прислуживания визитами; если они сделают обратное, то будут сурово наказаны.

Чтобы ни у одного священника не было, и такому не оказывали услуг серебром или золотом, и чтобы этого не было ни в одном доме, лишь снаружи, в ризнице, для поклонения богу; и поручаем Отцу Провинциалу, чтобы он устроил тщательное расследование [*pesquiza*][564] *по этому поводу; а приор или викарий, у которых оно будет обнаружено, будут покараны.*

Также: строго приказываем, чтобы ни один священник, пребывающий среди индейцев, нигде не продавал и не обменивал никаких вещей, потому что остальные наказания, какие наши уставы накладывают, De propietario, *он будет покаран иными тяжкими наказаниями.*

Чтобы ни один священник не приобретал облачение[565] *[el signodo], ни то, что дают для его ризницы, а только то, что приобретают приоры или викарии, и келари, и давали бы священникам то, что им было бы необходимо, и всё |это| складывается в складской сундук, согласно нашей вере; и во всех домах чтобы была своя книга учёта прихода и расхода, а приоры* ***[57]*** *монастырей старались навещать своих викарии и |проверять такие| книги, а Отец Провинциал — монастыри и прочее, так, чтобы избежать всяческих прав собственности; и мы скорее соблюдаем в этих краях бедность и подаём пример, что пришли лишь за Богом и душами этих индейцев.*

Также: приказываем, чтобы если возможно, не выходили навещать и наставлять индейцев меньше чем по двое, и если бы вышел один, из-за большой ныне существующей нехватки в священниках, пусть он идёт с касиками и начальниками того селения или провинции, которую он собрался посетить, и всегда они будут с ним, а альгвасилы[566] *и толмачи ночуют перед его помещением.*

Также: приказываем и очень рекомендуем приорам и викариям, так как всё это — для служения Нашему Господу и во благо нашей вере, и во

---

[564] Найти значение этого слова не удалось. Скорее всего, орфография ошибочная или устаревшая. Переведено по смыслу (В. Талах).

[565] Переведено по смыслу В. Талахом с примечанием: Signodo, на мой взгляд, не имеет отношения к синоду, поскольку "синод" не может быть предметом покупки. Вероятно это корень signo— с собирательным суффиксом —ado/-odo. Signo означает "знак", но также специально "крест". Вероятно, речь идет о крестах; действительно, торговля этими символами христианства на глазах у индейцев могла весьма ухудшить их мнение о новой религии. Если буквально понимать: "нечто, являющееся знаком сана" (это опять какой-то церковно-монашеский жаргон). Прим. С. Куприенко: но поскольку речь далее идет о ризницах, то вероятно «signodo» это-таки «облачение».

[566] Альгвасил (альгвазил, алгвазил) (исп. *alguacil* - — чиновник, визирь) — в Испании младшее должностное лицо, ответственное за выполнение приказов суда и трибуналов, в соответствии с законодательством. В Средневековой Испании алгвасилы подчинялись алькальду и выполняли роль полицейских. Альгвасилы избирались городским советом, обычно, на один год, но после выборов должность переходила в их собственность человека, которую они (или, их наследники) могли перепродать.

избежание происшествий и скандалов, пусть заставят это соблюдать, и нашему Отцу провинциалу очень это рекомендуем; и а те, кто совершить противное этому, будут покараны очень сурово.

То, как наставлять в вере, будет приведено дальше |в тексте|[567]*.»*

Уже прибывшие в город Трухильо вышеназванные отцы, пришедшие с отцом монахом Педро де Сепеда, встретили вышеупомянутого Главу Провинции, отца-монаха Хуана де Сант Педро, в Городе Королей, где он благосклонно принял тех, что туда пришли, так как другим он приказал ждать в том городе Трухильо, потому что там он желал приобрести дом и похлопотать о нескольких приходах, полученных в Чачапояс [los Chachapoyas], в репартимьенто Хуана Переса де Гевара, называющемся Леймебамба[568] [Leimebamba] и в Кончукос [los Conchucos], и являющемся границей города Гуануко [Guanuco], называющегося Леймебамба[569]. А потому упомянутый Глава Провинции прибыл в город Трухильо позже, и там приобрёл дом, ведь если было столько **[58]** приходов вокруг, то там имелась необходимость в |каком-нибудь| помещении поблизости, куда сходились бы те, кто проживал среди индейцев в приходах, заботиться и обо всём остальном, потому что из Чачапояс, и Гуамачуко, и Кончуко все сходились в город Трухильо; и потому он приобрёл дом нашего отца Святого Августина в Трухильо, и поставил первым приором отца-монаха Диего Гутьереса, и для того, чтобы он проповедовал в том городе; и он дал ему в товарищи бывшего тогда отца-монаха Луиса Лопеса, и отца-монаха Диего Агилара, принявшего духовный сан в городе Королей.

Двух других он отправил в Леймебамбу, как я уже сказал, находящегося в пределах города Чачапояс, что составляет 120 лиг |расстояния| для посещений, |а| край то очень суровый и очень влажный, где круглый год только и идёт дождь, и по этой причине дома индейцев построены на вершинах склонов и холмов, некоторые дома круглой формы: они |священники| достигли почти Мотилонов [los Motilones], и там поблизости есть кое-что примечательное, а именно: индейцы, называющиеся Чальчи [los Chalchos], все они |как мужчины, так и женщины| с большими зобами.

...В этом месте рукопись обрывается; как можно предположить, она была предназначена для некого прелата или настоятеля Ордена Святого Августина. Внизу копии стоит автограф и подпись Муньоса, гласящая: «Contuli. Симанкас, 14 ноября 1783 (последний день моего пребывания в этом городке). Муньос.)

[567] Поскольку рукопись будет прервана, этой части рекомендаций нам не дано будет узнать.
[568] Возможно, Льемебамба.
[569] Очередной странный повтор.

Документы, связанные с Диего де Кастро Титу Куси Юпанки, являвшимся предпоследним правителем Инков (1565–1570 гг.)

Титу Куси Юпанки, Диего де Кастро (исп. Diego de Castro Titu Cusi Yupanqui) (1539, Перу — 1571, Перу) — предпоследний потомок правителей Инков по мужской линии, внук Уайна Капака и сын Манко Инки Юпанки.

Биография

Точная дата его рождения неизвестна. Его первоначальное имя также неизвестно. Имя полученное при коронации — Титу Куси Юпанки — на языке кечуа значит: Великодушный Счастливый Знаменитый. В возрасте четырёх лет, когда он находился со своим отцом Манко, его захватили испанцы и переправили в Куско. По постановлению суда он был отдан на попечение некоему Оньяте (Oñate) и следующие четыре года находился в окружении своих врагов. За это время он выучил испанский язык. В восемь лет он был возвращен к своему отцу, поскольку его удалось похитить у испанцев.

Стал правителем Инкой в 1558 году в Вилькабамбе после Сайри Тупака и правил по 1571 год. Пока он находился в Вилькабамбе вице-король Перу Франциско де Толедо хотел установить с ним дружественные отношения. 24 августа 1566 около Анкобамбы Титу Куси Юпанки подписал мирное соглашение с испанцами и ратифицировал его 9 июля 1567, поклявшись на верность Испанской короне.После установления отношений с испанцами в 1568 году Титу Куси принял христианство. Титу Куси сделал Тупак Амару жрецом и хранителем тела Манко Инки II в Вилкабамбе. Титу Куси Юпанки был убит в 1571 году. Монаха Диего Ортиса обвинили в его отравлении, после смерти которого Тупак Амару стал правителем.

Произведения

Его Сообщение было составлено в Сант-Сальвадоре де Вилькабамба 6 февраля 1570, при этом присутсвовали такие свидетели: монах-августинец Маркос Гарсия, монах Диего Ортис, Пабло Гуальпа Юпанки, Мартин Коси Гуаман и Гаспар Ксулька Янак; и подписана она двумя монахами, нотариусом выступил Мартин де Пандо, по поручению губернатора Лопе Гарсия де Кастро.

* Castro Tito Cusi Yupanqui, Diego de. Relación de la Conquista del Perú y hechos del Inca Manco II. Lima: Impr. y libr. Sanmartí, 1916 (1570). xxxiii, 151 p.

[Перевод с испанского издания:
Testimonios, cartas y manifiestos indígenas (Desde la conquista hasta comienzos del siglo XX). — Caracas, Biblioteca Ayacucho, 1992, ISBN: 980-276-187-7, p. 155–162.]

Титу Куси Юпанки и сопротивление инков в Вилькабамбе (1565–1570 года).

В 1533 году, Инка Атау Вальпа[570] [Atau Huallpa], захваченный испанцами в Кахамарке, приказывает убить своего брата, Инку Васкара [Huáscar]. В том же году испанцы казнят Атау Вальпу, обвинив его в предполагаемом заговоре. В 1536 году молодой Манко, брат обоих умерших Инков, и марионетка в руках испанцев, решает поднять всеобщее инкское восстание, чтобы изгнать "гостей", оказавшихся не только алчными и крайне непочтительными, но и виновными в преступлениях. По истечении почти целого года, испанцам, запертым **[155]** *в Куско, удаётся выйти из*

[570] Т.е. Атавальпа.

окружения, высмеивая бдительность крестьянских войск Манко Инки. Перед неизбежным контрнаступлением наученных горьким опытом испанцев, Манко Инка удаляется (1537 год) в горы Вилькабамбы, место, расположенное в зоне Антисуйу *в составе бывшей* Тавантинсуйу *или |государства| "четырех объединенных регионов" Инков; для Инков эта высокогорная амазонская [altoamazónica] зона была до того времени малознакомой территорией. Едва успев поселиться, Манко мобилизует свои войска и предпринимает "долгий поход" на север (в провинцию Чачапойяс), разбив несколько испанских отрядов и жестоко наказывая местные народы, ставшие союзниками захватчиков, особенно гуанков [los huancas]. Следующим шагом Манко Инки, исключительно в контексте индейского сопротивления европейцам, станет основание, — как скажет позже хронист Гуаман Пома де Айяла, — "нового Куско", центра восстановления* Тавантинсуйу. *Неоинкское государство в Вилькабамбе, несмотря на неоднократные испанские атаки, будет являться очагом восстаний более 30 лет: до 1572 года. Несколько сторонников Альмагро, попросивших о защите — и добившись дружбы — Манко Инки, убьют его в 1544 году. Манко, как правителя, несомненно, сменил его сын Сайри Тупак [Sayri Túpaq], но, кажется, что другой его сын, Титу Куси Юпанки[571] [Titu Cusi Yupanqui], в действительности руководил политикой государства.*

Начиная с пятидесятых годов, испанцы пытаются договориться о "выходе" Инков из Вилькабамбы. Основным испанским посланником в 1556 году, похоже, являлся хронист Хуан де Бетансос, муж сестры Инки Атау Вальпы[572] (Анхелина Аньяс Юпанки [Angelina Añas Yupanqui]). По своей ли собственной инициативе или по воле своего брата Титу Куси, Инка Сайри Тупак "выходит" в 1557 году из Вилькабамбы, чтобы поселиться в землях, предназначенных для него испанцами в долине Юкай, неподалёку от Куско. Но государство в Вилькабамбе не сдается, и когда Сайри Тупак умирает — после отравления, согласно местной традиции, — в 1560 году, Титу Куси официально становиться правителем Инкой. Начиная с середины шестидесятых годов, боясь восстания местных жителей, возглавляемого Инкой Титу Куси, губернатор Лопе Гарсия де Кастро (1564–1569) начинает новые переговоры с Вилькабамбой. В 1566–1567 годах, Инка официально подчиняется Испании ("капитуляция в Акобамбе"). Он допускает также присутствие испанского коррехидора Диего Родригеса де Фигероа. В 1568 году он принимает крещение и позволяет "самовольное вторжение" двух августинских монахов, Маркоса Гарсия и Диего Ортиса; недовольный их миссионерским фанатизмом, тем не менее, Инка, похоже, сильно ограничил их свободу действий и подверг их жестоким насмешкам. Несомненно, в Вилькабамбу вскоре проследовал также метис Мартин Пандо, его "личный секретарь". Несмотря на эти (слабые) уступки, Титу Куси не прекращает исполнять свою политическую власть и функцию жреца Солнца: переговоры для него — это не только часть глобальной стратегии, не доставившей ему

[571] Т.е. позже названный — Диего Кастро Титу Куси Юпанки.
[572] Т.е. Бетансос приходился шурином Титу Куси Юпанки.

удовлетворения, в действительности, это **[156]** *возможность подлинной капитуляции. После смерти Титу Куси (1571 год), его "полководцы" казнят монаха Диего Ортиса, посчитав его виновным в смерти правителя.*

Когда испанцы, в соотвествии с жестким курсом, установленным новым наместником Франсиско де Толедо, в 1572 году захватывают территорию Вилькабамбы при помощи очень сильной армии, им всё же не удаётся напасть на её убежавших жителей, но в конце концов они таки захватили нового Инку, Тупака Амару [Túpaq Amaru]. Несколько месяцев спустя они публично, на глазах у бывших инкских индейцев, четвертуют его в Куско.

Письмо-воспоминание Инки Титу Куси Юпанки к лиценциату Хуану де Матьенсо, июнь 1565 года.

*В письме, которое "некий Диего Родригес де Фигероа [un Diego Rodríguez de Figueroa]" — будущий коррехидор Вилькабамбы — вручит в начале 1565 года Инке Титу Куси в Рангалье, лиценциат Хуан де Матьенсо, оидор Его Величества, предлагает начать новые переговоры, прерванные несколько лет назад. Титу Куси не только принимает предложение, но и посылает свой ответ в Куско с несколькими своими сановниками. В середине года сам Матьенсо встречается с Титу Куси на мосту Чукисака. В этой удобный момент Инка вручает оидору памятную записку [memoria] "об оскорблениях, полученных им и его отцом, и о случаях, послуживших для него поводом предпринять действия, им совершенные"; этот текст Матьенсо воспроизводит — в 1567 году — в своей работе «*Управление Перу» (издано в 1967 г.). *Кто написал эту "памятную записку"? Ссылаясь на визит вышеупомянутого Диего Родригеса, Матьенсо, основывающийся главным образом на заявлениях своего посланца, указывает: «потом |Инка| сказал своему секретарю |метису Мартину Пандо|, чтобы он написал письмо, которое он*[573] *|?| сам надиктовал на их языке, потому что он немного понимает испанский язык" [там же: стр. 297].*

ТЕКСТ:

Сиятельный сеньор:

Кажется, что честь отсутствующих угасает, а поскольку некоторые подлецы говорят в моё отсутствие о вещах, о которых не следует говорить, и поскольку мое намерение состоит в том, чтобы удовлетворить Вашу Милость, ибо вы во всем желали оказать мне милость, то было бы хорошо поведать о моих делах, имевших место несколько ранее, для того, чтобы Ваша Милость хорошо и полностью их затем поняла.

[573] Неясно, Инка или его секретарь.

В то время как христиане пришли в эту землю был схвачен мой отец Манго Инга [Mango Inga], под предлогом и оговоркой, что он хотел восстать с королевством после смерти Атагуалипы [Atagualipa], с той только целью, чтобы он дал им один *боио*[574] [bohío] наполненный золотом и серебром. В тюрьме они скверно с ним обращались, как словом, так и делом, набросив ему на шею ошейник [collera], **[157]** как собаке, и навешивая ему на ноги кандалы, и водя его за ошейник среди его вассалов, ежечасно подвергая его пыткам[575], держа его в тюрьме больше месяца, откуда, из-за плохого обращения, оказанного ему, его детям, и людям, и женщинам, он выбрался из тюрьмы и пришел в Тамбо [Tambo], где со всеми касиками и знатью[576] [prencipales] своей земли составил лигу. И он находился при осаде Куско, объявив всем испанцам войну из-за вышесказанного, оттуда он вновь ушел к *андам*[577] [a los andes], и сразился с испанцами в Хаухе[578] [Xauxa], где многие погибли, в также в сражении в |долине| Юкай [Yucay], где погибло более четырехсот испанцев, а затем в Пукара [Pucará], где состоялось сражение с Гонсало Писарро — когда пали Гуайпар [Guaypar] и Ингиль [Inguill], сыновья Гуайна Капы[579] [Guayna Capa], и не осталось других сыновей, кроме Паульо [Paullo] — единственно желавшего захватить у них |инков| их поместья и жён. И от Кито досюда никто не убежал, а затем у него было сражение в Пилькосуни [Pilcozuni] с испанцами и индейцами этого королевства, где с обеих сторон велики были потери среди людей.

Прекратив войну с ним, успокоенным жалким положением, им претерпеваемым в Витикос [Viticos], прибыли, с целью укрыться, семь человек из тех, что находились с Гонсало Писарро, восставших против служения Королю, и он отнесся к ним очень хорошо, и оказывал им много приятного, и из алчности, в результате чего я пребываю ныне в этом жалком положении, они подняли мятеж и устроили заговор, и предательски убили его, и мне нанесли удар копьем, и если бы я не бросился со скал вниз, они

---

[574] Слово из Карибского региона, означает «хижина из ветвей тростника и соломы без окон».

[575] Вот как пишет об этом исследователь Хемминг в своей книге: «Оскорбления, которым подвергался Инка в плену, стали еще изощреннее. В более поздних хрониках приводились слова Манко о том, что «на него мочились Алонсо де Торо, |Грегорио| Сетьель, Алонсо де Меса, Педро Писарро и |Франсиско де| Соларес, которые были жителями города. Он также сказал, что ему поджигали ресницы зажженной свечой». В другой раз Манко сказал: «Я взбунтовался больше из-за оскорблений, которым подвергался, нежели из-за золота, которое они у меня забрали, так как они обзывали меня собакой и били меня, отнимали у меня жен и пахотные земли. Я дал Хуану Писарро 1300 золотых слитков и две тысячи изделий из золота: браслеты, чаши и другие предметы. Я также дал семь золотых и серебряных кувшинов. Они сказали мне: «Собака, давай золото. Если не дашь, мы тебя сожжем». Кристобаль де Молина писал, что «они украли все, что у него было, ничего ему не оставили. По этой причине они держали его много дней под замком и сторожили днем и ночью. Они обращались с ним чрезвычайно бесчестно, мочились на него и спали с его женами; это причиняло ему большие страдания». Сын Альмагро повторил эти обвинения и добавил, что мучители Манко «мочились и плевали ему в лицо, били и называли его собакой, держали его на цепи, прикрепленной к ошейнику, в общественных местах, где ходили люди». Эти отвратительные описания повторяли люди, которые ненавидели братьев Писарро, но в основе их лежала правда. Королевский эмиссар, епископ Берланга, доносил королю: «Любое утверждение, что Инка не должен никому служить, ложь. Ведь губернатор использовал его, как и все другие, кто этого пожелал».(http://mesoamerica.narod.ru/Nonmeso/hemming3.html)».

[576] Вариант: начальниками, главами.

[577] Прим. Виктора Талаха: В данном случае имеется в виду племя «анды», а не горы Анды. Однако, далее в двух документах из той же книжки говорится, что Титу Куси собрал некое количество андов, "пожирающих человеческое мясо", Инка Манко говорит о том, что анды убили и съели некоего Антонико, помогавшего ему в бегстве от испанцев. Это явно не горы, скорее всего — некий этноним ("горцы").

[578] Современное название долины. В то время она могла называться и Шауша.

[579] Вайна Капака.

также убили бы и меня; а затем у нас было перемирие на несколько дней, когда индейцы из Тамбо, и Амайбамбы [Amaybamba], и Гуарокондо [Guarocondo] увели из Витикоса [llevaron de Viticos] много индейцев, и, принимая во внимание это, мы начали с ними войну.

Затем, когда у нас был мир, нас известили о том, что некий Тордойя [un Tordoya] просил о вторжении, чтобы начать с нами войну, и поэтому мы вышли против Амайбамбе, и против индейцев Баррьентоса [Barrientos] и Гарси Мартинеса [Garci Martínez], жителей Гуаманги [Huamanga], а после этого индейцы Нуньо де Мендосы [Ñuño de Mendoza], по своей воле, перешли на эту сторону. А из-за письма, написанного доктором Куэнка [Cuenca], где говорилось, что он вынудил бы нас к очень жестокой войне, мы собрались напасть на Маркаваси [Marcahuasi]. А затем, во время мира и покоя, Казначей Мело [Tesorero Meló] пришел ко мне, чтобы переговорить на этом мосту, где он обещал нам и сказал, что, желая иметь мир, Его Величество хорошо бы меня обеспечило, и что, прибыв в Куско, он написал бы мне обо всём, и я прождал его один месяц; и думая, что он это делал, дабы обмануть меня и посмеяться надо мной, и что они хотели объявить мне войну под видом хитрости, я пошел против индейцев Сотело [Sotelo].

Затем нам сюда написали письма, и я приказал послать кое-каких вестников в Лиму, и в это самое время я получил письма от Вашей Милости, и пришёл Диего Родригес поговорить со мной, где, поскольку я увидел письмо, которое **[158]** Президент |Лопе Гарсия де Кастро| послал Казначею Мело, адресованное ему, а другое мне; письмо же то, которое ему написал Президент, он послал мне для того, чтобы я его увидел, в нем говорилось, что он оставил в Лиме одного кабальеро, посланного от города Куско, намеревавшегося вести со мной войну, а также другое письмо того же Казначея, в котором он говорил мне, что обещал мне своё слово |исполнить| в самое ближайшее время. И у |меня| было собрано семьсот *андов* [andes], поедающих человеческое мясо, и более двух тысяч полностью вооруженных индейцев, чтобы напасть на Тамбо, и Лиматамбо [Limatambo], и Сакисавана [Saquisahuana], и Кураваси [Curahuasi], и Кочакаса [Cochacaxa], и Абанкай [Abancay], и нанести |там| большой урон; и Диего Родригес успокоил меня, говоря, что воля Его Величества и Вашей Милости окажет мне милости и не объявит мне войны, и чтобы для этого я послал своих вестников в Куско, потому что там бы к ним очень хорошо отнеслись, и что если выйдет не так, то чтобы я повесил его. И потому я послал их, а поскольку они запаздывали более чем на два дня — из одиннадцати, предоставленных мною им на путь туда и обратно, — и, видя это, я захотел было приказать повесить его и скормить его *андам*; и рассудив, что он мне дал и |что| разделил |вместе| с моими индейцами, я дал ему ещё два |дня| сроку, и в это самое время вернулись вестники, и я увидел, что все, что написано Вашей Милостью, было выполнено, и я выказал и выказываю ему большое доверие.

Я позаботился о получении святого Евангелия и закона Нашего Господа Иисуса Христа, и постарался низложить лигу и заговор, составленный мною со всеми касиками королевства для того, чтобы они вовремя восстали, и

тогда, когда я бы приказал им это |сделать|, и я решил, чтобы никто не входил в мою землю, и чтобы я не приходил к этому мосту, разве что только увидеться с Казначеем; и уразумев нрав, доброту и ценность Вашей Милости, что так хорошо дал мне это понять Диего Родригес, я сочту за благо иметь мир и принять Вашу Милость своим господином и крестным отцом моему сыну Киспе Тито [Quispe Tito]. И порядок и способ моего выхода будет таков, как то увидит Ваша Милость в этом воспоминании, подписанным от моего имени; а поскольку все вышеупомянутое таково, я подписал это от своего имени.

КАПА ИНГА ТИТО КУСИ ЮПАНГИ [CAPA INGA TITO CUXI YUPANGUI].

Свидетельство Инки Титу Куси Юпанки, 8 июля 1567 года.

Вскоре после предыдущих переговоров Инка подписывает — 26 августа 1566 года — так называемую "капитуляцию в Акобамбе", в которой речь идёт о мире и оговаривается "вассальная зависимость" Титу Куси, и размещение в Вилькабамбе коррехидора: Диего Родригеса де Фигероа. Чтобы оценить перед **[159]** *королём права наследства Титу Куси Юпанки и его потомков, Диего Родригес 8 июля 1567года приступает к составлению единого "сообщения", содержащего свидетельства Инки, а также некоторых его сановников и соратников. Здесь приводится свидетельство самого Титу Куси.*

ТЕКСТ:

В Карко [Carco], земле Инги, в восьмой день месяца июля, году тысяча пятьсот шестьдесят седьмом, в присутствии отца Антонио де Вера [Antonio de Vera], и Мартина де Пандо [Martín de Pando], и Диего де Оливареса [Diego de Olivares], и Римачи Юпанги [Rimachi Yupangui], главного полководца Инги, и Йамке Майта [Yamque Mayta], его управителя, и остальных полководцев и людей, вышеназванный Диего Родригес де Фигероа сказал упомянутому Инге Титу Куси Юпанги, что для сообщения и ясности вышесказанного |"капитуляции" в Акобамбе| было необходимо, чтобы он перед всеми поклялся, в форме и способом, какой между ними принято делать, говорить правду о том, о чём вышеупомянутый Диего Родригес де Фигероа будет спрашивать его. А затем упомянутый Инга поднялся на ноги, лицом в ту сторону, где тогда было Солнце; раскрыв ладони и протянув руки, он сказал, что клялся Солнцем, глядевшим прямо в лицо и присутствовавшим при его клятве, которого он считал Богом и почитал как творца, ведь он сказал, что тот был |творцом| всех вещей; и землёй, которую он считал матерью, почитал её, и у него она была на втором месте после

Солнца, из-за того, что она порождает из себя все съестное для пропитания всех людей, а также |клялся| миром[580] [por el mundo], дабы говорить правду о том, о чём бы его не спросили. Потом упомянутый Инка положил руку на землю и поцеловал её.

На первый вопрос, заданный ему Диего Родригесом де Фигероа — он находился под клятвой, им данной, — о том, чьим |сыном| был упомянутый Инка, и кем был его отец и его дед, и почему он находился в тех горах и пещерах, восстав против служения Его Величеству, он сказал, что он был законнорожденным ребенком Манго Инги Юпанги [Mango Inga Yupangui], правителя этих королевств в то время, когда испанцы пришли в эту землю, а затем |он| — внук Гуайна Капака [Guayna Cápac], также являвшегося правителем этих королевств Перу и Чили, правнук Топа Инги Юпанги [Topa Inga Yupangui], также правителя этих королевств, и что по прямой линии к нему переходило владение над всеми индейцами Перу, и что сейчас он является правителем над тем людьми, что с ним в этих горы находятся, и |он| праправнук Пачакути Инги [Pachacuti Inga], также правителя этих королевств. Он хочет иметь вечный мир с испанцами, и является верховным жрецом в их обрядах и церемониях, и что он находится здесь, в этих горах, из-за дурного обращения, какое творили испанцы его отцу, и что в настоящее время он хочет принять Святое Евангелие и быть вассалом Королю Испании, и что, дабы осуществить вышеупомянутое дело, он вышёл со своими женами и детьми, чтобы вновь поселиться в этом селении Карко, в одной лиге от мирного края, для исполнения распоряжения Его Величества и господина Губернатора.

[160]

По второму вопросу его спросили, почему его отец Манго Инга удалился в эту землю и восстал против Его Величества.

И он сказал, что из-за дурного обращения, творимого христианами его отцу в то время, когда пришли в город Куско первые завоеватели, какими были Хуан Писарро, захвативший его отца (который подчинялся тогда временному правителю во всём крае), под предлогом, что тот хотел восстать со всеми индейцами королевства, и за его выкуп попросил у него один *боио*, наполненный золотом и серебром; чтобы избежать худшего, он дал ему много нош золота и серебра, и этим избежал большего зла, но то |обещание| было ложью. И что потом коррехидором пришел Гонсало Писарро, и перевёл его в тюрьму под предлогом, что тот хотел снова восстать, и он попросил у него другой *боио*, наполненный золотом и серебра, и набросил ему на шею цепь; и так он водил его по городу Куско на виду у его вассалов, жён и детей, подвергая многочисленным бесчестиям, и не было у |Манго Инги|, что отдавать, дабы избежать худшего; в город Куско коррехидором пришёл Эрнандо Писарро и приказал освободить вышеупомянутого его отца, а после освобождения он просил у него много золота и серебра, говоря, что из-за этого он был освобождён; но не имея, чем вновь подкупить

[580] Видимо, имеется в виду «Вселенная» в понимании инков.

вышеупомянутого Эрнандо Писарро, и боясь, как бы он снова не направил его в тюрьму и не причинил ему новых оскорблений, он приказал созвать всех полководцев и касиков королевства, и, обсудив это, он восстал против служения Его Величеству в крепости Куско, а каждый из касиков в своей земле. И так убили многих христиан.

И в Пукара [Pucará], когда его преследовали, у него захватили сестру и жену его отца, называвшуюся Койя Кура Окльо [Coya Cura Ocllo], её привели в Тамбо и там живую расстреляли из лука. И поэтому он сразился с испанцами и многих из них убил. После этого он удалился в провинцию Вилькабамба, где ныне находится главное поселение вышеупомянутого Инги Титу Куси Юпанги. И что затем, когда туда удалился его отец, пришло шестеро испанцев[581], убегавших из Перу по причине того, что они восстали с доном Диего де Альмагро против Его Величества, и когда он устроил им очень хороший приём, они попытались предательски его убить, и поэтому нанесли ему восемнадцать ударов шпагами, и ножницами, и мачете, и ножами; и упомянутому Инга Титу Куси Юпанги, тогда ещё мальчонке, они нанесли удар копьем в ребра, и если бы он не бросился со скал, то также был бы убит. Так, от ран ему нанесённых, умер его отец, и полководцы из-за вышеназванного убили испанцев, и что из-за этих оскорблений и восстал его отец, воспротивившись покорности королю и власти Его Величества.

Спросив, как давно упомянутый Инга Титу Куси Юпанги восстал с полководцами и людьми, которые у него есть в этих горах, и почему он не решился на союз с нашей святой католической верой, и |не пришел| к покорности королю и власти Его Величества, почему он совершал нападения и грабил индейцев, **[161]** вассалов Его Величества, и выходит на дороги, и забирает, и отбирает у путников вещи, которые они носят, и |почему| дурно обраща|ю|тся с ними, он сказал, что, быть может, около тридцать пяти лет с тех пор, как умер его отец, назвавший его Инкой и Господином над своими братьями, как самого старшего по возрасту, и над полководцами ингами, подчинявшимися его отцу, и что вместе с тем, что ему они были покорны и его считали Инкой и Господином над всеми теми, кто с ним находится, он |также| является верховным жрецом в их обрядах и церемониях, и что, если он и оставил подчинение королевской власти и союз с нашей святой католической верой, и восстал и был в состоянии войны в этих горах, то это именно из-за дурного обращения, учинённого его отцу, и потому что при смерти тот приказал ему: чтобы под страхом проклятия, он не создавал ни лиги, ни союза с испанским народом, так как тот лишил его господства над всем Перу, где ему были покорны и считали его Правителем, каким он был. А поскольку он принял первых испанцев, пришедших в Куско, мирно, и служа им, и поскольку дон Диего де Альмагро приказал по всей земле Перу, чтобы его почитали как такового, засвидетельствовав ему, что он законный Правитель, наследник Гуайна Капака, и что, когда он удалился в эти горы, за ним сюда последовали испанцы, и если он и перестал оказывать повиновение

[581] Выше говорилось о семи испанцах.

Его Величеству, то это было из-за того, чтобы не жить бедным и обделённым на земле, где его отец и дед были правителями; и что он всегда говорил, что когда Его Величество даст ему то, чем бы он мог пропитать себя, и своих детей, и братьев, он выйдет из гор Вилькабамбы и поселиться возле мирного края и подчиниться нашей святой католической верой, и покорности, и королевской власти; если он и совершил кое-какие вылазки на селения вассалов Его Величества и грабил на дорогах, то это было вызвано нуждой и бедой, какие они претерпевают в этих горах. И это его ответ на этот вопрос.

Спросив упомянутого Ингу Титу Куси Юпанги, какие дети, имеющиеся у него, получат от него в наследство его власть и владение, согласно порядку и обычаю, заведённого среди Инков, |и как должно| быть по их законам, и обычаям, и обыкновению выбирать того, кому после его кончины и смерти, перейдёт по закону владение, он сказал, что он женат согласно закону и обычаю Ингов, правителей этих королевств, на своей сестре, по имени Койа Чимпу Окльо [Coya Chimpu Ocllo], законнорожденной дочери его отца Манго Инги Юпанги, и что от неё у него был сын по имени Киспе Тито, приблизительно десятилетнего возраста, и этому он оставит в наследство власть и владение, |и| что он у него идёт по прямой линии.

И |всё| это истинно, в виду совершенной им клятвы, и он подписал это от своего имени, при этом свидетелями были отец Антонио де Вера, и Диего Родригес де Фигероа, и Мартин де Пандо, и Диего де Оливарес. Титу Куси Юпанги. Диего Родригес де Фигероа вместо вышеупомянутого Диего де Оливареса.

В присутствии меня, Мартина де Пандо, уполномоченного нотариуса и переводчика.

МАРТИН ДЕ ПАНДО.

[162]

Хуан Поло де Ондегардо-и-Сарате. «Инструкция по борьбе с церемониями и обрядами, применяемыми индейцами со времён их безбожия» (1567).

[Перевод с испанского издания:
Revista histórica; órgano del Instituto Histórico del Perú, Volume 1. — Lima, 1906, pp. 192–206.]

ТЕКСТ:

Глава Первая
об идолопоклонствах.

Почти всем индейцам присуще поклоняться *Вакам* [Huacas], Идолам, Ущельям, Скалам или огромным Камням, Холмам, Вершинам гор, Источникам, Родникам, и наконец любой вещи в природе, которая кажется примечательной и отличающейся от остальных.

2. — Также |им| свойственно поклоняться Солнцу, Луне, звёздам, утренней и вечерней Заре |Венере|, Плеядам [Las Cabrillas], и другим звёздам.

3. — Также: покойникам, или их могилам, как предков, так и индейцев, уже |ставших| Христианами.

4. — Горцы в особенности поклоняются вспышке |молнии|, Грому, Молнии, называемой |нами| Санктьяго [Sanctiago]. А также: Небесной радуге, (которую также почитают индейцы Равнин). Также: буре, смерчу или завихрениям ветра, ливню, граду. Также: Горцы поклоняются грудам камней, ими же образуемых на ровных участках, или распутьях, или вершинах гор, которые в *Куско* [Cuzco] и у |народов| *Кольа* [Collas] называются *Апачитас* [Apachitas][582], а в других краях их называют *Которайак* [Cotoráyac][583], произносимые другими словами. Наконец, они поклоняются любым другим каменным осколкам, где обнаруживают |наши люди| оставленными камни, *коку* [coca], *маис* [mayz], верёвки[584], **[193]** лоскутки тканей и другие различные вещи. В некоторых местах Равнин всего этого ещё немало можно встретить.

[582] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608) /в дальнейшем DGH/: Apachita. Груды камней, святилища путников.
[583] В словаре аймара Лудовико Бертонио (1612) /в дальнейшем LB/: Coto — небольшая куча, груда.
[584] Видимо, в данном случае речь идёт о кипу.

5. — *Юнги*[585] [Los Yungas], особенно из *Анд*[586] [los Andes], или другие Индейцы, живущие в землях, где имеются горы, поклоняются также животным, таким как Львы, Тигры, Медведи и гадюки, или другим Змеям.

6. — Когда они поклоняются *Вакам*, то обычно наклоняют голову и поднимают ладони, и говорят с ними, прося о том, чего они желают.

7. — Также общепринято, когда они переходят через реки, или ручьи, пить из них, в виде приветствия поклоняясь им, и прося, чтобы они позволили благополучно их перейти и не унесли их |течением|, и у источников и родников они делают тоже самое, чтобы те не причинили им вреда. И прудам, озёрам и глубоким колодцам они точно также оказывают почтение.

8. — У Горцев есть обычай, когда они идут по дороге, бросать на этих самых дорогах, или распутьях, на холмах, или на грудах камней |т.е. на уже названных *Апачитас*|, или в скалах, и пещерах, или на древних могилах, старую обувь, перья, пережёванную *коку*, или пережёванный маис, и другие вещи, прося о том, чтобы они позволили им благополучно пройти, и избавили их от дорожной усталости, и придали им сил для |дальнейшего| пути.

9. — У них же в обычае бросать ресницы, или |волосы из| бровей и приносить их в жертву солнцу, холмам, *Апачитам*, ветрам, бурям, громам, молниям, скалам, пещерам, лощинам, ущельям, или другим вещам в знак своего почтения, прося у него |солнца|, чтобы оно позволило им идти |дальше| и спокойно вернуться.

10. — Также у них в обычае, когда они должны уйти далеко из своей земли, препоручить себя покровительству *Вак*, или сделать, чтобы колдуны их вверили им: и попросить у них, чтобы они рассказали им о том, что должно с ними случиться в пути, или в тяжбе, или в деле, ради которого они идут: умрут ли они или вернуться в свой край. И по такому случаю они напиваются и совершают другие суеверные обряды и различные церемонии. И то же самое они обычно делают за своих жён, или детей, или родственников: а когда прибывают туда, где проводят ночь, бодрствуя в знак почтения к Ваке, или какого-либо холма или другой вещи, |то там| и напиваясь или развлекаясь, они совершают особые церемонии.

11. — Индейцы Равнин обычно поклоняются морю для того, чтобы оно дало им рыбу или не разбушевалось, бросая в неё муку белого и жёлтого *маиса*, или другие вещи. Также Горцы наподобие того, как они почитали озёра, они почитали море, пусть даже никогда его и не видели, и называют

[585] Жители долин тихоокеанского побережья или жители жарких долин в Андах.
[586] Вариант: «из |племени| Андов».

его *Мамакоча* [Mamacocha], а |индейцы| *Аймара* [Aymaraes] — *Мама кота* [Mama cota][587]; а особенно Горцы, которые спускаются в долины по различным делам, поклоняются морю, |совершая| различные ритуалы, и |поклоняются| долинам. И заснеженный хребет тоже почитается и ему поклоняются все Индейцы, или любая другая высокогорная местность, в которой бы был снег |тоже почитается|.

12. — Также в обычае у тех, кто идёт в Серебряные или Ртутные шахты, или |шахты по добыче| другого металла, поклоняться холмам и рудникам, прося у них о том, чтобы они дали им свой металл, и для такого случая они бодрствуют ночью, распивая |напитки| и танцуя.

13. — Также в обычае в некоторых краях ставить посреди *Чакрас*[588] [Chacras] длинный камень, чтобы оттуда призывать силу земли и чтобы она охраняла ему *Чакру* [Chacra].

14. — Во время уборки урожая, замечая *папас*[589] [papas], называемые *льяльчуас* [llallchuas], имеющие отличную от остальных форму, или видя *маисовые* початки, или другие корни иного внешнего вида, чем у других, то таким они обычно поклоняются, и совершают свои особые церемонии преклонения, выпивая и танцуя, считая такое предзнаменованием. Тоже самое они совершают в Шахтах, называемых *Койа* [Coya][590], когда они поклоняются и почитают металлы, называемые *Мама* [Mama], и самородки металлов, называемые *Корпа* [Corpa][591], поклоняются им, целуя их и совершая для них различные церемонии. Также: |поклоняются| золотым крупинкам, или золоту в виде песка, и серебру, или *вайрас* [huayras][592], где плавится серебро. Также: |поклоняются| металлу, называемому *Сороче* [Soroche][593]. И Ртуть, и ртутная Киноварь, которую они называют *Ичма* [Ichma][594], или *Лимпи* [Limpi][595], — очень цениться для различных суеверных обрядов.

Глава II.

О жертвоприношениях и дарах

Среди Индейцев обычное дело поклоняться плодородной земле, то есть земле, которую называют *Пачамама* [Pachamama], или *Камак пача*[596] [Cámac

[587] LB: Cota — море, озеро, лужа.
[588] Засеянного поля, надела.
[589] Картофель.
[590] DGH: Koya. Рудная жила.
[591] DGH: Ccollqque mama, o corpa. Край,земля серебра.
[592] DGH: Huayra. — Ветер или воздух. Huayrachini. — Плавить металлы с помощью ветров.
[593] Не кечуанское слово.
[594] DGH: Hichhay. Литьё, плавка.
[595] DGH: Lhmppicuna. Всевозможные красные цвета, которыми окрашивают деревянные сосуды.
[596] DGH: Плодородная земля или время/год. — Camak pacha или camamamak allpa или huata. В отличии от слова Пачакамак, Камак пача имеет другое значение. Но понятия родственные.

pacha], проливая на неё *чичу* [chicha], или |посыпая| *коку*, или другие вещи, чтобы она даровала им свои милости.

2. — И для этой же цели во время вспашки земли, подготовки для пара и посева, сбора *маиса*, или *папас*, или *кинуа* [quinua], или *юкки* [yucas][597], или бататов [camotes], или других овощей и плодов земли они обычно приносят ей в жертву животный жир, сжигая его, *коку*, *куй|а|* [cuy], овечек и другие вещи; и всё это |время| выпивая и танцуя.

3. — Для этой же цели они обычно постятся, и воздерживаются от мяса, соли, *ахи*[598] [axi] и других вещей. Также они считают суеверием, чтобы беременные женщины или те, у кого месячные, не ходили по засеянным полям.

4. — Они также совершают жертвоприношения из жира, *куй|а|*, *коки*, овечек, и других вещей, когда строят новый дом, или покрывают его |крышей|, и по случаю завершения |работ|, они бодрствуют ночью, совершая различные церемонии, выпивая и танцуя.

И всё для того, чтобы им было во благо. Также, при разделе скота, они совершат другую такую же |церемонию|, чтобы приумножился |скот|.

5. — Также у них в обычае приносить в жертву вышеназванное, или маис, или перья белого цвета или других цветов, *Чакиру* [Chaquira] (которую они называют *Мольо* [Mollo][599]), морские раковины |моллюсков|, чтобы избавиться от опасностей моря, Рек, Громов, Молний, и других опасностей.

И тоже самое они совершают для того, чтобы очиститься от своих грехов, или давних хворей, и для других целей.

6. Также у некоторых в обычае распрыскивать пальцами *чичу*, которую они должны выпить, в направлении солнца, или огня, или земли, прося, чтобы они даровали им покой, жизнь и радость.

7. Когда из-за отсутствия дождя год выдаётся бесплодным, или по причине чрезмерных ливней, или льда, или града, или, наконец, когда нет затяжных дождей они обычно просят помощи у *Вак*, Солнца, Луны, и звёзд, проливая слёзы и принося им в жертву жир, *коку* и т.п. И для такой же цели они обычно исповедуются колдуну, и постятся, и приказывают своей жене, или детям, или слугам, чтобы они постились и проливали слёзы, |т.е.| делали то же самое, что и он.

[597] DGH: Rumu, или yuca. Особые съедобные корни, используемые вместо хлеба.
[598] Перец.
[599] DGH: Mullu. Разноцветная морская раковина, чакира.

8. — В некоторых местах, особенно среди *Андов* [los Andes] в обычае приносить жертвы *Вакам*, или холмам или грому и молнии, какого-либо человека, или ребёнка, убивая его и проливая кровь, или совершая другие церемонии. Также они обычно приносят в жертву свою собственную кровь, или кровь другого |человека|, поклоняясь *Вакам*, и идолам, чтобы успокоить их этой жертвой. Обращу внимание, что как и в старину принесение в жертву детей, или людей, было для дел большой важности, таких как сильная чума, или мор, или другие великие трудности, ибо также иногда прибегают к этой цели в местах, где всё ещё сохраняется этот род жестокого жертвоприношения.

Глава III.

Об умерших.

Среди Индейцев обычное дело тайком выкапывать умерших из Церквей, или кладбищ, чтобы похоронить их в *Ваках*, или на холмах, или в *пампах* [pampas], или в древних гробницах, или в своём доме, или в доме самого умершего, чтобы дать им еду и питьё в нужное время. И тогда они пьют, и пляшут, и поют, собирая для этого своих родных и близких.

2. — Также колдуны обычно извлекают из умерших зубы, или обрезают им волосы и ногти, чтобы совершать различные колдовства.

3. — У Индейцев также в обычае, когда они хоронят своих покойников, класть им серебро в уста, в руки, в лоно или в другое место; и одевать их в новые наряды, и класть им другие меры сукна под саван[600], *чуспы*[601] [chuspas], и обувь, и головные уборы, чтобы всё это послужило им в иной жизни, и в печальных песнях, которые они отпевают над ними, они говорят о делах их предков во времена их безбожия.

4. — Также у них в обычае много кормить и поить во время похорон своих умерших, и поить, напевая печальную и грустную песню, проводя за этой и другими церемониями время похорон, длящееся местами восемь дней, местами меньше, и у них принято устраивать их годовщины, собираясь или через месяц, или через год с едой, *чичей*, серебром, одеждой и другими вещами, чтобы принести это в жертву или совершить другие древние ритуалы, по возможности, скрытно.

5. Они также верят, что души умерших ходят праздными и одинокими по этому миру, страдая от голода, жажды, жары и усталости, и что головы их умерших или их призраки, навещают родственников, или других лиц в знак того, что они должны умереть или к ним должно прийти какое-нибудь зло. По причине того, что они верят, что у душ есть голод, или жажда, или другие

[600] В оригинале использовано слово «доблада» — единица измерения суконных изделий.
[601] Сумка индейцев.

страдания, к могилам они приносят в дар *чичу* или что-нибудь из еды и приготовленного, серебро, одежду, шерсть и другие вещи, чтобы они пригодились покойникам: и по этой причине они так тщательно заботятся об устройстве годовщин. И те же самые дары, которые приносят в Церкви по обычаю Христиан, многие Индейцы и Индеанки, в своих умыслах, посвящают их |умершим| по обычаю своих предков.

Глава IIII[602].

О колдунах и колдуньях.

Обычное дело прибегать к помощи колдунов, чтобы те излечили их от болезней, позвав их к себе домой, или идя |к| ним, и колдуны обычно лечат, высасывая |жидкости| из внутренностей, или в других частях тела, или смазывая их салом, или мясом, или жиром *Куйа*, или Жабы, или другими грязями, или с помощью трав. За что им платят серебром, одеждой, едой и т.п.

2. — Таким же образом прибегают к помощи колдунов по случаю иных потребностей: и чтобы они им предсказали то, что будет, и обнаружили для них то, что они потеряли или |то, что| у них украли, и чтобы они препоручили их покровительству *Вак*. За всё это они всегда дают им одежду, серебро, и т.п.

3. — Также они прибегают к их услугам для того, чтобы исповедаться в своих грехах, и исполнить весьма строгие покаяния, которые те на них накладывают, дабы |совершить| поклонение, или принести жертву *Вакам*, совершить пост, или даровать серебро, или одежду, или исполнить другие наказания.

4. Также они прибегают к помощи колдунов, чтобы те дали им средства для того чтобы добиться какой-нибудь женщины, или внушить ей любовь, или для того, чтобы их не оставила любовница; а женщины прибегают к их помощи по тому же самому поводу. И для достижения этого они обычно дают им одежду, накидки, *коку*, и |клок| из своих собственных волос, или волосков, или из волос и наряда соучастника[603] [complice] |церемонии|, и иногда из собственной крови, чтобы из этих вещей они совершили свои чародейства.

5. — Во многих местах обычное дело иметь при себе или носить с собой колдовские талисманы, или амулеты Дьявола, называющиеся |*Ваканки*| [Huacanqui][604], чтобы добиваться женщин, или внушать им любовь, или, |если

[602] Так в оригинале.
[603] Точнее, на реципиента — на того, на кого обращёно колдовство.
[604] DGH: Huacanqui. Травы, или другие вещи, с помощью которых обманывают колдуны и дают их в виде колдовских любовных штучек.
Huacanquiyoc. Тот, кто носит колдовские штучки-чары, или травы, или пользуется ими.

это| женщины, то — мужчин. Эти *ваканкис* [huacanquis] сделаны из птичьих перьев, или других различных предметов, в соответствии с выдумкой каждой провинции. Также они обычно кладут в постель соучастника[605], или особы, которую хотят привлечь, или в его одежду, или в другое место, где как им покажется, они смогут принести пользу, эти *ваканкис* и другие подобные талисманы, сделанные из трав, или из морских раковин, или из *маиса*, или других различных предметов. Женщины также ломают свои большие булавки [topo], или шипы, с помощью которых сцепляют накидки или *льиклас* [llicllas][606], веря, что благодаря этому мужчина не применит насилие, чтобы овладеть ими, или у той, у которой он |мужчина| есть, то чтобы потом оставил её: или делают другие различные штуки, с тою же целью. Мужчины и женщины также совершают другие различные суеверные обряды, или из трав, или других вещей, веря, что от этого будет результат в потомстве, или в бесплодии, если они к тому стремятся.

6. — В некоторых местах ими овладевает болезнь пляски, которую они называют *Таки онко* [Taqui onco] или *Сара онко* [Çara onco]: для излечения от которой они зовут колдунов, или идут к ним, и совершают тысячи суеверных обрядов, чародейств, где также встречается идолопоклонство, и исповедование с колдунами, и другие различные церемонии.

7. — Чтобы узнать о предстоящих делах, или сказать, где находится то, что было утеряно, или то, что украли, колдуны обычно вскрывают различных животных, таких как овечки, *куйи*, птицы, рыбы, змеи, жабы, и во внутренних органах и потрохах рассматривают дурные или добрые предзнаменования.

Они также обычно сжигают жир, *куйа*, *коку*, *табак*, который они называют (*файте* [fayte])[607], а также *чакиру* или морские раковины, и другие вещи, чтобы разглядеть предстоящие события; в некоторых местах они также строят свои ограждения на земле, и произносят особые известные для этого слова, чем призывают дьявола, и говорят с ним в каком-нибудь тёмном месте, и под конец совершают для этого многие другие суеверные обряды.

Глава V.

О предсказаниях и предзнаменованиях.

Обычно когда Индейцы видят ужей, или по отдельности, или сцепившихся, змей, гадюк, ящериц, и других тварей, таких как пауки, крупные черви, жабы, бабочки и других подобных, то верят и говорят, что это дурное предзнаменование и что из-за этого должна произойти беда, и

[605] Реципиента.
[606] DGH: Lliclla. — Женская накидка.
[607] Так почему-то написано в изд.1907 года. Должно быть Сайри [Sayri]. В словаре DGH: Зелье табака. Sayri; и брать Сайри — cincacuni.

змеев они топчут левой ногой, чтобы тем самым не сбылось злое предзнаменование; и ради этого они совершают другие ритуалы.

2. Когда они слышат пение сов, филинов, грифов, курей или других необычных |птиц|, или завывание собак, они считают это недобрым предзнаменованием и предсказанием смерти для самих себя, или для своих детей, или для своих соседей, и особенно для того, в чьём доме и месте они поют или завывают. И они обычно жертвуют им коку, или другие вещи, прося их, чтобы они убили или причинили вред их врагам, но не им. Также, когда они слышат пение соловья, или щегла [xirguerito], то говорят, что они должны |будут| поругаться с кем-то, или что должно произойти нечто плохое.

3. — Когда происходит затмение солнца, или луны, или появляется какая-нибудь комета, или сияние в воздухе, то они обычно кричат и плачут, и приказывают, чтобы другие кричали и плакали, чтобы лаяли собаки, или завывали, и для этого их бьют палками. Они обычно окружают свои дома, во время ночных шествий, огненными снопами, и совершают другие ритуалы, чтобы с ними не случилось то недоброе, чего они |так| страшатся и что считают дурным предзнаменованием. Они также считают дурным знаком, и что от этого умрут или |понесут| какой-нибудь серьёзный ущерб, когда видят небесную радугу, но чаще |считают| благим |знаком|, много ей поклоняются и не осмеливаются на неё смотреть, или, уж если увидят её, то не осмеливаются показывать на неё пальцем, полагая, что умрут. И то место, где, как им кажется, падает основание радуги, то место они считают ужасным и пугающим, полагая, что там есть какая-то *Вака* или другая достойная ужаса и почтения вещь.

4. — Когда идёт град или снег, или налетает большая буря, они орут, считая, что тем самым исправят |дело|, тогда же они совершают кое-какие жертвоприношения и другие суеверные обряды.

5. — Когда у женщин наступают роды, то их мужья и даже они сами постятся, воздерживаясь от определённой пищи, и исповедуются у колдуна, и поклоняются *Вакам* или холмам, чтобы новорожденный |благополучно| появился на свет. И следует обратить внимание, что этот пост (который они называют *сасих* [çacij])[608] весьма обычен среди Индейцев по самым различным случаям, когда они воздерживаются от определённых кушаний, и других вещей, совмещая различные ритуалы.

6. — Если рождается двойня из одного чрева, они говорят, что один из них сын молнии[609], которую они ныне называют (Санктьяго[610]), принося их в жертву грому.

[608] DGH: Çaciy. — Воздержание в еде, соблюдение поста.
[609] Вариант: сын луча света.
[610] Т.е. испанским словом.

7. — В равнинах у Индейцев в обычае, когда они больны, раскладывать свою одежду на дорогах, чтобы путники унесли их болезнь, или |чтобы| ветры очистили их одежды. Также этот обычай встречается в некоторых местах у Горцев.

8. — Также у них в обычае в различных местах, как у Равнинных |жителей|, так и у Горцев, или когда они больны, или здоровы, идти мыться в реках, или источниках, соблюдая определённые церемонии, веря, что тем самым души очищаются от грехов, и что их уносят воды, и берут сено, или разновидность ковыля, который они называют (*Ичу* [Ychu][611]) и сплёвывают на него, или совершают другие ритуалы, говоря о своих грехах там же перед колдуном, сопровождая это тысячами церемоний, и они верят, что таким образом станут чистыми и очищенными от грехов, или от своих болезней. Другие обычно сжигают ту самую одежду, в которой они совершили грехи, полагая, что огонь их уничтожит и они станут чистыми, и невиновными, и освободившимися от бремени.

9. — Когда содрогается земля, они проливают на неё воду, говоря, что Ваки испытывают жажду и хотят пить, или совершают другие ритуалы и различные суеверные обряды.

10. — Когда у них дрожат веки, или губы, или шумит в ушах, или у них дрожит какая-либо часть тела, или они спотыкаются, то говорят, что увидят или услышат что-либо хорошее или плохое: хорошее, если это был правый глаз, или ухо, или нога, и плохое, если была левая.

11. — Больные обычно обмазывают себе тело *маисом*, или другими вещами, или обмазывают других, чтобы излечиться от своих болезней.

12. — Из *эспинко* [espinco][612], т.е. специи, которую используют Индейцы и с помощью *Исимпи* [Isimpi], из которого добывается ртуть, которую другие называют (*Ичма*)[613] они обычно совершают различные суеверные обряды, и с помощью особой травы, называемой *Крайа* [Craya], и с помощью других земляных красок, которые называют *льимпи* [llimpi][614], или *сивайро* [sihuayro], а |народы| *Аймара* называют *ама*[615] [ama], они обычно обмазываются во время своих празднеств, или для других скверных целей, дополняя |свои| церемонии и суеверные обряды. Также, некоторые народы обычно оставляют шрамы на лицах, кистях рук и предплечьях, и на ногах с помощью огня, создавая линии, или другие знаки для различных целей; для этого они совершают кое-какие церемонии.

[611] DGH: Ychhu. Сено, разновидность ковыля.
[612] Значение слова не удалось установить.
[613] DGH: Ychma. Краска из плода дерева, которая образуется в бутоне.
[614] DGH: Llimpi. — какой-либо один цвет; красный цвет. Llimppicuna. Все цвета красок.
[615] Значение слова не установлено.

13. — В огонь, когда он вырывается и |из него| образуются искры, они бросают *маис*, и *чичу*, или другую вещь, чтобы успокоить его, оказывая ему почтение.

14. — Чтобы наслать болезнь на того, кого они ненавидят, или чтобы тот |человек| умер, они несут его одежду и наряды, и одевают в них какую-нибудь статую, которую делают от имени той особы, и проклинают её, оплёвывая и казня её |как бы через| повешение. Точно также делают статуэтки из глины, или воска, или из теста, и кладут их в огонь, чтобы там уничтожился воск, или чтобы затвердела глина, или привести к другим желаемым результатам, веря, что таким образом они будут отомщены, или причинят боль тому, кого ненавидят, и, наконец, для этого они совершают различные суеверные обряды и ритуалы.

15. — Они обычно стригут определённым образом и в определённое назначенное время, или в определённом возрасте своих детей, делая так, чтобы они им |детям| даровали золото, одежду, шерсть, хлопок, и другие вещи, выпивая и танцуя, и для этого они устраивают торжественный сбор, и большое празднество. И тем самым они посвящают их в солнечные чада, или просят, чтобы тот ребёнок жил преуспевая и наследовал своим родителям, и т.п.

16. — *Инги* и люди из *Куско* обычно прокалывают уши своим детям, когда они достигают возраста четырнадцати лет, немного больше или меньше, даруя им серебро, или одежду, и т.п., устраивая возлияния и другие суеверные обряды, и тем самым они вручают им дворянский знак, или возводят их в рыцари. Ныне этого уже не так |много|, но те, кто, случается, совершает это, то делают это с иными обрядами и на иные лады, которые они придумали для тайного совершения.

17. Также обычное дело в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет надевать своим детям набедренные повязки, соблюдая определённые ритуалы, то, что они называют (*Варачикуй* [Huarachicuy][616]) и что в обычае у всех Индейцев, устраивая танцы, и выпивая, и дополняя другими суеверными обрядами. Точно также и девицам, когда у них наступает совершеннолетие, их отцы или матери обычно моют их и расчёсывают, одевают, и преподносят им что-нибудь, сопровождая |это| определёнными ритуалами и суеверными обрядами. Это совершаемое в расцвете |лет| дело они называют (*Кикучикуй* [Quicuchicuy]).

В других провинциях у них другие различные обычаи, и каждый народ совершает это по обычаю |своего| края.

[616] DGH: Сборище или попойка в день, когда одевают на мальчиков широкие штаны.

Глава VI.

О заблуждениях против католической веры, во что обычно впадают некоторые Индейцы.

Иногда они говорят о Боге, что он не добрый Бог, и что он не заботится о бедных, и что напрасно ему служат Индейцы.

2. — Что он не милосердный и не сострадательный Бог, как говорят Христиане. Что нет прощения за грехи для тех, кто совершил серьёзный грех: или для |тех, кто совершил| другие чудовищные грехи.

3. — Что Бог создал их для того, чтобы жить в грехе, особенно для бесчестных дел сладострастия и пьянства, и что они не могут быть добрыми.

4. — Что дела творятся по воле Солнца, и Луны, и *Вак*, или по какому-нибудь [hedo (?)][617]. И что Бог не провидит дел здесь внизу.

5. — Что поскольку у Христиан есть образы и они им поклоняются, то можно поклоняться и *Вакам*, или Идолам, или имеющимся у них камням. И что образы — это Идолы Христиан.

6. — Что то, что проповедуют Священнослужители и Проповедники не является полностью правдой, и что многие дела ими восхваляются, чтобы запугать Индейцев. И что столь же разумно верить своим предкам, и своим *Кипо* [Quipos] и памятным сведениям, как предкам и предыдущим поколениям Христиан, и своим *Килькам* [Quillcas] и писаниям[618].

7. — Что незачем поклоняться Пресвятой Троице, и Иисусу Христу, Нашему Господу. Эта речь особо свойственна колдунам, обходящих с обманами и переманивающих Индейцев, чтобы отдалить их от Католической Веры, прибавляя тысячу обманов для них, и устраивая тайные сборища Индейцев, где они наставляют против того, что разъяснили священники, и вводят в свою ложную секту.

8. — Что |вполне| хорошо можно поклоняться Иисусу Христу, Нашему Господу, и дьяволу одновременно, потому что они оба уже договорились и побратались[619].

9. — Они ставят под сомнение и осложняют некоторые дела веры. Особенно в таинстве Пресвятой Троицы, в единстве Бога, и в страстях и смерти Иисуса Христа, в девственности нашей Госпожи |Девы Марии|, в

---

[617] Непонятное слово.

[618] Вариант: «так как они старше и древнее Христиан и их |своим (?)| Килькам и писаниям». По смыслу, кажется, что речь идёт о том, что лучше индейцам доверять своим «документам» и архивам, содержащимся в кипу, чем христианским учениям и картинам.

[619] С современной атеистической точки зрения эта фраза выглядит не без юмористического начала.

Пресвятом Таинстве алтаря, в общепринятом Воскрешении, и относительно Таинства соборования умершего, |поскольку до сего времени их не причащали|, кроме того, поскольку у них не имелось о нём сведений, то у них нет веры в то, что это было Таинство.

10. Они говорят, что бракосочетания могут расторгаться, пусть они даже были бы законные и свершившиеся; и потому, по любому случаю они говорят, что супруги должны разводиться, и просят, чтобы их брак был расторгнут.

11. — Что прегрешение холостяка с незамужней не является грехом, и разговор о том, что нужно сказать |чтобы ты не попал в затруднение с тем женатым или замужней, что является большим *оча*[620] [hocha], лучше уж когда ты связываешься с другим холостяком или незамужней, что не является грехом| — это обычное дело среди многих Индейцев, и куда больше распространёно среди женщин.

12. — Что прегрешение холостяка с незамужней, какое-то время сошедшихся незаконно, путём испытания, для того, чтобы жениться, не так уж и плохо совершать, и что это не грех, поскольку они делают это для служения Богу. И так сие повсеместно делают Индейцы без малейших колебаний.

13. — Что Священник злой, дикий, алчный, бесчестный, или что у него другие бесстыдные грехи, |что| он не предназначен для мессы, и не стоит таинств, которыми он заведует, и что он не должен поклоняться облатке и потиру, каковые возвышаются на алтаре.

14. — Что души умерших бродят-скитаются и нуждаются в еде, и питье, и одежде и т.п., — из-за испытываемого голода, жажды и холода.

Суеверные обряды Индейцев, извлечённые из |постановления| второго Лимского провинциального Собора, состоявшегося в |одна тысяча пятьсот| шестьдесят седьмом году.

Из главы 98. Собрания

Что в каждой провинции есть храм или главная *Вака*, куда все |жители| такой провинции приходят поклониться и являются со своими жертвоприношениями. И в каждом главном селении есть другой храм, или младшая *Вака*, куда специально приходит такое селение. И у всех этих мест

[620] Зло, бесчестие, грех.

поклонений есть свои служители, и необходимые вещи для их суеверных обрядов.

Из Главы 99.

На соединениях и пересечениях дорог, и на вершинах и горных перевалах имеются святилища, на индейском языке называющиеся (*Апачита* [Apachita]): которым индейцы, проходя, приносят в дар *коку*, *маис*, и птичьи перья, и бросают старые *охоты* |обувь|, или другие свои вещи, которые они несут во время своего пути: и помимо того, что они несут, чтобы принести в дар, они бросают, по крайней мере, камень, поскольку тем самым им кажется, что они оставляют дорожную усталость и набираются новых сил.

Из Главы 100.

У |народов| *Кольа* и *Пукина* [Puquinas], и других индейских народов в обычае создавать детские головы в виде различных форм, придерживаясь глубоко укоренившегося суеверия. В некоторых краях их делают очень длинными (которые называют *сайто ома* [çaito homa]), делая их тонкими, и придавая им форму неких шапочек, называемых *Чуку* [Chucu][621], узких и длинных. В других краях головы делают плоскими и широкими спереди, которые называют *Пальтоома* [Paltohoma]. И помимо вреда, наносимого детям этим насилием, у них в обычае особые жертвоприношения солнцу и идолам.

Из Главы 101.

О различных способах того, как Индейцы приносили жертву дьяволу и посвящали себя |ему|. Иногда, позволяя расти волосам до пояса, иногда заплетая сзади, не каким-то одним способом, а различные лады, и это обычное дело, когда женщины, заплетающие косы из волос на головах мужчин, бесчестно сходятся с ними. Также они совершают различные суеверные обряды, когда мужчины отращивают длинные волосы, уподобляясь женщинам, и когда стригут их, или расплетают косы.

Из Главы 102.

Обычно, в основном *Кураки* [Curacas], когда они умирают, то хоронят вместе с собой, согласно своему обычаю, еду, и питьё, и одеяния, и другие подобные вещи, веря, что после смерти им это пригодиться. Другие, когда умирают, обычно приказывают своим |родственникам или близким|, как бы в виде завещания, чтобы их тела не хоронили в Церквях, где хоронят

[621] DGH: Chucu. Шапка, или древние шляпы.

Христиан, а если их похоронят там из страха перед Священниками, то чтобы после погребения их достали и перенесли в могилы своих предков.

Из Главы 103.

Инги [Ingas] из *Куско* и другие из их рода, распространившиеся по королевству, считают обычаем в знак своей знатности прокалывать себе уши в том месте, где женщины обычно вешают серьги, делая их очень большими с помощью особых приспособлений |в честь| солнца и *Вак*, согласно своим древним обычаям.

Из Главы 104.

В различные времена годы Индейцы обычно совершают много суеверных поступков, когда сеют и собирают урожаи хлебов, во времена дождей, или мороза, и когда случаются затруднения, совершая различные жертвоприношения и старинные церемонии.

Из Главы 105.

Также Индейцы обычно приглядываются к предзнаменованиям и прибегают к ритуалам и суеверным обрядам, как те, которые совершают, когда лишают детей имён, и наново дают им другие; когда стригут их и надевают на них широкие штаны |до колен|. И наконец они не приступают ни к одному новому делу, не совершив суеверного обряда, и смотрят за предзнаменованиями.

Также, когда хоронят тела умерших, их остригают и одевают в особого рода одежды, играют на барабанах и, распевая, плачут; они носят одежду умерших по местам, где те ходили, когда были живыми; кладут к ним в могилы еду и питьё, совершают жертвоприношения солнцу и остальным идолам.

Гарси Диес де Сан-Мигель. Отрывки из его «Доклада» (1567).

[Перевод с испанского издания:
Testimonios, cartas y manifiestos indígenas (Desde la conquista hasta comienzos del siglo XX). — Caracas, Biblioteca Ayacucho, 1992, ISBN: 980-276-187-7, p. 171–180.]

ЗАЯВЛЕНИЯ ИНДЕЙЦЕВ ПРОВИНЦИИ ЧУКУИТО (ОЗЕРО ТИТИКАКА), 1567 год.

*В СВОЕЙ КОРОЛЕВСКОЙ ГРАМОТЕ от 23 сентября 1565 года, Король выражает своё удивление скромным налогам, которые выплачивают индейцы, по его словам "*многие и очень богатые*", в провинции Чукуито [Chucuito], расположенной на берегу озера Титикака, и которая "*принадлежит Королевской Короне*". Вскоре после этой грамоты лиценциат Лопе Гарсия де Кастро [Lope García de Castro], президент Аудиенсии |Города| Королей (Лима), поручает Гарси Диесу де Сан-Мигелю [Garci Diez de San Miguel], бывшему коррехидору в Чукуито, провести "*инспекцию*" этой провинции. Подчиненные напрямую Королю, а не режиму "*энкомьенды*", индейцы из Чукуито, как это видно из показаний, сохраняют в 1567 году относительную внутреннюю автономию.*

Тексты показывают также, в какой мере испанцы "уважают" определённые традиции доиспанского происхождения, такие как деление территории на две половины "верхняя" (hanan) *и "нижняя"* (urin), *и извлекают выгоду из других, таких как лидерство местных правителей и работ, осуществляемых поочерёдно, т.е.* миты. *Исходя из мотивации и очень точных инструкций губернатора Лопе Гарсия де Кастро (9 декабря 1566 годы), опрос будет интересен, прежде всего, освещением внутренних социальных взимоотношений, демографической ситуации* **[171]** *и сельскохозяйственного, скотоводческого и ремесленного производства. Инспекция начинается 12 февраля 1567 года проведением мессы в церкви Санто-Доминго в Чукуито, за ней сразу же последовали первые письменные опросы касиков.*

Чтение конечного доклада инспекции наводит на мысль, что Гарси Диес не пожалел сил, чтобы сделать достоверный и исчерпывающий документ; благодаря всему этому он мог рассчитывать на повышение.

*Первый документ, дополненный несколькими фрагментами показаний одного из двух правителей или "*главных касиков*" Чукуито, иллюстрирует использование* кипу *в административных целях (его "историографическое" использование уже можно было оценить в документе №50 "Сообщение кипукамайоков для Вака де Кастро, 1542г."). Дон Франсиско, касик из Илаве (Ilave), родившийся, согласно его собственным заявлениям, больше чем за полвека до завоевания, вспоминает (об этом говориться во втором*

*документе) о взаимоотношениях между Инкой (Уайна Капаком) и давним местным правителем. Коллективное свидетельство знатных индейцев "*верхней половины*"* (hananSaya) *селения Хули [Juli], воспроизведенное без сокращений (третий документ), подтверждает на примерах общую направленность проведённого опроса и характер информации, предоставленной индейцами. Избегая любого прямого столкновения с властью, представителем которой был инспектор-«виситадор», местные информаторы, соблюдая предосторожность, в своём пространном докладе об оказании услуг испанцам незаметно сообщают о своей критике колониального режима. Дело не в том, что они отвергают учреждение "подати", традиционной в андском регионе и, следовательно, всем известной, им просто разрешается засвидетельствовать, что испанцы, в отличие, например, от их касиков, не предлагают никакой компенсации за оказанные услуги: они не выплачивают поденную плату, не предоставляют еду и одежду... Когда становится понятным, что взаимность, будь то на уровне общины или государства (т.е. Инки), — это основополагающая норма общественной жизни в Андах, то это свидетельство, в таком случае, означает радикальную критику системы, какую навязала Колония.*

Кипу в свидетельском показании главного касика дона Мартина Куси, 24 февраля 1567 года.

ТЕКСТ:

В вышеупомянутом селении *Чукуито*, двадцать четвёртого дня упомянутого месяца февраля упомянутого года тысяча пятьсот шестьдесят седьмого, вышеупомянутый господин Гарси Диес Сан-Мигель приказал явиться к нему дону Мартину Куси [Martín Cusi], главному касику[622] общины[623] [parcialidad] Луринсайя[624] [Lurinsaya][625], и задал ему следующие вопросы: его спросили, были ли среди *кипу*[626] [quipos], имевшихся в его доме, о которых он сообщил в другом заявлении, *кипу*, сообщавшее об индейцах-плательщиках подати **[172]** в этой провинции во времена *Инги* [del Inga], и сколько таких индейцев было. Он ответил, что у него имелось такое *кипу*, и

[622] Слово касик происходит из региона Карибских островов. Испанские чиновники использовали его вместо существовавшего названия «курака» (кечуа) или «мальку» (аймара) — правитель провинции или селения. В тексте, если речь идёт о «главном касике» провинции или города Чукуито, то это правитель всей провинции Чукуито (или её части), если же касиком назван правитель какого-либо поселения, то это местный глава внутренней общины города или селения. Касиков, как видно из документа, могло быть два или больше, в зависимости от количества «общин», входящих в данное селение. При чем главы сельских общин подчинялись главам провинциальных общин, и главам самих селений.

[623] Часть общины, группа, род или фратрия. Использовано слово «община», так как в составе селения, как видно из самого документа, это отдельная территориально-административная единица со своим аппаратом служащих, со своим «документооборотом», «архивом», учетом податей и распределением работ и материальных ценностей, в ней есть свои начальники и свой глава.

[624] Нижняя половина селения.

[625] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608): Hurin suyu. Тот, что внизу. Suyu. |Обособленная от единого целого| группа.

[626] Я изменил это слово на традиционное в науке.

затем он выложил некие шерстяные веревки с узлами, и сказал, что это и есть то *кипу* и отчет об индейцах-плательщиках подати, имевшихся в этой провинции во времена *Инги*. Это самое *кипу*, как сказал вышеназванный дон Мартин Куси (и Лопе Мартин Нинара [Lope Martín Ninara], главный *кипукамайо|к|*[627] [quipocamayo]), и есть из упомянутого общины Луринсайя обо всей провинции, а он |кипукамайок| является особой, ведущей учёт и вычисления [tiene cuenta y razón], в качестве соответствующего счетовода общины, они заявили, и их заявление было сопоставлено в каждой записи [partida por partida] с заявлением, сделанным доном Мартином Кари, главным касиком общины *Анансайя*[628] [Anansaya][629], при помощи его вышеназванного *кипу*. И они получились одинаковыми во всех записях и в количестве индейцев всех селений обеих общин, за исключением одной записи об индейцах *канах* [canas] из селения Помата [Pomata], поскольку дон Мартин Кари [Martín Cari] говорит, что их было двадцать индейцев, а упомянутый дон Мартин и его *кипукамайо|к|* сказали, что по их *кипу* явствует, что их двадцать два, а во всех остальных записях заявления обоих касиков совпадают.

Затем тот дон Мартин и его *кипукамайо|к|* показали другое *кипу*, сказав, что оно о предметах одежды, производимых в каждом главном |городе| этой провинции, из тысячи, выплачиваемой в виде подати Его Величеству.

И когда он объявлял о предметах, производимых каждым селением, а его заявление сравнивалось с тем |заявлением|, что сделал |ранее| дон Марти Кари, они совпали во всех записях, и казалось, что это один отчёт, и точно также оно соответствовало другому *кипу* вышеупомянутого дона Мартина Куси о восемнадцати тысячах песо, выплачиваемых Его Величеству со всей провинции, со всеми записями, содержащимися в заявлении упомянутого дона Мартина Кари, и они также выложили другое *кипу* об индейцах, направляемых каждым селением и общиной на шахты в Потоси, и когда было изложено |содержимое| вышеупомянутого *кипу*, оно совпало во всех записях с заявлением о вышеприведённом, сделанным упомянутым доном Мартином Кари.

Того касика и *кипукамайо|ка|* спросили о том, каких возрастов, и какие индейцы платили подать во времени Инги. Они сказали, что мужчины от тридцати до шестидесяти лет платили подать, а старики от названного возраста и выше ничего не платили, и что молодые люди от тридцати лет и ниже, а также мальчики |занимались тем, что| обслуживали переноску раковин моллюсков[630] [caracoles], и перьев, и птиц, и собирали грибы, и носили дрова и солому, и другие вещи, как он им приказывал, и что все индейцы, содержавшиеся в заявлении вышеупомянутого дона Мартина Кари, те же самые, что и в его *кипу*, были индейцами-плательщиками подати от названных тридцати до шестидесяти лет |...|.

---

[627] Служащий, в чьем ведении были кипу.
[628] Верхняя половина селения.
[629] DGH: Hanan suyu. Тот, что внизу.
[630] Игравшие роль украшений, и, видимо, средства обмена.

[173]

Заявление дона Франсиско, столетнего касика из общины Анансайа в Илаве, март 1567 года.

ТЕКСТ:

В этот вышеназванный день упомянутый сеньор-инспектор приказал, чтобы явился к нему дон Франсиско Вилькакутипа [Francisco Vilcacutipa], главный касик из общины Анансайя этого упомянутого селения Илаве [Ilave], и задал ему следующие вопросы: его спросили, какого он возраста и как давно является касиком. Он ответил, что ему около ста лет, и касиком он стал ещё до того, как умер Гуайнакава[631] [Guainacaua], и что он был с Гуайнакавой, когда тот шёл сражаться с индейцами Томебамбы [Tomebamba], до того, как пришли испанцы, и что та война длилась двадцать лет |…|.

Его спросили, сколько индейцев было в этом селении и подчиненных ему во времена Инков. Он сказал, что была одна тысяча индейцев *аймара* [aymaraes] и другая тысяча — *уро* [uros], эти же — с |теми| *митимаями* [mitimaes], которых отсюда |позже| забрали для Инги.

Спросив, есть ли у него *кипу*, и отчет, и подсчёт индейцев, ныне находящихся в его общине и в |общине| Уринсайя, он ответил, что у него нет ни *кипу*, ни отчета об имеющихся индейцах, потому что сейчас не так хорошо проверяют, сколько индейцев, как это делалось во времена Инги, когда каждый вёл учёт имевшихся индейцев, юношей, и стариков, и хромых, и безруких.

Его спросили, какую подать отдавало это селение и подчиненные ему Инге.

Он сказал, что они отдавали ему, сказал, что со всей провинции Чукуито[632] один раз они предоставили Инге для войны в Томебамбе, где этот говорящий был с ним, шесть тысяч индейцев; из них погибло на войне пять тысяч и все касики, кроме двоих, и вернулось не больше тысячи индейцев из шести тысяч, и эти привели с собой нескольких пленных индейцев из Томебамбы. И в другой раз они предоставили ему две тысячи индейцев для войны, и из них погибла тысяча, а также они давали ему индейцев для добычи ему золота и серебра в рудниках Чукиабо [Chuquiabo] и Порко [Porco], и что со всей провинции ему давали иногда сотню индейцев и индеанок в качестве прислуги, |а| иной раз — двести, и что они давали ему индейцев для его *миты* [sus mitas], чтобы они построили ему дома в Куско [Cuzco]; и что касикам, отправившим их, Инга дал накидки и рубахи из самых роскошных, а работавшим индейцам он давал еду: мясо, и маис, и

[631] Инка Вайна Капак.
[632] В оригинале: «Dijo que le daban, dijo que de toda la provincia de Chucuito».

другие |продукты|, и хорошо с ними обращался; а также они давали ему индейцев для жертвоприношений *вакам*[633] [las guacas], и дочерей касиков и знати в наложницы, и которые обрабатывали ему поля с *папас*[634] [sementeras de papas] и *кинуа* [quinua], и давали ему местных баранов, и в даже Куско доставляли ему рыбу со всею поспешностью, чтобы принести её очень свежей, и сушеную рыбу |тоже|; и когда несколько раз он просил у них *митимаев*, чтобы разместить их в иных местах, они давали ему таких, а если некоторые из этих умирали, они давали ему других; и они ему **[174]** давали одежду из *кумби*[635] [cumbi], и для того, чтобы они изготовили ее, у них были назначены определённые индейцы; и также они давали ему одежду из *аваски*[636] [auasca] и *охоты*[637] [ojotas], и всё остальное, что он у них просил, они давали ему, вплоть до соли и перьев, — и что все это, им сообщенное, они давали ему, разделив между *айлью*[638] [ayllos] со всей провинции |...|.

Его спросили, давали ли во времена Инги какую-либо подать главному касику общины Анансайя в Чукуито, наследником которого является дон Мартин Кари. Он ответил, что деду дона Мартина Кари [a su abuelo de don Martín Cari], которого звали Апу Кари [Apu Cari], они обрабатывали *чакары*[639] [chácaras] во всей этой провинции, потому что он был великим правителем, аки второе лицо у Инги, и он правил от Куско до Чили, и они давали ему одежду и кое-какое серебро, и индейцев с индеанками, служивших ему |...|.

Заявление индейцев из Хули на обвинения предварительного следствия, 21 апреля 1567 года.

ТЕКСТ:

В селении Хули [Xule][640] этой провинции Чукуито, двадцать первого апреля тысяч пятьсот шестьдесят седьмого года, господин Гарси Диес де Сан-Мигель, виситадор[641] этой провинции, приказал позвать дона Фелипе Кара Кутипа [Felipe Cara Cutipa], и дона Педро Чата [Pedro Chata], и дона Пабло Мамани [Pablo Mamani], и дона Кристобаля Чукегуанка [Cristóbal Chuqueguanca], и дона Диего Тиконипа [Diego Ticonipa], и Себастьяна Чубилья [Sebastián Chubilla], и Мартина Чарма [Martín Charma], и дона Мануэля Кекехана [Manuel Quequexana], и дона Кристобаля Куса [Cristóbal Cusa], и Бартоломе Кутипа [Bartolomé Cutipa], и дона Пабло Укомари [Pablo Ucomari], и дона Кристобаля Чино Кутипа [Cristóbal Chino Cutipa], и дона

[633] Т.е. священное место или место поклонения. Я использовал при переводе современное звучание слова. Испанцы называли их, как правило, «гуака».
[634] Картофель.
[635] Из роскошной и дорогой ткани.
[636] Т.е. из простой ткани, изготовленной из шерсти лам; для ежедневного ношения.
[637] Обувь.
[638] Род, каста.
[639] Посевные земельные наделы, поля.
[640] Так написано в рукописи.
[641] Инспектор.

Мартина Ксамо[642] [Martín Xamo], знать и индейцев общины Анансайя [Anansaya], в котором касиками являются дон Бальтасар Пака [Baltazar Paca] и дон Франсиско Нина Чанбилья [Francisco Nina Chanbilla]. И через толмача Лукаса Эрнандеса [Lucas Hernández], переводчика, он задал им следующие вопросы; а также с вышеупомянутыми присутствовал дон Кристобаль Чата [Cristóbal Chata], *марка|ка|майо|к|*[643] [marca[ca]mayo], являющийся человеком, кому возложена обязанность заниматься *тамбо*[644] [tambo].

Их спросили, какое селение и местоположение у этого Хули, и какие есть в нем общины. Они сказали, что есть община Анансайя[645], где они являются знатью[646], а также — Уринсайя[647], в котором касиками являются дон Фелипе Чуи [Felipe Chui] и дон Карлос Калисайа [Carlos Calisaya], и другая община, которую называют Айянка [Ayanca], это также *уринсайи* [urinsayas], где касиками являются дон Амбросио[648] [Ambrosio] и дон Карлос Вьеса [Carlos Viesa], и что также, помимо различных народов, есть некоторые индейцы *чинчайсуйо*[649] [chinchaysuyos], — они *митимаи* [mitimaes], размещённые Ингой, и, что |всего| есть двенадцать селений, называющиеся Авальяне [Auallane], и Суана [Suana][650], |и| Сивикани [Siuicani], и Йаканка [Yacanca], и Чуру Чуро [Churu Churo], и Лонда [Londa], и Айо [Hayo], и Искайо [Yscayo], и Чукасуйо [Chucasuyo], и Сииси [Siysi], и Камильяки [Camillaqui], и Кирири [Quiriri].

[175]

Их спросили, каково было число индейцев в этом селении Хули и ему подчиненных. Они сказали, что у главных касиков есть *кипу* об этом.

Их спросили, сколько индейцев |сейчас| в этом селении и ему подчиненных в их общине. Они сказали, что не знают этого, так как сейчас это проверяется, и после проверки будет известно.

Их спросили, достаточно ли у них в селении и в подчиненных ему новообращенных индейцев. Они сказали, что у них достаточно новообращенных, и что отцы |священники|, проживающие в этом селении посещают остальные селения, подчиненные ему, и крестят младенцев.

Их спросили, какую долю еды они дают священникам, проживающим в этом селении. Они сказали, что в этом селении и ему подчинённых два священника, монахи Святого Доминго, и каждому их них дают долю: одна фанега[651] муки, стоимостью в 8 песо, и две фанеги маиса, стоимостью 6 песо

---

[642] Варианты: Само, Шамо, Хамо.
[643] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608): Marca. Защитник, адвокат защищающейся стороны. Marcanchic ccarpaqquenchic. Господин к помощи которого мы прибегаем, и наш защитник.
Marca. Чердак; то, что вверху дома.
[644] Постоялый двор.
[645] Верхний.
[646] Вариант: начальниками.
[647] Нижний.
[648] Видимо, у Амбросио «фамилия» тоже Вьесо.
[649] Т.е. из региона Чинчайсуйу.
[650] Или Свана.
[651] фанега (мера сыпучих тел, неодинаковая в различных областях Испании; в Кастилии = 55,5 л).

за фанегу, и одну фанегу *чуньо*[652], стоимостью 5 песо за фанегу, и одну фанегу *папас* |картофель|, стоимостью 2 песо. И всё это они дают ежемесячно каждому монаху[653], и каждые три месяца — одну свинью каждому монаху, которая стоит семь песо. И каждый день они дают каждому из упомянутых монахов две куропатки, в мясные дни, стоимостью один томин[654] каждая крупная куропатка, а если маленькая, то половина томина, и что эти куропатки они дают по обыкновению, за исключением случаев, когда в какие-нибудь у них дни нет куропаток, они дают две курицы обоим монахам каждый день, или два томина за каждую из них. А в рыбные дни они дают яйца и рыбу, сколько им потребуется, что составляет пятьдесят рыб из озера, что стоит немного, и восемьдесят яиц, стоимостью один томин за дюжину, и эта рыба и яйца — для обоих монахов[655]. И что они предоставляют

---

[652] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608): *Chhuñu*. Картофель лежалый/сушеный, |и| замораживаемый на солнце |то есть в солнечную погоду|.

[653] Т.е. дневная норма для каждого монаха составляет (в кг):
- мука — 1,85 кг
- маис — 3,7 кг
- чуньо — 1,85 кг
- картофель — 1,85 кг

Как видно, эта норма выходит далеко за возможности потребления самим священником таких количеств и говорит, видимо, о наличии слуг, которых тоже нужно было кормить.

Годовая норма:
- мука — 666 кг
- маис — 1332 кг
- чуньо — 666 кг
- картофель — 666 кг

Итого провизии за год: 3330 кг (обоим монахам — 6660 кг).
Ежемесячно: 277,5 кг (обоим монахам — 555 кг).
Ежедневно: 9,25 кг (обоим — 18,5 кг)

Что же такое 277,5 кг в месяц? Это половина из 100 фанег провизии. А в словаре Ольгина есть даже инкская мера веса Pokcha — пол-фанеги. Выходит, жители селения Хули выдавали ежемесячную норму — 100 покча всех видов продуктов на одного дармоеда в рясе.

Вот такая вышла базовая единица веса. Значит, всё правильно, Ольгин не ошибся, у индейцев была похожая на полфанеги своя единица веса и это — Покча = ок. 2,775 кг.

Затраты на содержание (годовые, в песо):
- мука — 96 песо
- маис — 144 песо
- чуньо — 60 песо
- картофель — 24 песо

Итого за год: 324 песо (обоим монахам — 648 песо).
Ежемесячно — 27 песо (обоим монахам — 54 песо).
Ежедневно — 0,9 песо (обоим — 1,8 песо).

[654] Как старинная единица веса почти равна половине грамма. Как мелкая серебряная монета была в обращении в нескольких местах Латинской Америки. Томин равнялся 1/3 серебряного полуреала «адарме»; или 1/8 кастельяно; Томин делился на 12 грано, и был приблизительно равен 596 мг. 1 песо = 4,55 г золота. К 1535 году в Новой Испании томин являлся самой мелкой монетой, весившей 0,598 г.

[655] Расчет мясных-рыбных продуктов для монахов в кг таков (воздержание у католиков от вкушения мяса составляло минимум 14 дней (важных праздников) в году, максимум — 52 дня (все пятницы года, за исключением праздников в эти пятницы; итого мясных дней может быть приблизительно от 299 до 351 дней в году); рыбные дни у католиков — практически все пятницы, т.е. около 52 дней):

Годовая норма (ед. на чел.):
- свиньи — 4 шт.
- куропаток (куриц) — ок. 598-701 шт.
- рыба — ок. 50 шт. (неясно, во все дни (тогда 2600 шт.) или за один день)
- яйца — 80 шт. (неясно, во все дни (тогда 4160 шт.) или за один день)

Годовая норма (стоимость на чел.):
- свиньи — 28 песо.
- куропаток (куриц) — 598-701 томин (356-418 г) или меньше.
- рыба — ? (небольшая сумма)
- яйца — 6,67 томинов (3,98 г) за 80 шт. или 0,84 томина за 1шт.

вышеназванным монахам семь индейцев для присмотра за кастильскими овцами и двух — для присмотра за местными овцами |ламы, альпаки|, и двух тех, кто лечит им коней, и других двух — для кухни, и ещё одного — для разжигания огня в помещении. И что за десять лет до нынешнего момента они дали Доминго Инге [Domingo Inga], прислуживающему монахам в качестве толмача, для прихода и остального, что потребуется, три индейца в качестве прислуги, служащих ему в его доме, эти от них, и в обработке ему *чакары*, и ещё один, присматривающий у него за овцами; всё это даётся от всех трёх общин. И что они не дают им местных баранов, как они обычно давали им прежде, когда давали каждому монаху по два барана ежемесячно, поскольку три года назад они дали им двести кастильских овец и пятьдесят баранов (по которым они не решаются сказать, сколько те стоят, об этом скажут касики), чтобы они питались от приумножения |скота|, и что после того времени они не дают им этих местных баранов. И что за три года до сего времени от всех трёх общин они засеяли упомянутым монахам сорок *топо*[656] [topos][657] земли, с которых собирают, когда мало зерна, одну фанегу **[176]** посеянного |и посаженного|, а когда много, то полторы фанеги[658], и что то, что они посеяли, состояло из *папас*, и что в первый год семена им дали монахи, и что в тот год они вымерзли, так что ничего не собрали, и на второй год индейцы посадили семена, но они также погибли от мороза, и что в тот год индейцы также посадили семена, и посев вышел хорошим. И что эти работы индейцы выполняют за свой счет, до самой уборки урожая, так что монахи не дают им ни еды, ни чего-либо другого, и, невзирая на то, что они обработали им поля, они отдавали им долю *папас* и *чуньо*, как было заявлено, и что они предоставили им сто шестьдесят *топо* земли для того, чтобы, когда будет посеяна часть из них, остальные отдыхали |находились под паром|, чтобы они не носили им долю *папас* и *чуньо*, и что они всегда дают вышеназванную долю и у них есть земли.

Их спросили, какие обязанности, работы, и поместья, и доходы у индейцев этого селения и ему подчиненных. Они сказали, что до половины индейцев, пожалуй, владеет местным скотом, а другая половина не владеет, и те, кто владеет, имеют по триста голов, и по двести, и по сто, и по восемьдесят, и по пятьдесят, и по двадцать, и даже |по| три, согласно такому порядку доходит приблизительно аж до указанного количества тех трёхсот голов. И что все умеют изготовлять одежду, кроме некоторых индейцев и индеанок, не умеющих её делать, и они дают её делать другим. И что у всех

---

[656] Как сельскохозяйственная единица измерения площади представляет собой часть земли, которую каждому подданному приказывали выделять инки. Эта часть, доля, составляла 60 шагов в длину и 50 в ширину. При среднем темпе ходьбы длина шага составляет ок. 0,74 м. Получается, что топо мог равняться приблизительно 44,4 м в длину и 37 м в ширину (но скорее даже меньше,так как при замедленном темпе шаг короче), т.е. 1 топо = около 1643 кв.м., или 16,43 сотки, или 0,1643 га. В таком случае, монахам (на двоих) засевали 6,57 га земли (в реальности, видимо, меньше).

[657] Т.е. «тупу».

[658] Видимо, речь идет об урожайности с одного топо, поскольку 55,5-83,5 кг картофеля с 40 топо было бы крайне мало, и с 16 соток вполне реально. Для примера, в Боливии урожайность картофеля в 2007 году составляла 5,7 тонн с га. Потому исходя из данных доклада урожайность составляла ок. 340-506 кг/га. (т.е. эта урожайность ниже современной боливийской в 10 раз, ниже современной украинской и российской в 16-38 раз, и европейской — в 100 раз). Итого 40 топо земли (6,7 га) давали монахам 2234-3324 кг картофеля за один урожай, что вполне вписывается в их годовое потребление картофеля, чуньо и муки, получаемое от трёх общин селения Хули.

есть свои *чакары*, на которых они сажают *папас*, и *кинуа,* и *каньягуа*[659] [cañagua], и что не они сеют ни пшеницу, ни маис, потому что это здесь не даёт урожая. И что у них нет кастильского скота, за исключением свиней, так как они есть у некоторых из них, по две или три свиньи. И что когда они нанимаются для похода с баранами в Куско для перевозки *коки* [coca] и несут её оттуда до Потоси, хотя индейцы не сами нанимаются для этого, а их насильно принуждают к этому коррехидоры, и что они, как главы *айлью* [principales de los ayllos], оказываются в большом затруднении, когда им приказывают предоставить индейцев для найма, поскольку индейцы не желают идти, что иногда некоторые индейцы, которым они приказывают наняться, договариваются с другими, чтобы те совершили это вместо них, и они дают им из своего дома накидки, и рубахи, и еду, которую они должны израсходовать, а также всё поденную плату, какую испанец им должен был дать, так что они расходуют из своего дома всё то, что было названо. И что индейцы также идут обменивать товары к побережью, и ведут для этого скот, |несут| шерсть, и одежду, и сушеное мясо, а назад, после обмена, несут маис и *ахи*[660] [aji], и хлопок, и сушеную рыбу, и другие вещи.

Спросив их о том, какова численность общего скота, принадлежащего их общине, они сказали, что о том знают касики и *кипукамайо|ки|*.

Спросив их о том, какой скот, и *чакары*, и другие имеющиеся у них поместья посвящены Солнцу или *вакам*, или громам[661], или принадлежало бы Инге, они сказали, что у них нет ничего из вышеназванного.

[177]

Их спросили, какую подать платило Инге, в его времена, это селение и подчиненные ему. Они сказали, что давали ему индейцев мальчиков и девочек для жертвоприношения *вакам* и индейцев на войну, тех, кого они |сами| назначали, и других индейцев для того, чтобы они построили ему дома в Куско, и других индейцев — для добычи ему золота в Чукиабо и серебра в Порко, и очень чистого золота в Каманча [Camancha], и они также обрабатывали ему *чакары*, и |давали ему| индейцев для того, чтобы он размещал *митимаев* во многих краях, и носили ему еду, собиравшуюся с *чакара* [las chácaras] в Куско, а также они приносят[662] ему одежду из *кумби* и *аваска*, и давали ему овец, и для этого Инга присылал знатных индейцев со своими *кипо*, в которых речь шла о том, что они должны были дать ему, а также они дают ему *охоты* для ношения на ногах, и *льяуты*[663] [llautos], являющиеся верёвками, которые носят привязанными к голове, и несколько

[659] Злак cañahua или cañihua (из кечуа: *qañiwa*): лат. Chenopodium pallidicaule Aellen (вид) из рода Марь (*Chenopódium*) из семейства Маревые (Chenopodiaceae). К роду Марь принадлежит и *Chenopodium quinoa* — т.е. Киноа.
[660] Перец.
[661] Видимо, речь идет о божествах грома/молнии.
[662] Этот глагол в тексте почему-то стоит в настоящем времени.
[663] Венец. Как правило, это был символ власти у Инков.

серебряных и медных *айльо*[664] для охоты, и другие вещи, о которых он просил, и дочерей касиков, как наложниц и как прислугу.

Спросив их, какое количество песо золота платило и платит это селение и ему подчинённые из подати, которую платит эта провинция Его Величеству, и сколько одежды, они сказали, что о том скажут касики и *кипукамайоки*.

Спросив их, какую службу |оказывают| и подать они отдают дону Франсиско Нина Чанбилья и дону Бальтасару Пака, их касикам, они сказали, что подготавливают, засевают и обрабатывают каждому из вышеназванных двух касиков тридцать *mono* земель с *папас*, *кинуа*, *каньагуа*, а касики предоставляют семена, и что для подготовки этих посевных полей собираются все индейцы, и женщины, и дети, чтобы сделать это быстро, и что они |касики| дают им весьма приличную еду: *папас*, и *чуньо*, и мясо, и *коку*, и *чичу*[665], в те дни, когда они работают на них |землях|, и что они предоставляют дону Бальтасару четырнадцать индейцев, а дону Франсиско десять индейцев прислуги, чтобы они приглядывали за их скотом, и прислуживали им в их доме, и |на| *чакарах*, и |предоставляют всё| остальное, чтобы они им не приказали; тех |индейцев| они выделяют каждый год из своих *айлью*[666], и они меняются, когда захотят лица, возглавляющие[667] *айлью* [los principales de los ayllos], так что весь год им служат эти индейцы, и что тем, кто им служит, они дают еду, и шерсть для того, чтобы те изготовили одежды, и кое-какую готовую одежду, а для некоторых — какую-нибудь овцу, и что они не дают им ни одежды, ни чего-либо другого сверх того, что ими заявлено, но могло быть и так, что *кумбикамайо|ки|* [cumbicamayos] изготовливают им кое-какие предметы одежды для их нарядов, а *кумбикамайо|кам|* за эту работу они дают *коку* и баранов.

Спросив их, давали ли они во времена Инги какую-либо подать и прислугу касикам из Чукуито, или кому-либо из них, ввиду того, что они являются главными касиками этой провинции, они сказали, что предшественникам дона Мартина Кари они заготавливали ему[668] одну чакару посевов в десять *mono*, и обрабатывали её, семена при этом предоставляли вышеназванные касики, и давали еду индейцам, и что это они делали во времена Инги, а также |и| после того, как испанцы пришли в этот край, и они также обрабатывали упомянутую *чакару* **[178]** его отцу, упомянутого дона Мартина, по имени Пакаса [Pacaxa][669], и что названному дону Мартину они не обрабатывали поле, потому что он об этом не попросил, но земли ему назначены, и что они также не предоставили ему одежду и другого чего-либо в виде службы, и что они также предшественникам названного дона Мартина Кари давали одежду и овец, и что его деду, упомянутого дона Мартина, они один раз дали нескольких индейцев-прислуги, и что сейчас |здесь| есть

---

[664] Метательное орудие в виде болас.
[665] Спиртной напиток, брага.
[666] Род, клан.
[667] Или старейшины, начальники, знать.
[668] В оригинале вместо «им» стоит «ему», хотя речь идет о предшественниках. На самом деле подразумевается непосредственный предшественник этого Мартина Кари.
[669] Варианты: Пакаха, Пакаша, Пакакса.

некоторые из них, и от приумножившегося числа этих ему служат и поныне, и что касику общины Уринсайя из Чукуито, предшественников дона Мартина Куси, они обрабатывали пять *тоно* земли, и что весь этот посев, как тот, что был у предшественников названного дона Мартина Кари, так и тот, что был у дона Мартина Куси, обрабатывали сообща все индейцы этого селения, и что до нынешнего времени земля назначена как |принадлежащая| им [se está señalada la tierra como suya], и что также они предоставили ему нескольких индейцев прислуги, из которых осталось пятеро[670], служащих в настоящее время, и что вышеназванному дону Куси, после того, как он стал касиком |и каковым является ныне|, они не обработали посевное поле и не предоставили чего-либо другого из подати.

Их спросили, захватили и заняли ли главные касики из Чукуито или |касики| этого селения или другие какие-либо лица, как индейцы, так и испанцы, какие-нибудь *чакары*, или земли, или дома, или скот, или другое что-либо у каких-нибудь индейцев этой провинции, или не причинили ли они им какого-либо вреда. Они сказали, что не знают ничего такого, за исключением того, что в некоторых домах в *тамбо*, как всем известно, жили и постоянно живут несколько испанцев, и что о чём-либо другом им не известно.

Их спросили: земли, имеющиеся у индейцев, их собственные ли и они им назначены [las tienen señaladas], или касики ежегодно их выделяют.

Они сказали, что каждому индейцу его *чакара* назначена для него самого и для его потомков.

Спросив их, какое количество одежды изготовила их община за два последних года для испанцев, они сказали, что не знают сколько, |и| что о том знают *кипукамайо|ки|* и касики.

Спросив их, добровольно ли они делали упомянутую одежду или их принуждали к этому, они сказали, что коррехидоры заставляли их силой делать одежду, а также нанимать индейцев, и они не хотели бы их делать, потому что остальные, много работающие над этим, изготавливая её, не дают им других изделий, и нанятым индейцам они не платят их поденную плату, потому что всё это взимают их касики |т.е. начальники испанцев| и тратят это на церковь, и что хотя бы платили индейцам за изготовление одежды два песо за изделие; и тоже самое относительно платы за наём |индейцев| идти в Куско и Потоси, они не делали бы этого, потому что много теряют в своём хозяйстве, и что, делая одежду для испанцев, они перестают делать её для себя и своих жен, и детей, и что они, как начальники, испытывают большие трудности при разделе одежды среди индейцев, **[179]** потому что взимают её против их воли, и что когда они |касики| предписывают изготовить какой-либо предмет одежды, то дают одного *пако* [paco][671] или барана, за одну только накидку — если она хороша — без рубахи, и дают еду тому, кто, её делает.

[670] На этот раз речь уже идёт о прислуге Мартина Куси.
[671] DGH: Pacocha, или paco. Местные бараны, покрытые густой шерстью; и ягнята для мяса.

Спросив их, будет ли хорошо от того, что в этом или другом селении провинции построили бы госпиталь, они сказали, что не желают госпиталя, потому что, когда индейцы болеют, в своём доме они питаются тем, чем захотят и насыщаются, а когда идут в госпиталь, их убивают голодом, и у них |появляются| вши.

Их спросили, какого порядка они придерживаются в обслуживании *тамбо*, и ходять ли служить из этого селения в Чукуито. Они сказали, что в *тамбо* этого селения, где проходит обычно много людей, служат индейцы этого |же| селения и ему подчинённые, на условиях их *миты*, на которой занято много индейцев принесением дров и травы |соломы|, и что помимо этого, за последние полтора года до сего времени, т.е. после того, как лиценциат Эстрада пришел в качестве коррехидора, они приказали идти индейцам этого селения служить в Чукуито испанцам, там пребывающим, потому что тем, кто проходит дорогой, *миту* осуществляют сами |жители| Чукуито, и что идти осуществлять эту *миту* они причиняют им большой ущерб, потому что они отсюда перевозять дрова на баранах, и у них бараны тонут в реке Илаве, и их теряется предостаточно; что за один раз вместе уходит сотня индейцев на тринадцать дней |каждые| шесть месяцев из общины Анансайя, и из общины Уринсайя дона Фелипе |Чуи| идёт другая сотня индейцев на десять дней каждые шесть месяцев, и из общины Айянка дона Амбросио идёт другая сотня на восемь дней каждые шесть месяцев, и что это для них весьма тягостно и хлопотно, и что индейцев *чинчасуйос*, которых очень мало, наберётся около сотни, и все они идут служить на один день отсюда в Чукуито, что составляет десть лиг[672] туда и столько же обратно, и что каждому индейцу они приказывают дать полтомина на каждый день из тех дней, что они там служат[673], и они не дают им ничего для дороги туда и обратно[674], и что они идут нагруженные со своими женами и детьми; и что |всё| это, ими заявленное — правда; и это подтверждает господин виситадор Гарси Диес.

Франсиско Лопес[675].

[672] Т.е. ок. 55,5 км в одну сторону; в обе — 111 км.
[673] 1 томин (= 34 мараведи) — серебряная монета весом 0,6 грамм. Получается, что:
- сотня индейцев из Анансайя получала за 13 дней 650 томинов.
- сотня из Уринсайя за 10 дней — 500 томинов.
- сотня из Айянка а 8 дней — 400 томинов.
- сотня чинчайсуйос за 1 день — 50 томинов.
Значит, один индеец получал в день 0,3 г серебра, а в месяц ок. 9 г. Сто человек соответственно 30 г и 900 г.
[674] Т.е. не оплачивают время затраченное на дорогу в Чукуито.
[675] Это, видимо, писарь или нотариус.

Доклад об открытии королевства Перу, составленный Диего де Трухильо, вышедшим вместе с губернатором доном Франсиско Писарро и другими капитанами, начиная с того момента, как они прибыли в Панаму в 1530 году, и в котором также сообщается обо всех их походах и происшествиях вплоть до 15 апреля 1571 года.

Диего де Трухильо-и-Паэс или Диего де Трухильо (исп. Diego de Trujillo y Paez; ок. 1505, Трухильо, Испания — ок. 1574, Куско, Перу) — испанский конкистадор, принявший участие в конкисте Перу, составил 5 апреля 1571 года в Куско реляцию Доклад об обнаружении королевства Перу, где рассказывается о завоевании Империи инков. Участвовал в дележе сокровищ Атавальпы, и храма Пачакамак, оставил ряд важных сведений о социально-экономическом устройстве государства инков.

Об авторе

Диего де Трухильо-и-Паэс родился в г. Трухильо (Эстремадура, Испания) приблизительно в 1505 году и принадлежал к благородной семье. Известно, что в 1529 году он был завербовано в его родном городе его родственником Франсиско Писарро, только что подписавшего в Толедо с Императором Карлом V, контракт или Капитуляцию, для завоевания регионов Перу.

Путь в Америку

Сначала он оказался в Севилье, потом в Сан-Лукар-де-Баррамеда, оттуда перебрался в январе 1530 года с оставшейся частью команды на остров Гомера на Канарских островах, откуда отплыл в Западные Индии, взяв путь на Санта-Марту и Пуэрто-де-Дьос, где они встретили Эрнандо Писарро, который привел их в Панаму и на остров Жемчужин. С этого пункта они отчалили до берегов Чоко на юге нынешней Колумбии и проследовали морем до залива Сан-Матео. Передвигаясь пешком и гребя на плотах, они прибыли на остров Пуна в конце 1531 года, ведя порой ожесточенные битвы с местными жителями. В марте 1532 года они оказались в Тумбес, собрали новости о политической и общественной жизни в Империи Инков — Тавантинсуйу, и основали в месте Тангарара первый город Южной Америки, названной Сан-Мигелем, нынешний г. Пьюра.

Битва при Кахамарке и выкуп Атавальпы

В сентябре испанцы-конкистадоры начали восхождение в горы. Диего идет в авангарде с Эрнандо де Сото. Они проходят через селение Кахас и встречаются с Атавальпой, предлагающего принять их на следующий день, 15 ноября, когда правителя инков захватят в плен. После этого Трухильо был сразу же послан в Пачакамак, он перенес тяжелую опасность в Пилькас и достиг столицы инков — Куско в ноябре 1533 года.

Возвращение в Испанию

Обогатившись 3300 песо золота и 158 марками серебра, которые он получил как пехотинец причитающуюся ему долю при распределении сокровищ из выкупа Инки Атавальпы, и это состояние он увеличил последующими доходами, но принял решение возвратиться в родной город Трухильо (Испания) и с флотом Педро де Альварадо он вышел из Пачакамака в 1536 году и снова очутился в своем городе, пользуясь своим приличным состоянием в возрасте 31-летнем возрасте.

Жизнь в Перу

Участие в гражданских войнах

В 1547 году, однако, влекомый, вероятно, воспоминаниями о южно-американских пейзажах или из-за обычной скуки, ощущаемой в родном его городе, где у него не было чем заняться, он возвратился в Америку. За время его отсутствия в Индиях умерли Диего де Альмагро и Франсиско Писарро, а также его брат Эрнандо Писарро поднял мятеж и вышел победителем в сражении у Аньякито, где погиб вице-король Бласко Нуньес Вела. Трухильо объединился с Эрнандо Писарро, но в 1548 году, используя свои отличные боевые навыки, он перешел во время сражения у Шакишагуана в войско посланника Короля Педро де ла Гаски, получив за это в виде премии 1200 песо.

Переход к мирной жизни

В 1553 году в Куско он участвовал вместе мятежником Франсиско Эрнандесом Хироном в восстании, больше из-за страха, чем из убеждений, но когда тот был побежден, он проследовал в Куско, и даже получил репартимьенто с индейцами из Лари, которое было ему поручено. Он был одним из немногих оставшихся в живых завоевателей Перу, и как к таковому к нему отнесся со всем уважением вице-король Франсиско де Толедо, когда посетил эту столицу империи инков, предложив ему написать подробный доклад о завоевании Перу. В своем доме он даже воспитывал детей Атавальпы, будучи их опекуном.

Содействие инкам

В феврале 1572 года в Куско он посодействовал возрастанию властных полномочий Себастьяна Илакиты из рода Инков, чтобы тот поехал в Испанию защищать перед Советом Индий права малолетних сыновей Диего Илакиты, сына Атавальпы. Это вмешательство дало результат в виде королевской грамота от 11 сентября 1573 года с признанием прав и предоставлением милости вышеизложенным несовершеннолетним наследникам.

Смерть

Через непродолжительное время, отягощенный годами, наслаждаясь рентами и рассуждениями, он умер в Куско в семидесятилетнем возрасте, так как уже в 1575 его не было в живых.

Доклад о завоевании Империи инков

В 1571 году он написал «Доклад об обнаружении королевства Перу». Этот Доклад очень важен, так как он содержит интересные детали, которые не встречаются в других историях о завоевании инкского мира. Его сведения о местах, ныне являющихся берегами Эквадора содержат уникальные и подробные детали, которые не найдешь ни у Франсиско Лопес Хереса, ни у Педро Писарро, что делает его доклад одним из самых важных исторических источником для изучения прибытия испанцев на эквадорские берега. Есть и другие детали, придающие ему особенный характер, поскольку он также говорит, что первую женщину, проехавшую в Южную Америку, звали Хуана Эрнандес, и сообщает о существовании куриц белого цвета в поселении Санья, что оказывается крайне интересным, так как всегда считалось, что эти птицы не существовали в Южной Америке. Можно лишь предположить, что эти птицы оказались в тех краях, как следствие предыдущих походов испанцев к берегам Перу, ведь тот же Диего де Трухильо говорит, что два испанца даже остались жить в Тумбесе, когда Писарро отплыл в Панаму. Видимо, несколько птиц испанцы оставили с этими своими сотоварищами. Автор также сообщает о своеобразной беседе Эрнандо Писарро с Атавальпой и о событиях следующего дня на главной площади Кахамарки. Его сведения также перекликается с рассказом Педро Писарро, когда тот утверждает, что группа Эрнандо де Сото не подчинилась приказам губернатора и вошла в Куско без его разрешения.

[Перевод с испанского издания:
Raul Porras Barrenechea. Una relacion inedita de la conquista: la cronica de Diego de Trujillo. — Lima: Instituto Raul Porras Barrenechea, 1970. — p. 41–60.]

Вступление Родольфо Переса Пиментеля

Диего де Трухильо-и-Паэс родился в г. Трухильо (Эстремадура, Испания) приблизительно в 1505 году и принадлежал к благородной семье. Известно, что в 1529 году он был завербован в своем родном городе родственником, Франсиско Писарро, только что подписавшим в Толедо с императором Карлом V капитуляции или договор о завоевании областей Перу.

Сначала он оказался в Севилье, потом в Сан-Лукар-де-Баррамеда, оттуда перебрался в январе 1530 года с оставшейся частью команды на остров Гомера на Канарских островах, откуда они отплыли в Западные Индии, взяв

курс на Санта-Марту и Пуэрто-де-Дьос, где встретили Эрнандо Писарро, приведшего их в Панаму и на остров Жемчужин.

Оттуда они отправились к побережью Чоко на юге нынешней Колумбии и проследовали морем до залива Сан-Матео. Передвигаясь пешком и на плотах, вступая время от времени в ожесточенные стычки с местными жителями, они прибыли на остров Пуна в конце 1531 года. В марте 1532 года Писарро со спутниками оказался в Тумбесе, где получил известия о политической и общественной жизни в Империи Инков — Тавантинсуйу. В местности Тангарара ими был основан первый испанский город Южной Америки, названный Сан-Мигель, нынешний Пьюра.

В сентябре испанцы-конкистадоры начали подъем в горы. Диего шел в авангарде с Эрнандо де Сото. Они прошли через селение Кахас и встретились с Атавальпой, предложившим принять их на следующий день, 15 ноября, когда правителя инков захватили в плен. После этого Трухильо был сразу же послан в Пачакамак, он подвергся серьезной опасности в Пилькас и достиг столицы инков — Куско в ноябре 1533 года.

Обогатившись, благодаря 3300 песо золота и 158 маркам серебра, полученым в качестве причитавшейся ему доли пехотинца при распределении сокровищ из выкупа Инки Атавальпы, в дальнейшем он приумножил эти средства, но принял решение возвратиться в родной Трухильо, и с флотом Педро де Альварадо вышел из Пачакамака в 1536 году, снова оказавшись на родине с приличным состоянием в возрасте 31 года.

В 1547 году, однако, влекомый, вероятно, воспоминаниями о Южной Америке или из-за обычной скуки, испытываемой в родном городе, где ему не было чем заняться, Диего де Трухильо возвратился в Америку. За время его отсутствия в Индиях погибли Диего де Альмагро и Франсиско Писарро, а брат последнего Эрнандо Писарро поднял мятеж и вышел победителем в сражении у Аньякито, где пал вице-король Бласко Нуньес Вела.

Трухильо присоединился к Эрнандо Писарро, но в 1548 году перешел во время решающего сражения у Шакишагуаны на сторону посланника короля Педро де ла Гаски, получив за это в виде вознаграждения 1200 песо.

В 1553 году в Куско он вновь участвовал в мятеже, поднятом Франсиско Эрнандесом Хироном, но, кажется, больше из-за страха, чем из убеждений, так что когда тот был побежден, пришел в Куско и даже получил репартимьенто с индейцами в Лари, которое было ему доверено. В своем доме Трухильо даже воспитывал детей Атавальпы, будучи их опекуном. Он был одним из немногих оставшихся в живых завоевателей Перу, и как к таковому, к нему отнесся со всем уважением вице-король Франсиско де Толедо, когда посетил бывшую столицу империи инков. Тогда же вице-король предложил Диего де Трухильо написать подробный доклад о завоевании Перу.

"Доклад об обнаружении королевства Перу" был написан в 1571 году. Этот документ содержит интересные детали, которые не встречаются в других историях о завоевании инкского мира. Его сведения о местностях, ныне являющихся берегами Эквадора, содержат уникальные подробности,

которых не найдешь ни у Франсиско Лопеса Хереса, ни у Педро Писарро, что делает "Доклад" Трухильо одним из важнейших источников для изучения прибытия испанцев на эквадорское побережье. Есть и другие детали, придающие ему своеобразие: он говорит, например, что первую испанскую женщину, прибывшую в Южную Америку, звали Хуана Эрнандес, и сообщает о курах белого цвета в поселении Канья, что очень интересно, так как всегда считалось, что этих птиц не было в Южной Америке. Можно лишь предположить, что эти птицы оказались в тех краях вследствие предыдущих походов испанцев к берегам Перу, ведь тот же Диего де Трухильо пишет, что два испанца даже остались жить в Тумбесе, когда Писарро отплыл в Панаму. Автор как очевидец сообщает о своеобразной беседе Эрнандо Писарро с Атавальпой и о событиях следующего дня на главной площади Кахамарки. Его сведения также перекликаются с рассказом Педро Писарро, когда тот утверждает, что отряд Эрнандо де Сото не подчинился приказам губернатора и вошел в Куско без его разрешения.

Последние сведения о жизни Диего де Трухильо относятся к февралю 1572 года. Тогда, находясь в Куско, он посодействовал, чтобы Себастьян Илакита из рода инков получил полномочия поехать в Испанию для защиты перед Советом Индий прав малолетних сыновей Диего Илакиты, сына Атавальпы. Это вмешательство дало результат в виде королевской грамоты от 11 сентября 1573 года с признанием прав и оказанием милостей несовершеннолетним наследникам.

Через непродолжительное время, отягощенный годами, наслаждаясь рентами и занимаясь рассуждениями, Диего де Трухильо умер в Куско примерно в семидесятилетнем возрасте, так как в 1575 его уже не было в живых.

ТЕКСТ:

[41]
Войско.

В году одна тысяча пятьсот тридцатом приведенные Франсиско Писарро[676] из Испании люди разместились на постой на столь |долгое время|, что войско готовилось восемь месяцев, часть в Ната [Nata], а большая часть на Жемчужном острове с Эрнандо Писарро[677], и на других островах.

О тех, что с острова Петуха.

[676] Франсиско Писарро-и-Гонсалес (исп. *Francisco Pizarro y González*, ок. 1475 — 26 июня 1541) — испанский авантюрист, конкистадор, завоевавший империю инков и основавший город Лима.
[677] Эрнандо Писарро и де Варгас (исп. *Hernando Pizarro y de Vargas*; точные годы жизни не известны, в различных источниках год рождения указан между 1478 и 1538, а год смерти между 1578 и 1608) — испанский конкистадор, один из братьев Писарро, завоевавших Перу. Родился в городе Трухильо в Испании. сводный брат Франсиско Писарро, законнорожденный и старший сын у дона Гонсало.

Те, что были с Франсиско Писарро во время первой разведки побережья и острова Петуха [la isla del Gallo], не хотели идти, говоря, что это была отдаленная земля, и что те, кто шел с ним, шли на верную смерть, и потому остались некоторые из тех, кто пришел с ним из Испании.

Отплытие.

В начале одна тысяча пятьсот тридцать первого года мы, |числом| до двухсот пятидесяти испанцев[678], и с нами трое доминиканских монахов, коими были братья Ресинальдо, Висенте де Вальверде и Хуан [Fr. Resinaldo y Fr. Vicente de Valverde, y Fr. Juan], подняли паруса у Жемчужного острова, и, отправившись, прибыли весьма быстро [con muy bien tiempo], за шесть дней, к бухте Сан-Матео [San Matheo][679]; каковое плавание никогда и никем ранее не предпринималось.

Бухта Сан-Матео.

Лоцманом-помощником [copiloto] у нас был Бартоломе Руис [Bartolomé Ruiz], немало потрудившийся во время похода; в бухте [la bahía] мы простояли десять дней, чтобы люди могли подкрепиться. По реке вниз на каноэ спустилось много индейцев, чтобы познакомиться с нами, |но| они |так и| не хотели выпрыгивать на землю. Эта земля возле бухты — густопоросшая и скалистая, со шквальными ветрами и ливнями, в ней имелись многочисленные местные плоды такие как гуавы, гуайявы, каймито, виноград [guavas, guayavas, caymitos y hovos].
[42]

Катамес.

Выйдя из бухты, через четыре лиги мы прибыли в пустое селение, называющееся Катамес [Catamez], где было много гуайяв и местных слив, и глубокие колодцы, откуда набирали воду некими раковинами |моллюсков| и пили ее; там были москиты и шквалистые ветры с ливнями; эта земля также была скалистой.

Кансеви.

Оттуда мы прибыли в большое обезлюдевшее селение на берегу, называвшееся Кансеви [Canceví]. В нем было много глиняных ловушек, рыболовных сетей, маисовых посевов, в которых, хотя маис и был не поспевшим, но мы его съели, из-за имевшейся нехватки в припасах. В этой земле не было пресной воды, отчего мы очень страдали. Из-за отсутствия проводника, чтобы понимать, куда нам идти на стоянку, губернатор отправил

[678] 250 человек называет и Кристобаль де Мена, уточняя, что в их числе были 80 всадников.
[679] Кристобаль де Мена ошибочно указал на 15 дней пути к Сан-Матео, но не сообщил о 10 днях пребывания в бухте.

капитана Эскобара через гору вглубь |территории| разузнать, есть ли возможность встретить индейца; я отправился с ним.

Индейцы и ложа.

И мы прибыли в сухое, безводное ущелье, и увидели дымы [humos], и пробыли в ущелье до четвертого часа рассвета, чтобы напасть на поселок, и дождь так лил той ночью, что, проходя ущельем, утонул один солдат, а другие выбрались вплавь; мы напали на поселок, и |там| находилось три или четыре индейца. Ложа у них были на высоких деревьях, как гнезда у аистов, и они кричали то как коты, то как обезьяны. Мы захватили одного индейца, но не было возможным ни |нам| понять его, ни ему — нас. Мы отвели его в лагерь, и с помощью знаков спустя 15 дней, он поведал нам о населенной далее земле, и о том, где была еда, так как мы стремились единственно к тому, чтобы найти |место|, где |можно было бы| поживиться.

[43]

Реки |народов| Кишимис.

Мы прошли дальше, плывя вдоль берега, и обнаружили, что из оврага у моря падал поток пресной воды, от чего мы очень обрадовались, поскольку двигались, испытывая большую нужду в воде. Оттуда мы проследовали до рек Кишимис[680] [de los Quiximis], где построили плоты, чтобы пересечь их, находясь там, испытывая большую потребность в еде и пресной воде, потому, что у рек такая была очень высоко |вверху по течению|. Прибыл Бартоломе Руис на корабле и со шлюпкой, и там мы подкрепились маисовой мукой, каждому досталось пол квартильо[681] муки. Когда мы пересекли две реки, имевшие в ширину четверть лиги каждая, то обнаружили много батата [camotes][682] и юки [yuca], из которых мы приготовили много лепешек [mucho cazabe], и было много фруктов гуайявы и других |плодов|, и этим подкрепилось много людей. Впереди в этой земле была еще одна река, имевшая большую ширину, чем другие, и там, и на других пускали кобылу, привязанную к плоту, и тут же бросались |за ней| кони. Так мы переправляли тех, кто не умел плавать, забросив также на плоты и седла для коней. И пожитков было так мало, что каждый нес их в руках, переплывая эту реку. Мы прошли вдоль берега, и попали в болота [trampales], где было много крабов, евших |плоды| мансанильи [manzanillo], и той ночью многие люди были при смерти, из-за того, что съели ядовитых крабов.

Коаке.

[680] Ныне реки Бахос-де-Кохимиес.
[681] Квартильо (мера сыпучих тел ≈ 1,156 л; мера жидкости = 0,504 л).
[682] Название «камоте» происходит из мексиканского языка науатль — «camotli».

У нас уже были сведения о Коаке[683] [Coaque], являвшемся большим поселением, очень богатом на золото, серебро, изумруды и многие другие камни различных окрасок, и золотые и серебряные чакиры[684] [chaquira], и |изделия из| кости, и много людей. И в эту ночь искусные люди, скажу, заиграли на трубах, чтобы напасть на то селение Коаке. Так оно и было сделано, и был захвачен его касик, и очень долго его продержали в плену. Там было огромное количество белой хлопковой одежды. Это было селение из больших домов, и было в нем много идолов и барабанов; было много съестного из маиса и фруктов; и много кастильского базилика и много перца. Индейцы же были сильными и воинственными. У селения было триста очень больших боио. Эта земля очень дождливая, с многочисленными грозами, и крупными змеями и жабами, и земля очень влажная. Когда уже не было съестного, трое солдат съели змею, и двое умерли, а третий, обмазавший ее чесноком, не умер, но полностью облысел и оказался в таком состоянии, что долгое время не приходил в себя.

[44]

Золото и бородавки.

В этом селении было захвачено восемнадцать тысяч песо золота, и немного низкопробного серебра, и сразу же губернатор отправил с золотом Бартоломе Руиса и Кинтеро [Quintero] на двух кораблях, одного — в Никарагуа, а второго — в Панаму, чтобы они привели людей, ну а мы остались в том селении на восемь с лишним месяцев; за это время умерло много людей от болезней и появлявшиеся у испанцев бородавок[685]. После того, как корабль добрался до Панамы, незамедлительно прибыл в это селение Коаке торговец Педро Грегорио [Pedro Gregorio], взявший много копченого мяса, свиного сала и канарского сыра, и он привел людей. Из приведенных им ныне живы Педро Диас [Pedro Díaz], тот, что из Гуаманги [Guamanga], и Хуан де ла Торре [Juan de la Torre], тот, что из Арекипы, и Исасага [Yssasaga], проживающий в Лиме, все же остальные — умерли.

Беналькасар.

Благодаря кораблю, ушедшему в Никарагуа, прибыл вскоре Себастьян де Беналькасар[686] [Sebastián de Benalcázar], на |другом| корабле, и привел с собой

---

[683] Высокие горы Куаке.

[684] У Сьесы де Леона: «Они носят связанные в крупные нити бусы из маленьких косточек, белых и цветных, называющиеся *Чакира*».

[685] Педро де Сьеса де Леон в «Хронике Перу. Часть первая» (1553) писал: «Есть у этих индейцев много рыбных мест, где ловится много рыбы. Среди них встречается одна, называемая Бонитос |макрель, тунец?|, скверного характера, поскольку у съевшего ее она вызывает лихорадку и прочие несчастья. А еще на большей части этого побережья у людей растут алые бородавки величиной с орехи[685], и образуются они у них на лице, на носу и в других местах, создавая омерзительное уродство на лицах. Полагают, что это зло происходит от съедания какой-то рыбы. Как бы там ни было — это следы болезней того побережья. И не только среди индейцев, но и среди испанцев было много таких, у кого были |на лице| эти бородавки».

[686] Себастьян де Белалькасар (*Sebastián de Belalcázar*; наст. фамилия Мойано; ок. 1480, Белалькасар, провинция Кордова—1550, Картахена, Колумбия) — испанский конкистадор, прославившийся покорением Эквадора, Никарагуа и

немного людей, коими были Морговехо де Киньонес, Алонсо Перес де Виверо, Эрнандо Бельтран, Алонсо Маравер, Диего Охуэлос, Мартин Буэно, Мигель Астете [Morgovejo de Quinones y Alonso Perez de Vivero, y Hernando Beltran, y Alonso Maraver, y Diego Ojuelos, y Martin Bueno, e Miguel Astete], и другие; из этих никто не выжил.

Брат Рехинальдо и изумруды.

В этом селении Коаке никто не нашел изумрудов[687], кроме брата Ресинальдо [Fray Resinaldo], собравшего более ста, и довольно |крупных|, и он их зашил в камзол, и оттуда вернулся в Панаму на корабле Педро Грегорио, и умер там, и извлекли из его |камзола| изумруды, и в дальнейшем всех их мы отдали в качестве дара [hizimos todos servicio a S. M. de ellas] Его Величеству.

[45]

Битва.

В это время губернатор выпустил на волю касика Куаке [Cuaque], но он сразу же восстал со всеми своими людьми, и мы сожгли селение, и осталось только одно боио, где мы собрались, и защищали его, чтобы нам его не сожгли. Узнав, что касик ушел со своими людьми в горы, и, захватив индейца, знавшего, где они, губернатор с немногими людьми ушел без лошадей, поскольку те не могли отправиться на их поиски, и повели с собой проводника-индейца, но когда переправлялись через реку, проводник бросился в нее, и утонул, так как они переправлялись на одном плоту, и потому безрезультатно вернулись обратно губернатор и люди.

Пасао и Каракес.

Когда уже прибыли корабли из Панамы и Никарагуа, мы вышли из Коаке с людьми по большей части больными, и отправились до мыса Пассио [Pascio], и, не имея возможности пройти мыс, мы проложили путь через

юга-запада Колумбии. Основатель городов Гуаякиль (Эквадор) и Попаян (Колумбия). Организовал первую экспедицию для поисков мифического Эльдорадо.

[687] Об изумрудах писал Сьеса де Леон: «А в других краях и в этой области, как я расскажу в этой истории, утверждают, что у правителя |селения| Манта [Manta| есть или был один изумруд, величины огромной и очень дорогой, который его предки очень любили и почитали. В определённые дни они выставляли его на |всеобщее| обозрение, поклонялись ему и почитали его, как если бы в нем пребывало некое божество[687]. А если какому-либо индейцу или индианке становилось плохо, |то| после совершения своих жертвоприношений, они шли с молитвой к камню, которому, утверждают, они совершали подношение из других камней, давая понять жрецу, говорившему с дьяволом, чтобы здоровье восстановилось с помощью тех приношений. А их потом (в свою очередь) касик и другие представители дьявола присваивали себе, поскольку из многих внутренних краев приходили больные в селение Манта, чтобы совершить жертвоприношения и поднести свои дары. И это подтверждали мне некоторые испанцы, первыми обнаружившие это королевство, нашедшие огромные богатства в этом селении Манта, и |говорившие|, что оно всегда приносит больше |дохода|, чем его окрестности, тем, кого они |индейцы| считают своими правителями или обладателями энкомьенды |энкомендеро|. И говорят, что этот камень такой большой и такой дорогой, что никогда они не хотели о нем говорить, невзирая на то, что правителям и начальникам изрядно угрожали, и они даже никогда не скажут, во что они верят, даже если их убьют всех, — таким было благоговение перед камнем».

горы, и прибыли в селение Пасао [Pasao], и шли до тех пор, пока не прибыли в бухту Каракес [Caraques], не имея |при себе| пресной воды.

Пуэрто-Вьехо.

И там, на одном корабле, разместили всех больных и отправили их в селение под названием Чарапото [Charapoto], находящееся в провинции Пуэрто-Вьехо [Puerto Viejo], их везли три здоровых человека, дабы вылечить их, а губернатор со всеми оставшимися людьми ушел из бухты вверх, чтобы напасть на селение под название Токагуа [Tocagua], и оттуда прошел дальше к селению в той же провинции Пуэрто-Вьехо, в котором правительницей была одна очень богатая вдова. Мы пробыли в этой земле Пуэрто-Вьехо более двух месяцев. Там был маис и рыба, и местный плод папайя; было много сделанного из маиса меда. Эта земля сухая, солнечная. В почве раскрываются расщелины, и в некоторых местах эта земля скалистая, и есть какао, то, что из Мексики, хотя и мало.

[46]

Манта.

Выйдя из Пуэрто-Вьехо, мы прибыли в Пикуаса [Picuaza], и другое селение под названием Марчан [Marchan], и оттуда вглубь территории осуществил поход капитан Беналькасар; я участвовал в нем. За время этого похода мы первыми обнаружили, ранее невиданные лукумы [lúcumas][688], и много каймито[689] [caymitos], и местных уток. |Нами| были захвачены люди, и мы вернулись на побережье, а оттуда прошли пешком через сухую, безводную землю вдоль берега моря.

Жажда и упадок сил.

Оттуда губернатор отправил Диего Мальдонадо [Diego Maldonado], жителя Наты, разведать воду, потому что из-за ее отсутствия люди уже были при смерти, а губернатор уже было решил возвращаться назад, но Эрнандо Писарро сказал, чтобы мы не возвращались, пусть бы даже умерли все; и люди, шедшие впереди, обнаружили маленькое озерцо с зеленой водой, и там мы воспользовались |той| водой, хотя несколько свиней, которых вел из Панамы Эрнандо Писарро, натворили такого, что то, что мы пили, стало глиной, не считая тех, кто первыми добрались до нее вместе с Диего Мальдонадо.

---

[688] Лукума — (лат. *Pouteria lucuma*) — плодовое дерево семейства Сапотовые — небольшое вечнозелёное дерево высотой 8-15 м, с плотной кроной и с коричневой корой, содержащей обильный клейкий, молочного цвета, латекс. Листья овальные или эллиптические, кожистые, тёмно-зелёные сверху и бледные снизу, 12,5-25 см длинной. Плод, сплющенный овальный или эллиптический, 7,5-10 см длинной, с тонкой нежной коричневато-зелёной кожицей с красновато-коричневым румянцем. Внутри содержится ярко-жёлтая крепкая сухая мучнистая сладкая мякоть, пропитанная латексом до тех пор пока не перезревает, с 1-5 овальными чёрно-бурыми глянцевыми семенами.

[689] Хризофиллум.

Мыс Санта-Елена.

Оттуда мы проследовали к мысу Санта-Елена[690] [Santa Elena], где находились кости Гигантов, там мы встретили людей того края, разместившихся на плотах в море, с женами, детьми и всеми пожитками, и они совершенно не захотели выбираться |с них|. И там мы испытали сильный голод, и нам очень помогло то, что люди находились в море и оставили селения пустыми, а ночью завывали собаки, и мы ходили охотиться на них, и этими собаками мы подкрепились; так что, если бы их не было, мы бы испытали очень большие мучения.

Одон.

Оттуда мы прошли к провинции под названием Одон у Гуанковильков [Odon en los Guancavilcas], земле изобильной на съестные припасы, и там мы пробыли 15 дней, чтобы люди подкрепились, а больные |восстановили силы|.

Пуна.

Оттуда мы пришли к проходу Гуайнакаба [Guaynacaba]. Назывался он так, потому что там прошел Гуайнакаба, когда завоевал остров Пуна [la isla de la Puna]. И туда вышел правитель острова по имени Тумбала [Túmbala] со многими людьми и плотами, и нас приняли с большими празднествами и развлечениями, и он задумал, чтобы, когда будут идти посреди пролива люди на плотах, то чтобы они развязали связки; и от этого мы бы все погибли, не считая плота, на котором шел правитель острова и губернатор; а поскольку было столько устроенных им празднеств, губернатор сказал Себастьяну де Беналькасару:

— Не к добру, мне кажется, эти празднества.

И потому приказал, чтобы остался с ним на суше правитель острова с другими владыками острова, и чтобы они пошли другой дорогой; и поэтому люди безопасно перебрались, а затем вернулись плоты, и отвезли губернатора, и остальных, оставшихся с ним.

[47]

Мы высадились в селении под названием Туку [el Tucu], и пролив был шириной в полторы лиги в месте переправы, и оттуда мы пересекли остров по направлению к селению под названием Естеро [el Estero][691], и в том селении мы нашли высокий крест и распятие, нарисованное на одной двери, и свисающий колокольчик, что почли за чудо, а затем вышло из дома более тридцати мальчиков и девочек, говорящих:

— Славься Иисус Христос, Молина, Молина.

---

[690] О мысе Санта-Елена и о костях гигантов пишет Сьеса де Леон. Речь на самом деле идет об окаменелых остатках позвоночных.

[691] Дословно с испанского «лиман».

А это было из-за того, что когда |испанцы| впервые обнаружили |этот остров|, губернатор оставил двух испанцев в порту Пайты [Payta], одного из которых звали Молина, а второго Хинес [Ginés], коего убили индейцы в селении вод названием Синто [Cinto], потому что он убил жену одного касика, а Молина перебрался на остров Пуна, где его считали своим полководцем в войне против чонос и тех, что из Тумбеса [Túmbez], и за один месяц до нашего прихода его убили чонос во время ловли рыбы в море; жители Пуны очень опечалились из-за его смерти, и эти индейцы Пуны захватили у индейцев Тумбеса трех золотых идолов, каждый размером с трехлетнего мальчика, и у них было более шестисот рабов-индейцев из Тумбеса, как мужчин, так и женщин. И губернатор отправил вестника, чтобы позвать правителей Тумбеса, а когда они пришли, он установил дружбу между ними и жителями Острова, и заставил их вернуть золотых идолов и захваченных у них рабов, и их отвели в их край.

[48]

Сото.

Затем прибыл Эрнандо де Сото[692] [Hernando de Soto] из Никарагуа на двух кораблях и привел много людей, лошадей и продовольствия, и из людей, приведенных им на остров, живы в Гуаманге Диего Гавилан и Мануэль [Diego Gavilan y Manuel], но никого больше. С Эрнандо де Сото прибыла первая женщина, появившаяся в этом Королевстве, по имени Хуана Эрнандес [Juana Hernandez].

Битва.

На этом острове было много маиса, и крупной дичи, и местных плодов[693]. Восстали индейцы-воины и они сбросили много гуакаварас[694], убив несколько испанцев, и ранили стрелой в голень Эрнандо Писарро, и ранили также других испанцев. Губернатор после этого отправил в Тумбес вестника с просьбой к касикам, чтобы они отправили к нему плоты для того, чтобы выбраться с острова, перевезти пожитки и переправиться в Тумбес.

Западня.

Они отправили ему четыре плота с людьми, чтобы он командовал ими, и на одном плыли скарб губернатора, а также Алонсо де Меса [Alonso de Mesa], житель этого города и Антонио Наварро [Antonio Navarro] из города

[692] Эрнандо де Сото (исп. Hernando de Soto, ок. 1498 — 21 мая 1542) — испанский мореплаватель и конкистадор, который возглавил первую завоевательную экспедицию европейцев к северу от Мексики, в глубь территории современных Соединенных Штатов; был первым европейцем, пересекшем реку Миссисипи и оставившем документальное подтверждение этого.

[693] Кристобаль де Мена сообщал о том, что испанцы пробыли на Пуне 4 или 5 месяцев, и погибло там восемь или десять человек.

[694] Каменные глыбы.

Лимы, являвшийся слугой губернатора, а на другом плыл скарб Эрнандо Писарро, и на нем — Андрес де Боканегра [Andres de Vocanegra], и на другом — скарб капитана Писарро, и |на нем| — Хуан де Гарай [Juan de Garay], и на еще одном — скарб чиновников короля, и |на нем| — некий Рикельме [Riquelme], и когда добрались они до берега Тумбеса, индейцы убили трех испанцев, плывших на трех плотах, но не убили Месу и Наварро, потому что они исчезли в лимане, и индейцы бросились в море и оставили их, и потому они убежали.

Тумбес.

Губернатор со всеми людьми сразу же отправился из Пуны на двух кораблях, и мы добрались до Тумбеса, а через несколько дней губернатор послал капитана Сото с целью начать войну с индейцами Тумбеса, расположившимися в крепости выше по течению реки. Я пошел с ним, и мы окружали индейцев в двадцати лигах от Тумбеса, а когда окружили, Какалами, являвшийся правителем их всех, пришел вместе с людьми с мирными предложениями, и мы вернулись в Тумбес, а губернатор от имени Его Величества простил их всех, и когда мы были там, пришло еще двадцать человек из Никарагуа, а с ними — брат Хедоко [Fr. Jedoco][695], францисканец, ныне находящийся в Кито [Quito].

[49]

Поэчос.

Из Тумбеса[696] мы прошли по пути Ла-Солана [la Solana][697], чтобы напасть на |народы| Поэчос[698] [Pohechos], где мы пробыли некоторое время, и там восстал касик Поэчос, и губернатор отправил |туда| капитана Беналькасара. Я отправился с ним, хотя |тот касик и был| силен, мы принудили его к миру, и потому он остался в своем селении. В этом походе индейцы убили Хуана де Сандоваля [Juan de Sandoval] из Эстремадуры [Extremadura], юношу, но не касик Поэчос, и не его люди убили его, а другие индейцы, когда он отвлекся на мародерство.

---

[695] Ходоко Рике или Йоос Рийке ван Марселаер (1498-1578, бельг. Joos Rijcke van Marselaer) — францисканский монах из Фландрии.

[696] В Тумбесе по словам Кристобаля де Мены испанцы пробыли 2-3 месяца.

[697] Дословно «солнцепек».

[698] У Сьесы де Леона: «Королевская дорога Инков проходит через эти долины среди деревьев и прочих очень приятных, прохладных |мест|. Выйдя из Солана прибываешь в Поэчос [Poechos], хотя некоторые называют его Майкавилька [Maycavilca], поскольку долиной владела один знатный человек или правитель, называемый этим именем. Эта долина была очень хорошо заселена, и, определенно, это должно было быть примечательным делом, и там жило много людей, о чём можно судить, глядя на их огромные и многочисленные сооружения. Они хоть и разрушены, но по ним видно, что правда то, что о них говорят; и как сильно почитали их короли Инки, ведь в этой долине у них были королевские дворцы, и другие постоялые дворы и склады, — со временем и от войн все это было уничтожено, да так, что не видно, для чего создавалось то, о чем говорится; другое примечательное дело — множество очень крупных гробниц для усопших. И видно, что будь они живы, все поля, имеющиеся в долине, были бы засеяны и обработаны. Двумя дневными переходами дальше от Поэчос лежит широкая и большая долина Пьюра [Piura], где соединяются две или три реки, что и является причиной того, почему долина так широка; в ней и был основан и возведен город Сант-Мигель».

Тангарара.

Из этого селения Поэчос, мы пришли в Тангарару [Tangarara], где Губернатор заселил селение[699] испанцев, и, оставив его заселенным, отправил капитана Беналькасара произвести наказание тех индейцев, которые убили Сандоваля; я отправился с ним, и мы прибыли к крепости, где сейчас расположена Пьюра [Piura], и там мы пробыли до тех пор, пока не пришел губернатор[700].

Карран.

Оттуда мы пришли к селению под названием Карран[701] [Carran], что в 6 лигах от Пьюры, где пробыли месяц, и тогда не знали, что есть еще какая-нибудь заселенная земля, какими были Равнины [Carran], и что сьерра состояла сплошь из пуны и снега, а также не было вестей об Атабалипе [Atavalipa]. И из того селения Карран мы прошли дорогой, которая показывалась в сьерре вверху, и губернатор отправил Эрнандо де Сото с сорока людьми, и я пошел с ним, чтобы проследовать той дорогой, дабы посмотреть, где можно остановиться на постой. И когда |мы| начали |свой путь|, то обнаружили заселенную землю, и, пройдя 20 лиг[702], мы натолкнулись на селение под название **[50]** Кахас[703] [Cajas], с огромными сооружениями. В нем находился полководец Атабалипы с более чем 2000 воинами, и было в том селении три дома с избранными женщинами, называвшимися мамаконас. И когда мы пришли, женщин вывели на площадь, и было их более пятисот[704], и полководец отдал многих из них испанцам[705]. Полководец Инги сильно возгордился и сказал:

— Как осмелились вы делать это, когда Атабалипа находится в двадцати лигах отсюда, поскольку он не должен будет оставить ни одного живого человека из вас.

Тут же капитан Сото написал губернатору обо всем произошедшем и о высокомерии того индейца, и губернатор ответил, чтобы они терпели его высокомерие, и чтобы мы дали ему понять, что боимся его. С такими словами, скрывая свои настоящие чувства, мы привели его в Карран, где находился губернатор. И когда мы привели его в Карран, стало известным все, что касалось Атабалипы, и где он находился. И оттуда мы прошли через селение под названием Кала[706] [Cala], и через Синто [Cinto], и через Мотупе

---

[699] Речь идет о селении Сант-Мигель.
[700] Именно в Тангарара испанцы узнали об Атабалипе (по словам Кристобаля де Мены), воевавшем со своим братом. Франсиско Писарро вышел из Тангарары с 60 всадниками и 90 пешими.
[701] Или Каран, или Гарран.
[702] Этот путь занял трехдневный переход.
[703] Точнее, Кашас.
[704] Они готовили вино и одежду для воинов Инки.
[705] Кристобаль де Мена сообщал о том, что местный курака, а не полководец дал женщин (4 или 5) в помощь для приготовления пищи, т.е. в качестве служанок, и его версия выглядит правдоподобнее. Полководец Инки прибыл позже.
[706] Или Эала.

[Motupe][707], сухой и безводный край, где испытали большие страдания от жажды и трудностей пути[708].

Канья.

Мы прибыли в Канья [Caña], большое поселение, где |было| много съестного и местной одежды, каковой были заполнены подземелья. Мы вышли к большой реке, и она была огромной, из-за чего индейцы отводили все каналы от нее. Мы, не умевшие плавать, с седлами для лошадей и имевшимися пожитками пересекли ее на плотах из тыкв. В этом месте мы обнаружили несколько кастильских куриц, и все они были белыми.

Горная дорога.

Оттуда мы взяли путь в сьерру, и без единой стычки прибыли к крепости. Оттуда мы пришли к селению, что в двадцати лигах от Кашамальки [Caxamalca], где пробыли двадцать дней.

[51]

Сообщение Атабалипы.

Оттуда капитан Атабалипы запросил разрешение, чтобы мы прошагали [trangimos] из Кашас [Caxas], чтобы пройти в Кашамальку, дабы увидеться с Атабалипой, и |он сказал|, что вернется через восемь дней. Он вернулся в указанный срок, как и сказал, и встретил нас в восьми лигах от Кашамальки, и принес подарок губернатору, посланный ему Атабалипой, находившемуся в купальнях в одной лиге от Кашамальки. И подарок представлял собой уток с ободранной шкурой и наполненных шерстью, которые казались похожими на приманки для охоты на стрепетов[709]. И, спросив его, что это было, тот ответил, и сказал:

— Атабалипа говорит, что подобным образом он должен со всех вас снять шкуры, если вы не вернете ему столько земли, сколько захватили у него[710].

Подарок Писарро.

Тогда губернатор послал свой подарок Атабалипе с |вестником|-индейцем |из народа| Тальан [Tallan], по имени Гуачапуро [Guachapuro]. Он послал ему венецианскую чашу, голландские рубашки и ботинки со шнуровкой, бусы, жемчужины. И пока не вернулся посланец, губернатор оставался в том месте.

Нападение.

---

[707] Детальнее об этих долинах и дороге пишет Сьеса де Леон.
[708] Путь занял, по словам Кристобаля де Мены, 5 дневных переходов, и в течение двух дней не было воды.
[709] Птица Otis tetrax.
[710] На самом деле полководец принес еще две глиняных игрушечных крепости, тем самым желая сказать, что впереди христиан ждали такие, но настоящие.

Оттуда мы вышли[711], осторожно передвигаясь, потому что там было ущелье, куда Атабалипа хотел послать людей, чтобы они нас там убили, но он передумал делать это [dejolo de hacer], потому что Инга, шедший с нами, сказал ему:

— Не присылай |войско убить их|; пусть приходят, я всех их отдам тебе связанными, потому что они боятся меня одного, а также, потому что ты не должен убивать троих из них.

Этими троими были кузнец, и цирюльник, делавший мальчиков юношами, и Эрнандо Санчес Морильо [Hernando Sanchez Morillo], являвшийся прекрасным акробатом. А так как Инга знал всех нас, он это сказал.

Кахамарка.

Так что прибыли мы в Кашамальку[712] в пятницу, в полдень, Атабалипа же находился в купальнях в одной лиге оттуда.

[52]

Посольство Сото и Эрнандо.

Затем в тот же день губернатор отправил капитана Сото с 20 всадниками нанести визит Атабалипе, и он вошел в постоялые дворы, где тот находился, и там он пробыл до самого позднего часа, и, когда губернатор стал подозревать, что они погибли, тогда выступил (sic) пошел Эрнандо Писарро с пешими и всадниками разузнать о произошедшем; я же отправился с ним. И когда мы прибыли, капитан Сото находился с приведенными с собою людьми. И сказал ему Эрнандо Писарро:

— Что |все это время тут| делает Ваша милость.

И он ответил ему:

— Меня тут держат, сказав: «Вот-вот уже выйдет Атабалипа (расположившийся в своем постоялом дворе)», — но он не выходит.

Эрнандо Писарро сказал толмачу:

— Скажи ему, пусть выходит.

И посланник вернулся, и сказал, чтобы обождали, что он тут же выйдет.

И тогда сказал Эрнандо Писарро:

— Скажи ему, собаке, чтобы сейчас же выходил.

И один Инга, приходивший в Майшикавильку[713] [Maixicavilca] шпионом в облачении тальанцев [habito de tallan], которого Эрнандо Писарро, не ведая, что тот был шпионом Атабалипы, ударил скамейкой-дуо [con un duho], чем ранил его в голову, вошел, и сказал Атабалипе:

— Выходи сейчас же, так как здесь находится тот злой человек, что разбил мне голову в Майшикавильке.

---

[711] Через два дня после отправки подарков к Атавальпе.

[712] Город был практически пуст. В нем оставалось 400 или 500 индейцев, охранявших дома Инки с многочисленными женщинами.

[713] Или: Марикавилька [Maricavilca].

Атауальпа.

И тогда Атабалипа вышел с двумя золотыми вазочками, наполненными чичей, и дал одну Эрнандо Писарро, а другую выпил сам, а затем взял две серебряных вазы, и одну дал капитану Сото, а другую выпил сам, и тогда сказал ему Эрнандо Писарро через толмача[714].

Речь Эрнандо.

— Скажи Атабалипе, что между мной и капитаном Сото нет разницы, что оба мы капитаны Короля, и чтобы осуществить то, что нам приказывает Король, мы оставили свои земли, и пришли, дабы заставить |вас| уразуметь дела веры.

И там, в Кашамальке они вели беседу с Атабалипой так |долго|, что наступил следующий день, каковым была суббота.

[53]

Лошадь де Сото.

Вокруг того места расположилось более сорока тысяч индейцев-воинов в своих ротах, и много главных правителей со всего края. И, прощаясь, Эрнандо де Сото ударил ногами лошадь, |и помчался| туда, где находилась первая рота людей, и убежали индейцы, и даже некоторые попадали друг на друга. И когда мы пришли в Кашамальку, Атабалипа приказал убить 300 индейцев из-за их бегства, потому что на следующий день после битвы, мы обнаружили их мертвыми. Он убил их, из-за того, что они убегали от лошади.

Кортеж Атабалипы.

На следующий день, в субботу, пришел в Кашамальку Атабалипа со всеми своими людьми, построенными в ряды, и в той одной лиге |от нас| он задержался, пока не наступило полтора часа по полудню. Он вел с собой 600 индейцев[715] в бело-красных ливреях, похожих на шахматы, они шли впереди, дабы расчищать дорогу от камней и сухой травы.

Посланник Писарро.

Когда губернатор увидел, что он настолько запаздывает, и что |солнце| было высоко [que avia hecho alto], то отправил Эрнандо де Альдану [Hernando de Aldana], знавшего язык, чтобы поговорить с ним, дабы он пришел раньше,

[714] Это лишь один из эпизодов встречи Атавальпы и испанцев, более подробно об этом пишет Кристобаль де Мена.
[715] У Кристобаля де Мены: 400 человек.

чем настанет совсем поздний час, и Альдана переговорил с ним. Затем он начал шествие.

Боевая подготовка.

В Кашамальке было десять улиц, выходивших на площадь, и у каждого начала улицы губернатор поставил восемь человек, но у некоторых — меньше, из-за малого числа людей у него имевшихся, а всадники разделились по трем гальпонам, в одном — Эрнандо Писарро со своей командой[716], в другом — Эрнандо де Сото со своей[717], а в еще одном — Себастьян де Бенальказар со своей[718], — все с подвязанными к лошадям ремнями в колокольчиках [con pretales de cascabeles], губернатор же расположился в крепости[719] с 24 людьми на страже [con 24 hombres de guarda][720]. Всего нас было 160 человек: 60 всадников и 100 пеших.

[54]

Западня.

У губернатора был помост, куда должен был бы сесть Атабалипа, с которым договорились с помощью добрых слов, чтобы его разместили внутри, и после того, как он приказал бы своим людям, чтобы они ушли на места своего постоя, поскольку губернатор боялся попасться в руки, из-за стольких людей |у Атабалипы| и столь малого числа у нас. А |ведь| у них было более сорока тысяч индейцев-воинов, и среди них много правителей.

Приход Атабалипы.

Когда Атабалипа вошел на площадь Кашамальки и не увидел ни одного христианина, он спросил Ингу, пришедшего с нами из Машикавильки [Maxicavilca] и Каррана:

— Куда подевались эти бородачи?

Тот ему ответил:

— Они спрятались.

И сказал, чтобы он сошел с носилок, на которых прибыл, но тот не захотел этого сделать.

Вальверде и Атауальпа.

И тогда вместе с толмачом вышел поговорить с ним брат Висенте де Вальверде [fr. Vicente de Valverde]. И он попытался дать ему понять цель, с

[716] 14 или 15 всадников.
[717] 15 или 16 всадников.
[718] Тоже около 14 или 16 всадников.
[719] Франсиско Писарро занял некое центральное здание, а крепость наверху занял Педро де Кандия с 8-9 стрелками и 4 артилерийскими орудиями.
[720] Из 24 двое или трое были всадниками.

которой мы пришли, и что по повелению Папы [mandado del Papa] правящим сыном, капитаном христианства был Наш Сеньор Император. И когда он говорил ему слова Святого Евангелия, Атабалипа сказал ему:

— Кто это говорит?

И он ответил:

— Бог это говорит.

И Атабалипа сказал:

— Как это говорит Бог?

И монах Висенте сказал ему:

— Посмотри на них |на страницы|, здесь записано.

И тогда он показал ему раскрытый молитвенник [un Breviario], и Атабалипа попросил его у него, и он вышвырнул его, как бросают диск, после того, как увидел его, говоря:

— Эа, эа, никто не ускользнет.

И индейцы подняли такой большой крик, говоря «О, Инга!», что значит «да будет сделано так!». И воинственный крик навел много страху. И тогда вернулся монах Висенте, и поднялся туда, где находился губернатор:

— Что делает Ваша милость? Ведь Атабалипа оказался Люцифером [Lucifer].

[55]

Атака.

И тогда губернатор разделся, взял куртку с доспехами, и меч, и овальный кожаный щит, и шлем с забралом, и с 24 теми и нас, кто находился с ним, мы вышли на площадь, и пошли направо к паланкину Атабалипы, прокладывая дорогу сквозь толпу. И когда мы оказались возле него, уже стягивая с паланкина, выскочили всадники, с ремнями в колокольчиках, и напали на них; а так как индейцы убегали, то на улицах им перекрыли выход, преградив путь полотном на стропилах, но его сравняли с землей. И там, и на площади попадало столько человек друг на друга, что многие задохнулись, и из восьми тысяч индейцев, умерших там, более половины [mas de las dos partes] погибло именно таким образом. Преследование индейцев продолжалось тем вечером более полулиги.

Плененный Атавальпа.

Атабалипу разместили в крепости, и он спросил, если он выйдет, убьют ли его, на что ему ответили, что нет, потому что христиане с тем порывом убивали |только во время битвы|, но после нее нет, и намекнули ему, что он уйдет в Кито, в оставленный для него отцом край, и за это он приказал наполнить золотом одно боио.

Заговор.

И потому он отправил вестников из Кашамальки за ним, и его принесли, и после того, как было предоставлено золото, сказали, что он созывал народ [hacia gente] у реки Лаванто [Lavanto], и там он собирал их, чтобы убить христиан. Но губернатор отправил Сото к реке Лаванто, чтобы посмотреть, правда ли это; я отправился с ним. Но ничего такого не было, если не считать индейцев Шаушы [Xauxa], врагов Атабалипы, восставших против него.

Поход в Пачакама.

В это время губернатор отправил Эрнандо Писарро в Пачакама с семнадцатью людьми; я пошел с ним. И оттуда мы вернулись в Шаушу, и привели Чалькочиму [Chalcochima], и вернулись в Кашамальку.
[56]

Альмагро.

Там мы встретились с Диего де Альмагро[721], пришедшим с людьми из Панамы, коих было много. И из тех, что с ним пришли, живы сейчас Мансио Серра, и Хуан Монедеро, и Хуан Роньо в Гуаманге [Mancio Serra, y un Juan Monedero, y Juan Roño], но никого больше.

Судебный процесс над Атауальпой.

А затем чиновники Короля потребовали у губернатора, чтобы он убил Атабалипу, потому что если бы он был жив, Король потерял бы много денег, ибо индеец бы очень воинственным [porque si ael vivaia, el Rey perderaia mucha cantidad de moneda por serIndio tan velicoso], и потому убили Атабалипу.

Поход в Куско.

После казни, мы вышли из Кашамальки, и пришли в Гуамачуло [722][Guamachulo], что в двенадцати лигах оттуда, и в трех лигах от Андамарки, где убили Гуалькара Ингу[723] [Gualcar Inga]. Оттуда мы пришли в Гуаликаль [Gualycal], и оттуда — в Бомбон [Bombón], — все это без столкновений с индейцами. А из Бомбона в Шаушу пришел Диего де Альмагро с людьми, где дал бой индейцам.

Шауша.

[721] Диего де Альмагро *Старший* (исп. *Diego de Almagro*; ок. 1475, Альмагро, Испания — 8 июля 1538, Куско, Вице-королевство Перу) — испанский конкистадор, один из завоевателей Перу.
[722] Правильнее, Вамачуко.
[723] Васкар Инка.

Затем мы, все остальные люди с губернатором, прибыли в Шаушу, где пробыли определенное время, пока губернатор не послал Эрнандо де Сото с сорока всадниками разведать дорогу, чтобы проследовать в Куско; я пошел с ним, и мы шли до Вилькаса [Vilcas], где находились полководцы Атабалипы со многими воинами.

Вилькас.

Воины ушли на охоту с облавой [hacer un chaco] и оставили в Вилькас палатки, и женщин, и нескольких индейцев, и мы их одолели, и завладели всем тем, что там было к четырем часам утра, когда мы вошли в Вилькас, поняв, что нет других людей, кроме имевшихся там; и к рассветному часу, когда индейцев таки оповестили, они пришли через самое узкое место и напали на нас, а мы на них, и из-за столь узкого места скорее индейцы победили нас, чем мы их. Хотя там отличились [se señalaron] некоторые испанцы, как, например, капитан Сото, и Родриго Оргоньес, и Хуан Писарро де Орельяна, и Хуан де Панкорво [Soto y Rodrigo Orgóñez, y Juan Pizarro de Orellana y Juan de Pancorvo], и другие, отбившие высоту у индейцев, и они долго защищались. В этот день индейцы убили белую лошадь у Алонсо Табуйо [Alonso Tabuyo]. Нас вынудили вернуться на площадь Вилькаса, и той ночью мы все были при оружии. На следующий день пришли с большим криком индейцы, и они несли знамена, сделанные из гривы и хвоста убитой ими белой лошади. Мы вынуждены были отпустить пленников из женщин, и индейцев, несших наши пожитки, и тогда они отступили.

[57]

Искушение Сото.

Капитан Сото решил посоветоваться, не подождать ли нам там губернатора, который уже оставил в Шауше казначея Рикельме [Tesorero Riquelme] с людьми, а губернатор и Диего де Альмагро шли по дороге вслед за нами, и были мнения, чтобы там мы подождали губернатора и Диего де Альмагро, но некоторые, как например, Родриго Оргоньес, Эрнандо де Торо, Хуан Писарро де Орельяна и другие смельчаки говорили, что, так как мы уже справились с трудностями, то справимся с тем, чтобы войти в Куско без шедшей позади подмоги, и так мы шли без столкновений с индейцами, которые причинили бы нам ущерб, и пересекли реки Вилькас, Абанкай и Апосима [724][Avancay y Apócima] — все вплавь, верхом на лошадях, пока не добрались до Лиматамбо [Limatambo], что в семи лигах от города Куско [Cuzco], и там пробыли два дня.

Посланник с мирными предложениями.

[724] Апуримак.

Воины индейцев находились в Вилькаконге [Vilcaconga], в одной лиге дальше от Лиматамбо [Limatambo], и в тот день от своего касика пришли два индейца-воина, принадлежавших к роте из Тарамы [Tarama]. Дело в том, что их касик хотел перейти на службу к христианам с тремястами индейцами-воинами, кои были у него расположены на вершине горы. И они сказали, что это |предложение| возникло из-за разногласия, имевшегося |у него| с полководцами Атабалипы, и казалось, что они пришли шпионить, но они и на самом деле являлись такими, как стало очевидно позже, и капитан приказал отрезать им |…|[725] [y en efecto no lo eran segun despues parecio, y el capitan les mando cortar][726], и отправил их так.

[58]

Вилькаконга.

На следующий день мы пошли по склону вверх, и посредине склона, где образуется небольшое ровное местечко, пересекаемое ручейком, еще до того, как мы достигли этой площадки, индейцы напали на нас, забросав камнями, так что из нас, 40 всадников, 5 было убито. Погибшими были Эрнандо де Торо, Мигель Руис, Франсиско Мартин, Маркина и Хуан Алонсо [Hernando de Toro y Miguel Ruiz y Francisco Martin y Marquina y Juan Alonso], и поранили 17, и те, что нанесли нам наибольший урон, были именно теми тремястами индейцами, которые хотели прийти к нам с миром, потому что об этом достоверно узнали; и той ночью мы испытали много страданий, из-за того, что шел снег, и от холода очень стонали раненые. А индейцы (те, что окружили нас и развели вокруг огни) говорили нам:

— Мы не хотим убивать вас ночью, а только днем, и мы отдохнем вместе с вами.

Труба Алькончеля.

И в полночь в Лиматамбо заиграла труба Алькончеля[727] [la trompeta de Alconchel], и, услышав ее, мы воспрянули духом, да так, что перебили индейцев, и они, также непременно слышавшие трубу, полагая, что это шла наша подмога, тут же загасили огни и ушли в Куско, и была такая темень, что не было видно, как снялся с места их лагерь, а только слышали это.

Подкрепление.

Затем прибыл Диего де Альмагро с двадцатью всадниками, а на другой день пришел губернатор с остальными людьми, и мы шли со своими ранеными, когда посреди склона он вышел к нам.

---

[725] Лакуна в тексте оригинала.

[726] В оригинале это место, по всей видимости, испорчено. Поскольку сказано так: «но на самом деле они не являлись такими, как стало очевидно позже, и капитан приказал им отрезать».

[727] Речь идет о Педро из Алькончеля, по прозвищу Труба.

Чильче.

[59] Чуче[728] [Chuche], который ныне является касиком Йулы [Yula], с тремя индейцами |народа| Каньяри[729] [cañares], спросил:

— Кто тут полководец у христиан?

И ему показали на губернатора. И он сказал:

— Я иду к тебе служить, и не отрекусь от христиан до самой смерти.

И так он делал до нынешнего дня.

Манго Инга.

Затем по тому же склону спустился Манго Инка [Mango Inca] с другими двумя или тремя орехонами, и он носил накидку и рубаху из желтого хлопка, и Чильче сказал губернатору:

— Это сын Гуайнава [Guaynava], бежавший от полководцев Атабалипы.

И так мы шли в Куско, и за половину лиги до прибытия туда индейцы устроили нам серьезную битву, и от броска эстоликой[730] пробили голень Родриго де Чавесу [Rodrigo de Chavez], и убили его коня.

Вступление в Куско.

Наконец мы вошли в Куско. К христианам присоединились индейцы Каньярес и Чачапояс[731] [Chachapoyas], коих было приблизительно по пятьдесят человек. Мы вошли в город Куско, где к нам сразу же пришли несколько индейцев с мирными предложениями. В Куско было обнаружено огромное количество серебра, но не золота, хотя золота также было много. Там были огромные склады снаряжения для солдат: копья, луки, дубинки, стрелы; были строения [galpones][732], заполненные канатами толщиной и с бедро, и с палец, с помощью которых волочили камни для построек; были

---

[728] Или: Чильче [Chilche].

[729] Каньяри (исп. *Cañari*) — южноамериканское индейское племя в южно-центральной части Эквадора. Каньяри были подчинены инками в результате завоевательных походов Вайна Капака, при этом многие тысячи каньяри были убиты. Впоследствии стали личными телохранителями императора инков.

[730] Бросатель, или *эстолика* — деревянная палка длиной примерно в 2 фута (ок. 61 см) с небольшим порожком с одной стороны и крючком с другой. Острие стрелы делалось из кости, дерева или камня, и помещалось на порожек. Оперение стрелы зажималось крючком, солдат делал бросок, зажимая при этом подставку, и стрела вылетала с большой скоростью.

[731] Чачапойя — доколумбова культура, существовавшая в Перу примерно в 900—1470 гг. н. э. Находилась на плато на территории современного департамента Амасонас. Жители данной культуры создали множество монументальных каменных памятников: Куэлап, Гран-Пахатен, Лагуна-де-лос-Кондорес и др., а также большое количество саркофагов и мавзолеев в труднодоступных местах. Завоеваны инками и включены в состав империи. Чачапойцы были хорошими воинами, и потому их очень уважали правители инков.

[732] Букв. «гальпон», деревянное строение без окон, барак. На самом деле инкские строения, именовавшиеся «гальпонами», были огромных размеров. Как указывает историк Инка Гарсиласо де ла Вега (1609): «Слово *гальпон* не из всеобщего языка Перу (то есть кечуа); должно быть, оно |пришло| с островов Барловенто (Канарских островов): испанцы ввели его вместе со многими другими словами. Оно означает *большой зал*. Короли инки имели столь огромные залы, что они служили ареной для празднеств в период дождливой погоды, когда празднества нельзя было устраивать на площадях; и на этом хватит замечаний».

строения, заполненные медными кирками, связанными по десять штук, предназначавшимися для рудников; были крупные склады разнообразной одежды, и хранилища коки и перца [coca y agi], и хранилища индейцев с содранной кожей [depositos de indios desollados][733].

Храм Солнца.

Мы вошли в дома Солнца[734], и сказал Вильаома[735] [Villaoma], являвшийся кем-то вроде жреца в их вере:

— Как вы входите сюда? Ведь сюда должен входить тот, кто должен был сначала поститься один год, и должен входить с ношей и босой.

Но, не взирая на то, что он сказал, мы вошли внутрь.

Посвящение.

О многих вещах я мог бы рассказать, но оставлю, чтобы не быть многословным; то, что я здесь написал, произошло в действительности, и нет во всем это ни слова лжи. Ваше сиятельство получит это от слуги Вашего сиятельства.

Завершено 5 апреля 1571 года. — Высокочтимейший сеньор B.L.P. В|ашему| с|иятельству| [B. L. P. a V. E.], ваш покорный слуга [su criado y servidor],

Диего де Трухильо [Diego de Trujillo].

[733] Речь идет о набитой соломой или надутой воздухом коже, содранной с пленников. Такие «чучела» людей хранились и выставлялись инками в качестве военных трофеев.

[734] Храм Кориканча (кечуа Qurikancha, букв. «Золотой храм», изначально кечуа Intikancha, букв. «Храм солнца») был важнейшим храмом Империи Инков, сооружённым в 1438 г. Разрушен после вторжения конкистадоров. В настоящее время в центре города Куско в Перу сохранились руины храма. После сильного землетрясения в 1650 г. над ними был надстроен Собор Санто-Доминго (Святого Доминика). Четыре прежних помещения храма были использованы под монастырь. Сильное землетрясение в 1950 г. повредило собор и обнажило некоторые руины инкского храма.

[735] Верховный жрец у инков в Куско.

Доклад Хуана Поло де Ондегардо (1572).

[Перевод с английского издания:
Narratives of the rites and laws of the Yncas (1873). — http://www.archive.org/details/narrativesofrite00moli]

Примечание переводчика.

Поло де Ондегардо — единственный юрист, давший правовую оценку Законам Инков (исходя из реалий Испанского имперского права второй трети XVI века), также подразделив многие законы инков на отрасли права. Многие доклады этого правоведа до сих пор находятся в рукописях (Национальная Библиотека Мадрида) и полностью не изданы.

Данный документ посвящен происхождению Инков, направлению их завоеваний, а также законам, податям, обычаям, строениям и дорогам Инков. Особенно подробно Поло де Ондегардо останавливается на податях и законах, связанных с ними. Особенно тщательно, хоть и кратко, он анализирует вопросы землевладения и землепользования у Инков, права и обязанности, систему подчинённости в сфере управления. Во многом его сведения единственные в своём роде, поскольку известны были ему благодаря собственным инспекционным поездкам по Перу. Однако ценность их всё же иногда может быть поставлена под сомнение, так как он не владел местными языками, и мог допускать ошибки в интерпретации значений слов, целых событий или каких-либо явлений, которых сам не видел, особенно касающихся далёкого прошлого Инков. К тому же, известно, что он участвовал, как коррехидор Куско, в составлении, в присутствии нотариуса и переводчика, особых докладов вице-короля Франсиско де Толедо, куда вошли сведения об истории Инков, собранные у знатных индейцев-кечуа в Куско; так вот несколько позже переводчик заявил, что его принудили искажать смысл, как при задавании вопросов индейцам, так и переводя их ответы. Довольно скоро после такого заявления испанец переводчик погиб при невыясненных обстоятельствах.

Доклад Поло де Ондегардо очень часто использовался другими историками; вокруг его версии жертвоприношений даже образовалось два лагеря: сторонники, признающие, как и Поло де Ондегардо, жертвоприношения людей у Инков, так и сторонники, отрицавшие наличие подобных церемоний.

Этот доклад не дописан до конца, и копия его в Мадриде была сделана писарем весьма несведущим, оставлявшим пропуски в местах, когда он не понимал слова или оборота.

Названия и имена даются так, как они приведены в английском издании, в примечаниях также могут приводиться пояснения или другие варианты названий. Названия на языке кечуа выделены *курсивом*.

В тексте могут быть ошибки, за что прошу не винить строго, а лучше сообщить мне о них, чтобы можно было их исправить.

ТЕКСТ:

Доклад
ПОЛО ДЕ ОНДЕГАРДО

Написанный в записной книжке, представлявшей из себя, вероятно, Черновик, среди прочих бумаг Лиценциата Поло де Ондегардо

(Рукопись хранится в Национальной Библиотеке Мадрида, на пергаменте, B. 135.)

О происхождении Инков, и о том, как они расширили свои завоевания.

Следует разуметь в первую очередь, что род этих Инков был разделён на две ветви, одна называлась *Анан Куско* [Hanan Cuzco], и другая — *Урин Куско* [Hurin Cuzco][736]. Из сего можно заключить (и какого-либо упоминания об обратном нет), что они были жителями долины Куско, хотя делали вид, что они пришли из мест, чтобы осесть там. Но им не следует давать веры, поскольку они также говорят, что это случилось до потопа. Из чего можно сделать вывод и предположить, принимая во внимание сегодняшние традиции, что не более чем 350–400 лет, как Инки завладели и правили долиной Куско, до самого |селения| *Уркос* [Urcos] на расстояние 6 лиг, и до долины *Юкай* [Yucay], находящейся на расстоянии не более пяти лиг.

Относительно Правителей, о которых люди могут вспомнить, их память не уходит вглубь времени, далее уже определённого. Они сохраняют воспоминание об этих Правителях с помощью своих *кипу*, но если мы рассудим по времени, какое каждый, как сказано, жил, исторический период

[736] Верхнее и Нижнее Куско.

не может быть расположен далее в прошлое, чем на четыре сотни лет, |и это| самое раннее.

Это должен был быть приблизительно период, когда они начали господствовать и завоёвывать районы вокруг Куско **[152]** и, как то будет явствовать из их записей, они иногда терпели поражения. Ибо, несмотря на то, что *Андавайлас* [Andahuaylas], в провинции *Чанкас* [Chancas], находится всего в тридцати лигах от Куско, они привели их под свой контроль до времён Пачакутека Юпанки Инки [Pachacutec Yupanqui Ynca], разбившего тех *Чанков* [Chancas]. История об этом событии даётся в записи о *Пурурунас*[737] [*Pururunas*], или вак [*huacas*], созданных и воспоследовавших от этой битвы с *Чанками* [Chancas], положивших начало всем победам Инков. По другую сторону от Куско лежит дорога *Кольа-суйу* [Colla-suyu]; и они также держат в памяти воспоминания о времени, когда *Канас* [Canas] и *Канчес* [Canches], чья местность одинаково поблизости, расплатились уходом с Инками на войну, и не как вассалы, следующие за свои правителями; и это была та самая битва, в которой Пачакутек Инка [Pachacutec Ynca] сражался с Уско-вилька[738] [*Usco-vilca*], Правителем *Чанков*. Они также помнят о времени, когда они расширили своё владение вдоль этой дороги до озера *Вилька-ньота*[739] [Villca-ñota], места, где начинается *Кольао* [Collao]. Из этого озера вытекает две могучие реки: одна течёт к Северному морю, а другая — к Южному. Озеро почиталось местными жителями, и считалась *вакой*. Много времени утекло, прежде чем Инки продвинулись за эту местность. Это был преемник того правителя, который завоевал *Чанков*, начавший продвижение за эту местность, и в тех провинции не было мира до времён Тупака Инки [Tupac Ynca], отца Вайна Капака [Huayna Ccapac]. Мы обнаружили, что эти войны записаны в реестрах Инков, но у каждой провинции также были свои реестры войн, так что, если то было необходимо, мы могли очень просто установить время, когда каждая провинция была подчинена Инками.

Но этого достаточно, чтобы понять, что эти Инки поначалу расширили свои завоевания с применением силы и войны. Их продвижению не было общего сопротивления для каждой провинции, **[153]** те единственно защищали свою страну без посторонней помощи; так что единственную сложность, какую встретили Инки, была в присоединении районов вокруг Куско. Затем все завоёванные народы присоединились к ним, потому у них всегда было огромное превосходство, как в силе, так и в искусстве ведения войны. Таким образом, было редкостью, когда они терпели полное поражение, хотя иногда их принуждали отступать, и прекращать войну на год.

---

[737] Знаменитые священные камни Инков. У Бернабе Кобо это Пурурауки: камни, стоявшие в нескольких ваках, а точнее только вокруг Куско было 13 таких.
[738] Возможно, Анковалья.
[739] Возможно, Вильканота.

Никогда провинция не пыталась потревожить их в их собственной стране, стремясь только, чтобы её территории пребывали в спокойном владении, и сиё, кажется мне, послужило Инкам к большой выгоде. О подобной попытке даже нет упоминания в их реестрах; но, после того, как районы приводились к покорности, мощная сила присущая сему краю способствовала его же безопасности. Четыре дороги, расходящиеся из Куско, все пересекались реками, каковые нельзя было перейти вброд в любое время года, поскольку страна труднопроходима весьма и неприступна. Поэтому не может быть сомнений, что в этом, равно как и в обладании лучшей дисциплиной и большим знанием, находиться преимущество, имевшееся у них над всеми другими народами края. Сиё превосходство видно по их сооружениям, мостам, полям, системам орошения и — в куда более высокой нравственности их жизней. Если у других народов есть что-либо хорошее, всему этому Инки у них обучались. У Инков также был особый способ ведения войн, и более действенный, так что им удавалось становиться правителями над остальными. Вот так они продолжали расширять свои владения и подчинять своих соседей.

Несомненно и второе, что, решив завоевать и покорить другие народы, Инки немного приукрашают и приводят всяческие оговорки, преследуя свои цели. Первый рассказ (что эти Инки предложили, хотя это не было правом на владение землями, которое они в конце концов утвердили), состоял в том, что, после потопа, несколько мужчин и женщин вышло из пещеры, которую они называют *Паккари-тампу* [*Paccari-tampu*], в пяти лигах от Куско, где в каменной кладке высечено окно во времена очень **[154]** давние; что эти люди расплодились числом и разошлись по свету. Оттого у каждой провинции было место для поклонения, откуда вышли люди после всеобщего разрушения; и эти места были указаны их стариками и колдунами, обучившие их тому, зачем и как Инки почитали пещеру Паккари-тампу. Таким образом, в каждой провинции эти места поклонения могут быть найдены, и каждое со своей особой историей.

На основании этого права |на земли| Инки долгое время не могли завоевать многих провинций, граничащих с Куско, пока не наступило время Пачакутека Инки Юпанки. Его отец потерпел поражение от Чанков и отступил в Куско, оставив свои войска в *Пукара* [*Pucara*], или крепости. Тогда сын сформировал войско из беженцев[740], а также из гарнизона в Куско, и из людей *Канес* и *Канчес*, и вернулся дать бой *Чанкам*. Прежде чем выступил он против врага, его матери приснилось, что поводом победы над *Чанками* послужит скорее почтение, устроенное в честь Солнца, чем *Пачаячачику* [*Pachayachachic*], являвшегося мировым Творцом. С того времени давалось обещание, чтобы больше жертв и молитв возносилось той статуи[741]. В таком случае сыну была бы обещана победа над *Чанками*, и что

[740] Возможно, «из перебежчиков»
[741] Т.е. Солнцу.

посланы будут люди с Небес, чтобы придти ему на помощь. Воспользовавшись тем, он и выступил против врага, и завоевал |его|, и отсюда пошла та мысль о *Пурураукас*[742] [*Pururaucas*], являвшихся наиболее важными для Инков, яко право на расширение своих завоеваний……..[743]измышлялись самые различные жертвоприношения, и все покорённых приучали к тому, что Куско местопребыванием и жилищем богов было. Не было такого источника, колодца или стены по всему тому городу, о которых бы они не сказали, что там пребывает нечто таинственное, как явствует из доклада о местах поклонения в том городе[744], где насчитывается более четырёхсот таких мест[745]. Всё это продолжалось до прихода испанцев; но даже и сейчас все люди почитают *ваки*, дарованные им Инками[746].

[155] Третье, что следует уразуметь, это как только Инки сделали себя правителями провинции, они заставили местных жителей, ранее живших разрозненно, жить в общинах, с чиновником над каждым десятком, другим — над каждой сотней, другим — над каждой тысячей, другим — над каждыми десятью тысяч, а Инка правитель над всеми, отчитывавшихся администрации ежегодно, записывая рождения и смерти, как у людей, так и в стадах, |сведения об| урожае с полей, и все другие подробности, до самых мельчайших. Они ежегодно покидали Куско и возвращались в Феврале, чтобы составить свой отчёт, прежде чем начнётся праздник *Райми* [Raymi], принося с собой подать со всей империи. Устройство сиё было и полезным и хорошим, и наиболее важным в поддержании власти Инков. Каждый управитель, каким бы он ни был князем, входил в Куско с ношей на спине. Это была церемония, без коей никогда не обходились, и это придавало большой авторитет Инкам.

Четвертое, это то, что в каждом месте, где было образовано поселение или деревенская община, земля была разделена следующим образом: одна часть была предназначена для обеспечения культа, будучи разделённой между Солнцем и *Пачаячачиком*, и громом, коего они называли *Чукилья* [*Chuquilla*], и *Пачамама* [*Pacha-mama*] и другими ихними жрецами, а также другими ваками и местами поклонения, одинаково главных и свойственных любому селению. Много времени займёт перечислять их, ибо они были так многочисленны, что, если бы у них не было ничего другого, чем заниматься, одни только жертвоприношения отнимали бы всё их время. Потому каждый город был разделён точно так же, как Куско, и каждый примечательный предмет был сделан объектом поклонения, например, источники, фонтаны, ручьи, камни, долины, вершины гор, называвшиеся *апачетас*[747] [*apachetas*]. У каждого из них были свои люди, чьею обязанностью было совершать

[742] Ранее шла речь о Пурунруна, скорей всего, то была ошибка писаря.
[743] Лакуна в тексте.
[744] Скорей всего речь идёт о более раннем докладе самого Поло де Ондегардо.
[745] У Бернабе Кобо только 333 в окрестностях Куско.
[746] Часть вак действительно учредили и установили сами Инки, о чём упоминает Бернабе Кобо, описывая каждую ваку.
[747] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина, 1608: Apachita. Груды камней, места поклонения путников.

жертвоприношения, и которые поучали, когда приносить жертвоприношения, и какого рода предметы жертвовать. Хотя не было там края, где было бы так много объектов **[156]** поклонения, как в Куско, до сих пор порядок и способ поклонения был тот же.

Знать о ваках и местах поклонения очень важно для дела возвращения |индейцев| на путь истинный. Мне известно о них в более чем сотне селений; и когда Сеньор Епископ Чаркаса засомневался, был ли тот обычай всеобщим, в то время, когда мы выполняли совместное поручение по приказу Его Величества, я показал ему правдивость сего в Куско. И, несмотря на то, что обнаружение этих предметов заняло время, всё ещё была необходимость в том, ведь это касается вопроса подати и сборов. Поскольку большая часть урожаев была предназначена для сих услуг, и хранилась в местах, для той цели приуготовленных. Часть тратилась на жертвоприношения селений, а большая часть забиралась в Куско со всех краёв. Доли, таким образом разделённые, составляли от трех до четырёх, меняясь от района к району. Во многих селениях всё полностью принадлежало Солнцу, например, в *Apana* [*Arapa*] и других. В этих — большая часть отдавалась на жертвоприношения, в других (принадлежащих Инке) — не так много.

Другая часть продукции сберегалась для Инки. Сиё хранилось в амбарах, или отсылалось в Куско, сообразно правительственным нуждам. Потому что распоряжения отдавались не всегда одни и те же. Инка снабжал провизией все свои гарнизоны, своих слуг, своих родственников, и начальников, прислуживавших ему, из этой доли подати, приносившейся в Куско со всех краёв страны. Во время войны провизия из некоторых краёв отсылалась в другие, вдобавок к обычным издержкам, и такой был порядок в этих мероприятиях, что ошибки никогда не совершались. Иногда запасы высылались из хранилищ в горах на побережье, и сиё совершалось с никогда не прекращаемой регулярностью и точностью. Когда не было запросов, запасы оставались **[157]** в хранилищах, и порой там накапливалось достаточно |всего| на десять лет.

Нет сомнения, что этой долею Инки распоряжались разумно. Я посетил много хранилищ в различных местах, и они были несравненно больше и лучше тех, что были предназначены для обслуживания культа.

Земли, отведённые для подати Инке и культу, засевались одинаково, да и урожай собирался тоже; но разуметь следует, что когда люди работали на них, они ели и пили за счет Инки и Солнца. Эта работа выполнялась не артелью, да и не было людей отбиравшихся для этого, но все жители разом, окромя стариков и немощных, выходили, одетые в свои лучшие платья, и напевая соответствующие этому случаю песни. В этих двух видах подати было две вещи, достойные упоминания. Первое, что старики, немощные и вдовы не присоединялись к сему. Второе, что хотя урожаи и другая

продукция этих земель отдавалась в качестве подати, сама земля принадлежала самим людям. От этого и дело будет прояснено, ведь до сего времени оно не было достаточно понятным. Когда кто-либо желал земли,[748] считалось достаточным, если может быть выявлено, что она принадлежала Инке или Солнцу. Но индейцы это рассматривали как большую несправедливость. Ибо в те дни они платили подать, а земли были ихними; но сейчас, если найдётся удобство платить им подати несколько другим путём, ведь ясно, что они будут |вынуждены| платить двойную подать: одну — будучи лишенными своей земли, а другую — вынужденные платить подать в том виде, какая может быть ныне учреждена. Если кто-либо, как часто бывает, воздвигнет притязание присвоить землю, говоря, что у Инки была власть, несправедливость и нечестность всё же будет большая; поскольку если бы такой-то оказался прав, то Его Величество унаследует это; и, касательно энкомьенд[749] — пожизненных или на вечное пользование, ясно, что нет намерения даровать их, поскольку это несправедливо по отношению к имуществу **[158]** Инки. Такая подать или дань взималась Инкой, как Королём и правителем, а не как частной особой. Отсюда происходит большое заблуждение. Заявлялось, что все поля коки принадлежали Инке, что было правдой, и по этой причине они принадлежат Его Величеству. Он может даровать их в виде энкомьенды, и обретать вновь по окончании срока |пользования|, если он так пожелает, как то имеет место с *алькабалас*[750] [*alcabalas*] Вальядолида. Сам Прокурор[751] приложил усилия, чтобы доказать, что поля принадлежали Инке, и что энкомьенду только продлевали индейцам, но это было от сплошного непонимания природы подати, какая отдавалась Инке. В действительности Инка брал продукцию с полей коки по всей длине Анд для своего собственного потребления, не считая нескольких мелких клочков, подаренных начальникам и *камайу*[752] [*camayus*]. Всё остальное забиралось в Куско, но тогда было не так много, как сейчас, и не одна пятидесятая часть[753]; ибо в сём доклады также были обманчивы, как я детально показал в моём докладе по коке[754].

То же самое делал Инка и со всеми самцами в стадах, которые были предназначены для обслуживания его самого и культа, оставляя |их|, тем не менее, в том же округе, где они выращивались, и |их| только подсчитывали. Самки не включались в подать. Пастбища и охотничьи угодья были разграничены, чтобы стада не могли переходить из одной провинции в

[748] Имеются в виду испанские поселенцы.
[749] Скорей всего здесь имеются в виду земли индейских общин (а не пресловутые энкомьенды испанских конкистадоров), которые испанская Корона, будто бы получила по праву наследства от Инки, и потому имела право их дарить, но Поло де Ондегардо доказывает, что это как раз невозможно, потому что испанцы в таком случае отбирали бы не земли Инки, которому они принадлежали, а земли общин, и им же как бы дарила, что, разумеется, вызывало протест у индейцев.
[750] Один из наиболее главных видов подати в Кастилии, поступавший с отчуждаемого имущества. Составлял сначала 5% от стоимости, потом — 10%.
[751] Имя прокурора неизвестно.
[752] Т.е. чиновникам.
[753] Не совсем понятное место, поскольку сложно определить об 1/50 части чего идёт речь
[754] Это упоминание об ещё одном докладе самого Поло де Ондегардо.

другую; но чтобы каждая могла иметь свои собственные обозначенные границы. Это правило также побудило к предъявлению претензий по отношению к некоторым, по поводу стад, основываясь на том, что они принадлежали Солнцу или Инке; и, прежде чем был установлен порядок, множество было захвачено именно под этим предлогом. Несомненно, что если Его Величество возьмёт подать со стад, он не станет желать, чтобы она отдавалась из того, что принадлежало самим индейцам, и чем они владели как таковым; но только из того, что принадлежало ему, из отдававшегося ими Инке и культу[755].

После того, как я хорошенько разузнал относительно этого вопроса **[159]** я строго осудил некоторых, кто брал кое-что из стад у *Аймара* [*Aymaraes*] и в других краях, именно на этом основании. Но по апелляции к Аудиенции, это было разрешено на основании того, что Его Величество следует праву.

Но не все стада рассматривались в этом ключе; часть, хоть и малая, оставлялась округу, а другая — начальнику, который затем даровал её кому-нибудь из своих слуг. Те, что принадлежали культу и Инке, назывались *Капак-льама* [*Ccapac-llama*], а другие — *Вачай-льама* [*Huachay-llama*][756]; что значит богатые и бедные животные. Раздел был запрещён; и к этому дню ими владеют сообща.

В вопросе стад они создали много законов, некоторые из которых были столь благоприятными для их охраны, что было бы неплохо, если бы они всё ещё соблюдались. Можно сказать, что на большей части королевства, люди поддерживают своё существование с помощью стад. Они разрослись в самых холодных краях, там же поселены индейцы, как во всех частях *Кольао*, и по обе стороны в направлении к *Арекипе* и на побережье, так же как и всюду у *Каранков* [*Carancas*], *Аульагов* [*Aullagas*], *Кильуа* [*Quilluas*] и *Кольауа* [*Collahuas*]. Все эти районы, если бы не стада, могли бы считаться необитаемыми; ибо, хотя они и дают урожай *папа* [*papas*], *кинуа* [*quinuas*] и *ока* [*ocas*], дело совершенно обычное, что через три — пять лет они не приносят урожаев, и там нет других видов продовольствия. Но из-за наличия стад, они богаче и могут одеваться лучше, чем те, кто живёт в плодоносных районах. У них хорошее здоровье, и их селения многолюднее, чем те, что в тёплых краях, и у последних даже чаще отсутствуют их собственные продукты, чем у тех, кто владеет стадами. Ибо стада отсылаются вниз с шерстью, а возвращаются груженые маисом, *ахи*, и съестными припасами. Вот причина того, что, право, сотня индейцев бесплодной земли, хоть они и далече от рудников, дают больше, чем две сотни, живущие в плодоносных землях. В то же время индейцы, ведущие свои стада в Потоси, зарабатывают

[755] Т.е. король Испании мог получать подать только с того, что по праву принадлежало Инке, и ему как его преемнику, но не со всех стад, так как это вызывало недовольство индейцев.
[756] *Huachay — новорожденный.* Возможно, Поло де Ондегардо ошибся в написании этого слова (или переписчик), поскольку у Диего Гонсалеса Ольгина: Huaccha — бедный.

в месяц больше, чем десятеро других каких-нибудь за год, и они возвращаются со своими стадами, даже улучшив их.

[160] Существовал закон, что самок нельзя было убивать, и поэтому стада чрезвычайно разрослись, ибо ни одно животное не могло быть убито, будь то из стад Инки или культа, окромя как для жертвоприношений. Если какое-либо животное подверглось *караче*[757] [*carache*], являющаяся болезнью, из-за которой так много было потеряно в наше время, закон предписывал, что их не след выпасать и лечить, а немедленно закапывать глубоко в землю, так как заболевание было заразным.

Общинное стадо стриглось в должное время, а шерсть разделялась среди людей, каждый получал необходимое ему самому, его жене и детям количество; так что все были одеты. Часть стад Инки и культа также остригалась, а одежда изготовлялась из шерсти и забиралась в Куско, для потребностей Инки, и для жертвоприношений. Она также использовалась для изготовления одежды слугам Инки, и хранилась на складах. Поэтому в каждом селении у них были работники, называвшиеся *кумпико*[758] [*cumpicos*], ткавших роскошную одежду, а делали они её в большом количестве. Хранилища были изрядно заполнены одеждой, когда пришли испанцы, равно как и всеми другими необходимыми вещами, как для поддержания жизни, так и для войны.

Следует здесь упомянуть об одной вещи, а именно: когда они раздавали одежду каждому человеку, сообразно количеству нуждающихся в обновке одеяний в его семье, не принимая по внимания того, что собиралось из того, чем такой человек мог владеть как своей собственной, потому что он был обязан пользоваться этим без нанесения вреда своим использованием своей доли остальным, даже если семья владела большим количеством. Важно решить, как эта подать может быть собрана сейчас, сообразно справедливости, с имений культа, Инки и общинного |землевладения|.

Ибо в случае сём достаточно уплачивать этот вид сборов, а из того, что выйдет из него, и того, что получится с шерсти, но с недостачей в некоторых других видах, не будет ли благоразумнее возместить такую недостачу взысканием с каждой головы[759] [head], тем способом, каким оно **[161]** ныне и возмещается. Ибо если у индейца есть только одна особь в стаде, она будет взята, как подать, тогда как если другой владеет сотней особей, не более чем одна может быть взята. Это возмещение было источником их собственного обычая, когда никто не платил бы подать из своего собственного имущества, а только |подать| от труда своих рук, всего работающего люда, как общины. Ясно, что подать культа и Инки взималась со всей общины для

[757] Парша, струпья — заболевание известное и в сельве и на побережье и горах. Упоминается также у Инки Гарсиласо де ла Веги.
[758] Работники, изготавливавшие ценные виды плащей, т.е. «кумпи». Правильнее — кумпикамайу.
[759] Т.е. особи в стаде.

государственной службы, в то время как частное имущество каждого человека поддерживалось покровительством Инки, и, согласно их законам, у них не было иного правового основания для этого. С этого частного имущества никакая подать не вымогалась, даже когда оно было значительным по величине. Но все были обязаны образовывать свою долю в создании подати, затребованной с общины. Поэтому неправильно то, что они сейчас бы платили подать с головы, а лучше бы сообразно их участкам. Если в *Репартимьенто* имеется тысяча индейцев, среди которых пять сотен *митимаев*[760], никогда не владеющих ни одной овцой, и если подать приравнивается к пятистам головам, то невозможно собрать её. Следовательно, когда, из-за стад, подать должна быть оплачена овцой, то необходимо выяснить, кому принадлежит овца, и обложить налогом *митимаев* и местных жителей отдельно. Таким образом, затруднение будет преодолено, и можно избежать несправедливости. Община состоит из богатых и бедных, и подать в виде овцы будет распределена среди тех, кто вскормил её, не включая ни одного бедняка, которому удалось обзавестись одной единственной овцой. По этой причине освобождение это было бы предоставлено, а вопрос достаточной важности |дела| извинит это отклонение от нормы.

Подобное замечание применяется к подати, которая взыскивается со всего *Кольао* и провинции *Чаркас*, где у них имеются стада. Эта |подать| состоит в обязанности перевозить в Потоси определённое количество провизии сообразно количеству овец в стаде. Этот класс подати был хорошо известен **[162]** во времена Инков, потому что они несли подать в Куско на овцах Солнца и Инки в больших количествах. Но обложение налогом этот груз, *митимайи* рассматривали, как большую несправедливость; ибо, так как они исправно все вместе платили подать, местные жители получали свою долю, а *митимайи* — свою, так что местные жители перевозили свою продукцию на своих животных, в то время как *митимайи* обязаны были нести свою на своих собственных плечах, на расстояние от 40 лиг и больше. Это серьёзный вопрос для индейцев — обязанность нести три *арробы*[761] на своих плечах, что весит как фанега[762] муки, не считая своей собственной еды, и потери времени.

Древняя подать состояла в засевании посевов для Инки и для культа, и в сборе урожая и доставке урожаев[763] в хранилища, где всегда было изобилие.

Другая ошибка, совершавшаяся во взимании податей, особенно в *Кольао*, вследствие чего индейцы оказались сильно угнетёнными, состоит в очерёдности уплачивать |в виде подати определенное| количество продукции, сообразно размеру земли, какой они обладают для посадки *папас*, из

[760] Колонисты.
[761] Арроба (мера веса в Кастилии = 11,5 кг, в Арагоне = 12,5 кг). Т.е. речь идёт о 34,5 кг, что, по сути, вес немалый.
[762] Фанега (мера сыпучих тел, неодинаковая в различных областях Испании; в Кастилии = 55,5 л).
[763] Т.е. в виде работ, но не натуральной продукции, в данном случае.

которого они изготовляют *чуньус*[764] [*chuñus*]. Через пять лет |земля полностью истощается|, но малый урожай |получается| уже через три |года|, индейцы же обязаны платить всё, чем они владеют. Соответственно, мужчины и их семьи страдают в течение года по причине |такой| подати.

После смерти собственника земли, наследники и потомки владели ею сообща, без права делить её; но у лица, представлявшего *Айлью*[765] [*Ayllu*], была опека |над землёй|, а все остальные обладали плодами сообща, которые делились среди них следующим образом: если у сына первого владельца было шесть детей, а у другого сына было двое, то у каждого были равные доли[766], и было столько долей, сколько было лиц. Во время сева они все должны были присутствовать при разделе посева; и ко времени сбора урожая, если кто-либо, будь он даже потомком, не присутствовал во время сева, он не мог ни взять свою долю, ни отдать её другому. Всё же, если он отсутствовал десять лет, он не терял права |на владение землёй|, если он **[163]** предпочёл быть во время сева; и даже когда наследников было так много, что едва хватало кукурузного початка на каждого, правило |это| всё равно соблюдалось; и его всё ещё придерживаются в районе Куско, где землями владеют вот таким образом.

Этот обычай каждого потомка владеть правом на долю нужно хорошенько знать; когда какая-либо работа |общинников| связывалась со сбором податей, тут |всё| должно быть приведено в порядок. Таким образом, земли принадлежали целому селению, и тот, кто не работал во время сева, не имел |своей| доли в урожае.

Сейчас можно разъяснить причину, почему, при таком большом количестве судебных исков, представленных на рассмотрение Коррехидорам и Аудиенциям, едва |это| какая-либо |тяжба| между одним индейцем и другим из того же селения, но напротив, |это тяжба| между одним селением и другим.

После прихода испанцев индейцы продолжали долгое время возделывать земли Инки и культа, и сберегать урожаи, следуя старому обычаю, и сжигать часть в виде жертвоприношений, веря, что придёт время, когда они обязаны подать отчёт Инке. Когда Президент Гаска проходил маршем через долину *Хауха* на встречу с Гонсало Писарро, я помню, что он отдыхал там в течение семи недель, и они обнаружили там хранилища маиса запасом на несколько лет: свыше 15000 фанег[767] возле дороги. Когда они поняли, что эти ограниченные земли могли бы быть засеяны для их собственной выгоды,

[764] Т.е. сушено-мороженный полуфабрикат из картофеля.
[765] У этого слова было два значения (по Диего Гонсалесу Ольгину): Ayllu. Сообщество родственников, или родство, или каста. Ayllu. Род, вид, например, животных, растений.
[766] Т.е. равные на семьи.
[767] Т.е. 832000 литров.

люди различных селений начали их засевать, и поэтому возникло множество судебных исков[768].

Когда люди шли работать на землях за пределами своих собственных округов, это делалось также и для Инки и |для| культа, и земля, которая разделялась для этого, называлась *суйу*[769] [*suyus*]. Но некоторые индейцы также оставались орошать и охранять эти *суйу*, которые, хотя и в крае за пределами своего собственного округа, были подчинены своим начальникам, а не начальникам края, где они временно проживали. Эти — отличный от *митимаев* вид людей, переселённых из подведомственной области начальников, под чьим началом они родились.

[164] Следует уразуметь, почему те возделываемые земли принадлежали сеятелям. В *Кольао*, где маис не даёт урожая, у людей есть земли на побережье, и они посылают людей вниз, чтобы вспахать их, например, возле Арекипы. Во времена Маркиза де Каньете, являвшегося Вице-королём этих королевств[770], будучи в долгу за сообщение, каким я его обеспечил, эти *суйу* [*suyus*], были возвращены, как имущество, провинции Чукуито, но все другие страдают, по причине непонимания этого обычая.

Порядок, который (а он и до сего времени |бытует|) был перенят для перехода индейцев |в нашу веру|, состоит в необходимости священникам посещать каждое селение с книгой, показывая, кто был крещён, кто женился, |а| у кого больше одной жены. Таким образом, пастырь знал своих овец и был знаем ими. Древний же обычай, по которому никто не мог покинуть свой округ, был помощью изумительной |в этом|.

Законы Новой Испании[771], где страна весьма многолюдна, непригодны для этой земли. Сиё хорошо можно уразуметь по благоразумному, знаменитому и достойному дону Антонио де Мендоса[772], память о коем долго будет лелеема, и чья утрата будет ощущаться всё сильнее с каждым днём Его Величеством и народом Индий. В конце года, в течение которого он изучал дела этого края, хотя он страдал от болезни, он сказал, что прежде чем выдать какой-либо наказ, необходимо сделать три вещи:

1) осмотреть страну;

---

[768] Т.е. испанцы совершили правонарушение по инкским законам, приложив свою руку к чужому имуществу, на которое они не имели права зариться.

[769] У слова суйу было два значения: Suyu. Группа, сообщество. Suyu. То, что выпадает на долю работы каждого одного суйу (группы, общины) или одного лица.

[770] С 1555 по 1561 года.

[771] Т.е. Мексика.

[772] Вице-король с 1551 по 1552 год. Антонио де Мендоса (*Antonio de Mendoza*; 1490—1552) — первый и наиболее успешный вице-король Новой Испании. Представитель высшей испанской аристократии, Мендоса был направлен управлять завоёванными Кортесом землями в 1535 году с титулом вице-короля. Он стремился достойно представлять Карла V как справедливый судья, распорядитель королевской казны, решительный военачальник и покровитель католической церкви. В течение своего 15-летнего правления Мендоса дал Мексике мир и покой. Ни один из последующих вице-королей не правил провинцией дольше него. В 1551 году король направил его вице-королём в Перу, но тот едва успел объехать свои новые владения и высказать предложения по совершенствованию управления колонией, как по прибытии в Лиму скончался. Похоронили его в городском соборе подле Франсиско Писарро.

2) узнать способности индейцев;

3) понять их обычаи, законы, образ жизни и древнюю систему обложения налогом[773].

Для всего этого требовалось, чтобы у него было лучшее здоровье и несколько лет |жизни|.

Порядок, учрежденный Инкой в вопросах, касающихся охоты, был таков, что никто не смел охотиться за пределами границ его собственной провинции; и цель этого была такова, что дичь, несмотря на то, что ей оказывалось надлежащее применение, следовало бы охранять. После **[165]** того, как подать Инке и культу была уплачена, отдавалось разрешение снабдить людей |всем| необходимым[774]. Кроме того, дичь размножалась по причине наличия правил её сохранения, отчего она увеличивалось быстрее, чем её потребляли, как то видно по реестрам, какие они составляли, несмотря на то, что требуемое для услуг Инки и культа количество было огромным. Постоянный учёт всех ловлей — вещь для меня такая, что трудно мне в неё поверить, если бы я сам того не видел.

Инка создал похожие правила |и| в отношении лесов, в округах, где они имели какое-нибудь значение. Они были предназначены для использования регионами, где ощущалась потребность в дровах, и эти леса назывались *мойас* |принадлежащие| Инке [*moyas* of the Ynca], хотя они также предназначались для использования округами, находившихся по соседству от места их произрастания. Предписывалось, что они должны быть срублены в соответствии с приказом и разрешением, сообразно потребностям. Поэтому следует уразуметь, что пастбища, ловли и леса использовались сообща по установленным правилам; а наибольшая выгода в том, что Его Величество могло бы присудить этим индейцам снова[775], для их сбережения, чтобы обязательно подтвердить тот же порядок, заведённый Инками, ибо для приспосабливания новых законов труда затрачено будет неимоверно много.

Во времена Инков была и другая дань, и она была обременительнее и тягостнее, чем все остальные. В каждой провинции у них был дом, называвшийся *Аклья-васи* [*Aclla-huasi*], что значит «*дом избранниц*», где был заведён следующий порядок: Губернатор каждой провинции, чьею исключительною обязанностью было заботиться о работе этих домов, чьим титулом было *Апу-панака*[776] [*Апи-panaca*]. Его сфера полномочий

[773] Из этих кратких инструкций видно, что Мендоса хорошо разбирался в индейском вопросе.

[774] Т.е. сначала Инки изымали требуемую по закону часть, а затем снабжали индейцев теми видами изделий, в которых у них была необходимость.

[775] Тут автор выражает свое мнение о необходимости придерживаться уже заведённых Инками законов, поскольку они были более благоразумными и их уже придерживались, к тому же эффективен был результат.

[776] Это слово не встречается у Диего Гонсалеса Ольгина, и производных слов от Панака нет вообще. Возможно, слово из другого языка, или происходит от слова «пана» — сестра мужчины, первая сестра или вторая, или того же рода. Вместе оно, пожалуй, означает «Глава всего сообщества |сестер|».

распространялась над одним *уну*[777] [*hunu*], что значит десять тысяч индейцев, и у него была власть отбирать всех девушек, показавшихся перед ним, многообещающих надежд, в возрасте от 8 до 9 лет, не ограничиваясь в числе, а столько, сколько он выберет. Они помещались в этот дом вместе с сотней *Мама-куна* [*Mama-cunas*], проживавших там, где они обучались всяким совершенствам |в делах|, **[166]** свойственных женщинам, таких как: шить, ткать, делать напитки, употребляемые индейцами; а их работа[778], в Феврале месяце, к празднику Райми, забиралась в город Куско. За ними строго следили, пока они не достигнут возраста 13 или 14 лет и старше, так чтобы они могли остаться девственницами, когда их отправят в Куско, где они присоединялись к множеству других со всех провинций в середине Марта. Порядок распределения был таков:

Женщин брали для обслуживания Солнца, и размещали в храмах, где их держали, как девственниц. Точно также женщин отдавали в обслуживание *Пача-мамы*, и других дел в их культе. Кроме того, других выбирали для жертвоприношений, которые приносились в течение года, а их было множество. В этих случаях они убивали девушек[779], и требовалось, чтобы они были девственницами; более того, принося их в жертву в особые времена года, например, за здравие Инки, в честь его успеха на войне, в честь полного затмения солнца, при землетрясениях, и во многих других важных случаях, внушенных Дьяволом. Другие предназначались в качестве слуг у Инки, и других персон, которым он изъявил благоволение. Когда кто-либо получал женщину в законные жены или *маманчу* [*mamanchu*][780], он не мог взять другую, кроме как по милости Инки, что выказывалось по различным поводам, или тому, у кого были особое мастерство в каком-либо искусстве, или тому, что проявил себя на войне, или угодил Инке каким-либо другим путём. Количество женщин, предназначенных для этих служб, было весьма велико, и они отбирались безотносительно того, кому они принадлежали, а единственно потому, что они так были отобраны *Ану-панака*, и родители не могли освободить их или откупиться ни при каких обстоятельствах. Поместья предназначались для снабжения домов избранниц, и эта дань ощущалась бы сильнее, чем какая-либо другая, если бы не вера в то, что души девушек, коих **[167]** приносили в жертву, не шли в радостное безграничное место, что и было причиной того, что иногда они добровольно приносили себя в жертву.

Одной из основных статей подати была одежда, которую давали для обслуживания Инки и культа. Огромные количества этой одежды

---

[777] Т.е. Один миллион, а не 10000, как переводит Поло де Ондегардо, поскольку Hunu — это десять раз по сто тысяч. Хотя: *Hunu kamayuq* — 10000 семей. Но у Ольгина huarancca — это десять тысяч. Это название подтверждает данные о том, что в Империи Инков было несколько миллионов человек.

[778] Не указано, как возмещался этот сбор продуктов труда. Получается интересный момент — существовала детская занятость в труде, начиная с 8-9 летнего возраста.

[779] Ответ на этот вопрос: были ли человеческие жертвоприношения может дать единственно правильный ответ только археология.

[780] Возможно, автор ошибся, поскольку Maman chumpi — это большой широкий женский пояс.

раздавалось Инкой солдатам, и дарилось его родственникам и слугам. Оставшееся хранилось на складах, и обнаружилось там в несметных количествах, когда испанцы прибыли в эти королевства. Эта одежда была из различных видов ткани, соответственно традициям её изготовления. Большие количества были изготовлены из очень дорогой *кумпи* [*cumpi*], вытканной с обеих сторон. Наиболее простая была сделана для жертвоприношений, ибо во все празднества приносилось в жертву много одежды. Для этих запасов животные Инки остригались в нужное время, |потом это всё| собиралось и отправлялось в Куско, с другой податью, в Феврале месяце, сверх того, что откладывалось на хранение на вещевых складах, в соответствии с выдаваемыми каждый год указаниями. Требуемые для Куско животные отсылались в том же месяце, в количестве, какое было приказано, при этом только самцы, ибо самки никогда не убивались ни для жертвоприношений, ни для еды. *Пачаячачику*, который у них считался всемирным Творцу, и Солнцу, Грому, называемого *Чукилья*, *Пачамаме*, и несчетному количеству других объектов поклонения, — всем были предназначены свои стада, а шерсть с них отдавалась в город Куско в качестве жертвоприношений, и для облачения людей, служивших *вакам*. Кой-какое количество одежды также использовалось для обслуживания домов, где хранились забальзамированные тела Правителей Инков. Сюда также бралась разнообразная провизия, такая как: маис, *чуньу*, *ахи*, и любая другая, на полях выращиваемая. Все эти вещи заготавливались так слажено, что сложно понять, как отчеты и реестры могли их так отлично отображать.

[168] Несметное количество личных услуг с провинций также требовалось в городе Куско, для Инки и его двора. Каждая завоёванная провинция обязана была посылать своего главного идола в город Куско, и та же провинция продолжала обеспечивать его обслуживание и жертвоприношения |ему| тем же установленным порядком, как то было заведено в провинции.

Иное тяжелое бремя состояло в обеспечении солдатами, поскольку в различных местах империи были частые восстания, и требовалось защищать все границы, особенно вдоль реки Мауле в Чили, в *Бракаморас* в провинции Кито, и по направлению к той, что в Маркас, и в провинции *Чириванас*, граничащей с *Чаркас*, и в лесах *Чунчус* и *Мосус*. На всех этих границах мы всё ещё встречаемся с *пукарас,* или крепостями, где собирались гарнизоны, с подводящими к ним дорогами. *Митимайи* также направлялись из различных провинций жить на этих границах.

Те, кто выполнял особые службы, были освобождены от других видов подати. Пример тому |находим| в провинции Луканас, где люди обучались носить паланкин Инки, и умели передвигаться очень плавно и ровным шагом. В *Чумпивилькас* люди выделялись в танцах, и многие были освобождены |от подати| за счет того. В провинции *Чилькас* имеется

отличного качества красное дерево для резных работ, и *Чилькас* приносят его оттуда в Куско, с расстояния в двести лиг, в очень больших количествах, со многими резными изображениями и рисунками на них. Дерево сжигалось в качестве жертвоприношений на кострах, разожженных на большой площади, в присутствии Инки и забальзамированных тел умерших правителей. Вот так наилучшие изделия каждой провинции приносились в Куско.

В подготовке подати мужчины также распределялись для сооружения общественных строений, таких как мосты и дороги. На всех королевских дорогах от Кито до Чили, и ещё **[169]** дальше, на границах губернаторства Бенальказара[781], и в ответвлении, по дороге к Бракаморас, были размещены *часки* [*chasquis*] в конце каждого *тупу* [*tupu*], на обеих дорогах: как на побережье, так и в горах. *Тупу* размером — то же, что и полторы лиги. В этих местах были приспособлены домики для содержания двух индейцев, служивших в качестве почтальонов, и они освобождались один раз в месяц, а находились они там и днём и ночью. Их обязанностью было передавать сообщения Инки из Куско в любое другое место, и получать такие же от губернаторов, так что все дела и события империи ведомы были. Когда же Инка желал передать что-нибудь губернатору, он говорил это первому *часки*, бежавшему |затем| на полной скорости полторы лиги без остановки, и передавал сообщение следующему, как только тот был в пределах слышимости, так что когда он достигал почтового дома, другой человек уже |оттуда| отправился. Они говорят, что из Куско в Кито, на расстояние 500 лиг, сообщение туда и обратно шло 20 дней. Я могу этому поверить, ибо в наших войнах мы иногда использовали этих *часки*, а так как это древнее заведение, они быстро осуществляли сиё дело. Этим путём письма приносились из Куско в Лиму за три дня, на расстояние 130 лиг, и всё по очень неудобной дороге. Инки также использовали этих *часки* для доставки свежей рыбы с моря; и они проделывали за два дня расстояние в сотню лиг. У них были записи в ихних *кипу*, о рыбе приносимой иногда из Тумбеса, с расстояния более чем 300 лиг. Пищею часков снабжали из хранилищ Инки; ибо те, кто работал на службе Инки или культа никогда не ели за свой собственный счет.

[170] *Сооружения и крепости.*

Ещё одной податью и взыском во времена Инков было обложение тяжелыми работами, и сиё было требованием к индейцам работать на сооружениях Куско. Эта работа была очень тяжелой, поскольку все их строения состояли из каменной кладки[782], и у них не было железных и стальных инструментов, а также, чтобы вырезать камень из каменоломен или придавать ему форму впоследствии. Всё это делалось с помощью других камней, что было делом чрезвычайной сложности. Они не использовали известь и песок, а подгоняли один камень к другому с такой точностью, что

[781] Себастьян де Бенальказар, один из первых завоевателей Перу; губернатор Попаяна.
[782] А не более простой и лёгкой кирпичной.

место стыка едва заметно. Если мы подумаем о времени, за какое они должны были подготовить и вытащить камень, прежде чем эта точность была бы достигнута, на мысль приходит тяжкий труд и множество необходимых рабочих. К этому труду прибавлялась перевозка камней с очень большого расстояния силою людских рук. Кто-либо, видевший их сооружения, не станет сомневаться в их утверждениях, что было занято |при тех работах| тридцать тысяч людей. Ибо не только о сиих работах над землей |идёт речь|, как например, в городе и крепости, но также и отлично отделанная каменная кладка под землёй, так отменно высеченная, как любая из тех, что могут быть найдены в Испании. Так как имелись только каменные инструменты, то мне кажется, что сотня индейцев не могла бы сделать и обработать один-единственный камень в месяц, и тому, кому нравиться смотреть на них, несомненно, подумает о том же. Эти строения находятся не только в Куско, а и во многих других краях, где работа намного труднее и потяжелее, по причине того, что камни находятся на более удалённом расстоянии. Ибо в Куско из Санта-Ана, что в *Карменка* [Carmenca], где начинается город, до *Ангостуры* [Angostura], расстояние составляет около трёх лиг; а всюду в этом месте все виды камней для строительства предстоит обнаружить, черные и белые, твёрдые и помягче, а все камни[783] из близлежащих гор превосходны для извести и штукатурки. Я осмотрел каменоломни, и увидел их хитроумные изобретения, в сопровождении **[171]** с искусными мастерами из Испании, и они меня уверяли, что никогда не видели так много видов превосходно обработанных камней на столь малом пространстве. Тот, кто видел работу, какую Инки начали в *Тиаванаку*, возле *Чуки-апу*[784], и подумает, что камень не встречается в пределах ста лиг в округе, поймёт, какую выгоду получал Куско |от столь близкого расположения каменоломни|[785].

Эта служба была обязательной для всего королевства; она подготавливалась в Куско ежегодно, как в отношении количества занятых людей, так и работы, какую надлежит сделать.

---

[783] Скорее, минералы.
[784] Современный Ла-Пас.
[785] Относительно близкого.

Кристобаль де Молина. Доклад о Сказаниях и Обрядах Инков. (1575)

Кристобаль де Молина, так называемый «Кускенец» (el cuzqueño) — житель Куско, (исп. Cristóbal de Molina) (начало XVI века, Перу — конец XVI века, Перу) — испанский историк, священник. Был монахом прихода Милостивой Девы Марии (Nuestra Senora de los Remedios) при индейском госпитале в Куско, Перу. Оставил один из важнейших документов по календарю, знахарству, мировоззрению, церемониям, религии и философии Инков.

Биография

Знаток языка кечуа благодаря продолжительному проживанию в городе Куско, бывшей столице Империи Инков, написал доклад Ritos y Fábulas de los Incas, написанную в 1575 году и опубликованную в 1916; в этом произведении он описал религиозные и магические методы инков, использовавшиеся ими при лечении заболеваний, а также собрал сведения о местных религиозных праздниках, их периодичности и значении. Молина экзаменовал местных индейских начальников, а также обучал население. Он составил ещё один доклад, сохранившийся благодаря включению его в книгу Мигелью Кабельо Бальбоа в 1586 году.

Произведения

* «Colección de pinturas, donde figuraba todo el camino andado i descubierto desde Tumbes al rio Maule, i las naciones, jentes, trajes, propiedades, ritos i ceremonias, cada cual en su manera de vivir, i la manera de los caminos i calidad de las tierras, con otras muchas cosas a estas anejas» — не сохранилось. Время создания, предположительно, 1539.

* An Account of the Fables and Rites of the Yncas. (англ.) — «Сказания и обряды Инков». — 1575.

Этот доклад написан для доктора дона Себастьяна де Артаун, являвшегося епископом Куско с 1570 по 1584 года и провинциальным Советником Его Величества Короля Испании. Рукопись храниться в Национальной библиотеке Мадрида, Рукопись 3369, листы 2-36, 1575 год. Молина приводит в своём докладе 14 молитв записанных на языке кечуа, обращенных к богам Пачакамак, Пачаячачик, Тикси-Виракоча, Ванакаури, Пунчау, Кильа (Паска-мама), различным вакам. То есть: 4 — к Всевышней Сути, 2 — к Солнцу, 1 — счастливым пучкам, 4 — Инкам, 2 — вакам или богам, 1 — земле. Также содержит легенду об Акойрапа и Чукильянту (Aqoyrapha y Chukillanthu), и 12 стихов. Многие слова кечуа у него записаны неправильно, и потому значение их не всегда можно прояснить.

[Перевод с английского издания:
Narratives of the rites and laws of the Yncas (1873). — http://www.archive.org/details/narrativesofrite00moli]

Примечание переводчика.

Данный документ посвящен верованиям и обрядам Инков, по большей части бытовавших в Куско. Как следует из текста, Молина также намеревался описать обряды и церемонии каждого народа и провинции Тавантинсуйу, отличавшихся от инкских.

Названия и имена даются так, как они приведены в английском издании, в примечаниях также даются пояснения или другие варианты названий. Названия на языке кечуа выделены *курсивом*, для каждого приводится оригинальное написание у Молины.

Многое из доклада Молины, похоже, попало в «*Commentaries Reales*» Инки Гарсиласо де ла Вега; сам же Гарсиласо Молину, как источник не упоминает. Доклад этот отличается от приведенных у Гарсиласо сведений большей детализацией и не содержит некоторых грубых ошибок Гарсиласо в ряде вопросов.

Молитвы и прямая речь инков вынесена мною в отдельные абзацы и подаются *курсивом* для облегчения поиска таковых в тексте. Сами молитвы переведены Молиной, и такими они приведены в его докладе. Вариант на кечуа всё же необходимо будет также перевести отдельно, поскольку они представляют наибольший интерес.

Также сознаюсь, в тексте могут быть ошибки, за что прошу не винить строго, а лучше сообщить мне о них, чтобы можно было их исправить.

ТЕКСТ:

Сказания и Обряды Инков, Кристобалем де Молина,

Священником прихода Нашей Девы Целительницы Госпиталя для местных жителей в городе Куско,

Составленные и Препорученные Высокопреосвященству, Владыке Епископу Дону Себастьяну де Артаун[786], из Совета Его Величества.

Доклад, какой я представил на рассмотрение вашей сиятельной Светлости о происхождении, житиях и традициях Инков, владык этого края, об именах и количестве их жён, об имевшихся у них законах и о войнах, какие вели, и о племенах и народах ими завоёванных; я также говорил, в иных местах, хоть и не основательно о церемониях и культах ими установленных; ныне я представляю, главным образом по причине желания, выказанного вашей преподобной Светлостью, взять на себя труд описать церемонии, идолопоклонства и культ этих индейцев. С этою целью я собрал кой-каких особ, почтенного возраста, видевших и принимавших участие в них во времена Вайна Капака [Huayna Ccapac], Васкара Инки [Huascar Ynca] и Манко Инки [Manco Ynca], равно как и некоторых правителей и священников тех времён. **[4]** И перво-наперво, что касается происхождения их идолопоклонств, это от того, что те люди не ведали письменности. Но, в доме Солнца, именовавшегося *Покен Канча* [Poquen Cancha][787], что поблизости от Куско, у них имелось житиё каждого Инки, с землями, ими завоёванными, разрисованное в образах [painted with figures] на неких досках, а также их происхождение. Среди тех изображений следующая легенда и была представлена. В житии Манко Капака, являвшегося первым Инков, и от которого они начали называться чадами Солнца, и почитать Солнце, они имели полный доклад о Всемирном потопе. Они говорят, что все люди и все сотворённые вещи погибли от него, да так, что вода поднялась выше всех

[786] Епископ в Куско с 1570 года по 1584. Умер в Лиме в 1584. Епископы Куско:
1534. Fray Vicente de Valverde.
1543. Fray Juan Solano, to 1550.
1570. SEBASTIAN DE ARTAUN. Died at Lima 1584, at a Provincial Council.
1584-93. Fray Gregorio de Montalvo.

[787] Точнее, Пукин Канча — вторая Вака в 10 секе Пайан, направленной в сторону Кунтисуйу. Находилась над Кайокаче, являлась домом Солнца, ей жертвовали детей (Бернабе Кобо. История Нового Света).

высочайших гор в мире. Ничто живое не спаслось, окромя мужчины и женщины, оставшихся во вместилище |сундуке; ковчеге|, и когда воды сошли, ветер пригнал их к *Гуанако*[788] [Huanaco] что будет чуть более семидесяти лиг от Куско. Создатель всех вещей[789] приказал им жить как митимайи[790], и там в *Тиаванако*, Создатель начал вызывать людей и народы, пребывающих ныне в той округе, творя каждый народ из глины, и раскрашивая каждому одежды, какие они должны были носить; а также то, какие носить прически, кому с волосами, кому без оных, а кому коротко стриженными; и каждому народу был дан язык, на каком ему следует говорить, и петь песни, и семена и пищу, какие они должны были сеять. Когда Создатель закончил рисовать и творить, он сказал народам и существам из глины, что он дал жизнь и душу каждому, яко мужчине, тако и женщине, и повелел, чтобы они отправились под землю. Оттуда каждый народ появился в местах, в какие он приказал им пойти. Таким образом они говорят, что некоторые пришли из пещер, другие сошли с гор, иные — из источников, а ещё одни — из стволов деревьев. Посему и по этой причине вышли они наружу и начали подниматься из тех мест, **[5]** и имея начало своего рода от них, они создали ваки и места поклонения им в память о происхождении своего рода, от них ведомого. Соответственно каждый народ носит одежду, какую изобрели им их вака; и они сказывают, что первый, кто родился из того места, был превращён там в камни, другие говорят, что первый из ихних родов был превращен в соколов, кондоров и других животных и птиц. Поэтому ваки они используют и поклоняются |им| по-разному.

Другие же народы есть, которые говорят, что когда нахлынул Потоп, все люди были уничтожены, окромя нескольких сбежавших в горы, в пещеры или на деревья, но тех |сбежавших| было очень мало, но они начали расти в числе, и что, в память о первом из ихнего племени, кто убежал в те места, они поставили идолов из камня, давая имена тем, кто так спасся, каждой ваке. Потому каждый народ почитал и приносил такие дары, какие у них были заведены. Несмотря на это были народы, у кого имелось предание о Творце всего сущего. Они совершают ему некоторые приношения, но не в таких количествах или с таким почтением как своим идолам или вакам. Но, возвратимся к легенде. Они говорят, что Создатель был в Тиаванако, и что там было его главное жилище, поэтому величественные сооружения, достойные восхищения, в том месте. На тех сооружениях были нарисованы много одеяний индейцев, и там было много камней в виде мужчин и женщин, обращенных в камень, поскольку не повиновались они наказам Творца. Они говорят, что была тьма, и он сотворил солнце, луну и звёзды, и что он приказал солнцу, луне и звёздам двигаться к острову Титикака, что находиться поблизости, и оттуда подняться на небеса. Они также заявляют,

[788] Т.е. Тиа-ванако.
[789] Илья Тикси Виракоча
[790] См. Гарсиласо де ла Вега, Книга 3, Глава 19.

что когда солнце, в облике мужчины, поднималось на небеса, в превеликом сиянии, оно обратилось к Инкам и Манко Капаку, ихнему вождю, и сказало:

— Ты и твои потомки должны быть Владыками, и должны будете подчинить многие народы. Считай меня своим отцом, а вы будете чадами моими, **[6]** и ты будешь почитать меня, как отца своего.

И с теми словами оно дало Манко Капаку, в виде своих знаков отличия и оружия, *сунтур-павкар*[791] и *чампи*[792], и другие символы |власти|, пользуемые Инками, яко скипетры.

И в тот момент солнце, луне и звёздам было наказано подняться в небеса, и закрепить себя на своих мессах, и они так и сделали. В тот самый момент Манко Капак и его братья и сёстры, по повелению Создателя, спустились под землю и вышли вновь из пещеры Пакаритамбо, хотя они говорят, что другие народы также вышли из той же пещеры, и в то самое время Солнце впервые поднялось после того, как Создатель отделил ночь ото дня. От того они прозвались детьми Солнца, и что Солнце почиталось и боготворилось яко отец. У них также есть другая легенда, согласно которой, как они говорят, у Создателя было два сына. Одного звали Имаймана Виракоча [Ymaymana Viracocha], а другого Токапо Виракоча[793] [Tocapo Viracocha]. Завершив сотворение племен и народов, и назначив им одежды и языки, Создатель отправил солнце вверх на небеса, с луной и звёздами, каждого на его место. Создатель, которого на языке индейцев называют Пачаячачи[794] [Pachayachachi] и Тексивиракоча [Tecsiviracocha], что значит *непостижимый Бог*, после того шел по горной дороге, из Тиаванако, навещая и наблюдая все народы, и проверяя, как они начали расти в числе, и как исполняют его наказы. Он обнаружил, что некоторые народы восстали и не повинуются его повелениям; потому он превратил огромное их количество в камни, обликом схожих на мужчин и женщин, с той же одеждой, какую они носили. Эти превращения в камень были деланы в следующих местах:

— в *Тиаванако*,

— в *Пукара*,

— и в *Хауха*, где, как они говорят, он обратил **[7]** ваку, называвшуюся *Гуаривилька* в камень,

— и в *Пачакамаке*

— и в *Кахамарке*,

— и в других местах.

Поистине, огромные каменные блоки находятся в тех местах, некоторые из которых размером почти с великанов. Они должны были быть сделаны человеческими руками в очень давние времена; и по причине утраты памяти, и отсутствия письменности. Они изобрели эту легенду, говоря, что люди были превращены в камни за своё неповиновение, по наказу Создателя. Они также сообщают, что в *Пукара*, что в 40 лигах от города Куско по дороге

[791] Одно из названий головного убора Инки — «Сияющий круг».
[792] Одноручный боевой топор.
[793] Т.е. Тукапу Виракоча
[794] Учитель Мира.

Кольяо, огонь сошел с небес и разрушил большую часть людей, в то время как те, кто принялся взлетать, был превращен в камни. Создатель, как сказано, является отцом Имаймана Виракочи и Токапо Виракочи, приказал, чтобы старший Имаймана Виракоча, чьею властию все предметы были установлены, выступил из этого места, и пошел путём гор и лесов через все края, давая имена большим и малым деревьям, и цветам и плодам, какие они на себе имели, и, обучая людей тому, что хорошо для еды или для лечения, а чего следует остерегаться. Он также дал имена всем травам и объяснил, какие имеют исцеляющие свойства, а какие — ядовиты.

Другой сын, называвшийся Токапо[795] Виракоча, что значит на их языке «*творитель*», получил наказ идти путём долин, навещая людей, и давая имена рекам и деревьям, и давая указания относительно плодов и цветов. Так они шли, пока не достигли моря, откуда поднялись на небеса, после завершения всего, что они должны были сделать в этом мире. Они также рассказывают, в этой же легенде, что в *Тиаванако*, где всё человечество было сотворено, было созданы и различные виды птиц, мужского и женского пола, и что каждый получил песни, какие ему должно петь; те, что должны жить в **[8]** лесу, посланы были туда, и каждый вид — на своё соответствующее место. Таким образом и все другие твари были созданы, самцы и самки, а все змеи и ящерицы, какие встречаются на земле; и люди были обучены именам и количествам каждой из этих птиц, зверей и пресмыкающихся. Эти индейцы верили, как в нечто правдоподобное, что ни Создатель, ни его сыновья не были рождены от женщины, что они были неизменны и вечны. У племен есть много других сказок, касающихся их происхождения, настолько много, что если бы все непременно рассказать, тому не было бы конца. Потому я приведу только некоторые из этих сказаний.

В королевстве Кито есть провинция *Каньярибамба*, а индейцы *Каньяри* названы так в честь своей провинции. Эти *Каньяри* говорят, что, во времена потопа, два брата спаслись на очень высокой горе, называемой *Вака-иньян*. Так как воды подняли холм, в высоту возрастая, потому воды никогда не достигли их. Когда наводнение сошло, а их запас пищи подошел к конце, они выбрались и искали еду на холмах и долинах. Они построили очень маленький домик для обитания, живя на травах и корнях, и очень страдая от голода и усталости. Однажды, выйдя на поиски пищи, они вернулись к своему домику, и обнаружили еду и *чичу* для питья, не разумея, кто мог бы приготовить или принести сиё. Это случилось на десятый день, по окончании которого они обсудили, как бы им разведать и узнать о том, кто был к ним так добр к их острой нужде. Потому старший из двух, согласился остаться в укрытии. Он лично увидел двух птичек, тех, что зовут *агуа*, или по-другому — *торито*. На нашем языке они называются *гуакамайо*[796]. Они пришли одетые, как *Каньяри*, с прическами на головах, связанные спереди, как они нынче их носят. Притаившийся **[9]** индеец увидел, как они начали готовить еду, принесенную с собой, как только они подошли к дому, тот, что

[795] Гарсиласо де ла Вега, книга 1, Глава 18, относительно слова «Токай».
[796] Собственно, ара (попугай).

побольше скидывая *льиклья* или накидку, носимую индейцами[797]. Когда притаившийся мужчина увидел, что они красивы, и что у них женские лица, он выбрался наружу; но как только они увидели его, то разъярились и улетели прочь, ничего не оставив поесть в тот день. Когда младший брать пришел домой с поисков пищи, и обнаружил, что ничего не готово и не приготовлено, как в предыдущий день, он спросил у брата о причине того, на что брат ему ответил; и оба были очень голодны. На следующий день младший брат решил остаться в укрытии, и понаблюдать, вернуться ли птицы. По истечении трёх дней два гуакамайо вернулись, и начали готовить еду. Человек, выжидая благоприятного случая, когда они закончат приготовление пищи, и, закрывая дверь, запереть их внутри. Птицы выказали немалую ярость; но, в то время как, их держали, меньшего, больший улетел прочь. Тогда они возымели плотских утех к меньшему, и у них от неё было шесть сыновей и дочерей. Она жила с ними долгое время на том холме, и они кормились зерном, какое сеяли, то, что принес гуакамайо. И они говорят, что от тех братьев и сестер, детей гуакамайо, пошли все *Каньяри*. От того они рассматривают *Вака-иньян*, как ваку, и они держат *гуакамайо* в превеликом почтении, и ценят их перья очень дорого, используя их на своих празднествах.

В провинции *Анкасмарка*, что в пяти лигах от Куско, в провинции *Анти-суйу*, у индейцев имеется такая сказка. Они говорят, что месяц, до того как пришел потоп, их овца выказала большую печаль, не принимая еду в дневное время и глядя на звёзды ночью. Наконец, пастух, которому они были отданы на попечение, спросил, что причиняет им боль, и они сказали, что соединение звёзд показывает, что мир будет **[10]** разрушен водой. Когда он услышал это, пастух посоветовался со своими шестью детьми, и они согласились собрать всю возможную еду и овец, и проследовать на вершину очень высокой горы, называемой *Анкасмарка*. Они говорят, что воды поднялись, гора также стала маленькой. Таким образом, шесть детей того пастуха возвратили людям провинцию. Эти и другие сказки рассказаны, каких я не привёл, дабы избежать многословия. Основная причина изобретения этих сказаний, было неведение Господа, и пребывание этих людей в язычестве и пороках. Если бы они ведали умением писать, они не были бы столь глупыми и слепыми. Тем не менее, у них очень прелестный способ считать с помощью шерстяных верёвок и узлов, шерсть же различных цветов. Они называют их *кипу*, они могут понимать так много по ним значения, что они могут давать отчет обо всех событиях, которые случились в их земле более чем в 500 лет. У них имеются знатоки-индейцы, являвшиеся мастерами в искусстве читать кипу, и знание передавалось по наследству из поколения в поколение, да так что наименьшая вещь не терялась. С помощью кипу, которые являются чем-то наподобие тех веревок, какими старухи пользуются при молитве в Испании, но только со свисающими с неё концами, так они хранят отчет о годах и месяцах, отчего не совершается

[797] Или индеанками.

ошибок в записи. Сама система стала более совершенной при Инке Юпанки, который первым начал завоёвывать эту землю, до него же Инки не продвинулись дальше окрестностей Куско, что явствует из доклада ныне пребывающему в руках вашего Преподобия. Этот Инка, оказывается, первый, кто приказал и учредил церемонии и культ. Он был тем, кто установил 12 месяцев года, давая имена каждому, и предписавший церемонии, какие должно соблюдать в каждом. Даже несмотря на то, что его предки использовали месяца и года, подсчитывая с помощью кипу, они всё ещё никогда **[11]** перед тем не упорядочили их в такой порядок, до времён этого Владыки. Он был такого блестящего разумения |человек|, что подумал о почтении и уважении, выказывавшиеся его предками Солнцу, которому аки Богу поклонялся. Он заметил, что оно никогда не отдыхает, и что оно ежедневно путешествует вокруг земли; и он сказал тем, кто в его Совете, что невозможно, чтобы Солнце было Богом, создавшим все вещи, ибо если оно было Творцом всего сущего, оно бы когда-нибудь да отдыхало, и зажгло бы весь мир из одного места. Следовательно, не может быть по-другому, но, что есть кто-то, кто управляет им, и это *Пача-Ячачи* или Создатель. Под воздействием этого рассуждения или знания, он приказал дома и храм *Кисуар-канча*[798] построить, которые находятся над домами Диего Ортиса де Гусмана[799], если идти по направлению к большой площади Куско, где Эрнан Лопес де Сеговия живёт ныне. Здесь он воздвиг золотую статую Создателя, размером с десятилетнего мальчишку. Она была сделана в виде стоящего мужчины, правая рука поднята, кисть почти закрыта, пальцы и большой палец подняты так, как будто у того, кто отдаёт приказ. Несмотря на то, что Инки ведали о Создателе всех вещей с самого начала, которому они поклонялись и которому приносили жертвы; он никогда ещё не пребывал в таком почитании, как то было со времён этого Инки, давшему наказы главам провинций на всём протяжении его владений, чтобы были ему храмы воздвигнуты, да чтобы у него имелись стада, слуги, хозяйства и участки, из которых бы обеспечивались жертвоприношения. Так же этот Инка был тем, кто воздвиг столь роскошный дом Солнца в Куско, **[12]** ибо до него он был очень маленьким и бедным. Причина этого рассказана в следующей сказке.

Они говорят, что прежде чем он унаследовал власть, он пошел однажды навестить своего отца Виракочу Инку, находившегося в *Саксавана*[800] [Sacsahuana], в пяти лигах от Куско. Как только он поднялся к источнику под названием *Сусур-пукио* [Susur-puquio][801], он увидел осколок кристалла, упавший в него, внутри которого он увидел очертания индейца такого вида. С задней части его головы исходили три отменно сияющих луча, такие как у Солнца. Змеи обвились вокруг его рук, и на его голове была *льяуту*[802] [llautu],

[798] Quisuar — это название дерева «Buddleia Incana», а cancha — место, площадь.
[799] В том месте даже в 19 веке сохранялась древняя стена с высеченными не ней змеями. Этот испанец упоминается у Гарсиласо де ла Вега.
[800] Собственно, «крепость» Саксайваман. На самом деле, это храм Солнца общины Анан Куско и всей империи.
[801] Пукиу — родник, источник. Среди вака, находящихся в предеалх Куско, и описанных Бернабе Кобо, такой источник не числится.
[802] Королевский символ власти Инков, в виде кисточки, носимой на голове.

такая как у Инки. Его уши были продырявлены, и серьги, подобные тем, что носят Инки, были вставлены в них. Он был одет также как Инка. Голова льва выступала между его ног, и на его плечах находился ещё один лев, чьи лапы кажется, обвивались вокруг плечей мужчины; в то время как змея также обвивалась вокруг плечей. Увидев это изображение человеческой фигуры, Инка Юпанки убежал, но образ призрака позвал его из источника его же именем, говоря:

— *Подойди сюда, сын мой, и не бойся, ибо я Солнце, твой отец. Ты завоюешь много народов: поэтому позаботься отплатить мне превеликим почтением, и вспоминай меня во время своих жертвоприношений.*

Потом призрак исчез, тогда как осколок кристалла остался. Инка позаботился об этом, и они говорят, что впоследствии он увидел всё, что он желал по этому поводу. Как только он стал Владыкой, он приказал сделать статую Солнца, возможно более схожую на тот образ, что он увидел в кристалле. Он отдал приказ главам всех его завоёванных провинций, чтобы они построили большие храмы, обильно всем наделённые, и повелел всем своим подданным почитать и поклоняться новому Божеству, так как они до того почитали Создателя. В повествовании о его житии, каковое имеется у Вашей Светлости, сказано, что все его завоевания

[13] были осуществлены во имя Солнца, его отца, и во имя Создателя. Именно этот Инка, который также повелел всем завоёванным им народам, хранить свои ваки в большом почтении, и умилостивить их жертвоприношениями, говоря, что таким образом они не будут приведены в ярость, не получая должное себе почтение и почитание. Он также послужил поводом культа, оказываемого грому, и у него была статуя человека, воздвигнутая из золота, в одном храме города Куско. У этой ваки также был храм, возле храма Солнца, во всех провинциях, с участками, стадами и слугами для приношения жертв. Но так как моя цель — затронуть культ и церемонии, и не иметь дело с законами и обычаями, я перейду к другим вопросам этого моего трактата. У них также были, у некоторых народов, много вак и храмов, где дьявол давал |им| ответы; и в городе Куско была вака *Ванакаури*[803] [Huanacauri]. Много всяких чародеев было в провинциях, в названиях и символах отличных один от другого. Названия и службы были следующие:

— *Кальпарику* [Calparicu], что значило «*те, кто приносит удачу, везение*», и предполагалось, что они добывают вещи, какие только захотят. С этой целью они убивали птиц, ягнят и овец, и набирая воздух лёгкими, через определённую жилку, они разгадывали некие знаки, чрез каковые они объявляли о том, что должно было случиться.

— Были и другие, называемые *Вирайпирикук* [Virapiricuc], возжигавшие на огне грудинку овцы и коку, и предсказывали, что случиться по определенным знакам, в то время как те предметы сгорали. Те, кто к ним обращался за советом, говорят, что они были наименьшим на что они

[803] Поблизости от самой Ванакаури было ещё 9 вак.

полагались, поскольку они всегда лгали. **[14]** — Иные назывались *Ачикок* [Achicoc], которые были магами, толкующие судьбы по маису и навозу овец. Они отвечали тем, кто обращался к ним за советом, согласуясь с тем, выпадет непарное или целое число.

— Другие назывались *Камаскас* [Camascas], заявлявшие, что их благодать и добродетель происходит от грома; говоря такое, когда падала молния, и один из них ударялся страшным образом, затем он приходил в себя, провозглашая, как гром показал ему искусство врачевания травами, и как отвечать тем, кто обращался к ним. Подобным манером, когда кто-то убегал от какой-то большой опасности, они говорили, что объявлялся дьявол; и те желали излечиться травами, чему их также наставляли. Поэтому многие индейцы видные знахари. Другим были ведомы ядовитые травы, и этих называли *Камаскас*.

Других звали *Йакаркаес* [Yacarcaes], и эти были жителями *Уаро* [Huaro]. У них была крепкая дружба с дьяволом, что явствует из совершаемых ими церемоний, а они таковы: они берут определённые медно-серебрянные трубки, размером с обычный аркебуз, и несколько сосудов из желтой меди |латунь?|, в которых они зажигают огонь с помощью угля, они его продувают и доводят до сильного жара, посредством трубочек. Вот в этих огнях дьявол и доносил им свои ответы, и маги говорили, что касалось это души такого-то человека или женщины, задававших какой-либо вопрос, будь то в Кито или в любом другом месте империи, завоёванной Инками. Основные вопросы, ими задаваемые были: являлся ли такой-то противником Солнца, его отца, или являлись ли такие-то ворами, убийцами или прелюбодеями. С помощью этих просьб Инка знал обо всём, что происходит в его владениях, с помощью дьявола. Эти *Йакараес* внушали сильный страх, как у Инки, так и у людей, и он брал их с собой, куда бы он не пошёл.

Были и другие маги чародеи, кому вменялись в обязанности *ваки*, среди них были и такие, кто совещался с дьяволом, все люди края исповедовались чародеям, которые занимались *ваками* и эти исповеди делались публично. **[15]** и, получив их ответы, говоря людям то, что они желали знать, но они очень редко давали верные ответы. Согласно сообщениям, какие они дают, все люди. Для того, чтобы проверить правдивость исповедей, чародеи испытывали их советуясь со знаками, и таким путём, с помощию дьявола, они раскрывали, кто исповедовался ложно, и на таких они накладывали суровые наказания. Те, кто сознавался в тяжких преступлениях, а за такие заслуживали смерти, их исповедовали тайно у чародея.

Инки и люди Куско, всегда исповедовались тайно, и в основном делали это перед теми индейцами из *Уаро*, нанятых для этого занятия. В своих исповедях они обвиняли себя в отсутствии почтения к солнцу, луне, вакам, в том, что не отмечали праздники *Райми*, те, что каждый месяц года, и всё в сердцах; предаваясь блуду (внебрачным связям) вопреки закону Инки, не притрагиваться к чужой женщине или совращать девственницу, пока ею не попользуется Инка, а не потому что прелюбодеяние было грехом. Вследствие чего они не понимали этого. Они также обвиняли себя в каком–либо

убийстве или воровстве, что мы считаем тяжкими грехами, что также было роптание, особенно если они выступали против Инки или Солнца. Они также признаются, о Преподобнейший, что до потопа люди, да и все другие вещи, были сотворены Создателем; но они несведущи в том, в каком порядке они были сотворены, или как, кроме того, что было сказано относительно *Тиаванако*. Это то, что я смог узнать, относительно их сказаний и происхождения, у всех стариков, с которыми я общался по этому вопросу. Разновидности культа и жертвоприношений, ими установленные для каждого месяца были следующими:

[16]
Май.

Они начали считать год с середины мая, на несколько дней больше или меньше, в первый день луны; сей месяц, будучи первым месяцем ихнего года, назывался *Хаука* [Hauca] и *Льуске* [Llusque][804], и они в нём справляли следующие церемонии, называемые *Ютип-Райми*[805] [Yutip-Raymi], или празднества Солнца. В этом месяце они приносили в жертву Солнцу огромное количество овец всех цветов. Те, называемые *вакар-панья* [huacar-paña], были белошерстными. Другие назывались *гуанако* [huanacos]; а ещё одни, также белошерстные, назывались *пакос-куйльос* [pacos-cuyllos]. Другие, самки с рыжеватой овечьей шерстью, назывались *паукар-пако*. Другие *пакос* назывались *уки-пако*. Другая большая овца называлась *чумпи*, за свой цвет, почти такой же, как у шкуры льва. Другая овца называлась *льянка-льама*, с черной шерстью. В это время они также приносили в жертву ягнят тех же цветов. Приношения справлялись следующим образом:

Поутру, в полдень и в полночь они шли в *Куриканча*[806], прихватив овцу, какую намеревались принести в жертву в тот день, когда обносили вокруг идолов и вак, называемых *Пунчао*[807] *Инка* [Punchao Ynca], что значит Солнце; и *Пачаячачи* [Pachayachachi], другой идол в облике человека. Слово значит Творец; и *Чуки ильаильапа*, являвшегося *вакой* грома и молнии, и удара молнии. Он также был в человеческом облике, хотя лица нельзя было разглядеть, и у него была золотая *льяуту*, и золотые серьги, и золотые же медали, называемые *канипо* [canipo]. Эти ваки были размещены на уступе, и живая овца располагалась вокруг них, в то время как Жрецы говорили:

---

[804] По Хуану де Бетансосу: Huacai quos quiqilla — май. С мая по июнь отмечается праздник Yaguayracha aymoray. По Гуаману Пома: Haucai Cusqui Quilla, — июнь.
[805] Правильнее, Интип-Райми
[806] Золотой двор.
[807] Пунчао — «день», одно из названий Солнца. Как видно из дальнейшего описания у Молины, (по Бернабе Кобо) то была Вака — высокая гора *Chuquipalta,* находившаяся возле крепости (в направлении Чинчайсуйу в секе Пайан). На горе находились три камня в виде статуй Пачаячачика, Инти-ильапы и Пунчау. Там приносились общие жертвы в виде детей (мальчиками и девочками), и маленькими фигурками из золота, сжигалась одежда и овцы. Вака считалась очень важным местом поклонения. Если учесть, что Молина говорит о приношениях лам, но не детей, то, возможно, Бернабе Кобо ошибался и неправильно понял кечуанские значения слов. О том же говорит Анонимный иезуит в своей книге «О древних обычаях жителей Пиру…», он Кобо верно определил место и соотношение вак, в отличии от Молины, смешавшего названия вак и само место.

— О Создатель, и Солнце, и Гром, будь вечно младым! не старей. Позволь всем вещам почивать в мире! Позволь **[17]** *возрастать людям в числе, и а также их пище, и позволь всему продолжать прирост.*

Эти слова были обращены к Создателю, и у Солнца они молили, чтобы оно мог быть всегда юным, и продолжало светить и сиять. Они не ведают о Солнце, как о Создателе, ибо создано оно самим Создателем. Грому и молнии они молились о том, чтобы позволило быть дождю, с тем, чтобы они могли иметь еду. Они также знали, что дождь приходит с громом и молнией по повелению Создателя.

В таком случае, утром они отправляли овцу на *Ванакаури*, являющуюся их главной *вакой*, где её забивали и сжигали *тарпунтаи*[808] [tarpuntaes], являвшиеся теми, на кого была возложена обязанность обеспечивать пищей ваки. Пока сжигалась жертва, при восходе Солнца, многие Инки и *Касики* приходили и, выдернув шерсть из жертвы, прежде чем она была сожжена, они обходил вокруг неё с шерстью в руках, выкрикивая и говоря:

— О Создатель, о Солнце, о Гром, будь вечно юн, приумножай народ, и позволь им всегда пребывать в мире.

В полдень, таким же образом, они возжигали другую во дворе *Куриканча* или доме Солнца, ныне являющегося монастырём Монахов Святого Доминика (Святого Доминго): а вечером они брали другую |овцу| на гору *Ачпиран* [Achpiran], потому что там садится Солнце, которому они приносили жертвы при тех же ритуалах. Они также возносили тем же вакам определенные большие корзины коки, называемые *павкар-рунку* [paucar-runcu], и другие, называемые *павкар-кинту* [paucar-quintu], подобно *коке*, и немного жареного маиса, и красные и желтые морские раковины, называемые *мулью* [mullu], в форме маиса. Вдобавок к этим ритуалам, в любой другой день этого месяца, они шли сжигать овцу и другие жертвы в следующих местах: на холме, называемом *Сукканка*[809] [Succanca], |и| на другой, называемый *Омото-янакаури* [Omoto-yanacauri][810], |и| на ещё один — *Ккапак-вилька* [Ccapac-uilca][811], что **[18]** в трёх лигах от *Ванакаури*, и другим, называемым *Керос-ванакаури*, *Ронтока*[812], что в *Кеварес*,[813] *Гольпата*[814] — в *Пумаканча*, в 14 лигах от города, на равнине, называемой *Йана-йана*, на другом холме, называемом *Гути*, в пуне *Пумаканчи*, и продолжая вдоль той же дороги, они приходили на следующий день к *Вильканьота*[815], что в 26 лигах от Куско. Причина, по которой выбрано это направление в этом месяце

---

[808] Жрецы. Tarpuni — глагол слова «сеять».

[809] Это вака Суканка. Представляет из себя два знаковых камня, через которые проходит Солнце. Если между ними оказалось Солнце, то это обозначало время начала сева маиса. Являлась горой, по которой протекал канал Чинчеро. У неё просили о приходе благожелательного времени для сева. Жертвовали ей овец, одежду и маленькие золотые статуэтки лам (Бернабе Кобо).

[810] Похоже, что речь идёт о Ваке: Omotourco — маленьком холме, расположенном перед *Quispicanche* в пуне или парамо (в секе Пайан в Кольясуйу).

[811] Название этой ваки не соотноситься с ваками Бернабе Кобо, хотя у него и встречается всякие составные названия с — вилька (6 штук).

[812] Скорей всего, это — *Rondoya [Runtuyan]*.

[813] Племя к Югу от Куско.

[814] Вероятно, Кольпата.

[815] Возможно, Вильканота.

в том, что они говорят, что Солнце родилось в том крае[816], и потому они шли по этой дороге, совершая жертвоприношения. На равнине возле *Рурукаче* [Rurucache] они совершали то же приношение, такое же как на горе, называемой *Сунту* [Suntu] возле *Сивана* [Sihuana] в *Кача* [Cacha], на другой горе, называемой *Кача-Виракоча* [Cacha-Uiracocha], на другой, называемой *Йакалья-вака*[817] [Yacalla-huaca], и на другой, называемой *Рурама* [Rurama], на равнине *Кикихана*[818] [Quiquijana]. То же самое делалось в *Мульипампа* [Mullipampa], в *Уркос* [Urcos], на горе, называемой Уркос *Виракоча* [Urcos Uiracocha], на равнине, называемой *Анта-вайлья*[819], на горе в *Киспиканча* [Quispicancha], и а другой, называемой *Сульканка*[820] [Sulcanca]. *Тарпунтаи* шли по одной дороге, а возвращались по другой. Инка, со всеми своими правителями, шёл к *Мантукальа* [Mantucalla, и там оставался, чтобы выпить и развлечь себя пирушкой и *таки*[821] [taquis]. Они называют этот *таки Вальина*[822] [Huallina] и это был танец с песнею, исполнявшейся четыре раза в день. Инки в одиночестве отмечали этот праздник. А *мама-куны*, женщины Солнца, подавали пить тем, кто совершал его; их собственные жены не входили в то место, где были Инки, а оставались с внешней стороны двора. Все кувшины и утварь, из коей они ели да пили, и на которой они готовили яства были из золота. Таким образом они исполняли **[19]** свои таки, называемые *Вайльина*, и тем они почитали Творца. На это празднестве они выводили две женские статуи, назвавшиеся *Пальясилью* [Pallasillu] и *Инка вилью* [Ynca uillu], облачённые в очень роскошные одеяния и маленькие золотые пластинки, называвшиеся *льанкапата* [llancapata], *сольпата* [colcapata] и *павкарунку* [paucaruncu]. Спереди они несли *сунтур-павкар* [suntur-paucar] и кое-какие крупные статуи, размером с овцу, две из золота и две из серебра, в одеяниях, покрывающих крупы, наподобие конской сбруи. Их несли на подстилках, и это делалось в память об овце, которая, как они говорят, пришла из *тамбо* с ними. Индейцы, которые несли их, были главными управителями (владыками), одетые в богатые одежды, и они называли золотые и серебряные статуи овец *коринапа* |и| *колькенапа*[823] [corinapa collquenapa]. Инка оставался в *Мантукальа* до самого конца месяца, и когда то время наступало, он шел к площади, что перед церковью Куско, называемой *вакай-пата* [uacay-pata]; дорожка, по которой он приходил, была устлана перьями птиц всевозможных цветов. Там они пил оставшуюся часть дня, а ночью он шел к себе домой. Таким образом заканчивался этот месяц.

Июнь.

[816] От Куско эта дорога идёт на восток.
[817] Возможно, это в ущелье Yancacalla.
[818] Все эти места находятся в долине Вилька-майю, выше которой проходит дорога из Куско к Титикаке.
[819] Это не Андавайлас, а долина возле Куско ныне называемая Андавалильяс.
[820] Вероятно, Сукканка.
[821] Музыкой и танцами.
[822] Правильней Huayllina — песня.
[823] Ccuri — золото, Colque — серебро, Napa— приветствие.

Месяц июнь назывался *Канай* [Canay], а по-другому — *Чаварвай* [Chahuarhuay]. Люди были полностью заняты орошением своих полей, и урегулированием вопросов распределения воды по каналам.

Июль.

Они называли месяц Июль *Моронпасса тарпуйкилья* [Moronpassa tarpuiquilla][824], и на протяжении его они отмечали празднества, называвшиеся *йавайра*, когда они просили Творца даровать им богатый урожай в том году, отчего был |тот| месяц предназначен для посева семян. Тогда совершались следующие ритуалы. *Тарпунтаи*[825], являвшиеся кем-то вроде жрецов, заботились **[20]** о посте с момента, когда сеялся маис до того времени, когда длина ростков была размером с палец. Их жены и дети также постились, не вкушая ничего на протяжении того срока, а |только| варили маис и травы. Они не пили *чичу*, а лишь мутную дрянь, называвшуюся *кончо* [concho], и не жевали *коку*. В это время года они несли небольшое количество маиса в свои *чуспас* [chuspas], которые клали в свои уста |?|. Все обычные люди отмечали праздник, называвшийся *йавайра* [yahuayra], сиё от названия пошло песни, которую они распевали и в которой умоляли Творца даровать им благополучный год. Они пели её, одетые в красные рубахи, спускающиеся до пят, но без накидок. Затем они выходили петь и танцевать на площадь, ныне называемую испанцами *Лимапампа*[826] [Limapampa], каковая находится за площадью Сан-Доминго. Здесь поутру Жрецы Создателя приносили в жертву белую овцу, маис, *коку*, разноцветные перья, морские раковины, называемые *мулью* [mullu]; умоляя Создателя даровать благополучный год и что, понеже сотворил Он все вещи из ничего и дал им бытиё, потому он соизволил бы удовлетворит их просьбу. Жрецы Солнца, и Жрецы Грома также приносили жертвы, моля Солнце даровать тепло, чтобы их еду можно было вырастить, а Гром, называемый *Чуки Ильапа* [Chuqui Yllapa], послать свои воды подсобить произрастанию, и не побивать её градом. Как только жертвоприношения завершались, работники шли на свои работы, а знать в дом правителя Инки, до тех пор, пока месяц, на их языке называвшийся *киспе*[827] [quispe], не заканчивался.

Август.

Месяц Август назывался *Койа-райми*; и в нём они отмечали *Ситуа*. Для того, чтобы совершить ритуалы этого празднества, они выносили статуи ихних вак со всех мест земли, от Кито до Чили, и ставили их в домах,

[824] Tarpuy-quilla — месяц сева.
[825] Что интересно, по Сармьенто де Гамбоа существовал также род Тарпунтай айлью из Верхнего Куско.
[826] Римак-пампа. Упоминается у Гарсиласо де ла Вега. Собственно, это вака Лимапампа из секе Пайан направления Кольасуйу являлась полем, где устраивался праздник, когда собирали маис. У ваки просили, чтобы маис хорошо хранился и не портился. По Бернабе Кобо, она находилась в чакара (поле) испанца Диего Хиля. О ваке заботился род Авайни (Haguayni).
[827] Quespi — кристалл. Драгоценный камень.

имевшихся в Куско, с целью, **[21]** о каковой мы сейчас поведаем. Причиной того, что праздник, называвшийся *Citua*, отмечался в этом месяце, было то, что начинались дожди, и с первыми дождями обычно наступала пора многочисленных заболеваний. Они молили Создателя, чтобы, на протяжении года, он соизволил защитить их от болезни, как в Куско, так и по всей земле, завоёванной Инками. В день конъюнкции луны[828], в полдень Инка со всеми главами его Совета, и другими главными управителями, находившимися в Куско, шел к *Куриканча* [Ccuricancha], являющейся домом и храмом Солнца, где они все вместе условливались, каким образом отметить праздник; для одного года они добавляли, для другого убавляли количество церемоний, согласно обстоятельствам[829].

Уладив все дела, Верховный Жрец, обращался к собранию и говорил, что церемонии *Citua* будут исполнены, что Создатель может управлять всеми болезнями и бедами края. Большое количество вооруженных людей, по-военному снаряженных, со своими копьями, приходили затем к площади, что перед храмом. Статуи, называвшиеся *Чукилья*[830] [Chuquilla] и *Виракоча*[831] [Uiracocha], выносились к храму Солнца из своих собственных особых храмов в *Пукамарка*[832] [Puca-marca] и *Кивар-канча*[833] [Quihuar-cancha], которые ныне являются домами Доньи Исабель де Бобадилья [Doña Ysabel de Bobadilla]. Жрецы этих вак созывали сборы, и, при полном собрании присутствующих, жрец Солнца объявлял праздник. Первое, все чужеземцы, все у кого разорваны уши, и все калеки высылались из города, это, говорят, потому, что они не будут принимать участие в церемониях, ибо они были приравнены наказанным за всякие провинности. Несчастливые люди не должны присутствовать; полагали |так|, потому что их неудача может отвадить |даже| малую толику доброй удачи. Они также выпроваживали собак, чтобы они не могли выть. Затем люди, вооруженные по-военному, шли на площадь Куско **[22]** выкрикивая:

— *О болезни, заболевания, несчастья и опасности идите прочь из края.*

Посреди площади, где стояла золотая погребальная урна, наподобие фонтана, использовавшегося в качестве жертвоприношения чичи, собиралось 400 солдат. Сто — обращенные лицом к *Кольа-суйу*, что в направлении к Восходу Солнца. Сто — лицом на запад, в направлении *Чинчасуйу*. Другая сотня смотрела в сторону *Антисуйу*, что на север, и последняя сотня была обращена к югу. У них с собой было всё ихнее вооружение, используемое на войне. Как только те, кто пришел из храма Солнца, прибывали на площадь, они выкрикивали и говорили:

---

[828] В оригинале: On the day of the conjunction of the moon — но не указано, с каким небесным телом соединяется Луна. Речь идёт о Новолунии.
[829] Т.е. небесным явлениям.
[830] Гром.
[831] Творец.
[832] Было как раз две ваки Пукамарка (по Бернабе Кобо): из секе Кайао, направления Чинчайсуйу. Находилась в домах, позже принадлежавших лиценциату; Антонио де ла Гама. Являлась храмом, в котором находился идол Грома, называемый Chucuylla. Из секе Кольана, направления Чинчайсуйу. Была домом или храмом, предназначенному для жертвоприношений Pachayachachic. Ему жертвовали детей и всё остальное.
[833] О такой ваке Бернабе Кобо не упоминает. Либо ошибся он либо Молина в названиях вак или мест их раположения.

— Идите прочь[834] *несчастья все.*

Тогда все четыре группы шли вперёд на предназначенные для них места. Те, что относились к |группе| *Кольасуйу*, отправлялись с большой скоростью и бежали к *Ангостура* у *Акоя-пунку* [Augostura de Acoya-puncu], что в двух коротких лигах от Куско, выкрикивая на бегу «Идите прочь несчастья все». Люди из *Увин-Куско*[835] [Huvin-Cuzco] неслись с этими выкриками, и там они разносили их аж до митимаев *Вайпариа* [Huayparya], которые по их возвращении переходили к митимаям *Антавайльи* [Antahuaylla], и таким образом от них переходило к митимаям из *Варай-пача* [Huaray-pacha], которые продолжили их аж до самой реки *Кикисана* [Quiquisana], где они мыли себя и своё оружие. Вот так это выкрикивание заканчивалось в том направлении. Индейцы, передававшие выкрики вдоль Кольа-суйу по дороге из Куско, были из рода *Уска Майта Айлью*[836] [Usca Mayta Ayllu], *Йапомайу Айлью*[837] [Yapomayu Ayllu], *Йавайми́н Айлью Сутик*[838] [Yahuaymin Ayllu Sutic] и *Марасайлья Куйнисса Айлью*[839] [Marasaylla Cuynissa Ayllu].

Те, кто выходил на запад, что в сторону *Чинчасуйу*, выкрикивая на тот же манер, были из рода *Капак Айлью*[840] [Ccapac Ayllu], и *Атун Айлью*[841] [Hatun Ayllu], *Викакирав*[842] [Vicaquirau] и *Чамин-Куско Айлью*[843] [Chamin-Cuzco Ayllu], и *Йарайку Айлью*[844] [Yaraycu Ayllu]. Эти шли, выкрикивая до самой *Саптина* [Saptina], что будет чуть меньше одной лиги **[23]** от Куско. Там они передавали выкрики митимаям из *Хакихавана* [Jaquijahuana][845], а те разносили их до митимаев из *Тилька* [Tilca], что над *Марка-васи* [Marca-huasi], около 10 лиг от Куско, они разносили их до реки *Апуримак* [Apurimac], где они купались и мыли свои одежды и оружие. Те, кто разносил возгласы в направлении *Антисуйу*, были из следующих родов: *Уска-панака Айлью*[846] [Usca-panaca Ayllu], *Авкальи Айлью*[847] [Aucaylli Ayllu], *Тарпунтай Айлью*[848] [Tarpuntay Ayllu] и *Санью Айлью*[849] [Sañu Ayllu]. Они

---

[834] Дословно «идите вперёд, наружу».
[835] В оригинале явная опечатка, должно быть Урин-Куско.
[836] Потомки Инки Майта Капака из Нижнего Куско.
[837] Явная ошибка. Должно быть: Апу Майта Панака айлью из Нижнего Куско — берёт начало от 5-го Инки — Капака Юпанки.
[838] Здесь идёт речь либо о двух либо об одном роде, поскольку по Сармьенто де Гамбоа существовал род Сутик-токко айлью — от племени Тампус и Сутик-токко: одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[839] Здесь явная ошибка, это не один, а два рода: Марас айлью — от племени Марас и Куйкуса айлью (по Сармьенто де Гамбоа). Оба из числа 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[840] Потомки Тупака Инки Юпанки, 10 Инки, из Верхнего Куско.
[841] Великий Род — он же Иньака Панака айлью из Верхнего Куско; происходит от Пачакути, 9-го Инки
[842] Потомки Инки Рокка, 6-го Инки. — Викакирау панака айлью (Сутик-токко) из Верхнего Куско было реформировано при Пачакутеке (по Сармьенто де Гамбоа). Встает вопрос, почему Сутик-токко у Молины идёт отдельным айлью. Возможно, его реформа как раз и заключалась в каких-то объеденениях родов.
[843] В оригинале явная ошибка, должно быть Чавин-Куско Айлью и Верхнего Куско, произошло от легендарного Аяр Качи, третьего брата Манко Капака. Одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[844] Похоже, опечатка или ошибка. Должно быть Аярака айлью из Верхнего Куско, происходило от легендарного Аяр Учу (занимавшегося религией), четвертого брата Манко Капака. В честь Аяр Учу на горе Ванакаури установлена вака, где он похоронен. Одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[845] Это либо Sacsahuana либо Xaquixaquana.
[846] Возможно, это Соксо Панака Айлью, по Сармьенто де Гамбоа. Берет начало от Виракочи, 8-го Инки; из Верхнего Куско.
[847] Берет начало от 7-го Инки — Титу Куси Вальпа, он же Явар Вакак Инка Юпанки; из Верхнего Куско.
[848] Из Верхнего Куско. Одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[849] Или, по Сармьенто де Гамбоа, Саньок Айлью из Верхнего Куско. Одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.

бежали до *Чита*, находящейся в полутора лигах от Куско, передавали их митимаям из *Писака*, те что от *Койи* и *Паулью*[850], а те несли их дальше к реке *Писак*, и там они купались и омывали своё оружие.

Те, кто шел в сторону *Кунти-суйу*, были из следующих родов: *Йаура-панака*[851] *Айлью*[852] [Yaura-panaca Ayllu], и *Чина-панака Айлью*[853] [China-panaca Ayllu], и *Маска-панака Айлью*[854] [Masca-panaca Ayllu], и *Кеско Айлью*[855] [Quesco Ayllu]. Они бежали до *Чурикальа* [Churicalla], то в двух лигах от Куско, и там доносили их до митимаев *Йаурискис* [Yaurisquis], что будет в 3 лигах от Куско. Они передавали их тем, что из *Таутар*, что в 4 лигах от Куско, разносивших их до реки *Кусипампа*, где монахи из ла Мерсед имеют себе пристанище. Это в 7 лигах от Куско, и там они купаются и омывают своё оружие[856].

Такова была церемония изгнания заболеваний из Куско. Причина их купаний в этих реках была в том, что реки эти были в большом почёте, и считалось, что они сами впадают в море, и уносят несчастья с собой. Когда в Куско начинались церемонии, все люди, от мала до велика, приходили к его воротам, выкрикивая, **[24]** потрясая своими накидками и *льикльями*, и возглашая:

— Да будут изгнаны несчастья. Как желаем был для нас этот праздник. О Создатель всех вещей, позволь нам застать следующий год, чтобы мы могли увидеть следующий праздник, такой как этот.

Они все танцевали, включая Инку, и в утренних сумерках они шли к рекам и родникам мыться, говоря, чтобы их болезни вышли из них. Окончив омовение, они брали факелы из соломы, обвязанные веревками, чтобы подсвечивать им и продолжать играть с ними, передавая их от одного к другому. Они называли эти соломенные факелы *панкурку* [pancurcu]. По окончании их праздника они возвращались в свои дома, и к тому времени запеканка из грубого помола маиса была уже приготовлена, называвшаяся *санку* и *эльба*. Ими они прикасались к своим лицам, к перемычкам дверей и к местам, где они держали свои продукты и одежды. Затем они несли *санку* к родникам, и забрасывали её в них, приговаривая:

— Да будем мы освобождены от болезней, и да не смогут болезни войти в этот дом.

Они также отправляли этот *санку* к своим родичам и друзьям с тою же целью, и прикладывали её на тела своих покойников, чтобы они также могли насладиться благами празднества. Потом женщины ели и пили свои яства с

---

[850] Койа — принцесса, Паулью — сын Инки Вайна Капака.Они были правителями Писакских вассалов, когда Молина писал свой труд.
[851] Слово Панака — это обозначение рода. Возможно происходит от слова «пана» — сестра брата.
[852] Возможно, это Оро айлью — Одно из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[853] По Сармьенто де Гамбоа, должно быть: Чима Панака Айлью, берет начало от сына Манко Капака, 1-го Инки — Чима; из Нижнего Куско.
[854] Один из 10 родов, пришедших в Куско с Манко Капаком.
[855] Единственный род, который не идентифицируется с родами, перечисленынми у Сармьенто де Гамбоа. Об этом роде Киско (Quisco) упоминает Бернабе Кобо, говоря, что он заботлися о секе Кайао в Кунтисуйу. В секе вхдили такие Ваки: *Cotacari*, *Pillochuri, Payllallauto, Ravaraya.* Также была вака Киско, в секе Кольана, Чинчайсуйу. Была ещё гора Киско, на которой находилась вака *Cascasayba* в секе Пайан в Антисуйу.
[856] Эти же церемонии описывает Инка Гарсиласо де ла Вега.

превеликим удовольствием; и в этот день каждый человек, каким бы он ни был бедным, должен был есть и пить, дабы они сказали, что в этот день они получат для себя удовольствие, даже если весь остаток года они должны были провести в трудах и печали. В этот день никто не бранил своих соседей, и не высказывал слов, приводящих в ярость, и никто не заявлял, что присвоено |что-либо| было им у кого-нибудь другого. Они говорили, что будет беда и раздор на весь год, если что-либо |такое| началось в день праздника.

Ночью, статуи Солнца, Творца, и Грома, выносились наружу, и жрецы каждой из этих статуй, согревали их ранее упомянутым *санку*. Утром они несли наилучшую еду, какую могли приготовить в качестве дара в храмы Творца, Солнца

[25] и Грома; которые жрецы тех вак получали и сжигали. Они также выносили тела умерших правителей и сеньор, которые были забальзамированы, каждое такое выносило лицо из его же рода, коему было это возложено в обязанность. На протяжении ночи эти тела омывались в банях, принадлежавших им, когда они были живы. Затем их относили обратно в свои дома, и разогревали той же запеканкой из грубого помола, называемой *санку* [çancu][857]; и кушания, самые изысканные у них, когда те были живыми, ставились перед ними и за теми лицами, кому были вменены в обязанность тела, сжигали яства. Персоны, которые заботились о ваке, называвшейся *Гуанакаусике* [Guanacaucique][858], являющуюся большой человеческой статуей, омывали её и согревали её с помощью *санку*; и главный Инка, правитель и его жена, после того, как они окончили прием своих бань, клали тот же *санку* в его доме и ему на руки. Потом они клали определённые перья птицы, называемой *пиалько,* переливавшуюся цветами, на их (свои?) головы. То же самое делалось со статуей Создателя, и те, кто заботился об этом, называли эту церемонию *Пилькояку* [Pilcoyacu]. В восемь или девять часов утра главный правитель Инка, со своей женой, и управителями Совета, бывшие у него дома, выходили на площадь Куско роскошно одетыми. Они также выносили изображение Солнца, называемое *Апупунчау* [Apupunchau][859], являвшееся главным изображением из числа тех, |что| в храме. Их сопровождали все жрецы Солнца, которые несли две золотые статуи, а также их женщины, называвшиеся *Инка-Окльо* [Ynca-Ocllo] и *Палья-Окльо* [Palla-Ocllo]. Туда также выходила женщина, называвшаяся *Койа-факсса* [Coya-facssa][860], посвященная Солнцу. Она была либо сестрой либо дочерью правителя. Жрецы несли образ Солнца, и ставили его на скамеечку, заготовленную для того на площади. Жрецы Создателя подобным же образом выносили его изображение, и клали его в положенном для того месте. Точно также делали жрецы Грома, называвшегося **[26]** *Чуки-ильа*, вынося его образ. У каждого была своя золотая скамеечка, и пред ними

[857] Ранее и далее в тексте она записана как *sancu*.
[858] Т.е. Ванакаури.
[859] Apu-ppunchau — Владыка дня.
[860] Возможно, это слово с опечаткой, поскольку использованы не характерные для кечуа звуки.

проносили *йаурис* [yauris], сделанных наподобие золотых скипетров. Жрецы этих вак приходили в роскошнейших одеяниях отметить этот праздник. Те, кто заботился о ваке, называвшейся *Ванакаури*, также нёс свои статуи на площадь. Они говорят, что женщина никогда не назначалась на службу ваке Творца. Считалось, что Творец не нуждается в женщине, потому что, раз он создал их, они все принадлежали ему. Во всех их жертвоприношениях, первое приносилось Творцу. На это празднество они выносили все забальзамированные тела своих правителей и дам, роскошно украшенных. Тела выносились потомками соответствующих родов, и размещались на площади на золотых сидениях[861], в порядке таком, в каком они жили. Все люди Куско выходили, согласно своим племенам и родам, так изысканно одетыми, как то позволяли им их средства; и осуществив поклонение Творцу, Солнцу и правителю Инке, они усаживались на свои скамейки, каждый в соответствии со своим положением, жители *Анан-Куско*, будучи по одну сторону, а жители *Урин-Куско* — по другую. Они проводили день в кушаньях и питиях, и развлекаясь; и они исполняли *таки*, называвшиеся *аланситуа* саки [alancitua saqui], в красных рубахах, доходящих до пят, и в венках, называвшихся *пилько-каса* [pilco-casa], на своих головах; они подыгрывали себе на длинных или коротких трубках из тростника, сделанных наподобие музыкальных, называвшихся *тика-тика* [tica-tica]. Они благодарили Творца за то, что они позволил им увидеть тот день, и молили о том, чтобы они могли провести еще год не болея; и они то же самое просили у Солнца и Грома. Инка приходил с ними, имея солнце пред собою. У него был большой золотой кувшин с *чичей*. Его получал жрец, опорожнявший его в погребальную урну, которая, как было сказано, была наподобие каменного фонтана, покрытого золотом. У этой урны было отверстие, сделанное таким образом, что чича могла попасть в трубопровод или сточную трубу, протекая под землёй **[27]** к домам Солнца[862], Грома и Творца. Жрецы шли процессией, и роды *Урин* и *Анан Куско*, каждый с телами забальзамированных своих предков. Они проводят этот день подобно уже описанному, а вечером они относят обратно Солнце и другие ваки в свои храмы, и забальзамированные тела в свои дома. Инки и остальные люди также возвращаются в свои дома.

На следующий день они все приходят на большую площадь, соблюдая тот же порядок, расставляя ваки на их скамеечки, как и прежде. Инка и народ вели с ним очень много отар, со всех четырёх четвертей |Тавантинсуйу|: из *Кольа-суйу, Чинча-суйу, Анти-суйу* и *Кунти-суйу*. Количество животных было так велико, согласно тем, кто об этом сообщал, что они составляли более 100000, и было необходимо, чтобы все были без единого пятнышка или дефекта, и с руном никогда не стриженным. Жрец Солнца лично отбирал четырёх самых лучших, и приносил их в жертву следующим образом: одну жертвовали Создателю, другую — Грому, иную — Солнцу, а ещё одну — *Ванакаури*. Когда это жертвоприношение было совершено, у жреца имелись

[861] Т.е. тиана.
[862] Об этом также пишет Гарсиласо де ла Вега.

санку на больших золотых блюдцах, и он обрызгивал их кровью овец. Белошерстных овец звали *кулью* [cuyllu], блюда же с *санку* находились перед скамеечкой Солнца. Верховный жрец затем произносил, так громко, чтобы все могли слышать:

— *Обрати внимание, как ты ешь эту* санку*; того, кто ест её во грехе, и с удвоенной охотой и желанием*[863]*, то видно отцом нашим, Солнцем, который накажет его тяжкими бедами. Но тот, кто отведывает её с одним сердцем, тому Солнце и Гром выкажут благоволение, и дарują детей и счастливые года да изобилие, и всё, что ему требуется.*

Затем они все поднимались, чтобы отведать, перво-наперво совершив торжественную клятву, прежде чем есть *йавар-санку* [yahuar-sancu], в которой они обещали никогда **[28]** роптать на Творца, Солнце или Гром; никогда не предавать своего правителя Инку, под страхом получить осуждение или неприятности. Жрец Солнца затем брал тремя пальцами столько |санку|, сколько мог ими удержать, клал в свои уста, и возвращался на своё место. Точно также и на манер принесения клятвы все племена поднимались, и таким образом все отведывали |йавар-санку| до единого, вплоть до малых детей. Все они оставляли немного этого *йавар-санку* для тех, кто отсутствовал, и отсылали часть тем, кто страдал в своих постелях от болезни; они верили, что то превеликое несчастье для каждого, кто не отведал *йавар-санку* в тот день. Они брали её с такой осторожностью, что не позволено было и крупицы уронить на землю, ибо в сём усматривался великий грех. Когда они забивали жертвенную овцу, они вынимали легкие и надували их воздухом, и жрецы судили, по определенным на них знакам, окажутся ли благополучным следующий год или нет. Потом они сжигали их пред Создателем, Солнцем и Громом. Тела овец разделывались и раздавались, как предметы весьма священные, малюсенькими кусочками каждому человеку. Остальное отдавалось людям Куско, дабы съесть то, и каждый человек, понеже он пришел на площадь выдергивал клок шерсти, чем и приносил жертву Солнцу. Когда они разделяли овцу, жрецы возносили следующие молитвы.

Молитва Создателю.

Aticsi-Uiracochan[caylla] caylla-Uiracochan tocapo ac nupo viracochan camachurac caricachun huarmicachun iris pallurac rurac camas cayqui churascaiqui casilla quespilla canca mu sac maipimcanqui ahuapichu ucupichu pusupichu llantupichu huyarihuay hayniquay yuihuay ytaypachacata haycaypacha-

О Творец! |О подчиняющий себе Виракоча! Вездесущый Виракоча!| Ты, коему равных нет до пределов земли! Ты, дарующий жизнь и силу роду человеческому, говоря, да будет сей мужчиной и да будет сия женщиной. И понеже говоришь ты, следовательно жизнь даёшь и соизволяешь, чтобы люди

[863] В оригинале «с убвоенным сердцем». Далее обыгрывается эта фраза по отношению «одного сердца».

[29]

cama canca chihuay marcarihuay hatallihuay caycustayri chasquihuay may piscapapas Uiracochaya.

жили во здравии и мире, и в безопасности:

— Ты, обитающий на самых высотах неба, во грохоте и буре облаков, услышь нас! И даруй нам вечную жизнь. Оберегай нас своею опекою, и прими эту нашу жертву, каковая порадует тебя, о Творец!

Другая молитва о плодоносных стадах.

Uiracochan apacochan titu-Uiracochan hualpai huana-Uiracochan toparo acnipo Uiracochan runayachachachuchun hucermayachachachun mirachun llactapachacasilla quispillacachun cam as-cayqui taquacaycha yatalliymay Pachacama haycay Pachacama.

О Творец! творящий дива дивные. О наимилосернейший и всемогущий Творец! приумножь наши стада и заставь их породить молодняк, дозволь краю и далее пребывать в мире и безопасности, и эти, что тобою сотворены, прими в руки свои.

Молитва Вакам.

Coy [caylla] Uiracochan ticçi Uiracochan hapacochan hualpai huanaUiracochan chanca-Uiracochan acsa-Uiraoochan atun-Uiraoochan caylla-Uiracochan tacancuna hunichic llaularuna y achacuc ccarac hahuay pihucupi Puris papas.

О Творец, возникший одновременно с миром! О Чанка-Виракоча! О Атун-Виракоча! Удовлетворите нашу молитву, чтобы ты, вместе с Творцом, здравие и благополучие дал людям.

Чанка-Виракоча была *вакой* в *Чуки-чака*, откуда был Манко Инка. *Атун-Виракоча* — это в *ваке* из *Уркос*; это там, где был орёл и сокол, высеченный из камня при входе к этой *ваке*, и образ человека в белом одеянии до пят, и спускающемся к его талии. *Апотин-Виракоча* — это в *Амайбамба*, что находится за *Тампу*. *Урусайна-Виракоча* — в том же самом месте. *Чуки-чанка-Виракоча* — это в *Вайпау*.

[30]

Другая молитва.

O Uiracochan cusiussapochay lipo-Uiracochaya runacay

О счастливейший и благосклонный Создатель, милосердие и

amaycay miruna yana huaccha quisaruna yquicauras cayquichuras cayquicasiquis-pilla camachun huarmay huanchurin huanchin cauta amaquaquinta huarya yaichichuruay buaaa causachun mana alleas pamana pitispa mucumuchun. Upia muchun.

сострадание имеющий над всеми людьми, тобою сотворёнными. Сохрани твоих бедных слуг во здравии. Сподобь их да ихних детей идти прямою дорогою, не думая о зле. Позволь, чтобы они могли прожить долгую жизнь, и не умирали в юности своей, и чтобы они могли жить и вкушать в мире.

Другая молитва.

O Uiracochay [atic]a ticçi Uiracochaya hualparillac camacchurac cay hurin pacha pimicuchun upiachun ñispachurascay quictacamascay quita micuynin yachachun papacara ytaymana micuncancachun ñis-cayqui tacamachic michachic mana muchuncunpac mana muchuspacau yñincampac amacaçachunchu amachupichupichichunchu casilla huacaychamuy.

О Творец! Владыка пределов земных! О наимилосерднейший! Ты, дающий жизнь всем вещам, и сотворивший людей, чтобы они могли жить, и есть, и размножаться. Умножь также плоды земли, папас и другую пищу, тобою сотворённую, чтобы люди могли |жить,| не испытывая нужды и голода. О сохрани плоды земли от мороза, и сохрани нас в мире и безопасности.

Молитва Солнцу.

Uiracocha yapinchau cachuntutacachun ñispac nicpacarichun yllarichun ñispac nicpunchaochuri yquicta casillacta quispillacta purichic runarunascay quicta cauchay uncancampac Uiracocbaya casilla quispilla punchau yncarunayanani uhiscayquita quillari canchari amahuncochispa amananu chispa cacicta quispicha huacus-chaspa.

О Творец! Ты, дающий бытиё Солнцу, и сказавший затем: да будет день и ночь. Подними его и заставь его сиять, и сохрани то, что тобою создано, чтобы оно могло даровать свет людям. Даруй сиё, о Творец!

О Солнце! Ты, пребывающее в мире и безопасности, сияй над нами, оберегай нас от болезни, и храни нас во здравии и безопасности.

[31]

Молитва Инке.

A-Uiracochan ticçi-Uiracochan

О благочестивый Творец,

hualpa y huana-Uiracochan atun-Uiracochan Tarapaca-Uiracochan capaccachun Yncacachun nispachucapac churaspac quicta Ynca camascayquita

caaillacta quispullacta Huacaychamuy runan yanapya chachuchun accari punari usachun

ymaypacha cama ama allcachispa churinta mitanta quanpas

huacay chay chaycaçillacta uiracu-chaya.

повелевавший и находивший нужным, чтобы был Повелитель Инка, воздай Инке, чтобы он мог пребывать в мире, со своими слугами и вассалами, чтобы он мог добиться победы над своими врагами и всегда был победителем. Не урезай дни его, и дни его детей, и даруй им мир, о Творец!

Другая молитва.

Uiracochaya qualpay huanaUiracochaya ninacta casi quispillacta capac Ynca-churi yquiguarmayqui pacamascayqui huacay chamuchun hatallimuchun

pachachacara runa llama micuy

paycaptin yacachun ccapac Ynca

camascayquita Uiracochaya ayni

huni marcari hatalli ymaypachacama.

О Творец! Соизволь, чтобы подданные Инки могли пребывать в мире, пока твой сын Инка живёт, коему сказал ты: Будь Владыкой! Сподобь, чтобы они могли размножаться. Сохрани их в мире, пусть их дни будут благополучными, пусть их урожаи с полей возрастут; и держи этого Владыку Инку в руке своей во веки веков, о Творец!

Другая молитва.

Pachacama casillacta quispillacta Ccapac Ynca huahuay quicta marcari atalli.

О Творец мира, храни своё дитя Инку в мире и безопасность над ним |сохрани|.

Молитва всем Инкам.

Apunchau Ynca Yutiryayay

Cuzco tampu cachun aticoclla

saccoccachun ñispa churac camac

muchas-cay quicusiquispu cachun amatisca amalla sasca

[32]

cachunchu aticuc paclla sacapac

camascayqui churascayqui.

О Солнце! Ты, сказавший: «пусть там будут Куско и Тампу», позволь, чтобы эти твои дети могли завоевать всех других людей. Мы заклинаем тебя, чтобы твои дети

Инки могли быть завоевателями всегда, для сего ты сотворил их.

Молитва всем Вакам.

O pachachulla Uiracochan ucuhulla Uiracocban huaca-vilcacachun nispacamacatu napahuay pihuana tayna allastu Uiracochaya hurinpacha anacpacha
cachun nispa nicocupa chapipuca umacta churachay nihuay hunibuay quispicasica musac Uiracochaya micuy niocmin cacyoc
curayoc llamayoc ytayna yochaycaymayoc amacacharihuay
cuchuy maymana aycay mana chiquimanta catuiman manta nacasca hustusca amusca manta.

О священные Ваки, прародители, великие предки и праотцы! О Атун-any! О Вальпа-ванатайва! О Any Альясту! вознесите нас поближе к Создателю, нас, твоих сыновей, и наших детей, чтобы они могли быть счастливы и поближе к Создателю, каков ты еси.

Когда они распределили отары, овец забивалось в превеликом множестве, чтобы съесть их в тот день. Потом в большом количестве приносилась чича на площадь, из хранилищ, где она хранилась. Она была сделана из варёного белого маиса, в долине Куско. Отары, использованные на этом празднестве, были собственностью Создателя, Солнца и Грома, с их участков, разделенных по всем провинциям Перу. Закончив с яствами и веселием, они исполняли свои *таки*, и выпивали подобно тому, как делали то в предыдущий день. Сиё продолжалось четыре дня. Первый день назывался *Cитуа*, и это было тогда, когда они ели *санку*, называвшуюся *йавар-санку*. Второй день был посвящен Творцу, Солнцу и Грому, когда они совершали жертвоприношения, и жрец возносил |молитвы| в честь Инки. Четвёртый день был |посвящен| Луне и Земле, когда приносились обычные жертвы и возносились |обычные| молитвы. На следующий день люди всех **[33]** народностей, подчинённые Инками, приходили со своими *ваками* и в роскошнейших одеяниях, для каждого края особые, чтобы они могли удовлетворить[864]. Жрецы, заботившиеся о ваках, несли их на носилках. Когда они входили на площадь, двигаясь по направлению из четырёх уже упомянутых *Суйу*, они осуществляли поклоны Творцу, Солнцу и Грому, и *Ванакаури*, ваке Инков, а затем те же самые поклоны давали Инке, находившегося во время того важного события на площади. Откланявшись, они проследовали к установленным для них местам, и, хорошенько потеснившись, роды *Анан-Куско* и *Урин-Куско* образовывали одно целое, и таким образом оставляли больше пустого места на площади. Как только все люди распределились по своим местам, Верховный Жрец Солнца обрызгивал большое количество *санку* кровью, а касики поднимались, соблюдая ихний порядок, и повторяли следующее:

[864] Или «свести вместе».

Молитва Творцу.

Aticçi Uiracochan caylla Uiracochan tocapu acnipu Uiracochan camac churac carica chuyu-armicachun nispallutac rurac camascay quichuras cayquica-silla quispilla causamus ay may-pincanqui ahuapichu ucupichu llantupichu uyarihua ayrihuay ynihuay ymay pachacamac cançachihuay marcallihuay attollihuay caycoscay tarichasquihuay may picaspapas Uiracochaya.	*О Творец! |О покоряющий Виракоча! Вечно сущий (caylla) Виракоча!| Ты, пребывающий в пределах земных, не имеющий равных! Ты, дающий жизнь и отвагу мужчинам, говоря, «Да будет этот мужчиной!» и женщине, говоря, «Да будет эта женщиной!» Ты сотворяющий их и дарующий им бытиё! Следи за ними, чтобы они могли жить во здравии и мире. Ты, сущий на небеси вышних, и посерёд облаков бушующих, даруй сему долгие лета, и прими эту жертву, о Творец!*

Затем Жрец Солнца раздавал *санку*, после этого люди ели овчину, принесённую в жертву Творцу, Солнцу и Грому. **[34]** Каждая народность проводила остаток дня в исполнении таки и в распевании песен и танцах, по обычаю ихних стран, до того как они были завоёваны Инками. В этот день всем калека, ранее изгнанным из Куско, дозволялось присоединиться к празднику. Эта часть празднества длилась два дня и по её завершении, вечером, они сжигали жертвенную овцу, и огромное количество разноцветной одежды. Затем те, кто должен был возвращаться к себе домой, просили разрешения у Создателя, Солнца, Грома и Инки, даровавший им таковое, и они оставляли в Куско ваки, принесённые ими в том году. Они возвращались по своим домам со своими *ваками*, какие они принесли на праздник в прошлом году, и, в вознаграждение за их беспокойство, а именно, придя с таких далёких расстояний, их вожди получали золото и серебро и одежды и слуг, и разрешение ездить на носилках. Их вакам также даровались поместья и обслуга для работ на них, и так они возвращались в свои дома.

Выдумавшим этот праздник[865] был Инка Юпанки, во всяком случае он учредил вышеупомянутые церемонии, хотя он отмечался со времён, когда там когда-либо были Инки, совершался он не вышеназванным образом. Остаток месяца проводил, кто как находил уместным или как ему больше нравилось. Такой же праздник, называвшийся *Citua*, отмечался в столицах всех провинций, инкскими губернаторами, где бы они не находились: и несмотря на то, что церемонии были менее пышными, а жертвоприношений меньше, не пренебрегали ни одной частью праздника.

[865] Такой же праздник, почти теми же словами описывается у Гарсиласо де ла Вега, равно как и следующий, из чего можно сделать вывод, что Гарсиласо явно его позаимствовал, возможно, даже у Молины.

Сентябрь.

Они называли месяц Сентябрь *Ума-Райми* [Uma-Raymi], потому что индейцы из Ума, что в двух лигах от Куско, отмечали праздник *Варачильо* [Hurachillo][866]. Это было важное событие, **[35]** когда юношей признавали рыцарями, и когда им прокалывали уши, о чём мы упомянем в соответствующем месте. Женщины Куско, чьи сыновья должны были подвергнуться прокалыванию ушей, и совершить *варачику*, проводили своё время в пошиве одежд, в которые их сыновья должны были быть одетыми в праздничный день *варачику*. Некоторые родственники сходились помочь им в шитье, и в веселии и питье на несколько дней к ним домой: и тем месяц заканчивался.

Октябрь.

Они называли месяц Октябрь — *Айа Марка Райми* [Aya Marca Raymi], потому что индейцы из селения *Айамарка* [Ayamarca] совершали празднества *варачику*, а юноши того племени прокалывали свои уши, и признавались рыцарями, сопровождая следующими церемониями. В Куско, люди занимались приготовлением большого количества чичи для праздника *Капак-Райми* [*Ссарас Raymi*]. Это заготовка чичи называлась *канторай* [*cantoray*]. Юноши, кому предстояло получить своё оружие, шли к ваке, называемой *Ванакаури*, принести жертвоприношение да испросить разрешения получить рыцарское |звание|. Для сего существовала их главная *вака*, брат, как они говорили, Манко Капака [Manco Ссарас], от коего они вели род. Но, чтобы избежать многословия, я не стану приводить придание касательно этой ваки, отсылая к сообщению о ней в истории Инков, которую я написал. Юноши, вооруженные рыцарями, проводили ту ночь на холме *Ванакаури*[867], где держали ваку, в память о путешествии, какое их предки начали с того места. На следующий день, они возвращались в послеполуденное время, неся с собой ноши соломы, на которых их родители и родственники могли бы присесть. В этот день юноши постились; и месяц проводили в приготовлении множества видов чичи для празднества. В это время, и даже на протяжении всего года, жрецы Творца, Солнца и Грома, и те, кто заботился о ваке **[36]** *Ванакаури*, три дня совершали жертвоприношения; принося в качестве жертв три овцы: одну — утром, одну — в полдень, а третью — ночью, вместе с другой едой, посвященной этим божествам. Вакам полагалось потреблять это там, где они находились; но они несли еду на холмы во время праздника *Интик-райми* [Yntic-raymi]. Лица, заботившиеся о забальзамированных телах, также никогда не выходили наружу, чтобы принести им |телам| еду в жертву, а наливали чичу, посвященную им, как то было в обычае у них, когда те были живы. Эти потребляли, потому что они считают за самую истину, учение о бессмертии

[866] Т.е. Варачику (Huarachicu).
[867] У Гарсиласо де ла Веги также отведена целые глав (XXIV-XXVII) на этот праздник.

души, и они говорили, что где бы ни была душа, она получит еду и съесть её, как если бы была жива. Тем и заканчивался этот месяц.

Ноябрь.

Месяц Ноябрь назывался *Капак-Райми* [Ccapac Raymi], что значит Праздник Правителя Инки. Это был один из трёх главных праздников года. В этом месяце они вручали оружие юношам, прокалывали им уши, и давали им штаны, которые на их языке называются *вара*[868] [*huara*]. Для названного праздника, и для вооружения в рыцари, в течение первых восьми дней, все родители и родственники тех, кому предстояло получить рыцарское звание, были заняты изготовлением *усутас* [*usutas*], которые были их обувью, сделанной из очень мелких тростников, почти золотого цвета; и |изготовлением| *варакас*[869] [*huaracas*] — из овечьих сухожилий; и вышиванием украшений на рубахах, в каких они должны были появиться, когда шли к ваке, называемой *Ванакаури Чумпикасико* [Huanacauri Chumpicasico]. Рубахи были сделаны из превосходной желтой шерсти, с каймой из изысканной черной шерсти, похожей на шелк, чуть более полутора пядей[870] в ширину. Они также носили накидки, называвшиеся *супайколья* [*supayacolla*], которые были из белой шерсти, длинные и узкие, не более 2 пядей в ширину, но достигающие колен. Они прикреплялись вокруг шеи узелком, откуда свисал шерстяной шнурок, на конце которого была красная кисточка. *Льяуты* [*llautus*], которые им одевали в тот день, были черного цвета. **[37]** На девятый день утром они все отправлялись на площадь, как родители тех, кому предстояло стать рыцарями, так и родственники. Родители и родственники одевались в особые одежды, называвшиеся *колька-унку* [*collca-uncu*][871]. Это была особенная праздничная одежда. По такому важному случаю накидки были жёлтые, а перья на их головах — черные, взятые у птиц, называющихся *гито* [*guito*][872]. Поэтому перья назывались *кито-тика*. Те, кому предстояло стать рыцарями, остригались, а после стрижки их одевали в уже описанное одеяние. Множество девиц, избранных для их обслуживания на празднике, приходило затем на площадь, одетые в платья, называвшиеся *Куско асу икочильи-кильа* [*Cuzco asu ycochilli-quilla*]. Возрастом они были от 11 до 12 или 14 лет, и были они из лучших семей. Они назывались *Ньюста-кальи-сапа* [*Ñusta-calli-sapa*]. Их обязанностью было — нести небольшие кувшины чичи, о чём мы поведаем в дальнейшем.

---

[868] В Словаре Диего Гонсалеса Ольгина (1608): Huara. Брюки или узкие штаны. Huarayoc. Тот, кто их носит. Huarannac, o mana huarayoc. Мальчишка или тот, кто их не носит. Huarallicuni. Надевать брюки или штаны. Huarallichini. Наказывать надеть их на себя. Huarachicuy. Собрание, или пьянка по поводу празднования первого дня, когда надевают штаны их мальчики. Потому, видимо, Гарсиласо допустил ошибку при переводе, написав, что «слово *вараку* принадлежит всеобщему языку Перу; оно звучит так же, как по-кастильски *посвящение в рыцари,* поскольку обозначает вручение юношам королевской крови знаков отличия мужчины и приобретение ими права как участвовать в войне, так и занимать посты |в государстве|», поскольку самого слова вараку в словаре Ольгина нет, а слово Huaracco — это чертополох, выбрасывающий колючки. Как мог житель Куско, каким был Гарсиласо, ошибиться столь нелепым образом?

[869] Диего Гонсалес Ольгин: Huaraca. Праща.

[870] Пядь — мера длины = 21,6 см = 12 дедо (ширина пальца на руке).

[871] Правильнее у Диего Гонсалеса Ольгина: Ccori, или collqque uncu. Рубашка, обшитая золотом или серебром. Поскольку слово Collca — это амбар из крипича-сырца.

[872] Правильнее: Quito. Голубь, горлица среднего размера.

Одевшись все в эти костюмы, они отправлялись к дому Солнца и Грома, и несли |или выносили| изображения на площадь. Затем выходил Инка, занимал своё место возле статуи Солнца. Юноши, коим предстояло стать рыцарями, поднимались соблюдая свой порядок, и совершали свои *муча* [*mucha*][873], что было их разновидностью поклонения *вакам*. Они также выносили статую женщины, являвшуюся *вакой* луны, и назвавшуюся — *Пасса-мама* [*Passa-mama*][874]. О ней заботились женщины; когда её выносили из дома Солнца, где у неё было особое место в положении балкона-башеньки [*mirador*] |Собора| Санто Доминго, они несли её на своих плечах. Причина, по которой о ней заботились женщины была в том, что, как они говорили, она была женщиной, и статуя внешне была на неё похожа. Осуществив поклонение, юноши ожидали наступления полудня, когда они снова совершали поклонения **[38]** *вакам*; и испросили разрешения у Инки совершить свои жертвоприношения, которые они приносили следующим образом.

У каждого юноши, намеревавшегося получить оружие, была овца, приготовленная для жертвоприношения. Все они шли, со своими родственниками, к горе, называемой *Ванакаури*. Той ночью они спали у подножия горы, в месте, называемом *Матава*, а с рассветом десятого дня, постясь, ибо они постились и предыдущий день, все поднимались на гору, пока не доходили до *ваки Ванакаури*. Они оставляли овец для жертвоприношения у подножия горы в *Матуа*, *Тарпунтаи* выдергивали небольшой клок шерсти из каждой. Эти *Тарпунтаи* являются жрецами, совершающими жертвоприношения[875]. Когда они достигали вершины горы, *Тарпунтаи* брали пять ягнят и жертвовали их перед *вакой*. Затем они делили шерсть, которую они держали в своих руках, среди юношей, кому предстояло стать рыцарями, и начальниками, с ними пришедшими. Юноши и начальники потом развеивали шерсть по ветру, пока возжигались жертвоприношения, сопровождая сиё такими словами:

— О Ванакаури! отец наш, да останутся Творец, Солнце и Гром вечно молодыми, и никогда не стареют. Да сохрани сына своего Инку всегда в юности его, и позволь, чтобы мог он преуспеть во всём, чтобы он ни предпринял. И нам, твоим сыновьям и потомкам, ныне отмечающим этот праздник, позволь, чтобы мы могли пребывать вечно в руках Творца, Солнца и Грома, и в твоих руках.

[873] Muchani — глагол слова «поклоняться, почитать», «целовать». DGH: Поклоняться. Huacca muchani. Почтительно целовать. Muchani muchaycuni.
[874] Вернее: Pasca — слово используемое для названия луны на диалекте Кольао (аймара). На языке кечуа — Кильа.
[875] В этом месте прослеживается какая-то вставка, поскольку расставленные знаки препинания и потеря последовательности изложения довольно заметна.

После принесения жертв, в девятом часу дня, они |жрецы| клали *вараки*[876] [*huaracas*], и сумки, называемые *чуспы* [*chuspas*] в руки юношей, и преподнося им *вараки*, они говорили:

— *Ныне, когда наш отец* Ванакаури *дал* вараки*, в знак мужества, живи впредь мужем храбрым.*

Верховный жрец ваки употреблял эти слова, когда *вараки* отдавались юношам. Они были сделаны из волокон алоэ и сухожилий овец; волокно алоэ наподобие льняного волокна. Они |пращи| были теми, какие их первопредки, когда они вышли из *Паккари-тампу* [Paccari-tampu], носили с собой. Они **[39]** носили с собой. Затем они уходили, пока не прибывали к ущелью, называвшемуся *Кирас-манта* [Quiras-manta], где их встречали дяди и родственники, и начальники, которые хлестали их по рукам и ногам, приговаривая:

— *Будь отважным, каким я был, и получи эти подарки, чтобы ты мог подражать мне.*

Потом они напевали песню, называемую *Уари* [*Huari*], вооруженные рыцари поднявшись с пучками соломы в руках, а остальной же народ сидячи. Как только *таки* заканчивался, они поднимались и шли в Куско, откуда приходил пастырь, являвшийся тем, кто заботился о стадах, называемых *Райми-напа* [*Raymi-napa*], посвященных этому празднику. Они приносили овцу, называемую *напа*, покрытую красной тканью, имеющую на ушах золотые отверстия. Те, кто приходил с нею, рассыпали над нею насквозь просверленные морские раковины, называемые *вайльяйкипак* [*hayllayquipac*]. Индеец также приносил *сунтур-павкар* [*suntur-paucar*], являвшуюся знаком отличия Правителя. Когда они прибывали на площадь, где собрался народ, они исполняли танец, а потом проводили овцу и *сунтур-павкар* перед ними. Народ возвращался в Куско, шествуя единым строем, к своим фамилиям и племенам; те, кто получил рыцарское звание, несли *вараки* на своих головах, а пучки соломы в руках. Когда они достигали площади, они поклонялись вакам. Отцы, дяди и родственники затем поклонялись им в руки и ноги, а после этого весь народ исполнял музыку[877] (*таки*), называемую *уари*, а юноши подносили питьё отцам, дядям и родственникам, которые их стегали. К тому времени уже была почти ночь, и они шли по своим домам и вкушали жертвенную овцу. Жрецы относили ваки обратно в свои храмы.

В последующие дни люди оставались дома, а юноши, ставшие рыцарями, отдыхали от своих трудов. Но в 14 день месяца они все выходили на площадь Куско, называвшуюся *Вакай-пата* [*Huacay-pata*]. Каждый приходил со своим отцом и родственниками; и, следует знать, что все юноши, получившие

[876] Пращи.
[877] Скорее, песни с танцами.

оружие, **[40]** обязаны были быть потомками и родственниками Правителей Инков по прямой линии, никому другому то дозволено не было. В том же месяца Инки, Правители Провинций[878], имевшие сыновей подходящего возраста, совершали церемонии в провинциях, прокалывая уши мальчикам, и посвящая их в рыцари.

В 14-й день они приносили на площадь ваки Творца, Солнца, Луны, и Грома, разместив их возле Инки, жрецы же встав возле своих *вак*. Юношам, которым предстояло стать рыцарями, преподносились одежды, называемые *умиска-унку* [*umisca-uncu*], являвшиеся полосатыми, красно-белыми рубахами, и белым плащом с голубым шнуром и красной кисточкой. Все люди края должны были делать эти одежды, в виде дани; а родственники обеспечивали *усута*, сделанные из соломы, высоко у них ценившиеся, называвшиеся *ичу* [*ychu*]. Жрец Солнца, чьею обязанностью было подавать эти одеяния во имя Солнца, заставлял всех девиц привести пред очи его, и каждой давал одежду: красно-белую, называвшуюся *ункалью* [*uncallu*]; *льиклья* [*lliclla*], это то же самое; вместе с тканью в виде мешка, открытой с обоих концов, той же раскраски. Затем они клали в руки юношей посохи, и к верхнему концу которого рыцарь был привязан, что они называют *йаури* [*yauri*]. Затем выдавались штаны, называемые *варака*, сделанные из сухожилий и красной ткани, с маленьким *чаваром*[879] [*chahuar*]. После получения одежд они шли, соблюдая порядок, поклониться изображениям Творца, Солнца, Луны и Грома, и почтительно кланялись Инке. Перед этим дяди и родственники хлестали их по рукам и ногам, заклиная их быть отважными, и всегда оказывать внимание в поклонении Вакам и Инке. По окончании этих церемоний они выходили на площадь, в порядке своих племен, каждый со своим родом; **[41]** и они отправлялись спать в пустынь, называющуюся *Раурану* [*Rauranu*], что около лиги от Куско. Каждый, ставший рыцарем, нес палатку на ночлег, для себя и своих родственников. Туда с ними шли все девицы, получившие одеяния, дарованные Солнцем. Они назывались *Ньюста-кальисапа* [*Ñusta-callisapa*]. Они несли с собой небольшие кувшинчики с *чичей*, дабы подавать выпивку родственникам рыцарей, и подносить жертвы, а заодно выпивку юношам, ставших рыцарями. В этот день они несли с ними овцу, называемую *тупа-ванаку* или *райми-напа*; с красной рубахой поверх них, с золотыми ушами, как ранее описано было. Они также несли *сунтур-павкар* или королевский знак отличия. Когда весь народ расходился с площади, они относили каждую ваку обратно в свой храм, а Инка возвращался в свой дворец. На следующий день они поднимались и шли в ущелье к роднику, называемому *Кильи-яколька*; что на расстоянии не более полулиги от места, где они спали. Тут они завтракали, и после еды они привязывали короткую белую шерсть к концам своих посохов, и к рукояткам, так называемых *топа-яури*, они охраняли немного *ичу*. Затем они продолжали двигаться пока не приходили к горе,

[878] В оригинале между Инка и Правители Провинции нет запятой.
[879] Волокно из алоэ.

называемой *Ана-варки*, что в двух лигах от Куско, к *ваке* с таким же названием на вершине горы, являвшейся *вакой* индейцев селения *Чоко* и *Чачона*. Причина, по которой они шли к этой ваке совершить жертвоприношение, была такой: в этот день они должны были участвовать в беге наперегонки, пытаясь определить, кто лучший бегун. Традиция эта передавалась из поколения в поколение со времен потопа, когда эта вака бежала словно лев. Добегая к ваке, юноши приносили в жертву немного шерсти, имевшуюся у них в руках. Жрецы солнца (не Верховный жрец) и те, что |заботились| о других ваках, называемые *Тарпунтайи*, приносили затем в жертву пять ягнят, сжигая их во имя Творца, Солнца, Луны, и Грома.

[42] Тогда родственники ещё раз хлестали юношей, ныне ставших рыцарями, заставляя их высоко ценить мужество и выносливость их собственных персон. После этого люди усаживались и начинали исполнять *таки*, называемые *варита*[880], с *вайльакипас* и раковинами; рыцари, оставаясь на ногах, держа в руках посохи, называемые *йаури*. Некоторые были озаглавлены золотом, некоторые медью, но каждый соответственно возможностям владельца. По окончании таки все девицы, называемые *Ньюста кали-сапа*, поднимались, и каждая бежала изо всех сил к месту, где они спали; и там ожидали с *чичей* тех, кто стал рыцарем, дабы напоить их. Девушки выкрикивали, и говорили:

— *Бегите быстрее, молодцы, сюда, мы ждём вас.*

Тогда молодые рыцари становились в ряд перед *вакой Анаварки*, а позади них, находился второй ряд мужчин, прислуживавших в качестве оруженосцев. Эти несли в руках *йаурис* и палки; а за ними был ещё один ряд, чьею обязанностью было помогать тем, кто падал. Впереди всех них находился очень ярко одетый индеец, отдававший команды. Услышав таковую они все начинали бежать на полной скорости и из последних сил. Тем, кто падал или отставал, помогали мужчины, следовавшие позади, но кое-кто и умирал от падений. Те, кто достигал места назначения, получали питьё от девиц, и они пили так же, как и бежали. Целью этого забега была проверка, кто же окажется самым быстрым из всех, получивших рыцарское звание.

При каждом важном событии они посвящали в рыцари 800 и более человек. Когда они все собирались на холме *Раурана*, они снова исполняли *таки*, называвшийся *вари*; после чего они брали *вараки* и *йаурис*, и опять принимались стегать рыцарей по рукам и ногам. К этому времени уже наступал вечер, и они все поднимались соблюдая свой порядок, чтобы вернуться в Куско, впереди неся сунтур-павкар и овцу, называемую *райми-напа*. Они шествовали **[43]** площади *Вакай-пата* в Куско, где находились статуи Творца, Солнца, Грома и Луны; и где усаживали Инку около статуи

[880] Т.е Вари.

Солнца, с его придворными. Когда они входили, то совершали муча |поклон| вакам и Инке. Роды *Анан Куско* и *Урин Куско* усаживались после этого в предназначенные для них места, пока юноши некоторое время стояли. И снова они исполняли *таки*, называемые *вари*, и ещё раз стегали юношей. После этого Инка и его двор уходил к себе домой, а юноши, со своими отцами и родственниками, шли к холму, называвшемуся *Раурана*. Они проводили ночь у подножия холма, в месте, называемом *Ваман-канча*[881]. На рассвете они вставали и поднимались на холм *Раурана*, что в полулиге от Куско. Правитель Инка приходил сюда в тот день оказать милости тем, кто стал рыцарем, даруя им золотые серьги, красные накидки, с синими кисточками, и другие знаки отличий. *Вака Раурана* состояла из двух каменных соколов, поставленных на алтарь на самой вершине холма. Она была учреждена Пачакутеком Инкой Юпанки, как место, где они будут получать штаны, называемые ими вара. Эта вака была сначала идолом индейцев *Марас*, но Васкар Инка заставил принести сюда соколов, чтобы украсить её. Жертвоприношением, устраивавшимся по такому важному случаю, было возжигание пяти ягнят, проливание чичи, испрашивание Творца, Солнце, Луну, и Гром того, чтобы ставшие рыцарями юноши могли стать отважными и предприимчивыми воинами, чтобы все они приложили руки к увеличению процветания, чтобы они никогда не познали поражения. Жертвоприношение совершалось Жрецом ваки *Раурана*; он также просил ваку, чтобы юноши могли быть счастливы. Как только жертвоприношение осуществилось, *Вака-камайок*, являвшийся Жрецом, одаривал юношей парой брюк, называемых *варайарус*, и **[44]** красную рубаху с синей завязкой, каковые одежды приносились по приказы Инки, как дань, уплаченная со всего края по этому случаю. Юноши получали золотые серьги, прикреплявшиеся затем к ихним ушам, и венцы с перьями, называвшиеся *пилькокасса*, и маленькие золотые и серебряные предметы, свисающие вокруг шеи. После того, как эти вещи были розданы, они завтракали, исполняли *таки*, называемые *вари*, на протяжении часа. Затем отцы и родственники снова хлестали юношей, напоминая им о только что вознесённых молитвах, заставляя их прочувствовать деяния их предков, и стать отважными воинами, никогда не обращая спину противнику.

Ссылаясь на такое частое повторение таки во время церемонии, они говорят, что, во времена Манко Капака, первого Инки, от которого они все произошли, когда он вышел из пещеры *Тампу*, Творцом ему было дано повеление, чтобы воспевалось оно на этом празднике, и ни на каком другом.

После *таки* они пили по своему обычаю, и строем возвращались обратно в Куско; сунтур-павкар несли перед ними как знамя, и овцу, одетую так, как то упомянуто выше. Манко Капак учредил этот праздник, и послужил тому, чтобы этих церемоний строго придерживались, во всяком случае с его сына

[881] Место Сокола, Двор Сокола.

Синчи Рока, о чём мы поведали в истории об Инках[882]. Прибывши на площадь Куско, они совершали *муча* или поклонение пред Ваками, которые выносили наружу Жрецы, и они также осуществляли поклоны всем забальзамированным телам умерших Правителей и |их| Женам, выносившиеся на площадь теми, кто заботился о них; они выпивали с ними, как будто те были живыми, и чтобы молодые рыцари могли испросить у них о том, чтобы их отпрыски сделались такими же счастливыми и отважными, каковы они были сами.

Потом усаживались все люди: и из *Анан* и из *Урин* **[45]** Куско на отведенные для них места. Шкуры львов, с головами, были подготовлены с золотыми вставками в ушах, и золотыми зубами, стоящих на месте выдернутых настоящих зубов. В лапах были некие золотые *браслеты*, называемые *чипаны*. Они называли этих львов *ильякуниа чукисуниа*. Те, кто был одет в шкуры, надевали голову и шею льва поверх своей, а шкура львиного тела свисала с их плечей. Те, кто принимал участие в таки, одевали красные рубахи, с красными и белыми полами, достигавшими пят. Они называли эти рубахи *пука-кайчи-унку*. *Таки* назывался *койо*. Впервые он был учреждён Инкой Пачакутеком Юпанки, а исполнялся барабанами, два от *Анан Куско*, и два от *Урин Куско*. Они исполняли этот *таки* дважды в день на протяжении шести дней, и в течение этих шести дней каждый приносил жертвы Творцу, Солнцу, Луне и Грому; в честь Инки и в честь тех, кто стал рыцарем. Эти жертвоприношения состояли из множества овец, одежды, золота, серебра и других вещей. Они приносились для того, чтобы те, кто стал рыцарем, могли бы быть удачливыми на войне, и во всём, что бы они не предприняли.

В 21-й день месяца все юноши, ставшие рыцарями, шли купаться к источнику, называвшемуся *Кальи-пукио*, что в ущелье около четверти лиги позади крепости Куско. Тогда они снимали одежды, в которых были посвящены в рыцари, и одевались в другие, называемые *нанаклья*, черно-желтого цвета, а посредине — красный крест. Оттуда они возвращались на площадь, где они встречали все ваки. Они совершали обычные поклоны; размещались согласно семьям, к коим принадлежали; и главный старец |дословно «*дядя*»| представлял каждого рыцаря со щитом, пращей и дубиной о металлическом набалдашнике |т.е. макана|, |со всем тем|, с чем |им| предстоит идти на войну. После чего другие родственники и начальники приносили в жертву одежду, овец, золото, серебро и другие предметы, сопровождая сиё молитвой о том, чтобы юноши **[46]** всегда были бы богаты и счастливы. Каждый родственник, приносивший жертву, хлестал юношу и давал ему наставление, заклиная его быть отважным и никогда не становиться предателем Солнца и Инки, а и быть прилежным в преданности к вакам, и подражать храбрости и могуществу своим предкам. Когда главный

[882] Гарсиласо де ла Вега говорит, что род Инки Синчи Рока назывался Раурана Панака. У Сармьенто де Гамбоа — Раура Панака Айлью.

Правитель Инка вооружался в рыцари |становился рыцарем|, все начальники и великие управители, представлявшие все земли края, совершали пышные жертвоприношения в добавление к тем, кои осуществлялись завсегда. По окончании жертвоприношений Жрецы Солнца и Творца приносили огромное количество хвороста, в пуки прутьев связанного, и одевали |их| в мужские и женские одежды. Пуки, таким образом приодетые, приносились в жертву Творцу, Солнцу и Инке, и сжигались в одеяниях своих, вместе с овцой. Они также сжигали особых птиц, называвшихся *пилькопичио* и *камантера-пичио*[883]; и это жертвоприношение совершалось в честь юношей, ставших рыцарями; сопровождая сиё молитвой о том, чтобы они могли быть удачливыми на войне.

В 22-й день месяца рыцари разбирались по домам своих родственников, а их уши им прокалывались, что и являлось последней церемонией посвящения |дословно «вооружения»| в рыцари. Среди этих людей, как они считали, было столь много этого прокалывания ушей, что, если отверстие было полностью порвано каким-нибудь несчастным случаем, мужчина, с которым сиё произошло, считался человеком несчастливым. Они просовывали хлопковые вставки в отверстие уха, и каждый день они впихивали больше, с целью увеличить его. В тот же день жрецы Творца и Солнца, Грома и Луны, и пастухи Инки подсчитывали шерстяные пучки вак и Инки. Затем они начинали праздник, прославлявший пучки вак, чтобы они могли приумножиться в количестве; в честь чего жертвоприношения совершались по всему королевству. Пастухи, у которых пучки шерсти увеличились быстрее всего, вознаграждались, а те, у кого пучки шерсти не увеличились, наказывались. **[47]** В 23-й день месяца они несли статую Солнца, называвшуюся *Вайна пунчао*, в дома Солнца, звавшиеся *Пукинке*, что на высокой горе, на расстоянии немногим далее трёх выстрелов из аркебузы от Куско. Здесь они приносили жертвы Творцу, Солнцу, Грому и Луне, в честь всех народов, какие они смогли бы облагодетельствовать и приумножить. Статуя Солнца потом относилась обратно, следуя за сунтур-павкар и двумя овцами, одной золотой и одной серебряной, называвшимися *кульке-напа* |и| *кури-напа*; являвшие собою эмблему, несомую пред статуей Солнца, куда бы ту не брали. Тем и заканчивался этот праздник и месяц, называемый *Капак-райми*.

Декабрь.

Декабрю они дали имя *Камай-кильа*. В первый день месяца те, кто стал рыцарем, как те, кто принадлежал к родам *Анан Куско*, так и к |родам| *Урин Куско*, выходили на площадь с пращами в руках, называемые *варака*, и юноши из *Анан Куско* швыряли в тех, что из *Урин Куско*; их метательные снаряды назывались *коко*, выплавленные в виде колючек чертополоха. Временами они подходили на близкие расстояния, чтобы проверить

[883] Пичио — птица.

мускулами силу своего оружия; пока присутствовавший Инка не поднимался и не отдавал приказ вернуться на прежнее место. Они называли это *чоканако*, и это было испытанием силы, проверить, кто был наисильнейшим и наихрабрейшим. После этого они все усаживались согласно своим родам, при этом новые рыцари были одеты в черные рубахи и накидки львиного цвета. Они также одевали на головы плюмажи из белых перьев птицы, звавшейся *токто*[884]. В этот день рыцари-новички принимались есть соль и другие роскошные яства, в честь того, что на протяжении церемоний они постились, и им не было дозволено прикасаться ни к соли, ни к перцу [*aji*]. Юноши ели свою первую еду после поста с превеликим удовольствием. В честь этого праздника они приносили все ваки на площадь, также как и тела умерших Инков, выпить вместе с ними; расставляя тех, кто принадлежал **[48]** к *Анан Куско* в стороне, где тот род был расположен, и точно также других — возле тех, что из Урин Куско. Затем они приносили яства и пития телам мертвецов, как если бы они были живы, говоря:

— Когда вы были живыми приобвыкли вы есть и пить это; пусть душа ваша ныне примет это и вкусит от сего, где бы вы ни были.

Они верили и у них то считалось несомненным, что души не умирают, а что те, что принадлежали добрым людям уходят почить с Творцом. Когда умирали они, то утверждение сиё высказывали, и обязывали свои семьи и родственников исполнить всё то, что они завещают им сделать, и что они увидят их с небес. Они также верили, что было место и для плохих людей, где они подвергались мучениям демонами, называвшимися *Супай*[885]. Они говорили, что те, кто ушел туда, мучились от сильного голода и жажды, и что их кушаниями были: уголь, змеи, жабы и другие вещи подобного рода. Те, кто возносился на небеса, с другой стороны, ели и пили наилучшее, что было у Творца, и они также принимали те яства и пития, какие их родственники им подносили в качестве жертвы.

Таким образом все в превеликой радости проводили этот день, в который они начинали танцевать и петь. После этого они все выходили на вспахивание своих полей, каковые называют *чакра*. Сиё длилось 12 дней. В 15-й день месяца, во время полной луны, все возвращались со своих участков в Куско; и в ту ночь они исполняли танцы таки, называемые *йавайра*, на всех городских улицах и площадях, от заката до рассвета. Поутру, жрецы выносили ваки Творца, Солнца, луны и Грома, а также тела умерших, и ставили их на площади. Выходил также и Инка, и занимал своё место возле |статуи?| Солнца. Остальные люди шли в дом, называемый *Моро-урко*, поблизости от домов Солнца, чтобы вынести очень длинный канат, хранившийся там, сплетенный четырьмя |разными| цветами: черным, белым, красным и желтым, на конце которого был прочный клубок рыжей шерсти.

[884] Токту — мёд.
[885] Дословно — «тень».

За него хватались все: мужчины по одну сторону, женщины по другую, исполняя при этом таки, называвшийся **[49]** *йагавира*. Когда они приходили на площадь, после совершения поклонения вакам и Инке, они образовывали круги один за другим, пока получалась форма спиралевидной раковины. Затем они бросали *васкар* на землю и оставляли её свёрнутой в кольцо, наподобие змеи. Они называли этот канат *Моро-урко*. Народ возвращался на свои места, и те, кто заботился о канате, забирали его обратно в его дом. Когда они отмечали этот праздник, то одевались в платья, звавшиеся *пукай-урко*: черная рубаха с черной же каймой, и белая бахрома на концах. Они также носили белые плюмажи, сделанные из птицы *токто*. Спустя некоторое время они приносили овцу, чтобы принести её в жертву в честь каната, и честь дождя, и зимнего времени, говоря зиме:

— *Отчего ты пролилась дождём?*

От полудня и до заката проводили они время в веселиях и питиях с *ваками* и телами мертвецов. Так как в своём сообщении об *Интик-Райми*, что в месяце Мае, я описал то, как они поят Солнце, и другие *ваки*, проливая чичу вниз через особые трубки, то не стану повторят сиё описание здесь. На все празднествах обычай поить *ваки* был таким же. За полчаса до рассвета они относили ваки обратно в ихние храмы, а Инка возвращался к себе домой. Исполняя таки с жертвоприношениями и выпивкой, они проводили так два дня. В 18-й день упомянутого месяца они выходили на площадь, приодевшись в нарядные одежды, называвшиеся *санка-сонко-кила-пионко*, и в маленьких плащах, и в плюмажах, называвшихся *купатикас*, на головах, при этом концы — из |перьев| попугаев ара и *пилос* |?| называвшихся *гуаланпапи*, изготовленные из перьев. Прибыв на площадь, они совершали свои поклоны вакам по заведённому обычаю и занимали свои места. Затем поднимался жрец и сжигал овцу в качестве жертвы, испрашивая у зимы, чтобы всегда посылала она свои воды для того, чтобы, с помощью её богатств, они могли есть и пить.

Они сохраняли золу и останки не только от этого жертвоприношения, но и со всех других, кои устраивались на протяжении года, для того, чтобы выбросить их в реку. **[50]** В этот день они исполняли *таки чапай кенало*, который, со всеми другими церемониями, совершавшимися на протяжении года, были учреждены Пачакутеком Инкой Юпанки, окромя тех *варочико*, когда посвящали в рыцари, и тех *кикочико* и *рутучико йайаскай*, являющиеся праздниками, учреждёнными первым Инкой, как будет скоро рассказано.

На следующий день, т.е. 19-й день упомянутого месяца, они шли на площадь Куско, называемую *Вакай-пата*, как Инка, так и народ, и выносили ваки и забальзамированные тела умерших. Совершив обычные поклоны, они начинали приносить в жертву, так званые *мохокати*, следующим образом.

Маленькая речушка, протекающая через центр Куско, называющаяся *Капи-майу* и *Вака-пунку-майу*. Она стекает из нескольких лощин с высот над городом. В этих лощинах они построили дамбы для ограничения |спуска| воды, несмотря на то, что это была зима, соблюдая порядок, чтобы это могло унести прочь жертвоприношения, какие должно было принести в жертву на ней, с большей силой. В этот день они собирали все виды и разновидности еды, все различные сорта ахи, большие количества нош коки, все виды одежд разнообразных раскрасок, и обувь, льяуты и плюмажи, используемые в качестве головных уборов, овец, цветы, золото и серебро, и все другие виды предметов, используемых ими, а также все останки и золу со всех жертвоприношений, каковые были сохранены за весь год.

Все эти вещи сбрасывались в реку, спускалась первая дамба, и вода стремительно вытекала с такой неистовостью, что своим течением сносила остальные дамбы, и уносила все жертвоприношения. В этот день приносили в жертву ягнёнка, и его останки, с пеплом, выбрасывались в реку вместе со всем остальным.

Многие люди собирались по обе стороны реки, за пределами города Куско, в месте, называющемся *Пумап-чупа*, где приносились жертвоприношения. Они управлялись **[51]** меньше чем за час до вечерней зари, и индейцам, находившимся по обе стороны реки, присутствовавший Правитель Инка наказывал идти вместе с жертвоприношениями в *Ольянтай-тампу*. По кругу они должны были пройти расстояние 10 лиг от Куско. Индейцы селений, через которые им предстояло пройти, были размещены то тут, то там с факелами, с тем, чтобы освещать всю ночь напролёт, и ни частички жертвоприношений не было дозволено оставлять в реке. Когда они достигали моста *Ольянтай-тампу*, что стоит на большой реке, текущей к Северному морю, они выбрасывали две ноши коки, называвшиеся *пилькулунку павкар унав*, с самого моста, таким же образом жертвоприношения протекли мимо, и после этого им разрешалось перейти самим.

В течение того дня и в течение следующего, те, кто продолжал приносить жертвы, танцевал и веселился, а также исполнял таки *чупай вайльи*. Причина, по которой выбрасывались эти жертвоприношения в реку была такой. Они говорили, что Творец всех вещей даровал им хороший год, то будет неплохо, чтобы из вещей, каковые они им даровал, они принесут эти жертвы, чтобы они не проявили тем неблагодарность, моля его принять их, где бы он ни соизволил быть. По окончании двух дней, продолжавшие приносить жертвы аж у самого моста, возвращались в Куско. Зашедшие так далеко, несли в своих руках копья и соколов, изготовленных из соли; в то время, как у запаздывающих, идущих позади, были соляные жабы, как символ того, что они передвигаются медленно, что заставляло народ насмехаться над ними. В течение оставшегося времени месяца каждый уделял время своему полю.

Месяц Январь.

Они называют месяц Январь — *Атун-пукуй*, и во время него у них нет особого праздника, люди только и уделяют время своей работе. **[52]**

Февраль.

Название для месяца февраль было *Пача пукуй*, и ничего в этом месяце не делали, кроме как заботам о своих полях.

Март.

Месяц Март назывался *Павкар-вара*. Никаких празднеств в этом месяце не отмечалось.

Апрель.

Месяц Апрель назывался *Айривай*. В нём они собирали урожаи и плоды, и поэтому называли его *Айривай*. Те, кои рыцарями стали, шли к полю *Саусиру*[886], чтобы достать маис, собранный там; оно находилось ниже цитадели. Они говорят, что именно здесь *Мама-вака*, сестра Манко Капака, посеяла первый маис. Они обрабатывали это поле каждый год, в честь тела этой *Мама-вака*, изготовляя из урожая чичу, необходимую для обслуживания тела, и доставляя эту чичу тем, кто заботился о теле, пребывавшего забальзамированным. Затем, на свой лад, они приносили маис, полученный с урожаев Творца, Солнца, Луны, Грома, Инки и *Ванакаури*, и всех умерших правителей. Приносили они его в маленьких корзинках, напевая песню, называвшуюся *йаравu*, и нарядные платья одетые. Весь остальной народ Куско шел собирать этот маис, не считая первого дня, когда его приносили ставшие рыцарями юноши. Жрецы, называемые *Тарпунтаи*, приносили в жертву овцу, прося Творца завсегда даровать им хорошие урожаи. Сиё продолжалось четыре дня, после чего они возвращались на свои поля; и так заканчивался год, и вновь начинался месяц Май. **[53]** Кроме особых для каждого месяца церемоний, они устраивали другие, называвшиеся *йайускай руту-чика-кику-чику*. *Айускай* бывал, когда беременела женщина. На четвертый день они клали малышей в люльку, называвшуюся *кирав*, и приглашали дядей и других родственников поглядеть на неё; но никаких других церемоний в результате этого события не устраивалось.

Рутучико — это когда ребенок достигает годовалого возраста. Тогда, будь то мальчик или девочка, они давали ему имя, каковое ему следует иметь до совершеннолетия. Если это был мальчик, то оно наступало с посвящением его в рыцари и получением *вараки*. Тогда он получал имя, какое носил до самой смерти. В случае, если то было девочка, оно наступало, когда она

[886] Возможно, как-то связано слово с древним селением Савасера панака, находившегося на месте Куско до Манко Капака.

достигала половой зрелости, тогда же она получала имя, используемое до самой смерти. Затем ребёнка стригли, и чтобы устроить церемонию, звали старшего дядю, который первым и обрезал волосы. После этого другие родственники делали то же самое, а за ними друзья родственников. Все они пили, и главный дядя давал ребенку имя, каковое он должен был носить до совершеннолетия.

Кикучика — это когда девушка достигает половой зрелости: от первого дня до последнего, что составляло около трёх дней. В течение двух дней они постились, совершенно не принимая никакой еды, а на третий день им давали немного сырого маиса, чтобы они не умерли с голоду. И заточали в помещении внутри дома, и на четвертый день мыли их, одевали в платья, называвшиеся *анкальуасу*, да в обувь из белой шерсти. Волосы им заплетали, и надевали на головы некое подобие мешка. В этот день приходили главные родственники, а девушка выходила, чтобы подать им яства и пития. Длилось сиё два дня, и главный родственник давал ей имя, каковое ей с этого момента предстояло носить, и обучал её, как ей вести себя, и как слушать своих родителей. Затем они дарили подарки, сообразно своим возможностям, без **[54]** каких бы то ни было языческих обычаев; и эта традиция повелась с Инки Юпанки.

Когда Инка отдавал женщин в жёны, они |мужчины| получали |их|, потому что это было повелением Инки. Мужчина шел в дом отца девушки, не говоря, что Инка даровал её, но что он желал послужить ей, а поэтому собирались родственники девушки, и |тогда| получалось их согласие. Юноша оставался в доме своего тестя и тёщи, на протяжении четырёх или пяти дней, и занимался доставкой топлива и соломы для них. Тем самым приобреталось согласие, и он брал девушку в жены; а поскольку инка даровал её, то считалось, что она получена она была до самой смерти, и принималась она на этом условии, и никогда бросали её.

Капак-коча был учреждён Пачакутеком Инкой Юпанки, а было это так. Провинции *Кольа-суйу, Чинча-суйу, Анти-суйу* и *Кунти-суйу* посылали в этот город от каждого рода или племени одного или двух детей, мальчиков и девочек, в возрасте десяти лет. Они посылали одежду и стада, золото и серебро. Затем Инка усаживался на *Вакай-пата*, или большой площади Куско. Дети и другие жертвы обходили вокруг статуй Творца, Солнца, Грома и Луны, поставленных на площади, делая два обхода. После чего Инка звал Жрецов из провинций и повелевал им разделить жертвы на четыре части, в честь четырёх провинций *Кольа-суйу, Чинча-суйу, Анти-суйу* и *Кунти-суйу*, являющие собою четыре округа, на какие поделена страна. Он говорил им:

— Возьмите, каждый из вас, свою часть от этих пожертвований и жертвоприношений, и принесите их в жертву своим главным вакам.

Поэтому детей душили и сжигали с серебряными статуями овец, и золотые и серебряные статуи людей и овец, и они сжигали одежду да несколько нош коки. Народ Куско нёс эти жертвоприношения аж к *Сакальпинья*, что около лиги от Куско, **[55]** где их принимали индейцы из Анта, и таким вот путём их передавали, пока не доставляли в места, где их должны были принести в жертву. Точно также их передавали в другие провинции. Правитель Инка приносил в жертву эти подношения, когда начинал правление, чтобы ваки даровали ему здоровье и сохранили его владения в мире |и покое|. Не было такой ваки или места поклонения, каким бы оно малым ни было, которым бы не досталось от раздела жертвоприношений, поскольку каковые предстояло принести в жертву, в каждом месте все были разложены отдельно. Причина, по которой все ваки, будь они хоть священными деревьями, родниками или холмами, или озерами, получали часть жертв, была в том, что это должно было послужить худым предзнаменованием, если что-либо не включалось |в распределение|, и потому что опасались, что если кем-нибудь пренебрегут, то они придут в ярость, и покарают Инку. Если какая-либо из гор была очень крутой и на неё невозможно было взобраться, жертвы забрасывались на вершины пращами. Вот так всем главным вакам во всех провинциях приносились эти жертвы; а затем и святым местам меньшего значения. Каждому месту приносилась в жертву доля, отведенная для него в Куско; для этого в Куско были *Кипукамайу*, или счетоводы, которые вели учёт каждой доли от жертвоприношения, и каковые должны были быть отправлены в каждую провинцию.

Они начинали совершение жертвоприношений в Куско следующим образом. Сначала жертва приносилась Творцу, и принималась она жрецом, заботившимся о его изображении, и они молились за долгую жизнь и здравие, и за победу над врагами Инков, а также, чтобы, пока этот Инка являлся Правителем, все провинции могли пребывать в мире и благоденствовать. После этой молитвы они душили детей, сперва накормив и напоим их, чтобы они могли вступить в присутствие Творца довольными и не голодными. У других они вынимали сердца, пока те ещё были живы, и приносили их в жертву вакам, пока те ещё продолжали биться. Они помазывали ваку кровью от уха до уха, и они называли **[56]** это *пирак*. Другим они даровали тела с кровью, и под конец они предавали тела погребению вместе с другими жертвоприношениями, в месте, называемом *Чукиканча*, являющую собою невысокий холм над Сан Себастьяном, около полулиги от города. Затем Жрецы Солнца, тем же манером, принимали то, что предназначалось их Божеству, и в том самом месте они совершали жертвоприношение Солнцу, сопровождая сиё следующей молитвой:

Молитва Солнцу.

Uiracochaya punchau cachan *О Творец! Ты, сказавший, да*

tutacachannas pacnicpacarichun yllarichun nispac nicpunchac churi yquicta carillacta quispillacta purichuruna rurascay-quictacancharin yampac quilla-rincanpac Uiracochaya casilla quispilla punchau Ynca runay-anani chisca yquicta quillari canchari ama un cochispa ama-nanachispa caçista quispicta huacaychaspa.	*будет ночь и день, рассвет и сумерки, позволь чаду твоему Солнцу, чтобы когда оно взойдёт, могло оно дальше пройти в мире. Охрани его, чтобы могло оно давать свет людям, тобою созданным. О Творец! О Солнце! ты, пребывающее в мире и безопасности, воссияй над этими людьми, и сохраняй их во здравии и мире.*

Подобным же образом жрецы Грома, называвшегося *Чуки-ильа*, принимали детей и другие жертвы, предназначенные для него, и сжигали их в том же месте, называемом *Чуки-канча*; и тот же порядок соблюдался с жертвоприношениями Луне; молитвы возносились по любому важному поводу, чтобы Инка мог всегда быть пожалован здоровием и процветанием; и чтобы он мог всегда выходить победителям над своими врагами. После этого все жрецы вместе приносили Небесам жертвы, что были отложены для той цели, а также Земле; повторяя следующую молитву:

Pachacmama! cuyrumama casillacta quispillacta Ccapac Ynca huahuay yquctamacari hatalli.	*О мать-земля! Оберегай Правителя Инку, сына твоего, на тебе стоящего, в мире и безопасности.*

[57] Все упомянутые жертвы были размещены в *Чуки-канча*. Затем жрецы, заботившиеся о ваке *Йанакаури*, совершали свои жертвоприношения. Эта вака пошла от *Айар-качи*, одного из четырёх братьев, который, как говорят, вышел из пещеры *Тампу*; но, поскольку я уже поведал об этом сказании в начале истории, какой ваша наисиятельнейшая Светлость владеет, я не стану подробно останавливаться на этом здесь. Так как это была главная вака, кроме уже упомянутых, заботившийся о ней жрец со своими товарищами принимал детей и другие посвященные ей предметы, и приносил их в жертву на горе, называемой *Ванакаури*, что в двух с половиной лигах от Куско, или около того. Они возносили молитву во время совершения жертвоприношения, моля ваку, чтобы Инка, её потомок, мог всегда быть деятельным и победоносным, и чтобы всегда, на протяжении правления, Инка страна могла пребывать в мире. После этого совершались жертвоприношения у всех родников, на всех горах и в других местах в Куско, считавшихся святыми; но ни одного ребёнка не убивали для этих жертв. Эти места были столь многочисленны в Куско, что утомительно будет перечислять их здесь, и я не стану этого делать, потому что приводятся в отчете о ваках, который я представил вашей наипреподобнейшей Светлости. Как только они завершали церемонии жертвоприношения в Куско, Жрецы уносили то, что должно было быть отправлено в другие края, так, как это было уже описано. Порядок шествия с жертвоприношениями был таков, что

весь народ, шедший с *Капак-коча* (также называемом *Качавака*) выбирал пути в стороне от других. Они не проследовали по королевской дороге, а пересекали ущелия и горы, по прямой линии, пока не добирались мест, где должны были быть совершены жертвоприношения. Они бежали, и поскольку они возносили кличи и выкрики, зачинавшихся индейцем, на коего была возложена сия обязанность. Передав слово, все другие **[58]** продолжали производить те же выкрики. Кличем предстояло вымолить у Творца, чтобы Инка всегда победоносен был, и даровано ему было здоровие и мир. Они несли на плечах жертвы и золотые да серебряные глыбы, и другие предназначенные для жертвоприношения предметы. Дети, кои могли идти сами, шли пешком, а других несли на руках матерей. Когда они добирались до мест назначения, *Вакакамайок*, заботившийся о *ваках*, получал тех, которые были предназначены для их вак, и приносил их в жертву, поднося золото и серебро и другие предметы; и детей, сперва задушив их, сжигали при жертвоприношении, с овцами, ягнятами и одеждой.

Достойно упоминания то, что детей приносили в жертву не всем вакам, а только главной *ваке* каждого рода или провинции. Вот так они перебирались через все владения Инки с этими жертвоприношениями, пока каждый не достигал крайней точки империи, в направлении, в какое он отправился. Путешествия были так хорошо организованы и устроены, а они так хорошо снаряжены, когда отправились из Куско, что, хотя жертвы и места в которые они должны были быть доставлены, были многочисленны, никогда они не ошибались. Для этой службы у Инки были индейцы в Куско, являвшиеся жителями четырёх *Суйу* или провинций. Каждый ведал обо всех ваках, какими бы они не были маленькими, поскольку в провинции над каждой был |поставлен| *Кипукамайок* или Счетовод. Они назывались *Вилькакамайок*. Каждый |такой| индеец заботился о близлежащих пятистах лигах края, и у него имелся учёт всех вещей, которые были принесены в жертву каждой *ваке*, находящейся в пределах его области. Те, кому предстояло выступать из Куско, получали предназначенные им жертвоприношения от *Вилька-камайоков*, с указаниями о том, кому они должны доставить их. В главных местах каждой провинции также были индейцы с теми же обязанностями, кои вели учёт жертвоприношений; тем не менее, поскольку жертвоприношения возрастали или увеличивались, сообразно воле **[59]** Инки, указания отсылались из Куско о том, что следовало сделать в каждом месте[887].

Они отмечали эти жертвоприношения, называемые *Капакоча* или *Качавака*, так почтительно, что, когда те, кто совершил путешествия по безлюдным просторам с жертвами, встречал других путешественников, они не поднимали своих глаз, чтобы посмотреть на них, и путешественники падали ниц на землю, пока несущие жертвоприношения проходили. Когда

[887] Вся эта схема задействования и чиновников и жертв, если она была многочисленной, то расходовать могла значительные ресурсы империи впустую.

несущие жертвоприношения проходили через селение, жители не выходили из домов, оставаясь в них с глубоким почтением и повиновением, пока названный *Капак-коча* не проходил дальше.

У них также был обычай, когда они завоёвывали и подчиняли какой-либо народ, отбирать наиболее статных особ у завоёванного народа и посылать их в Куско, где они приносились в жертву Солнцу, который, как они говорят, даровал им победу.

Также их обычаем было то, что всякий раз когда что-либо отличалось от всего остального ему подобного по красоте, тому они и поклонялись, и делали то *вакой* или святыней.

Они поклонялись вершинам всех гор и горным перевалам, и приносили в жертву маис и другие предметы; потому они говорят, что, когда они поднялись на какой-либо перевал и достигли вершины, они смоли там отдохнуть от трудности подъёма. Это они называют *чупаситас*.

Около десяти лет назад у индейцев бытовал такой анекдот. У них была некая песня, называвшаяся таки *унку*, и, поскольку некий Луис де Оливера, Священник провинции *Паринакочас*, в епархии Куско, был первым, любезно описавшим это идолопоклонство, я вставлю сюда его сообщение об сём.

В провинции *Паринакочас*, в епархии Куско, упомянутый Луис де Оливера узнал, что не только в той провинции, но и во всех других провинциях и городах: *Чукисака*, Ла Пас, Куско, *Гуаманга*, и даже в Лиме и *Арекипе*, большинство индейцев впало в величайшее отступничество, уходя **[60]** от Веры Католической, ими обретённой, и возвращаясь к язычествам, каковые они соблюдали во времена своего безбожия. Не было понятно, как сиё преодолеть; но было подозрение, что колдуны, коих Инки держали в *Вискакабамба*, были на самом дне его. В течение года 1560, и не раньше, считалось и полагалось у индейцев, что мазь из тел индейцев заказывалась сего ради из Испании излечивать болезнь, для которой не было там лекарств. Отсюда пошло то, что индейцы, в то время были очень недоверчивы к испанцам, и они не принесут ни дров, ни травы, ни чего-либо ещё в дом испанца, чтобы не быть им схваченными и убитыми, дабы добыть эту мазь. Всё это берёт начало от того злодеяния, с неприязнью породившей вражду между индейцами да испанцами. Индейцы края очень сильно почитали вещи Инки, пока Сеньор Вице-король, Дон Франсиско де Толедо, не упразднил их и не положил тому конец, в чём он весьма послужил Богу, Владыке Нашему. Измышление, каким Дьявол вводил в заблуждение этих бедных людей, была вера в то, что все ваки, какие христиане сожгли и уничтожили, снова вернулись к жизни; и что ими было разделено на две части: одна из которых была объединена с *вакой Пачакама*, а другая с *вакой Титикака*. История зиждилась на том, что они образовались в воздухе, одна за другой в битве

против Бога, и что они одолели Его. Но когда Маркиз[888] вступил в эту землю, считалось, что Бог завоевал эти ваки, так как испанцы одолели индейцев. Ныне, однако, считалось уже, что вещи переменились, что Бог и Испанцы побеждены, все испанцы убиты, а их города уничтожены, и что море поднялось из берегов, чтобы испить их всех до остатка, чтобы они могли больше о них и не вспоминать. В этом отступничестве они верили, что Бог и Владыка сотворили испанцев и Кастилию, и **[61]** животных и плоды Кастилии; но что ваки сотворили индейцев, и эту землю, и все вещи, какими они владели до прихода испанцев. Таким образом они лишили нашего Владыку его всемогущества. Многие проповедники выходили из числа индейцев, наставлявших равно хорошо как в местах необжитых, так и в селениях, заявляю о воскрешении вак, и говоря, что они ныне странствовали в воздухе, томимые жаждой и умирающие от голода, поскольку индейцы больше не приносят им жертв и не проливают им чичу. Они заявляли, что многие поля были усеяны червями, чтобы выращенными быть в сердцах самих испанцев, и у испанский овец, и лошадей, а также в сердцах тех индейцев, кто стал христианином. Ваки, как о том сообщалось, были приведены в ярость всеми теми, кто принял крещение, и заявлялось, что они все они будут убиты, если не вернуться в старую веру и не откажутся от Христианской веры. Те, кто добивался дружбы и благосклонности вак, провёл бы, как о том утверждали, жизнь в процветании и здравии. Те, кто вновь возлюбил бы ваки и жизнь, должен был поститься несколько дней, не потребляя ни соли, ни *ахи*, ни цветного маиса, и никаких испанских вещей, и не входить в церкви, и не повиноваться зову священников, и не использовать христианских имён. С тех пор времена Инков вернулись бы, а ваки не входили бы в камни или родники, чтобы из них говорить, но вошли бы в нутро людей, которых бы они заставили говорить: поэтому дома людей должны были быть приведены в порядок и готовы, если какая-либо вака возжелает приютиться в одном из них. Вот потому было так, что многие индейцы трепетали и падали оземь, а другие царапали себя, как если бы они были одержимы, корча при этом рожи; а когда они собственно приходили спокойствие, они говорили, когда их спрашивали, отчего они падали, что такая-то и такая-то вака вошла в тела ихние. Затем люди брали такого на руки, и несли его избранное место, и там они сооружали жилище из соломы и плащей; и начинали поклоняться ваке, принося в жертву **[62]** овцу, *кольачича, льипта, мольо*[889], и другие вещи. Потом они устраивали праздник на два или три дня, танцуя и пьянствуя, и испрашивая ваку, представленную одержимым ею человеком. Такие особы время от времени читали проповеди людям, грозя им, и говоря им, чтобы они не служили Господу, а только вакам; и отвергнув всё христианское, со всеми христианскими именами, и сорочки, шляпы и обувь христиан. Эти одержимые спрашивали у людей, остались ли у них какие-либо останки сожженных вак, и когда они приносили какой-нибудь кусочек камня, они накрывали плащом пред

[888] Франсиско Писарро начал завоевание Перу с 1532 года.
[889] Т.е. мульу —морские раковины.

людьми свои головы, и проливали *чичу*, и рассыпали цвет белого маиса на обломок. Одержимые кричали и заклинали ваку; и поднимали в руках обломок, с такими словами обращаясь к народу:

— *Вот видите вы опору вашу. Вот видите вы то, что может даровать вам здравие, и детей, и пропитание. Положите его в месте его, где пребывал он во времена Инков*, —

и сделано это было с превеликими жертвоприношениями. Колдуны, в те времена обнаруженные и наказанные, свободно совершали свои обряды, возвращаясь к ним, и не покидая индейцев, кои одержимы были *ваками*, а напротив, принимая овец и *куи*[890] в качестве жертв.

Сей дьявол был в таком превеликом доверии, что не только индейцы в *Репартимьентосах*, они и жители городов, проживавшие среди испанцев, верили и совершали вышеописанные посты. В конце концов, как сказал священник Луис Оливера, начали карать народ в той провинции *Акари*, и доложили о том Королевской Аудиенции в Лиме и Сеньору Архиепископу, и Епископу *Чаркаса*, и монаху Педро де Торо, распорядителю Епископа в Куско. Наконец отступничество стали идти на убыль, но на всё про всё ушло семь лет.

Поскольку они верили, что Господь и испанцы были одолены. Индейцы начали поднимать мятежи, как то случилось в году 1565, когда лиценциат Кастро был Губернатором этих **[63]** королевств, получивший доклад от Коррехидоров Куско, *Гуаманга* и *Гуануко*. Эти города были приуготовлены к войне в течении некоторого времени.

Существовало различные виды отступничества в разных провинциях. Некоторые танцевали и высказывались, что у них в телах была вака. Другие тряслись по той же причине. Иные закрывались в своих домах и кричали. Другие бросались со скал и убивались. Другие прыгали в реки, тем самым принося себя в жертву вакам. В конце концов Господь наш, милосердием своим, соблаговолил просветить этих несчастных людей; и те, кто остался, уразумели бессмысленность их веры, что Инка умер в *Вилькапампе*, и что ничего из того, что было предсказано, не сбылось, а свершилось всё совершенно иначе.

По причине сего дьявольского учения всё ещё есть некоторые индейцы колдуны и чародеи, хотя числом их меньше. Когда какой-либо индеец заболевает, зовут этих колдунов их вылечить, сказать, будет ли он жить или умрёт. Высказавшись по этому поводу, они приказывали больному взять белый маис, называемый *кольи сара*, красный и желтый маис, называемый *кума-сара*, желтый маис, называемый *паро-сара*, морские раковины,

[890] Морская свинка.

называемые *мульу мульу*, всевозможных раскрасок, какие им удалось собрать, что они называют *имаймана мульу*. Когда эти предметы были собраны, колдун размалывал маис с раковинами, и давал эту гущу больному, чтобы, подышав на неё, он мог принести сиё в жертву *вакам* и *вилькам*; сопровождая такими словами:

— *О ваки все и вильки четырёх провинций края, предки мои и прародители, примите эту жертву, где бы вы ни были, и даруйте мне здравие.*

Они также заставляли его подышать на горсточку *коки*, и принести её в жертву Солнцу, моля его о здоровье; и то же самое Луне и Звёздам. Затем, держа в руке немного золота и низкопробного серебра, больной приносил жертву Творцу. После чего чародей приказывал ему даровать еду умершему, разместив её на их могилах, и **[64]** проливая чичу; если он находился в местности края, где сиё может быть сделано, и если то не в углу его дома. Тем самым чародей даёт понять пациенту, что его посетила сия болезнь, потому что умерший страдает от голода. Если он в состоянии идти к некому месту слияния рек, чародей заставляет его идти туда и омыть тело своё водой и цветом белого маиса, приговаривая, что там он оставит свою болезнь. По окончании церемонии, чародей говорит ему, что если он избавиться от болезни, он должен будет исповедаться во всех своих грехах, ничего не утаивая. Они называли сиё *ичико*. Эти индейцы столь простоваты, что некоторые из них легко и просто впадают в сиё отступничество, хотя некоторые потом раскаиваются и сознаются в своих грехах.

Имеется также множество индейцев, мужчин и женщин, которые, понимая, какое преступление пред Господом нашим они тем совершают, не дозволят чему-либо такому свершиться, а скорее упрекнут тех, кто свершает сиё, пред Священником, чтобы они могли быть покараны. Если бы какое-либо показательное наказание было произведено над колдунами, я верю, что сиё великое зло вскорости исчезнет, несмотря на то, что, как я уже сказал, ныне там имеются некоторые колдуны.

В этой стране есть различные народы и провинции, и а каждой такой были свои собственные обряды и церемонии, до того, как они были завоёваны Инками. Инки упразднили некоторые обряды, и установили другие. Таким образом не менее желаемо знать обычаи и церемонии, существующие в каждой провинции, кроме тех Инкских, о которых я здесь написал. Тем знанием обретены будут средства искоренить сии идолопоклонства и глупости; и цель, наряду с этим, с помощию Господа нашего осуществлённого мною осмотра приходам и долине этого города Куско, ныне завершена.

(Рукопись в этом месте обрывается.)

Фернандо Мурильо де ла Серда. Письмо о знаках, использовавшихся Индейцами до завоевания. (1589?)

[Перевод с английского издания:
Frank Salomon. The cord keepers: khipus and cultural life in a Peruvian village. — Duke University Press, 2004, p. 112–113.]

Примечание переводчика.

Этот документ — копия из кодекса Эскориала (состоявшего из обзорной документации), где приводиться мнение испанского чиновника о пиктографии индейцев Перу и их учётной системе, в частности, касается вопроса использования *кипу*. Документ интересен, но даёт мало информации, и к сожалению, отсутствует рисунок самого *кипу*, не приведённый Фрэнком Саломоном в его издании.

В Национальной Библиотеке Мадрида эта рукопись, датированная 1589 годом, числиться как:

Murillo de la Cerda.— Carta sobre los caracteres usados por los Indios antes de la conquista. Papeles varios Mss. n. 13; Век XVIII. Номер в каталоге: 5938; стр. 433–435.

ТЕКСТ:

Сегодня |1589?| здесь продолжается использование неких кипу, которые мы называем книгами счетов, несмотря на то, что у индейцев не было таких вещей, как счетоводные книги, кроме тех кипу, являющие собою несколько шерстяных верёвок различных цветов, а на них множество узлов, как вот здесь показано |изображение не приводиться в издании, но имеется в рукописи|. Одни отличаются от других, так что по разнообразию они распознают и узнают в учёте величины поступившие и израсходованные, и золотые и серебряные песо, отданные, и уплаченные, и полученные. Испанцы не уразумели этот вид учёта, когда завоевали королевство, не смогли они изучить его и по сей день. Это счетоводство имеет хорошее доверие в тех городах только среди некоторых заслуживающих доверия индейцев, которых они называют *кипо камайос* [*quypo camayos*], аки управляющие делами тех отчётов и аки главные счетоводы [*contadores mayores*]. Учёт всего домашнего скота, и плодов и общинных полей — вот их обязанность… и эти *кипу камайос* составляют отчёт пред судебными властями, и устно дают отчет обо всём. Доныне они сохранили огромное количество этих завязываемых верёвок. Несмотря на то, что познания и способности некоторых начальников-индейцев уже расширились, даже в

изучении Романсе |т.е. Испанского языка| и Латыни и в пении, а также в игре на различных инструментах, и в счете Арабскими цифрами, в действительности они не используют их |Арабские цифры|, и королевские коррехидоры |королевский наместник в провинции или городе| не позволяют им брать и отдавать что-либо, используя наш счёт и цифры, а скорее с помощью этих кипу. И *кипокамайос* сами выбирают именно эти инструменты перед коррехидором в их городском муниципалитете [*ayuntamiento*]. Сей порядок сохраняется и по сегодня. Другой порядок, наш собственный |т.е. подсчёт с помощью цифр|, служит как средство любопытное и изощренное у индейцев-начальников, решившихся его изучать.

Резюме историка Фрэнка Саломона:

Это свидетельство, должно было послужить тревожным сигналом для короля Испании о том, что Перуанские отчеты индейцев невозможно подвергнуть перепроверке, аудиту. Также Мурильо утверждает, что индейская знать через 50 лет после конкисты интересовалась арабскими цифрами лишь в виде развлечения и не считала их важными, а также, что система фиксации учётной информации с помощью кипу продолжала вестись и дальше, хотя именно в тот период, а именно с Третьего Лимского Собора (1583) началось тотальное уничтожение кипу, поскольку именно тогда было определено, что кипу является проявлением идолопоклонства (испанцы считали, что составители кипу приносили эти веревки своим божествам в жертву).

Письмо анонимного иезуита отцу Хуану Себастьяну, Главе Провинциального Ордена (Куско, ок. 1599).

[Перевод с испанского издания:
Monumenta Peruana. VI. (1596–1599). — Romae, APUD “Institutum Historicum Societatis Iesu”, 1974, p.799–806.]

О документе:

Мы не знаем имени автора этого доклада, поскольку имеющиеся внутри самого документа данные, не позволяют этого сделать. Место составления также нам неизвестно, хотя, можно полагать, что речь идет о коллегиуме в Куско, поскольку он включен в книгу *«Анонимная История»*, написанную иезуитами этого коллегиума. Дату написания можно рассчитать, исходя из данных, приведенных в упомянутой *Истории*, подписанной 1 ноября 1600, во введении которой отмечается, что: «При ректоре этого коллегиума |в Куско| Отце Хуане Васкесе была сделана еще одна миссия к *сорам*, *чалькам* и *андамаркам* [a los soras, chalcas y andamarcas]». И при этом говориться о том, что вышеупомянутый Ректор исполнял свой первый год трехлетнего правления, а он истекал через пять месяцев. Его же ректорство началось в 1598. Следовательно, мы думаем, что это миссионерское письмо нужно датировать 1599 годом. Документ, написанный историком коллегиума Куско, был добавлен в книгу *«Анонимная История» («Historia anónima»)*. Поскольку в этом 1599 году, 2 октября (см. документ №130, примечание 11), произошла замена Главы Провинциального Ордена, то получателем может быть либо отец Себастьян или его преемник отец Кабредо. Сравнивая стиль этого документа с другими сочинениями и сопоставляя детали, на которых сосредотачивает свое внимание автор письма, мы думаем, что автором является знаменитый миссионер из Куско отец Грегорио де Сиснерос. (см. документы № 88, №186).

Ценность этого письма-доклада прежде всего в том, что на протяжении всего текста проглядываются не ослабевшие на конец XVI века традиции местных индейцев. Сами же индейцы провинции Андагуайлас, что важно, относились к различным этносоциальным группам: бесспорно, такие народности как чанки и юнги были в описываемой местности не коренным населением, а скорее всего завоевателями, переселенцами либо «митимайями», поскольку имперская политика Инков широко практиковала колонизацию и насильственное переселение, а факт того, что чанки захватили данную территорию известен из работ многих хронистов. Интересно сопоставление информации из этого доклада с записями Сьеса де Леона, созданными за 50 лет до того, из чего можно заметить, правда, сквозь пелену тумана, каковы взаимосвязи различных социальных групп, какова их

эволюция в андском обществе и каково влияние традиций, а также к каким результатам привела национальная и социальная политика инков и испанцев.

Не меньшее значение имеет факт безуспешного насаждения христианства многими священниками, работавшими до прихода иезуитов. Это вызвано было рядом причин: отсутствием знания священниками индейских языков, закрытость для вхождения местного населения в церковную иерархию и т.д.

Примечание: в тексте слова на индейских языках выделены *курсивом*.

ТЕКСТ:

1. Socii cante rccepti a sacerdotibus provinciarum de Soras et Chalcas. — ***2.*** Grandi tamen animarum motil. — ***3.*** Idolátrete ad christianismum conversi. — ***4.*** Casus cuiusdam idotorum cultoris. — ***5.*** Etiam populi integre ad fidem recepti. — ***6–7.*** Quo grato animo sint erga socios. — ***8.*** Bona indi inter indos distribuía. — ***9.*** Opus caritatis. — ***10.*** Missionis eventus, qai etiam pro aliis provinciis desideratur.

1. О провинции *Андауайлас*[891] [Andahuaylas][892] я написал[893] Вашему Преподобию[894] о том, что Бог сотворил с помощью наших служб, кои не меньше послужили Нашему Господу в этой |провинции| *Соров*[895] и *Чальков*[896] [Soras y Chalcas], где из-за того, что никогда не было Общества |Иезуитов|, сначала испытывали большой страх перед нами и нашим образом жизни, когда некоторым священникам казалось, что мы приходили только затем, чтобы выставить их из их собственных домов |т.е. церквей| и, нанося визиты, пытались разузнавать об их жизни. И потому после того, как стало известно о нашем прибытии, кто-то сказал, что состоится новая инспекция и был кто-то, кто, желая подготовиться, написал другому священнику, чтобы его уведомили о том, сколько служителей мы с собой вели, и каким образом действовали. Ему ответили, чтобы он успокоился, потому что Общество не использовала свой приход ради инспекции, скорее оно приходило с целью утешить и от всей души помочь всем, и что наш визит был тем, что и Христос, Наш Господь, приказал осуществить своим апостолам, проповедуя его Евангелие[897] и приводя души к осознанию Бога; и что для этой цели служителями были несчастные слепцы, приходившими пешком, обучая

[891] Подробно об этой провинции написал Педро де Сьеса де Леон («Хроника Перу. Часть первая», 1553).
[892] Округ и столица одноименной провинции в департаменте Апуримак (Перу).
[893] Речь идет об утраченном письме №236a.
[894] Хуан Себастьян, глава провинциального ордена иезуитов.
[895] В юрисдикции Гуаманги, департамента Аякучо, чьи «местные жители называются *сорас*». Сьеса де Леон упоминает соров в связи с нападением на них новых воинственных жителей провинции Чинча.
[896] Отдельная группа *соров*.
[897] Евангелие дословно означает «Добрая весть».

молитвам и тайнам веры, с чем священники поначалу кое-как, а в последующим и вовсе успокоились, когда на деле и на примере они собственными глазами это увидели, и, узнав правду об этом, каждый хотел, чтобы таковые пришли в провинцию их приходской церкви, приходя лично забрать их.

2. Они слушали всегда проповеди, присутствуя на наставлениях и процессиях, впереди всегда несущие крест, делая замечания своим подданным, которые приезжали для того, чтобы Отцы им проповедовали; дабы им пришло их спасение и с такой хорошей помощью и божественной милостью, их направлявшей, что они весьма усердно благодарили, со слезами и раскаянием прося благотворного покаяния. Они выходили из своего неведения и 20 и 30-летних грехов; за вышеупомянутое время почти все устраивали себе генеральные исповеди, |равно как| и другие люди, которые за всю свою жизнь |впервые| познали это таинство, из-за того, что пребывали в *пунах*[898]. Я мог бы привести для этой цели много достойных упоминания примеров, в чем явно будет прослеживаться божественное провидение и Его покровительство о своих существах; |а также| о многих душах, которые, став в тени смерти, вышли на луч света и жизни, одни — |отойдя от| многих идолопоклонств и древних предрассудков, другие — от животной жизни, и все забытые своим Творцом.

3. Но, чтобы не утомлять, сообщу кое-что о каждом вопросе подробно, для того, чтобы их помощью было видно милосердие Господа: демон заприметил в смертельном грехе одну душу |т.е. человека|, потому что 30 лет назад та была в немилости у своего Творца, совершая множество публичных деяний идолопоклонства. Она пребывала в собрании |людей|, устроенном для того, чтобы поклониться облакам[899] и совершить им из животных большое жертвоприношение, поскольку им не хватало воды для своих *чакрас*[900]: засеваемых в большинстве этих провинций во время затяжных дождей, и у них заканчивалась посевная[901]. Собрались все власть имущие, и, принеся многое необходимое для жертвоприношения, поднялись на высокую скалу и *пуну*[902], где дожди и лучи падали сильнее обычного; и там все стоя на коленях, одни — жертвуя баранов[903], другие — *куйев* [cuyes][904], проливая

[898] Высокогорная холодная местность.

[899] Индейцы поклоняются «*пукиес* |источникам|, являющимся источниками, ключами; мы обнаружили, что они поклоняются тем же способом, особенно там, где у них имеется недостача в воде, прося их, чтобы они не пересыхали» (Арриага, Пабло Хосе. «Искоренение язычества», 11).

[900] *Чакарас* — обрабатываемые посевные поля.

[901] «Эта земля — холодная и сухая, терпимая, и в ней дождь льет в тоже время и месяца, что и в Испании, и сила вод обычно |проявляется| в месяца Декабрь, Январь и Февраль, хотя некоторые года — бесплодные и неурожайные» (Relaciones, I, 170).

[902] На вершинах находятся холодные равнины, которые индейцы называют *пунас*, что значит «холодная земля», какой она и является (Relaciones, I, 170).

[903] «В этой провинции есть местный скот, служащий для переносок груза, и другой, называемый *пакос*, поменьше, имеющий шерсть, из которой изготавливают одежду, он почти такого же внешнего вида и формы, и они очень приятные на вкус для всех людей». *Аучениа пако*, из семейства лам, цвета темной львиной шерсти или рыжего цвета (Relaciones, I, 175).

[904] «У индейцев в их домах есть маленькие животные, похожие на маленьких кроликов, которых они называют *куис*» (Relaciones, I, 175).

асуа [azúa][905], являющуюся так называемой *чичей* [chicha][906], и поднимая руки, согласно своему обычаю в подобных случаях, они поклонились облакам и лучам: пребывающие у них в большом почтении, как написано мною в другом моем сочинении[907]. Они помолились о воде, и в этот день было приказано, чтобы голодали все их дети и воздерживались от употребления в пищу *чарки* [charqui][908], *ахи* [ají][909] и соли, и от того, чтобы брать палку или камень в руки[910], как издревле у них повелось, кроме того, оказывая почтение тому, что их родители должны были делать, с помощью этого поста они помогали бы умерщвлять и свою плоть. |Священниками| порицался этот обряд и предрассудок, развративший многих людей, и разъяснялись хитрости, с помощью которых дьявол вел их за собой, заставляя их следовать его обрядом и церемониям, и многие души из их неведения извлек Наш Господь в этом улове. И эта бедная душа, вернувшаяся к своему Творцу и к осознанию своего греха, исповедалась на генеральной исповеди и покаялась в своих грехах, с пользой и примером для многих других.

4. Другой человек открыл также глаза своей души, который, из-за паралича рук у своей матери, разыскивая спасительного средства, советовался с колдуном и от него получил ответ, что его покарали из-за того, что он ходил поклоняться лучу и *ваке*[911], и что спасение состояло в том, чтобы идти в пуну и оказать почтение и поклонение |там|. Что и сделал этот несчастный индеец для своей матери, и он принес в жертву кукурузную[912] муку, и, поместив ее на ладонь, сдувал с нее, говоря особые слова обещания, и жертвуя двух животных. А возвратившись, он обнаружил свою мать в намного лучшем состоянии, чем и довольствовался, поскольку произошло это по причине совершенного ранее жертвоприношения, и благодаря этому улучшению его сердце сильнее закалилось |в претерпеваемых бедах|. Невзирая на все это сила божественного слова, достигшая его души, смогла достичь большего, и смягчала ее, заплакавшую и совершившую генеральную исповедь, выходящую из своей слепоты и осознания своего несчастливого положения, в коем она пребывала, возвратившись к своему Богу.

Не меньшую необходимость имела другая душа, которая, пробыв 16 лет в немилости Божьей в больших и чудовищных грехах, достигшие,

---

[905] «Главное и наилучшее приношение, и составляющее большую часть их жертвоприношений, это — *чича*» (Арриага. Там же, 24)

[906] Индейское вино.

[907] В докладе о миссии к *вилькам*, где были отец Грегорио де Сиснерос и Хуан Гонсало Руис, сказано, что индейцы «поклонялись источникам, и грому, и молнии, с особым ритуалом». Хуан Гонсало Руис, согласно документов Миччинелли, являлся одним из сподвижников Бласа Валеры.

[908] «Сушеное или вяленое мясо» (Матеос в книге «Анонимная история» II, 510). «Из этого копченого (вяленого) мяса, ими называемого *чарки*, и из свежего мяса, они умели делать только один вид ольи или жаркого, называемого *локро*, с большим количеством *ахи*, *куньо* |*чуньо*|, картофеля и других овощей» (Кобо, История, XIV, 5).

[909] Острый перец. «*Ахи* настолько изысканная и вкусная приправа для индейцев, что с нею они хорошо едят любое кушание, даже если бы то были лесные и горькие травы; и в дни наиболее строгих из устраиваемых в их язычестве постов было необходимо воздерживаться от употребления в пищу любого тушеного мяса с *ахи*» (Кобо, История, IV, 24).

[910] С целью отомстить кому-либо за что-либо.

[911] Идол или место поклонения (Док. №98, прим.126).

[912] «*Маис* также жертвуют иногда целиком, а иной раз — перемолотым, и сжигают его с *кокой* и салом» (Арриага, там же, 26s).

кажется, наибольшего зла, и которую полностью оставила рука Божия, пришла в себя и, омывая свою душу водой покаяния и слез, и совершая генеральную исповедь, достигла того, чего Господь обещает тем, кто так хорошо готовится.

5. Эти милости творил Наш Господь, не только для отдельных лиц, которые от наших служб хотели получить пользу, но также и для целых селений[913], спасая их из их грешной жизни и обычаев. Мы достигли нескольких селений, очень нуждающихся в божественной помощи и содействии, и в том, чтобы стать на путь спасения: одно из которых мы нашли полностью павшим, не было в нем и следа рассудка, на проповедях в этом селении порицая деяния, до которых доводит пьянство и какие великие кары Наш Господь уготовал за это; все виновники, услышав этот голос в своих душах, решили принести покаяние, и вместе исполнили его, таким образом, что исповедались все, и исправление жизни было таким, что благодаря этому преобразовались все люди. И так было во многих других селениях, которые, забытые своим Творцом, отходили от своих чувственными желаний и разнузданных пороков. Это легко можно понять из одной главы письма, которое нам написал Викарий[914] относительно благодеяний, совершенных Господом для них, а именно: «Отцы мои, да благословенна будет Святая Троица, сотворившая столько благодеяния для этой провинции, приведя в нее Общество |Иезуитов| для спасения стольких душ. Стоит увидеть сейчас этот мой посещенный Богом поселок, превратившийся в душистый сад со многими и различными цветами, и каково исправление этих несчастных индейцев и их жизней».

6. Другой священник привел нас в свой приход, где у него был поселок почти лишенный надежды на спасение, поскольку люди его были такими непокорными и привержены порокам, да к тому же равнодушными к делам Божиим; так что проходила неделя без посещения церкви, и потому все души ходили сбившимися с пути, как овцы без пастуха, и так мало верилось в их спасение, что священнику казалось, будто ни что их не спасет, лишь одно чудом. Но Господь смилостивился, чтобы тот через три дня увидел, как все они по своей воле совершали самоистязание [a todos hacer una disciplina], и сходились на исповеди, приходя молиться в церковь едва наступит рассвет. Они основали Братство Иисуса[915], и с помощью этого способа, и заботы мажордомов[916], каждый день все больше приобщались к делам Божьим, и так сильно они им нравились, что весь день они пребывали в церкви, обучаясь с превеликой радостью |делам веры], а дети распевали Учение в их домах, и их родители обучали ему своих жен, и этим они были

[913] Селения данного региона.
[914] Приходским священником селения, похоже, был Сан Бартоломе де Атунсора, «глава этого надела».
[915] Об этом Братстве см. док №186, §37.
[916] «Просвещает много наша церковь |в Куско|, братство Имении Иисусового, в ней созданное, в индейской церкви, где у братьев есть свои капитулы и выборы своего управляющего и мажордомов, и остальных 24 должностей; там прощают и карают достойных и оказывают честь тем, кто подает хороший пример».

заняты целый день, так, что у их священника вызывало восхищение видеть, как они возвращались |к Богу| и с какой легкостью они обратились к Господу.

7. В этих провинциях они настолько большим прониклись почтением к Обществу, что удивительное дело то уважительное отношение, какое они нам оказывают, приходя издалека и бросаясь, после исповеди, целовать ноги, чему мы даже не препятствуем, и говоря: «Святой отец», — таким именем они нас называют. Они говорят между собой: «Эти Отцы обучают нас плакать», и потому то, что им говорится об их спасении, это они сразу же принимают к сведению, хотя бы это влекло за собой трудности, такие как — возмещение ущерба и отдавать милостыню, и это они исполняют, принося в церковь десятками ноши *маиса*[917] [trayendo a la iglesia las cargas de maíz de 10 en 10] для распределения среди бедняков, |а также| одежду, серебро и другие вещи, из принесенного также берут священники и для другого какого-либо дела, приносившие пользу их душам, и им устраивали генеральные исповеди, со слезами просящих, чтобы им была оказана помощь и указан порядок, как жить в согласии с Богом.

8. Один из них, видя, что занятия, которые у него были, запрещали ему приобретать новое состояние, распределил часть своего имения среди бедняков, церкви и братьев, докучая нам тем, чтобы мы взяли также немного серебра, в чем ему было отказано и дан ответ, что у нас было все необходимое для нашего путешествия. Он привел меня в одно селение, имевшееся у него в пуне, где я крестил троих, и было основано братство, и я установил порядок, как исповедоваться, и раздал беднякам много милостыни; это было похоже на образ первозданной церкви [parecía un retrato de la primitiva iglesia], глядя на милосердие, какое было у одних по отношению к другим, и усердие к тому, чтобы познать святые таинства; и так *курака*[918] приводил своих подданных, а дочь — свою мать и бабушку, и учила она тому, что представляла из себя исповедь, и они устраивали общие для всех угощения.

9. Те, что приходили к нам исповедоваться, докучали нам тем, чтобы мы расположились в их имениях. Один богатый индеец предложил поместье, свой дом и серебро, говоря: «Отец, много мне дал Наш Господь, и есть у меня только один сын: им самим и всем тем, что у меня есть, распоряжайся на свое усмотрение и раздавай беднякам, у меня не убудет», и было необходимо снизойти к его просьбам, и было распределено среди бедняков многое из его имения, и подготовился он к исповеди и служению Богу, и был обучен тайнам нашей святой веры и познал таинства с большою радостью и в назидание всем. Это же было проделано с другими в этой провинции, которые с покаянием и новой

[917] «Местные жители этой провинции ведут дело и торгуют *кокой* и местными баранами, и маисом со своих полей, они платят подать реалами [en reales] и *маисом*, торгуют некоторые испанцы у этих жителей теми же самыми товарами» (Relaciones, I, 176).
[918] Об управлении курак или касиков этого региона — см. Relaciones, I, 180.

жизнью подготовились к тому, чтобы им был дан указанный мною выше порядок, проделав необходимые мероприятия, и устроен праздник и раздача еды беднякам.

10. Одна несчастная индеанка, умиленная этим примером, принесла свой *аско* [*acso*][919], т.е. одежду, прося, чтобы мы отдали это бедняку; и на этом завершилась эта четырехмесячная миссия, за время которой соизволил Господь, чтобы проповедовалось Святое Евангелие, и проводились исповеди, и обучилось христианскому учению более 15000 индейцев, обитающих в этих двух провинциях. И был роздан хлеб божественного слова 5 весьма нуждающимся индейским народам: *Чанкам*[920], *Атун-Сорам*[921], *Урин-Сорам*[922], *Чалькам*[923] и *Юнгам*[924] [Chancas, Atún Soras, Urín Soras, Chalcas y Yungas[925]], и пребывают в ожидании у нас, как сухие засеянные поля ждут небесной росы, другие три провинции, испытывающие не меньшую нужду: *Андамарков*[926], *Атун-Руканов*[927], *Чокорвов*[928] и *Йауйев*[929] [Andamarcas, Atún Rucanas, Chocorbos y Yauyos]. Да соизволит Господь дать время и да пожнет Он те зрелые злаки, что с таким желанием и |с помощью стольких| вестником просят о спасительном средстве. Да охранит Он Ваше Преподобие...».

---

[919] Юбка; нижняя юбка с ворсом на одной из сторон, или исподняя женская юбка. Правильнее «*Akasu*» (Lira. Diccionario kkechuwa-español, см. Ahsu).

[920] «Провинция *Андагуайлас*» (Relaciones, I, 172).

[921] Сан-Бартоломе де Атунсора |…| называется издавна *Атунсора*, потому что его жители называются *сорас*; и *Атун* означает на всеобщем языке |кечуа| «большая вещь», и называется оно так, потому что это главное селение этого репартимьенто и провинции» (Relaciones, I, 196s).

[922] «*Луринсора* [Lurin Sora или Hurin Sora], что значит нижние *соры*» (Relaciones, I, 170).

[923] «|Третья группа этого репартимьенто| называется *чальки* [los chalcas]» (Relaciones, I, 170).

[924] «*Юнги*, что значит знойная земля, из самых ближних, что будет в 25 лигах от этой провинции |*Атунсора*|» (Relaciones, I, 176).

[925] Сьеса де Леон: «А так как я часто в этом сочинении называл Инков, а также Юнгов, то дабы удовлетворить читателя, скажу, что значит Юнги, как я сделал это раньше с Инками, и чтобы стало понятно, что селения и провинции Перу расположены так, как я поведал: многие из них расположены в ущельях гор Анд и в заснеженных горных районах. И все жители высот называются горцами, а те, что живут на равнинах — Юнгами. И во многих местах сьерры, по которой текут, где горная местность так высока, равнины укрыты |от непогоды| и умеренны |по климату|, настолько, что во многих местах так же жарко, как и в этих равнинах; живущих здесь жителей, хоть и находящихся в сьерре, называют Юнги. И во всем Перу, когда говорят об этих умеренных и горячих местах, находящихся между горных хребтов, говорят, что это — *Юнга*. И жители не имеют другого названия, будь у них свои собственные названия для селений и местностей. Так что, живущие в тех краях и во всех этих равнинах да на побережье Перу зовутся Юнгами, из-за того, что проживают в знойном краю».

[926] Округ в провинции Хауха, в департаменте Хунин (Перу).

[927] «*Атун-Лукана* |Рукана|, т.е. другое репартимьенто» в юрисдикции Гуаманги, департамента Аякучо.

[928] В провинции *Йауйос* (Relaciones, I, 61s).

[929] Провинция и округ в департаменте Лимы (Relaciones, I, 61-78).

Франсиско де Авила. «Боги и люди Варочири» (1608). Отрывки.

Авила, Франсиско де (1573, Куско, Перу — 17 сентября 1647, Лима, Перу) — перуанский священник, собравший у местного населения (инки, кечуа, юнги, мочика) уникальные мифы в конце XVI — начале XVII веков в провинции Варочири, что неподалёку от Лимы. Автор «Рукописи Уарочири».

Биография

Дата и место рождения неизвестны. Данных о его жизни тоже сохранилось очень мало.

Историк Дон Маркос Хименес де ла Эспада, занимаясь его произведениями, сказал: «Это человек, чья скромность подчеркивала его таланты и добродетели, ведь когда в 1610 году он предложил Его Величеству свои услуги в качестве священника кафедрального собора, в отличие от других претендентов, он выразился следующим образом: „Я — человек ученый, и я преподаю науки и ценю их; доктор канонического права этого университета, где я и получил ученую степень, я был строго принят и проверен, обучавшись всегда в крайней бедности и с помощью одного только Господа, кормившего меня, и более тринадцати лет я занимался в индейских церковных приходах, преподавая им и наставляя их в нашей святой католической вере. Я также подкидыш на этой земле, родители — дворяне и жители той земли, хотя и не известные мне; я пользуюсь привилегиями, по праву подкидышей, querum parentes ignorantur, и потому я человек умелый в любой профессии, в достоинствах и милосердии, а поскольку, по праву милости, дарованной Святым Клементом Восьмым таким подкидышам, и для большей предусмотрительности да изобилия, я имею особенное расположение ко всему, что будет необходимо. Хотя, как я понял, быть подкидышем, должно было помогать мне, но принесло мне больше вреда при руководстве этой церковью, при назначении меня на должность, если меня не переведут в хорошее место“».

Рукописи

Его работы не были напечатаны, и тот же дон Маркос Хименес де ла Эспада владевший множеством его рукописей, называет их так:

* в 1608, он составил, по крайней мере, начал составлять книгу, первая страница которой говорит: «Трактат и доклад о заблуждениях… Год 1608».

* «Доклад который я, Доктор Франсиско де Авила, пресвитер и т. д.», написанное в 1611.

Считается, что отец Авила не написал весь этот трактат полностью сам, а переводил, добавляя и иллюстрируя своими собственными наблюдениями первоначальный текст, собранный у людей, «живших в заблуждениях и обычаях перуанского язычества, прежде чем Бог просветил их», согласно эпиграфу.

Также Дон Маркос Хименес де ла Эспада упоминает другой доклад, написанный на кечуа, тщательно отобранный Авилой, и содержащим 31-у главу, из которых три или четыре первых совпадают с такими же главами из его «Трактата и доклада о заблуждениях и ложных богах…», и что, это должен быть интересный и любопытный текст, судя по крохотной части, переведенной на испанский и английский язык. Наиболее полным изданием этой рукописи является немецкое издание Германа Тимборна 1967 года с двуязычным тесктом: на кечуа и на немецком

Деятельность

Франсиско де Авила отличился благодаря своему знанию и добродетели, за что архиепископ Санто Торибио назначил его священником и викарийем прихода Сан Дамиан, а затем он получил должность в городе Гуануко.

В течение своей долгой жизни он не прекращал с усердием учить индейцев, и, как думает историк Мендибуру, было бы невозможно найти другого такого церковнослужителя, который бы проповедовал больше и так долго без всякого перерыва этим занимался, и считается, что часто он это делал даже за троих в один и тот же день. Для него настолько было важно проводить проповеди, чтобы добиться уменьшения язычников, что перед смертью он даже составил завещание на тысячу песо ренты, оставленное судьям церковного суда архиепископства Лимы, с тем обязательством, чтобы во все праздники у дверей кафедрального собора индейцам проводилась проповедь на языке кечуа, как он усердно практиковал сам.

Франсиско де Авила был также назван архиепископом Вильягомесом «ревизором, назначенным против идолопоклонничества индейцев», и, похоже, действовал он вместе с отцом Фернандо Авенданьо.

Умер отец Авила в Лиме 17 сентября 1647, и память о нём высоко почиталась прежде всего среди индейцев, с которыми он был крепко связан.

Долгое время (более двух с половиной столетий) работы этого священника не были даже напечатаны, ведь с полной уверенностью можно сказать, что они содержат достоверный материал по этнографии жителей Перу, поскольку отражают душу и чувства родного ему народа.

Произведения

1601, 14.5. Información de … que pretende una prebenda en las Iglesias de estos Reinos. Los Reyes, 14/Mayo/1601. Ms. Archivo de Indias, Sec.V, Aud. Lima, 71—1—32 (Vargas Ugarte, Bd.II, S.175)

1607 Ynformacion de vita et moribus del dotor Francisco de Avila, fecha el año de 1607. (Puhl, von H.Urteaga in der Rev. d. Archivo Nac. d. Perú, Bd.IX, Lima 1936, SS. 177 bis 209)

1607—1615 Información de servicios. Ms. Archivo de Indias, Sec.V, Aud.Lima, 326 (Vargas Ugarte, Bd.V, S.93)

1608 Runa yndio ñiscap Machoncuna usw. Ketschua-Ms. der Biblioteca Nac. de Madrid, 3169, fols. 64ff. (Publ. von Trimborn 1939, Galante 1942; büdet den Gegenstand dieses Buches)

1608 Tratado / y relación de los errores, falsos dio/ses y otras supersticiones y ritos dia/bólicos en que vivían antiguamente los /Indios de las provincias de Huara/Cheri, Mama y Chacha y oy / también viven engañados con gran perdición de sus almas. — Recogido por el Dotor Francisco de Avila presby/tero cura de la dotrina de la di/cha provincia de Huaracheri y vicario de las tres arri/ba dichas, de personas fidedignas y que con particular / diligencia procuraron la verdad de todo, y aun antes que Dios les alumbrasse uiuieron en los dichos errores y exercitaron sus ceremonias. Es materia gustosa y muy digna de ser sabida, para que se aduirta la grande ceguedad en que andan las almas que no tienen lumbre de fee, ni la quieren admitir en sus entendimientos. / No se refiere al presente mas que la histo/ria. Será N°. Sr. servido que el dicho Dotor / la ilustre y adorne con declaraciones y notas / que serán agradables, si Dios le diere vida. / Año de 1608. Ms. der Biblioteca Nac. de Madrid, 3169, fols. 115ff. (Publ. by Cl. R. Markham, Works Hakluyt Society, Bd. XLVIII, London 1873; CA.Romero in Col. d. libros y doc. ref. a la Hist. d. Perú, Bd. XI, Lima 1918)

1610 Oratio / habita in Ecclesia / cathedrali Limensi ad Domi-/num Bartholomaeum Lupum Guerrerum Archiepisco/pum eiusdem Ciuitatis, totius Regni Peruani Metropo/litanum, regium; Consüiarium &c … Limae, Apud Franciscum a Canto. / Anno 1610 Befindet sich nach Medina (S.116) im Umfange von 12 fols. und in Oktav in der Bibliothek des Harvard College. 1610,30.4. Carta a S.M. Los Reyes, 30/Abril/1610. Ms. Archivo de Indias, See. V, Aud. Lima, 71—3—33 (Vargas Ugarte, Bd.II, S.179)

1610, 11.11. Ms. Harkness Collection, f. 930. Los Reyes, ll/Nov./1610.

1611 Relación que yo el Dotor Francisco de Auila, cura y beneficiado de la ciudad de Guánuco, hice por mandado del Sr. Arzob. de los Reyes, acerca de los pueblos de Indios de este arzobispado, donde se había descubierto la idolatría y hallado gran cantidad.

[Перевод с таких изданий:

— испанское:

Dioses y hombres de Huarochirí. Narración quechua recogida por Francisco de Avila [1598?]. — México: Siglo XXI, 1975.

— английское:

Narratives of the rites and laws of the Yncas (1873) — http://www.archive.org/details/narrativesofrite00moli

— немецкое:

Herman Trimborn. Francisco de Avila: [ketschua-handschrift.], — Berlin: Gebr. Mann, 1967.

Примечание переводчика.

Рукопись, написанная на языке кечуа и без названия, составлена в конце XVI века в провинции Варочири [Huarochirí], подчиняющейся архиепископской епархии Лимы, Перу, священником из Куско — Франсиско де Авила, и сберегаемая в Национальной Библиотеке Мадрида. Хосе Мария Аргедас осуществил её первый прямой перевод на испанский язык, изданный в 1966 под редакцией Национального Музея Истории, а также Института Перуанских Исследований г. Лимы.

ТЕКСТ:

|Трактат и доклад о заблуждениях, ложных богах и других предрассудках и дьявольских обычаях, в коих раньше жили Индейцы провинций Варочири, Мама и Чача, и поныне также живут обманутые, погубив свои души.

— Собранно Доктором Франсиско де Авила, пресвитером, приходским священником вышеназванной провинции Варочири и викарием трех вышеупомянутых |провинций|, |со слов| достойных доверия людей, и которые с особым усердием во всем доискивались истины, а также, прежде чем Господь осветил их, они жили в тех заблуждениях и проводили свои церемонии. Это предмет, достойный того, чтобы о нем стало известно, дабы предотвратить полную неведение, в каком пребывают души, не имеющие огня веры, и не желающие понять её. Это не касается времени настоящего, это скорее история. Да послужит Нашему Господу то, как вышеупомянутый Доктор изобразил ее и украсил показаниями и примечаниями, которые порадуют |кого-нибудь|, если Бог дарует ей жизнь. 1608 год|

ГЛАВА I
“|О том| как в старину были идолы, и как они воевали между собой, и |о том,| кто был жителями в то время”

|Это очень давний обычай, что прежде чем произошли какие-либо события, существовали некие ваки или идолы, которые, о них и о других я еще расскажу, можно предположить, ходили в облике людей.|

В стародавние времена существовала вака под названием Йанамка Тутаньямка [Yanamca Tutañamca][930]. После этих вак, была другая вака по имени Уальяльо Каруинчо [Huallallo Carhuincho][931]. Эта вака победила. |Она стала владыкой или Богом|. Когда у неё уже была власть, она приказала человеку |женщине|, чтобы у него было только два ребёнка |или сына|. Одного из них она |вака| пожирала бы, другого, того, которого по любви выбрали бы его родители, этого она оставляла жить. И с тех пор |была также традиция, в те дни|, когда люди умирали, они вновь оживали через пять дней, и таким же образом, поля созревали |давали ростки| через пять дней |на пятый день| прежде, чем их засевали. И эти селения, селения всего этого региона, состояли из многих юнков [yuncas][932] |или андов [Ande]|. Поэтому их стало так много и, поскольку они увеличились в числе таким образом, то жили убого, даже в пропастях и на маленьких площадках возле пропастей они устроили посевные поля, копая и раскалывая почву. |И они говорят, что те посевы стали наблюдаться в пустынях и необжитых местах, таких как Париакака и других|. Даже сейчас всё еще повсюду видны земли, ими засеваемые, то большие, то маленькие. И в то время птицы были очень

[930] Изд.1873: Yananamca Intanamca.
[931] 1873: Huallallo Caruincho.
[932] Земли юнков или народ, пришедший из зоны юнков.

красивыми |таких как: ара, попугаи, и другие|, huritu и caqui, полностью желтые, или красные каждый, все они |с людьми, обжившими тот край (и которые, согласно их сообщениям, вели очень порочную жизнь)|.

Спустя время, появилась другая вака, по имени Париакака. Тогда она изгнала всех людей отовсюду. Об этих делах и о самой Париакака мы сейчас и поведаем |и о его битве с Вальальо Карринчо|. В то время существовала вака, называемая Кунирайя [Cuniraya][933], тогда существовала она. Но мы не знаем толком, была ли Кунирайя до или после |возвышения| Париакаки |, однако, определенно известно, что она существовала и ей поклонялись во время прихода Испанцев в эту страну|; или, если существовала эта Кунирайя в то же самое время, или |уже| вместе с Виракочей [Viracocha] |(имя, которое они давали и до сих пор дают Испанцам)|, творцом людей |, всего: и посевов и людей|; потому что люди для сотворения молитвы говорили так: “Кунирайя Виракоча, творец человека, творец мира, ты имеешь всё, что можно иметь, твоими являются посевные поля, твоим является человек: я”. И когда они должны были начать какую-нибудь тяжелую работу, то молились ему, бросая листы коки на землю, произнося: “Сделай так, чтобы я вспомнил это, что предвидел Кунирайя Виракоча”[934], и так, что они не могли видеть Виракочу, прадавние |жители| говорили ему и молились. И больше всего молились и взывали |к нему| мастера-ткачи, у которых была столь тяжелая работа. |Этот призыв и обычай обращаться к идолу по имени Уиракоча определенно господствовал задолго до прихода Испанцев в страну. Но не известно точно, кто был раньше: Конирайа или Париакака; наиболее вероятно, что Конирайа был более древним|. По этой причине мы должны описать дела, случившиеся до того, как он |Кунирайя| существовал, заодно с событиями[935] Париакаки.

ГЛАВА II

“Как произошёл Кунирайя Виракоча в своё время[936], и о том, как Кавильяка [Cahuillaca] родила ему сына, и что с ним произошло”

Жизнь Кунирайи Виракочи.

Этот Кунирайя Виракоча, в стародавние времена, ходил-бродил, приняв облик очень бедного человека; его *йаколья* [yacolla — накидка] и его *кусма* [cusma — туника] сделаны из лоскутков. Некоторые, не знавшие его, бормотали, увидев его: “вшивый несчастный”, говорили. |Они говорят, что он был Творцом всех вещей|. Этот человек имел власть над всеми селениями |народами|. Одним только разговором он мог заставить построить террасы наилучшим образом и подпиравшихся стенами. А также он научил делать оросительные каналы, бросая |в глину| цветок тростника[937], называемого *пупуна* [pupuna]; он научил, чтобы они делали их с его ухода |прихода|. И так,

[933] 1873: Coniraya.
[934] 1873: «Скажи мне, О Властитель Конирайа Уиракоча, как я должен это сделать».
[935] 1873: А потом о делах Париакаки.
[936] 1873: В которой продолжается сообщение о Конирайа, и как он влюбился в богиню Кавильяку, и о других вещах, достойных упоминания.
[937] 1873: «всего лишь полый тростник. Который мы называем Испанским камышом».

делая одни и другие вещи, пошел он, поклоняясь вакам некоторых селений, со своей мудростью[938].

И так |они говорят|, в то время существовала вака по имени Кавильака [Cavillaca]. Она была девушкой, давно |это было|. А поскольку она была красивой, ваки |мужчины| |или главные идолы|, то одна, то другая, все они говорили: “посплю с ней”, они добивались её, желали её. Но никто не достиг того, к чему каждый стремился. Потом, не позволив до того, чтобы какой-либо мужчина коснулся своими ногами её ног, однажды она принялась ткать у подножия дерева *лукума* [lúcuma][939]. В тот самый момент Кунирайя, ведь он был мудрецом, превратился в птицу и поднялся на дерево. Уже |находясь| на ветви он взял плод, бросил в него свой мужской зародыш[940] и скинул плод к женщине. Очень довольная, она проглотила зародыш. И таким образом она забеременела, не соединившись ни с одним мужчиной. Через девять месяцев, как и любая другая женщина, она родила |сына|, сама оставшись девушкой. Целый год она кормила её |ребенка|[941] своей грудью |, не зная как такое случилось и от кого она могла забеременеть|: “Дочь, ты чья будешь?” спрашивала она. И когда дочери исполнился один год и она уже карабкалась на четвереньках, мать созвала вак |и главных идолов| со всех мест. Она хотела, чтобы они признали её дочь[942]. Ваки, заслышав об этом, оделись в наилучшие свои одежды |каждый желал, появиться ярче и лучше, чем остальные, так чтобы она могла выбрать его себе в мужья и супруги|. “Она должна любить меня, она должна любить меня”[943], говоря |такое|, они прибыли на зов Кавильяки.

Встреча |ложных богов| состоялась в Анчикоча [Anchicocha] |в очень холодном, негостеприимном месте, на полпути между Чорильо и Варочири|, где жила женщина. И там, когда уже священные ваки всех мест расселись |согласно их порядку|, там женщина сказала им: “Посмотрите, мужчины, главы могущественные, признайте это дитя. Кто из вас оплодотворил меня своим зародышем? |Кто нанес мне такой ущерб и чей это сын?|” И она спросила у каждого из них по отдельности: “Это был ты? Это был ты?”[944], — говорила им. Но никто из них не ответил: “Он мой.” И тогда, поскольку Кунирайя Виракоча, о котором мы говорили, сидел скромно[945], а заявился он, как человек очень бедный, потому женщина и не спросила у него. “Не может она быть ребенком убогого», говоря |такое|, испытывая отвращение к этому

---

[938] 1873: «его мудрость позволила ему изобрести обман и хитрости, касаясь вак или идолов селений, ими посещенных».

[939] Лукума — (лат. *Pouteria lucuma*) — плодовое дерево семейства Сапотовые — небольшое вечнозелёное дерево высотой 8-15 м, с плотной кроной и с коричневой корой, содержащей обильный клейкий, молочного цвета, латекс. Листья овальные или эллиптические, кожистые, тёмно-зелёные сверху и бледные снизу, 12,5-25 см длинной. Плод, сплющенный овальный или эллиптический, 7,5-10 см длинной, с тонкой нежной коричневато-зелёной кожицей с красновато-коричневым румянцем. Внутри содержится ярко-жёлтая крепкая сухая мучнистая сладкая мякоть, пропитанная латексом до тех пор пока не перезревает, с 1-5 овальными чёрно-бурыми глянцевыми семенами.

[940] 1873: «порождающее семя».

[941] Пол ребенка не удается установить однозначно, несколькими строчками ниже говорится, что созыв состоялся, когда “chay huarma” — «этот ребенок» уже был годовалым и мог лазить на четвереньках. Существительное “huarma”, как и “huahua”, не несёт признаков пола.

[942] 1873: «чтобы узнать, чей это сын».

[943] Именно так дважды повторяется в оригинале.

[944] И снова повторяется дважды. Похоже это связано с особенностью языка кечуа.

[945] 1873: «сидел на самом низком месте».

человеку, одетому в лохмотья, она не спросила его; потому что этого Кунирайю окружали роскошно одетые мужчины. А так как никто не подтвердил: “Это — моё дитя”, она сказала малышке: “Иди сама и признай своего отца”, а вакам сказала: “Если кто-либо из вас отец, она сама попытается подняться на руки к тому, кто и есть |её| отец”. Тогда дитя начало ползти на четвереньках к месту, где находился человек в лохмотьях. По пути оно не изъявило желания подняться ни к одному из присутствующих; но как только подползло к бедняку, очень довольное и в одно мгновение обняло его ноги. Когда мать это увидела, то очень сильно вышла из себя: “Какая мерзость! Чтобы я могла родить ребенка от такого ничтожного человека?”, восклицая |так|, она выхватила свою дочь и убежала по направлению к морю. Увидев это: “Прямо сейчас она должна полюбить меня”, — сказал Кунирайя Виракоча и оделся в своё золотое одеяние, чем напугал всех вак; их, столь перепуганных, он принялся бить, |он побежал за ней| и выкрикнул: “Сестра[946] Кавильака, посмотри сюда и разгляди меня |хорошенько|; сейчас я очень красив” |произнося также другие ласковые и вежливые слова|. И заставляя свое одеяние сверкать, он выпрямился во весь рост[947]. Но она |высокомерная Кавильака| даже не повернула глаз[948] к тому месту, где находился Кунирайя; она |ускорила свой бег и| продолжала убегать к морю. “Из-за того, что я родила мерзкого |т.е. нечистого| ребенка от презренного человека[949], я исчезну”, — сказал она, и говоря |это|, бросилась в воду. И там до сих пор, в том глубоком море Пачакамака [mar de Pachacamac][950], очень хорошо видны два камня, похожих на людей, в тех местах проживающих. Как только они упали в воду, обе |мать и дочь| превратились в камень.

Тогда, этот Кунирайя Виракоча: “Моя сестра должна увидеть меня, она должна появиться”, — говоря |так|, зовя ее, и взывая к ней |: «Стой, стой! Госпожа, обернись и посмотри! Где ты, что я не могу тебя увидеть?»|, удалился от |того| места |Анчикоча|.

И встретился |по пути| он со старым кондором. Он спросил кондора: “Брат, где ты встретился с нею, с этой женщиной?”[951]. “Совсем близко отсюда”, — ответил ему кондор, — “|если бы поторопишься,| ты должен встретить её”. И Кунирайя сказал ему: “Жизнь твоя будет долгой. |Я дам тебе силу летать, там, где бы ты ни пожелал, преодолевая пустыни и долины и искать ущелья, строить там, где тебя никогда не уничтожит|. Когда умрут дикие животные, будь то гуанако [huanaco] или викунья [vicuña], или какое иное животное, ты съешь его мясо, |а также и не только мертвых животных, но и тех, которыми пренебрегли их хозяева, у тебя будет власть их убивать и есть|. И если тебя кто-то убьёт, тот, кто это сделает, также умрет.” Так он сказал ему.

---

[946] 1873: «О моя Госпожа Кавильака».
[947] 1873: «И они говорят, что его сияние осветило всю страну».
[948] 1873: «голову».
[949] 1873: «Они говорят, что использованное ею слово было — cachca-sapa, что значит «вызывающий зуд».
[950] Как ниже будет видно, существовала в том краю и река Пачакамак.
[951] 1873: « с женщиной, с такими-то и такими-то приметами».

Затем он встретился с вонючкой[952] |скунсом|. И когда он спросил у него: “Брат, где ты встретился с нею, с этой женщиной?”; вонючка ответил ему: “Ты никогда уже не найдешь ее; слишком далеко она ушла”. “Сообщив мне такое известие, ты никогда не сможешь передвигаться днём, поскольку тебя возненавидят люди; и потому, ненавистный и распространяющий зловоние, ты будешь передвигаться ночью и будешь страдать от презрения |людей|”, сказал ему Кунирайя. Вскоре он встретился с пумой. Пума сказала Кунирайе: “Она идет очень близко, ты должен настичь её”. Кунирайя ответил ему: “Тебя должны будут очень любить; ты будешь |иметь власть карать и наказывать| людей, совершивших преступления, и есть |нечестивых| лам. И если они убьют тебя, на большие праздники мужчины будут надевать твою голову |со шкурой, зубами и глазами| на свою, и будут петь тебе; каждый год они будут забивать ламу, тебя выведут на улицу и будут тебе петь”. Потом он встретился с лисицей, и лисица сказала ему: “Она уже очень далеко; ты не найдешь ее”. Кунирайя ответил её: “Тебя, даже если ты будешь проходить вдали от людей, должны будут возненавидеть тебя, начнут преследовать; они скажут: «эта несчастная лисица», и не успокоятся, пока не убьют тебя; для своего удовольствия будут они попирать твою кожу, будут дурно с ней обращаться”.

Затем он встретился с соколом; сокол поведал ему: “Она идет очень близко, ты должен встретить её” и Кунирайя ответил ему: “Ты будешь очень счастливым |и очень почитаем|; ты будешь есть на завтрак |птиц| колибри[953] |, это очень нежная и красивая маленькая птичка, живущая среди цветочного нектара (я не знаю её названия на испанском)|, а потом будешь есть всяких птиц. И если ты умрёшь, или кто-то убьёт тебя, люди будут приносить тебе в жертву ламу; и когда они будут петь и танцевать |на своих праздниках|, то наденут тебя на свои головы, и там ты будешь прекрасен”.

Тотчас же он встретил попугайчика[954]; и тот ему сказал: “Она уже прошла изрядное расстояние; ты не найдешь ее”. Кунирайя ответил ему: “Ты всегда будешь передвигаться, слишком часто выкрикивая; когда ты скажешь: «я уничтожу твою пищу», люди, которые должны будут ненавидеть тебя, узнают о тебе по |твоим| выкрикам, и отпугнут тебя; ты будешь жить в страданиях”.

И так, Кунирайя удостаивал благословения любого, кто давал ему добрые вести, и продолжал идти, но если кто-либо смущал его дурными вестями, того он проклинал, и продолжал идти. (Так он дошел до берега моря. |И обнаружил, что Кавильака и её сын превратились в камень|. И как только он прибыл к морю, то вошел в воду, и заставил ее увеличиваться, прибывать. И об этом событии нынешние люди говорят, что он превратил его |море| в крепость; “старый мир также в иной мир идет” — говорят они).

---

[952] Вонючка — это: животное из породы барсуков, издающее нестерпимо зловонный запах (зоол.); млекопитающее подсемейства барсуков семейства куньих; то же, что Скунс.

[953] 1873: «Ccenti» — колибри.

[954] 1873: «попугаев».

И он вернулся к Пачакамаку — и прибыл туда, где жили две молодые дочери Пачакамака. Девушек охраняла змея[955]. Ещё до прихода Кунирайи, мать двух девиц пошла навестить Кавильяку в глубинах моря, в которые та бросилась; звали эту женщину Урпайвачак [Urpayhuachac][956]. Когда женщина вышла, чтобы навестить |Кавильяку|, этот Кунирайя Виракоча |нашел тех девушек одних, без их матери, он не стал беспокоиться о змее, которую он усыпил своей магией| усыпил большинство девушек, |там он переспал со старшей дочерью,| но поскольку он |ещё| намеревался лечь спать с другой |младшей| сестрой, |но| она превратилась в голубя |(называемого Индейцами *урпи*)| и улетела. И поэтому они назвали мать |Урпи-вачак|: “та, что рожает голубей |горлинок|”.

Говорят, в то время в море не существовало ни единой рыбешки. И только женщина, которую они называли “та, что рожает голубей” выращивала |рыб| в маленьком колодце в своём доме. И тот Кунирайя, очень сердитый: “Почему эта женщина навещает Кавильяку в глубинах вод?”, говоря |так|, он выбросил все пожитки |рыб из колодца| Урпайвачак в море великое. Именно с тех пор, в большом озере |т.е. море|, росла и множилась рыба. Тогда тот, кого они называли Кунирайя, пошел вдоль берега большого озера; а женщина Урпайвачак |вернулась|, которой сообщили, что её дочери уснули[957], разозлившись, погналась за Кунирайей. И когда она шла, преследуя и окликая его, произнеся: “Ох!”, он остановился. Тогда она |обратилась к нему ласковыми и нежными словами и| сказала ему: “Только я выведу вшей из тебя”. |Он согласился и склонил голову ей на подол|. И начала вытаскивать вшей из него. И когда из него уже были выведены вши, она, на том самом месте, приказала бездне широкой разверзнуться[958], и подумала: “Я накажу сбросить туда Кунирайу”. Но поскольку он был мудрым, то заподозрил, каково намерение женщины. “Я помочусь немножко[959], hennana[960]”, — говоря |так|, он исчез, и пришел к этим местам[961] и оставался в них, в их окрестностях или поблизости, очень долго, вводя в заблуждение людей и народы. |Окончание рассказа об этой ваке мы сейчас расскажем.

Предыдущие обычаи настолько сильно укоренились в сердцах людей этой провинции и по сей день, что они хранят их нерушимо; так, они считают кондоров священными, и никогда их не убивают, веря, что тот, кто убьет хотя бы одного, умрёт сам. Я знаю, что в ущелье Сан Дамиан жил кондор, около моста, уже не летавший по старости своих лет; но не было такого индейца, который бы к нему прикоснулся, и тот жил там тринадцать или четырнадцать лет. Когда я убил несколько тех кондоров, люди спросили

---

[955] 1873: |И когда он шел по берегу моря он встретил двух молодых красивых дочерей Пачакамака, которых охраняла огромная змея.|

[956] Диего Гонсалес Ольгин (1608): Vrpay vrpi. Лесной голубь, или птица горлинка. Huachac. Та, что рожает.

[957] 1873: «что случилось с её дочерьми».

[958] 1873: «Сотворила скалу».

[959] 1873: «я удалюсь ненадолго», она согласилась с этим.

[960] Значение этого слова непонятно, скорей всего опечатка и должно быть «hermana» — сестра.

[961] 1873: «и он вернулся назад в страну Варочири, где он бродил долгое время, разыгрывая шутки то с целыми селениями, то с отдельными мужчинами или женщинами.

меня, как это я осмелился совершить такое, но я не понял, почему они задали мне этот вопрос, пока я не услышал эту сказку. Они также испытывают несказанный ужас перед вонючкой; и они делают всё то, что предписал в своём благословении Конирайа, снимая шкуру по значительным случаям, а если кто владеет ламой, то забивает её. Я часто видел этот дар в своём собственном приходе в Варочири, а случай кругового питья напитков назывался Вантачинака (*Huantachinaca)* или Айрива (*Ayrihua*)[962]. Также, что касается лисы[963], я видел, в селении Сан-Хуан, около Санта-Аны, поскольку один человек закричал, когда увидел лису, все жители селения вернулись и побежали вдогонку за ней, хотя толком никто не знал, где она находилась, но все последовали за первым, а я за ними, чтобы посмотреть, что случилось. Такое я видел дважды в том селении. И тот же обычай господствовал в других местах.

Относительно сокола, это был праздник, на котором чуть ли не каждый танцор и певец появился с ним на голове; и мы знаем, что они ненавидят попугаев, поскольку те причиняют им много вреда, тем не менее их главное соображение — соответствовать обычаю.

Кто не огорчиться слепоте этих бедных людей и столь малому успеху, с каким проповедование католической истины зарождается на протяжении столь огромного количества лет. Они не могут все ещё ссылаться на невежество, ни жаловаться на то, что их не обучили. Это правда, что в некоторых приходах священники учат небрежно, но в иных это не так; и мы видели, что столь многим людям и столь много присуще их заблуждений, как в тех приходах, где за проповедованием внимательно следят, так и в тех, где этим пренебрегают.

Глава III.

«О Солнечном затмении, которое, как говорят, произошло в стародавние времена»

Во всех рассказах и сказках этих людей я никогда не мог понять, какая появилась первой, или в каком порядке они должны быть размещены из-за того, что все они очень древние предания. Они сказывают, что давным-давно солнце исчезло и мир погрузился во тьму на пять дней; и что камни ударялись один о другой; и что ступы, которые они называют *мутка*, и пестики, называемые *марап*, поднялись против своих хозяев, атакованные также их овцами, оба были заперты: те — в домах, а те — на полях. Должно быть этот затмение случилось, когда умер Наш искупитель; но я не могу это достаточно четко прояснить, что это был за день, когда эта полусфера здесь погрузилась в ночь, так чтобы здесь затмение стало ночью. Оставшаяся история состоит из обманов, ведь раз эти люди не вели наблюдений, как они могли рассказать, что солнце отсутствовало пять дней, видя, что мы ведем счет дням по отсутствию и наличию солнца?|

[962] Танец во время жатвы, страды. Huantay-sara — несущий плоды стебель маиса, вокруг которого исполнялся танец.
[963] Наверно, речь все-таки идет о вонючке, скунсе.

ГЛАВА III[964]

“О том, что испытали индейцы в старину, когда море переполнилось |; с опровержением всех предыдущих историй|”

В этом месте мы возвратимся |назад в этой главе, ведь это должна быть третья, а предыдущая глава — четвертой| к тому, что рассказывают очень старые люди.

И вот, что они говорят: в стародавние времена этот мир находился перед опасностью исчезновения. Лама-самец, который пасся на горе с превосходной травой, знал, что Мать Озеро |море| захотела |и решила| перелиться через край, разверзшись как хляби небесные. Этот лама-|самец| омрачился; он стонал: “ин, ин”[965], говоря |так|, он плакал и |ничего| не ел. Хозяин ламы |, евший кукурузный початок|, рассердившись, ударил его сердцевиной кукурузного початка |(который они называют *coronta*)|: “Ешь, собака — он сказал ему, — ты лежишь на лучшей траве”. Тогда лама, говоря так, словно он был человеком, ответил ему: “|Безумец! Что ты знаешь, и о чем ты можешь думать?|. Послушай и хорошенько запомни то, что я тебе скажу: сейчас, с этого мгновения, через пять дней, большое озеро должно |начать| прибывать и весь мир подойдет к концу”, — сказал он, говоря так. И хозяин |удивился тому, что его лама заговорила, и спросил в ответ, есть ли какой-нибудь способ им спастись,| испугался; он поверил ему. “Чтобы спастись, мы пойдем в любое место. Пошли к горе Вилькакото [Huillcacoto][966], |находящаяся между этим приходом[967] и Сан-Херонимо де Сукро,| там мы должны спастись; и возьмем еды на пять дней”, приказав, сказал он. И так, с того мгновения, человек начал идти, ведя свою семью и ламу. Когда ему оставалось совсем немного до горы Вилькакото, он обнаружил, что собрались там все животные: пума, лисица, гуанако, кондор, да и все виды животных. И как только человек |и его лама| прибыл, вода начала низвергаться из хлябей небесных[968]; в тот момент там, в большой тесноте, находились люди и животные со всех мест, на горе Вилькакото, на маленьком участке, на самом острие, куда вода не смогла добраться. Но вода таки коснулась кончика хвоста лисицы и замочила его; поэтому он остался почерневшим. И по истечении пяти дней, вода начала снижаться, |и| высохла; и высохшая часть увеличилась; море сильно отступило, а уходя и высыхая убило всех людей. Только этот с горы выжил, и от него вновь размножились люди, и от него поныне существует человек. |Но это явная нелепость, ведь они не говорят, что спаслась какая-нибудь женщина; и они не понимают, что мужчина сошелся[969] с самим дьяволом; и, так как комментатор книги Града

[964] В издании 1873 года это уже Глава VI.
[965] 1873: yu' yu'.
[966] 1873: Villca-coto.
[967] Сан-Дамиан.
[968] 1873: «море начало подниматься, и воды заполнили долины и покрыли вершины холмов, за исключением этой Вилька-кото».
[969] Т.е. вступил в сексуальный контакт.

Божьего (книга XV, глава 23) говорит: радовались и торжествовали они, как некоторые другие в те времена, являясь детьми дьявола. Египтяне отрицают, что человек мог вступить в связь с демоном, хотя они утверждают, что это было возможно, но с женщиной-дьяволом; но Греки рассказывают истории о многих мужчинах, являвшихся возлюбленными Дьявола, такие как Гиацинт, Феб, Ипполит, всех их любил Дьявол.

Согласно наиболее справедливому, истинному мнению, этот край не был населен до всемирного потопа; ведь достоверно известно, что все люди произошли от нашего отца Адама, и что в период между Адамом и Ноем не могло быть такого широкого расселения, так чтобы стало возможно, чтобы эти Индейцы могли что-либо знать о потопе? Они сообщают, что в дни Конирайа Виракочи их страной была *юнга* и что посевы созревали за пять дней. Но это также невозможно, поскольку расположение этой провинции такое же, как и у всего края, чьи склоны от снежных горных хребтов к морю, от Пасто до Чили, протягиваются на расстояние более чем 1200 лиг. Если эта маленькая часть была когда-либо *юнга*, все остальное этого региона, чьи склоны направлены к морю, также должно быть *юнга*, что сами люди отрицают; следовательно. Этот округ не может быть таковым. Ведь не может быть смены климата, касающегося этого маленького района, не пересекая при этом цепь гор, а потом продолжающегося снова, что, конечно, нелепо. Как они также могли знать это, если, как они говорят, это было до потопа, когда они там ещё не жили; а если потоп и был, то он уничтожил всё, включая ламу на Вилька-кото[970]?

Известно, что в этом крае не было жителей за много дней и лет до и после потопа; ведь для предков, спасшихся на ковчеге, было необходимо расселиться в новом мире, и разумеется, они не могли передать по наследству эти сказки своим детям. Из чего следует, что Дьявол, имеющий над этими людьми большую власть, заставил их поверить лжи, и относительно потопа рассказал им о говорящей ламе, лисе, замочившей хвост, и другие истории. Если какой-нибудь Индеец будет возражать, что, если в Парракака не было *юнги*, то как такое может быть, что там имеются остатки и развалины полей и пахоты? Я отвечу, что, с позволения Господа, Дьявол мог легко соорудить те террасы, вводя в заблуждение тех, кого покинул естественный свет Господень, и служить ему|. И воздадим сейчас хвалу этому рассказу; мы, христиане, благословим то время потопа, то, о котором они рассказывают и прославляют, как они смогли спастись, на горе Вилькакото.

ГЛАВА IV
“О том, как солнце исчезло на пять дней”

А сейчас мы расскажем, как умер день.

[970] Примечание в издании 1873: «Происхождение этого предания сейчас достаточно прояснилось. Люди Варочири пришли с побережья, и поэтому они говорят, что земля их предков была горячей».

Говорят, что в стародавние времена солнце |однажды| умерло. И, пока солнце было мертвым, ночь длилась пять дней. Камни тогда бились друг о друга, одни о другие; с тех пор образовались так называемые ступы, а именно *мучкас* [muchcas], а также жернова. Люди начали есть на тех вещах; горные же ламы начали следовать за человеком. И сейчас мы, христиане, благословляем это, говоря: “Быть может, мир накрыла ночь по причине смерти нашего могущественного Господа Иисуса Христа”. Возможно, что так оно и было.

ГЛАВА V

“О том, как в старину появился Париакака на горе, называемой Кондоркото [Condorcoto] и то, что за этим последовало”[971]

С этого места нашего рассказа следует начать историю появления Париакаки.

|Сейчас должно быть разъяснено, что во времена после потопа, в каждом районе Индейцы выбирали между собой самого богатого и самого отважного мужчину своим вождем, и этот период они называют Пурунпача [Purunpacha][972], что значит «время, когда не было короля».|

Да, в четырех предыдущих главах, мы поведали о жизни старого мира, но не знаем, как появился в те времена человек, на каком месте он появился, и как, после появления, в те времена они жили, ненавидя друг друга, сражаясь друг с другом. Они признавали кураками только богатых и могущественных. Их, тех древних |жителей|, мы называем грубые, дикие люди. В то время, так называемый Париакака родился из пяти |больших| яиц, в месте, называемом Кондоркото [Condorcoto] |между Варочири и Чорильо, по направлению к югу (и это место происхождения Париакаки). В то время там жил| один бедный |или плохо одетый| человек по имени Ватиакури [Huatyacuri], о котором говорят, что он был сыном Париакаки, был первым, кто познал |много искусств от своего отца|, кто увидел рождение |?|[973]. О том, как он узнал об этом известии, и всё таинственное что он совершил, об этом сейчас же и расскажем. В то время, уже названный Ватиакури жил питаясь скудной пищей; он ел только картофель, поджаренный на раскаленной земле[974] ["guatia" или "huatia"]; и потому ему дали |презрительное| прозвище Ватиакури. В то самое время жил очень могущественный, великий и богатый вождь [jefe][975]: его звали Тамтаньамка [Tamtañamca] |, жил он в своем доме в Анчикоча, приблизительно в полутора лигах от места, где появились пять яиц|. Нигде не было такого большого дома, |как у него|, а занимал он всё обозримое пространство; покрытие его было из крыльев птиц; ламы,

[971] 1873 эта глава тоже идет как Пятая, но называется так: «Рассказывающая о том, кто такой был Ватиакури [Huathiacuri], и как один человек сделался Богом, и был парализован; а также о происхождении Париакаки и его братьев».
[972] 1873: «purum — значит “дикий”. Purum-pacha — “языческое время”.
[973] Странное противоречие.
[974] 1873: Huatyasca — поджаренный.
[975] 1873: Lord — властитель.

которыми тот владел, были желтыми, красными, сизыми; у него были все виды лам |так что, делая накидки, не было необходимости красить шерсть, и у него было много других богатств|. Этот человек, глядя на свою изысканную жизнь, приказал прийти людям из селений со всех краёв, он сосчитал их; и тогда он сделался мудрецом |, говоря даже, что он был Богом и Создателем|; обманывая своими жалкими познаниями большое количество людей, он жил. Так он смог заставить считать себя настоящим мудрецом, аки бог, так звался Тамтаньамка; так было до тех пор, пока ужасная болезнь не поразила его |, слег он от отвратительной болезни|. А поскольку прошло много лет, и он продолжал болеть, и считалось ведь, что он был мудрым и великим человеком, то люди говорили: “у него тяжелое горе” |, но если он так мудр и богат, и был Богом и Творцом, как это он заболел и не мог сам себя вылечить. Потому они стали роптать на него|. И также как виракочи |испанцы| приказывают звать мудрецов |амаут| и ученых, так и он приказал созвать тех, кто многое знал обо всём, |созвать| мудрецов. Но никто не смог раскрыть причину его болезни.

Тогда этот Ватиакури |шел по направлению к морю|, выйдя из Уракоча [Uracocha] в Сьенегильа[976] [Sieneguilla][977], на холме, по которому мы обычно спускаемся, остановился, чтобы лечь поспать. Тот холм сейчас называется Латаусако [Latauzaco][978]. Пока он спал там, пришла из верхнего края одна лисица |, идущая к морю|, и пришла также другая лисица из нижнего края |, идущая с побережья по направлению в Анчикоча|; обе встретились. Та, что пришла снизу спросила у другой: “Как поживают те, что наверху?” «Из того, что должно быть хорошо — всё в порядке, — ответила лисица, — только один могущественный |человек|, что живет в Анчикоча, а он также человек святой, истину ведающий, ставший будто бы богом, так вот он — очень болен. Все амауты прибыли, чтобы раскрыть причину болезни, но никто не смог этого сделать. Причина же болезни вот какая: в срамное место жены |Тамтаньамки| вошло зернышко поджаренной кукурузы, выпрыгнувшее из жаровни |, когда она жарила её|. Жена достала зернышко и отдала одному мужчине его съесть |, а потом переспала с ним|. Как только тот съел зернышко, то стал преступником; поэтому, с того времени, когда кто согрешит подобным образом, дело оборачивается именно так; а также по причине того греха |он болен|, что змея пожирает веревки самого красивого дома, в котором он живет, а двухголовая жаба обитает под камнем жёрнова |диска|[979]. Вот то, что подтачивает человека, но никто об этом и не подозревает”. Так сказала лисица, та, что сверху, другая сразу же спросила: “А люди нижнего края точно также поживают?” Она ответила иначе: “У жены, |очень красивой| дочери святого и могущественного главы, дела таковы, что помирает она из-за |связи| с мужчиной”. (Но рассказ о том, как

[976] В 28 км от Лимы на Юго-восток.
[977] 1873: «где начинается крутой подъем, если идти из Лимы в Сьенекильа».
[978] 1873: Latallaco.
[979] 1873: «под шлифовальным камнем».

эта женщина смогла избавиться от напасти, долог, и мы напишем об этом позже; сейчас вновь продолжим о том, с чего начали).

Услышав |разговор| двух лисиц, Ватиакури сказал: “Страдает тот великий вождь, изображающий из себя бога, потому что он болен; говорят, что у этого человека было две дочери, старшую он сочетал браком с очень богатым человеком”. Итак, тот несчастный Ватиакури, о котором мы говорим, прибыл туда, где находился больной. Не успев прибыть, он начал расспрашивать: “Нет ли в этом селении кого-то, кто страдает от невыносимой боли?” Тогда самая младшая из дочерей |Тамтаньамки|[980] ответила: “Мой отец — вот, кто болен”. “Выйди а меня[981]; с тобой я вылечу твоего отца” — предложил ей |Ватиакури|. Мы не знаем, каковым было имя этой женщины, хотя говорят, что потом ее называли Чаупиньамка [Chaupiñamca][982]. Она не согласилась и повела незнакомца |к своему отцу|. “Отец мой, тут пришел убогий бедняк, он говорит, что может вылечить тебя ”, сказала она. Услышав эти слова, все мудрецы, сидевшие там, |рассмеялись и| запротестовали: “Уж если мы не смогли вылечить его, то как сможет этот жалкий бедняк?”, — сказали они. Но, поскольку владетельный вождь очень хотел вылечиться, то он приказал: “Пусть приведут этого несчастного, кто бы он ни был”, — и наказал позвать его. А когда его позвали, этот Ватиакури, войдя, сказал: “Отец, если ты хочешь выздороветь, я вылечу тебя, за это ты сделаешь меня своим сыном |и отдашь свою младшую дочь мне в жены|”. “Годится”, — охотно ответил вождь. Муж старшей дочери вышел из себя, услыхав тот ответ, |считая, что это постыдное дело, когда его свояченица станет женой столь бедного человека|: “Как такое возможно: сочетать её |браком|[983] с этим жалким бедняком, ведь сами мы богаты и могущественны?”

Мы расскажем позже о состязаниях, произошедших между этим рассерженным человеком и Ватиакури; а сейчас продолжим историю излечения больного тем Ватиакури.

Как только он начал лечить больного, он сказал ему: “Твоя жена неверна |тебе|. Из-за неё ты заболел; и ещё заставляют страдать тебя две змеи, живущие на крыше твоего роскошного дома |, так и ждущие, как бы тебя съесть,| и двухголовая жаба, обитающая под жерновом. Убьём их — и ты поправишься. Как только ты выздоровеешь, ты будешь поклоняться моему отцу, предпочтя его любому другому: мой отец должен прийти послезавтра[984]. У тебя нет истинной власти |, ведь хорошо известно, что ты ни Бог, ни Создатель|, поскольку, если бы она у тебя была, ты бы не заболел так сильно. Услышав это, больной очень изумился; и сказал: “Пойду-ка да развяжу узы со своего красивого дома”, — и опечалился.

“Напраслину возводит этот жалкий нищий; я не изменяла |тебе|” сказала жена, начиная кричать. Но поскольку человек жаждал выздоровления, он

[980] 1873: «Он пошел в то место, где лежал больным богатый человек, и с явным притворством он спросил у молодой и красивой девушки (которая, равно как и старшая её замужняя сестра, была дочерью заболевшего Бога)».
[981] 1873: «Прояви свою благосклонность ко мне и полюби меня».
[982] 1873: Chaupiñaca.
[983] Кажется, перед этим предложением пропущено какое-то другое.
[984] 1873: «появившегося давным-давно».

приказал, чтобы они развязали |узы| его дома; и нашли двух змей |на крыше дома|, достали их и убили. Потом он сказал своей жене, что она заставила некоего человека съесть зернышко кукурузы, выскочившее из жаровни в её срамное место |, а затем переспавшая с ним|. Женщина вынуждена была рассказать о том, что произошло, и признать, что Ватиакури говорил правду. Тут же он наказал поднять жёрнов. Они нашли под камнем двухголовую жабу; жаба быстро умчалась к озеру Анчи [Anchi][985], находившегося в ущелье. Они говорят, что она и поныне живет там, в источнике. И когда какой-нибудь человек подходит к его берегам: “Ей!”, говоря |так|, он делает так |сбившись с пути|, и исчезает |или умирает|, или, произнося то же самое слово, сходить с ума.

После этого человек выздоровел; и когда он уже был здоров, тот Ватиакури пошел, в свою очередь, к Кондоркото. Там была вака, по имени Париакака, появившуюся в виде пяти яиц. Когда он прибыл туда, начал дуть ветер; в старину |до того момента там| ветер не дул. А поскольку, человек, уже вылеченный, дал ему свою младшую дочь, Ватиакури привёл ее с собой. По дороге они согрешили разок.

Свояк девушки, о котором мы говорили раньше, узнал, что женщина согрешила; он разозлился, сказал: “Я опозорю его, я заставлю впасть его в еще больший грех”, — говоря |так|, |он также заявил, что тот был убогим нищим, а не мудрецом, и| он пошел померяться силами с ним. “Брат, мы будем состязаться с тобой, в чём захочешь, — сказал он Ватиакури. — Ты, |мой свояк, будучи оборванцем и бедняком|, несчастный, взял в жены мою свояченицу, богатую и могущественную”. “Хорошо, я согласен”, — ответил бедняк, и пошел к своему отцу |в Кондоркото, к месту, где его отец Парракака[986] был в одном из яиц| рассказать ему о том, что с ним произошло. Тот сказал ему: “Всё, что он не предложит тебе, соглашайся, но тут же предупреждай меня об этом”. И состязание было устроено следующим образом:

Однажды он |свояк| сказал Ватиакури: “Сегодня мы будем состязаться с тобой в питье и пении”. Тогда бедняк Ватиакури пошел сообщить своему отцом |об этом|. Тот сказал ему: “Иди на гору; там изобрази из себя мертвого гуанако и упади на землю. Рано утром, к тебе придут лисица и вонючка |скунс| со своей женой[987]. Они принесут кукурузную бражку |чича| в *поронго* [porongo][988] |на её спине|, а также *тиниа* |tinya — барабанчик|, |а лис принесет флейту Пана, называвшуюся *астара*. Они должны будут приблизиться к Париакаке, потому что целью их прихода являлось дать ему (Париакаке) выпить, а также сыграть на инструментах и немного станцевать|. Думая, что ты — мертвый гуанако, они поставят на землю *тиниа* и *поронго*, затем примутся есть тебя. Лиса, довольно легкомысленная, оставит эти вещи на земле, а с ними также и *антару* |antara — флейта Пана| и тут же начнет

[985] 1873: «где сейчас протекает Анчикоча».
[986] Именно так в английском тексте.
[987] 1873: «придёт лис со своей лисицей».
[988] Маленький глиняный кувшин с одной-двумя ручками.

поедать тебя; тогда ты поднимешься, уже в своем человеческом облике, и ты громко закричишь, как |то бывает| от боли. Животные убегут, забыв обо всём на свете. Ты возьмешь *поронго* и *тиниа*, и пойдёшь на состязание |и можешь быть уверенным в победе на состязаниях со своим свояком|".

Как отец научил, так этот бедняк Ватиакури и сделал. И, уже на месте, где должно было состояться состязание, первым начал богатый человек. Он принялся петь и танцевать с женщинами, а когда спел целых двести песен[989], закончил. Тогда вступил с песнями бедняк, а помогала ему только его жена; вошли вдвоём, через дверь. И когда тот спел, подыгрывая себе на барабане вонючки, весь мир пришел в движение |затряслась земля. А поскольку не только люди, но и сама земля затанцевала, то| Ватиакури и выиграл состязание. Потом, началось состязание в питье. Богатый человек пригласил людей со всех окраин; он пил с ними без устали. В то время, бедняк, как это сегодня делают чужеземцы, усаживающихся на своих сборищах, немного поодаль и на определенной высоте, пока выжидал. Богатый затем, спокойно, беззаботно сел, после того как пригласил всех людей. Тогда, вошел состязаться Ватиакури. Он начал пить со всеми людьми, воспользовавшись своим кувшинчиком. И люди смеялись: "Как он может надеяться, что он удовлетворит столько людей этим крошечным кувшинчиком |, ведь он опустеет уже на первых двух чашах|!", — говорили они. Но Ватиакури пригласил участников. Начиная с крайнего, пока другие смеялись, он обслужил их так быстро, что все попадали пьяными.

Снова оказавшись побежденным, богатый человек вызвал бедняка померялся силами в новом состязании на следующий день. Испытание состояло бы в том, кто нарядится в лучшие одежды |с роскошными разноцветными плюмажами|. Ватиакури вновь пришел к месту, где находился его отец. Отец подарил ему одеяние, из снега сотворенное. Тем одеянием он сжег |ослепил| всем глаза, и выиграл состязание. Затем, богатый человек |свояк| принёс много |шкур| пум |на общественную площадь для танца| и вызвал еще раз Ватиакури на состязание. Бедняк пошел туда, где был его отец, и когда он рассказал ему, каким было новое состязание, предложенное ему его соперником, отец наказал явиться, на рассвете, из глубины источника красной пуме[990]. И Ватиакури был с той красной пумой, пока пел |его| соперник; и когда Ватиакури спел с красной пумой |на голове|, в небе |над львиной головой| появилась дуга, которая сейчас называется небесная цветная радуга; и всё это, пока он пел. |И опять Ватиакури вышел победителем|.

Тогда соперник вызвал его состязаться в |последнем виде соревнований: кто быстрее и наилучшим образом проявит себя в| сооружении стены дома, и, так как у него было столько людей в услужении, за один-единственный день он приказал подняться стенам огромного дома. Ватиакури, не смог даже построить фундамента и целый день ходил со своей женой, ничего не делая; но ночью |работы богатого человека были приостановлены, но не у

[989] 1873: «в барабаны било более двухсот женщин».
[990] 1873: «послал его к источнику, где он найдет шкуру красного льва, с нею он примет вызов».

Ватиакури —| ему помогли птицы, змеи и каждая живая тварь, обитающая на земле. И когда его соперник увидел работу оконченной, он испугался и предложил ему соревнование в постройке крыши дома. Ватиакури нагрузил на викуний солому и веревки, и все необходимое, для покрытия крыши дома[991]; богатый же человек нагрузил на лам все, что необходимо было для работы, и когда |его| стадо проходило через пропасти, дикие кошки напугали его по наказу Ватиакури[992], попросившего их помочь ему в этом. Поклажа были уничтожена, ламы упали в пропасть, и он победил в испытании.

Поскольку он во всех случаях вышел победителем, этот бедный человек сказал своему сопернику, послушавшись советов своего отца: “До этого момента мы состязались в испытаниях, предложенных тобою; сейчас же мы это поучаствуем в других, предложенных мною”. “Ладно”, — ответил ему тот. И Ватиакури предложил: “Оденемся в *уара* [huara — полотно, покрывающее талию и ноги| синего цвета, но чтобы наша *кусма* [cusma — туника] была |при этом| белой; одевшись так, давайте споём и станцуем”. “Хорошо”, — вновь ответил богатый. А поскольку он начал состязания, он также начал петь, и пока пел, тот Ватиакури крикнул со двора; вся его могучая сила уместилась в |том| крике, и богач, сбитый на землю, превратился в оленя и убежал. Тогда его жена сказала: “|Почему я стою здесь, я должна идти за своим мужем.| Я умру со своим дорогим мужем” — и, говоря так, последовала за оленем[993]. Но бедняк, сильно разозлившись, сказал: “Смотри[994], он бежит; ты и твой муж, вы заставили меня страдать, сейчас я накажу убить тебя”. И говоря это, он погнался за ней |за ними обоими|, догнав её на пути к озеру Анчи |Анчикоча|. Там он сказал ей: “|Изменница! Это по твоему совету твой муж ставил мне столько требований во множестве испытаний и он испытал мое терпение столько раз. Но я отплачу тебе за это превратив в камень, у которого голова будет на земле, а ноги в воздухе.| Сюда отовсюду будут приходить люди, те, что сверху, и те, что снизу[995], в поисках твоего срамного места, и они найдут его”. И сказав это, он поднял её над землей[996], схватив за волосы. Но в том самый момент женщина превратилась в камень. И до сей поры она находится там, со своими человеческими ногами и различимым полом; он располагается над дорогой, там, где её поставил Ватиакури. Да, и сегодня даже ей |поклоняются и| жертвуют коку по любому поводу. |Так была остановлена женщина|.

Тем временем, превращенный в оленя человек взобрался на гору и |тут же| исчез. Затем он превратился в пожирателя человеческих созданий, и так было в древности. Уже намного позже эти олени размножились; они увеличивались так до тех пор, пока, однажды, не собрались, чтобы договариваться, как им съесть людей, и тогда одно существо ошибочно

[991] В издании 1873 вместо Ватиакури указан его свояк, что в принципе было бы правильно.
[992] 1873: «Но Ватиакури приказал одному животному, кричащему пронзительно, по имени *осколько*, стоят в определенном месте».
[993] Здесь опять логическая непоследовательность из-за пропущенных в тексте предложений. Хотя и это скорей всего не случайно.
[994] Я запрещаю тебе бежать.
[995] Из гор и с побережья?
[996] Или «Поднял её за ноги над землей».

сказало: “Как нас должны есть люди?”, — услышав эти слова, олени испытали ужас и разбежались. С тех пор они превратились в еду человека.

По окончании истории, до сего места нами рассказанной, из пяти яиц |один из которых содержал Париакаку|, оставленных вышеупомянутым Париакакой на горе, вылетело пять соколов. Эти пять соколов превратились в людей и начали ходить |совершая удивительные дела|. А так как они наслушались столько о том, что совершили люди, и когда |те| говорили: “я — бог”[997], заставляя поклоняться себе, рассерженные этим и другими прегрешениями, они вознеслись |к небесам|, и, превратившись в дождь, утащили за собой в море все дома, лам, не позволяя спастись ни единому селению. |Место, где находится дом этого человека — между двух очень высоких гор: одна называлась Викоча, около прихода Чоррильо, а другая — Льантапа, в приходе Сан Дамиан, а между ними протекает река Пачакамак. Там было нечто вроде моста, состоявшего из огромного дерева, под названием *пульао*, образующего очень красивую дугу с одного холма на другой, где туда-сюда сновали в воздухе попугаи и прочие птицы|. А после того, с холма Льантапа [Llantapa] выросло дерево, называемое Пульао [Pullao], и сцепилось в борьбе с другой горой, по имени Вичо [Huicho]. Пульао был похож на гигантский лук, и на нем укрылись обезьяны, птицы, *каки*, |все виды| птиц. Со всеми этими животными гора пошла к морю, |и там| исчезла. |И всё это было смыто потоком|. И когда все закончилось, Париакака, тот, что пребывает наверху, и которого мы называем Париакака, поднялся к месту, где он находится. О том, как он поднялся к тому месту, где сейчас находится, мы поведаем в следующей главе.

ГЛАВА VI[998].

“О том, как Париакака породил пять соколов, а потом вновь превратился в людей; и о том, как, став уже победителем всех юнков из Анчикоча, пошел он |?| к вышеупомянутому Париакаке, и что случилось по дороге”

|Пройдя дальше от пяти яиц со своими четырьмя братьями, и вызвав ту бурю, Париакака устремился к тому, чтобы сотворить великие и могучие деяния повсюду на свете, ведь край, которой он прошел, не превышал 20 лиг в окружности. Он вбил себе в голову встретиться с отважным Каруйунчу Вайальо, которому они жертвуют детей, о чем мы рассказали в первой главе.|

Когда Париакака принял человеческий облик и подрос, сделался большим, начал искать своего врага. Звали его врага — Вальяльо Каруинчо [Huallallo Carhuincho], людоед. Дальше мы расскажем об их борьбе, потому что уже мы говорили, какой была жизнь того Уальяльо Каруинчо: сколько вещей он сотворил, как пожирал людей; сейчас мы поведаем о событиях,

[997] 1873: «богатый человек, упоминавшийся в этой главе и возомнивший себя Богом, погиб, потому что Париакака и другие подняли могучую бурю и смыли его самого, его дом и жену с семьей в море».
[998] В издании 1873 эта глава идет без названия.

произошедших в окрестностях Варочири [Huarochirí]. И вот какие это события:

Когда Париакака принял человеческий облик, когда он был уже взрослым человеком, он направился к верхнему Париакаке |из Кондоркото|, в место, где проживал Вальяльо Каруинчо. В то время, в узком ущелье, значительно ниже Варочири, существовало поселение юнков; оно называлось Вайкиуса [Huayquihusa][999] |сейчас там находится селение Санта Мария Иисусава из Варочири, на дне ущелья, по которому протекает река, и по которому идут в приход Сан Лоренсо де Кинти (Quinti). И что примечательно, весь этот край был тогда *юнка*, с горячим климатом, согласно ложному мнению Индейцев|. Жители этого селения отмечали большой праздник; это был день большой попойки. И когда они пили, как раз в то селение прибыл Париакака |в одеянии бедного человека|. Но не давая о себе знать, он присел с краю от места |, что является привычным для тех, кого не пригласили|, где собрались люди, как если бы он был человеком очень бедным. А поскольку он сел именно так, за весь день ни один человек даже не угостил его ничем. Одна публичная женщина заметила одиночество Париакаки: “Как такое возможно, чтобы никто не ничего не предложил этому бедному человеку?”, — говоря |так|, она принесла ему чичу в большом белом тыквенном сосуде |, индейцами называющегося *путу*|. Тогда он сказал ей: “Сестра, ты счастлива, что прислужила мне, подав эту кукурузную бражку |— это также ценно, как и твоя жизнь, ведь начиная| с сегодняшнего дня в течение пяти дней ты не будешь знать о том[1000], что произойдет в этом селении. Поэтому, в тот день, ты не должна здесь находиться, чтобы не спутать тебя и твоих детей с другими, ведь я могу убить их. Эти люди вызвали гнев мой”, — и он продолжил говорить ей: “Ты ничего не должна рассказывать о том, что я тебе говорю об этих людях, потому что, если ты проболтаешься, я убью тебя тоже”. Послушавшись предостережения, та женщина ушла из селения до наступления пятого дня, со своими детьми и братьями |и родственниками|. Тем временем жители селения без тревог и опасений продолжали пить.

В то самое время, так называемый |разъяренный| Париакака поднялся к горе, находящейся в верхней части Варочири. Эта гора называется сейчас Макакото [Macacoto][1001] |, возвышающуюся над селением Варочири, и ниже которой| другая гора, следующая, называется Пуйпувана [Puypuhuana] |, которая высится по дороге из Сан Дамиана в Варочири|. А потому путь, по которому мы спускаемся к Варочири, называется так же, как эти горы. На той горе Париакака начал расти, |тогда огромное количество дождя начало литься| и наказывая падать красным и желтым снежным яйцам[1002] |град|, |тем самым| утащив людей из селения и все их дома к морю[1003], не прощая ни одного селения. Именно тогда воды, текущие лавиной, образовали ущелья, ныне существующие на вершинах от Варочири. А когда все исчезло,

[999] 1873: Huagaihusa.
[1000] 1873: «удивительные дела совершаться в этом месте».
[1001] 1873: Matro-coto.
[1002] 1873: «желтым и белым камням».
[1003] Селевый поток.

несколько человек из селения |Вайкиусо| спустилось в теплую зону [yuncacuna], молча, не произнося ни слова, чтобы никто не обратил на них внимания[1004].

|Глава VII[1005]

О том, как Париакака в изобилии отвел воду Индейцам Айлью Копара для их полей; как он влюбился в Чоке Сусо, ныне всё ещё очень известного идола.

Переправившись через реку, Париакака прибыл к полям, которые сейчас принадлежат Айлью Копара.|

Они ушли к засеянным полям Купары [Cupara]. И там, те, кто проживал в том селении Купара, страдая от засухи, выживали, отводя воду из источника |, но не из реки|. Источник |тот| выходил из большой горы, расположенной сверху от Сан Лоренсо. Та гора сейчас называется Сунакака [Sunacaca][1006]. Там было большое озеро |, образованное дамбой из того источника|. Из него они отводили воду к другим маленьким запрудам и дамбам, и наполняя их, снабжали себя водой для поливки |полей|.

В то время в селении, о котором мы рассказываем, жила очень красивая женщина; ее звали Чукисусо [Chuquisuso]. Однажды, плача, она поливала своё кукурузное поле; плакала, потому что скудного потока воды не хватало даже, чтобы смочить сухую землю. |Париакака случайно проходил там, и, увидев её, он был очарован её привлекательностью|. Тогда Париакака спустился, и своей накидкой заткнул спускное отверстие —*йаколья* [*yacolla*] в дамбе маленького озерца. Женщина заплакала еще горестней, увидев, что скудный поток и тот начал иссякать. И тут перед ней объявился Париакака, и спросил у неё: “Сестра, от чего ты страдаешь?” И она |, не зная, кто он такой,| ответила ему: “|Отец мой, я плачу потому что| мое кукурузное поле умирает от жажды”. “Не изводи себя |и пусть тебя не покидает мысль, что ты приобрела то, что потерял я, а именно, мою любовь|, — сказал ей Париакака. — Я позабочусь о том, чтобы много воды пришло из озера, расположенного у вас на возвышенности; но прежде ты согласишься переспать со мной”. “Ты сначала заставь воду прийти. Когда мое кукурузное поле будет полито, я |охотно уступлю твоим желаниям| пересплю с тобой”, — ответила она ему. “Хорошо”, — согласился Париакака; |он поднялся к дамбе и открыл канал,| и позаботился о том, чтобы пришло много воды. Счастливая женщина полила все поля, и не только своё. А как только она закончила поливку посевов: “Теперь, мы пойдем спать”, — сказал ей Париакака. “Еще не время. |Впереди много времени, чтобы подумать над этим|. Послезавтра”, — ответила она ему. А так как Париакака очень сильно её любил, он обещал ей всё |что угодно| |и среди прочего — провести канал от реки, чего будет достаточно,

[1004] 1873: «Когда работа была завершена, Париакака, не говоря ни с кем из других селений, или не связываясь с ними, переправился на другой берег реки, где он совершил, то, о чем я поведаю в следующей главе».
[1005] В издании 1975 года это название главы не приводится.
[1006] 1873: Sienacaca.

чтобы полить все поля|, потому что желал переспать с ней. «Я превращу эти поля в орошаемую землю, орошаемую водой, которая придёт из реки", — сказал он ей. "Ты сначала сделай эту работу, а уж потом я пересплю с тобой" — ответила она. "Ладно", — ответил Париакака и согласился.

|Тогда он осмотрел землю, чтобы понять откуда он мог бы провести воду; и он обнаружил, что| в то время в селениях юнков для поливки земли имелся очень маленький акведук, выходящий из ущелья, называвшегося Кокочальа [Cocochalla] и находившееся немного выше от Сан Лоренсо, |воды которого не текли дальше дамбы, поставленной поперек него. Открыв эту дамбу и проведя воду дальше, Париакаке показалось, что она дойдет до полей Айлью Копара, где находились поля его возлюбленной|. Париакака превратил этот акведук в широкий оросительный канал, с большим количеством воды, и наказал провести его к посевным полям жителей Уракупара [Huracupara]. |Потому Париакака приказал собраться птицам со всех здешних холмов и деревьев, вместе со всеми змеями, ящерицами, медведями, львами и другими животными; и тем самым сдвинуть препятствие. Они сделали это; тогда он заставил их расширить канал и построит новые, до тех пор, пока они не достигнут полей. И возник спор, кто должен проводить линию канала, и на эту службу вызвалось много претендентов, желавших проявить свои способности, равно как и благосклонность давшего им работу|. Пумы, лисицы, змеи, всевозможные птицы, вычистили основание акведука, это сделали они. А чтобы сделать |эту| работу, все животные собрались вместе: "Кто будет проводить полевые работы, кто должен будет идти впереди?" — сказали они. И все захотели быть направляющими. "Я, раньше остальных", "Я", "Я", — требовали они. Выиграл лис. "Я — курака; я пойду впереди", сказала она. И он начал работу, возглавив других животных. Лис вел работу, другие следовали за ним. А когда он продвинул дело к тому месту, что находится над Сан Лоренсо, на горе, вдруг взлетела куропатка. Она выпрыгнула, крича: "Писк, писк!"[1007]. Ошарашенный лис, сказав: "Вак [Huac]!"[1008], — упал; он скатился вниз. Другие животные разозлились и заставили подняться змее |на место лиса, и продолжить начатое им дело. Но она выполнила дело не так хорош, как лис; и люди сегодня сетуют,| они говорят, что если бы лиса не была сброшена, акведук был бы проложен по более высокому пути; сейчас он проходит немного ниже [и направление канала исказилось, прямо над церковью, и они говорят, что это то самое место, где лис бросил проводить воду, и что с тех пор оно никогда не было починено|. А также очень хорошо видно, где упала лиса; вода стекает именно там.

Когда акведук был закончен, Париакака сказал женщине: "Пошли спать". Она |учтиво| ответила |согласием, но предложила, чтобы они поднялись на вершины скал, называемых Йанайака [Yanacaca]|[1009]: "Давай поднимемся к

[1007] 1873: "Pich-pich!"
[1008] Скорей всего означает «Прочь!», хотя в словаре Ольгина это слово не является междометием: Huac. Другое место. Huac. В стороне, или на другой стороне, или на другом берегу.
[1009] 1873: Yana — черная. Саса — скала.

высоким пропастям; там мы переспим”. Так оно и было. |Исполнились желания Париакаки, и она хорошо отплатила ему своей любовью, узнав кто он такой|. Они спали над пропастью, которая называется Йанаккакка [Yanaccacca]. А когда уже они вместе переспали, женщина сказала Париакаке: “Пошли куда-нибудь, вдвоём”. "Пошли", — ответил он. И он унес женщину к спусковому отверстию дамбы акведука Кокочальа[1010]. Когда они прибыли к тому месту, та женщина по имени Чукисусо сказала: “Я останусь на берегу этого акведука” — и внезапно превратилась в твёрдый камень. |Когда это случилось,| Париакака проследовал по склону вверх, двигаясь все выше и выше. Но об этом мы расскажем позже. У отверстия дамбы озера, над акведуком, находится |та| женщина из[1011] застывшего камня; она именно та, которую называли Чукисусо. И когда они |индейцы| соорудили другой акведук, по более высокому месту, также в то самое время и в том самом месте, ныне называемом Винконпа [Huinconpa], там сейчас находится Кунирайя, застывший и бездвижный |, как они говорят, также превращенный в камень|. Туда пошел он, там закончил |свои дни| Кунирайя. Но обо всем, что он сделал перед этим, мы должны будем рассказать в следующих главах.

|ГЛАВА VIII[1012].

О том[1013], как жители Айлью Копара всё ещё почитают Чоке Сусо и этот канал, о чем я знаю не только по их историям, но и из судебных показаний, которые я получил относительно этого вопроса.

(Здесь должно было быть рассказано о том, что я видел, а также история о волосах Чоке Сусо, и остальное из собранных показаний, относительно оросительного канала.)

...На этом месте рукопись обрывается...|

[1010] 1873: «Он научил ей искусству прокладки оросительных каналов, которые он построит от любви к ней.
[1011] 1873: Vim-lompa (ошибочно).
[1012] В английском издании она ошибочно идет как VIII.
[1013] Дальше перевод идет по изданию 1873 года.

Документы, связанные с Франсиско де Авила, «искоренителем язычества» (1608 г.)

[Перевод с испанского издания:
Testimonios, cartas y manifiestos indígenas (Desde la conquista hasta comienzos del siglo XX). — Caracas, Biblioteca Ayacucho, 1992, ISBN: 980-276-187-7, p. 206–211.]

Искоренение язычества.

В XVI веке "духовное спасение" индейцев было единственным «универсально» приемлемым оправданием расширения испанского влияния в Америке. Его результат — искоренение индейских религий, было, следовательно, неким "заданием", которое завоеватели, как военные и духовные, устанавливали для себя с самого начала своей экспансии.

Достаточно вспомнить, в связи с этим, жестокое разрушение местных храмов, совершенное, без каких-либо колебаний, Эрнаном Кортесом в Чолуле [Cholula]. Убедительное, или же неистовое, "духовное завоевание", которое вели миссионеры различных религиозных Орденов, прежде всего в течение XVI–XVII веков, предполагало всегда полное и окончательное искоренение туземных религиозных практик, определяемых как "языческие/идолопоклоннические".

В Перу, стратегия "искоренения язычества" [extirpación de idolatrías] главным образом получила своё оформление на церковных Соборах 1551 и 1567 годов [Duviols 1976]. На Первом Соборе было выбрано подавление туземных культов без всяких различий, в то время как Второй Собор рассматривает религиозные туземные практики, как не идолопоклоннические, совместимые с христианством. Третий Лимский Собор (1585 год), проводившийся под руководством иезуитов, подчеркивает важность духовного воздействия в работе по искоренению язычества.

До начала XVII века, действительно, искоренение язычества не занимает ключевого места в деятельности перуанских церковнослужителей, удовлетворенных в основном своим проповедованием Евангелия. Тем, кто нарушил это спокойствие, как говорит Pierre Duviols [1976], был Франсиско де Авила, объявив, что индейцы продолжали оставаться, хотя и тайно, такими же язычниками, как и до завоевания.

[206]

Заявление общины Суниканча (Сьерра-де-Лима) в пользу падре Франсиско де Авила, 21 февраля 1608 года.

*В XX веке Франсиско де Авила, ставший священником в Сан Дамиане [San Damián] (Варочири [Huarochirí]) в 1597 году, приобрел большую известность благодаря своей причастности в истории создания самой знаменитой рукописи ранней колониальной эпохи на языке кечуа, известной под названиями «*Боги и люди Варочири» *или* «Обряды и обычаи Варочири» *[Huarochirí 1987]. Но в его эпоху его имя, прежде всего, связывается с многочисленными конфликтами, в которые он вступал с различными местными общинами из-за своего усердия в искоренении язычества. В 1607 году, индейцы селения Сан Дамиан, не выдержав, без сомнения, его "антиязыческой" настойчивости, возбуждают против него судебное дело в архиепископстве Лимы, приводя доказательства, состоящие из 100 (!) "глав": о совершении им непомерного угнетения по отношению к ним, о его сексуальной нетерпимости и о других его насилиях. Этот иск будет стоить ему нескольких месяцев церковной тюрьмы в Лиме. За время его отсутствия, его доверенным лицам удается достичь, однако, трех частичных отказов от обвинений, написанных и подписанных несколькими знатными индейцами. Мы представляем здесь текст (созданный самим Авилой на испанском языке) письма-отказа (составленного в оригинале на языке кечуа) от обвинений, которое подписало несколько знатных лиц из селения Суниканча [Sunicancha].*

Интерес этого текста состоит, прежде всего, в его двусмысленности. В то время как подписавшие отказываются, попунктно, от своих предыдущих обвинений, они всё же подтверждают факты, спровоцировавшие этот иск; то, что изменилось, это лишь его **интерпретация** *событий. Не известно в точности, почему индейцы изменили свою позицию к Авиле [см. Acosta, en Huarochirí 1987].*

Но если имеются в виду сообщения о насилиях между индейцами и не индейцами, порождённые Колонией, такие изменения в позиции индейцев не могут являться каким-либо сюрпризом. Более того: это хорошо видно, например, из монолога Манко Инки II, записанного его сыном Диего де Кастро Титу Куси Юпанки, когда индейская дипломатия (и притворство) перед лицом превосходящего на данный момент противника совершенно сознательно свободно меняется, и это имело место с самого начала возникновения колониальной системы |в Перу|.

ТЕКСТ:

Дон Мигель Йаврикаса [Don Miguel Yauricasa], глава Сант Франсиско де Суниканча [Sant Francisco de Çunicancha] из *варанки*[1014] [huaranca] Чавкаримак [Chaucarímac], и дон Мартин Вачваньявпа [Martyn Huachhuañaupa], и Хуан Саксаманиа [Juan Sacsamanya], и Андрес Касайаури [Andrés Casayauri], и Себастьян Пайкокальва [Sebastián Paycocallhua], и Андрес Макакаса [Andrés Macacasa], Диего Саксаньявпа [Diego Sacsañaupa],

[1014] Тысяча.

Диего Пайкойаури [Diego Paycoyauri], Хуан Помайанак [Juan Pomayanac], Хуан Макальюнку [Juan Macalluncu], **[207]** Мартин Асторикра [Martyn Astoricra], Диего Канчарла [Diego Cancharla], Матео Саксаньявпа [Matheo Sacsañaupa], Кристобаль Пайконьявпа [Xristóbal Paycoñaupa], дон Кристобаль Сулькави [don Xristóbal Sullcaui], Франсиско Колькерика [Francisco Collquerica], Кристобаль Пайкорокси [Xristóbal Paycorocci], Кристобаль Павкаркаса [Xristóbal Paucarcasa], Херонимо Астовилька [Gerónimo Astovillca], Мартин Льяксатакми [Martyn Llacsatacmi]: От нашего имени и |от имени| остальных индейцев этого селения, ныне здесь не присутствующих, мы говорим, что все мы — из этого вышеупомянутого поселения Сант Франсиско, мы хотим, и такова наша воля, жить в мире и быть друзьями сеньора доктора Франсиско де Авила, нашего падре. Потому что, воистину, невозможно отрицать то, что с тех пор, как он пришел в этот приход, мы слышим и знаем слово Божье, и что он сделал нас христианами; и поскольку мы познали |сие| и возблагодарили за это, и он не причинил нам никакого вреда, у нас не было с ним ни тяжбы какой-либо, ни разногласия после того, как он появился в этом приходе; и мы знаем, что он всячески покровительствовал и помогал нам. И дело обстоит так, что когда в этом поселении, или в |селении| Санта Ана [Santa Ana], или в другом месте, ему отслужили или осуществили *миту* [mita] индейцы этого вышеназванного места, по окончании *миты айлью* [ayllo] созывало их и производило отчет о том, что оно должно им, и расплачивалось со всеми.

В прошедшие дни, в сентябре, дело обстояло так, что когда индейцы поселения Сант Хуан [Sant Juan] и другие из этой *варанки* Чавкаримак возбудили против вышеупомянутого Доктора некие тяжбы, мы поступили также, но то было от гнева, нас одолевшего, потому что мы полагали, что вышеупомянутый падре хотел заставить нас основать в этом приходе мастерскую энкомендеро. И в соответствии с тем, что мы сказали, должны были люди, которых мы нашли в Лиме, написать нам наши обвинения, написать то, что захотели они |т.е. жители селения Сант Хуан и варанки Чавкаримак|.

То, о чём говорили обвинения от первого |пункта| до двенадцатого, заключается в следующем: за баранов, козлят, сало, свечи, яйца, маис, *nanac*, *чичу*, *чочоку* [chochoca][1015], дрова и траву должен был Доктор много денег. И сейчас мы говорим, что воистину из всего этого он ничего не должен [de todo esto no debe cosa], и что, когда он хотел купить или купил несколько яиц сверх того, что ему дают за его деньги от *миты* за несколько куриц или цыплят, он всегда сначала присылал серебро. А что касается сала, то дело обстоит так, что иной раз он обычно просит нас, чтобы мы собрали ему немного, и это мы обычно делаем добровольно и даём ему немного. И потому из всего вышеназванного упомянутый Доктор не должен нам ничего.

А относительно того, что мы говорим, что одиннадцать индейцев перенесли ноши в Варочири, то это также ложно. И то, что касается

[1015] В словаре Диего Гонсалеса Ольгина, 1608: Chucchucca. Маис варёный и перенесённый на солнце, такой как рис.

|перевозки| небольших нош отсюда в Сант Хуан и в Сант Дамиан, нам нечего |за это| просить, ни говорить, потому что это |хоть и| было, но оно не заслуживает ни оплаты, ни того, чтобы это переносилось за деньги. И за лошадей, перевозивших ноши в Лиму, а также индейцев, ушедших с ними, — за всё это заплачено, и правда в том, что ни одна лошадь не пронесла и пяти **[208]** мер [medias][1016] *nanac*: а полторы фанеги[1017] — это дело обычное. И всё остальное, касающееся службы, оплачено, и за серую лошадь, которую, как мы говорим, вышеупомянутый Доктор потерял в *пуне*[1018] [la puna], у его владельца есть бумага от упомянутого Доктора и оба договорились [sic!][1019].

И двадцать восемь брёвен, доставленные 28-ю индейцами этого селения в Лиму, их мы принесли и носим из любви к нему, и бесплатно, и потому что мы так хотим, и без ожидания платы.

И относительно того, что мы сказали, что вышеупомянутый Доктор должен тридцать пять патаконов[1020] [patacones] и шесть томинов[1021] [tomines] церкви, мы говорим, что отчет об этом есть в её |т.е. церковной| книге, и что нам только известно, что он купил покрывало для |Иисуса| Христа в этом селении, и сказал, что у него остались неизрасходованными патаконы тогда, согласно учёта вышеназванного Доктора из его книги; |и| то, что там записано, будет верно.

А что касается того, что мы сказали, что вышеупомянутый Доктор убил кобылу и местного барана, дабы прилетели кондоры, правда в том, что баран жив, и он казённый [es del fiscal], и он не умер; у него только была рана на голове, от которой он выздоровел. А что касается кобылы, то будет уже десять лет, как проживает здесь один падре, с тех пор как мы ведем тяжбу с отцом Сегура [el padre Segura], по имени Луис де Пас [Luiz de Paz], оставивший рыжую мулицу со сломанной ногой; и тогда пришел в этот приход вышеупомянутый Доктор, которому пожаловались некоторые индейцы, говоря, что та мулица вытоптала им *чакры*[1022] [las chacras], и так чтобы он посмотрел, что нужно сделать с ней; и поэтому, а |также потому, что| мулица была бесполезной, ее убил вышеупомянутый Доктор.

И ни одной индеанки вышеупомянутый Доктор не бил и не обижал, чтобы не рожала ему «щенка»; да, он стегал своего негра, потому что он убил одного [no criaba perrillo alguno — a su negro sí azotó porque le mató uno].

И если когда-нибудь мы пряли вышеупомянутому Доктору какой-нибудь клубок, то это было по той причине, что |мы| являемся друзьями, и из дружбы, а не из-за денег; да и таких было очень мало. А относительно

[1016] «Мера» — единица измерения сыпучих тел. Равнялась 6 селеминам. Селемин = 4,625 л. Получается, что 5 мер = 138,75 л.
[1017] Фанега — 55,5 кг.
[1018] DGH: Puna. Холодная горная местность или земля, или парамо. Purum purum. Незаселённые пустынные земли (пустыни). То же что и «парамо».
[1019] Пометка редакторов издания.
[1020] Серебряная монета. Название происходит из арабского *batakká* — «окно».
[1021] Старинная серебряная монета, весом в одну унцию.
[1022] Посевные поля, наделы. В других источниках часто испанские чиновники записывали это слово как «чакара», хотя в словаре Ольгина занесено именно слово «чакра» — поместье, имение. Дословно значило, скорее всего, «обработанное |поле, земля|».

четырёх сорочек, которые, как мы говорим, испортил вышеупомянутый Доктор, то тут нечего сказать, потому что он уже удовлетворил индейцев.

Это те обвинения, которые мы подали, о которых ни сейчас, ни когда-либо ещё мы не станем говорить, и больше ничего не прибавим. И как мы сказали, сие мы подаём обо всём вышесказанном. И когда мы покрыли могилы своими дарами во имя Всех Святых, никогда вышеупомянутый Доктор не хулил нас [nos ha medido en] *кольо* [collo][1023], ни чём-либо другим еду, но так, как мы это делали всегда, вспоминая о Боге и о наших умерших[1024].

Сейчас мы говорим и просим у вышеупомянутого Доктора, отца нашего, чтобы он приглядывал за нами и чтобы мы были для него, как дети |его|, и |чтобы| помог он нам в том, что будет предложено, и |чтобы| из-за случившегося он ни к кому не проявил злой воли, |и| что мы также будем служить ему, как нашему отцу. И правда в том, что нам не ведомо, чтобы он совершил что-либо плохое, и потому об этом все мы подаём эту бумагу, потому что, как мы говорим об этом здесь, мы **[209]** подтвердим это перед любым судьей, какой бы ни пришел проверить обвинения или осуществить проверки.

И составлена эта бумага в поселении Сант Франсиско де Суниканча двадцать первого февраля тысяча шестьсот восьмого года от рождества Нашего Господа Иисуса Христа [Jesu Xristo]; и это подписываю я, дон Мигель Йаврикака [Miguel Yauricaca], и мы, остальные, просим у дона Кристобаля Чокекаса [Xristóbal Choquecasa], написавшего её, и Мартина Астокаса [Martyn Astocasa], учителя, чтобы они подписались вместо нас, при свидетелях Эрнандо Апумайта [Hernando Apumayta], и Франсиско Пома [Francisco Poma], и испанца по имени Хуан Санчес Серрано [Juan Sánchez Serrano].

Дон Мигель Йаврикаса, в качестве свидетеля. Дон Кристобаль Чокекаса, ходатайствующий, и в качестве свидетеля — Мартин Астокаса, в качестве свидетеля — Хуан Санчес Серрано.

Свидетельство бывшего местного жреца Эрнандо Павкара из Сан-Педро-де-Мама (Сьерра-де-Лима), 1608 или 1609 год.

Известность Эрнандо Павккара [Hernando Pauccar], местного жреца из Сан-Педро-де-Мама [*San Pedro de Mama*] *(Варочири), проистекает из того факта, что человеком, задержавшим его, был не кто иной как Франсиско де Авила, знаменитый "искоренитель язычества", положивший начало редактированию рукописи на языке кечуа, о которой было упомянуто выше [документ №69]. "Свидетельство" Павккара появляется как его*

[1023] DGH: Ccollu. Злое предзнаменование, напрасное разрушение.
[1024] Возможно, речь в данном случае (уже видоизмененном варианте) идёт, о том, что Авила, якобы не вмешивался в похоронные обряды индейцев и не проклинал их за это.

собственное "признание", в сочинении де Авилы [1648]. Очевидно, такое признание было осуществлено без присутствующих нотариусов и других свидетелей... Несмотря на свою форму прямой речи, это "свидетельство", в лучшем случае, следует всё же считать "косвенной речью", составленной по "воспоминаниям" некоего беспристрастного "редактора". Как полагает современный историк Акоста [Acosta, en Huarochirí 1987], Авила наблюдает здесь за этим туземным коллегой по ремеслу, отталкиваясь от своего собственного опыта и действий...

ТЕКСТ:

Сеньор Падре:

Это правда, что я был жрецом Чаупиньямокка [Chaupiñamocc], с юного возраста, и я получил это в наследство от моего отца, и во всех этих селениях этого прихода, и других меня очень уважали, и я дважды в год посещал их, и если я запаздывал, они посылали за мной, и отправляли мне лошадей и того, кто прислужит мне в пути. И когда я входил в каждое селение, они ставили мне арки и выходили с танцами, и женщины играли на своих барабанах, и они давали мне приют, и кормили, и прислуживали, и было столько того, что они мне давали, что я не знал, куда всё это девать. После чего они строили мне навес, и полностью покрывали и закрывали его одеялами, и сюда я входил один, **[210]** днём или ночью, когда бы я не пожелал. И сюда ко мне приходили советоваться, а я отвечал, и жертвовал *куйев* [cuyes], проливал *чичу* [chicha] и совершал другие церемонии на виду у того, кто приходил. И некоторые говорили, что они хотели бы услышать ответ, который давал Чаупиньямокк, и я заставлял его говорить, поставив там маленького идола [idolillo], высказывавшего его |ответ|, и иногда он говорил очень хитроумно [muy delgado], а иной раз — проницательно [grueso][1025]. О нём же, Отец, вы говорите, что это был Дьявол. И по этой причине меня все уважали, как и вас, и даже больше. И на третий или четвертый день мне собирали маис, *папас* и много еды, и они отправляли это в моё селение к моей жене. И в этом селении они однажды приютили меня у имярека, а в другой раз у такого-то человека **[211]** |...|.

[1025] Вариант: двусмыслено, непонятно.

Анналы императорского городка Потоси (1771). Отрывки.

Купальня Тарапайя.

…1456 год от сотворения Мира. Бог послал на Западные Индии потоп… (далее цитата из Библии).

— 250 лет до воплощения (antes que encarnase) Христа началась Монархия, правление Синчи Рока, второго короля Перу. На 90 год его правления родился Господь.

— В 56 год от Р.Х. Майта Капак, четвёртый король или монарх Перу построил озеро Тарапайя. Построил он его в виде кольца. Это купальня в Потоси. В этом году могущественный монарх закончил завоевание провинции Чаркас, и Порко, и подчинил своей власти селение Кантумарка (возле Потоси). |эта дата довольно далековато, может, пропущены первые две цифры 13 или 14 и должно быть 1356 или 1456 год?|

— В 1462 году Гуайна-Капак посетил |селение| Кантумарка.

— В 1523 году Куси-Васкар, двенадцатый монарх Перу находился в Кантумарка, омылся в купальне Тарапайя, поднялся на гору Потоси.

— в 1528 году Атагуальпа, тринадцатый монарх Перу, узурпировавший в то время власть у своего брата Куси-Васкара, пришел в провинцию Чаркас, чтобы набрать людей для завоевания Чили. Разработал рудникив Порко, отдохнул в купальне Тарапайя, устроил там поблизости охоту и видел гору Потоси.

— В сентябре 1545 года в Потоси было 170 испанцев и 3000 индейцев. Началось основание городка капитаном Вильярроэлем, двумя Контенос (?) и Сантардия, и другими знатными людьми из Испании…

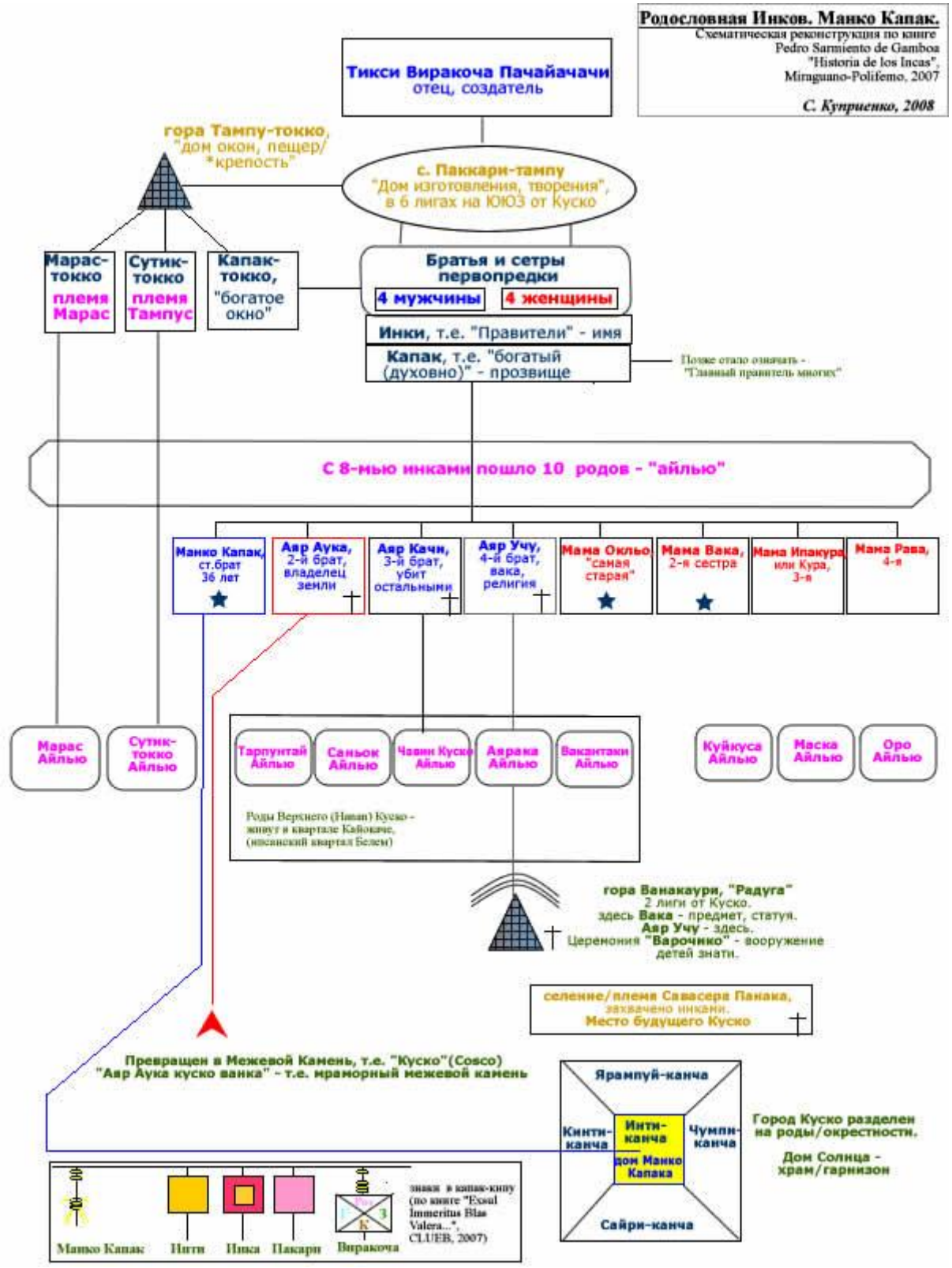
Библиография

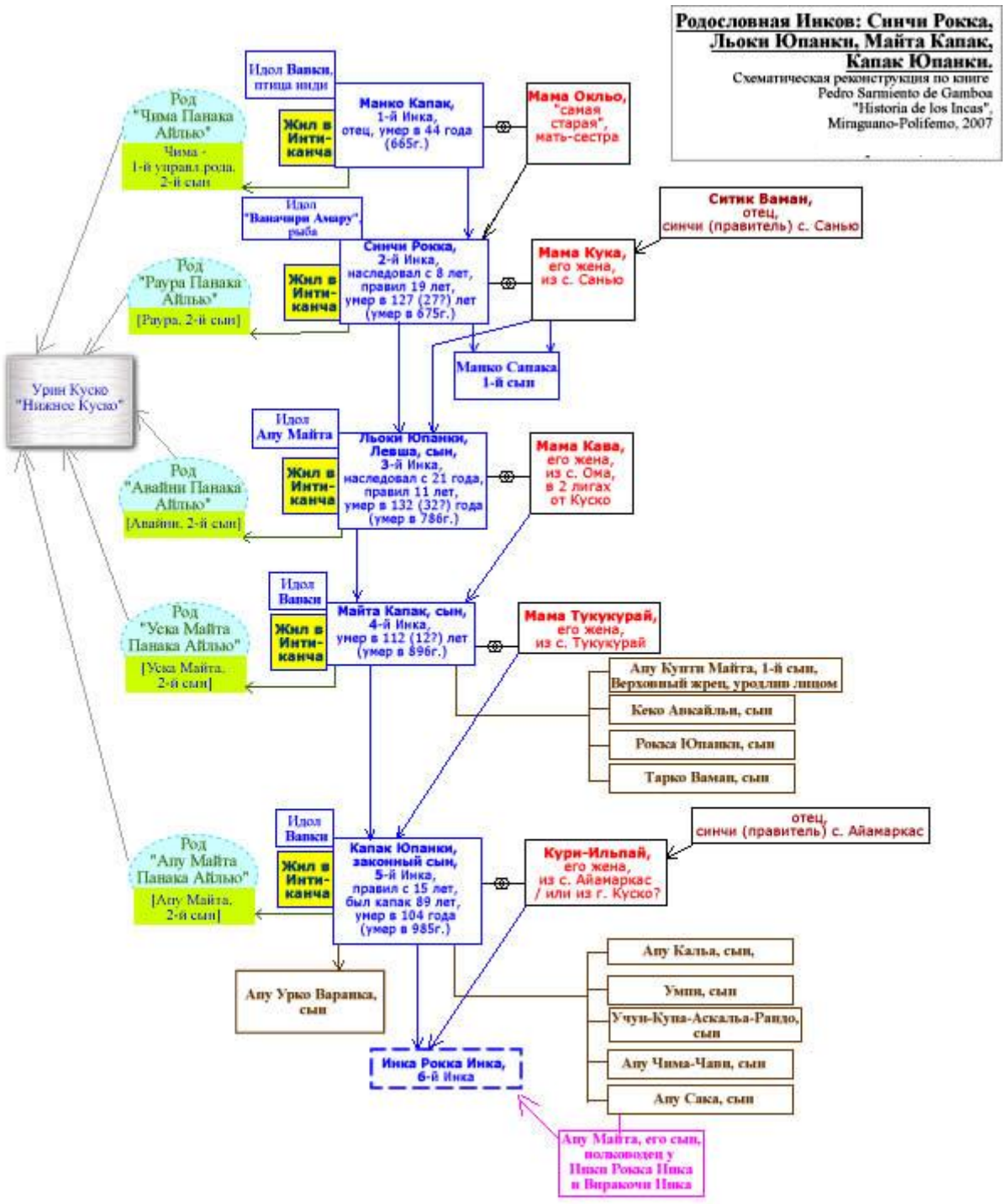
1. Apian P. Libro de la cosmographia: el qual trata la descripción del mundo y sus partes por muy claro y lindo artificio. — [3], 68 [i.e. 136], [3] p., Anveres : [s.n.], 1548.
2. Archivo General de Indias, Seccion: Patronato 93, n11r2, P. 186v–188v.
3. Avila F. de. Dioses y Hombres de Huarochirí. — Lima : Instituto de Estudios Peruanos, 1966.
4. Betanzos J. de. [1551] Suma y narración de los Incas. Prólogo, transcripción y notas por Ma. del Carmen Martin Rubio. Madrid: Ediciones Atlas, 1987.
5. Calancha A. de. Corónica Moralizada. — Barcelona, 1638.
6. Castro de Trelles L. Relacion de la religion y ritos del Peru hecha por los padres Agustinos. — Lima : Pontificia Universidad Catolica del Peru Fondo Editorial, 1992.
7. Colleccion de documentos ineditos para la historia de España. — Tomo V, Madrid, Imprenta de la viuda de Calero, 1844. p. 193–201.
8. Collecion de documentos ineditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonizacion de las posesiones espanolas en America y Occeania, sacados, en su mayor parte, del Real Archivo de Indias. — Tomo III. — Madrid : Imprenta de Manuel B. De Quiros, San Juan, 54, 1865. — p. 5–58.
9. Damian de la Bandera. Relacion del origen e gobierno que los Ingas tuvieron.... / Damian de la Bandera // Biblioteca Peruana. Primera Serie. — Lima : Editores Tecnicos Asociados S.A.,1968. — Tomo 3. — P. 491–510.
10. Dioses y hombres de Huarochirí. Narración quechua recogida por Francisco de Avila [1598?]. — México : Siglo XXI, 1975.
11. Discurso sobre la Descendencia y Gobierno de los Incas // Juan de Betanzos. Suma y Narracion de los Incas. — Madrid: Ediciones Polifemo, 2004. — p. 359–390.
12. Fernando de Santillan. Relacion del orígen, descendencia, política y gobierno de los incas / Fernando de Santillan // Tres relaciones de antigüedades peruanas. — Madrid : Imprenta y Fundicion de M.Tello, 1879. — P. 1–133.
13. Gobernantes del Perú, cartas y papeles, siglo XVI. Tomo 1. — Madrid : Sucesores de Rivadeneyra (s. a.), 1921. — 580 p.
14. González J.L. La Crónica y su concepto de la cosmovisión andina: Indios, dioses y demonios // San Pedro, Fray J. de. La Persecución del Demonio. Crónica de los primeros agustinos en el norte del Perú (1560). — Málaga : Algazara, 1992.
15. Herman Trimborn. Francisco de Avila: [ketschua-handschrift.], — Berlin : Gebr. Mann, 1967.
16. José de Arriaga P. La extirpación de la idolatría en el Pirú / Pablo José de Arriaga. — Lima : Geronimo de Contreras, 1621. — 142 [157] p.
17. Juan de Samanos. Relación de los primeros descubrimientos de Francisco Pizarro y Diego de Almagro, 1526 / Juan de Samanos // Coleccion de documentos ineditos para la historia de España. Tomo V. — Madrid : Imprenta de la viuda de Calero, 1844. — P. 193–201.
18. Lohmann Villena G. El testamento inédito del Inca Sayri Tupac / [Inca Sayri Tupac]; ed. Guillermo Lohmann Villena // Historia y cultura. — Lima : Museo nacional de Historia, 1965. — Vol. 1, № 1. — P. 13–18.
19. Luciano Pereña. La idea de justicia en la conquista de América. — Madrid, 1992, P. 237–239. — Режим доступа: http://usuarios.advance.com.ar/pfernando/DocsIglLA/Requerimiento.htm. — Название с экрана.
20. Molina C.de (El Cuzqueño) [1575]. Ritos y fábulas de los Incas. — Buenos Aires: Editorial Futurn S.R.L., 1959.
21. Monumenta Peruana. VI. (1596–1599). — Romae : APUD “Institutum Historicum Societatis Iesu”, 1974. — P. 799–806.
22. Narratives of the rites and laws of the Yncas. — New York : Printed for the Hakluyt Society, 1873.
23. Pedro de Cieza de León. Crónica del Perú. El señorío de los Incas / Pedro de Cieza de León ; [ed. Franklin Pease G. Y.]. — Caracas : Fundacion Biblioteca Ayacucho, 2005. — 497 p.
24. Porras Barrenechea R. Una relacion inedita de la conquista: la cronica de Diego de Trujillo. — Lima : Instituto Raul Porras Barrenechea, 1970. — P. 41–60.
25. Rakutz, Nikolay. La política religiosa de los incas: el ejemplo de la provincia de Huamachuco. — Режим доступа: http://www.naya.org.ar/congreso2002/ponencias/nick_rakutz.htm. — Название с экрана.
26. Relacion de la religion y ritos del Peru, hecha por los primeros religiosos agustinos que alli pasaron para la conversion de los naturales [1560] / Anónima // Collecion de documentos ineditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonizacion de las posesiones espanolas en America y Occeania, sacados, en su mayor parte, del Real Archivo de Indias. — Madrid : Imprenta de Manuel B. de Quiros, 1865. — Tomo III. — P. 5–58.
27. Revista histórica: órgano del Instituto Histórico del Perú. — Lima : Instituto histórico del Perú, 1906.
28. Salomon F. The cord keepers: khipus and cultural life in a Peruvian village / Frank Salomon. — Durham : Duke University Press, 2004. — 368 p.

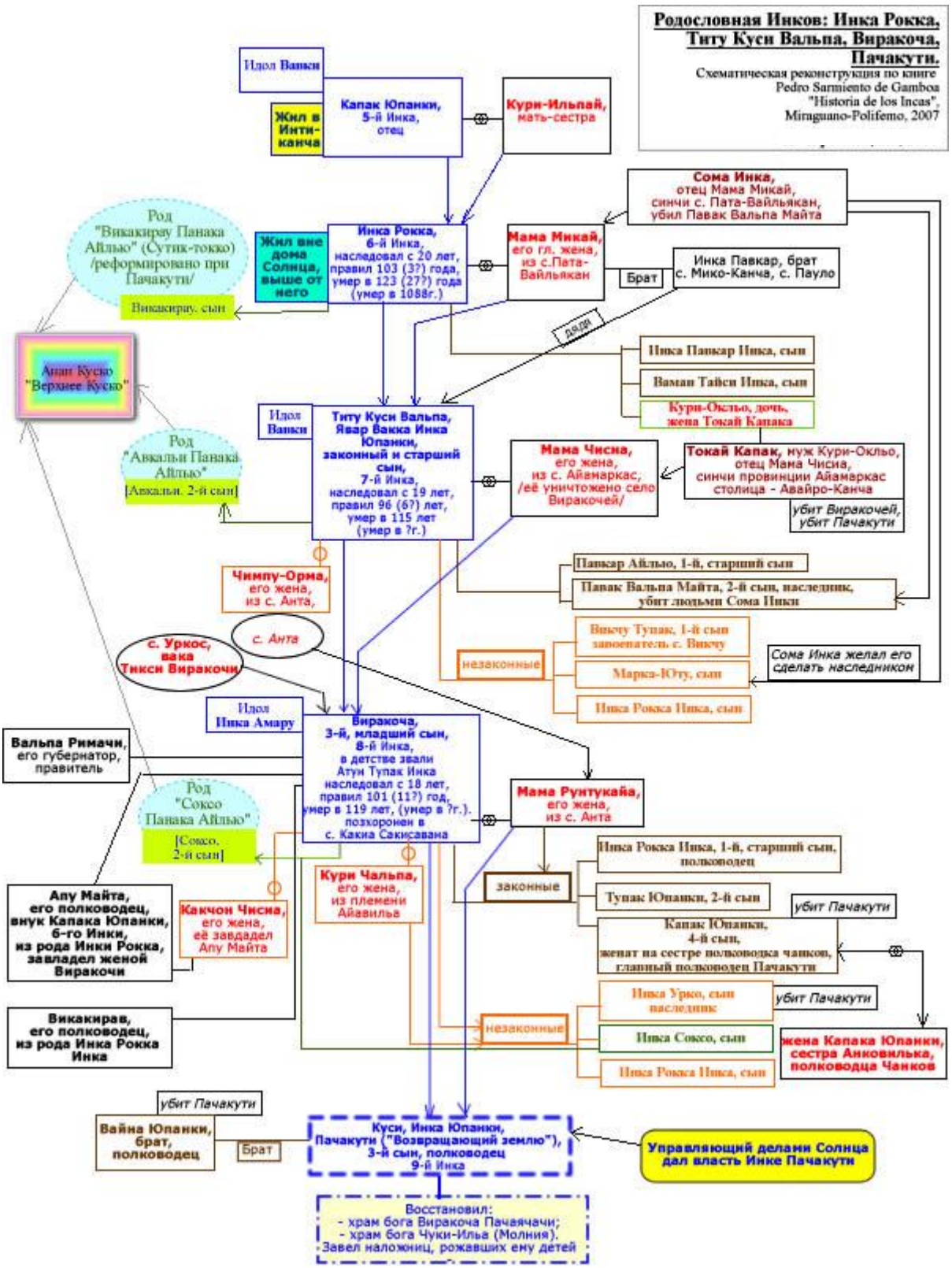
29. San Pedro, Fray J.de [1560]. La persecución del Demonio: crónica de los primeros Agustinos en el Norte del Perú. Transcripción de Eric E. Deeds. Introducción de Teresa Van Ronzelen, estudios preliminares por Luis Millones, John R. Topic y José Luis González. — Málaga : Algazara ; Méxicом : C.A.M.E.I., 1992. — Режим доступа: http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/1992a%2801%29.html. — Название с экрана.
30. Testimonios, cartas y manifiestos indígenas (Desde la conquista hasta comienzos del siglo XX). — Caracas : Biblioteca Ayacucho, 1992. — № 178.
31. The Anonymous La Conquista del Peru (Seville, April 1534) and the Libro Vltimo del Svmmario delle Indie Occidentali (Venica, October 1534) / [Cristóbal de Mena ; ed. Alexander Pogo] // Proceedings of the American academy of arts and sciences. — Boston : American Academy of Arts and Sciences, 1930. — Vol. 64, № 8. — P. 218–281.
32. Topic John R. El Izamiento del gallardete en Huamachuco. — 1994. — Режим доступа: http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/index.html. — Название с экрана.
33. Topic John R. Las huacas de Huamachuco: Presiciones en torno a una imagen indígena de un paisaje andino // San Pedro, Fray J. de. La Persecución del Demonio. Crónica de los primeros agustinos en el norte del Perú (1560). — Málaga : Algazara, 1992.
34. Topic John R., Topic T. L. A summary of the Inca occupation of Huamachuco. — 1993. — Режим доступа: http://www.munihuamachuco.gob.pe/milenario/huamachuco/1993%281%29.html. — Название с экрана.
35. Zuidema R. T. The Ceque system of Cuzco: the social organization of the capital of the Incas. — Leiden : E. J. Brill, 1964.
36. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков / Инка Гарсиласо де ла Вега; [пер. со староиспанского В. А. Кузьмищева ; ред. Ю. В. Кнорозов, В. А. Кузьмищев]. — Л. : Наука, 1974. — 748 с. — (Литературные памятники).
37. Куприенко С. А. Историография общественно-хозяйственного устройства империи инков / С. А. Куприенко // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 1 (39). — С. 57–64. — ISSN 1991-9484.
38. Куприенко С. А. Фискальная политика империи инков: проблема существования подати, дани, повинностей [Електронний ресурс] / С. А. Куприенко // Научная конференция XVIII Сергеевские чтения (4–6 февраля 2013 г.). — М. : МГУ им. Ломоносова, 2013. — С. 27–28. — Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/Departments/Ancient/XVIII_Sergeev_proceedings.pdf. — Название с экрана.
39. Куприенко С. А., Ракуц Н. В. К вопросу о реформировании культа и храмового хозяйства в инкской империи (Перу, XV в.) / С. А. Куприенко, Н. В. Ракуц // Латинская Америка. — 2013. — № 4. — С. — 72–82. — ISSN 0044-748X.
40. Купрієнко С. «Нові» джерела з історії суспільно-господарського устрою імперії інків Тавантінсуйу / С. Купрієнко // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України: Науковий збірник. — К. 2011. — Вип. № 4 (60). — С. 110–115.
41. Купрієнко С. «Хроніка Перу» Педро де Сьєса де Леона: джерелознавчий аналіз / С. Купрієнко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. — К., 2011. — Вип. № 105 — С. 23–26.
42. Купрієнко С. Імперія інків. Кіпу з Чупачу: організація праці, календар і чисельність населення / С. Купрієнко // Дні науки історичного факультету-2012: Матеріали V Міжнародної наукової конференції молодих учених. – Вип. V: у 7-х част. / Редкол.: чл.-кор. НАНУ, проф. В.Ф. Колесник (голова), доц. О.Ю. Комаренко (заст. голови), І.В. Семеніст (відп. ред.) та ін. — К., 2012. — Ч. 6. — С. 19–21.
43. Купрієнко С. Історіографія суспільно-господарського устрою інків / С. Купрієнко // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. — К., 2011. — Вип. № 107. — С. 22–24.
44. Купрієнко С. Різновиди торгівлі та ринків в імперії інків Тавантінсуйу / С. Купрієнко // Етнічна історія народів Європи: Збірник наукових праць. — К.: УНІСЕРВ, 2011. — Вип. 36. — С. 109–114.
45. Купрієнко С. Система державного управління господарством в імперії інків / С. Купрієнко // Дні науки історичного факультету-2011: Матеріали IV Міжнародної наукової конференції молодих учених, присвяченої 20-річчю Незалежності України. — Вип. IV: у 6-х част. / Редкол.: чл.-кор. НАНУ, проф. В.Ф. Колесник (голова), доц. О.Ю. Комаренко (заст. голови), І.В. Семеніст (відп. ред.) та ін. — К., 2011. — Ч. 6. — С.33–34.
46. Купрієнко С. Функціонування системи постоялих дворів, складів і сховищ в Імперії інків / С. Купрієнко // Вісник Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України: Науковий збірник. — К., 2011. — Вип. № 3 (59). — С. 110–115.
47. Талах В. Н., Куприенко С. А. Календарь доколумбовых индейцев Анд по сведениям Фернандо де Монтесиноса и Бласа Валеры / В. Н. Талах, С. А. Куприенко // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 1 (39). — С. 65–75. — ISSN 1991-9484.

Приложение 1.

Куприенко С. А. Родословная инков по Сармьенто де Гамбоа.




Родословная Инков: Синчи Рокка, Льоки Юпанки, Майта Капак, Капак Юпанки.
Схематическая реконструкция по книге Pedro Sarmiento de Gamboa "Historia de los Incas", Miraguano-Polifemo, 2007
Идол Ваньки, птица инди
Манко Капак, 1-й Инка, отец, умер в 44 года (665г.)
Мама Окльо, "самая старая", мать-сестра
Род "Чима Панака Айльо"
Чима - 1-й управл.рода, 2-й сын
Жил в Инти-канча
Идол "Ваначири Амару", рыба
Ситик Ваман, отец, синчи (правитель) с. Санью
Синчи Рокка, 2-й Инка, наследовал с 8 лет, правил 19 лет, умер в 127 (27?) лет (умер в 675г.)
Мама Кука, его жена, из с. Санью
Род "Раура Панака Айльо"
[Раура, 2-й сын]
Жил в Инти-канча
Манко Сапака 1-й сын
Урин Куско "Нижнее Куско"
Идол Апу Майта
Льоки Юпанки, Левша, сын, 3-й Инка, наследовал с 21 года, правил 11 лет, умер в 132 (32?) года (умер в 786г.)
Мама Кава, его жена, из с. Ома, в 2 лигах от Куско
Род "Авайни Панака Айльо"
[Авайни, 2-й сын]
Жил в Инти-канча
Идол Ваньки
Майта Капак, сын, 4-й Инка, умер в 112 (12?) лет (умер в 896г.)
Мама Тукукурай, его жена, из с. Тукукурай
Род "Уска Майта Панака Айльо"
[Уска Майта, 2-й сын]
Жил в Инти-канча
Апу Купти Майта, 1-й сын, Верховный жрец, уродлив лицом
Кеко Анкайльи, сын
Рокка Юпанки, сын
Тарко Ваман, сын
Идол Ваньки
Капак Юпанки, законный сын, 5-й Инка, правил с 15 лет, был капак 89 лет, умер в 104 года (умер в 985г.)
Кури-Ильпай, его жена, из с. Айамаркас / или из г. Куско?
отец, синчи (правитель) с. Айамаркас
Род "Апу Майта Панака Айльо"
[Апу Майта, 2-й сын]
Жил в Инти-канча
Апу Кальа, сын,
Умпи, сын
Учун-Купа-Аскальа-Рандо, сын
Апу Чима-Чапи, сын
Апу Сака, сын
Апу Урко Варанка, сын
Инка Рокка Инка, 6-й Инка
Апу Майта, его сын, полководец у Инки Рокка Инка и Виракочи Инка


Родословная Инков: Инка Рокка, Титу Куси Вальпа, Виракоча, Пачакути.
Схематическая реконструкция по книге Pedro Sarmiento de Gamboa "Historia de los Incas", Miraguano-Polifemo, 2007
Идол Ваяси
Жил в Инти-канча
Капак Юпанки, 5-й Инка, отец
Кури-Ильпай, мать-сестра
Сома Инка, отец Мама Микай, синчи с. Пата-Вайльякан, убил Павак Вальпа Майта
Род "Викакирау Панака Айльо" (Сутик-токко) /реформировано при Пачакути/
Викакирау, сын
Жил вне дома Солнца, выше от него
Инка Рокка, 6-й Инка, наследовал с 20 лет, правил 103 (3?) года, умер в 123 (27?) года (умер в 1088г.)
Мама Микай, его гл. жена, из с.Пата-Вайльякан
Брат
Инка Павкар, брат с. Мико-Канча, с. Пауло
дали
Инка Павкар Инка, сын
Ваман Тайси Инка, сын
Кури-Окльо, дочь, жена Токай Капака
Анан Куско "Верхнее Куско"
Идол Ваяси
Титу Куси Вальпа, Явар Вакка Инка Юпанки, законный и старший сын, 7-й Инка, наследовал с 19 лет, правил 96 (6?) лет, умер в 115 лет (умер в ?г.)
Мама Чисна, его жена, из с. Айямаркас, /её уничтожено село Виракочей/
Токай Капак, муж Кури-Окльо, отец Мама Чисна, синчи провинции Айамаркас столица - Авайро-Канча
убит Виракочей, убит Пачакути
Род "Авкальи Панака Айльо"
[Авкальи, 2-й сын]
Чимпу-Орма, его жена, из с. Анта,
Павкар Айльо, 1-й, старший сын
Павак Вальпа Майта, 2-й сын, наследник, убит людьми Сома Инки
с. Анта
с. Уркос, вака Тикси Виракочи
незаконные
Викчу Тупак, 1-й сын завоеватель с. Викчу
Марка-Юту, сын
Инка Рокка Инка, сын
Сома Инка желал его сделать наследником
Идол Инка Амару
Виракоча, 3-й, младший сын, 8-й Инка, в детстве звали Атун Тупак Инка наследовал с 18 лет, правил 101 (11?) год, умер в 119 лет, (умер в ?г.). позхоронен в с. Какиа Сакисавана
Вальпа Римачи, его губернатор, правитель
Мама Рунтукайа, его жена, из с. Анта
Род "Сокео Панака Айльо"
[Сокео, 2-й сын]
Инка Рокка Инка, 1-й, старший сын, полководец
законные
Тупак Юпанки, 2-й сын
убит Пачакути
Капак Юпанки, 4-й сын, женат на сестре полководца чанков, главный полководец Пачакути
Апу Майта, его полководец, внук Капака Юпанки, 6-го Инки, из рода Инки Рокка, завладел женой Виракочи
Какчон Чисна, его жена, её завдадел Апу Майта
Кури Чальпа, его жена, из племени Айавилья
Инка Уркос, сын наследник
убит Пачакути
Инка Сокео, сын
Инка Рокка Инка, сын
незаконные
жена Капака Юпанки, сестра Анковилька, полководца Чанков
Викакирав, его полководец, из рода Инка Рокка Инка
убит Пачакути
Вайна Юпанки, брат, полководец
Брат
Куси, Инка Юпанки, Пачакути ("Возвращающий землю"), 3-й сын, полководец 9-й Инка
Управляющий делами Солнца дал власть Инке Пачакути
Восстановил:
- храм бога Виракоча Пачаячачи;
- храм бога Чуки-Илья (Молния).
Завел наложниц, рожавших ему детей

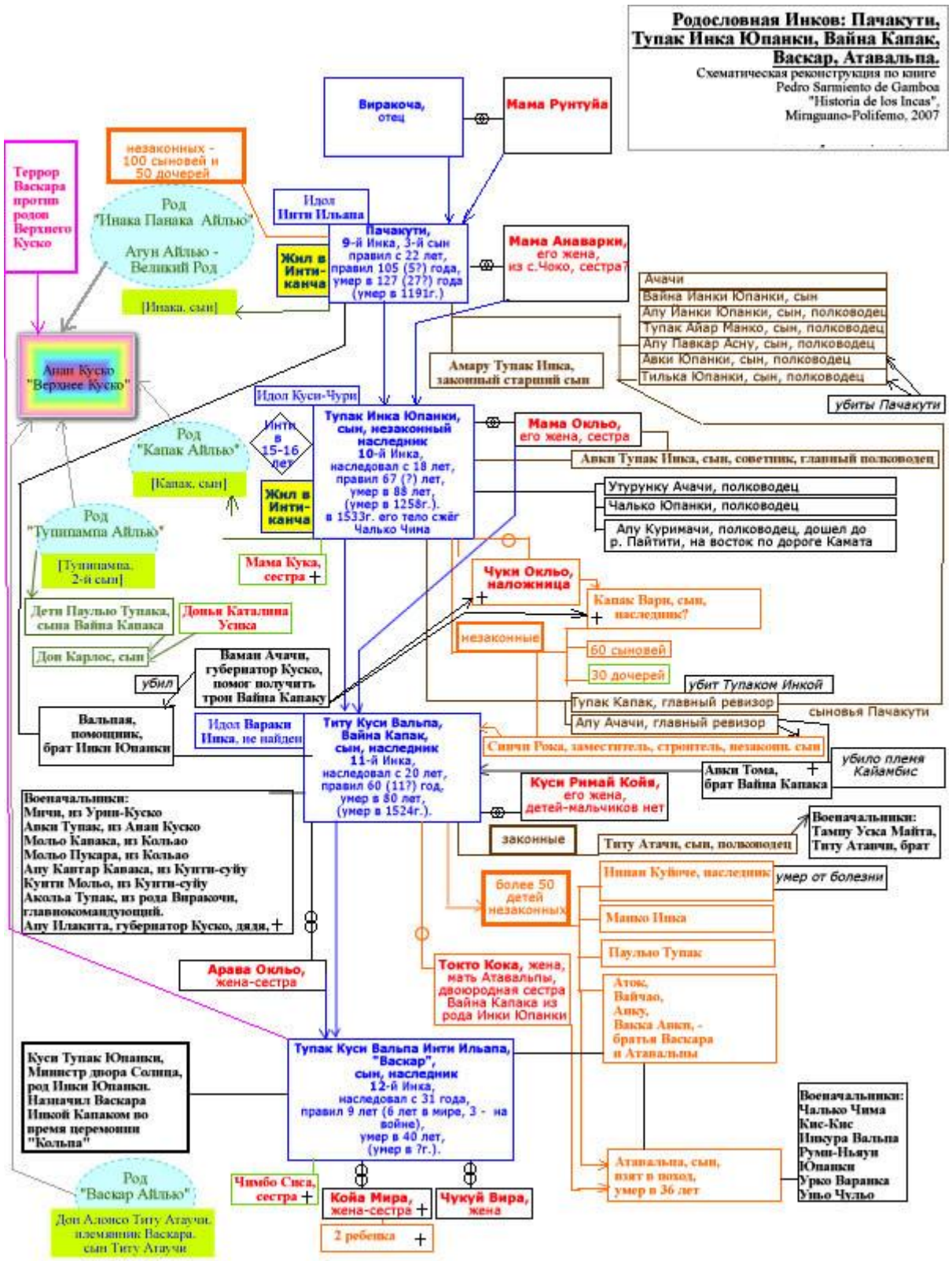
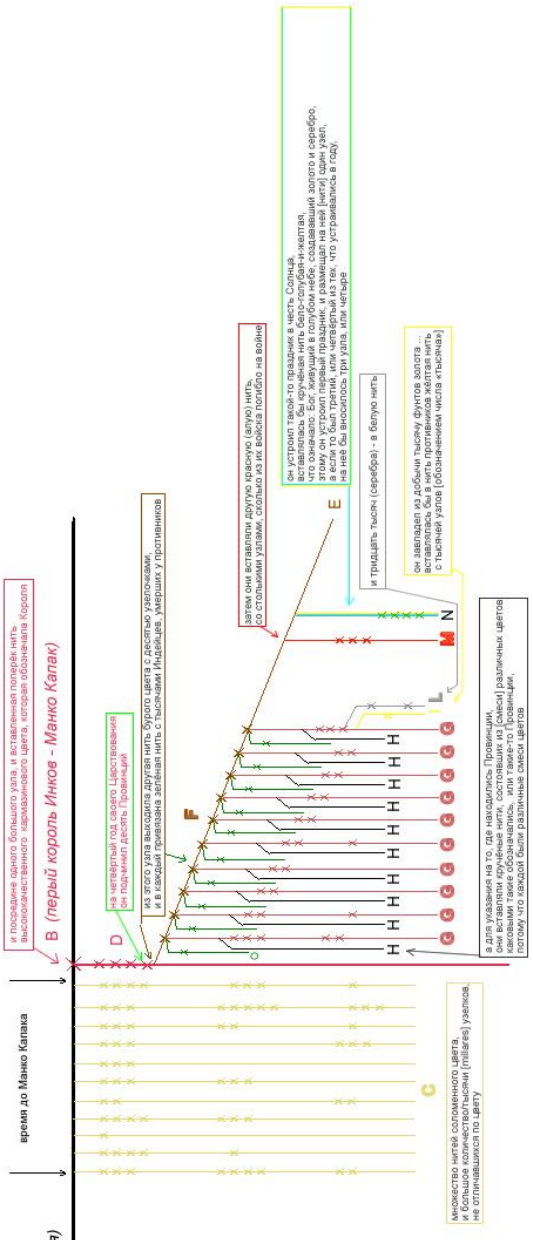

Родословная Инков: Пачакути, Тупак Инка Юпанки, Вайна Капак, Васкар, Атавальпа.
Схематическая реконструкция по книге Pedro Sarmiento de Gamboa "Historia de los Incas", Miraguano-Polifemo, 2007
Виракоча, отец
Мама Рунтуйа
Террор Васкара против родов Верхнего Куско
незаконных - 100 сыновей и 50 дочерей
Род "Инака Панака Айлью"
Атун Айлью - Великий Род
Идол Инти Ильапа
Жил в Инти-канча
Пачакути, 9-й Инка, 3-й сын правил с 22 лет, правил 105 (5?) года, умер в 127 (27?) года (умер в 1191г.)
Мама Анаварки, его жена, из с.Чоко, сестра?
[Инака, сын]
Ачачи
Вайна Ианки Юпанки, сын
Алу Йанки Юпанки, сын, полководец
Тупак Айар Манко, сын, полководец
Алу Павкар Асну, сын, полководец
Авки Юпанки, сын, полководец
Тилька Юпанки, сын, полководец
Анан Куско "Верхнее Куско"
Амару Тупак Инка, законный старший сын
убиты Пачакути
Идол Куси-Чури
Род "Капак Айлью"
Инти в 15-16 лет
Тупак Инка Юпанки, сын, незаконный наследник 10-й Инка, наследовал с 18 лет, правил 67 (?) лет, умер в 88 лет, (умер в 1258г.). в 1533г. его тело сжёг Чалько Чима
Мама Окльо, его жена, сестра
Авки Тупак Инка, сын, советник, главный полководец
[Капак, сын]
Жил в Инти-канча
Утурунку Ачачи, полководец
Чалько Юпанки, полководец
Алу Куримачи, полководец, дошел до р. Пайтити, на восток по дороге Камата
Род "Тупипампа Айлью"
[Тупипампа, 2-й сын]
Мама Кука, сестра
Чуки Окльо, наложница
Капак Вари, сын, наследник?
Дети Паулью Тупака, сына Вайна Капака
Донья Каталина Усика
незаконные
Дон Карлос, сын
60 сыновей
30 дочерей
убил
Ваман Ачачи, губернатор Куско, помог получить трон Вайна Капаку
убит Тупаком Инкой
Тупак Капак, главный ревизор
Алу Ачачи, главный ревизор
сыновья Пачакути
Вальпая, помощник, брат Инки Юпанки
Идол Вараки Инка, не найден
Титу Куси Вальпа, Вайна Капак, сын, наследник 11-й Инка, наследовал с 20 лет, правил 60 (11?) год, умер в 80 лет, (умер в 1524г.).
Синчи Рока, заместитель, строитель, незаконн. сын
убило племя Кайамбис
Авки Тома, брат Вайна Капака
Куси Римай Койя, его жена, детей-мальчиков нет
Военачальники: Мичи, из Урин-Куско Авки Тупак, из Анан Куско Мольо Кавака, из Кольао Мольо Пукара, из Кольао Апу Кантар Кавака, из Кунти-суйу Кунти Мольо, из Кунти-суйу Акольа Тупак, из рода Виракочи, главнокомандующий. Апу Илакита, губернатор Куско, дядя,
законные
Титу Атачи, сын, полководец
Военачальники: Тампу Уска Майта, Титу Атанчи, брат
Нинан Куйоче, наследник
умер от болезни
более 50 детей незаконных
Манко Инка
Паулью Тупак
Арава Окльо, жена-сестра
Токто Кока, жена, мать Атавальпы, двоюродная сестра Вайна Капака из рода Инки Юпанки
Аток, Вайчао, Анку, Вакка Авки, - братья Васкара и Атавальпы
Куси Тупак Юпанки, Министр двора Солнца, род Инки Юпанки. Назначил Васкара Инкой Капаком во время церемонии "Кольпа"
Тупак Куси Вальпа Инти Ильапа, "Васкар", сын, наследник 12-й Инка, наследовал с 31 года, правил 9 лет (6 лет в мире, 3 - на войне), умер в 40 лет, (умер в ?г.).
Военачальники: Чалько Чима Кис-Кис Инкура Вальпа Руми-Ньяун Юпанки Урко Варанка Уньо Чульо
Атавальпа, сын, взят в поход, умер в 36 лет
Род "Васкар Айлью"
Чимбо Сиса, сестра
Койа Мира, жена-сестра
Чукуй Вира, жена
Дон Алонсо Титу Атаучи, племянник Васкара, сын Титу Атаучи
2 ребенка

Схема исторического (нарративного) кипу согласно сведениям хрониста Антонио де ла Каланчи (реконструкция Карлоса Радикати ди Примельо; точное цветовое оформление — С.А. Куприенко).



Куприенко С. А. Юпана инков: вычисление священного числа 5 в песне Сумак Ньюста.

Шарики (камушки):

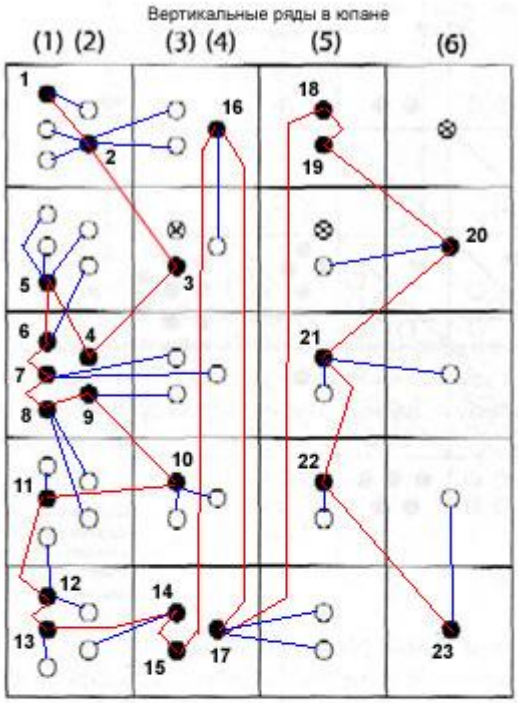
чёрный - ключевое слово "тиксиссимис" в кипу песни *Сумак Ньюста* **(всего 23)**

белый - порядковый номер слога, извлекаемого из ключевого слова **(всего 32)**

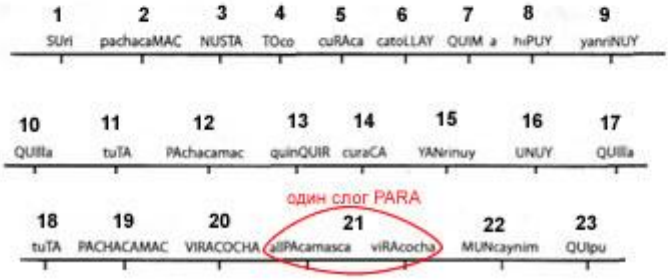
белый в крестик - соответствует так называемым «необходимым дополнениям», чтобы вычислить наилучшее число

Красной линией обозначен порядок чтения ключевых слов в данном кипу.

Синей линией - чёрные шарики с белыми шариками, т.е. число извлекаемого слога

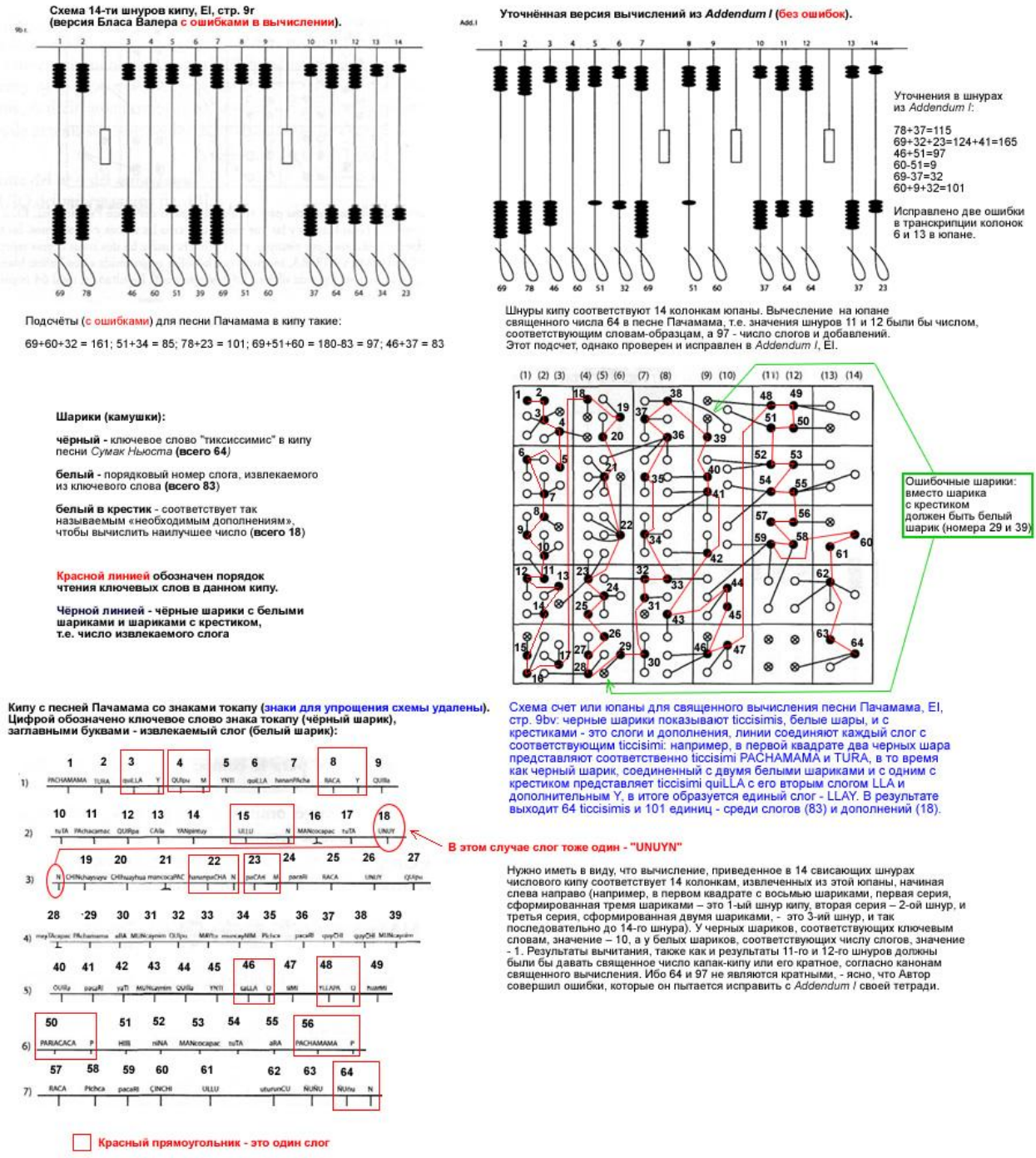


Песня *Сумак Ньюста* в кипу со знаками токапу (знаки для упрощения схемы удалены). Цифрой обозначено ключевое слово знака токапу (чёрный шарик), заглавными буквами - извлекаемый слог (белый шарик):



Песня Сумак Ньюста. Вычисление священного числа 55 (или 11 кратное священному числу 5) равное 23 (чёрные шарики) + 32 (белые шарики). 2 + 3 = 5 и 3+2 = 5 (т.е. бог Париакака) (реконструкция А.Скромницкого по книге "Exsul Immeritus Blas Valera Populo Suo")

Куприенко С. А. Схематическая реконструкция вычисления священного числа 64 в песне Пачамама с помощью капак-кипу и юпаны инков (на основе книги "Exsul Immeritus Blas Valera Populo Suo").



А.Скромницкий. Схематическая реконструкция вычисления священного числа 64 в песне *Пачамама* с помощью капак-кипу и юпаны
(на основе книги "*Exsul Immeritus Blas Valera Populo Suo*")

Приложение 5.

Список вице-королей Перу в XVI-XVII веках.

Перу являлось самой богатой колонией во всей Испанской Империи и потому должность вице-короля была наиболее выдающейся в Испанской Америке. Само вице-королевство Перу создано 20 ноября 1542 года королевской грамотой Карла V, подписанной в Барселоне.

Вице-королевство просуществовало до 9 декабря 1824 года, когда в битве при Аякучо был разбит Хосе де ла Серна.

1. Губернаторы Новой Кастилии

До появления вице-королевство на территории Перу существовало ряд губернаторств. Основным являлось губернаторство Новая Кастилия.

Губернаторами Новой Кастилии были:

Франсиско Писарро — 1528 г. — 26 июня 1541 г. (Первый правитель Перу).

Кристобаль Вака де Кастро — 1541–1544 гг. (Назначен официально, но фактически делил должность с Диего де Альмагро Младшим).

Диего де Альмагро Младший — 26 июня 1541 г. — 16 сентября 1542 г. (Был фактическим правителем Перу после убийства Франсиско Писарро).

Гонсало Писарро — 1544–1548 гг. (Узурпатор и претендент на губернаторство Перу. Разбит в битве при Хакихагуана).

2. Вице-короли Перу

XVI век

* 1544—1546 — Нуньес Вела, Бласко
* 1546—1549 — Гаска, Педро де ла, президент Аудиенции
* 1550—1552 — Мендоса, Антонио де, граф де Тендильа
* 1552—1556 — Мельчор Браво де Саравия, президент Аудиенции
* 1556—1561 — Уртадо де Мендоса, Андрес, маркиз де Каньете
* 1561—1564 — Лопес де Суньига, Диего, граф де Ньева
* 1564 — Сааведра, Хуан де, президент Аудиенции
* 1564—1569 — Гарсия де Кастро, Лопе, президент Аудиенции
* 1569—1581 — Толедо, Франсиско де
* 1581—1583 — Энрикес де Альманса, Мартин
* 1584 — Рамирес де Картахена, Кристобаль, президент Аудиенции
* 1584—1589 — Торрес де Португаль, Фернандо
* 1589—1596 — Уртадо де Мендоса, Гарсия

XVII век

* 1596—1604 — Веласко-и-Кастилья, Луис де
* 1604—1606 — Суньига, Гаспар де
* 1607 — Нуньес де Авенданьо, Диего, президент Аудиенции
* 1607—1615 — Мендоса-и-Луна, Хуан де
* 1615—1621 — Мендоса-и-Луна, Хуан де, принц де Эскилаче
* 1621—1622 — Монтальво, Хуан Хименес де, президент Аудиенции
* 1622—1629 — Кордоба, Диего де
* 1629—1639 — Кабрера, Луис Херонимо де
* 1639—1648 — Толедо, Педро де
* 1648—1655 — Сармьенто де Сотомайор, Гарсиа
* 1655—1661 — Энрикес де Гусман, Луис
* 1661—1666 — Бенавидес де ла Куэва, Диего де, граф де Сантистебан дель Пуэрто
* 1666—1667 — Итурьяса, Бернардо де, президент Аудиенции
* 1667—1672 — Фернандес де Кастро, Педро Антонио, граф де Лемос
* 1672—1674 — Итурьяса, Бернардо де, президент Аудиенции
* 1674—1678 — Куэва Энрикес, Бальтасар де ла, граф де Кастельяр
* 1678—1681 — Линьян-и-Сиснерос, Мельчор, архиепископ Лимы
* 1681—1689 — Наварра и Рокафуль, Мельчор де, герцог де ла Палата.

Приложение 6.

Куприенко С. А. Испанско-русский словарь средневековой лексики, извлечённой из испанских хроник Нового Света (Америки) XV, XVI, XVII веков.

Примечание составителя: рано или поздно, человек, взявший в руки испанскую книгу XVI или XVII века, поймёт, что встречающиеся ему слова хоть и кажутся знакомыми, могут иметь другое значение, или, когда попадаются слова незнакомые, то ему часто просто бесполезно искать их в обычных словарях. Ему понадобится специализированный. И такой словарь перед Вами!

Это далеко не идеальный словарь, далеко не полный и далеко не однозначный. И всё же, думаю, он поможет в работе, в нелёгком, но увлекательнейшем занятии — переводе:)

В списке могут встречаться как современные названия, так и современные переводы слов, это, собственно, издержки производства, но и они могут кому-то пригодиться.

Все переводы слов написанные **полужирным шрифтом** — это значения средневековых слов. Если ***курсивом***, то это — современный значения этих слов.

Данный список постоянно будет пополняться, так что следите за одноименной статьёй на моём сайте (см. контакты выше).

Словарь:

a costa de *Preposition*
• 1. **за счёт** (de alguien)
• 2. **ценой** (de algo)

ab aeterno *Adverb*
• 1. **с начала вечности**

abajar *Verb*
• 1. (vt) **спускаться**

Abancay *m, Noun*
• 1. **Абанкай**

abaxada *f, Noun*
• 1. **спуск**

abrazar *Verb*
• 1. (vt) **обнимать**
2. *(vt)* ***сжимать*** *(ceñir)*
3. *(vt)* ***включать в себя*** *(incluir)*
4. *(vt)* ***принимать*** *(adoptar)*

abrazarse *Verb*
• 1. (refl) **обнимать**
• 2. (refl, + prep. A) **держаться**

abrojo *m, Noun*
• 1. (plural) **чертополох** (bot)
• 2. **чертополох** (bot)
• 3. (plural) **риф** (náut)

abuso *m, Noun*
• 1. **беззаконие** (injusticia)
• 2. **злоупотребление** (uso excesivo)

acción *f, Noun*
• 1. **действие**

acequia *f, Noun*
• 1. **оросительный канал** (agr)
• 2. **канава**

Acobamba *f, Noun*
• 1. **Акобамба**

acomunarse *Verb*
• 1. (refl) **соединяться**

Acquaviva *f, Noun*
• 1. **Аквавива**

acrescentar *Verb*
• 1. (vt) **улучшать**

Addenda *f, Noun*
• 1. **Приложение**

Adelantado *m, Noun*
• 1. **аделантадо**

adelantado *Adjective*
• 1. **преждевременный**
2. ***передовой*** *(avanzado)*

aderezo *m, Noun*
• 1. **украшение**
• 2. **приправа** (culin)

adjunto *m, Noun*
• 1. **добавление** (cosa)
• 2. **помощник** (ayudante)

adoptado *Adjective*
• 1. **принятый**
• 2. **усыновленный**

adoratorio *m, Noun*
• 1. **место поклонения**

Alejandro *m, Noun*
• 1. **Александр**

algunos *Pronoun*
• 1. **некоторый** (indefinido)

alharaquiento *Adjective*
• 1. **шумный**

alimentar *Verb*
• 1. (vt) **питать** (nutrir)
• 2. (vt) **кормить** (dar alimento)
• 3. (vi) **быть питательным** (servir de alimento)
4. *(vt)* ***поддерживать*** *(mantener)*
5. *(vt)* ***ободрять*** *(alentar)*

alimentarse *Verb*
• 1. (refl) **питаться** (nutrirse)

allegado *m, Noun*
• 1. **соратник** (amigo)

• 2. **родственник** (pariente)

almagrista *m, Noun*
• 1. **сторонник Альмагро**

aluvión *f, Noun*
• 1. **наводнение** (fig)
• 2. **аллювий** (sustancia)

alzado *Adjective*
• 1. **поднятый** (persona)
• 2. **возвышенный** (persona)

amauta *f, Noun*
• 1. **амаута**

Amaybamba *f, Noun*
• 1. **Амайбамба**

ambiente *m, Noun*
• 1. **среда** (entorno)
• 2. **атмосфера** (aire)

amonestación *f, Noun*
• 1. (plural) **предупреждение**
• 2. **предупреждение**
• 3. (plural) **оглашение** (matrimonio)

ampolla *f, Noun*
• 1. **пузырь**
• 2. **колба** (recip)

anca *f, Noun*
• 1. **круп** (zool)
• 2. **бедро**

andar *Verb*
• 1. (vi) **проходить**
• 2. (vi) **пойти** (moverse)
• 3. (vi) **идти** (moverse)
• 4. (vt) **проходить**
• 5. (vi) **пойти** (moverse)
6. *(vi)* ***переезжать*** *(trasladarse)*
7. *(vi)* ***работать*** *(funcionar)*
8. *(vi)* ***быть*** *(estar)*
9. *(vi)* ***общаться*** *(juntarse)*
10. *(vt)* ***покрывать***
11. *(vi)* ***переезжать*** *(trasladarse)*
12. *(vi)* ***работать*** *(funcionar)*
13. *(vi)* ***быть*** *(estar)*
14. *(vi)* ***общаться*** *(juntarse)*
15. *(vi)* ***покрывать***

andarse *Verb*
• 1. (refl, + sujeto animado) **уходить**
• 2. (refl) **использовать**
• 3. (vi, refl) **уходить**
• 4. (vi, refl) **использовать**

andas *f, Noun*
• 1. **носилки**

animado *Adjective*

• 1. **одушевленный**
• 2. **оживленный**
3. ***радостный*** *(estado emoc)*
4. ***бойкий*** *(lug)*
5. ***веселый*** *(pers)*

ansí *Adverb*
• 1. **так**

ansimesmo *Adverb*
• 1. **также**

ántes *Adverb*
• 1. **прежде**

antes que *Coordinative conjunction*
• 1. **прежде чем**
• 2. **нежели** (comparación)

Antisuyu *m, Noun*
• 1. **Антисуйу**

apéndice *m, Noun*
• 1. **приложение** (libro)
• 2. **дополнение**
3. ***аппендикс*** *(anat)*

aposentar *Verb*
• 1. (vt) **поселять**

apoyar *Verb*
• 1. (vi) **опираться**
• 2. (vt) **поддерживать**
• 3. (vi, + prep. A) **поддерживать**
4. *(vt)* ***основывать*** *(fundar)*

apoyarse *Verb*
• 1. (refl) **опираться**
• 2. (refl) **основываться** (basarse)
3. *(refl)* ***держаться за руки*** *(dar el brazo)*

araña *f, Noun*
• 1. **паук** (arácnidos)
• 2. **люстра** (lámpara)

archivo *m, Noun*
• 1. **архив**
• 2. **файл** (inform)

arena *f, Noun*
• 1. **песок** (mineral)
• 2. **арена** (palestra, taur)
• 3. **песчаный** (de arena)
4. ***поле боя*** *(pol)*

armadura *f, Noun*
• 1. **вооружение**
• 2. **арматура** (elec)

armar *Verb*
• 1. (vt) **вооружать** (dar armas)
• 2. (vt) **собирать** (montar)
• 3. (vt, + prep. DE) **снабжать**

4. *(vt)* ***нагружать*** *(cargar)*
5. *(vt)* ***готовить*** *(preparar)*
6. *(vt)* ***подготовить*** *(preparar)*
7. *(vt)* ***вызывать*** *(causar)*
8. *(vt)* ***оснащать*** *(embarcación)*
9. *(vt)* ***армировать*** *(tela)*
10. *(vt)* ***усиливать*** *(técn)*

armarse *Verb*
• 1. (refl) **вооружаться**
2. *(refl)* ***обеспечивать себя*** *(proveerse)*
3. *(refl)* ***вспыхивать*** *(producirse)*

arrancar *Verb*
• 1. (vi) **извлекать**
• 2. (vt) **извлекать**
• 3. (vi) **трогаться** (partir)
• 4. (vt) **заводить** (coche)
5. *(vt)* ***вырывать с корнем*** *(árbol)*
6. *(vt)* ***срывать*** *(flor)*
7. *(vt)* ***выдергивать*** *(plumas)*
8. *(vt)* ***вырывать*** *(arrebatar)*
9. *(vt)* ***получать*** *(obtener)*
10. *(vt)* ***спасать*** *(rescatar)*
11. *(vi)* ***уходить*** *(salir)*
12. *(vi)* ***происходить*** *(provenir)*

asaetearonaber *Verb*
• 1. (vt) **стреляли из лука**

asentar *Verb*
• 1. (vt) **записывать** (grabar)
• 2. (vt) **усаживать**
• 3. (vi) **идти**
4. *(vt)* ***устанавливать*** *(establecer)*
5. *(vt)* ***закладывать*** *(apoyar)*
6. *(vt)* ***ставить*** *(colocar)*
7. *(vt)* ***укреплять*** *(fijar)*
8. *(vt)* ***успокаивать*** *(calmar)*
9. *(vt)* ***вносить*** *(anotar)*
10. *(vt)* ***наносить*** *(golpes)*

asentarse *Verb*
• 1. (refl) **обосновываться**
2. *(refl)* ***садиться*** *(aves)*

así *Adverb*
• 1. **так** (modo)

asociar *Verb*
• 1. (vt) **присоединять**
• 2. (vt) **ассоциировать** (relacionar)
• 3. (vi) **ассоциироваться** (relacionarse)
4. *(vt)* ***принимать в товарищество*** *(com)*

asociarse *Verb*
• 1. (refl) **присоединяться**
• 2. (refl, + prep. A) **ассоциироваться**
3. *(refl)* ***вступать*** *(com)*

áspero *Adjective*
• 1. **суровый**
• 2. **шершавый**

3. ***острый*** *(gusto)*
4. ***грубый*** *(palabr)*

assi *Adverb*
• 1. **поэтому**
• 2. **так**

astillitas *f, Noun*
• 1. **осколочки**

Atagualipa *f, Noun*
• 1. **Атагуалипа**

Atahuallpa *m, f, Noun*
• 1. **Атауальпа**

atambor *m, Noun*
• 1. **барабан**

Atau *m, Noun*
• 1. **Атау**

Audiencia *f, Noun*
• 1. **Аудиенсия**

auiendo passado *Adverb*
• 1. **переправившись**

aún *Adverb*
• 1. **еще** (en frases afirmativas, interrogativas o negativas)
• 2. **даже**

áun *Adverb*
• 1. **еще**

auquénido *Adjective*
• 1. **южноамериканский верблюдовый**
• 2. **южноамериканский верблюдовый**

aura *f, Noun*
• 1. **аура**
• 2. **дуновение**

avanguardia *f, Noun*
• 1. **передовой отряд**
• 2. **авангард**

aviendo *Adverb*
• 1. **будучи**

ayllo *m, Noun*
• 1. **айлью**

azumbre *m, Noun*
• 1. **асумбре (мера жидкости = 2,6 л)**

Baalam *m, Noun*
• 1. **Валаам**

babélico *Adjective*
• 1. **вавилонский**

banda *f, Noun*

• 1. **группа** (grupo)
• 2. **лента** (tira)
3. ***банда*** *(maleantes)*
4. ***полоса*** *(cinta)*

Barrientos *m, Noun*
• 1. **Баррьентос**

baya *f, Noun*
• 1. **ягода** (bot)
• 2. **бухта**

behetría *f, Noun*
• 1. **беспорядок**

bernegal *m, Noun*
• 1. **чашка**

Betanzos *m, Noun*
• 1. **Бетансос**

bioquímica *f, Noun*
• 1. **биохимия**
• 2. **биохимик** (profesión)

blanco *m, Noun*
• 1. **белый цвет**
• 2. **белый человек** (persona)
3. ***мишень для дартса*** *(juego)*
4. ***белый человек*** *(persona)*
5. ***мишень***

blando *Adjective*
• 1. **мягкий**
• 2. **нежный**
3. ***слабый*** *(carácter)*
4. ***шелковистый*** *(tejidos)*

Blas *f, Noun*
• 1. **Блас**

bolsa *f, Noun*
• 1. **сумка**
• 2. **биржа** (fin)
3. ***сумочка*** *(vest-muj)*
4. ***сумка*** *(canguro)*

bolsita *f, Noun*
• 1. **кармашек**

borrar *Verb*
• 1. (vt) **стирать** (lo escrito)
• 2. (vt) **увольнять**
3. *(vt)* ***размазывать***
4. *(vt)* ***мыть*** *(superficie)*
5. *(vt)* ***вымыть*** *(superficie)*
6. *(vt)* ***удалять*** *(inform)*
7. *(vt)* ***вычеркивать*** *(tachar)*

borrarse *Verb*
• 1. (refl) **исчезать**

burdeos *Adjective*

• 1. **бордовый**

cabecita *f, Noun*
• 1. **головка**

caimitos *m, Noun*
• 1. **хризофиллум** (fruta)

calamidad *f, Noun*
• 1. **бедствие**
• 2. **неудачник** (comportamiento)

Calancha *f, Noun*
• 1. **Каланча**

camello *m, Noun*
• 1. **верблюд**
• 2. **наркоторговец** (drogas)

Canches *m, Noun*
• 1. **Канчи**

cánon *m, Noun*
• 1. **канон**

cansar *Verb*
• 1. (vt) **утомлять**
2. *(vt)* ***раздражать*** *(molestar)*
3. *(vt)* ***надоедать*** *(aburrir)*
4. *(vt)* ***истощать*** *(tierra)*

cansarse *Verb*
• 1. (refl) **уставать**

Capac *m, Noun*
• 1. **Капак**

CAPITULO *m, Noun*
• 1. **Глава** (êíèæí.)

carecer *Verb*
• 1. (vi) **испытывать недостаток** (faltar)
• 2. (vt) **испытывать недостаток** (faltar)

cargo *m, Noun*
• 1. **должность** (trabajo)
• 2. **груз**
3. ***ответственность*** *(responsabilidad)*
4. ***судовой груз*** *(náut)*

Cari *m, Noun*
• 1. **Кари**

cariño *m, Noun*
• 1. **привязанность**
• 2. **возлюбленный** (nombre afectuoso)

carnicero *Adjective*
• 1. **кровожадный**

carrera *f, Noun*
• 1. **карьера**
• 2. **бег** (dep)

casco *m, Noun*
• 1. **шлем** (hist)
• 2. **шелуха**
3. ***копыто*** *(anat-zool)*
4. ***осколок*** *(fragmento)*

castellano *m, Noun*
• 1. **испанский язык**
• 2. **кастилец**

cativo *Adjective*
• 1. **пленный**

Cauca *f, Noun*
• 1. **Каука**

causídico *m, Noun*
• 1. **любитель тяжб**

cc *Adverb*
• 1. **стр.**

cédula *f, Noun*
• 1. **грамота**
• 2. **долговое обязательство** (fin)
• 3. **удостоверение**

celo *m, Noun*
• 1. **усердие**
• 2. **рвение**
3. ***рвение***
4. ***течка*** *(hembra)*
5. ***гон*** *(macho)*

ceñir *Verb*
• 1. (vt) **обтягивать** (estrechar)
• 2. (vt) **опоясывать** (rodear)

ceñirse *Verb*
• 1. (refl) **ограничиваться**

cfr. *Adverb*
• 1. **см.**

chripstiano *Adjective*
• 1. **христианский**

Chucuito *m, Noun*
• 1. **Чукуито**

chuño *m, Noun*
• 1. **чуньо**

Chuquiabo *m, Noun*
• 1. **Чукиабо**

Chuquichaca *f, Noun*
• 1. **Чукисака**

cibad *f, Noun*
• 1. **город**

cibdad *f, Noun*
• 1. **город**

ciento *Numeral*
• 1. **сто** (cardinal)

cierto *Adjective*
• 1. **некий** (especificación)
• 2. **верный** (especificación)

cirimonia *f, Noun*
• 1. **церемония**

ciudad de la Paz *f, Noun*
• 1. **город Ла Пас**

ciudad de los Reyes *f, Noun*
• 1. **Лима**
• 2. **Город Волхвов**
• 3. **Город Королей**

cobrar *Verb*
• 1. (vt) **получать**
• 2. (vt) **взыскивать** (fijar precio por)
• 3. (vi) **записывать на счет**
• 4. (vt, + prep. A + algn) **получать**
5. *(vt)* ***получать деньги*** *(cheques)*
6. *(vt)* ***зарабатывать*** *(salario)*
7. *(vt)* ***находить*** *(caza)*
8. *(vt)* ***приобретать*** *(adquirir)*

cobrarse *Verb*
• 1. (vi, refl) **выздоравливать** (recuperarse)
• 2. (vt, refl) **получать**
3. *(refl)* ***брать*** *(dinero)*
4. *(refl)* ***взять*** *(dinero)*
5. *(refl)* ***предъявлять требования*** *(víctimas)*
6. *(refl)* ***приходить в себя*** *(volver en sí)*

coger *Verb*
• 1. (vt) **брать** (tomar)
• 2. (vt) **получать**
• 3. (vt) **взять** (tomar)
• 4. (vi) **вмещаться** (caber)
• 5. (vt, + prep. EN) **оказываться вовлеченным**
6. *(vt)* ***хватать*** *(asir)*
7. *(vt)* ***схватить*** *(asir)*
8. *(vt)* ***завладевать*** *(apresar)*
9. *(vt)* ***нанимать*** *(contratar)*
10. *(vt)* ***занимать*** *(tomar prestado)*
11. *(vt)* ***срывать*** *(recolectar frutos)*
12. *(vt)* ***собирать*** *(del suelo)*
13. *(vt)* ***перенимать*** *(costumbres)*
14. *(vt)* ***сбивать*** *(atropellar)*
15. *(vt)* ***понимать*** *(entender)*
16. *(vt)* ***трахаться*** *(tabú)*
17. *(vi)* ***идти*** *(ir)*
18. *(vi)* ***пойти*** *(ir)*

cogerse *Verb*
• 1. (refl) **браться**

cola *f, Noun*

• 1. **хвост** (anim)
• 2. **кола** (bebida)
3. ***клей*** *(adherence)*
4. ***очередь*** *(fila)*
5. ***шлейф*** *(vest-muj)*

colada *f, Noun*
• 1. **стирка** (vest)
• 2. **незваный гость**

Collao *m, Noun*
• 1. **Кольао**

comentario *m, Noun*
• 1. **толкование**

cometa *m, f, Noun*
• 1. (masc) **комета** (astron)
• 2. (fem) **бумажный змей** (juguete)

comprender *Verb*
• 1. (vt) **охватывать** (contener)
• 2. (vt) **понимать**
• 3. (vi) **понимать**
• 4. (+ que) **понимать**

comprimir *Verb*
• 1. (vt) **сжимать** (apretar)
• 2. (vt) **сдерживать**
3. *(vt)* ***ограничивать*** *(reprimir)*

comprimirse *Verb*
• 1. (refl) **сдерживаться**
2. *(refl)* ***сжиматься*** *(apretarse)*

comprometer *Verb*
• 1. (vt) **компрометировать**
• 2. (vt) **скомпрометировать**
• 3. (vt, + prep. A) **придерживаться**
• 4. (vt, + inf., + prep. A) **обязывать**
• 5. (+ inf., + prep. A) **предпринимать**
6. *(vt)* ***подвергать риску*** *(exponer a riesgo)*
7. *(vt)* ***охватывать*** *(implicar)*
8. *(vt)* ***связывать обязательством*** *(obligar)*
9. *(vt)* ***стеснять*** *(poner en un aprieto)*
10. *(vt)* ***представлять на рассмотрение в арбитраж*** *(juzgar un tercero)*

comprometerse *Verb*
• 1. (refl) **договариваться**
• 2. (refl, + inf.) **обязываться**
• 3. (refl) **компрометировать себя**
• 4. (refl, + prep. CON) **договариваться**
• 5. (refl, + inf., + prep. EN) **обязываться**
• 6. (refl, + prep. EN) **ввязаться**
7. *(refl)* ***втягиваться*** *(involucrarse)*

con ferocidad *Adverb*
• 1. **жестоко** (modo)
• 2. **неистово** (modo)

concebir *Verb*
• 1. (vt) **замышлять** (pensar)
• 2. (vt) **зачинать** (engendrar)

• 3. (vi) **беременеть** (quedarse embarazada)
• 4. (vi) **забеременеть** (quedarse embarazada)
5. *(vt)* ***понимать*** *(comprender)*
6. *(vt)* ***преисполняться*** *(comenzar a sentir)*

confesión *f, Noun*
• 1. **признание** (culpa)
• 2. **вероисповедание**
• 3. (+ que, + prep. DE) **признание**
4. ***исповедь*** *(rel)*

conseguir *Verb*
• 1. (vt) **достигать**
• 2. (vt) **достичь**
• 3. (vt) **получать** (obtener)
• 4. (+ inf.) **мочь**
• 5. (+ inf.) **смочь**
• 6. (+ que) **добиваться**
• 7. (vt, sustantivo verbal) **достижение**
8. *(vt)* ***добиваться*** *(objetivo)*
9. *(vt)* ***преуспевать*** *(lograr)*

consentir *Verb*
• 1. (vt) **разрешать** (admitir)
• 2. (+ que, + prep. EN) **позволять** (tolerar)
• 3. (vi) **допускать** (admitir)
• 4. (vt) **соглашаться**
5. *(vt)* ***баловать*** *(mimar)*
6. *(vt)* ***избаловать*** *(mimar)*
7. *(vi)* ***слабеть*** *(ceder)*
8. *(vi)* ***ослабеть*** *(ceder)*

consentirse *Verb*
• 1. (refl) **раскалываться** (rajarse)

constante *Adjective*
• 1. **постоянный**
• 2. **верный**

consumir *Verb*
• 1. (vt) **потреблять** (tomar)
• 2. (vt) **тратить** (gastar)
• 3. (vt) **потратить** (gastar)
4. *(vt)* ***разрушать*** *(destruir)*
5. *(vt)* ***действовать на нервы*** *(poner nervioso)*

consumirse *Verb*
• 1. (refl) **изнывать** (afligirse)
2. *(refl)* ***сгорать*** *(extinguirse)*
3. *(refl)* ***засыхать*** *(secarse)*
4. *(refl)* ***разрушаться*** *(destruirse)*

consuntos *m, Noun*
• 1. **истощены**

contador *m, Noun*
• 1. **счетовод** (èñò)
• 2. **счетчик** (gas)
• 3. **бухгалтер**
• 4. **счетчик** (gas)
5. ***завхоз*** *(trabajo)*
6. ***казначей*** *(náut)*

contar *Verb*
- 1. (vi) **рассказывать**
- 2. (vi) **считать**
- 3. (vi, + prep. CON) **рассчитывать на**
- 4. (vi, + prep. CON) **обладать**
- 5. (vt) **считать** (calcular)
- 6. (vt, + prep. A + algn) **рассказывать** (decir)
- 7. (+ que) **рассказывать** (decir)
- 8. (+ que, + prep. CON) **рассчитывать**
- 9. (vt, + que, + prep. A + algn) **рассказывать** (decir)
10. *(vi, + prep. CON)* ***располагать***
11. *(vt)* ***учитывать*** *(incluir)*
12. *(vt)* ***рассматривать*** *(considerar)*
13. *(vt)* ***иметь*** *(tener)*

contarse *Verb*
- 1. (refl) **считаться**

contemporáneamente *Adverb*
- 1. **одновременно**

contender *Verb*
- 1. (vt) **бороться**

contribuir *Verb*
- 1. (vt) **уплачивать** (pagar)
- 2. (vt) **способствовать** (aportar)
- 3. (vi) **способствовать** (aportar)
- 4. (+ inf., + prep. A) **способствовать**
5. *(vi)* ***пожертвовать*** *(caridad)*
6. *(vi)* ***жертвовать*** *(caridad)*

convenir *Verb*
- 1. (vi) **соответствовать** (ser conveniente)
- 2. (vi) **договариваться** (acordar)
- 3. (vi, + prep. A + algn) **подходить**
- 4. (vi, + prep. PARA) **годиться**
- 5. (+ que, impersonal) **следовать**
- 6. (impersonal, + prep. A + algn) **подходить** (+ A algn)
- 7. (vi, + inf., + prep. EN) **договариваться** (acordar)
- 8. (vi, + que, + prep. EN) **договариваться** (acordar)
- 9. (+ inf., impersonal) **годиться**
- 10. (+ inf., impersonal, + prep. A + algn) **следовать** (+ A algn)
- 11. (vt, pasivo) **быть согласованным**
- 12. (impersonal) **договариваться**
13. *(vi)* ***устраивать*** *(ser adequado)*

convenirse *Verb*
- 1. (refl) **соглашаться**

Corónica *f, Noun*
- 1. **Хроника**

correoso *Adjective*
- 1. **гибкий**
- 2. **жесткий**
3. ***кожистый*** *(mater)*

correr *Verb*
- 1. (vt) **проходить**
- 2. (vt) **пересекать**
- 3. (vi) **бежать**
4. *(vi)* ***торопиться*** *(darse prisa)*

5. *(vi)* ***дуть*** *(viento)*
6. *(vi)* ***подуть*** *(viento)*
7. *(vi)* ***течь*** *(agua)*
8. *(vi)* ***проходить*** *(tiempo)*
9. *(vi)* ***распространяться*** *(noticias)*
10. *(vi)* ***гнать*** *(conductor)*
11. *(vi)* ***нестись*** *(coche)*
12. *(vi)* ***понестись*** *(coche)*
13. *(vi)* ***подлежать оплате*** *(sueldo)*
14. *(vi)* ***закрываться*** *(puerta: cerrarse)*
15. *(vi)* ***открываться*** *(puerta: abrirse)*
16. *(vi)* ***быть в обращении*** *(moneda)*
17. *(vt)* ***покрывать*** *(distancia)*
18. *(vt)* ***путешествовать*** *(país)*
19. *(vt)* ***пробегать*** *(carrera)*
20. *(vt)* ***пускать вскачь*** *(caballo)*
21. *(vt)* ***закрывать*** *(echar)*
22. *(vt)* ***задергивать*** *(cortina)*
23. *(vt)* ***задвигать*** *(cerrojo)*
24. *(vt)* ***двигать*** *(mover)*
25. *(vt)* ***подвинуть*** *(mover)*
26. *(vt)* ***иметь*** *(aventura)*
27. *(vt)* ***стыдить*** *(avergonzar)*
28. *(vt)* ***пристыдить*** *(avergonzar)*
29. *(vt)* ***сбивать с толку*** *(turbar)*

correrse *Verb*
- 1. (refl) **распространяться**
- 2. (refl) **двигаться вдоль**

3. *(refl)* ***расплываться*** *(color)*
4. *(refl)* ***спускаться*** *(media)*
5. *(refl)* ***смущаться*** *(avergonzarse)*
6. *(refl)* ***кончать*** *(tener orgasmo)*

corresponder *Verb*
- 1. (vi) **соответствовать** (encajar)
- 2. (vi) **отвечать** (ser adecuado)
- 3. (+ inf., + prep. A + algn) **следовать**

4. *(vi)* ***подходить*** *(color, aspecto)*
5. *(vi)* ***принадлежать*** *(pertenecer)*
6. *(vi)* ***доставаться*** *(en un reparto)*
7. *(vi)* ***возвращать*** *(devolver)*
8. *(vi)* ***отвечать*** *(amabilidad)*

corresponderse *Verb*
- 1. (refl) **соответствовать** (ajustarse)
- 2. (refl) **подходить**

3. *(refl)* ***отвечать*** *(ser adecuado)*
4. *(refl)* ***гармонировать*** *(armonizar)*
5. *(refl)* ***совпадать*** *(cifras)*

corte *m, f, Noun*
- 1. (fem) **двор**
- 2. (masc) **лезвие** (cuchillo)

3. *(masc)* ***разрез*** *(papel)*
4. *(masc)* ***иссечение*** *(med)*

crear *Verb*
- 1. (vt) **создавать**
- 2. (vt, sustantivo verbal) **создание**

3. *(vt)* ***основывать*** *(fundar)*
4. *(vt)* ***учреждать*** *(partido)*
5. *(vt)* ***изобретать*** *(inventar)*

criar *Verb*
• 1. (vt) **растить**
• 2. (vt) **создавать**
• 3. (vi) **производить**
• 4. (vt, sustantivo verbal) **создание**
5. *(vt)* ***воспитывать*** *(educar niños)*
6. *(vt)* ***кормить*** *(nutrir)*
7. *(vt)* ***накормить*** *(nutrir)*
8. *(vt)* ***кормить грудью*** *(con pecho)*
9. *(vt)* ***вскормить грудью*** *(con pecho)*
10. *(vt)* ***вынашивать*** *(animales)*
11. *(vt)* ***производить*** *(producir)*
12. *(vt)* ***выдерживать*** *(vinos)*
13. *(vi)* ***рожать*** *(engendrar)*

criarse *Verb*
• 1. (refl) **расти**
2. *(refl)* ***вырастать*** *(crecer)*

crocino *Adjective*
• 1. **крокусовый**

cromatógrafo *m, Noun*
• 1. **хроматограф**

cruce *m, Noun*
• 1. **пересечение**
2. ***скрещивание*** *(bio)*
3. ***скрещение*** *(líneas)*
4. ***перекресток*** *(tráfico)*

crudelisimo *Adjective*
• 1. **жесточайший**

cuadripartito *Adjective*
• 1. **разделенный на четыре части**

cuadro *m, Noun*
• 1. **картина**
• 2. **квадрат** (cuadrado)
3. ***сцена*** *(teat)*
4. ***рама*** *(técn)*

cuadrúped *Adjective*
• 1. **четвероногий**

cualesquier *m, Noun*
• 1. **какой-нибудь**

cuarto *m, Noun*
• 1. **четверть**
• 2. **комната**

cuento *m, Noun*
• 1. **рассказ**
• 2. **сказка**
3. ***сказка*** *(ficción)*
4. ***сплетня*** *(fam)*

cuidar *Verb*
• 1. (vi) **заботиться**
• 2. (vi) **позаботиться**

• 3. (vt) **заботиться**
4. *(vt)* ***ухаживать*** *(enfermo)*

cuidarse *Verb*
• 1. (refl, + prep. DE) **заботиться**
• 2. (refl) **заботиться**
• 3. (refl, + prep. DE) **остерегаться**
• 4. (refl) **позаботиться**
• 5. (refl) **поостеречься**
• 6. (vi, refl, + prep. DE) **заботиться**

culpa *f, Noun*
• 1. **вина**
• 2. (singular) **грех**
• 3. (plural) **грех**
• 4. **ошибка**
5. ***виновность*** *(culpabilidad)*
6. ***ответственность*** *(responsabilidad)*
7. ***чувство вины*** *(sent)*
8. ***виновность*** *(culpabilidad)*
9. ***чувство вины*** *(sent)*

cumbre *f, Noun*
• 1. **вершина горы**

cumplido *Adjective*
• 1. **законченный**
• 2. **вежливый**

cupido *Adjective*
• 1. **жаждущий**

Cura *m, Noun*
• 1. **Кура**

curaca *f, Noun*
• 1. **курака**

Cusco *m, Noun*
• 1. **Куско**

CUSÍ *m, Noun*
• 1. **Куси**

Cusi *m, Noun*
• 1. **Куси**

CUXI *m, Noun*
• 1. **Куси**

Cuzco *m, Noun*
• 1. **Куско**

dar *Verb*
• 1. (vi) **давать**
• 2. (vt) **давать**
• 3. (vi, + prep. CON) **встречать**
• 4. (vi, + prep. A) **выходить**
• 5. (vt, copulativo) **считать**
• 6. (+ inf., impersonal, + prep. A + algn, + prep. POR) **хотеться**
• 7. (+ inf., impersonal, + prep. A + algn, + prep. POR) **захотеться**
• 8. (+ inf., impersonal) **даваться**
9. *(vt)* ***вручать*** *(entregar)*

10. *(vt)* ***ударять*** *(pegar)*
11. *(vt)* ***сдавать*** *(en naipes)*
12. *(vt)* ***бить*** *(horas)*
13. *(vt)* ***пробить*** *(horas)*
14. *(vt)* ***наносить*** *(untar)*
15. *(vt)* ***выделять*** *(desprender)*
16. *(vt)* ***сообщать*** *(comunicar)*

darse *Verb*
- 1. (refl) **встречаться**
- 2. (refl, + inf.) **предаваться**
- 3. (vt, refl, copulativo) **считаться**

darse [3] prisa *Phrase with insertion*
- 1. (refl) **спешить** (cambio de estructura)
- 2. (refl) **поспешить** (cambio de estructura)
- 3. (refl) **спешки**

Darién *m, Noun*
- 1. **Дарьен**

David *f, Noun*
- 1. **Давид**

de gran credito *Adjective*
- 1. **заслуживающий доверия**

de ningún modo *Adverb*
- 1. **никоим образом** (negación)
- 2. **каким бы то ни было образом**

de prisa *Adverb*
- 1. **быстро** (modo)
- 2. **поспешно** (modo)

deber *Verb*
- 1. (vt) **быть должным**
- 2. (+ inf., impersonal) **быть нужно**
- 3. (+ inf.) **быть должным**
- 4. (vt, + que, + prep. A) **быть обязанным**

deberse *Verb*
- 1. (refl) **быть должным**
- 2. (refl) **проистекать**
- 3. (refl, + prep. A) **проистекать**
- 4. (refl, + que, + prep. A) **проистекать**

5. *(refl)* ***исполнять свой долг*** *(tener una obligación)*
6. *(refl)* ***быть должным*** *(ser consecuencia)*

defensa *f, Noun*
- 1. (masc) **защита** (protección)
- 2. (fem) **защитница** (dep-fútb)
- 3. (masc) **защитник** (dep-fútb)

dello *Adjective*
- 1. **их**

demarcación *f, Noun*
- 1. **установление границ** (acción)

2. ***округ*** *(adm)*

demasiadamente *Adverb*
- 1. **достаточно**

dende *Adverb*
• 1. **где**

derecho *Adjective*
• 1. **правый**
• 2. **прямой**

derraigar *Verb*
• 1. (vt) **вырывать с корнем**

desaparecer *Verb*
• 1. (vi) **исчезать** (dejar de estar)
• 2. (vt) **скрывать**

desflorada *f, Noun*
• 1. **обесчещена**

deshonestidad *f, Noun*
• 1. **непристойность**

deshonestidad *f, Noun*
• 1. **непристойности**

desleal *Adjective*
• 1. **коварный**
• 2. **неверный**
• 3. (+ prep. A) **неверный**
4. ***вероломный*** *(infiel)*
5. ***предательский*** *(intención)*

despedir *Verb*
• 1. (vt) **увольнять** (trabajo)
• 2. (vt) **провожать** (decir adiós)
3. *(vt)* ***бросать*** *(lanzar)*
4. *(vt)* ***выбрасывать*** *(echar)*
5. *(vt)* ***выпускать*** *(emitir)*

despedirse *Verb*
• 1. (refl) **прощаться** (decirse adiós)
2. *(refl)* ***увольняться*** *(de un empleo)*
3. *(refl)* ***забыться*** *(olvidarse)*

destas *f, Noun*
• 1. **эта**

deste *m, Noun*
• 1. **этого**

destino *m, Noun*
• 1. **судьба**
• 2. **место назначения** (lugar)
3. ***должность*** *(empleo)*

destos *m, Noun*
• 1. **этих**

destruicion *m, Noun*
• 1. **уничтожение**

detenido *Adjective*
• 1. **тщательный**
• 2. **задержанный**

dexan *m, Noun*
• 1. **оставляют**

dextrorso *Adjective*
• 1. **заплетенные вправо**

dicha *f, Noun*
• 1. **счастье** (felicidad)
• 2. (plural) **счастье**
• 3. **удача** (suerte)

didascalia *f, Noun*
• 1. **авторская ремарка**

dirección *f, Noun*
• 1. **направление**
• 2. **руководство** (gente)
3. ***адрес*** *(correspondencia)*
4. ***курс*** *(náut)*

disponer *Verb*
• 1. (vt) **размещать**
• 2. (vt) **подготавливать** (preparar)
• 3. (vi) **располагать**
• 4. (vt, + que, + prep. A) **готовить** (preparar)
• 5. (+ inf., + prep. PARA) **подготавливать** (preparar)
• 6. (+ que) **приказывать**
• 7. (+ que) **постанавливать**
8. *(vt)* ***предусматривать*** *(jur)*
9. *(vi)* ***пользоваться*** *(hacer uso)*

disponerse *Verb*
• 1. (refl) **решаться**
• 2. (refl) **устраивать**
• 3. (refl, + inf., + prep. A) **готовиться** (prepararse)
• 4. (refl, + inf., + prep. A) **подготовиться** (prepararse)
• 5. (refl, + inf., + prep. PARA) **готовиться** (prepararse)
• 6. (refl, + inf., + prep. PARA) **подготовиться** (prepararse)
7. *(refl)* ***воспользоваться*** *(hacer uso)*

disposiciones *f, Noun*
• 1. **распоряжения**

doc. *m, Noun*
• 1. **документ**
2. ***доктор***

dominio *m, Noun*
• 1. **собственность** (der)
• 2. **власть**
• 3. (+ prep. DE) **владение**
• 4. (plural) **собственность** (der)
5. ***сфера*** *(regla)*
6. ***господство*** *(pol)*

doquiera *f, Noun*
• 1. **где бы то ни было**

echar *Verb*
• 1. (vt) **бросать** (lanzar)
• 2. (vt) **добавлять**
• 3. (vi) **начинать**

4. *(vt)* ***добавлять*** *(añadir)*
5. *(vt)* ***ронять*** *(dejar caer)*
6. *(vt)* ***уронить*** *(dejar caer)*
7. *(vt)* ***выливать*** *(líquido)*
8. *(vt)* ***давать*** *(comida)*
9. *(vt)* ***отправлять*** *(carta)*
10. *(vt)* ***выгонять*** *(expulsar)*
11. *(vt)* ***увольнять*** *(despedir de empleo)*
12. *(vt)* ***говорить*** *(decir)*
13. *(vt)* ***сказать*** *(decir)*
14. *(vt)* ***выпускать*** *(emanar)*
15. *(vt)* ***предполагать*** *(suponer)*
16. *(vt)* ***применять*** *(aplicar)*
17. *(vt)* ***запирать*** *(llave)*
18. *(vt)* ***скреплять*** *(cerrojo)*
19. *(vt)* ***облагать*** *(multas, tributos)*
20. *(vt)* ***раздавать*** *(en naipes)*
21. *(vi)* ***прорезываться*** *(dientes)*
22. *(vi)* ***пускать ростки*** *(plantas)*
23. *(vi)* ***расти*** *(pelo)*
24. *(vi)* ***вырасти*** *(pelo)*

echarse *Verb*
• 1. (refl) **бросаться**
• 2. (refl) **начинать**

efecto *m, Noun*
• 1. **результат**

efundir *Verb*
• 1. (vt) **разливать**

ejectuar *Verb*
• 1. (vt) **осуществлять**

embiar *Verb*
• 1. (vt) **посылать**

empachar *Verb*
• 1. (vt) **стеснять**
• 2. (vt) **расстраивать** (comer demasiado)
3. *(vt)* ***затруднять*** *(impedir)*
4. *(vt)* ***вызывать стыд*** *(aburrir)*

empacharse *Verb*
• 1. (refl) **стыдиться**
2. *(refl)* ***набивать желудок*** *(de comer)*

empalagar *Verb*
• 1. (vt) **чувствовать тошноту**
• 2. (vt) **вызывать отвращение**
• 3. (vi) **пресыщаться**
4. *(vi)* ***быть сладким*** *(dulces)*

empalagarse *Verb*
• 1. (refl) **становиться перекормленным**
• 2. (refl) **объедаться**
• 3. (refl) **стать перекормленным**

encausto *Adjective*
• 1. **написанный в технике энкаустики**

encima de *Preposition*

• 1. **на**
• 2. **кроме** (además)

encojido *Adjective*
• 1. **малодушный**

encojiendo *Adjective*
• 1. **прижимый**

engastonado *Adjective*
• 1. **украшенный**

engendrar *Verb*
• 1. (vt) **порождать** (sospecha)
• 2. (vt) **генерировать**
3. *(vt)* ***производить на свет*** *(hijos)*

enloquecer *Verb*
• 1. (vt) **сводить с ума**
• 2. (vi) **сходить с ума**
3. *(vt)* ***доводить до безумия*** *(volver loco)*
4. *(vt)* ***вскружить голову*** *(gustar)*

enloquecerse *Verb*
• 1. (refl) **сходить с ума**

enredado *Adjective*
• 1. **запутанный**
• 2. **сложный**
3. ***беспорядочный*** *(desordenado)*

enseñar *Verb*
• 1. (vt) **преподавать** (en escuela)
• 2. (vt) **показывать** (mostrar)
• 3. (vi) **учить**
• 4. (vt, + inf., + prep. A) **учить**
• 5. (+ que) **учить**
• 6. (+ que) **научить**
7. *(vt)* ***воспитывать*** *(educar)*
8. *(vt)* ***указывать*** *(señalar)*

entonar *Verb*
• 1. (vt) **напевать**
• 2. (vt, + sujeto animado) **тонизировать**
3. *(vt)* ***брать*** *(nota)*
4. *(vt)* ***взять*** *(nota)*
5. *(vt)* ***петь*** *(canción)*
6. *(vt)* ***спеть*** *(canción)*
7. *(vt)* ***укреплять*** *(organismo)*
8. *(vt)* ***соответствовать*** *(colores)*

entrambos *m, Noun*
• 1. **оба**

entretener *Verb*
• 1. (vt) **развлекать** (divertir)
• 2. (vt) **задерживать** (retrasar)
3. *(vt)* ***занимать*** *(ocupar)*
4. *(vt)* ***заглушать*** *(hambre)*
5. *(vt)* ***убивать*** *(tiempo)*

entretenerse *Verb*
• 1. (refl) **развлекаться** (divertirse)

• 2. (refl) **отсрочивать** (retrasarse)
• 3. (refl, + inf.) **развлекаться**
4. *(refl)* ***развлекаться, тем что*** *(con gerundio)*

equipo *m, Noun*
• 1. **команда**
• 2. **оборудование**
3. ***комплект*** *(utens)*
4. ***бригада*** *(colaboración)*

escrebimosaber *Verb*
• 1. (vt) **написали**

escriorio *m, Noun*
• 1. **письменный стол**

escripto *Adjective*
• 1. **написанный**

escritura *f, Noun*
• 1. **писание**
• 2. **написание** (libros)
• 3. **почерк**
• 4. **написание** (libros)
5. ***письменность*** *(alfabeto)*
6. ***нотариальный акт*** *(der)*
7. ***нотариальный акт*** *(der)*

espacial *Adjective*
• 1. **пространственный** (calificativo)
• 2. **космический** (calificativo)

español *m, Noun*
• 1. **испанец**
• 2. **испанский язык**

espina *f, Noun*
• 1. **шип**
• 2. **кость**
3. ***колючка*** *(bot)*
4. ***рыбья кость*** *(pez)*

Esquemátización *f, Noun*
• 1. **Схема**

estancia *f, Noun*
• 1. **пребывание**
• 2. **имение**
3. ***ферма*** *(agr)*
4. ***строфа*** *(prosodia)*

estar [3] bueno *Phrase with insertion*
• 1. (vi, + sujeto animado) **быть здоровым** (persona)
• 2. (vi) **быть хорошим** (cosa)

estrechar *Verb*
• 1. (vt, + sujeto animado) **стеснять**
• 2. (vt) **убавлять**
3. *(vt)* ***сужать*** *(carretera)*
4. *(vt)* ***сжимать*** *(abrazar)*
5. *(vt)* ***пожимать*** *(mano)*
6. *(vt)* ***вынуждать*** *(obligar)*
7. *(vt)* ***укреплять*** *(relaciones)*

8. *(vt)* ***сближать*** *(unir)*

estrecharse *Verb*
• 1. (refl) **сближаться**
2. *(refl)* ***тесниться*** *(apretarse)*
3. *(refl)* ***урезать расходы*** *(gastos)*

et *m, Noun*
• 1. **и**

ex *Adjective*
• 1. **бывший**

Exortar *Verb*
• 1. (vt) **изгонять бесом**

exterior *Adjective*
• 1. **внешний**
• 2. **иностранный**

fabulado *Adjective*
• 1. **ложный**

fabular *Verb*
• 1. (vt) **понапридумывать**

facciones *f, Noun*
• 1. (plural) **черты лица** (rasgos)

fallecer *Verb*
• 1. (vi, + sujeto animado) **умирать**
• 2. (vi) **кончаться**
3. *(vi)* ***прекращаться*** *(formal)*

familiar *Adjective*
• 1. **известный** (famoso)
• 2. **семейный** (de familia)

fardaje *m, Noun*
• 1. **тюки**
• 2. **узлы**

fecundador *m, Noun*
• 1. **оплодотворитель**
• 2. **плодотворящий**

fig *Adverb*
• 1. **рис**

FIGURA *f, Noun*
• 1. **изображение**

firma *f, Noun*
• 1. **подпись**

flamenco *Adjective*
• 1. **фламенко**
• 2. **фламандский**

Francisco Pizarro *m, f, Noun*
• 1. **Франсиско Писарро**

fraudolentamente *Adverb*

• 1. **мошеннически**

FREYLE *m, Noun*
• 1. **Фрейле**

Freyl *f, Noun*
• 1. **Фрейле**

frío *Adjective*
• 1. **холодный** (calificativo)

fundación *f, Noun*
• 1. **основание**
• 2. **закладка (городов)**
3. ***ассоциация*** *(establecimiento)*

fundir *Verb*
• 1. (vt) **плавить**
• 2. (vt) **расплавить**
3. *(vt)* ***растапливать*** *(derretir)*
4. *(vt)* ***отливать*** *(dar forma)*
5. *(vt)* ***объединять*** *(unir)*
6. *(vt)* ***тратить*** *(despilfarrar)*

fundirse *Verb*
• 1. (refl) **плавиться**
• 2. (refl) **расплавиться**
3. *(refl)* ***таять*** *(derretirse)*
4. *(refl)* ***растаять*** *(derretirse)*
5. *(refl)* ***объединяться*** *(unirse)*

Fundola *f, Noun*
• 1. **основал его**

fundola *f, Noun*
• 1. **основал его**

galano *Adjective*
• 1. **изящный**

gallina *f, Noun*
• 1. **курица**
• 2. **страх** (comportamiento)
3. ***трус*** *(carácter)*

ganar *Verb*
• 1. (vt) **зарабатывать**
• 2. (vt) **выигрывать** (dinero)
• 3. (vi) **преуспевать**
4. *(vt)* ***завоевывать*** *(conquistar)*
5. *(vt)* ***достигать*** *(alcanzar)*
6. *(vi)* ***улучшаться*** *(mejorar)*

ganarse *Verb*
• 1. (refl) **приобретать**
2. *(refl)* ***заслуживать*** *(ser merecedor)*

GARCÍA *m, Noun*
• 1. **Гарсия**

gastar *Verb*
• 1. (vt) **тратить**
• 2. (vt) **потратить**

• 3. (vt) **потреблять**
4. *(vt)* ***тратить попусту*** *(malgastar)*
5. *(vt)* ***использовать*** *(usar perfume)*
6. *(vt)* ***носить*** *(ropa)*
7. *(vt)* ***иметь*** *(tener-carácter)*

gastarse *Verb*
• 1. (refl) **тратиться**
2. *(refl)* ***изнашиваться*** *(desgastarse)*
3. *(refl)* ***выйти*** *(consumirse-gasolina)*

gordor *m, Noun*
• 1. **толщина**

graduar *Verb*
• 1. (vt) **классифицировать**
• 2. (vt, + prep. DE) **получать ученую степень** (conceder un grado)
• 3. (vt, + prep. EN) **выдавать ученую степень** (conceder un grado)
• 4. (vt, pasivo, + prep. EN) **получать ученую степень** (otorgar un grado)
5. *(vt)* ***выдавать диплом*** *(conceder un diploma)*
6. *(vt)* ***регулировать*** *(regular)*
7. *(vt)* ***измерять*** *(medir)*
8. *(vt)* ***проверять*** *(vista)*

graduarse *Verb*
• 1. (refl) **получать ученую степень**
• 2. (refl) **заканчивать**

Granada *f, Noun*
• 1. **Гранада** (geo)
• 2. **Гренада** (geo)

grande constancia *f, Noun*
• 1. **огромное влияние**

grano *m, Noun*
• 1. **зернышко**
• 2. **зерно**
• 3. **крупинка** (agr)
• 4. **гран**
• 5. **гран**
6. ***прыщик***
7. ***прыщ*** *(med)*
8. ***прыщик***

gremio *m, Noun*
• 1. **профессиональный союз**
• 2. **лоно**
3. ***цех*** *(hist)*

guabos *m, Noun*
• 1. **инга**

Guainacaua *f, Noun*
• 1. **Гуайнакава**

guanacos *m, Noun*
• 1. **гуанако** (âèä ëàìû)

guaníferas *f, Noun*
• 1. **откладывающее гуано**

Guarocondo *m, Noun*

• 1. **Гуарокондо**

Guascar *f, Noun*
• 1. **Гуаскар**

Guaypar *m, Noun*
• 1. **Гуайпар**

guía *f, Noun*
• 1. (fem) **путеводитель** (información)
• 2. (masc) **гид**
• 3. (fem) **гид**

há *m, Noun*
• 1. **есть**

habemosaber de amar *Verb*
• 1. (vi) **должны были любить**

haber *Verb*
• 1. (vt) **существовать**
• 2. (+ inf., impersonal) **надо быть**
• 3. (impersonal) **быть**
4. *(vt)* ***иметь*** *(arc: poseer)*

habitador *m, Noun*
• 1. **житель**

habitar *Verb*
• 1. (vt) **жить**
• 2. (vt) **населять**
• 3. (vi) **обитать**
• 4. (vi) **жить**
• 5. (vt, pasivo) **быть населенным**
6. *(vi)* ***находиться*** *(formal)*

hacer *Verb*
• 1. (vt) **сделать**
• 2. (vt, copulativo) **сделать**
• 3. (vt) **делать**
• 4. (vi) **делать**
• 5. (vi) **сделать**
• 6. (vi, copulativo, + prep. DE) **играть роль**
• 7. (vt, + inf.) **заставлять**
• 8. (vt, copulativo) **делать**
• 9. (+ que) **способствовать**
• 10. (vt, copulativo, + prep. DE) **делать**
• 11. (vt, copulativo, + prep. DE) **сделать**

hacerse *Verb*
• 1. (refl) **сформировываться**
• 2. (refl, + inf., + prep. POR) **делаться**
• 3. (refl, copulativo) **становиться**
• 4. (refl, copulativo) **стать**

hallar *Verb*
• 1. (vt) **находить** (encontrar)
• 2. (+ que) **замечать**
3. *(vt)* ***выяснять*** *(averiguar)*
4. *(vt)* ***открывать*** *(descubrir)*
5. *(vt)* ***замечать*** *(notar)*

hallarse *Verb*

• 1. (refl) **быть расположенным**
• 2. (refl, copulativo) **быть**

hanega *f, Noun*
• 1. **фанега**

hasta *Preposition*
• 1. **до**
• 2. (+ inf.) **до того, чтобы**

Hátun *m, Noun*
• 1. **Атун**

hay *Verb*
• 1. (vt, impersonal) **быть** (sujeto existencial)
• 2. (vi, impersonal) **быть** (sujeto existencial)
• 3. (+ inf., impersonal) **быть необходимо**
4. *(vt)* ***иметь*** *(arc: poseer)*

Hecha por *Adverb*
• 1. **составлена**

hendir *Verb*
• 1. (vt) **раскалывать** (dividir)
2. *(vt)* ***разрубать*** *(madera)*
3. *(vt)* ***разрезать*** *(cortar)*
4. *(vt)* ***рассекать*** *(agua, olas)*

hendirse *Verb*
• 1. (refl) **трескаться** (dividirse)
• 2. (refl) **потрескаться** (dividirse)

Hércul *f, Noun*
• 1. **Геркулес**

hijos *m, Noun*
• 1. **ребенок** (persona o grupo de personas)

hispanizado *Adjective*
• 1. **испанизированный**

historiográfico *Adjective*
• 1. **историографический**

" historiográfico " *Adjective*
• 1. **"историографический "**

hobieseaber *Verb*
• 1. (vt) **имелись бы**

hobo *m, Noun*
• 1. **имел**

holístico *Adjective*
• 1. **всеобщий**

hondabl *Adjective*
• 1. **глубокий**

hosannas *f, Noun*
• 1. **осанны**

huaca *f, Noun*

• 1. **вака**

Huallpa *f, Noun*
• 1. **Вальпа**

Huamanga *f, Noun*
• 1. **Гуаманга**

Huáscar *m, Noun*
• 1. **Васкар**

humo vegetal *m, Noun*
• 1. **древесная сажа**

ibid. *Adverb*
• 1. **там же**

icástico *Adjective*
• 1. **бесхитростный**

imprimido *Adjective*
• 1. **напечатанный**
• 2. **напечатанный**

incaico *Adjective*
• 1. **инкский**

india *f, Noun*
• 1. (fem) **индианка**
• 2. (fem) **Индия**
• 3. (masc) **Индия**

indicio *m, Noun*
• 1. **намек**
• 2. **признак**
3. ***след*** *(cantidad)*
4. ***ключ*** *(información)*

indio *Adjective*
• 1. **индейский**
• 2. **индийский**

Inga *f, Noun*
• 1. **Инка**

Inguill *m, Noun*
• 1. **Инкиль**

instrucción *f, Noun*
• 1. **инструкция**
• 2. **обучение**
• 3. **преподавание**
• 4. **обучение**
5. ***образование*** *(esc-univ)*
6. ***подготовка*** *(mil)*
7. ***образование*** *(esc-univ)*

integrado *Adjective*
• 1. **дополненный** (calificativo)

íntegro *Adjective*
• 1. **целый**
• 2. **бескорыстный**

3. ***честный*** *(comport)*
4. ***искренний*** *(pers)*
5. ***несокращенный*** *(texto)*

intentar *Verb*
- 1. (vt) **пробовать**
- 2. (vt) **попробовать**
- 3. (vt) **иметь в виду**
- 4. (vi) **пробовать** (pretender)
- 5. (+ que) **пытаться сделать так**
- 6. (vt, + inf.) **пробовать**
- 7. (vt, + inf.) **попробовать**

interpretar *Verb*
- 1. (vt) **переводить**
- 2. (vt) **интерпретировать**

3. *(vt)* ***исполнять*** *(obra)*
4. *(vt)* ***играть*** *(papel)*
5. *(vt)* ***сыграть*** *(papel)*
6. *(vt)* ***петь*** *(canción)*
7. *(vt)* ***спеть*** *(canción)*

inviar *Verb*
- 1. (vt) **послать**

ir *Verb*
- 1. (vi) **идти**
- 2. (vi) **пойти**

3. *(vi)* ***вести*** *(camino)*
4. *(vi)* ***работать*** *(funcionar)*
5. *(vi)* ***нравиться*** *(agradar)*
6. *(vi)* ***быть к лицу*** *(sentar bien)*
7. *(vi)* ***говориться*** *(tratar)*
8. *(vi)* ***ехать*** *(transporte)*
9. *(vi)* ***поживать*** *(qué tal)*

irse *Verb*
- 1. (refl) **уходить** (marcharse)
- 2. (refl, + inf., + prep. A) **идти**
- 3. (refl, + inf., + prep. A) **пойти**

4. *(refl)* ***расходоваться*** *(gastarse)*
5. *(refl)* ***течь*** *(líquidos)*

italiano *m, Noun*
- 1. **итальянский язык** (lengua)
- 2. **итальянец** (nacionalidad)

jesuíta *f, Noun*
- 1. **иезуит**

Juli *m, Noun*
- 1. **Хули**

kipu *m, Noun*
- 1. **кипу**

labrado *Adjective*
- 1. **тонко сделанный**
- 2. **узорчатый**

3. ***обработанный*** *(agr)*

lanzar *Verb*
- 1. (vt) **бросать**

• 2. (vt) **запускать**
3. *(vt)* ***выбрасывать*** *(producto)*
4. *(vt)* ***испускать*** *(grito)*
5. *(vt)* ***наносить*** *(insulto)*

lanzarse *Verb*
• 1. (refl) **бросаться**

lavabo *m, Noun*
• 1. **умывальник**
• 2. **туалет** (cuarto)

lazo *m, Noun*
• 1. **бант**
• 2. **связь** (pers)
3. ***лассо*** *(objeto)*

le *Pronoun*
• 1. **он** (personal-3ra persona singular,masc-dativo)
• 2. (fem) **она** (personal-3ra persona singular,fem-dativo)
• 3. **Вы** (personal-3ra persona singular-dativo)
4. ***он*** *(personal-3ra persona singular,masc-acusativo)*
5. ***Вы*** *(personal-3ra persona singular-acusativo)*

lector *m, Noun*
• 1. **читатель**
• 2. **лектор** (que lee)
3. ***ассистент преподавателя*** *(colegio, univ)*
4. ***сканер*** *(técn)*

lengua *m, f, Noun*
• 1. (fem) **язык** (también anat)
• 2. (masc) **переводчик**
• 3. (masc) **толмач**

les *Pronoun*
• 1. **Вы** (personal-3ra persona plural-dativo)
2. ***Вы*** *(personal-3ra persona plural-acusativo)*

letra *f, Noun*
• 1. **буква**

librito *m, Noun*
• 1. **книжечка**

Lic *m, Noun*
• 1. **Лиценциат**

lic. *m, Noun*
• 1. **лиценциат**

Limatambo *m, Noun*
• 1. **Лиматамбо**

lindar *Verb*
• 1. (vi) **прилегать** (limitar)
• 2. (vi, + prep. CON) **граничить**

linear *Adjective*
• 1. **линейный**

lis *f, Noun*
• 1. **лилия**

liviano *Adjective*
• 1. **легкомысленный** (gentilicio)
• 2. **похотливый** (gentilicio)

llamar *Verb*
• 1. (vt) **называть**
• 2. (vi) **звонить**
• 3. (vi) **позвонить**
• 4. (vt, copulativo) **называть**
• 5. (vt, + prep. A) **призывать**
• 6. (+ inf., + prep. PARA) **призывать**
7. *(vt)* ***созывать*** *(convocar)*
8. *(vt)* ***именовать*** *(dar nombre)*
9. *(vt)* ***привлекать*** *(atraer)*
10. *(vi)* ***стучать*** *(a la puerta)*
11. *(vi)* ***звонить*** *(al timbre)*
12. *(vi)* ***взывать*** *(poesía)*

llamarse *Verb*
• 1. (refl, + sujeto animado, copulativo) **звать**
• 2. (refl, copulativo) **называться**
• 3. (refl) **называться**

llano *Adjective*
• 1. **плоский**
• 2. **простой**

maestre de campo *m, Noun*
• 1. **командир**
• 2. **маэстро-де-кампо**

magnificiencia *f, Noun*
• 1. **щедрость**

majestad *f, Noun*
• 1. **величество**

Manco *m, Noun*
• 1. **Манко**

mandamiento *m, Noun*
• 1. **распоряжение**
• 2. **заповедь** (rel)

mandar *Verb*
• 1. (vt) **посылать**
• 2. (vi) **властвовать**
• 3. (+ inf.) **приказывать**
• 4. (+ inf., + prep. PARA) **посылать**
• 5. (+ inf., + prep. A) **посылать**
• 6. (+ que, + prep. A + algn) **приказывать**

mandato *m, Noun*
• 1. **распоряжение** (mandamiento)
• 2. **мандат**
• 3. **срок полномочий** (período)
4. ***полномочия*** *(pol)*

manecita *f, Noun*
• 1. **маленькая рука**

manita *f, Noun*

• 1. **ручка**

mar del Sur *f, Noun*
• 1. **Тихий океан**

mar Occeano *f, Noun*
• 1. **Атлантический океан**

Marcahuasi *m, Noun*
• 1. **Маркаваси**

marinero *Adjective*
• 1. **морской**
• 2. **годный для морского плавания**

MARTIN *m, Noun*
• 1. **Мартин**

mas *Adverb*
• 1. **но**

más *Determinative*
• 1. **большее количество** (más leche)
• 2. **больше** (cantidad)
• 3. **больший** (más inteligencia)
• 4. **больше** (cantidad)

matar *Verb*
• 1. (vt) **убивать**
2. *(vt)* ***поражать*** *(dejar pasmado)*
3. *(vt)* ***утолять*** *(satisfacer: sed)*
4. *(vt)* ***приглушать*** *(satisfacer: hambre)*
5. *(vt)* ***погасить*** *(inutilizar-sello)*
6. *(vt)* ***закруглять*** *(limar-esquina)*
7. *(vt)* ***смягчать*** *(suavizar-color)*
8. *(vt)* ***гасить*** *(cigarrillo)*
9. *(vt)* ***проваливать*** *(asunto)*

matarse *Verb*
• 1. (refl) **убивать себя**
2. *(refl)* ***погибнуть*** *(perecer)*
3. *(refl)* ***сокрушаться*** *(fig)*

MATIENZO *m, Noun*
• 1. **Матьенсо**

Matienzo *m, Noun*
• 1. **Матьенсо**

media *f, Noun*
• 1. **средний показатель**
• 2. **чулок** (vest)

Medievistica *f, Noun*
• 1. **Средние Века**

Meló *m, Noun*
• 1. **Мело**

memoria *f, Noun*
• 1. **воспоминание**
• 2. **память** (facultad mental)

mencionar *Verb*
• 1. (vt) **упоминать** (referir)

menester *m, Noun*
• 1. **необходимость** (necesidad)
• 2. **дело**
• 3. (plural) **занятие** (actividades)

méno *Adjective*
• 1. **меньший**

meseta *f, Noun*
• 1. **плоскогорье** (geo)
• 2. **лестничная площадка**

mesmo *Adjective*
• 1. **тот же**
• 2. **сам**

México *m, Noun*
• 1. **Мехико** (geo)
• 2. **Мексика** (geo)

mill *m, Noun*
• 1. **тысяч**

mise en couleur *m, Noun*
• 1. **окраска**

mita *f, Noun*
• 1. **мита**

mitimaes *m, Noun*
• 1. **митимаи**

modo *m, Noun*
• 1. (plural) **способ**
• 2. **способ**
• 3. (plural) **манера**
• 4. (+ inf., + prep. DE) **манера**
• 5. (plural, + inf., + prep. DE) **способ**
6. ***манера*** *(manera)*
7. *(plural)* ***манера*** *(manera)*
8. *(plural)* ***манера*** *(manera)*

molle *m, Noun*
• 1. **молье (Скинус молье)**

monesterio *m, Noun*
• 1. **монастырь**

morder *Verb*
• 1. (vt) **кусать**
• 2. (vt) **укусить**
• 3. (vi) **кусать**
• 4. (vi) **укусить**
5. *(vt)* ***подпиливать*** *(lima)*

morderse *Verb*
• 1. (vt, refl) **кусать себе**

morderá *m, Noun*
• 1. **укусит**

mozo *m, Noun*
• 1. **молодой человек**
• 2. **официант** (restaurante)

mucho *Determinative*
• 1. **много** (cantidad)
• 2. **большое количество** (mucha leche)
• 3. **большой** (mucha inteligencia)
• 4. **много** (cantidad)
• 5. **многий** (muchos colegas)
• 6. **очень** (adverbio)

muda *f, Noun*
• 1. **изменение**
• 2. **комплект белья**
3. ***линька*** *(anim)*

muger *m, Noun*
• 1. **жена**

multiplicar *Verb*
• 1. (vt) **возросло**

multiplicativo *Adjective*
• 1. **сложения**

muy alto y poderoso se• or *m, Noun*
• 1. **высочайший и влиятельнейший сеньор**

naide *m, Noun*
• 1. **никто**

Ñapól *f, Noun*
• 1. **Неаполь**

natural *m, Noun*
• 1. (masc) **местный житель**
• 2. (fem) **уроженка** (ciudadana)
3. *(masc)* ***натура*** *(carácter)*

nenguno *m, Noun*
• 1. **никто**

neogranadino *Adjective*
• 1. **новогранадский**

nombrado *Adjective*
• 1. **названный** (relativo)
• 2. **известный** (relativo)

Nota *f, Noun*
• 1. **замечание**

notablemente *Adverb*
• 1. **значительно** (modo)
• 2. **броско**

nublado *m, Noun*
• 1. **беда**
• 2. **несчастье**

ñudo *m, Noun*

• 1. **узел**

Ocllo *m, Noun*
• 1. **Окльо**

oficial *m, Noun*
• 1. **чиновник**
• 2. **офицер**

oficio *m, Noun*
• 1. **профессия** (trabajo)
• 2. **офис**
3. ***занятие*** *(empleo)*
4. ***богослужение*** *(iglesia)*

oír *Verb*
• 1. (vt) **слышать**
• 2. (vt) **услышать**
• 3. (vi) **слышать**
• 4. (vi) **услышать**
• 5. (impersonal) **быть слышно**
6. *(vt)* ***внимать*** *(atender)*

op. cit. *Adverb*
• 1. **там же**

orden *m, f, Noun*
• 1. (masc) **порядок**
• 2. (fem) **приказ**
3. *(fem)* ***последовательность*** *(mat)*
4. *(fem)* ***ордер*** *(policía)*

orejón *m, Noun*
• 1. **орехон**
• 2. **ломтик сушеных персиков**

Orellana *f, Noun*
• 1. **Орельяна**

Oronico *m, Noun*
• 1. **Ориноко**

oropimente *m, Noun*
• 1. **минерал ауропигмент**

osadamente *Adverb*
• 1. **необдуманно**
• 2. **смело** (manera)

osequia *f, Noun*
• 1. **дар**

otra cosa extra• a digna de ser sabida *f, Noun*
• 1. **другие достойные упоминания вещь**

Oydor *m, Noun*
• 1. **оидор**
• 2. **судья**

pabellón *m, Noun*
• 1. **павильон** (edific)
• 2. **флаг** (bandera)
3. ***наружное ухо*** *(med)*

4. ***гюйс*** *(náut)*

palude *m, Noun*
- 1. **озеро**
- 2. **топь**
- 3. **болото**

PANDO *m, Noun*
- 1. **Пандо**

papel *m, Noun*
- 1. **бумага**

paquetitos *m, Noun*
- 1. **пакетики**

parcialidad *f, Noun*
- 1. **община**
- 2. **родов**
- 3. **объединение**
- 4. **группа**

partida *f, Noun*
- 1. **партия** (com)
- 2. **игра**
- 3. **запись**

4. ***статья*** *(contabilidad)*
5. ***отбытие*** *(salida)*

partir *Verb*
- 1. (vt) **делить**
- 2. (vt) **разделить**
- 3. (vt) **отбывать**
- 4. (vi) **уезжать**
- 5. (vi, + prep. DE) **исходить**

6. *(vt)* ***разбивать*** *(romper)*
7. *(vt)* ***снимать*** *(naipes)*
8. *(vt)* ***расстраивать*** *(planes)*

partirse *Verb*
- 1. (refl) **разорваться**

pasar *Verb*
- 1. (vt) **проводить**
- 2. (vt) **перемещать** (trasladar)
- 3. (vt) **происходить**
- 4. (vi) **происходить**
- 5. (vi, + prep. DE) **переходить**
- 6. (vi, + prep. A) **переходить**
- 7. (+ inf., + prep. A) **переходить к**
- 8. (vi, + prep. POR) **проходить**
- 9. (vi, copulativo, + prep. POR) **сойти**

10. *(vi)* ***входить*** *(entrar)*
11. *(vi)* ***заканчиваться*** *(cesar)*
12. *(vi)* ***переходить*** *(límite)*
13. *(vt)* ***пересекать*** *(cruzar)*
14. *(vt)* ***опережать*** *(aventajar,adelantar)*
15. *(vt)* ***допускать*** *(tolerar)*
16. *(vt)* ***показывать*** *(proyectar)*
17. *(vt)* ***передавать*** *(dar)*

pasarse *Verb*
- 1. (refl) **проходить**

• 2. (refl, + prep. A) **переходить**
• 3. (refl, + prep. SIN) **обходиться**

passan *m, Noun*
• 1. **проводят**

Paullo *m, Noun*
• 1. **Паульу**

pegar *Verb*
• 1. (vi) **соприкасаться**
• 2. (vt) **приклеивать**
• 3. (vi) **вспыхивать** (quemarse)
• 4. (vt, + objeto animado) **бить**
• 5. (vt, + objeto animado) **побить**
6. *(vt)* ***сшивать*** *(coser)*
7. *(vt)* ***приближать*** *(acercar)*
8. *(vt)* ***интегрировать*** *(inform)*

pena *f, Noun*
• 1. **приговор** (opin)
• 2. **горе** (sent)
3. ***наказание*** *(castigo)*
4. ***страдание*** *(pesar)*

peñol *m, Noun*
• 1. **скала**

perder *Verb*
• 1. (vt) **терять**
• 2. (vt) **потерять**
• 3. (vt, sustantivo verbal) **потеря**
4. *(vt)* ***растрачивать*** *(malgastar)*
5. *(vt)* ***опаздывать*** *(tren)*
6. *(vi)* ***ухудшаться*** *(empeorar)*

perderse *Verb*
• 1. (refl) **потеряться** (extraviarse)
2. *(refl)* ***запутываться*** *(confundirse)*
3. *(refl)* ***исчезать*** *(desaparecer)*
4. *(refl)* ***терпеть крушение*** *(barco)*

peregrinaje *m, Noun*
• 1. **странствование**

persecutor *m, Noun*
• 1. **гонитель**

Persio *m, Noun*
• 1. **Персия**

pertenencia *f, Noun*
• 1. **принадлежность** (afiliación)
• 2. **собственность** (propiedad)
3. ***имущество*** *(bienes)*

pescadillos *m, Noun*
• 1. **мальки мерлана (рыба мерлуза)**

peso *m, Noun*
• 1. (plural) **песо**
• 2. **вес**
• 3. (plural) **вес**

4. ***груз*** *(responsabilidad)*
5. *(plural)* ***груз*** *(responsabilidad)*

piedrecilla *f, Noun*
• 1. **камушек**

piedrecita *f, Noun*
• 1. **камушек**

Pilatos *m, Noun*
• 1. **Пилат**

Pilcozuni *m, Noun*
• 1. **Пилькосуни**

pincelito *m, Noun*
• 1. **кисточка**

pipa *f, Noun*
• 1. **трубка** (fumar)
• 2. **бочонок**
3. ***хогсхед*** *(medidas-pesos)*

Pirú *m, Noun*
• 1. **Пиру**

pizarrista *m, Noun*
• 1. **сторонник Писарро**

placer *Verb*
• 1. (vi) **нравиться**

planta *f, Noun*
• 1. **растение**
• 2. **этаж** (edif)
3. ***фундамент*** *(arquit)*
4. ***подошва*** *(anat)*

pliegue *m, Noun*
• 1. **складка**
• 2. **сгиб** (papel)
3. ***стрелка*** *(planchado)*

plomo *m, Noun*
• 1. **свинец**
• 2. **пуля**
3. ***отвес*** *(construc)*
4. ***грузило*** *(dep)*

plugar *Verb*
• 1. (vi) **нравиться**

pluma *f, Noun*
• 1. **перо**

poco a poco *Adverb*
• 1. **постепенно** (modo)
• 2. **понемногу** (modo)

pompa *f, Noun*
• 1. **пышность**
• 2. **великолепие**
• 3. **помпа**

ponderación *f, Noun*
• 1. **обдумывание** (cuidado)
• 2. **взвешивание**
3. ***возвеличивание*** *(exageración)*

Popayán *m, Noun*
• 1. **Попаян**

popular *Adjective*
• 1. **народный** (calificativo)
• 2. **популярный** (calificativo)

por general de *Adverb*
• 1. **(служить) под началом (губернатора)**

por verlo mÑjor *Adverb*
• 1. **чтобы лучше это разузнать**

postulación *f, Noun*
• 1. **постулирование**
• 2. **прошение**

Potosí *m, Noun*
• 1. **Потоси**

pp *m, Noun*
• 1. **стр**

precisamente *Adverb*
• 1. **именно** (exactamente)
• 2. **точно** (modo)

preminencia *f, Noun*
• 1. **превосходство**

prencipal *f, Noun*
• 1. **знать** (íà÷àëüíèêè, ãëàâû)

prender *Verb*
• 1. (vt) **хватать** (agarrar)
• 2. (vi) **приниматься**
3. *(vt)* ***арестовывать*** *(arrestar)*
4. *(vt)* ***скреплять*** *(sujetar)*
5. *(vt)* ***сколоть*** *(con agujas)*
6. *(vt)* ***зажигать*** *(luz-fuego)*
7. *(vi)* ***прижиться*** *(arraigar)*
8. *(vi)* ***понести*** *(quedar emparazada)*
9. *(vt)* ***зажигать*** *(fuego)*

prenderse *Verb*
• 1. (refl) **приниматься**

presa *f, Noun*
• 1. **добыча**
• 2. **задержанный** (der)
3. ***дамба*** *(dique)*
4. ***плотина*** *(río)*

presente *Adjective*
• 1. **настоящий** (calificativo)
• 2. **присутствующий** (calificativo)

presente *m, Noun*
• 1. **настоящее время** (tiempo)
• 2. **подарок**

presunción *f, Noun*
• 1. **самодовольство** (comport)
• 2. **предположение**

pretender *Verb*
• 1. (+ que) **стремиться**
• 2. (vi) **стремиться**
• 3. (vt) **стремиться**
• 4. (vi, + inf.) **стремиться к**
• 5. (+ que) **добиваться**
• 6. (vi, + inf., impersonal) **иметься намерение**
7. *(vt)* ***ухаживать*** *(cortejar)*

priesa *f, Noun*
• 1. **быстрота**

primamente *Adverb*
• 1. **во-первых**

primitivo *Adjective*
• 1. **изначальный**
• 2. **примитивный**
3. ***дикий*** *(bárbaro)*

principio *m, Noun*
• 1. **начало**
• 2. **принцип**
3. ***постулат*** *(norma)*
4. ***отправная точка*** *(idea)*
5. *(plural)* ***основы*** *(fundamentos)*

producir *Verb*
• 1. (vt) **производить**
2. *(vt)* ***вызывать*** *(causar)*
3. *(vt)* ***приносить*** *(cosecha)*

producirse *Verb*
• 1. (refl) **быть произведенным**
• 2. (refl) **случаться**
• 3. (refl, + prep. A + algn) **происходить**

profesar *Verb*
• 1. (vt) **преподавать** (enseñar)
• 2. (vt) **заниматься** (profesión)
3. *(vt)* ***исповедовать*** *(creencia, religión)*
4. *(vt)* ***испытывать*** *(sentimiento)*

pronunciar *Verb*
• 1. (vt) **произносить**

pronunciarse *Verb*
• 1. (refl) **высказываться**
2. *(refl)* ***становиться более ощутимым*** *(intensificarse)*

propio *Adjective*
• 1. **собственный**
• 2. **свойственный**
• 3. **сам**
• 4. **собственный**

• 5. (+ prep. DE) **свойственный**
6. ***прямой*** *(leng)*

protestar *Verb*
• 1. (vt) **воспротивиться**
• 2. (vt) **опротестовать**
• 3. (vi) **протестовать**
• 4. (+ inf.) **противиться**
5. *(vi)* ***заявлять возражение*** *(jur)*
6. *(vi)* ***жаловаться*** *(refunfuñar)*

proveido *Adverb*
• 1. **снабжаемый**
• 2. **обеспечено**

proveimiento *m, Noun*
• 1. **обеспечение**
• 2. **снабжение**

pseudo *Adverb*
• 1. **псевдо**

publicar *Verb*
• 1. (vt) **печатать** (verbo de discurso)
• 2. (vt) **напечатать** (verbo de discurso)
• 3. (impersonal) **публиковаться**
4. *(vt)* ***разглашать*** *(secreto)*

Pucará *m, Noun*
• 1. **Пукара**

pues *Subordinative conjunction*
• 1. **так как** (razón)
2. ***раз уж*** *(ya que)*

punta *f, Noun*
• 1. **лучший игрок**
• 2. **мыс**

que *Pronoun*
• 1. **который** (relativo)

queriendoaber *Verb*
• 1. (vt) **желая**

quicunce *Adjective*
• 1. **пятичленный**

quincunce *m, Noun*
• 1. **пятерка в домино**

quinua *f, Noun*
• 1. **киноа**

quipo *m, Noun*
• 1. **кипо**

quipocamayo *m, Noun*
• 1. **кипукамайок**

Quipucamayo *m, Noun*
• 1. **кипукамайок**

Quipucamayos *m, Noun*
• 1. **кипукамайоки**

qurecristalización *f, Noun*
• 1. **кюре-кристализации**

raciocinacion *m, Noun*
• 1. **размышление**

radiar *Verb*
• 1. (vt) **вычеркивать**
• 2. (vt) **передавать** (retransmitir)
• 3. (vi) **испускать лучи**
• 4. (vi, sustantivo verbal) **испускание лучей**
5. *(vt)* ***излучать*** *(irradiar)*
6. *(vt)* ***просвечивать рентгеновскими лучами*** *(med)*

ramicos *m, Noun*
• 1. **веточки**

ranchear *Verb*
• 1. (vi) **грабить**

rancor *m, Noun*
• 1. **злоба**

Rangalla *f, Noun*
• 1. **Рангалья**

raro *Adjective*
• 1. **редкий**
• 2. **странный**
• 3. (impersonal) **странный**
4. ***эксцентричный*** *(comport)*
5. ***чудной*** *(pers)*

razón *f, Noun*
• 1. **причина** (causa)
• 2. **разум**
• 3. (+ que, + prep. DE) **причина**
4. ***основание*** *(importancia)*
5. ***соотношение*** *(proporción)*

real *Adjective*
• 1. **королевский**
• 2. **реальный**

real *m, Noun*
• 1. **лагерь**

realeza *f, Noun*
• 1. **королевская семья** (casa real)
• 2. **королевское достоинство** (abstracto)

recebí *m, Noun*
• 1. **получил**

recebimiento *m, Noun*
• 1. **прием**

recebir *Verb*
• 1. (vt) **получать**

rechazar *Verb*
• 1. (vt) **отражать**

recogedor *m, Noun*
• 1. **сборщик**
• 2. **совок для мусора** (limpieza)

recoger *Verb*
• 1. (vt) **собирать** (juntar)
• 2. (vt) **подбирать**
3. *(vt)* ***собирать*** *(cosecha)*
4. *(vt)* ***срывать*** *(fruta)*
5. *(vt)* ***приберегать*** *(guardar)*
6. *(vt)* ***приостанавливать*** *(suspender)*
7. *(vt)* ***раздвигать*** *(cortinas)*
8. *(vt)* ***давать приют*** *(dar asilo)*
9. *(vt)* ***убирать*** *(ordenar)*
10. *(vt)* ***вытирать*** *(polvo)*
11. *(vt)* ***засучивать*** *(remangar)*
12. *(vt)* ***укорачивать*** *(cost)*

recogerse *Verb*
• 1. (refl) **уединяться** (para meditar)
• 2. (refl) **идти домой** (irse a casa)
3. *(refl)* ***идти спать*** *(irse a dormir)*

reconocimiento *m, Noun*
• 1. **признание**
• 2. **понимание**
3. ***узнавание*** *(fama)*
4. ***разведка*** *(mil)*
5. ***признательность*** *(agradecimiento)*

referencia *f, Noun*
• 1. **ссылка** (relación)
• 2. **отношение** (relación)
• 3. (+ prep. A) **ссылка**

referir *Verb*
• 1. (vt) **передавать**
• 2. **говорить**
• 3. (+ que) **сказать**
• 4. (vt, pasivo) **относиться**
• 5. (vt, pasivo, + prep. A) **относиться**
6. *(vt)* ***выражать*** *(expresar)*
7. *(vt)* ***относить*** *(remitir)*
8. *(vt)* ***направлять*** *(situar)*

referirse *Verb*
• 1. (refl, + sujeto animado, + prep. A) **иметь в виду**
• 2. (refl, + prep. A) **относиться**
• 3. (refl) **относиться**
• 4. (refl, + inf., + prep. A) **иметь в виду**

reflexión *f, Noun*
• 1. **обдумывание** (problema)
• 2. **отражение**
3. ***размышление*** *(decis)*

reinar *Verb*
• 1. (vi) **править**
2. *(vi)* ***преобладать*** *(prevalecer)*

reino *m, Noun*
• 1. **королевство**
• 2. **царство**
3. ***королевство*** *(pol)*

rejalgar *m, Noun*
• 1. **реальгар**

relación *f, Noun*
• 1. **доклад**
• 2. **сообщение**
• 3. **связь**
• 4. **отношение** (conexión)
5. ***взаимосвязь*** *(correlación)*

remanecer *Verb*
• 1. (vt) **снова появляться**

remitir *Verb*
• 1. (vt) **предоставлять на усмотрение**
• 2. (vt) **ослабевать**
3. *(vt)* ***отсылать*** *(referir)*
4. *(vt)* ***отпускать*** *(rel)*
5. *(vt)* ***откладывать*** *(aplazar)*
6. *(vt)* ***цедировать*** *(jur)*
7. *(vt)* ***уменьшать*** *(ceder)*
8. *(vt)* ***отсылать*** *(referir)*
9. *(vt)* ***отпускать*** *(rel)*
10. *(vt)* ***откладывать*** *(aplazar)*
11. *(vt)* ***цедировать*** *(jur)*
12. *(vt)* ***уменьшать*** *(ceder)*
13. *(vt)* ***ослабевать***

remitirse *Verb*
1. *(refl)* ***ослабевать***
2. *(refl)* ***ослабевать***

república *f, Noun*
• 1. **республика** (geo)
• 2. **государство**

rescibiesenaber *Verb*
• 1. (vt) **приняли**

retirar *Verb*
• 1. (vt) **забирать**
• 2. (vt, + objeto animado) **отзывать** (jubilar)
• 3. (vt, + prep. DE) **исключать**
4. *(vt)* ***убирать*** *(apartar)*
5. *(vt)* ***брать назад*** *(algo dicho)*

retirarse *Verb*
• 1. (refl, + sujeto animado) **уходить** (irse a descansar, jubilarse)
• 2. (refl) **быть исключенным**
3. *(refl)* ***удаляться*** *(apartarse)*
4. *(refl)* ***уходить в отставку*** *(mil)*
5. *(refl)* ***уединяться*** *(apartarse del mundo)*

retro *m, Noun*
• 1. **задняя часть**

rogar *Verb*
• 1. (vt) **просить** (pedir)

• 2. (vt) **попросить** (pedir)
• 3. (vt) **умолять** (implorar)
• 4. (vi) **просить** (pedir)
• 5. (vi) **попросить** (pedir)
• 6. (vt, + inf.) **просить**
• 7. (vt, + inf.) **попросить**
• 8. (vt, + que, + prep. A + algn) **просить** (pedir)
• 9. (vt, + que, + prep. A + algn) **попросить**
• 10. (vt, + que) **просить**
11. *(vt)* ***молиться*** *(rel)*

romana *f, Noun*
• 1. **безмен** (peso)
• 2. **римлянка**

sabia letra *f, Noun*
• 1. **мудрое слово**

sacralidad *f, Noun*
• 1. **сакральность**

sacrificadoro *Adjective*
• 1. **жертвенный**

salida *f, Noun*
• 1. **выход**
• 2. **отправление** (acción)
3. ***старт*** *(lug)*
4. ***устройство вывода*** *(proceso de datos)*

Saquisahuana *f, Noun*
• 1. **Сакисавана**

secundario *Adjective*
• 1. **второстепенный**
• 2. **средний** (educ)
3. ***незначительный*** *(importancia)*
4. ***необязательный*** *(innecesario)*

según *Preposition*
• 1. **согласно**

seguro *Adjective*
• 1. **безопасный**
• 2. **несомненный**
• 3. (+ prep. DE) **уверенный**
• 4. (+ prep. EN) **уверенный**
• 5. (impersonal) **конечно**

señor natural *m, Noun*
• 1. **местный правитель**

señores naturales *m, Noun*
• 1. **местные правители**

separar *Verb*
• 1. (vt) **отделять**
2. *(vt)* ***откладывать*** *(guardar aparte)*
3. *(vt)* ***отодвигать*** *(apartar)*
4. *(vt)* ***смещать*** *(de cargo)*

separarse *Verb*
• 1. (refl) **отделяться**

• 2. (refl, + sujeto animado) **разводиться**
3. *(refl)* ***отодвигаться*** *(apartarse)*

ser *Verb*
• 1. (vi) **быть**
• 2. (+ que) **состоять**
• 3. (+ inf., + prep. DE) **состоять**
• 4. (+ inf.) **состоять**
5. *(vi)* ***принадлежать*** *(pertenecer)*
6. *(vi)* ***состоять в*** *(consistir en)*
7. *(vi)* ***случаться*** *(suceder)*
8. *(vi)* ***происходить*** *(tener lugar)*

servicio *m, Noun*
• 1. (plural) **услуга**
• 2. **служба**
• 3. (plural) **служба**
4. ***удобства*** *(conveniencia)*
5. ***сервис*** *(restaurante)*

servidor *m, Noun*
• 1. **слуга**
• 2. **сервер** (der)

servir *Verb*
• 1. (vt) **служить**
• 2. (vt) **помогать** (ayudar)
• 3. (vt) **подавать**
• 4. (vt) **сервировать** (comida)
• 5. (vi) **служить**
• 6. (vi, + prep. A + algn, + prep. DE) **служить**
• 7. (vi, + prep. A + algn) **помогать** (ayudar)
• 8. (+ inf., impersonal) **стоить**
• 9. (vi, copulativo) **служить**
• 10. (+ inf., + prep. PARA) **служить**
• 11. (vt) **сервировать** (comida)
• 12. (vt) **стоить**
13. *(vt)* ***помогать*** *(ayudar)*
14. *(vt)* ***поставлять*** *(entregar)*
15. *(vi)* ***годиться*** *(ser útil)*
16. *(vi)* ***прислуживать*** *(estar al servicio de otro)*
17. *(vt)* ***поставлять*** *(entregar)*
18. *(vt)* ***годиться*** *(ser útil)*
19. *(vt)* ***прислуживать*** *(estar al servicio de otro)*

servirse *Verb*
• 1. (refl) **пользоваться**
• 2. (refl) **подаваться**
• 3. (refl, + prep. DE) **пользоваться**
• 4. (refl) **подаваться**
5. *(refl)* ***пользоваться*** *(usar)*
6. *(refl, + inf.)* ***быть добрым***
7. *(refl)* ***пользоваться*** *(usar)*
8. *(refl)* ***быть добрым***

sexo *m, Noun*
• 1. (singular) **пол**
• 2. (plural) **пол**
• 3. (singular) **секс**
4. ***половой орган*** *(órganos)*

sic *Adverb*
• 1. **вот**

sin mezcla de cosa siniestra *Adverb*
• 1. **не смешивая грешное с праведным**

sin parar *Adverb*
• 1. **немедленно** (modo)
• 2. **беспрестанно**

sin querer *Adverb*
• 1. **случайно** (modo)
• 2. **нечаянно** (modo)

sinistrorso *Adjective*
• 1. **заплетенные влево**

so color *Adverb*
• 1. **под предлогом**

solapa *f, Noun*
• 1. **клапан суперобложки**

solene *Adjective*
• 1. **пышный**

Sotelo *m, Noun*
• 1. **Сотело**

sotilmente *Adverb*
• 1. **тонко**

súdito *Adjective*
• 1. **подданный**

suegra *f, Noun*
• 1. **свекровь** (persona)
• 2. **теща** (persona)

superior *Adjective*
• 1. **больше**
• 2. **верхний**
• 3. (+ prep. A) **превышающий**

sutil *Adjective*
• 1. **тонкий**
• 2. **хитроумный**
3. ***легкий*** *(tejidos)*

tambo *m, Noun*
• 1. **постоялый двор**

tambos *m, Noun*
• 1. **постоялые дворы**

tanto *Determinative*
• 1. **столько** (cantidad)
• 2. **такое количество** (tanta leche)
• 3. **такой** (tanta inteligencia)
• 4. **столько** (cantidad)
• 5. **столькій** (después de una preposición)
• 6. **столько** (cantidad)

tapa *f, Noun*
• 1. **крышка**

• 2. **закуска** (comida)
3. ***пробка*** *(botella)*

tawantinsuyu *m, Noun*
• 1. **Тавантинсуйу**

técnica *f, Noun*
• 1. **технология** (tecnología)
• 2. **техника**
3. ***умение*** *(arte)*
4. ***техник*** *(persona)*

templado *Adjective*
• 1. **сдержанный**
• 2. **твердый**
3. ***умеренный*** *(clima)*
4. ***мужественный*** *(comport)*

teñir *Verb*
• 1. (vt) **красить**
• 2. (vt) **покрасить**
3. *(vt)* ***ослаблять*** *(rebajar un color)*
4. *(vt)* ***морить*** *(ventana)*
5. *(vt)* ***травить*** *(vidrio, madera)*
6. *(vt)* ***смягчать*** *(pintura)*

término *m, Noun*
• 1. **конец**
• 2. **термин**
3. ***конечный пункт*** *(vías férr)*

tiempo *m, Noun*
• 1. **время** (temporal)
• 2. **погода** (meteor)

Tierra Firme *f, Noun*
• 1. **Тьерра-Фирме**
• 2. **материк**

tijeras *f, Noun*
• 1. (plural) **ножницы** (herramientas)
• 2. (plural) **козлы**

tiradera *f, Noun*
• 1. **индейская стрела**

tirar *Verb*
• 1. (vt) **бросать** (echar)
• 2. (vi) **бросать**
• 3. (vt) **стрелять**
• 4. (vt) **выстрелить**
5. *(vt)* ***ронять*** *(dejar caer)*
6. *(vt)* ***уронить*** *(dejar caer)*
7. *(vt)* ***сбрасывать*** *(derribar)*
8. *(vt)* ***сносить*** *(casa)*
9. *(vt)* ***проливать*** *(derramar)*
10. *(vt)* ***натягивать*** *(estirar)*
11. *(vt)* ***печатать*** *(imprimir)*
12. *(vt)* ***напечатать*** *(imprimir)*
13. *(vt)* ***проводить*** *(línea)*
14. *(vt)* ***запускать*** *(cohete)*
15. *(vt)* ***посылать*** *(beso)*
16. *(vt)* ***бросать на ветер*** *(malgastar)*

17. *(vi)* ***тащить*** *(carro)*
18. *(vi)* ***привлекать*** *(atraer)*
19. *(vi)* ***работать*** *(funcionar)*
20. *(vi)* ***служить*** *(durar)*
21. *(vi)* ***стремиться*** *(tender)*
22. *(vi)* ***идти*** *(ir)*
23. *(vi)* ***стрелять*** *(disparar)*
24. *(vi)* ***выстрелить*** *(disparar)*

tirarse *Verb*
• 1. (refl) **бросаться**

TITU *m, Noun*
• 1. **Титу**

Titu *m, Noun*
• 1. **Титу**

todo el mundo *Pronoun*
• 1. **весь мир**
• 2. **все** (indefinido)

tomar *Verb*
• 1. (vt) **брать**
• 2. (vt) **взять**
• 3. (vi) **направить**
• 4. (vt, copulativo) **принимать**
5. *(vt)* ***пить*** *(beber)*
6. *(vt)* ***выпить*** *(beber)*
7. *(vt)* ***ехать*** *(autobús)*
8. *(vt)* ***поехать*** *(autobús)*
9. *(vt)* ***покупать*** *(comprar)*
10. *(vt)* ***нанимать*** *(contratar)*
11. *(vt)* ***брать внаем*** *(alquilar)*
12. *(vt)* ***захватывать*** *(mil)*

tomarse *Verb*
• 1. (refl) **брать**
• 2. (refl) **взять**
3. *(refl)* ***пить*** *(beber)*
4. *(refl)* ***выпить*** *(beber)*
5. *(refl)* ***есть*** *(comer)*
6. *(refl)* ***съесть*** *(comer)*

tomín *m, Noun*
• 1. **томин (серебряная монета)**

Tordoya *f, Noun*
• 1. **Тордойя**

tornar *Verb*
• 1. (vt) **вернуть** (devolver)
• 2. (vt) **возвращать** (devolver)
• 3. (vt) **менять** (cambiar)
• 4. (vt) **поменять** (cambiar)
• 5. (vi) **возвращаться** (regresar)
• 6. (vi) **вернуться** (regresar)
7. *(vt)* ***изменять*** *(mudar)*

tornarse *Verb*
• 1. (refl) **возвращаться** (regresar)
• 2. (refl) **вернуться** (regresar)
• 3. (refl, copulativo) **становиться**

tortera *f, Noun*
• 1. **противень**

tostado *Adjective*
• 1. **поджаренный**
• 2. **смуглый**

traer *Verb*
• 1. (vt) **приносить**
2. *(vt)* ***носить с собой*** *(llevar consigo)*
3. *(vt)* ***носить*** *(vestir)*
4. *(vt)* ***тянуть*** *(traer hacia sí)*
5. *(vt)* ***вызывать*** *(causar)*
6. *(vt)* ***содержать*** *(llevar noticias)*

Trama *f, Noun*
• 1. **соединения**

trayecto *m, Noun*
• 1. **дорога** (camino)
• 2. **траектория**
3. ***поездка*** *(viaje)*
4. ***расстояние*** *(distancia)*

trompeta *f, Noun*
• 1. **горн**
• 2. **попойка**

trucidar *Verb*
• 1. (vt) **зверски убить**

trucidarteaber *Verb*
• 1. (vt) **зверски убить тебя**

tubérculo *m, Noun*
• 1. **клубень** (bot)
• 2. **бугорок** (med)

tyran rebelde *m, Noun*
• 1. **восставший тиран**

unidad *f, Noun*
• 1. **единица**
• 2. **единство** (abstr)
• 3. (plural) **единица**
4. ***единение*** *(sent)*

unido *Adjective*
• 1. **объединенный**
• 2. **дружный**
3. ***ассоциированный*** *(asociado)*
4. ***коллективный*** *(esfuerzo)*

Úrcos *m, Noun*
• 1. **Уркос**

utilidad *f, Noun*
• 1. **польза**

vecino *Adjective*
• 1. **соседний**
• 2. **схожий**

• 3. (+ prep. A) **соседствующий**

vecino *m, Noun*
• 1. **житель**
• 2. **сосед** (persona)

veedor *m, Noun*
• 1. **веедор**

vegetal *Adjective*
• 1. **растительный**
• 2. **растущий**

vehiculante *m, Noun*
• 1. **подвижного**

vela *f, Noun*
• 1. **парус** (náut)
• 2. **свеча** (iluminación)
3. ***бодрствование*** *(insomnio)*

velar *Verb*
• 1. (vt) **накрывать** (cubrir con velo)
• 2. (vt) **караулить**
• 3. (vi) **бодрствовать** (no dormir)
• 4. (vi) **охранять**
• 5. (vi, + prep. POR) **следить** (cuidar)
• 6. (+ que, + prep. POR) **следить**
7. *(vt)* ***ухаживать*** *(enfermo)*
8. *(vt)* ***засвечивать*** *(foto)*
9. *(vt)* ***лессировать*** *(pintura)*
10. *(vi)* ***дежурить*** *(hacer guardia)*
11. *(vi)* ***бдеть*** *(rel)*

vencer *Verb*
• 1. (vi) **побеждать** (ganar)
• 2. (vt) **побеждать**
• 3. (vi) **истекать** (plazo)
4. *(vt)* ***одерживать победу*** *(dep)*
5. *(vt)* ***превосходить*** *(exceder)*
6. *(vt)* ***преодолевать*** *(problema)*
7. *(vt)* ***сломать*** *(romper)*
8. *(vt)* ***сгибать*** *(doblar)*
9. *(vi)* ***наступать*** *(fecha)*

ver *Verb*
• 1. (vt) **видеть**
• 2. (vt) **увидеть**
• 3. (vi) **видеть**
• 4. (vt, copulativo) **оказаться**
• 5. (vt, copulativo) **казаться**
• 6. (vt, copulativo) **показаться**
• 7. (impersonal) **быть видно**
• 8. (vt, pasivo) **быть видным**
• 9. (vi, copulativo) **видеть**
10. *(vt)* ***смотреть*** *(televisión)*

verse *Verb*
• 1. (refl) **увидеться**
• 2. (refl) **видеться**
• 3. (refl, copulativo) **оказываться**
4. *(refl)* ***оказываться*** *(en una situación)*

verduzco *Adjective*
• 1. **грязно-зеленый**

verter *Verb*
• 1. (vt) **проливать**

vertiene *m, Noun*
• 1. **имеющий вид**

vestal *f, Noun*
• 1. **весталки**

vestigio *m, Noun*
• 1. (plural) **остатки** (hist)
• 2. **след**
• 3. (plural) **след**

Vilcabamba *f, Noun*
• 1. **Вилькабамба**

villanía *f, Noun*
• 1. **низость**

Viracocha *f, Noun*
• 1. **Виракоча**

virtió *m, Noun*
• 1. **пролил**

viscacha *f, Noun*
• 1. **вискача**

visorrey *m, Noun*
• 1. **вице-король**

vista *f, Noun*
• 1. **вид** (ventana)
• 2. **зрение** (fisiología)
3. ***видение*** *(capacidad)*

Viticos *m, Noun*
• 1. **Витикос**

vitoria *f, Noun*
• 1. **победа**

vocal *m, f, Noun*
• 1. (fem) **гласная**
• 2. (masc) **член собрания с решающим голосом**

voluta *f, Noun*
• 1. **завиток**

Wood *f, Noun*
• 1. **Вуд**

Xauxa *f, Noun*
• 1. **Хауха**

Yucay *m, Noun*
• 1. **Юкай**

yupana *f, Noun*

• 1. **юпана**

YUPANGUI *m, Noun*
• 1. **Юпанги**

Yupangui *m, Noun*
• 1. **Юпанги**

Yupanqui *m, Noun*
• 1. **Юпанки**

Zapana *f, Noun*
• 1. **Сапана**

Самостійне детерміноване мережне електронне
Наукове видання

С. А. Купрієнко

Джерела XVI-XVII століть з історії інків: хроніки, документи, листи

(російською мовою)

за редакцією і в перекладах Сергія Купрієнко

С. А. Куприенко

Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма

под редакцией и в переводах Сергея Куприенко

Коректори
С. А. Купрієнко
В.М. Талах

Формат А4.
Гарнитура Times New Roman, Book Antiqua.

Видавець Купрієнко Сергій Анатолійович.
Україна, м. Київ, вул. Бережанська, 20-56.
Електронна адреса: http://kuprienko.info

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи серія ДК №4482 від 12.02.2013 р.

источники
история
человек

Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма.

ISBN 978-617-7085-03-3

kuprienko.info